

ГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Институт иностранной филологии
Крымское отделение Союза переводчиков России
ГБУК РК «Крымская республиканская
универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко»

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы IV международной научно-практической конференции

*Симферополь
23 – 25 апреля 2020 года*

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2020

УДК 81'25
ББК 81.2–7
П 27

Главный редактор: д. филол. н., доц. М. В. Норец.

Заместитель главного редактора: к. филол. н., доц. М. А. Шевчук-Черногородова.

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. А. Д. Петренко (Симферополь, Россия);
д. филол. н., проф. А. Э. Левицкий (Москва, Россия);
д. филол. н., проф. Т. А. Казакова (Санкт-Петербург, Россия);
д. филол. н., проф. С. А. Кочетова (Горловка, ДНР);
д. филос. н., проф. О. Р. Демидова (Санкт-Петербург, Россия);
д. филол. н., проф. М. А. Новикова (Симферополь, Россия);
д. филол. н., проф. Г. И. Лушникова (Ялта, Россия);
д. филол. н., проф. О. В. Резник (Симферополь, Россия);
д. филол. н., доц. О. А. Джумайло (Ростов-на-Дону, Россия).

П 27 Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы IV международной научно-практической конференции, Симферополь, 23–25 апреля 2020 г. / гл. ред. М. В. Норец. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2020. – 454 с.

ISBN 978-5-907310-30-8

В сборнике представлены статьи по докладам участников IV международной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход», которая проводилась в г. Симферополь 23–25 апреля 2020 г. Рассматриваются актуальные проблемы теории и практики перевода, современного литературоведения, прикладные аспекты и жанровые стратегии перевода, перевод и межкультурная коммуникация, а также вопросы методики преподавания иностранных языков и переводоведческих дисциплин и научно-библиографической деятельности библиотек.

УДК 81'25
ББК 81.2–7

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, достоверность данных, цитат, имен и названий ответственность несут авторы публикаций. Редакция не всегда разделяет взгляды авторов.

ISBN 978-5-907310-30-8

© Коллектив авторов, текст, 2020
© М. А. Шевчук-Черногородова,
верстка, дизайн, 2020
© ИТ «АРИАЛ»,
макет, оформление, 2020

УДК 347.78.034

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНВЕКТИВ
НА ТУРЕЦКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «ВЕДЬМАК»)**

Ф. Р. Асанова,

обучающаяся третьего курса кафедры восточной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

А. Шахин,

кандидат филологических наук; доцент кафедры восточной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию особенностей перевода инвективной лексики англоязычного сериала «Witcher» («Ведьмак») на турецкий и русский языки. При переводе инвективной лексики сериала «Ведьмак» переводчиками используются прямой перевод, поиск семантических соответствий, использование «срединной» части синонимического ряда «бранной» лексики и другие приемы. Авторы приходят к выводу о том, что характер употребления и сложность перевода инвектив связана с различием коммуникативных культур востока и запада.

Ключевые слова: лингвистика, английский язык, русский язык, турецкий язык, перевод, инвективная лексика.

Summary: This article is devoted to the study of the translation features of the invective vocabulary of the TV series «Witcher» into Turkish and Russian. To translate abusive vocabulary, translators use direct translation, search for semantic correspondences, use of the «middle» part of the synonymous series of «abusive» vocabulary. The authors come to conclusion that the nature of use and the difficulty of translating invectives are related to the difference in the communicative cultures of the east and the west.

Keywords: linguistics, English, Russian, Turkish, translation, invective vocabulary.

В каждом языке есть собственный пласт бранной лексики, зачастую несопоставимый с инвективами другого языка и культуры. В. С. Модестов отмечает, что для удачного перевода бранной лексики необходимо знать контекст, языковые тонкости, этнокультурные нюансы [3, с. 273]. Точно почувствовать силу того или иного ругательства способен только носитель языка. Причинами достаточно большого количества инвективных выражений в сериале «Ведьмак» являются атмосфера сериала — неромантическая мрачная сторона Средневековья, отличающаяся всеобщей темнотой, дикими нравами и антисанитарией, а также главные и второстепенные персонажи. Бранные слова реципиент слышит от

представителей всего Континента: от фантастических тварей до высокопоставленных лиц. Перед переводчиками стоит сложная задача, передать характер эпохи, смысл речи героев, при этом не исказить, смягчить или усиливать экспрессивную окраску их высказываний. Мы придерживаемся предложенного В. С. Модестовым определения бранной лексики как «одной из форм материализации эмоций, а также специфического способа установления и разрушения контактов» [3, с. 234]. В данной работе авторы придерживаются его классификации путей решения проблем перевода инвективной лексики.

В восьми эпизодах нам встретились следующие инвективы и производные от них слова: fuck (34), shit (22), damn (10), bloody (4), bastard (4), bullshit (3), bollocks (3), prick (2), dick (1), arsehole (1), horse's arse (1), horseshit (1), twat (1). Мы попытались определить мотивы их употребления и проанализировать способы перевода на русский и турецкие языки.

В эпизоде «Начало конца» фраза «damn it» произносится парнем-подростком во время игры с друзьями на улице. В Cambridge dictionary восклицание «damn (also damn it); (also dammit)» обозначает выражение гнева и помечено как неформальное. Oxford Advanced American Dictionary определяет слово «damn» таким образом: «a swear word that people use to show that they are annoyed, disappointed, etc.» и расценивает как неформальное оскорбительное (пометы «informal» и «offensive»). В русской версии переводчики перевели эту фразу как «не везет», что сводит к минимуму грубый окрас восклицания. Турецкие переводчики прибегли к выражению «kahretsin». Целиком выражение звучит как «Allah kahretsin!». Türkçe-rusça sözlük дает следующее значение: «пусть Аллах покарает!», будучи первым компонентом любого изафета, «Allah» усиливает значение второго компонента. По словарю SesliSozluk «kahretsin» является аналогом «damn it!», однако это не совсем так. В словарной статье из Dünyasözlük находим следующее толкование: «“kahretsin” ünleminin masumu, kızarken affeden, vururken fren yapan bir deyiş», что доказывает то, что переводчик использовал «срединную» часть синонимического ряда бранной лексики что определяет среднюю позицию восклицания «kahretsin» по шкале «бранности». **Выбор «срединной» части синонимического ряда бранной лексики** преобладает практически во всех эпизодах. Обратимся к эпизоду «Гораздо больше». Здесь нам встречается слово «arsehole», которому в русской версии сериала соответствует слово «хамка», а в турецкой версии метафора «baş belası». Cambridge Dictionary определяет данное слово таким образом: «an unpleasant or stupid person» и сопровождает его пометой «UK offensive». В толковом словаре С. И. Ожегова мы видим следующее определение слова «хамка»: «Грубый, наглый человек». Более того, данное слово снабжено пометами «презр.» и «бран». Турецкое же выражение «baş belası» означает «Sürekli rahatsız eden, yük olan, bir kimseye musallat olup

sıkıntı veren ve uzaklaştırılamayan kişi ya da şey» («человек, который постоянно беспокоит, угнетает»). Таким образом, мы видим, что сила инвективы в турецком языке слабее, и, если расценивать по шкале «бранности», то оно близится к нейтральному уровню.

Позже по сюжету игру подростков прерывает приход рыцарей от королевы: «I didn't steal the bread. Korin did! – Quick! Quick! – Hey, shut up, you twat!». Наше внимание привлекает слово «twat», которое согласно словарю Cambridge dictionary означает: «a stupid or unpleasant person» с пометой «offensive». В русской версии слово twat не перевели: используя **метод компенсации**, переводчик опускает инвективу в одном месте, но создает в другом (начале фразы): «Черт! Я не крал хлеб, это все Корин! Заткнись! Быстрее!».

В эпизоде «Предательская луна» девушка легкого поведения жалуется ведьмаку: «Were destiny a kinder bitch, a whore like me wouldn't have to settle for her client's telltales». В Cambridge dictionary находим следующее толкование слова «bitch»: «an unkind or unpleasant woman», с пометой «offensive». Переводчик сохраняет аллгорию и в русском дубляже: «Не будь судьба такой сукой, я б не сидела здесь и не слушала бредни клиентов». А вот в турецкой версии, как в субтитрах, так и в дубляже видим смягчение грубой аллгории: «Yazgıda daha iyi olsa, benim gibi fahişe, müşterinin anlatısıyla yetinmek zorunda kalmazdım»/ «Kader biraz insafli olsaydı, benim gibi bir fahişe müşterilerin derdiyle uğraşmazdı» с помощью приема антонимического перевода («была бы судьба человечней/ благосклонней»).

Прием антонимического перевода также применяется в предложении «Just because you fucked up, doesn't mean we will» при переводе на турецкий язык: «Senin tersine biz bunu başarırız». Слово «fucked up» используется антоним – преуспеть, добиться – «başarırız». Похожий случай наблюдаем в эпизоде «Редкие виды»: «Sir Witcher the White-Haired of Rivia. You'd make a rather shitty one, refusing to slay dragons. But probably not as shitty a one as Sir Eyck of Denesle!» Слово «shitty» в Cambridge Dictionary сопровождается пометой «offensive». Но при переводе на турецкий язык утрачивается всякий налёт грубости и даже разговорности. Переводчик прибегает к приему антонимического перевода, оперируя прилагательными «kotu/iyi» – «плохой/хороший» («iyi bir şövalye olmaz/Ama en azından Denesleli Sör Eyck kadar kötü olmazsın»).

«Поиск семантических соответствий» используется переводчиками 8 раз. Главный герой на протяжении всего сериала часто повторяет ругательство «Fuck». Чтобы не прибегать к прямому переводу в обоих языках, были выбраны слова «Lanet olsun» и «Зараза», которые в словарях имеют пометы (прост. бран.) и не «грязнее и больше бьют по ушам» [2, с. 53]. Приведем еще примеры семантических соответствий: «Prick» –

«pislik» – «придурок»; «bullshit» – «saçmalık» («нелепость») – «брехня»; «bollocks» – «yok artık ya» («ну уж нет») – «да ты гонишь».

Нами был обнаружен один случай **сочинения собственных словоформ** при переводе оригинала: «Destiny helps people believe there's an order to this *horseshit*», который в русском варианте звучит следующим образом: «Предназначение позволяет верить, что в этом *дерьмоворот* есть порядок».

При переводе предложения «I am Torque the Sylvan, a rare and intelligent creature! You're a dick» русский переводчик воспользовался многозначностью слова «козел». Русский реципиент оценил игру слов – Геральт во время драки обзывает козлом Сильвана («Козел ты!»), который внешне и правда похож на это животное. При этом сохраняется вся грубая экспрессивная окраска оригинального выражения: «dick» в Cambridge dictionary обозначает «a stupid man» с пометой «offensive», а «козел» по толковому словарю Т. Ф. Ефремовой также употребляется как «порицающее или бранное слово». В турецком же варианте перевод получился менее удачным, так как «бранного» синонима у keçi (козел) в турецком языке нет, поэтому в дубляже можно услышать: «sen bir belasın» («ты напасть, беда»).

Опущение сквернословия при переводе на турецкий встречаем в сериале 8 раз, что подтверждает факт меньшей терпимости к ним представителей восточной коммуникативной культуры.

При прямом переводе предложения «Looks like we get to fuck up the whole family» на русский язык («Похоже мы расхерачим всю семейку») переводчик использует **грамматические возможности родного языка**: суффикс –ка- придает существительному «семья» пренебрежительный оттенок, выражает личное отношение к данному субъекту.

Прием замены «грязных богохульств» на инвективы той же эмоциональной заряженности и семантической направленности, но другого лексического ряда использован при переводе предложения «Why is it whenever I find myself in a pile of shit these days, – it's you, shoveling it?» на турецкий язык: «Neden tüm belaları arkasında senin yaptığın için çıkıyor?» (досл. «Почему все проблемы возникают из-за тебя?»).

Прием использования эвфемизмов встречаем в 10 переводческих решениях. Например, «I'll leave this to the people who actually *give a shit*.» – «Bunu umrunda insanlara bırakıyorum» – «Пускай этим займутся те, кому не все равно». В обоих случаях происходит замена инвектив на нейтральные по смыслу и эмоциональной «нагрузке» слова. Если русский переводчик перевел предложение «I'm afraid those terms seem rather shit to me» с сохранением инвективы «Боюсь, что на ваши правила мне глубоко насрать», то турецкий переводчик решил прибегнуть к использованию дипломатичного эвфемизма: «ne yazık ki bu kosullar benim için pek uygun»

değil («к сожалению, эти условия мне не подходят»). Еще один пример: метафора «old bag» в предложении «but fuck that old bag» в турецкой версии выглядит совсем иначе, нейтрально: «Ama boşverin o ihtiyar!» («забейте на эту престарелую»). Оскорбительное «bitch» при переводе на турецкий язык смягчается до «негодной» – «yaramaz»: «Oh, you horrible, useless bitch!» – «Seni korkunç ise yaramaz cadı!».

Итак, мы видим, что перевод ненормативной лексики на русский и турецкий языки – это сложный процесс, требующий тщательного анализа и отбора подходящих языковых средств для достижения функционально-стилистического и прагматического соответствия. Для русского зрителя инвективы оригинала при прямом переводе имеют сильную эмоциональную заряженность, поэтому переводчик прибегает к смягчению и иногда изменяет их семантическую направленность. Богатство русского языка позволило переводчикам принять более удачные решения в работе с инвективной лексикой. В турецком переводе наблюдаем частые случаи опущения инвективы, использование эвфемизмов, что определенно мешает реципиенту понять определенное поведение героев, раскрыть характер героев. Стоит также отметить, что речь персонажей в оригинале звучит гораздо более резко, чем в турецкой переводной версии. Предполагаем, что причина использования приемов смягчения инвектив оригинала или их опущение при переводе состоит не только в различии американской коммуникативной культуры от коммуникативной культуры востока, но и как результат цензуры в Турции с целью защиты молодежи и семейных ценностей.

Список использованных источников

1. М. Берди, Д. М. Бузаджи, Д. И. Ермолович, М. А. Загот, В. К. Ланчиков, Р. Палажченко. Киноперевод: мало что от Бога, много чего от Гоблина («Круглый стол» в редакции «Мостов») // Мосты: журнал переводчиков. – 4(8). – 2005. – Калуга: «Р.Валент», 2005. – С. 52–69.
2. Модестов В. И. Художественный перевод: история, теория, практика. М: Издательство литературного института им. А. М. Горького, 2006. 464 с.
3. Сериал «Ведьмак» в оригинале // 123Movies URL: <https://9movies.be/watch-the-witcher-season-1-2019-1080p.40271-full-movies-9movies/watching.html> (дата обращения: 29.01.2020).
4. Сериал «Ведьмак» в турецком дубляже // Film-Dizi URL: <https://www.film-dizi.com/bolum/the-witcher-1-sezon-2-bolum-izle/> (дата обращения: 29.01.2020).
5. Сериал «Ведьмак» в русском дубляже // HDseria.tv URL: <http://hdseria.tv/serialy-2019/150-vedmak-1-sezon.html> (дата обращения: 29.01.2020).
6. Толковый словарь С. И. Ожегова // Академик URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: 29.01.2020).

7. Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой // Академик URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/251464> (дата обращения: 29.01.2020).
8. Толковый словарь Д. Н. Ушакова // Академик URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1046918> (дата обращения: 29.01.2020).
9. Cambridge Dictionary. English Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/?amp=true> (дата обращения: 29.01.2020).
10. Dersimiz.com URL: <https://www.dersimiz.com/deyimler-sozlugu/> (дата обращения: 29.01.2020).
11. Sesli sözlük. URL: <https://www.seslisozluk.net/allah-kahretsin-nedir-nedemek/> (дата обращения: 29.01.2020).
12. TurEng URL: <https://tureng.com/en/turkish-english/bok> (дата обращения: 29.01.2020).
13. Türk Dil Kurumu Sözlükleri URL: <https://sozluk.gov.tr/?kelime=> (дата обращения: 29.01.2020).

УДК 811. 161.2

БЕЗОСОБОВІ РЕЧЕННЯ В ІСТОРИЧНОМУ РОМАНІ ЛІНИ КОСТЕНКО «МАРУСЯ ЧУРАЙ» ТА ЇХНЄ ІНШОМОВНЕ ВІДТВОРЕННЯ

В. П. Ачилова,

*кандидат філологічних наук, доцент кафедри української філології,
факультет слов'янської філології і журналістики, Таврійська
академія (сп), Кримський федеральний університет імені
В. І. Вернадського, Сімферополь*

О. Л. Ачилова,

*кандидат філологічних наук, доцент кафедри міжмовних комунікацій та
журналістики, факультет слов'янської філології і журналістики,
Таврійська академія (сп), Кримський федеральний університет імені
В. І. Вернадського, Сімферополь*

Анотація. У статті здійснено зіставний аналіз односкладних безособових речень в історичному романі Ліни Костенко «Маруся Чурай» та їхнє відтворення в перекладі Лариси Ратич. Методами роботи стали описовий, зіставний, а також метод суцільного вибирання. Головний член безособових речень позначає дію або стан, що мисляться незалежно від активного діяча, такі конструкції є важливим складником художнього тексту. У друготворі виявлено як відповідники-еквіваленти розглянутих безособових речень, так і різноманітні трансформації.

Ключові слова: безособове речення, переклад, еквівалентність перекладу, формальні трансформації, формально-змістові трансформації, прагматичні трансформації, перекладацька деформація.

Summary. The article provides a comparative analysis of single-element impersonal sentences in the historical novel of Lina Kostenko «Marusya Churai» and their adaptation in the translation of Larisa Ratich. Descriptive, comparative methods as well as the continuous sampling method were used in the article. The basic sentence-element of impersonal sentences means an action or condition that is thought independently from the active figure, such constructions are an important component of the artistic text. The translation reveals both correspondences-equivalents of impersonal sentences, as well as various transformations.

Key words: impersonal sentences, translation, translation equivalence, formal transformations, formal-semantic transformations, pragmatic transformations, translation deformation.

Вивчення безособових речень (БР) у зв'язку з осмисленням безособовості загалом, започатковане О. Востоковим в «Русской грамматике» (1831), триває майже два століття. За цей час у мовознавстві накопичено ґрунтовний і водночас суперечливий матеріал, оскільки на різних етапах розвитку лінгвістичної думки тлумачили БР в руслі різноманітних напрямів і підходів (історію вивчення БР у слов'янському мовознавстві див: [2]).

Мета статті – аналіз прийомів перекладу БР в романі Ліни Костенко «Маруся Чурай» [3] російською мовою [4]. Основними роботи стали описовий, зіставний, а також метод суцільного вибирання.

Сюжет історичного роману у віршах «Маруся Чурай» (1979 р.), який розвивається на тлі справжніх подій XVII ст., Ліна Костенко вибудувала навколо легенди про відому українську пісню. Маруся Чурай – національний символ, що передає зміст епохи, одухотворена, творча особистість, яку намагається поглинути дріб'язковий, безжальний буденний світ. 1987 року за цей роман Ліна Костенко була удостоєна Державної премії імені Тараса Шевченка.

Як відомо, безособовим є такий тип односкладного речення, головний член якого називає дію чи стан, що не залежать від активного діяча чи носія стану. Порівняно з односкладними особовими конструкціями БР значно різноманітніші і за граматичною структурою, і за семантикою. В. Виноградов писав, що БР творять «складну і строкату гаму перехідних типів від повної безособовості до особовості удаваної або потенційної [1, с. 329].

Визначальною ознакою граматичної семантики БР є вияв стихійності зображуваної в них дії, тому в цих реченнях і не може бути називного відмінка як вияву активного діяча (носія ознаки). На суб'єкт, що перебуває у певному стані або схильний до виконання певної дії, може вказувати іменник чи займенник у давальному відмінку.

З урахуванням морфологічної природи головного члена БР та їхньої

загальної семантики виділяють декілька різновидів цих речень, однак чіткого розмежування між ними немає. У нашій роботі за основу опису цих односкладних речень використано їхню класифікацію в підручнику К. Шульжука [8, с. 122–128] і доповнено її різновидами, описаними в посібнику І. Слинька та ін. [6, с. 185–210].

Дослідники називають БР найуживанішим типом односкладних конструкцій, однак в аналізованому романі вони дещо поступаються за кількістю означено-особовим реченням. Виявлено всі різновиди односкладних БР – як простих речень, так і предикативних частин складних речень. Серед них переважають речення з головним членом – предикативним прислівником, що позначає: 1) психічний або фізичного стан людини чи персоніфікованого предмета; 2) сприймання, виявлення об'єктів стану органами чуття й розумом; 3) стан природи, оточення. При цих прислівниках можлива дієслівна зв'язка, а прислівники першої семантичної групи можуть уживатися і з залежним інфінітивом.

Близькість української і російської мов уможлиблює в процесі перекладу БР добір відповідників-еквівалентів: «мені було *це важко зрозуміть*» [3, с. 70] – «мне было это *тяжело понять*»; «і не видно пальців» [3, с. 130] – «и не *видно* пальцев»; «Все *тихше й тихше...*» [3, с. 36] – «Всё *тише, тише...*».

Перекладачка послуговується і трансформаціями, які аналізуємо з урахуванням їхньої типології, запропонованої О. Селівановою (формальні, формально-змістові та прагматичні на різних рівнях, можливі в текстах у різноманітних варіаціях комбінацій) [5, с. 3–6].

Наприклад, поширений у розмовному мовленні й ужитий у десяти БР першотвору предикативний прислівник *добре*, що має семантику «про успішний хід справи, сприятливе оточення»; «дуже вдало, до речі» [7, II, с. 321] тричі перекладено його лексичним еквівалентом, однак семантику БР збережено у двох формальних трансформаціях синтаксичного рівня: зі зміною порядку компонентів («Мовляв, їм *добре*» [3, с. 139] – «Мол, *хорошо им*») та зміною синтаксичного рангу БР, що відбилось на місці та граматичній семантиці підрядного сполучника («*Идеш, идеш, хоч добре, не один*» [3, с. 103] – «*идёшь, и хорошо, что не одна*»). Третя перекладацька трансформація синтаксичного рівня є прагматичною, оскільки зміна порядку компонентів вплинула на фразовий наголос БР: «як *добре жити... думати про інше...*» [3, с. 33] – «*Жить хорошо... мечтают себе о лучшем...*».

Двом БР першотвору відповідають формальні трансформації: лексичного рівня з використанням розмовного синоніма («*Хоч добре, не заключулось дитя*» [3, с. 43] – «детей нам, *слава Богу*, не даёт /судьба/») та лексичного і синтаксичного рівнів з використанням синоніма і зміною порядку компонентів («*добре нам удвох*» [3, с. 110] – «*вдвоём нам славно*»).

Одна перекладацька трансформація БР є формально-змістовою на морфологічному рівні, оскільки відбулася заміна предикативного прислівника *добре* формою його вищого ступеня порівняння: «Мені чого, мені щоб **добре** вам» [3, с. 51] – «Мне что, а только б **лучше** было вам».

Менш вдалими, на нашу думку, є чотири інші трансформації. Зокрема, заміна БР вставним словом спричинила втрату значення констатації успішного ходу справи і привнесла семантику вираження вдячності за зроблене добро: «От **добре** хоч, що полку вже нема» [3, с. 83] – «Спасибо, войско увела судьба». Не збережено стилістичного прийому лексико-синтаксичного паралелізму, а також семантики гіркої констатації доречності, збігу подій унаслідок вилучення першого БР і заміною в наступному БР предикативного прислівника на предикатив іменникового походження: «Самотнім **добре**, – жодної розлуки. Сухотним **добре**, – гаснуть навесні» [3, с. 145] – «Вот одиноким – никакой разлуки! Чахоточным **везенье** – мрут весной». Впливає на зміст синтаксичної конструкції і втрата десятого БР першотвору «Тобі то **добре**, ти цього не знаєш» [3, с. 73] – «Мученья моего не разумеешь».

Досить продуктивним різновидом односкладних БР є конструкції з головним членом – модальним прислівником переважно в поєднанні з інфінітивом при можливій дієслівній зв'язці. Вони виражають доцільність, необхідність, можливість чи неможливість дії в оцінці людини. Найуживанішими в романі є модальні прислівники (не) *треба* і (не) *можно*. У тексті друготвору трапляються еквіваленти таких БР: «Тут **треба** чітко **провести** межу» [3, с. 11] – «тут **надо** четко **провести** межу»; «їй **треба** дьогтем **вымазать** ворота!» [3, с. 14] – «ей **надо** дёгтем **вымазать** ворота!»; «Немає щастя, – **можно** **жити** без» [3, с. 118] – «А нету счастья – **можно** **жить** и без»; «Їй **можно** вічно **плакати** за ним» [3, с. 135] – «И **можно** вечно **плакать** ей за ним».

Прагматичною трансформацією є зміна порядку компонентів: «**Не треба забувати...**» [3, с. 24] – «**Но забывают не надо**». Не збережено в перекладі стилістичну фігуру інверсивного лексико-синтаксичного паралелізму: «То **треба** **знать**, чого іще не знаєм. То знаєм те, чого **не треба** **знать**» [3, с. 25] – «До истины ещё не докопались, а знаем то, чого **не надо** **знать**». Перекладачка подеколи послуговується формально-змістовими трансформаціями синтаксичного рівня, уживаючи замість БР двоскладні («Людей такого рідкісного дару хоч трохи, люди, **треба** **беречь**!» [3, с. 28] – «Людей такого редкостного дара **должны мы** хоть немного **поберечь**!»; «таке, чого **не можна** **осквернить**» [3, с. 50] – «такое, что **никто не** **осквернит**») або ж БР з предикативом іменникового походження: «так знов же **треба** **вирушать** в похід» [3, с. 53] – «К тому ж тебе опять **пора** в поход».

Модальне значення необхідності чи можливості може перебирати на

себе допоміжне дієслово *було* (б). У друготворі таким БР відповідає або еквівалент, або формально-змістові трансформації – односкладні інфінітивні речення: «*Чого було так довго мудрувати..?*» [3, с. 75] – «*Чего же было долго так мудрить-то?*»; «*Було б одразу присудить до страти*» [3, с. 75] – «*Казнить – и всё*». Головний член безособового речення може формувати й модальний прислівник, що його перекладачка або зберігає, або замінює заперечним предикативом чи опускає: «*Не треба, Хо*» [3, с. 56] – «*Не надо, Хо*»; «*Знаскока тут не можна*» [3, с. 21] – «*С наскоку нет закона*»; «*ні труни не треба, ні хреста*» [3, с. 48] – «*и тебе ни гроба, ни креста*».

У першотворі часто вживаними є також БР з головним членом – особовим дієсловом у безособовому значенні здебільшого на позначення виявів фізичного і психічного стану людини, її відчуття, сприймання, переживання; стихійних процесів. У перекладі до переважної більшості цих БР дібрано еквіваленти («*І підхопило душу, й понесло, і закрутило у такому вирі!..*» [3, с. 36] – «*и подхватило душу, понесло, и закрутило там, в круговороте!..*»), а деякі БР трансформовано у двоскладні («*Чумою вродить*» [3, с. 95] – «*Чума нагрянет*»; «*Не пройшло і году*» [3, с. 124] – «*Года не прожили*»). Не всі трансформації рівноцінні, трапляється і відхід від змісту вихідного БР: «*Гора шумить... Було перед дощем*» [3, с. 16] – «*Гора шумит... Как будто дождь простой*»; «*вже як пішло на горе, то так уже і піде, як з гори*» [3, с. 54] – «*ведь горе липнет к горю, крутое и большое, как гора*».

Продуктивними в романі є й односкладні БР з головним членом – безособовим заперечним предикативом *нема* (немає) із семантикою повного заперечення того, що названо іменником у Р. в. Цей предикатив може бути опущений, і його функцію виконує заперечна частка *ні* (ані) в ролі сполучника. У друготворі є як еквіваленти таких БР («*немає тільки Гриця*» [3, с. 35] – «*И нету только Гриця*»; «*там же ні ворони*» [3, с. 49] – «*там же ни вороны*»), так і формально-змістові трансформації – здебільшого двоскладні речення («*нема нічого*» [3, с. 115] – «*всё пусто*»; «*Господаря нема*» [3, с. 98] – «*А хозяев не нашёл*»). Зафіксовано і формально-семантичну деформацію БР «*Немає ради. Ради тут нема*» [3, с. 127] – «*В такой беде никто совет не скажет. Совета нет*», оскільки *нема* (немає) *ради* – це фразеологізм із семантикою 'не можна зарадити чому-небудь' [7, V, с. 334].

Отже, зіставний аналіз першотвору і його перекладу показав, що, крім еквівалентів, широко застосовано різноманітні трансформації синтаксичного, морфологічного, лексичного рівнів, що часто призводить до семантичних та експресивних втрат.

Список використаних джерел

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. :

Высшая школа, 1972. 614 с.

2. Коваль Л. М. Безособове речення в граматичних студіях XX–XXI століття / [Електронний ресурс]. – <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/december-2012> (дата звернення 15.01.2020).

3. Костенко Л. Маруся Чурай // Поезія: Ліна Костенко. Олександр Олесь. Василь Симоненко. Василь Стус. – 2-ге вид., доп. – Київ : Наук. думка, 2000. – 272 с.

4. Ратич Л. Роман в стихах «Маруся Чурай». Перевод с украинского языка / [Електронний ресурс]. – <https://www.stihi.ru/2016/03/05/300> (дата звернення 10.12.2019).

5. Селіванова О. О. Нова типологія перекладацьких трансформацій (на матеріалі українсько-російського перекладу) / [Електронний ресурс]: <http://bibl.com.ua/informatika/30542/index.html> (дата звернення 9.01.2020).

6. Слинко І. І., Гуйванюк Н. В., Кобилянська М. Ф. Синтаксис сучасної української мови. Проблемні питання. Київ : Вища школа, 1994. 670 с.

7. Словник української мови: в 11 т. / [ред. кол. І. К. Білодід та ін.]. Київ: Наук. думка, 1970–1980. Т II. – 1971. – 550 с.; Т. V. – 1974. – 840 с.

8. Шульжук К. Ф. Синтаксис української мови. К: Академія, 2010. 408 с.

УДК 811.12

ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД: ИСКАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ

В. Н. Базылев,

*доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
грамматики и истории немецкого языка, Институт иностранных языков
им. М. Тореца, Московский государственный лингвистический
университет, Москва*

Аннотация. В статье рассматриваются психологические причины расхождений в случае прямого называния эмоций в оригинале и переводе художественного текста. Анализируются средства концептуализации эмоций в художественном тексте, а также различные стратегии перевода конструкций, передающих эмоциональное состояние с русского языка на немецкий и обратно.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, прямая номинация эмоции, концептуализация, эмоции, художественный текст, перевод, вербализация, трансформация.

Summary. The article discusses reasons for differences of denoting emotions in the original literary text and its translation. The article deals with means of conceptualization of emotions in a literary text. It also presents the study of different translation strategies concerned with translating structures with predicates of emotional state.

Key words: emotional state, direct nomination. conceptualization, emotions, literary text, translation, verbalization, transformation

Передача скрытых психических процессов, выражение бессознательных, не до конца осознанных моментов мышления, по-разному осмысливается в литературоведении, при разборе художественных произведений, в языкознании и в психологии. Особенно это касается, как мы неоднократно об этом писали, соотношения и корреспонденции более скрытых и более явных элементов мышления, связи сфер бессознательного и сознания [2, с. 31–32]. В литературоведении более принято при этом пользоваться категориями субъективного и объективного. В языкознании эти же термины соответственно осмысливаются по-другому.

Тем не менее, как пишет Л. С. Выготский, «... бессознательное не отделено от сознания какой-то непроходимой стеной. Процессы, начинающиеся в нем, имеют часто свое продолжение в сознании, и, наоборот, многое сознательное вытесняется нами в подсознательную сферу. Существует постоянная, ни на минуту не прекращающаяся живая динамическая связь между обеими сферами нашего сознания. Бессознательное влияет на наши поступки, обнаруживается в нашем поведении, и по этим следам и проявлениям мы научаемся распознавать бессознательное и законы, управляющие им» [5].

Вместе с этой точкой зрения отпадают прежние приемы толкования психики писателя и читателя, и за основу приходится брать только объективные и достоверные факты, анализируя которые можно получить некоторое знание о бессознательных процессах. Само собой разумеется, что такими объективными фактами, в которых бессознательное проявляется ярче всего, являются сами произведения искусства, и они-то и делаются исходной точкой для анализа бессознательного.

Всякое сознательное и разумное толкование, которое дает художник или читатель тому или иному произведению, следует рассматривать при этом как позднейшую рационализацию, то есть как некоторый самообман, как некоторое оправдание перед собственным разумом, как объяснение, придуманное постфактум» [5, с. 96].

Особый интерес представляют в этом отношении художественные переводы. Упомянутый Л. Выготским элемент рационализации поневоле играет существенную роль при передаче, трансформации психических процессов. Возможность, а порою и необходимость «искажения» представленного в оригинале изображения эмоций отражается в любом переводе.

Эти «искажения» обнаруживаются не в последнюю очередь, при переводе безличных конструкций, которыми и выражаются более скрытые, субъективные моменты. Безличные конструкции любого языка далеко не всегда имеют точные эквиваленты в другом языке: проблема состоит как раз

в необходимости понять их и найти соответствующие средства для их передачи в языке перевода (эта задача подробно обсуждается нами в [4, с. 210–217]).

«Рационализация» этих процессов часто поневоле сводится к их трансформации: безличное односоставное предложение в переводе передается личным, двусоставным. Соответственно, не вполне сформированные, не осмысляемые, не совсем организованные по отношению к языку бессознательные эмоции передаются в более организованной языковой форме.

Все эти явления можно было, конечно, истолковывать и с точки зрения оценки перевода: выяснить, в какой степени переводчик справился со своим заданием. Однако не менее поучителен анализ как случайных, так и регулярных изменений, трансформаций в целях более глубокого понимания самого текста оригинального произведения. Скрытые в нем элементы проясняются: употребление безличных конструкций, их соотношение с личными конструкциями проливает свет на динамическую связь бессознательных и сознательных процессов.

С этой целью и под таким углом зрения в нашем материале анализируется рассказ А. Чехова «Студент» в сопоставлении с его немецким переводом (примечание: оригинальный текст рассказа цитируется по [7]; текст перевода см. [8]). Цитируемые отрывки немецкого перевода поэтому подвергаются вторичному, обратному переводу на русский язык, и этот дважды «трансформированный» текст сравнивается с оригиналом (подробнее о предложенной методике см. [3]).

Напомним, его сюжет чрезвычайно прост: студент духовной академии возвращается домой накануне Пасхи. Отчасти уже весна («Протянул один вальдшнеп, и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе раскатисто и весело»), отчасти будто возвращается зима («... подул с востока холодный, пронизывающий ветер, все смолкло. По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, тихо и нелюдимо»).

Как воспринимается студентом это двусмысленное столкновение весны и зимы, на какие моменты обращено его внимание, какие ассоциации зарождаются в нем, как ему кажется, что «... этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие», как это глубокое отчаяние исчезает в результате случайной встречи, в силу вольных, свободных ассоциаций, затрагивающих через его же восприятие историю человечества, соединяющих прошлое и настоящее, личное и общечеловеческое, конечное и бесконечное, конкретное и символическое, как это горе, как эта боль растворяются, «и радость вдруг заволновалась в его душе», как неясные, туманные эмоции перерастают в осмысление, глубокое понимание жизни, как этот холодный вечер Страстной субботы переосмысляется и воспринимается им как вечер, предшествующий Пасхе, воскресению и

весне, как «...невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу», как возрождаются в нем казавшиеся ему нарушенными «порядок и согласие», – эти «как», этот процесс осознания освещаются в рассказе.

Субъективное восприятие студентом кажущегося ему возвращения зимы, то, что «этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие», передается в самом начале рассказа: «... некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер». В немецком переводе эта субъективность пропадает, будто настроение студента повлияло и на переводчика: «некстати» передано эквивалентом слова «вдруг».

«Стало в лесу неуютно, глухо и нелюдимо», – смутное ощущение студента передается безличным предложением, которое в переводе превращается в личное: «...лес стал темным, глухим и нелюдимым». Следовательно, и здесь неосознанное, субъективное воспринимается как объективный факт. Хорошо при этом наблюдается, как безличная форма («стало в лесу неуютно») предполагает личное восприятие (ведь ему стало неуютно) и как это восприятие теряется в трансформированной, «объективизированной» форме «лес стал темным». Слово «темный», конечно, довольно далеко по значению от слова «неуютно», однако на неправильный подбор слов, и на подобного рода лексико-стилистические погрешности, отчасти и грехи, как на явления более случайного характера в этой статье внимание не обращается.

«Запахло зимой» переводится как «Приближалась зима». Если бы не было этого логического обнажения в переводе, может быть, и не обратили бы внимания на то, что здесь – субъективное ощущение, ведь кто-то (здесь – студент) должен чувствовать запах зимы.

«Ему казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок...», – несмотря на то, что в немецком языке имеется адекватная безличная форма, в переводе мы сталкиваемся с эквивалентом «Он чувствовал, что...».

Здесь уместно напомнить мнение В. В. Бабайцевой: «Стремление обязательно найти выражение производителя действия или носителя признака в безличных предложениях противоречит самой природе безличных предложений, так как своеобразие их семантики заключается в отвлечении действия от деятеля, признака от его носителя, и связано с затушевыванием деятеля, с неясностью, неопределенностью его» [1, с. 74].

Эта же конструкция («ему казалось»), с которой начинается описание неясных тягостных ощущений, ассоциаций, ведущих своим своеобразным, но в то же время строго детерминированным логическим ходом к осмыслению жизни как таковой, встречается еще раз, в самом конце рассказа: «... и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла». Здесь уже двусоставное предложение, ведь жизнь

переосмыслялась в его сознании. Этот процесс и составляет сущность рассказа. Тем не менее, жизнь не «стала восхитительной»: она «только» казалась ему такой. На этот раз и перевод подтверждает такое понимание: «...и видел он жизнь прекрасной, чудесной, полной высокого смысла».

Особую функцию имеют присутствующие в рассказе безличные предикативные конструкции. Общие особенности этих конструкций, как сегодня принято считать, состоят в отграничении категории состояния, выражающие физические ощущения, от группы конструкций, выражающих душевные состояния.

Тем не менее, одна и та же категория состояния может восприниматься как выражение и физического ощущения, и душевного состояния. Так, в «Евгении Онегине» Пушкина: «Ах, няня, няня, я тоскую,|| Мне тошно, милая моя: || Я плакать, я рыдать готова!... » || «Дитя мое, ты нездорова; || Ты вся горишь... » – || «Я не больна;|| Я... знаешь, няня... влюблена».

Здесь «мне тошно» ассоциируется у няни с (физической) болезнью, Татьяна же совершенно определенно имеет в виду душевное состояние, вытекающее из ее же слов «я тоскую», тем более, что «тошно» этимологически связано со словом «тоска» [6, т. 4, с. 90].

Многогранность категории состояния наблюдается и в рассказе А. Чехова. «Ему казалось, что ... самой природе жутко». На первый взгляд может показаться, что «жутко» – ощущение самой природы. Это отражается и в переводе: «Ему казалось, что ... и сама природа содрогнулась». На самом же деле это студенту казалось, т. е. категория состояния фактически отражает душевное состояние студента. При этом надо учесть, что в немецком языке конструкции, подобной категории состояния, нет.

Предикативные конструкции в рассказе передают своеобразное душевное состояние внутри человеческого «я». Внешний предел этих безличных конструкций – личные конструкции, от которых исходят они, или к которым восходят. Безличные формы при трансформации в личные теряют свой смысл, так как личные формы – это уже «мысль изреченная».

Перевод, как мы могли убедиться, – это своеобразное толкование смысла оригинала. Сравнение его с оригиналом может осветить более скрытые компоненты текста, что способствует более глубокому его пониманию.

Список использованных источников

1. Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004. 504 с.
2. Базылев В. Н. Коммуникативный смысл текста и его понимание // Современная коммуникативистика. 2015. – Том 4. – Вып. 5. – С. 31–39.
3. Базылев В. Н. Коммуникация и перевод: монография. М.: МосГУ, 2012. 164 с.

4. Базылев В. Н. Перевод как транспонирование текста// Дискурс, текст, когниция: коллективная монография. Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. 496 с.
5. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. 341 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1–4. М.: Наука, 1964-1973.
7. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Том 8. М.: Наука, 1986. 456 с.
8. Anton Tschechow. Erzählungen. Aus dem Russischen übersetzt von Kay Borowsky. Stuttgart: Reclam, 2013. 334 с.

УДК 81`25

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ РУССКИХ ПРОСТОРЕЧИЙ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

М. В. Баканова,

*доцент кафедры перевода и переводоведения, ФГОУ ВО Пензенский
государственный университет, Пенза*

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей перевода такого вида эмоционально-окрашенной лексики, как просторечия. Основной целью является определение основных трудностей перевода просторечий и возможных приемов их перевода с русского на английский язык. В качестве результатов автор обосновывает выбор приемов перевода просторечий.

Ключевые слова: просторечие, стилистическая эквивалентность, переводческий прием, транскрипция, транслитерация, калькирование, лексико-семантические замены.

Summary. The article is devoted to the analysis of the peculiarities of the translation of such type of emotionally-colored vocabulary as vernacular. The main purpose is to find out the difficulties of translation of vernaculars and possible methods of their translation from Russian into English. As a result, the author proves the choice of certain translation techniques.

Key words: vernacular, stylistic equivalence, translation technique, transcription, transliteration, loan translation, lexical-semantic substitutions.

Основная сложность при переводе художественного текста связана с адекватной передачей стилистических и выразительных характеристик оригинала. Главной задачей переводчика является создание у читателя такого же впечатления от переводного текста, какое сложилось бы у него после прочтения оригинала. В то же время отход от эквивалентности в буквальном смысле оправдан, и переводчик может использовать различные способы перевода, чтобы создать у читателя соответствующее впечатление. Однако адекватным переводом может быть только тот, который точно передает не только смысл, но и выразительные и стилистические особенности оригинала.

Стилистические особенности различных языков ярко проявляются

при анализе художественных текстов, переведенных на другие языки. Целью перевода является выражение всех семантических оттенков значения слова, что представляет собой определенные трудности из-за денотативных, коннотативных и интерлингвистических семантических компонентов, играющих важную роль в процессе перевода. Наибольшая степень эквивалентности достигается, когда слово в целевом тексте соответствует исходному не только на содержательном, но и на стилистическом уровне. Довольно часто эквиваленты относятся к различным функциональным стилям, и стилистическая составляющая оригинала может быть утеряна. При использовании аналогов данного типа нарушается стилистическая эквивалентность слов. Такое нарушение может быть компенсировано в контексте, окружающем в качестве стилистической составляющей значения не только само слово, но и всю фразу.

Процесс перевода может вызвать определенные пропуски слов и выражений в целевом тексте. Эти расхождения возникают из-за особенностей целевого языка, стиля перевода и иногда непреднамеренных случаев тавтологии, которые не несут стилистического смысла, но иногда имеют место в исходном тексте. Особую роль в переводах могут играть добавления. Они иногда появляются под влиянием ритма и стилистического фона всей фразы. Намерение переводчика воссоздать определенные оттенки или намеки, выраженные в исходном тексте, скрытую цитату или выразительное содержание приводят к добавлению новых лексических или фразеологических единиц в целевой текст. Такая тенденция довольно распространена в практике перевода с русского языка на английский. Для английской литературы характерны стилистически нейтральные слова и выражения. Однако с целью сохранения особенностей и принципов русской стилистики в переводе необходимо подбирать эмоционально окрашенные и экспрессивные средства выражения. Это один из важных видов преобразований в переводе, называемый экспрессивной конкретизацией. Иногда контекст исходного текста может потребовать определенных выразительных замен. Способ компенсации заключается в переводе смыслового значения слова или его стилистической окраски не там, где она выражена в оригинальном тексте и не теми же средствами, что и в оригинале. Если переводчику приходится жертвовать либо стилистической окраской слова или фразы, либо ее экспрессивным значением, настоятельно рекомендуется сохранить прежде всего экспрессивное значение, а если нет возможности, попытаться применить метод компенсации для минимизации потерь. Способ компенсации довольно часто встречается при переводе просторечий, которые не всегда имеют адекватные эквиваленты в английском языке. Одним из распространенных компенсаторных средств является обращение к фразеологизмам с целью придания определенной образности и живости тексту в тех его частях, где переводчику пришлось отказаться от этих

особенностей.

Просторечия так или иначе являются нарушением грамматических, словообразовательных или лексико-семантических норм языка, но эта ненормативность оправдана, она имеет организованный характер. Просторечия – это факты речи, а не языка, они противоположны обычным словам. С точки зрения перевода мы относим их к непереводимой лексике. Следует учитывать, что эти слова не имеют собственных аналогов в целевом языке, кроме того, их очень трудно перевести. Главная задача переводчика состоит в том, чтобы сохранить их выразительность.

В отличие от русского просторечия, использование которого во многом зависит от уровня образования и территориальной принадлежности его носителей, под английским просторечием понимается сложная лексико-семантическая категория – определенный фрагмент национального состава языка, представляющая собой упорядоченное иерархическое целое, комплекс социально детерминированных лексических систем (сленг, арготизмы) и стилистически сниженных лексических слоев («низкий» разговорный, сленг, вульгаризмы), которые характеризуются значительными различиями в своих основных функциях и прагматическом, функционально-семантическом и стилистическом аспектах.

В области переводоведения просторечия часто относят к непереводимой лексике, а это значит, что переводчикам очень трудно расшифровать значения таких эмоционально-экспрессивных единиц. Хотя, как показывают недавние исследования, понимание просторечий и решение проблемы их переводимости зависит скорее от способности переводчика эффективно использовать ресурсы различных типов знаний (как лингвистических, так и экстралингвистических). Таким образом, интерпретация значений просторечий предопределяется контекстом, в котором используется лексическая единица, а также их формой. По мнению А. Горчхановой, контекст имеет решающее значение, поскольку он обеспечивает восприятие и понимание просторечий, которые в отдельности могут быть неоднозначно интерпретированы, контекст может изменять способ интерпретации таких единиц, определяет их эффективность в выполнении номинативной функции, а также выявляет их специфические функциональные особенности, служит также для уточнения способа перевода [1]. Как уже упоминалось ранее, способы перевода просторечий также обусловлены их формой. Пытаясь объяснить их значения, переводчики делают анализ словообразовательных моделей, которые составляют основу просторечий, декодируют закономерности, выделяют их составные элементы и с помощью грамматических характеристик элементов декодируют значение всего слова исходя из его грамматической структуры. Точная интерпретация значений просторечий требует детального анализа типа контекста, в котором используется эта лексическая

единица, типологической категории, к которой она принадлежит, и типа словообразовательного шаблона, которому следует форма просторечия.

Как правило, способы перевода просторечий заранее обусловлены их формой. Пытаясь передать заложенные в них коннотативные значения, переводчики должны принимать во внимание структурные соответствия двух языков. Возможные способы перевода просторечий с русского языка на английский перечислены ниже.

Транскрипция и транслитерация являются так называемыми квазипереводными способами перевода просторечий. В этом случае акт перевода заменяется актом заимствования звука (в транскрипции) или графической формы (в транслитерации) слова вместе со значением из исходного языка в целевой язык. Тем не менее, только кажется, что это способ основан на механическом переносе слова из одного языка в другой: на самом деле слово заимствуется из исходного языка в переводящий, и в случае его принятия другой культурой может стать неотъемлемой частью целевого языка. Транскрипция и транслитерация используются, когда нужно подчеркнуть уникальность какого-либо объекта или понятия.

Калькирование занимает опосредованную позицию между полностью переводимыми и непереводимыми средствами передачи просторечий с одного языка на другой. Его непереводимость проявляется в сохранении внутренней формы слова без изменений. Калькирование предполагает двустороннее межъязыковое соответствие между лексическими элементами, которые функционируют как строительный элемент для воспроизведения внутренней формы заимствованного или переведенного слова. Калькирование аналогично дословному переводу, ведь новая лексическая единица возникает как комплекс простого набора элементов. Следовательно, калькирование применимо только к просторечиям, являющимися составными словами.

Лексико-семантические замены широко применяются для объяснения значения русского слова. Существует несколько вариантов вышеупомянутого способа перевода. Первый из них – экспликация, когда существенные элементы значения слова объясняются целым выражением или фразой в целевом языке. Экспликативный перевод ближе к толкованию слова, тем не менее, это перевод, и он подходит в определенном контексте. Другими вариантами лексико-семантических замен являются конкретизация, генерализация или модуляция значения слова. Эти средства перевода просторечий применяются, когда в целевом языке есть слово или словосочетание с очень похожим значением.

Подводя итоги, можно сказать, что просторечия – это исключительное речевое явление, имеющее следующие характеристики: функциональное использование, экспрессивность, принадлежность к речи, зависимость от определенного контекста, словообразовательное воспроизведение. Такие

слова не соответствуют общепринятым языковым нормам и определяются конкретным контекстом употребления. В процессе восприятия просторечий важную роль играют контекст и языковое чутье читателя. Перевод просторечий требует нестандартного подхода и хорошего знания систем как русского, так и английского языков.

Список использованных источников

1. Горчханова А. Особенности перевода просторечий. – [Электронный ресурс]: <http://www.academia.edu/5159275/>. (Дата обращения 22.01.2020).

УДК 81'25

РЕКЛАМНЫЙ СЛОГАН КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Е. А. Бармина,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Аннотация. Статья посвящена изучению рекламных слоганов в переводческом аспекте. Анализируются приемы сохранения в переводе прагматической функции рекламного слогана. Обращение к национально-прецедентному стилю в рекламе актуализирует ряд проблем, прежде всего, отражение национально-культурных характеристик в рамках перевода рекламных слоганов. Транскреация рассматривается как оптимальная стратегия сохранения прагматической функции рекламного слогана с учетом лингвокультурных особенностей реципиентов из разных стран.

Ключевые слова: реклама, рекламный слоган, перевод, транскреация, прагматическая функция.

Summary. The article deals with the characteristics of advertising slogans in the context of translation. The author analyzes techniques used to render the pragmatic function of an advertising slogan. National style of advertising text production highlights a number of issues such as national characteristics rendering in the process of advertising slogan transcreation. The transcreation strategy is regarded as the optimal approach to save the advertising slogan pragmatic function taking into account linguistic and national characteristics of foreign recipients.

Key words: advertising, advertising slogan, translation, transcreation, pragmatic function.

В условиях глобализации и всеобщей интеграции реклама стала своеобразным средством коммуникации. Объективно сегодня реклама «является одним из основных механизмов формирования образа и стиля жизни, устанавливает ценности и стандарты жизни, мораль, этические нормы» [2, с. 5]. Апеллируя к ценностям реципиента, реклама становится

одним из важнейших факторов формирования мировоззрения человека.

С началом интенсивного развития мирового рынка, требующего серьезного подхода к маркетинговым инструментам продвижения продукции, возрос интерес к исследованию стратегий сохранения в переводе прагматической функции рекламного слогана.

Слоган – это важнейшая часть маркетинговой стратегии. Он используется для продвижения бизнеса и может ассоциироваться с определенной компанией много лет. Рекламный слоган представляет собой автономную разновидность рекламного текста, своего рода девиз, содержащий эффективную и легко воспринимаемую формулировку рекламной идеи и обладающий неразрывной смысловой связью с товарным знаком [1]. Представляя собой «лингво-семиотическую единицу, предназначенную для активации цепи, а иногда сети когнитивно-ассоциативных связей с целью всесторонней и предельно позитивной репрезентации объекта рекламы» [1, с. 50], слоган является одним из самых эффективных способов рекламы, наряду с художественной графикой, и приобретает все большее распространение.

Сегодня реклама, так же как публицистика и художественная литература, характеризуется выраженной лингвокультурной спецификой. Она приобрела статус «зеркала» культуры и непосредственного участника ее формирования. В каждой стране сложился индивидуальный рекламный почерк. Причинами тому послужили исторические события, уникальное национальное самосознание и общественно-экономические реалии.

Таким образом, рекламный слоган, созданный в рамках одной лингвокультуры, с большой вероятностью не будет иметь такой же эффект на представителей иной лингвокультуры. Этот фактор и является главнейшей и сложнейшей проблемой перевода рекламных слоганов. Ярко выраженная коммуникативная направленность рекламного слогана определяет необходимость глубоких лексико-грамматических, а также семантических трансформаций при переводе. При передаче рекламных текстов переводчик, в первую очередь, должен опираться на понимание национальной психологии, культурно-исторических аспектов, а не только на знание пары данных языков.

Передача текста рекламного слогана с одного языка на другой требует от переводчика выбора определенной стратегии. Одним из возможных инструментов сохранения прагматической функции рекламного текста является креативный перевод, или транскреация, цель которого – сохранить как маркетинговую, так и художественную ценность рекламного слогана. При этом необходимо учитывать, что маркетинговая информация в рекламном тексте должна оставаться в нетронутном виде, а вот смелые решения в отношении художественной формы – не только разрешены, но и необходимы копирайтеру.

Транскреационный перевод выступает в качестве инструмента воссоздания идей оригинала с учетом контекста принимающей культуры. На конечный результат именно такого перевода может повлиять характеристика коммуникативной ситуации, культурно-специфический контекст, технические и правовые ограничения, предполагаемая реакция реципиента и множество других факторов. Используя транскреацию, переводчик меняет различные элементы культурного, визуального, аудиального и других кодов, чтобы глубже интегрировать исходный текст в матрицу культурного поля стороны, принимающей переведенный текст [3].

В контексте адаптации рекламных слоганов стоит отметить, что изначально рекламные тексты имели лишь одну функцию – информативную. На сегодняшний день ряд их функций значительно расширился. Для нашего исследования ключевой является прагматическая функция. В конечном итоге данная функция имеет цель формировать спрос на рекламируемый товар. С помощью языковых средств рекламодатель привлекает внимание покупателя и, воздействуя на сознание и подсознание, заставляет его приобрести.

В рекламном слогане содержится скрытая прагматическая установка на приобретение товара. Однако эта установка высказывается не напрямую в форме команды или приказа, а при помощи умелой комбинации лингвистических и нелингвистических приемов. Активизация скрытого речевого воздействия помогает реализовать прагматическую функцию рекламного слогана.

Для иллюстрации обратимся к слогану батончика Snickers «*You're not you when you're hungry*». Snickers стал не просто успешным продуктом, он стал своего рода одним из символов американской культуры, широко известным во всем мире. В России этот продукт известен благодаря яркому слогану «*Не тормози – сникерсни*», построенному на игре слов, которая часто применяется в качестве художественного приема в рекламных слоганах и успешно работает на привлечение внимания реципиента.

Еще один шоколадный батончик компании Mars – Milky Way. Продукт выпускается с 1923 года, представлен на американском и европейском рынке. В США данный продукт имеет иную рецептуру, нежели в Европейских странах, и носит слоган «*Comfort in every bar*». Для американского реципиента понятие «комфорт» является одним из ключевых, поэтому с точки зрения лингвокультурного аспекта слоган можно считать удачным. На российском рынке продукт завоевал широкую популярность среди целевой аудитории – детей – благодаря слогану: «*Молоко вдвойне вкусней, если это Milky Way*». Копирайтеру удалось сохранить имя бренда, что не маловажно при создании рекламного слогана. Так производитель находится на слуху и легко запоминается. Также в слогане наблюдается прием рифмовки «вкусней – way», ритмичность и

достаточная лаконичность.

В слогане компании Maybelline («Maybe she's born with it. Maybe it's Maybelline») употребляется прием единоначатия, что выделяет его среди остальных. Благодаря удачному выбору слова «maybe», которое созвучно с названием бренда, слоган легко запомнить на слух. Смысл фразы заключается в том, что компания предоставляет такие косметические средства, которые подчеркнут естественную красоту женщины, но не перекроют ее. Для европейских и американских потребителей это крайне важно, поскольку в западных странах не принято украшать себя ярким макияжем, который будет замечен. В России данный слоган сохранил двусложную структуру, однако смысл его был изменен: «Все в восторге от тебя, а ты от Maybelline». В данном случае акцент наоборот делается на том, что макияж замечен и привлекает внимание, что более характерно для русской культуры. В русскоязычной версии слогана игра слов не сохраняется, однако копирайтер прибегнул к переводческой компенсации и заменил данный художественный прием эмоционально-оценочной лексемой «восторг».

В русскоязычной маркетинговой среде бренд обычно выражает себя с помощью местоимений «мы, наш», а при обращении к потенциальному клиенту использует «Вы, Вам, Ваша». Американские же производители, наоборот, не боятся ставить «Я» во главу угла. Так, например, в американской версии официального сайта французской компании L'Oréal представлен слоган «*Because I'm worth it*», а в российской версии слоган звучит: «*Вы этого достойны*». Данный пример наглядно показывает разительное отличие американской культуры от российской: изменив лишь одно местоимение, копирайтер адаптировал слоган к иной лингвокультурной среде.

Итак, можно сделать вывод, что рекламный слоган – это жанр рекламы, представляющий собой яркую запоминающуюся фразу, цель которой – привлечение внимания клиента. Рекламные слоганы, как и реклама в целом, без сомнения отображают языковую картину мира того или иного народа. Следовательно, рекламный слоган следует рассматривать не только с точки зрения лингвистики, но и лингвокультурологии.

При адаптации рекламного слогана из одной культурной среды в другую переводчик сталкивается со следующими трудностями: значительное различие лингвокультурного опыта реципиентов-представителей одной культуры от другой; необходимость сохранения маркетинговой ценности слогана; необходимость выбора эмоционально-экспрессивных средств и художественных приемов, которые будут апеллировать к сознанию реципиента и побуждать его к покупке товара.

Транскреация как вид переводческой стратегии представляет собой адаптацию рекламного текста с учетом лингвокультурных особенностей

принимающей культуры. Стоит учесть, что маркетинговая ценность должна быть сохранена, а интерпретации в отношении формы, стиля, экспрессивных средств не только разрешены, но и являются первостепенной задачей копирайтера. При адаптации иноязычных маркетинговых слоганов важно не копировать, а интерпретировать.

Список использованных источников

1. Турбина О. А. Принципы организации рекламного слогана [Электронный ресурс] / О.А. Турбина, М.С. Салтыкова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2012. №2 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-organizatsii-reklamnogo-slogana> (дата обращения: 12.12.2019)
2. Чабанюк Т. А. Теория и практика рекламы: учеб. пособие [Электронный ресурс] / Т.А. Чабанюк. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013. – Режим доступа: https://knastu.ru/media/files/posobiya_files/_i_praktika_reklamy_UJoyGv.pdf (дата обращения: 20.12.2019)
3. Malenova E. Creative Practices in Translation of Transmedia Projects [Электронный ресурс] // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 5 (2018 11) 775-786. – Режим доступа: <http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/71369/Malenova.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 20.12.2019)

УДК 372.881.1

АДАПТАЦИЯ И ПЕРЕВОД: СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

А. В. Брыгина,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. В статье предлагается рассматривать перевод и адаптацию как речевые стратегии в методике обучения иностранному языку. В результате тождественности, единообразия трансформационного принципа процессов перевода и адаптации, принципа замены, делается вывод о лингводидактическом потенциале данных стратегий в развитии языковых и коммуникативно-речевых компетенций учащихся.

Ключевые слова: трансформация, адаптация текста, перевод, межкультурная коммуникация, художественный текст, методика обучения иностранным языкам, русский как иностранный

Summary. The article proposes to consider translation and adaptation as speech strategies in the methodology of teaching a foreign language. The author states considerable uniformity of the transformational principles of both processes

– translation and adaptation (the principle of replacement). As a result a conclusion is made about the linguo-didactic potential of these strategies in the development of students' language and communicative-speech competences.

Key words: transformation, adaptation of the text, translation, intercultural communication, literary text, methods and techniques foreign language teaching, Russian as a foreign language

В процессе формирования речевых навыков и умений на иностранном языке определяются наиболее эффективные стратегии обучения в зависимости от целевой аудитории.

Стратегии аудирования (listening strategies), которые служат для развития навыков понимания на слух, и стратегии чтения (reading strategies) как рецептивные виды речевой деятельности, нацеленные на восприятие и осмысление речевого высказывания, дополняются не менее важными стратегиями в обучении – стратегиями письма (writing strategies) и стратегиями говорения (speaking strategies), продуктивными видами речевой деятельности. Однако практика преподавания иностранного языка показывает, насколько важными обучающими стратегиями становятся стратегии пополнения словарного запаса (vocabulary strategies) и стратегии перевода (translation strategies).

Речевая стратегия перевода при обучении иностранному языку, с нашей точки зрения, согласуется с такой речевой стратегией, как адаптация.

Согласно определению Словаря переводческих терминов Л. Л. Нелюбина, *адаптация* представляет собой «разнообразную обработку текста: упрощение его содержания и формы, а также сокращение текста в целях его приспособления для восприятия читателями, которые не подготовлены к знакомству с ним в его подлинном виде», «облегчение» текста литературно-художественного произведения для начинающих изучать иностранные языки [5, с. 12–13].

Адаптирование является учебно-дидактической единицей обучения иностранному языку, а также учебно-познавательной речевой деятельностью, поскольку процесс трансформации текста первоисточника представляет собой раскодирование смысла исходного труднодоступного для понимания текста и интерпретацию данного смысла в своей индивидуальной содержательно-языковой форме. С одной стороны, такие виды адаптации, как учебный пересказ или реферирование (продуктивные виды речевой деятельности студента), так и учебный адаптированный текст, созданный преподавателем, а также лексико-грамматические, историко-культурологические комментирования изучаемого текста для учащихся становятся своего рода приспособлением, адаптацией, переводом на другой, понятный реципиенту код (это может быть текст как родного, так и иностранного изучаемого языка).

Процесс адаптации и процесс перевода основываются на едином

принципе – принципе замены: речевая деятельность говорящего/пишущего в процессе перевода на другой язык и в процессе адаптирования текста первоисточника во вторичный вариант трансформируется, перекодируется, переосмысливается.

Л. С. Бархударов размышляет о проблеме перевода, успешность которого возникает благодаря «эквивалентности» подлинника и перевода, осуществляемого «прежде всего, на уровне текста в целом, а не каких-либо его частей (будь то слова, словосочетания или даже предложения)» «эквивалентность подлинника и перевода базируется, прежде всего, на тождестве семантической информации» [1, с. 41]. Считая перевод «межъязыковой трансформацией», Л. С. Бархударов виды трансформаций (преобразований) сводит к «четырёх элементарным типам»: перестановка, замена, добавления, опущения [2, с. 190]. Интересно, что аналогичные формы преобразования наблюдаем и в процессе адаптации. Адаптирование складывается из комбинации нелингвистических принципов (*цитация, исключение, перестановка*) и лингвистических приёмов (*замена, редукция, добавление, инверсия*) [3, с. 32].

В. В. Демецкая и Н. К. Гарбовский смотрят на адаптацию и перевод как на равноценные виды деятельности и видят основную цель адаптации/переводческих преобразований в сохранении прагматического/коммуникативного эффекта исходного сообщения [6].

На уроках русского языка для иностранных учащихся изучение художественных текстов является одним из важнейших и интереснейших аспектов постижения культуры изучаемого языка. Однако, если прозаический текст художественной литературы на начальном и среднем этапе обучения можно предложить изучать студентам в упрощённом варианте, то для поэтического текста такой вариант невозможен: знакомство с поэтическим текстом всегда предполагает обращение к тексту оригинала. Именно поэтому адаптивное комментированное чтение стихотворений на изучаемом языке (по сути – *добавления* в системе приёмов и принципов адаптирования) и анализ вариантов переводов стихотворений на родной язык становятся приоритетными дидактическими стратегиями для изучения поэтического слова.

Стратегии языковых (адаптационных) и межъязыковых (переводческих) трансформаций требуют определённости, отчётливости, ясности языкового выражения, «семантической эквивалентности». По Л. С. Бархударову, они выполняют роль посредника в процессе понимания. Благодаря использованию данных учебных стратегий, осуществляется контроль понимания исходного текста, формируются языковые компетенции и речевые навыки учащихся.

Опыт комментированного чтения поэтических текстов русских поэтов XIX–XX веков показал, что студенты с большим энтузиазмом готовы

исследовать короткие, но такие значимые для мировой культуры тексты А. Пушкина и М. Лермонтова, А. Ахматовой и Б. Пастернака, уделяя внимание выразительному чтению и отработке фонетических и просодических особенностей произведения. Анализ грамматической структуры предложений поэтического текста, порядок слов и тематическая характеристика также помогают глубже понять мысли поэта и становятся важными аспектами изучения поэтического текста.

Далее – семантика поэтического слова, которая требует пристального исследования, дискуссий, адаптивных комментариев преподавателя, комментированных обсуждений вариантов переводов и семантизации непонятных лексических единиц текста на русском языке. Коннотативные, стилистические характеристики слов, историко-культурологический экскурс как за-текстовая информация, ассоциативный ряд – всё это становится увлекательной игрой, учением-диалогом, межкультурным взаимодействием в аудитории, особенно если иностранные слушатели – группа двуязычная или многоязычная.

На уроках РКИ среднего этапа обучения отправной точкой для комментированного адаптивного чтения, например, стихотворения Михаила Лермонтова «Парус» может стать пособие Н. В. Кулибиной «Читаем стихи русских поэтов» [4, с. 33–36].

Завершающим этапом работы по анализу поэтического текста в иностранной аудитории становится работа студентов по поиску наиболее удачного с их точки зрения перевода на родной язык с аргументированным комментарием данного текста на русском языке. Далее представлен выбор лучшего перевода лермонтовского «Паруса» на французский язык с точки зрения студентки Страсбургского университета Мадлен Гриффон, проходившей стажировку на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова и являвшейся слушательницей нашего курса «Русская поэзия и проза. Лексико-грамматический аспект». Выбор субъективен, однако такой тип работы является очевидной эффективной стратегией в обучении иностранному языку.

"Le voilier
Ce voilier tout blanc, solitaire,
Qui dans le brouillard bleu s'enfuit
Qu' a-t-il besoin d'une autre terre?
Qu'abandonna-t-il après lui?

Son mât sur l'onde vagabonde
S'incline et grince dans le vent
Hélas! point de bonheur au monde

Ni derrière lui ni devant
Pour le porter la mer est belle
Le soleil brille au firmament...
Mais lui réclame, le rebelle,
L'orage, cet apaisement.
Mikhaïl Lermontov
Traduction de Jean-Luc Moreau" [7].

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Текст как единица языка и единица перевода // Лингвистика текста. Материалы научной конференции. Часть 1. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1974. С. 40–41.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения. 1975. 240 с.
3. Брыгина А. В. Лингвистические принципы адаптирования художественного текста: дис. ...кандидата филол. наук. Москва, 2004. 200 с.
4. Кулибина Н. В. Читаем стихи русских поэтов. Пособие по обучению чтению художественной литературы. Спб: Златоуст, 2005. 96 с.
5. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта. Наука, 2003. 320 с.
6. Станиславский А. Р. Адаптация и перевод: языковое посредничество // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/08/12209> (дата обращения: 17.01. 2020).
7. URL: <https://www.google.com/amp/s/www.tania-soleil.com/parus-lermontova-na-francuzskom-iazike/amp/> (дата обращения 17.01.2020)

УДК 81.347.78.034

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА: КАК РАСПОЗНАТЬ «ЛОЖНОГО ДРУГА ПЕРЕВОДЧИКА» (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

А. С. Бубнова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
французского языка и перевода Нижегородского государственного
лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород*

Аннотация. В статье рассматривается частный случай явления межъязыковой омонимии – «ложные друзья переводчика». Эти слова создают существенные трудности как для начинающих, так и для опытных переводчиков, поскольку из-за сходства звукового или буквенного состава вызывают ложные ассоциации и приводят к ошибочному пониманию. На примере французского слова *styliste* раскрывается алгоритм рассуждений,

направленных на поиск правильного варианта перевода. По итогам исследования делается вывод о том, что для верной интерпретации слова иногда требуется изменить направление смысловосприятия с последовательного на реверсивное.

Ключевые слова: «ложные друзья переводчика», межъязыковая омонимия, переводоведение, дидактика перевода, интерпретация текста

Summary. This paper examines the phenomenon of interlingual homonyms and is focused on the so-called false friends of the translator. This term refers to words existing in two different languages which have a similar form (either graphic or phonetic) but different meanings. These words can be very confusing and pose numerous problems both to those who have only just begun translating from foreign languages and experienced translators. By the example of one French word «styliste» the author shows how the right meaning of this kind of word can be found in the previous sentences. The author makes the conclusion that in some cases the reverse direction of thinking can be of use.

Key words: false friends of the translator, interlingual homonyms, translation studies, teaching translation, interpretation of texts

При сопоставлении языков не надо искать сходства.

Оно, как правило, провокационно.

А. А. Реформатский

Наверное, не найдется ни одного студента переводческого факультета, который не слышал бы о таком явлении, как «ложные друзья переводчика». О них начинают рассказывать еще на практике языка на младших курсах, о них предостерегают в курсе лексикологии, ими стращают на занятиях по практике перевода.

Эти «друзья» действительно страшны, потому что бывают, несмотря на весь свой обманчиво невинный вид, весьма коварны, могут застать «жертву» врасплох и напасть совершенно неожиданно. Как у них это получается? Ответ на этот вопрос известен: «ложные друзья переводчика» как проявление межъязыковой омонимии если и не идентичны, то очень схожи по звучанию со словами родного языка. Они создают существенные трудности в процессе как бытового общения на иностранном языке, так и в профессиональной деятельности, поскольку из-за сходства звукового или буквенного состава вызывают ложные ассоциации и приводят к ошибочному пониманию. Неудивительно, что в переводчико-филологической среде отношение к омонимам вообще и к межъязыковым в частности нередко бывает отрицательным. «Омонимы – это ... досадное неразличение того, что должно отличаться» [2, с. 94] «Досадное» кажется очень точным словом для описания тех чувств, которые испытывает переводчик, когда узнает *post factum*, что слово, с виду такое знакомое, простое и понятное, на проверку оказалось совсем иным.

Отметим, что системное изучение межъязыковых соответствий

началось давно – в 1928 году – с работы М. Кесслера и Ж. Дероккиньи. Ими же был введен и сам термин – «*faux amis du traducteur*» («ложные друзья переводчика») и выделены два типа «ложных друзей переводчика»: 1) «полностью ложные» со сходной орфографией и расходящейся семантикой и 2) «частично ложные» со сходной орфографией и в основном с общей семантикой [4]. В данном исследовании встретятся оба типа.

Как уже отмечалось, на стороне «ложных друзей» их обманчивая внешность. « <...> Не всегда словари помогают различить эти нюансы, особенно когда речь идет о многозначных словах. И <...> сходство формы психологически «давит» на переводчика, притупляет его бдительность, словом, не стимулирует его обращение к словарю» [1, с. 330].

Действительно, в условиях недостатка времени, возможности или желания проверить, совпадают ли по значению эти два одинаково звучащих слова, можно легко поддаться соблазну и пропустить «ложного друга». Но если перевод осуществляется в более благоприятных условиях, то распознать этого «волка в овечьей шкуре» вполне реально.

В прошлом году на занятии по переводу нам пришлось иметь дело с типичным представителем когорты «ложных друзей». К сожалению, во время предъявления перевода студенты ошиблись: ни у кого и в мыслях не было заподозрить неладное при виде такого, казалось бы, заурядного французского слова, как *styliste* ...

Что могло бы помочь начинающим переводчикам и заставить хотя бы начать сомневаться в правильности первоначального толкования этого слова? Как ни странно, в данном случае на помощь мог прийти «частично ложный друг» – слово *artiste*. Мы говорим «частично ложный», поскольку с этим словом не все так однозначно: хотя в нашем тексте это и не *артист*, но иногда это может быть и он.

Итак, на перевод был предложен небольшой текст из учебника издательства *Clé Internationale*, достаточно простой и не требующих поисков какой-либо дополнительной информации.

Начинается текст с рассуждений автора о том, как со временем изменились французские имена: если раньше родители больше ориентировались на традиции, то сегодня целиком полагаются на свою фантазию. Кто-то черпает вдохновение в мифах, кто-то в ботанике, кто-то в американских сериалах. Так появляются такие имена, как Вишенка, Капучино, Ирис, Беверли и даже Фланель.

В заключение автор отмечает, что несмотря ни на что, закон все же стремится защитить детей от возможных насмешек, и бывают случаи, когда мэрия отказывается регистрировать имена вроде Лабрадор или Бабар.

Интересующее нас слово находится в следующем окружении:

<...> *des parents qui font alors assaut d'imagination et d'originalité dans le choix des prénoms. Certains vont les chercher dans la mythologie, d'autres*

*choisissent des noms de plantes, de fleurs, de fruits, ou s'inspirent des séries télévisées américaines. <...> Les artistes donnent l'exemple. Un couple de comédiens a prénommé sa fille Toscane, une **styliste** a appelé la sienne Popeline, Tigger ... est le prénom du fils d'une actrice.*

Toutefois, cette liberté est limitée par le souci que manifestent les institutions de protéger l'enfant du ridicule.

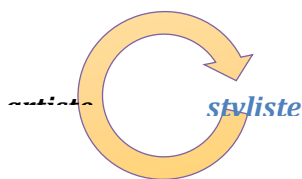
Чтобы понять, откуда следовало начать рассуждения, возьмем слово *styliste* в качестве отправной точки и будем постепенно двигаться назад, переходя от уровня слова к более высоким.

Итак, на уровне слова ничто не указывает на то, что *styliste* следует понимать как-то иначе нежели *стилист*, поэтому переходим на следующий. Здесь мы имеем дело с простым предложением: ... *une styliste a appelé la sienne Popeline*. У нас по-прежнему нет никаких оснований не верить своим глазам: *styliste* очень похоже на *стилист* и прекрасно вписывается в наш микроконтекст. От простого предложения переходим к сложному: *Un couple de comédiens a prénommé sa fille Toscane, une styliste a appelé la sienne Popeline*. И здесь ничто не заставляет усомниться в том, что речь идет о стилисте, а раз так, то идем дальше – на уровень сверхфразового единства. *Les artistes donnent l'exemple. Un couple de comédiens a prénommé sa fille Toscane, une styliste a appelé la sienne Popeline, Tigger ... est le prénom du fils d'une actrice*. А вот на этом уровне у нас уже должны закрадываться сомнения.

Начнем с перевода слова *artiste*. Что бы там ни говорил словарь, это явно не *артисты*, не *художники*, не *мастера своего дела*: в таком значении оно просто не может быть обобщающим словом для актеров и стилистов. Судя по всему, речь идет о каких-то людях, которые могут задавать тон и создавать тренд, они первыми дают детям вычурные имена, а уже потом их примеру следуют все остальные. Как мы можем узнать о том, какое имя кто-то кому-то дал, и почему вообще нам это должно быть интересно? Узнаем мы посредством СМИ, а интересно нам потому, что это известные люди и нам хочется знать обо всем, что с ними связано. Итак, у нас есть медийные личности, которые создают модные веяния, и слова *comédiens* и *actrice*. Что можно взять в качестве обобщающего слова? *Актеры* не подойдет, потому что есть еще *styliste*, а вот *знаменитости* может охватить всех известных личностей, как творческих, так и не очень.

Теперь у нас получается, что «тон задают знаменитости: некая актерская чета назвала дочь Тосканой, одна известная *стилистка назвала свою Поплин, а сына еще одной актрисы зовут Тиггером». И тут следует задать себе самый главный вопрос: много ли мы знаем известных стилистов, т.е. таких, чьи имена были бы у всех на слуху? Ведь стилист (в значении «мастер по созданию индивидуального стиля в модной одежде, причёске, макияже и т.п.») – одна из тех профессий, которые часто

остаются, образно говоря, за кадром. Мы видим и восхищаемся результатами их работы, но о самих стилистах ничего не знаем. Наряду с

корректорах, переводчиками, гримерами, костюмерами и др. имена стилистов чаще всего указываются там, куда никто не заглядывает – в конце книги или в титрах. Мы не знаем их имен и уж тем более ни в одном массовом издании не станут писать о том, как они называли своих дочерей. Это и должно было стать отправной точкой на пути к правильному толкованию слова. Другими словами, сомнения должны были зародиться после того, как мы вернулись назад и соотнесли *styliste* с первым предложением сверхфразового единства *Les artistes donnent l'exemple*. По сути, мы совершили поворот на 360 градусов: от *styliste* к *artistes*, затем снова к *styliste*.

Другими словами, для верной интерпретации слова потребовалось изменить направление смысловосприятия с последовательного на реверсивное.

После того, как появились сомнения в том, что *styliste* – это стилист, необходимо выяснить, кто же это такой. Прежде всего обратимся к предпочитаемому студентами французско-русскому словарю АБВУ Lingvo за переводом слова, а затем к одноязычным французским словарям за определением:

Lingvoly	1. (лит.) стилист, стилистка 2. стилист, стилистка; дизайнер; декоратор (специалист по созданию стиля в одежде, мебели и т. п.)
Lingvoly	1. стилист, -ка 2. (mode) модельер; -ша f fam 3. (esthétique industrielle) специалист по промышленному дизайну
Larousse	1. Écrivain qui brille surtout par le style. 2. Personne qui détermine les produits d'une collection de couture et en supervise l'exécution. 3. Modéliste spécialisé dans tel ou tel domaine de création, comme le vêtement, la chaussure, la maroquinerie de luxe, etc.

L'internaute	1. Personne qui conçoit et crée des modèles et des formes nouvelles dans un domaine particulier. 2. (Littérature) Ecrivain au style très travaillé et remarquable.

Как видно из сопоставления результатов поиска, ABBYY Lingvo предлагает как правильные варианты (*дизайнер*), так и ошибочные (*стилист как создатель имиджа*). Обращение к французским толковым словарям позволяет уточнить правильное значение и отбросить ошибочные, и в итоге мы получаем: *Тон задают знаменитости: некая актерская чета назвала дочь Тосканой, известный дизайнер назвала свою Поплин, а сына еще одной актрисы зовут Тиггером.*

Результатом проведенного исследования можно считать не только верный перевод слова, но констатацию того, что при обратном переводе слова *стилист* (как создатель имиджа), т.е. с русского на французский, относиться к ABBYY Lingvo следует с опаской: единственный предлагаемый вариант – это *styliste*, в то время как правильным было бы *conseiller (e) / consultant(e) en image*. Вероятно, исходное слово *стилист* рассматривается составителями словаря только как *мастер литературного стиля*.

Завершая исследование, отметим, что нам достался достаточно сложный случай, но в ином контексте обнаружить «ложного друга» было бы проще:

*Dans les années de la Seconde Guerre mondiale (1939-1945), il y a eu Coco Chanel, une **styliste** française mondialement reconnue pour ses créations qui ont révolutionné l'univers de la mode [9].*

В данной статье мы рассмотрели один частный случай проявления межъязыковой омонимии и показали, что именно в отдельно взятом тексте помогло «изобличить» «ложного друга переводчика». Для верной интерпретации слова потребовалось изменить направление смысловосприятия с последовательного на реверсивное.

Думается, что при взаимодействии с «ложными друзьями переводчика» возможны самые разные алгоритмы, и любые исследования в этом направлении будут иметь большое значение для предупреждения ошибок в переводческой практике, при обучении иностранным языкам, в лексикографической практике, а также в сопоставительных и типологических исследованиях.

Список использованных источников

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544с.
2. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 2000. 536 с.

3. Реформатский А. А. О сопоставительном методе // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. С. 47.

4. Koessler M. Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais (conseils aux traducteurs) [Electronic Resource] // M. Koessler, J. Derocquigny. P. : Librairie Vuibert, 1928. 387 p. Mode of access: URL: <https://archive.org/details/lesfauxamisoules00kssl/page/n5> (Дата обращения: 13.01.2020)

5. <https://www.larousse.fr>

6. <https://www.lingvolive.com>

7. <https://www.linternaute.fr>

8. <https://slovarozhegova.ru>

9. <https://fr.wikimini.org>

УДК 811.11-112

ФОЛЬКЛОР КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ РОМАНТИЗМА В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е. И. Винникова,

*магистрант кафедры теории и практики перевода, Институт
иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Н. В. Пасекова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье излагаются основные принципы развития немецкого романтизма и оценивается степень влияния народного творчества на произведения писателей-романтиков. Основной целью статьи является выявление роли немецкого фольклора в композиционной и художественно-изобразительной системе произведений писателей-романтиков. В работе использованы принципы историко-литературного и сравнительно-типологического анализа для определения границ жанрового комплекса, сюжетных сказочных мотивов. В результате исследования были выявлены факты, подтверждающие заимствование немецкими писателями-романтиками сюжетов и мотивов, присущих народным сказаниям и фольклорным произведениям.

Ключевые слова: Романтизм, фольклор, немецкая литература, писатели-романтики, сказка, миф.

Summary. The article outlines the basic principles of the development of German romanticism and assesses the degree of influence of folk art on the works of romantic writers. The main purpose of the article is to identify the role of German folklore in the compositional and artistic-visual system of works of

romantic writers. The principles of historical-literary and comparative-typological analysis are used in determining the boundaries of the genre complex, plot fairy-tale motifs. As a result of the study, some facts were revealed that confirm the borrowing of plots and motifs inherent in folk tales and folklore by German romantic writers.

Key words: Romanticism, folklore, German literature, romance writers, fairy tale, myth.

В течение всей истории развития романтизма были осмыслены и разнообразно выражены идеи и духовные ценности, контрастные реальному миру. Согласно словам немецкого философа и представителя классической немецкой философии Ф. Шеллинга, «у ранних немецких романтиков человеческий дух был раскован, романтизм считал себя вправе всему существующему противопоставлять свою действительную свободу и спрашивать не о том, что есть, но что возможно» [6, с. 637].

Одной из основополагающих черт романтизма как движения можно назвать стремление противопоставления бюргерскому, «обывательскому» миру рассудка новейшей системы ценностей, а именно культа творчества, следования природе, символа, мифа, превосходства воображения над рассудком, стремление к синтезу и поискам взаимосвязи всего со всем. Романтики выступали за свободное и эмоциональное искусство, а также ратовали за изображение личности, стихийно проявляющей себя. Романтики яро отстаивают творческую свободу художника и фантазию, а также не принимают нормативность в эстетике и даже рационалистическую регламентацию в искусстве.

Писатели-романтики в Германии высоко оценивают значение народного творчества. В своих литературных манифестах и статьях они говорили о необходимости обширного исторического анализа художественно-поэтических проявлений как прошлого, так и настоящего. Романтики отвергали догматическую теорию классицизма и расценивали нормы античного искусства как неприемлемые для изображения современного им мира. К тому же они продвигали новейшие литературные жанры, а также полную свободу трактовки данных жанров.

Итак, в литературе появились, помимо романтической драмы, сказки лирико-философского и фантастического характера, новеллы и романтическая поэма, отвергавшие все прежние суждения о границах между лирикой и эпосом, романы в стихотворной форме и в прозе. Такие романы отличались необычной композицией, а также резким выделением субъективного отношения к предметам. В романах можно также выделить явный национальный колорит, интерес к историческим темам и философским проблемам. За проблемами философского характера стояли непонятые романтиками реальные жизненные противоречия; и, конечно, богатая разнообразием мотивов лирика. Писатели-романтики

культивировали лирику, широко использовали народную песню, раскрывая настроения и душевный мир человека.

Особенное видение мира романтиками нашло выражение в персонажах романтических героев. Такой герой не обязательно является положительным, но первостепенно то, что он отражает ту самую тоску романтиков по идеалу. Например, центральным персонажем новеллы немецкого писатель-романтика, сказочника, композитора и художника Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок» является студент по имени Ансельм. Его явная увлеченность собственным творчеством и даже некая одержимость творческим процессом прочитывается в произведении: «С каждым словом, удачно выходящим на пергаменте, возрастала его храбрость, а с нею – и уменье. Да и писалось новыми перьями великолепно, и таинственные вороново-черные чернила с удивительной легкостью текли на ослепительно белый пергамент. Когда он так прилежно и внимательно работал, ему становилось все более по душе в этой уединенной комнате, и он уже совсем освоился с занятием, которое надеялся счастливо окончить <...>». Либо: «<...> эти рабочие часы были счастливейшими часами его жизни, потому что здесь <...> он чувствовал во всем существе своём никогда прежде не испытанную приятность, часто достигавшую высочайшего блаженства» [2, с. 17–19].

В глубинах романтизма рождается новый тип личности – это личность художника, творца. Это универсальной, стремящейся к высшей гармонии тип личности, содержащей в себе все многообразие современного мира. Универсальность художника является противопоставлением любой ограниченности личности, связанной с узкими меркантильными интересами или жадой наживы, разрушающей человека. Конкретно подобного рода герои являются характерными в традиционном немецком народе творчестве. Почти всегда читатель сталкивается с необыкновенными свойствами обычных людей, которые по велению судьбы оказались в необыкновенных ситуациях. Фантастические существа и необычные животные, которые наделены человеческими качествами, волшебные предметы живут на страницах текстов, волнующих воображение. Особенная структура сказочного персонажа в народных сказаниях подобного типа проявляется:

- 1) в стремлении к раскрытию типового содержания в передаче характера персонажей с помощью обобщения или даже абстрагирования;
- 2) в стабильности характеров персонажей;
- 3) в постоянстве функций персонажей;
- 4) в лаконичности портрета психологической характеристики персонажа, которые раскрываются скорее в диалогах и поступках;
- 5) в построении сюжета на двух или трех главных героях, в ограниченном количестве персонажей.

Например, один из самых частых персонажей в немецком фольклоре – эльфы. Это потомки скандинавских альвов и ирландских сидов, унаследовавшие проказливость первых и величественность, красоту вторых. В данном случае очевидна возможность применения вышеперечисленных характеристик сказочных образов к названным героям немецкого фольклора.

В целом немецкие романтики отвергали необходимость и возможность объективного отражения действительности. Это причина, по которой романтики провозгласили основой творчества субъективный полет творческого воображения. Фабулами романтических сочинений избирались удивительные события и необычайная обстановка, в которой действовали герои произведений. Постановка центрального персонажа в фантастическую ситуацию, совершение персонажем удивительных, волшебных действий играет важнейшую роль и в народном творчестве. Конкретно совершение поступков можно назвать основополагающим законом сказки, а развитие сюжета в поступках и диалогах героев можно определить как структурный стержень сказки.

Заслуги писателей-романтиков несомненны в деле собирания и изучения национальных памятников средневековья, немецкого народного творчества (преданий, легенд, сказаний). Одним из основополагающих акцентов является национальная немецкая традиция, которая основана на патриотическом подъеме национального самосознания народов Германии в противостоянии иностранной оккупации. Поздние романтики смогли обогатить немецкую культуру, получая материалы из кладовой национальных сказаний, легенд и песен. Основываясь на народной песенной традиции, полная регенерация и невероятный подъем в произведениях таких авторов, как Клеменс Брентано, Отто Мюллер, Йозеф фон Эйхендорф, Генрих Гейне, Людвиг Уланда, Адельберт фон Шамиссо, переживает немецкая лирика.

Кроме того, ориентация на национальный фольклор зачастую вела к националистическим настроениям, а также к идеализации феодальных пережитков, мыслям о характерной феодально-патриархальной народности. Писатели-романтики Ахим фон Арним и Клеменс Брентано – главные представители кружка гейдельбергских романтиков. Следует отметить тот факт, что центральное место в эстетике кружка гейдсльбергских романтиков (Клеменса Брентано, Йозефа Герреса, Ахима фон Арнима, братьев Якоба и Вильгельма Гримм) занимала проблематика народности творчества. Представители кружка тщательно накапливали и обрабатывали фольклорные произведения – сказки, песни, народные книги, сказания. Довольно часто стилистика повествования в прозе писателей-романтиков максимально приближена к поэтическому, а их поэтика приближена к фольклорной поэтике. В 1805 году в Гейдельберге появился первый том

сборника немецких народных песен «Волшебный рог мальчика», который вышел под редакцией Арнима и Брентано. Два года спустя, в 1807 году, в Гейдельберге было опубликовано произведение Йозефа Герреса «Немецкие народные книги», где записано и прокомментировано содержание сорока девяти «народных книг». В 1812 году появилось произведение «Детские и домашние сказки», а в 1816 году были опубликованы «Немецкие предания» братьев Якоба и Вильгельма Гримм. Проблематика народности творчества играла важную роль в позднеромантической эстетике. Стремление поздних романтиков к фольклору и народной поэзии, хотя и не было свободно от реакционных аспектов, имело при этом положительный характер. Это стремление плодотворно повлияло на немецкую литературу, обогатив ее форму и содержание. Братья Гримм писали в действительности не народную, а литературную поэзию в облике «народных» сказок.

Народную сказку, которая стала основополагающим ядром подобной литературной сказки, можно причислить к разряду многоликих и разнообразных жанров. Но все же возможно отметить две группы признаков, присущих конкретным текстам, которые по-разному оцениваются с позиции единства жанра. К первой группе признаков относятся обязательные, постоянные, инвариантные признаки; данные признаки являются жанрообразующими и составляют постоянство жанровой традиции, позволяющей говорить о своеобразных законах жанра. Ко второй группе относятся факультативные признаки, периодичность которых определена в основном народной традицией.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что представители немецкого романтизма в действительности черпали вдохновение в фольклоре, тематика которого известна с давних времен, а именно при создании древнейших мифов. В хронологической ленте, простирающейся с древнейших времен до современности, народное творчество находится в промежуточном положении, и народное творчество можно назвать объединяющим фактором культурного пространства столетий. Наличие в сказках ритуалов, символов, обрядов может служить свидетельством этого фактора. Однако вышеизложенный довод не препятствует писателям индивидуально адаптировать и перерабатывать древнейшие сюжеты, добавляя некие реалистические направления и привнося свой уникальный стиль.

Список использованных источников

1. Адоньева С. Б. Волшебная сказка в контексте традиционной фольклорной культуры. Л.: ЛГУ, 1989. 242 с.
2. Ботникова А. Б. Сказка немецкого романтизма // Немецкая романтическая сказка. М.: Прогресс, 1980. – С. 5–32.
3. Габитова Р. М. Философия немецкого романтизма. М.: Наука, 1978.
4. Дмитриев А. С. Немецкая литература: Романтизм // История

зарубежной литературы XIX века / Под ред. Н. Соловьевой. М.: Высшая школа, 1991. 637 с.

5. Проблемы взаимовлияния фольклора и литературы: Сб. ст. М.: МГУ, 1984.

6. Шеллинг Ф. В. Сочинения в 2-х томах. М.: Мысль, 1989. 637 с.

УДК 811.581

**ТРУДНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО
ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ФИЛЬМА К. ТАРАНТИНО
«PULP FICTION»)**

Т. С. Воложанина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и
перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, Санкт-Петербург*

М. В. Харченко,

*студент третьего курса кафедры теории языка и переводоведения,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург*

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию трудностей перевода, с которым столкнулись переводчики при работе над фильмом «Криминальное чтиво». В статье подробно описываются следующие переводческие проблемы данного фильма: сленг и каламбур.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, трудности перевода, перевод сленга, перевод каламбуров, дубляж.

Abstract. This article is focused on the study of translation difficulties that translators encountered while working on the film «Pulp Fiction». Slang and pun are described in detail in the article.

Keywords: audiovisual translation, translation difficulties, slang translation, puns, dubbing.

Данная статья посвящена проблемам аудиовизуального перевода с английского языка на русский язык. Эта тема представляется актуальной, так как киноиндустрия является немаловажной частью современной культуры многих стран. Аудиовизуальный перевод – это, с одной стороны, очень востребованный вид переводческой деятельности, с другой стороны, несмотря на его востребованность, в России этот вид перевода считается мало исследуемым [3].

Для анализа проблем аудиовизуального перевода был взят фильм «знакового» режиссера и киносценариста – Квентина Тарантино. Его кинокартины представляют интерес для лингвистического исследования,

поскольку в них наряду с нестандартной сюжетной линией и переосмыслением культурно-исторического процесса, важную роль играют диалоги – собственно лингвистический материал. Диалоги в фильмах Тарантино очень значимы и делают фильмы одновременно и уникальными, и трудными для перевода.

В статье изучаются диалоги одного из самых знаменитых фильмов Квентина Тарантино – «Криминальное чтиво». Оценим, насколько точно и адекватно они были переведены на русский язык компанией «Невафильм», которая производила дубляж этого фильма.

Проанализировав диалоги персонажей «Криминального чтива», был сделан вывод, что основными трудностями, с которыми столкнулись переводчики, работая над данным фильмом, являются перевод сленговых выражений и перевод каламбуров.

Изучим упомянутые переводческие трудности подробнее.

В английской лексикографии термин «сленг» получил широкое распространение приблизительно в начале прошлого века [2]. В этой статье под сленгом будет пониматься разновидность речи, используемая преимущественно в устном общении с целью придания речи экспрессивности и выражения эмотивности.

Очевидным представляется тот факт, что, проникнув во многие слои языка, сленг становится инструментом для создания определенной эмоциональной окраски, экспрессии не только в сфере повседневного общения, но и в литературе и кино.

При переводе сленга переводчик сталкивается со следующей проблемой: сленговые термины не всегда понятны человеку, который не является носителем данного языка и культуры. Многие сленговые выражения могут быть идиомами, для их понимания нужно углубиться в суть культуры и традиций.

В фильме Квентина Тарантино «Криминальное чтиво» нами были выделены некоторые идиомы, которые могли бы вызвать сложности для понимания у человека, не принадлежащего к американской культуре, в контексте которой снят данный фильм. Перейдем к рассмотрению конкретных примеров.

Первый пример, который нам бы хотелось рассмотреть – это ситуация, когда герой данного фильма, боксер по имени Бутч, разговаривает по телефону после боя. Для нас интересна следующая реплика Бутча:

(1) *As soon as the word got out the fix was in, man, the odds went through the roof.*

Разберем следующее словосочетание: **the word got out**. Данную фразу достаточно легко перевести, прибегнув к помощи словаря Reverso Context, где указано – *об этом узнают, пойдет молва, пройдет слух* [7].

Исходя из сюжета фильма, перевод слова **the odds** – *шансы*,

вероятность, предложенный Cambridge dictionary [6], не подходит. Обратимся к Reverso Context: в букмекерском сленге эта фраза означает *коэффициент*. Данный перевод подходит по смыслу.

В онлайн-словаре Urban dictionary [9] идиома ***go through the roof*** имеет такую трактовку: *to rise to a very high level (взлететь выше крыши, подскочить до небес)*.

Следовательно, дословно данную фразу можно перевести так: *Как стало известно, что бой договорной, коэффициент взлетел*. «Невафильм» предлагает следующий перевод этого предложения: *Как прошел слух, что я лягу, на меня никто не ставил*. В этом примере используется экспликация смысла, потому что в рамках аудиовизуального перевода в данном примере присутствуют трудности технического характера: второго собеседника, который отвечает по телефону, не слышно. Переводчик использует обратный, уточняющий перевод фразы, так как далее в диалоге не следует реплик, раскрывающих её смысл. Следовательно, перевод, предложенный компанией «Невафильм», можно считать удачным, так как он информативен и понятен зрителю.

Рассмотрим еще один пример: герой фильма Винсет Вега по заданию своего босса Марселласа Уоллеса привозит его жену, Мию Уоллис, в кафе, чтобы она весело провела свой вечер (кафе было выбрано героиней). Винсету Вега сразу не нравится это заведение, он высказывает это Мии, предлагая поехать в другое место, на что девушка отвечает:

(2) *Don't be a ... (рисует в воздухе прямоугольник)*

Данный пример нам интересен тем, что здесь опускается слово *square*, следовательно, русскому зрителю непонятно, что имеется в виду. Дословный и всем известный перевод ***square*** – *квадрат*, но также данное слово имеет значение *прямоугольник* [5]. Словарь сленга Urban Dictionary дает следующее определение: *a person who is regarded as dull, rigidly conventional, and out of touch with current trends* [9]. В английском этимологическом словаре объясняется, откуда происходит это понятие. Оно стало употребляться американским джазовым сообществом в 1940-х годах в отношении людей, не знакомых с музыкальными тенденциями [8].

Можно предложить следующий перевод этой фразы: *не будь занудой*. «Невафильм» дает нам такой перевод этого предложения: *Не будь таким....* В русскоязычной озвучке также опускается данное слово ***square***. Такой перевод нельзя считать удачным, так как режиссер фильма создает его на основе своей культуры, и данная фраза будет понятна зрителям оригинальной версии фильма, но частично или полностью не воспринята зрителями переведенной версии, поскольку в России не называют скучных людей квадратами или прямоугольниками.

Таким образом, рассмотрев несколько примеров переводов сленговых выражений, можно прийти к выводу, что в большинстве случаев

перевод данных выражений действительно представляет собой проблему, поскольку переводчику приходится пользоваться многочисленными словарями для понимания того или иного сленгового выражения. С другой стороны, приложив достаточное количество усилий, практически всегда можно добиться адекватного перевода сленговых выражений.

Теперь перейдем к рассмотрению проблем, которые возникают у переводчиков при работе с каламбурами. Как известно, каламбур является распространённым средством художественной выразительности и встречается во всех жанрах художественных произведений, а также и в кино. По определению В. З. Санникова, каламбур представляет собой литературный прием с использованием в одном контексте разных значений одного слова или разных слов, или словосочетаний, сходных по звучанию [4].

Перевод каламбура считается сложной задачей для переводчика, чтобы успешно передать его форму и смысл, нужно в совершенстве знать оба языка не только иностранный язык, но и русский. Следует отметить, что иногда перевод каламбура с полной передачей смысла является неосуществимым. С другой стороны, в большинстве случаев данная задача считается выполнимой.

Перейдем к рассмотрению конкретных примеров каламбура. Первый пример – знаменитый анекдот героини фильма Мии Уоллис, который она рассказывает Винсенту Вега.

(3) *«Three tomatoes are walking down the street: a poppa tomato, a momma tomato, and a little baby tomato. Baby tomato starts lagging behind. Poppa tomato gets angry, goes over to the baby tomato, and smooshes him... and says: “Catch up!”»*

В данном примере фразовый глагол **“Catch up!”** является каламбуром, в основе которого лежит фонетическая омонимия (слова и словосочетания, совпадающие по звучанию, но различные по написанию и значению) [1]: слово **ketchup** в переводе с английского имеет значение – *кетчуп*, **catch up** – *догоняй* [5].

Следовательно, чтобы уловить комический смысл каламбура, необходимо знать и понимать эти значения слов. Компания «Невафильм» предлагает такой перевод: *«Три помидора гуляют, помидор папа, мама и ребенок. Ребенок отстал, отец помидор не доволен. Вернулся назад и как врежет ногой ему: догоняй, кетчуп»*. В этом переводе использован прием опущения, текст передается на русский язык путем простого перевода. Это связано с тем, что в русском языке невозможно подобрать эквивалент этому омофону. При передаче каламбура с помощью метода опущения, не удалось достигнуть комического эффекта в силу непередаваемого элемента иностранного языка.

Во втором примере Джулс Уиннфилд вместе с Винсетом Вега на

задании должны были забрать принадлежащий их боссу чемодан у бывших «коллег», которые нарушили договоренность. Джулс в грубой форме сообщает им, что их боссу не нравится, когда его обманывают.

*«But Marsellus Wallace don't like to be **fucked** by anybody except Mrs. Wallace».*

В основе данного каламбура лежит использование многозначности слова, в частности его переносного значения [1]. В основном значении слово **fuck** переводится как *иметь* (половое сношение) [5], в контексте этого примера переносное значение – *обмануть*. Можно дословно перевести так: *Но Марселласу Уоллесу не нравится, когда его имеет кто-то, кроме Миссис Уолесс*.

Рассмотрим вариант, предложенный «Невафильм»: *«Ты пытался его трахнуть, а Марселлас Уоллес не любит, когда его трахает кто-то, кроме Миссис Уолесс»*. Передача каламбура строится на компенсации, перевод осуществлен на месте непереданного элемента оригинала и оказывает сходное воздействие на читателя. Слово **fuck** перевели как *трахать*, его также повторили два раза, чтобы зритель извлек два значения. Таким образом, перевод каламбура можно считать адекватным, так как смысл был передан.

Как видим, передача каламбуров – это большая трудность для переводчика, поскольку основной задачей является не только передать смысл, а оказать комический эффект на зрителя. Поэтому при переводе недостаточно пользоваться словарями, нужно иметь полное понимание смысла каламбура, культурных особенностей, а также уметь передать это на язык перевода.

Подводя итоги вышесказанного, можно сделать вывод, что аудиовизуальный перевод имеет свои сложности. После анализа диалогов из фильма «Криминальное чтиво» были выделены две группы лингвистических явлений: сленг и каламбур, представляющих трудности для переводчика. Проанализировав перевод примеров, был сделан вывод, что большинство диалогов удалось адекватно передать на русский язык, что говорит о несомненном высоком профессионализме переводчиков, работавших над дубляжом данного фильма.

Список использованных источников

1. Влахов С. Н., Флорин С. В. Непереводимое в переводе: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986. 416 с
2. Гальперин И. Р. О термине «сленг» [Текст] // Вопросы языкознания. – 1956. – № 6.
3. Горшкова В. Е. Седьмая международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода. Мировое кино: вчера, сегодня, завтра...», Афины, Греция, 28 апреля – 3 мая 2017 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2017. – Т. 21. – No 4.

–С. 941–946. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-941-946.

4. Санников В. З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 56–69.

5. Словарь Мультитран URL: <https://www.multitrans.com> (дата обращения: 29.10.2019).

6. Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 28.10.2019).

7. Reverso Context URL: <https://context.reverso.net/> (дата обращения: 28.10.2019).

8. The Online Etymology Dictionary URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения: 09.10.2019).

9. Urban Dictionary URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 28.10.2019).

УДК: 82-193

ОСОБЕННОСТИ И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ УИЛЬЯМА С. БЕРРОУЗА «COLD LOST MARBLES» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Т. С. Воложанина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и
перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, Санкт-Петербург*

В. В. Яковлева,

*студент четвёртого курса кафедры теории языка и переводоведения,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург*

Аннотация. Статья посвящена анализу перевода стихотворения Уильяма С. Берроуза «Cold Lost Marbles». В работе предлагается краткая характеристика поэзии бит-поколения, а также рассматриваются основные трудности перевода вышеупомянутого произведения. Авторы предлагают свои варианты перевода наиболее сложных метафор.

Ключевые слова: бит-поколение, перевод, метафора, ритм.

Summary. This article is devoted to the analysis of William S. Burroughs's poem «Cold Lost Marbles». The short qualification of the beat-generation poetry is provided as well as the main difficulties while dealing with the translation of the above-mentioned written work are viewed.

Key words: beat-generation, translation, metaphor, rhythm.

Поэзия бит-поколения, или «разбитого поколения», представляет собой совмещение прозы и поэзии, а также целого спектра эмоций и настроений американского народа на границе 1940-1950-х годов. Создававшаяся в послевоенное время, когда привычный уклад жизни

полностью разрушен, а новый ещё не сформирован, она отражает ощущение потерянности целого поколения, которое не может найти себе место в существующем мире. Наравне с изменениями прежних нравов, стандартов и правил, поэзия бит-поколения бросает вызов всему вокруг и не следует по ранее протоптанной тропинке написания лирических произведений, а создаёт свою новую ветвь повествования.

Поэзию битников часто называют революционной, так как она олицетворяла собой голоса простого рабочего народа, отчуждающего себя от серой массы [3]. Произведения этого поколения характеризуются свободой стихосложения, обилием метафор, повторов, сравнений, описанием ярких визуальных образов через ритмические стихотворные формы. Она рассчитана на устное воспроизведение, так как наиболее сильный эффект оказывался при прочтении вслух этих отрывистых строк и громких высказываний, ввиду чего передача всего содержания без потерь на другой язык представляет собой определённые трудности.

С помощью стилистического анализа посредством построчного сопоставления оригинала и перевода нами было рассмотрено стихотворение «Cold Lost Marbles» Уильяма С. Берроуза [3]. Сложно однозначно определить тему этого произведения, однако с уверенностью можно обозначить ключевые аспекты и настроения стихотворения. По мере прочтения, возникает ощущение того, что кто-то сходит с ума, теряет надежду на будущее. Атмосфера внутри стихотворения вторит этим событиям: зима, холод, одиночество, скорбь по ушедшим событиям, тишина и неподвижность; реальность, навеки застывшая в одном состоянии; ощущение некой тёмной тайны, которая скрыта между строк. Множество абстрактных метафор задают общее пессимистическое настроение стихотворению, однако при более близкой работе с произведением можно убедиться, что не все они удачно были переданы при переводе на русский язык.

Первый аспект, который бросается в глаза, это само название стихотворения. *Cold Lost Marbles* [3] на русском языке превратилось в *Холодные мраморные шарики потерялись* [1]. Уильям С. Берроуз в своей работе обыграл известную идиому *lose one's marbles*, которая означает *сойти с ума, спянуть* [5]. Таким образом, русский читатель уже с самого начала произведения настраивается на неверный тон повествования, ожидая историю о каком-то физическом объекте; он начинает выстраивать в своей голове совсем не ту цепочку предположений и образов, которая возникает у англоязычного читателя при знакомстве со стихотворением. Следовательно, в переводе утрачивается главная идея произведения, задающая лад дальнейшему повествованию; читатель думает о материальных вещах, тогда как в оригинале речь идёт совсем о другом: о потере рассудка.

Следующая строчка может поставить в тупик любого человека, как

носителя языка, так и иноязычного читателя:

lustre of stumps washes his lavender horizon

На русский язык это было переведено следующим образом:

блеск культей омывает его лиловый горизонт

Начнём с того, что оба слова *lustre* и *stumps* имеют несколько вариантов перевода и сложно однозначно сказать, что именно автор имел в виду под данной метафорой. Слово *lustre* можно перевести как:

- 1) слава;
- 2) блеск, сияние;
- 3) великолепиие;
- 4) люстр (особый пигмент, наносимый на керамические изделия) [5].

Слово *stump*, в свою очередь, имеет следующие наиболее часто встречающиеся интерпретации в русском языке:

- 1) пенёк;
- 2) ампутированная конечность (культия; протез);
- 3) остаток, огрызок, огарок, окурок;
- 4) коротышка;
- 5) кампания (особенно избирательная или агитационная);
- 6) тяжёлый шаг [5].

Таким образом, затруднительно определить, какой именно смысл вкладывал в данное словосочетание автор. *Блеск культей* может метафорично отображать субъективную интерпретацию Беллы Ключевой [1], русского переводчика, её личное понимание данной строки. Тем не менее *lustre of stumps* можно также перевести следующими вариантами:

- 1) *блеск окурков* (очевидно, не до конца затушенных, либо блеск пепельницы на фоне «лилового горизонта», в заходе солнца);
- 2) *сияние пней* (возможно, покрытых смолой, или просто изобилие подрезанных деревьев, которые «сияют» своими не выкорчёванными корнями);
- 3) *великолепие остатков* (метафоричное описание обыденных, не законченных предметов, не завершённых дел, прекрасных в своей заброшенности).

Стихотворение подходит к своей кульминации, так как в следующих строчках чувствуется эмоциональное напряжение и назревание главной мысли произведения [3]:

*memory died when their photos weather-worn points of
polluted water under the trees in the mist shadow of
boys by the daybreak in the peony fields cold lost
marbles in the room carnations three ampoules of
morphine little blue-eyes-twilight grins between his
legs yellow fingers blue stars erect boys of sleep
have frozen dreams for I am a teenager pass it on*

flesh and bones withheld too long yes sir oui oui

Через данный, на первый взгляд, набор слов и прослеживается основная тема и идея битнической поэзии – описание, метафоры, отрывистый ритм, максимальная обобщённость, но в то же время определённости событий. Мы можем увидеть намёк на происходящее, но не непосредственное описание совершаемых действий.

Однако в русском языке поменялась структура повествования наряду с некоторыми переводческими трансформациями [1]:

память умирает когда их фотографии заливают дождь капли грязной воды под деревьями в тумане тени мальчишек на рассвете на полях пионов потерялись холодные мраморные шарики в комнате звезды три ампулы морфина маленькие голубоглазые сумерки смеются у него между ног жёлтые пальцы синие звёзды хуястые мальчики сна замёрзли теперь я подросток передайте дальше плоть и кости давно затаились да сэр oui oui

Очевидно, переводчик посчитал изначальное структурирование по абзацам сделанным «без какой-либо смысловой нагрузки», поскольку в русском варианте данная ритмичность слилась в один сплошной кусок текста. Такой стилистический приём как «поток сознания» подразумевает отсутствие знаков препинания, словно человек «взахлёб» описывает какое-либо событие или словно мы проникли в его голову и читаем непрерывный поток его мыслей. Тем не менее, акценты в оригинальном произведении были расставлены таким образом вряд ли по одной лишь прихоти автора.

Фраза *for I am a teenager pass it on* в русском варианте превратилась в *теперь я подросток передайте дальше*. Возможно, Уильям С. Берроуз писал от лица какого-то подростка, возможно, он представлял себя в юности, возможно, он говорил от имени ребёнка, который сидит в каждом из нас, – мы никогда не узнаем; но мы знаем наверняка, что этим подростком он не стал, он им был, вследствие чего не до конца понятно решение Беллы Ключевой обратить ситуацию в нечто, что случилось и произошло, вместо того, что уже существовало.

Заключающая фраза в этой части, которая тоже была модифицирована в русском языке, это *flesh and bones withheld too long* – *плоть и кости давно затаились*. Использование слова *затаились* предполагает субъект действия, зачастую кого-то, кто затаился или спрятался, тогда как в оригинале явно прослеживается идея того, что «плоть и кости» являются объектами, над которыми совершалось действие; то есть, не они сами затаились, а их кто-то «затаил». Таким образом, более удачными вариантами перевода были бы *плоть и кости, удерживаемые слишком долго*, *плоть и кости, спрятанные слишком долго*, а если быть более метафоричными и пытаться следовать идеям оригинала, то *плоть и кости, подавляемые слишком долго*.

Следующая фраза снова представляет собой трудность для перевода в связи с неоднозначностью одного из ключевых слов:

... brass echo tropical jeers from Panama

... медное эхо тропический смех из Панамы

Словосочетание *brass echo* было переведено как *медное эхо*, что является очередной красивой метафорой. Тем не менее, слово *brass* может означать не только какой-то предмет, сделанный из меди, но также и медные духовые инструменты, такие как, например, трубу или тромбон. Таким образом, эхо могло быть не столько *медным*, как если бы ударили по какому-то предмету, изготовленному из этого материала, и шум от этого удара разошёлся эхом по местности, сколько эхом от музыкального инструмента, той же трубы, на которой играют или играли и перестали, оставив после себя угасающие *трубные* звуки.

Завершающий пример в данной статье также основывается на временном несоответствии оригинала и перевода:

... and maybe a boy skin spreads to something else...

и может кожа мальчишки перейдёт на что-то другое...

При прочтении оригинального произведения создаётся ощущение, что действие может происходить уже сейчас, пока мы читаем эти строки, тогда как в переведённом тексте исключается любая другая возможность, кроме будущего. Помимо этого, автор употребил артикль *a* при описании кожи, откуда можно сделать вывод, что он имел в виду не какого-то конкретного мальчика, а любого мальчика вообще; возможно, акцент был сделан на коже как таковой. Следовательно, допустим такой вариант перевода: *и может юношеская кожа переходит на что-то другое, и может мальчишья кожа распространится далее, и может кожа мальчишек растянется на что-то ещё* и т.д.

Проанализировав стихотворение Уильяма С. Берроуза «Cold Lost Marbles» [3] можно убедиться, что наиболее трудным является интерпретация и передача метафор, так как иногда их значение сложно установить даже из контекста оригинального произведения. Наряду с этим, очень важным аспектом является сохранение ритма стихотворения, ведь недаром поэзию бит-поколения называют джазом, облачённым в слова и переложённым на бумагу [5]. Несмотря на то, что данные стихотворения изначально сочинялись для декламации перед людьми, их письменное выражение и правильная передача на другие языки несомненно важны для культурного и литературного наследия исторического развития времени.

Список использованных источников

1. Берроуз У.С. Дезинсектор! – KOLONNA Publications, 2001.
2. Бодрунова С.С. Время синтеза: новый формализм в американской

поэзии. – Стороны света, 2010.

3. Burroughs W.S. Exterminator! – Viking Press, 1973.

4. Gray R.J. A history of American literature. – Wiley-Blackwell, 2004.

5. Электронный словарь Мультитран [Электронный ресурс]. – <https://www.multitrans.com>.

УДК 811.12

ПЕРЕВОД НАУЧНОГО ТЕКСТА ПО ПСИХОЛОГИИ: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т. С. Воложанина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и перевода, Гуманитарный факультет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

Н. Г. Талашова,

кандидат филологических наук, ведущий специалист отдела разработки тестовых материалов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена особенностям перевода научного текста по психологии с английского языка на русский. На примере перевода отрывка текста из книги Тома Стаффорда «Mind Hacks: Tips and Tools for Using Your Brain» описываются проблемы, с которыми сталкивается переводчик при переводе, а также предлагаются способы их решения.

Ключевые слова: научный текст, психология, термин, перевод.

Summary. The article is devoted to the specific character of translation of the scientific text on psychology from the English language into Russian. The authors analyze the abstract from «Mind Hacks: Tips and Tools for Using Your Brain» by Tom Stafford. The article studies the problems that the translators face and gives the ways of solving them.

Key words: scientific text, psychology, term, translation.

Наука занимает важное место в современном мире. Благодаря достижениям науки общество совершенствуется и развивается. По словам русского писателя и философа А. И. Герцена, «наука – сила, она раскрывает отношения вещей, их законы и взаимодействия» [3, с. 541]. Для подробного изучения той или иной проблемы и получения достоверных результатов необходимо взаимодействие ученых, принадлежащих разным культурам и говорящих на разных языках. Для осуществления успешной коммуникации между исследователями разных национальностей самыми подходящими являются научные тексты. Они представляют собой универсальный коммуникативный акт, а также являются показателем культурного и научного уровня той или иной страны.

Научный текст характеризуется краткостью, точностью и

однозначностью выражений, логичностью. Этому способствует использование специальных терминов. Термин – «слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [1, с. 474].

Нами предпринята попытка выявить особенности перевода научного текста по психологии и описать проблемы, с которыми сталкивается переводчик при переводе такого вида текста с английского языка на русский. Психология – достаточно молодая наука. Как заметил Г. Эббингауз, она «имеет длинное прошлое, но краткую историю» [4, с. 9]. До XIX века психологию было трудно отделить от абстрактных философских рассуждений, и она не являлась самостоятельной наукой. В настоящее время, как известно, психология переживает этап бурного развития, поэтому наблюдается ее проникновение в социологию, педагогику, медицину, другие науки и области деятельности. Находясь на стыке с другими науками, понятийный аппарат которых разработан гораздо лучше, психология широко использует их терминологию. Таким образом, любой текст по психологии насыщен терминами, которые несут основную семантическую нагрузку. Задача переводчика, как мы уже упоминали в предыдущих публикациях, максимально четко передать смысл, заложенный автором оригинального текста [2, с. 69]. В случае перевода научного текста переводчик несет на себе огромную ответственность, так как любая неточность искажает смысл, что может привести к непоправимым последствиям. Поэтому при работе с текстами такого типа следует использовать специализированные словари, а при необходимости обращаться за консультацией к людям, имеющим более высокую компетентность в представленной для перевода сфере.

Выбранный нами для анализа текст – это отрывок из книги по когнитивной психологии «Mind Hacks: Tips and Tools for Using Your Brain». Автор книги, Том Стаффорд, – обладатель ученой степени в области когнитивной нейронауки, преподаватель Шеффилдского университета, автор статей по психологии для сайта BBC. Название книги объясняется утверждением автора, что, зная некоторые особенности мозга, можно раскрыть его скрытый потенциал путем обмана и взлома (to hack – взламывать).

Из-за отсутствия официального перевода книги на русский язык мы решили приступить к переводу отрывка «Mind Hacks: Tips and Tools for Using Your Brain» самостоятельно. С помощью программ Google translator и Yandex переводчик, перевод которых, как известно, основан на статистическом подходе, мы получили первичный текст. Но машинный перевод не принес удовлетворительного результата, так как причинно-следственная связь практически всегда была потеряна из-за громоздких

грамматических конструкций языка-оригинала. Также часто возникали проблемы из-за лексических и структурных различий языков, существовала проблема неоднозначности. После тщательного редактирования были выявлены определенные трудности, с которыми сталкиваются переводчики при переводе научных текстов.

Первой проблемой, возникшей при переводе данного текста, стало определение жанровой принадлежности текста. В тексте автор смешивает научный и научно-популярный стили, разбавляя формальные выражения разговорными сокращениями *It's, let's, isn't*. Кроме того, автор привлекает внимания читателя путем прямого обращения к нему, используя личное местоимение *you*. В тексте рассматриваются термины из разных областей науки – физики, математики, биологии, экономики. Помимо этого, автор проявляет вольность, применяя сравнение в случае с описанием терминов для облегчения понимания текста. Таким образом, текст становится метафоричным. В тексте автор часто использует стилистический пример олицетворения, что тоже не является характерным для классического научного текста. Все вышеизложенное однозначно указывает на то, что данный текст вызывает определенные трудности для перевода. Соответственно, машинный перевод к данному тексту не применим.

Рассмотрим лексические и грамматические трудности, которые возникли при переводе данного текста. Начнем с лексических трудностей. Во-первых, в тексте присутствуют термины-сокращения, аббревиатуры. В современной научной и технической литературе часто используют сокращения и аббревиатуры, и важно знать, что некоторые из них являются общепринятыми и остаются неизменными при переводе:

*An **electroencephalogram (EEG)** produces a map of the electrical activity on the surface of the brain [5, p.5].*

***PET (Positron Emission Tomography)** is a radioactivity-based technique to build a detailed 3D model of the brain and its activity [5, p. 6].*

В процессе перевода были отмечены восемь обычных терминов из области нейробиологии: *visual system, optic nerve, magnocellular, cerebrum, cortex, neurons, adaptation, chemical, forebrain*. Из них два термина являются терминами-словосочетаниями, и пять являются простыми терминами. При переводе использованы следующие приемы: калькирование (*visual system* – зрительная система, *optic nerve* – зрительный нерв, *forebrain* – передний мозг), транслитерация (*neurons* – нейроны, *chemical* – химикат) и транскрипция (*adaptation* – адаптация, *magnocellular* – магноцеллюлярный). Еще одним примером сложного термина является выражение *a reflection of neural fatigue* – отражение нервной усталости. Данный пример интересен, так как представляет собой «термин-метафору»:

Adaptation operates for a perceptual purpose, rather than being a reflection of neural fatigue or being a side effect of some kind of long-term memory

phenomenon [5, p. 84].

Адаптация работает на перцептивные цели, а не на отражение нервной усталости или побочного эффекта какого-то долгосрочного феномена памяти.

Очевидно, что нервные окончания не могут уставать, здесь наблюдается перенос по сходству – когда человек устает, он перестает реагировать на внешние раздражители. То же происходит и с нейронами, хотя отсутствие данной реакции объясняется другими причинами. При переводе данного примера используется прием калькирования.

Без сомнения, самой большой трудностью перевода являются термины-неологизмы, потому что они, по большей части, не отражаются в словарях. Например, в тексте встретились термины *where stream*, *what stream*, которые были введены автором текста и, естественно, не имеют русского аналога:

The coarse visual information, the magnocellular pathway, flows up to the top of the head. It's called the dorsal stream, or, more memorably, the "where" stream [5, p. 36].

Крупная визуальная информация, магноцеллюлярный путь, передается в верхнюю часть головы – дорсальный поток, или, более запоминающийся, "где это" поток.

The fine detail of vision from the parvocellular pathway comes out of the primary visual cortex and flows down the ventral stream the "what" stream [5, p. 36].

Мелкие детали видения из парвоцеллюлярного пути выходят из первичной зрительной коры и стекают вниз по вентральному потоку, или "что это" потоку.

Под термином *what stream* автор понимает поток визуальной информации, который проходит по магноцеллюлярному пути к верхней части головного мозга и несет с собой идентифицирующую информацию об объекте. В свою очередь, *where stream* представляет собой поток информации о локализации каких-либо объектов. Как один из возможных вариантов перевода, мы предложили «*поток где это*» и «*поток что это*». В данном случае использован прием поиска адекватного эквивалента. Именно такие вопросы задает носитель русского языка при запросе информации об идентификации или локальных данных об объекте.

Таким образом, основной лексической трудностью был перевод большого количества терминов, с которой мы справлялись либо с помощью специализированного словаря, либо используя различные лексические трансформации.

Грамматическая структура текста также вызвала ряд трудностей. Во-первых, присутствовало множество предложений с громоздкой структурой и большим количеством второстепенных и однородных членов. Во-вторых, автор использовал немало многокомпонентных атрибутивных конструкций.

В-третьих, нами было отмечено употребление определений, которые образованы с помощью стяжения целых синтаксических групп. Также автор научного текста употребляет множество пассивных конструкций и оборотов (объектный падеж с инфинитивом, именительный падеж с инфинитивом).

Грамматические проблемы были решены путем применения различных приемов, например, перестановки:

High-resolution information goes along the parvocellular pathway [5, p. 35].
Информация высокого разрешения проходит вдоль парвоцеллюлярного пути.

*The **visual system's expectation** that the motion module will report motion correctly (and therefore our confusion when the module **doesn't identify motion correctly**) is much the same as the visual system's expectation that **a shadow is reporting 3D shape correctly** [5, p. 37].*

*Ожидание зрительной системы, что модуль движения будет правильно сообщать движение (и, следовательно, наше удивление, когда модуль **неправильно его определяет**) такое же, как и ожидание зрительной системы, что **тень правильно передает 3D фигуру**.*

В некоторых случаях была использована замена, так как некоторые конструкции английского языка (например, перфектные времена, модальное слово + перфектный инфинитив, артикль, герундий, формальное подлежащее *it* и др.) не применяются в русском языке:

I know it all must still be happening I just don't notice it anymore [5, p. 83].

Я знаю, что это все еще происходит, просто я больше этого не замечаю.

Достаточно часто менялся страдательный залог на действительный залог, что продиктовано различиями грамматического строя в английском и русском языках:

*The limbic system **is involved in** essential and automatic responses like emotions, and includes the very tip of the temporal cortex, the hippocampus and the amygdala, and, by some reckonings, the hypothalamus [5, p. 14].*

Лимбическая система участвует в таких важных и автоматических реакциях как эмоции, и затрагивает небольшую часть височной коры, гиппокампа и миндалевидного тела, и, по некоторым подсчетам, гипоталамус.

Научные тексты по психологии становятся все более популярными, однако перевод данных текстов все еще представляет трудность для переводчиков. Основными особенностями проанализированного научного текста по психологии являются наличие огромного количества терминов, использование автором громоздких грамматических конструкций, а также некоторых стилистических приемов. Для успешного преодоления поставленной задачи переводчик должен владеть всеми техниками перевода, среди которых обращение к специализированным словарям, машинный перевод, применение различного рода переводческих

трансформаций и т.д.

Список использованных источников

1. Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М.: Рус. яз., 1986. 448 с.
2. Воложанина Т. С., Талашова Н. Г. Лингвостилистические особенности перевода стихотворения Б. Л. Пастернака «Душная ночь» на английский язык // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции, Симферополь, 25-27 апреля 2019 г. / гл. ред. М.В. Норец. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. – 492 с.
3. Герцен А. И. «Наши» и «не наши». Письма русского (сборник). М.: РИПОЛ классик, 2017. – 596 с.
4. Эббингауз Г. Очерк психологии. [Текст]. С.-Петербург: Изд. О. Богдановой, 1911. 242 с.
5. Stafford T., Webb M. Mind Hacks: Tips and Tools for Using Your Brain. Sebastopol: O'Reilly Media. 2005. 396 p.

УДК 811.12

О СПЕЦИФИКЕ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Д. А. Волочкова,

*магистрант кафедры теории и практики перевода, Институт
иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью данной работы является рассмотрение роли переводчика и анализ особенностей его работы с художественными текстами. В ходе работы была сделана попытка анализа основных требований к переводу художественного текста, обобщены мнения лингвистов, касающихся верности оригиналу художественного перевода и творческой свободы.

Ключевые слова: переводчик, адаптация, теория художественного перевода.

Summary. The purpose of this work is to consider the role of a translator and to analyze the features of his/her work with fictional texts. In this work we made an attempt to analyze the main requirements for the translation of a literary text and to generalize the opinions of linguists regarding accuracy to the original literary translation and creative freedom.

Key words: translator, adaptation, theory of literary translation.

Говоря о теории художественного перевода, следует отметить, что мировая литература представляет собой совокупность различных направлений, стилей, тенденций, жанров с учетом своеобразия и специфики национальных культур. Таким образом, переводчик становится неотъемлемой частью мирового литературного процесса. В этом случае

задачей переводчика становится не только перевести исходный текст, но и адаптировать его, сделать «близким» и понятным для носителей другого языка, культуры и традиций. Именно поэтому процесс перевода становится полноправным творчеством, а роль переводчика становится не менее важной, чем роль самого автора.

Все переводы требуют хорошего знания как исходного языка, языка перевода, так и четкого понимания не только смысла слов, но и культурного контекста. Тем не менее, в случае литературного перевода, существуют различные проблемы, такие как субъективная интерпретация оригинального текста, ошибочное восприятие смысла того или иного фрагмента текста.

Язык можно назвать своеобразным «творческим оружием». В-первых, в литературном переводе язык является самоцелью, и его функция выходит за рамки простого общения. Литературное творчество, следовательно, необходимо не только во время написания оригинального произведения, но и во время его перевода. Однако последний отличается тем, что он внутренне связан с формой и тоном оригинального произведения. Этот творческий перевод включает в себя синтез ряда элементов, таких как ритм, пунктуация, синтаксис, настроение, смысл (или, другими словами, содержание и форма). По словам Зиаула Хака (Университет Флориды), одна из основных проблем, затрагивающих литературных переводчиков, заключается в том, что они забывают, что различные элементы взаимосвязаны внутри литературного произведения. И эта связь должна сохраняться и воспроизводиться для того, чтобы переведенное произведение совпадало с оригиналом [5].

Основные требования к переводу любого художественного текста изложили в своей работе «Наука о переводе. История и теория с древнейших времен до наших дней» Л. Л. Нелюбин и Г. Т. Хухуни. По мнению авторов, для переводчика важны «...три фазы процесса межъязыковой трансформации: постижение оригинала, его интерпретация и, наконец, собственно перевыражение...» [2, с. 180].

Основная цель переводческой работы – это понимание, сохранение и передача подлинной информации, а не создание нового произведения, не имеющего ничего общего с оригиналом. Другими словами, цель перевода – это воспроизведение. Однако, следует учитывать, что в процессе работы переводчик полностью замещает один материал другим, создавая текст на родном языке самостоятельно, а значит перевод – это творчество.

Поэтому авторы выделяют две нормы: нормы воспроизведения (критерий верности, постижения) и нормы художественности (критерий красоты), конкретное соотношение которых будет зависеть от специфики переводимого текста [2].

В своей работе Л. Л. Нелюбин высказывает четкую позицию в

отношении вопроса соответствия текста оригинала и текста перевода: «...Мы не будем настаивать на идентичности того, что получает читатель перевода, с тем, что получает читатель оригинала, а потребуем, чтобы перевод и подлинник выполняли одну и ту же функцию в системе культурно-исторических связей читателей подлинника и перевода, мы будем исходить из необходимости подчинять частности целому в соответствии с требованиями функционального подобия или типизации» [2, с. 181].

Таким образом, одной из главных проблем, с которой сталкивается переводчик во время работы над текстом является разница лингвосоциумов. Люди разных культур могут испытывать совершенно разные чувства и реакции в отношении одного и того же литературного текста. Антрополог и лингвист Эдвард Сепир, разработавший теорию лингвистического релятивизма, считает, что ни одна пара языков не сможет представлять одну и ту же социальную реальность, так как каждый язык создает свое собственное мировоззрение и мировосприятие. Таким образом, задача воссоздания эффекта или эмоций от первоначального чтения в целевой аудитории, становится бесконечно более сложной, когда речь идет о других культурных контекстах [3].

Другой важный вопрос, часто обсуждаемый в среде переводчиков, – это верность оригиналу и творческая свобода. С одной стороны, точное следование языковым структурам оригинала не всегда удобно в языке перевода. Оно не всегда дает возможность передать красноречие автора, особенности его мышления в связи с разницей культур. В таком случае верность языку оригинала становится невозможной. Переводчик, который стремится к нему, может создать текст, с трудом воспринимаемый, а значит, неинтересный для читателя. Переводчик может следовать за автором в нескольких плоскостях: теме, воспроизведении персонажей, их слов и поведения, сюжета в целом, а также развязки, пространства и времени. Переводчик должен стараться подражать автору и на уровне языка, насколько это возможно. Главное, чтобы такое подражание не нарушило понимание и восприятие текста. Так, профессор Эдинбургского университета Александр Фрейзер Тайтлер в работе «Очерки о принципах перевода» отмечает, что существуют две точки зрения на перевод: одна говорит о том, что в переводе нет места критике. Оригинальность автора должна быть передана в сохранении его стиля, манеры письма, даже расстановки предложений, их порядку и построению. Необходимо сохранять даже пороки и дефекты, к ним нужно относиться с уважением, скрупулезно повторяя мельчайшие элементы оригинала. Другая точка зрения гласит, что перевод можно приукрашивать и улучшать, если это возможно, никто не ограничивает переводчика в его творчестве. Поскольку эти два мнения образуют противоположные крайности, точка

«совершенства» должна находиться между ними. Таким образом, А. Тайтлер говорит о «правильном» переводе так: «...Заслуги оригинального произведения должны так полно передаваться на другой язык, чтобы быть столь же отчетливо воспринятыми и столь же сильно прочувствованными всеми читателями, как уроженцем страны, к которой относится язык оригинала произведения...» [4].

Профессор Н. К. Гарбовский, в своем исследовании «Перевод как художественное творчество» [1], также отмечает, что переводчик, имея свое видение произведения, может применять к автору две различные концепции, т.е. два видения своей роли в процессе передачи текста на другой язык: первая концепция касается тех переводчиков, предлагающих переводы, которые можно назвать адаптациями, переложениями. При такой концепции переводчики вписывают свои имена на титульной странице, включают эти переводы в собрания собственных сочинений и т.д. Следование этой концепции можно увидеть у многих поэтов и писателей, занимающихся и переводческой деятельностью.

Согласно второй концепции, перевод – одно из основных составляющих литературного творчества.

В любом случае приверженцы и той, и другой концепции понимают, что текст оригинала, переведенный в другой языковой и культурный контекст, значительно видоизменяется по сравнению с исходным текстом [1].

Таким образом, анализируя вопросы переводческой деятельности, следует понимать, что помимо вышеуказанных теоретических и философских вопросов, литературные переводчики часто сталкиваются с очень сложными проблемами на практике. Литературное творчество позволяет авторам нарушать грамматические правила и создавать совершенно новые слова или даже языки. Такие лексические единицы требуют особого внимания со стороны переводчика, поскольку часто являются либо элементами неповторимого авторского стиля, выделяющего его произведения на фоне прочих, либо служат для лучшего восприятия образов и характеров персонажей, а также их уникальных черт. Некоторые из них связаны с особенностями конкретного жанра, в то время как другие связаны с уникальностью конкретного автора. Переводчик же со своей стороны должен максимально учитывать тонкости и специфику того или иного автора и произведения, сохраняя баланс между следованием оригиналу и собственным творчеством. Сохранение баланса в техниках литературного перевода остается актуальным вопросом и на сегодняшний день, поскольку именно он помогает людям не только познакомиться с творчеством современных, неизвестных авторов, но и получить истинное удовольствие от прочтения их работ.

Список использованных источников

1. Гарбовский Н. К. Перевод как художественное творчество. Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 3 С. 4–16.
2. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе. История и теория с древнейших времен до наших дней. М.: Флинта, 2008. 416 с.
3. Сепир Э. Статус лингвистики как науки / Языки как образ мира/ Э. Сепир. – М. – СПб: Terra Fantastica, 2003. [Электронный ресурс] // URL: <http://en.bookfi.net/book/785100> (дата обращения 19.02.2020).
4. Tyler A. F. Essays on the Principles of Translation. In Western Translation Theory from Herodotus to Nietzsche, Manchester, St Jerome, 1997. [Electronic Resource] // Mode of access: URL: https://archive.org/stream/essayonprinciple00woodiala/essayonprinciple00woodiala_djvu.txt (дата обращения 27.01.2020).
5. Ziaul Haque Translating Literary Prose: Problems and Solutions. [Electronic Resource] // Mode of access: URL: <https://www.translationdirectory.com/articles/article2360.php> (дата обращения 25.01.2020).

УДК 82-193.3

**ШЕКСПИРОВСКИЙ СОНЕТ В СОВРЕМЕННОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ («ЭНН ХЭТЭУЭЙ» К.Э. ДАФФИ)**

Л. Н. Глухенькая,

*аспирант 2 года обучения кафедры русской и зарубежной литературы,
Факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия
(сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. В данной статье приводится пример современной англоязычной поэзии поэта-лауреата К.Э. Даффи и анализируются устойчивые структурные признаки классического шекспировского сонета в постмодернистской реинтерпретации. Цель исследования состоит в изучении особенностей трансформации сонетной формы в творчестве К.Э. Даффи. Используемые методы: герменевтический, интертекстуальный и метод символической интерпретации.

Ключевые слова: К. Э. Даффи, «Энн Хэтэуэй», поэзия, сонет, традиция, реинтерпретация.

Summary. The article presents an example of modern English poetry by poet-laureate C. A. Duffy and analyzes the defining structure of the classic Shakespearean sonnet in postmodern reinterpretation. The research is aimed at reflecting the characteristic features of transformation of the sonnet in C.A. Duffy's work. Methods used are: hermeneutic, intertextual and the method of symbolic interpretation.

Key words: C. A. Duffy, Anne Hathaway, poetry, sonnet, tradition, reinterpretation.

Британская поэтесса и драматург шотландского происхождения Кэрол Энн Даффи – яркая представительница постмодернистской поэзии, наравне с Тедом Хьзом и Шеймусом Хини, Кэрол Руменс и Флер Эдкок, автор популярных сборников стихов для детей и первая женщина, удостоенная почетного звания поэта-лауреата Соединенного Королевства за более чем трехсотлетнее существование этого престижного придворного звания. В творчестве К.Э. Даффи знаковыми стали поэтические сборники «Стоя обнаженной» (англ. *Standing Female Nude*, 1985), «Продажа Манхэттена» (англ. *Selling Manhattan*, 1987), «Тем временем» (англ. *Meantime*, 1993), «Вечная жена» (англ. *The World's Wife*, 1999), «Евангелие от Женщины» (англ. *Feminine Gospels*, 2002), «Восторг» (англ. *Rapture*, 2005), «Пчелы» (англ. *The Bees*, 2011), «Искренность» (англ. *Sincerity*, 2018). Сборник «Вечная жена» стал настоящим бестселлером. В нем обрели силу голоса прежде безмолвных женщин, «each voice taking up some untold story of the World's Wife» [6, с. 5] / «и каждый голос принимается за нерассказанную историю «вечной» жены» (перевод – Л.Г.).

Одним из голосов, на которых заговорила К.Э. Даффи, стал голос Энн Хэтэуэй, жены У. Шекспира, что открывает широкие возможности для интерпретации не только их приватных отношений, но и мифологизации личности жены [3, с. 75]. При этом интерпретируя судьбы супруг известных мужчин, поэтесса интерпретирует и классические поэтические формы, так как «в равной степени свободно чувствует себя и в строгих рамках сонета, и в свободном стихе» [4]. Так, в стихотворении «Энн Хэтэуэй», которое станет предметом изучения в данной исследовательской работе, автор предпринимает попытку воспроизвести шекспировский сонет в современной, постмодернистской трактовке.

Цель нашего исследования состоит в изучении особенностей преломления сонетной формы в творчестве К. Э. Даффи. Приведем текст стихотворения, избранного для анализа.

Anne Hathaway

'Item I gyve unto my wief my second best bed...'

(from Shakespeare's will)

The bed we loved in was a spinning world
of forests, castles, torchlight, cliff-tops, seas
where he would dive for pearls. My lover's words
were shooting stars which fell to earth as kisses
on these lips; my body now a softer rhyme
to his, now echo, assonance; his touch
a verb dancing in the centre of a noun.
Some nights I dreamed he'd written me, the bed
a page beneath his writer's hands. Romance
and drama played by touch, by scent, by taste.

In the other bed, the best, our guests dozed on,
dribbling their prose. My living laughing love –
I hold him in the casket of my widow's head
as he held me upon that next best bed [1, с. 53].

Произведение «Энн Хэтэуэй» – пример интимной лирики. Лирический монолог вдовы У. Шекспира является переработкой сюжета, основой которого становится открытая цитата из завещания Шекспира, в котором он оставляет жене вторую из лучших постелей.

Рассмотрим наиболее устойчивые структурные признаки классического шекспировского сонета в постмодернистском преломлении. В композиции шекспировского сонета находят отражение следующие тенденции.

1. Объем – 14 строк. В сонете «Энн Хэтэуэй» соблюден объем. Основная часть стихотворения состоит из 14 строк. К сонету дан эпиграф – выдержка из завещания Шекспира.

2. Членение сонета на четыре строфы. Деление тематического наполнения сонета на катрены и терцеты или заключительное двустишие.

Первый катрен поднимает возрожденческую тему чувственной любви, характерную для интимной лирики самого Шекспира, в чьих сонетах воспеваются человеческие страсти, как низменные, так и высокие, и подкрепленную рядом метафор, отображающих чувства женщины к возлюбленному. Уже в первых строках мы находим проникновенный женский монолог: «The bed we loved in was a spinning world/ of forests, castles, torchlight, cliff-tops, seas/ where he would dive for pearls» [1, с. 53]. Поцелуи любимого женщина сравнивает со звездами: «My lover's words/ were shooting stars which fell to earth as kisses/ on these lips» [1, с. 53]. Таким образом, «тематика стихотворения Даффи прекрасно вписывается в представление о каноне жанра – оно посвящено любви и обращено к любимому. Импульсом, побудившим поэтессу обратиться к сонетной форме, по-видимому, явился сам ракурс, который она избирает для разговора о любви» [5].

Чувственность эпохи Возрождения у Даффи приобретает откровенный характер, отражая постмодернистскую концепцию телесности, когда рациональное, эпистемологическое и волевое растворяется в актах чувственности, по И. П. Ильину [2].

С другой стороны, поэтесса показывает, как многогранно и глубоко чувство любви. Во втором и третьем катренах автор воспевает любовь в неразрывной связи с творчеством: «my body now a softer rhyme/ to his, now echo, assonance; his touch/ a verb dancing in the centre of a noun» [1, с. 53]. Женщина у Даффи – это слабая рифма, имя существительное, мужчина – сильная рифма, глагол. Кровать в спальне супругов автор сравнивает с листом бумаги. Поэма и драма, написанные пером возлюбленного, – это

ответные чувства женщины.

Женщина изображает мужа как любовника, показывая, что их физические отношения были для них такими же важными и захватывающими, как в драме или поэме: «I dreamed he'd written me, the bed/ a page beneath his writer's hands» [1, с. 53].

Важно отметить, что переход от одной тематической линии к другой в стихотворении происходит посредством энджамбента (анжамбемана), переноса между синтаксическим и ритмическим строением стихотворного текста при несовпадении границы стихотворных строк с границей между синтагмами, культивирование которого присуще поэтическим школам XX в.

К концу третьего катрена появляется антитеза. Обыденное противопоставляется возвышенному. Если отношения супругов, описанные вначале, представляются миром поэзии, в их спальне сокрыто таинство любви и творчества, то в лучшей спальне гости не предаются любви, а лишь «источают» прозу, иронизирует поэтесса: «In the other bed, the best, our guests dozed on,/ dribbling their prose» [1, с. 53].

В заключительном двустишии лирическая героиня Энн Хэтэуэй подводит черту (синтаксически обозначается тире) своим прижизненным отношениям с супругом. Шекспир – мертв, а его вдова описывает свою голову как «шкатулку», где обычно хранят драгоценности и другие ценные предметы, выказывая тем самым глубокую любовь и посмертную привязанность к мужу. Лирическая героиня находится в состоянии переживания любовной интенции даже в разлуке, после смерти возлюбленного. Таким образом, и интенция творчества, и интенция любви, – вечны.

3. Размер – пятистопный ямб. В целом, в сонете «Энн Хэтэуэй» соблюден шекспировский сонетный размер ямб, пятистопный, иногда переходящий в шестистопный.

4. Система рифмовки – *abab cdcd efef gg*. Автор трансформирует форму шекспировского сонета, в стихотворении «Энн Хэтэуэй» рифмовка приобретает вид *abab cdce ffgg hh*.

5. Строгая повторяемость рифм в разбираемом сонете не соблюдена. Во-первых, рифма в сонете «Энн Хэтэуэй», как правило, неточная. В первых 2-х катренах рифма перекрестная, в 3-м катрене и в заключительном двустишии – смежная.

6. Подчинение внутренней смысловой и синтаксической структуры сонетов их внешне архитектурной структуре. Композиция сонета часто идет по следующему пути: после (относительно) простого в синтаксическом отношении начала структура высказывания усложняется с развитием и уточнением мысли. В начале стихотворения «Энн Хэтэуэй» имеется предложение со сложной синтаксической структурой (что

нехарактерно для шекспировского сонета), осложненное однородными членами предложениями, которое несет всю нагрузку введения и развития темы сонета. Следующее предложение еще более сложное – оно развивает представленную в начале сонета тему.

Таким образом, К. Э. Даффи играет с читателем, обманывая его ожидания, связанные с традиционными представлениями о сонетной, совершенной форме.

В заключение можно сказать, что ритмотектоника сонета, с одной стороны, развенчивает жанровый канон в духе постмодернизма как на уровне формы (отсутствие точной рифмы, аллюзийное восприятие системы рифмовки, использование энджамбента), так и на онтологическом уровне (телесность и восприятие мира через физические ощущения); с другой стороны, она традиционно демонстрирует совершенство сотворенного мира любви и творчества, как бы продолжая путь Шекспира в литературе.

Список использованных источников

1. Даффи К. Э. Сборник стихов «Вечная жена». Двухязычный. Перевод на русский язык Дубовицкой С.Г. М.: Издательство «Перо», 2012. 134 с.
2. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Академия, 1996. 458 с.
3. Остапенко И. В., Глухенькая Л. Н. Субъектная организация лирики Кэрол Энн Даффи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71). – № 4. – С. 73–90.
4. Фаликман М. «Придумал мысль – придумай ей наряд...». Заметки о современной британской поэзии [Электронный ресурс] // Textonly. – № 28. – Режим доступа: <http://textonly.ru/case/?issue=28&article=28991> (Дата обращения: 26.01.2019).
5. Цветкова М. В. Итальянский сонет в английской поэтической традиции [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2013/03/11/1293677187.pdf> (Дата обращения: 26.01.2019).
6. Duffy C. A. PBS Bulletin 1999. Ed. by M. Dooley, J. MacKendrick. Inpress, 1999, No 182, p. 5.

УДК 81-2

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БИБЛЕЙСКИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ РЕАЛИЙ С ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**А. А. Горохов,***кандидат исторических наук, доцент кафедры библеистики, Тобольская духовная семинария, Тобольск*

Аннотация. В статье проанализированы основные древнееврейские лексемы, характеризующие экономические реалии Древнего Израиля, по описанию книг Самуила и Царей. Автор применил описательный и сравнительно-сопоставительный лингвистические методы. В англоязычных переводах для данного типа лексики преобладает использование эквивалентов. Из приемов лексической трансформации часто используется прием конкретизации. Реже использован описательный перевод. В современных коммуникативных переводах используется трансформация с изменением значения слова или выражения на английском языке. Некоторые лексемы неразрывно связаны с современным культурным фоном.

Ключевые слова: древнееврейские лексемы, хозяйственные реалии, лексическая трансформация, эквивалент, англоязычные переводы.

Summary. The article analyzes the main Hebrew lexemes that describe the economic realities of Ancient Israel, based on the description of the books of Samuel and the Kings. The author applied descriptive and comparative linguistic methods. In English translations for this type of lexis, the use of equivalents prevails. Of the techniques of lexical transformation, the concretization technique is often used. Less frequently, descriptive translation is used. Modern communicative translations use transformation with changing the meaning of a word or expression in English. Some lexemes are inextricably linked to the modern cultural background.

Key words: Hebrew lexemes, the economic realities, lexical transformation, the equivalent, English translations

В историко-культурном контексте изучения библейских текстов представляется очень важной правильная интерпретация древнееврейских терминов, выражающих хозяйственные реалии древнеизраильского социума. Вместе с тем, не менее существенным является исследование отражения древнееврейских лексем в существующих англоязычных переводах. Очень часто лингвистические данные являются источником знаний о социальном мире и экономическом укладе носителей языка. Термины, описывающие хозяйственную структуру общества Древнего Израиля – одна из таких лексических групп. Библейские же тексты книг Самуила и Царей представляют собой основные источники, где содержится данная терминология, характеризующая экономические реалии периода становления развития государства в Древнем Израиле (XI–VI вв. до н.э.).

Материалом для исследования автором выбран текст Еврейской Библии[4] и ряд разноплановых (буквальных и коммуникативных) английских переводов: The King James Authorized Version (KJV), The American Standard Version (ASV), Complete Jewish Bible (CJB), The New American Standard Bible (NAU), New English Translation (NET), The Holy Bible: New International Version (NIB), New Jerusalem Bible (NJB), Holy Bible, New Living Translation (NLT), Today's New International Version (TNIV), The Message (MSG).

Следует отметить, что земля была основным хозяйственным ресурсом древних израильтян и являлась родовой собственностью. В библейском нарративе книг Самуила и Царей для обозначения земельной собственности использована лексема «нахала» – «наследие», образованная от древнееврейского глагола «нахал» – «получать и завещать» [2, с. 219]. В книгах Самуила и Царей она употребляется одиннадцать раз. Тем не менее, в значении «наследство» она использована только в 1 Kg 21: 3–4. Так, при анализе передачи «нахала» в 1 Kg 21: 3, в англоязычных переводах встречаются два варианта: «*inheritance*» – «наследство, наследуемая собственность» (KJV, ASV, NAU, NET, NIB, NLT, TNIV, MSG), «*ancestral heritage*» – «родовое наследство» (CJB, NJB). В данном случае обе использованные английские лексемы представляют собой эквиваленты и являются синонимами. Тем не менее, второй вариант с прилагательным «*ancestral*» лучше выражает значение лексемы и предпочтительнее для исследования древнееврейского термина в историческом контексте.

Кроме земельной собственности важным экономическим ресурсом для древних израильтян было движимое имущество (крупный и мелкий рогатый скот, предметы домашнего обихода). Древнееврейская лексема «микнэ» – «нечто купленное, покупка, имущество (преимущественно речь идет о скоте), нажитое достояние» – полисемантична и достаточно редко использована в цикле Самуила-Царей [2, с. 211]. Так, данное слово использовано во 2 Цар. 3: 17. Почти во всех англоязычных переводах, проанализированных в статье, лексема «микнэ» передана с языка оригинала (ИЯ) на язык перевода (ПЯ) во 2 Kg 3: 17, с помощью приближенного перевода английским словом «*cattle*» – «крупный рогатый скот». Следует отметить, что в данном случае происходит лексическое преобразование в форме конкретизации, замена более широкого предметно-логического значения □□ «микнэ», о котором было сказано выше, на более узкое «*cattle*». Кроме того, два англоязычных перевода содержат другие варианты передачи древнееврейской лексемы в рассматриваемом стихе: «*troops*» – «стада» (NJB), «*animals*» – «животные» (MSG). В данных случаях также употреблен приближенный перевод, но использованы более многозначные чем «*cattle*» английские лексемы, поэтому здесь уже нельзя говорить о конкретизации. Вместе с тем, эти слова, по сравнению с лексемой «*cattle*»,

менее точно выражают конкретное значение проанализированного древнееврейского слова на ПЯ.

Еще одно слово, используемое для обозначения движимого имущества в нарративе книг Самуила и Царей «*маасе*» – *действие, труд, деятельность, изделие, произведение, собственность*» также является многозначным [2, с. 207]. Примером его использования служит материал 1 Сам. 25: 2. Проанализированные в статье англоязычные переводы содержат три варианта передачи указанного слова на ПЯ: «*possession*» – «*владение, собственность, имущество*» (KJV, ASV), «*property*» – «*имущество, собственность, достояние*» (CJB, NIB, NLT, TNIV), «*business* – *дело, занятие, работа*» (NET, NJB, MSG). Первые два варианта передачи древнееврейской лексемы выражены эквивалентами. Также нужно отметить, что «*possession*» и «*property*» являются синонимами. Кроме того, в данном случае происходит конкретизация, то есть более широкое значение лексемы ИЯ «*маасе*» заменяется в ее передаче на ПЯ на более узкое «*possession*» или «*property*». В третьем варианте передача на ПЯ осуществлена с помощью приближенного перевода, где использована лексема «*business*», хотя и выражающая одно из значений «*маасе*», но в этом случае ее употребление делает перевод менее понятным. Вместе с тем, здесь также можно сказать о конкретизации в передаче древнееврейского слова на ПЯ.

Древнеизраильское общество, описываемое в книгах Самуила и Царей, в экономическом плане было социально стратифицированным обществом, где основой производственных отношений продолжал оставаться труд свободных древнеизраильских земледельцев. Наряду с этим, выделяются богатые землевладельцы и скотоводы, имеющие большое количество избыточной продукции и бедняки по каким-либо причинам лишившиеся большей части либо даже всей, принадлежащей им, земельной собственности.

Так, ряд лексем использован в нарративе Самуила и Царей для обозначения социального слоя богачей. В качестве основного термина для обозначения богачей использовалась лексема – «*ашир*» □ – «*богатый, в переносном значении знатный*». В частности, она употребляется во 2 Сам. 12: 1. Во всех проанализированных англоязычных переводах ее значение передано на ПЯ с помощью прилагательного «*rich*» – «*богатый, состоятельный*», ее точного эквивалента на английском языке. Все рассмотренные русскоязычные переводы используют для передачи значения «*ашир*» кальку «*богатый*», которая является, вместе с тем, и калькой с английской лексемы «*rich*».

Наряду с этим, для обозначения слоя богатых употреблялось словосочетание □ «*гадоль мэод*» – «*очень велик (богатством, славой, подвигами, происхождением)*». Например, данное словосочетание

используется во 2 Сам. 19: 32. В рассматриваемых в работе англоязычных переводах содержатся следующие варианты его передачи на ПЯ: «*very great*» – «очень великий» (KJV, ASV, NAU), «*very wealthy*» – «очень богатый» (NJB, NIB, NLT, TNIV, MSG), «*very rich* – очень богатый» (NET), «*wealthy*» – «богатый» (CJB). Следует отметить, что первый вариант передачи значения на ПЯ является калькой, а во втором, третьем и четвертом вариантах передача осуществлена эквивалентным переводом при использовании приема конкретизации значения в ПЯ и двух синонимичных прилагательных «*wealthy*» и «*rich*». В последнем варианте опущена лексема «*very*», что, конечно, влияет определенным образом на изменение значения (в сторону ослабления коннотативного элемента). Думается, что в данном случае второй и третий варианты перевода наиболее точно передают значение «гадоль мэод» на ПЯ.

Кроме того, для обозначения богачей в цикле Самуила и Царей использовано многозначное древнееврейское выражение «*гибборе хахаил*» – «доблестные, преуспевшие, отличающиеся (силой, подвигами или богатством)» [1, с. 24–25]. Как правило, семантика данного выражения всегда связана с положительным отличием кого-либо от других. Характерный пример его употребления содержится во 2 Цар. 15: 20. В проанализированных в работе англоязычных переводах приводятся следующие варианты его передачи на ПЯ: «*the mighty men of wealth*» – «крупные богачи» (KJV, ASV, NAU), «*the wealthy men*» – «богатые люди» (CJB, NET, NIB), «*the rich of Israel*» – «израильские богачи» (NLT), «*the men of rank*» – «люди высокого социального положения» (NJB), «*every wealthy person каждое богатое лицо*» (TNIV), «*every landowner*» – «землевладелец» (MSG). Первый-третий варианты представляют собой примеры эквивалентной передачи указанного древнееврейского выражения на ПЯ. Наряду с этим первый вариант является калькой данного словосочетания. В четвертом варианте дан описательный перевод, поясняющий значение термина. Пятый и шестой варианты выполнены с помощью лексической трансформации значения проанализированного древнееврейского выражения в ПЯ. Вместе с тем, наиболее точно выражает значение на ПЯ второй вариант «*the wealthy men*».

Основной слой в хозяйственной структуре – свободные древнеизраильские земледельцы. В нарративе книг Царей этот слой обозначен с помощью древнееврейского выражения «*ам хаарец*» – «народ земли» (2 Цар. 23: 35). В рассматриваемых в работе англоязычных переводах содержатся следующие варианты его передачи на ПЯ: «*the people of the land*» – «народ земли» (KJV, ASV, NAU, CJB, NET, NIB), «*the people of the country*» – «народ страны» (NJB), «*the people of Judah*» – «народ Иудеи» (NLT), «*the people*» – «народ» (TNIV), «*everyone*» – «все» (MSG). Нужно отметить, что первый вариант передачи на ПЯ является калькой

древнееврейского словосочетания. Второй и третий варианты также выражены эквивалентами. В четвертом варианте значение древнееврейского выражения преобразовано. В последнем пятом варианте лексико-грамматическое значение словосочетания ИЯ полностью изменено в процессе перевода на ПЯ. В данном случае терминологическое значение проанализированного древнееврейского выражения наиболее точно выражено в первом варианте.

Социальный слой бедных, лишенных всей или большей части собственности обозначен в книгах Самуила и Царей лексемами □«*руи*» – «бедный» (2 Сам. 12: 2) и «*далла*» – «бедняк» (2 Цар. 25: 12). Данные стихи использованы в работе в качестве материала для анализа передачи этих древнееврейских лексем с ИЯ на ПЯ. Во всех рассмотренных в работе англоязычных переводах терминологическое значение обоих лексем передано на ПЯ калькой «*poor*» – «бедный, малоимущий, лишенный запасов».

Рабовладение существовало в древнеизраильском обществе, которое описывают книги Самуила и Царей, но было распространено в весьма ограниченных масштабах и носило патриархальный характер. Рабы, обозначены в нарративе данных книг, преимущественно, с помощью древнееврейской лексики «*авадим*». В частности, пример передачи данного слова на ПЯ содержится во 2 Сам. 9: 10 и 1 Цар. 2: 39. В проанализированных в работе англоязычных переводах приведены два варианта эквивалентной передачи лексики «*авадим*» во 2 Sm 9: 10, на ПЯ: «*servants*» – «*слуги*» (KJV, ASV, NAU, NET, NIB, NJB, NLT, TNIV, MSG), «*slaves*» – «*рабы*» (CJB). Вместе с тем, при передаче данной лексики на ПЯ, в 1 Kg 2: 39, количество англоязычных переводов, употребляющих лексику «*slaves*» возрастает (CJB, NIB, NJB, NLT, TNIV, MSG). Следует подчеркнуть, что данный вариант более точно выражает значение указанной древнееврейской лексики на ПЯ.

Следует отметить, что древнеизраильские экономические реалии часто обозначены на ИЯ многозначными словами и выражениями, что требует использования конкретизации в ПЯ и использовано в англоязычных переводах с целью передачи более точного значения, что, безусловно, способствует улучшению надежности их употребления для историко-лингвистического дискурса. Главной отличительной чертой перевода экономических реалий является частое использование конкретизации в ПЯ. Преобладает употребление эквивалентных вариантов передачи. Реже, по сравнению с предыдущим лексическим разделом, применяется описательный перевод. Иногда в современных коммуникативных литературных англоязычных переводах используется трансформация с изменением значения слова или выражения в ПЯ. Определенную сложность вызывает использование слов, связанных неразрывно с современным

лингво-культурным контекстом.

Список использованных источников

1. Амусин И. Д. «Народ земли» (К вопросу о свободных земледельцах древней Передней Азии) // Вестник древней истории. – 1955. – № 2. – С. 14–36.
2. Еврейско-русский и греческо-русский словарь-указатель на канонические книги Священного Писания с комментариями словарей Д. Стронга / Сост. Ю. А. Цыганков. СПб.: Библия для всех, 2005. 559 с.
3. Biblia Hebraica Stuttgartensia / Eds. K. Elliger, W. Rudolph. 5, verb. Aufl. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997. LXIX, 1574 p.

УДК 656.11

ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ КИНОТЕКСТА

Н. А. Давыдова,

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский Государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Статья рассказывает об опыте преподавания кино/видео перевода с английского на русский язык в рамках спецсеминара для будущих переводчиков.

Summary. The article aims to share the author's experience in teaching documentary film translation from English into Russian at seminars for future translators and interpreters.

Ключевые слова: лингводидактика перевода, устный последовательный перевод, кино/видео перевод, кинотекст, кинодиалог

Key words: linguo-didactics of translation, audio-visual translation, consecutive translation, film text, film dialogue

Актуальность обучения кино/видео переводу (КВП) в рамках профессиональной подготовки будущих переводчиков на сегодняшний день не вызывает сомнений, как и низкое качество переводов значительной части художественных, анимационных и документальных фильмов, демонстрируемых широкой публике на кино- и телеэкранах. Поэтому обучать навыкам КВП необходимо. Другое дело – как эффективно организовать занятия, чтобы не только обеспечить студентам теоретические знания, но прежде всего дать им возможность самим попробовать свои силы. Здесь, как представляется, ещё многое остаётся невыясненным, а потому не может не представлять интерес.

Цель данной статьи – поделиться опытом преподавания перевода кино/видео материалов (для удобства мы будем также использовать термин «киноперевод») на спецсеминарах для студентов Отделения перевода и переводоведения, предварительно прослушавших курс соответствующих

теоретических дисциплин.

Теоретическая составляющая, как показала практика, должна быть представлена и на спецсеминарах по кинопереводу. Первоначально теоретические материалы в виде лекций выкладывались на сайте преподавателя и задавались на дом для изучения и последующего обсуждения в аудитории. На это отводилось незначительное время, поскольку основной упор делался на формирования практических навыков перевода. Однако опыт показал, что такая форма ознакомления с теорией киноперевода малоэффективна.

Если краткий лекционный материал по истории киноперевода можно достаточно результативно обсудить в аудитории (возможны даже небольшие по объёму студенческие проекты), то такие понятия, как, например, «кинотекст», «кинодиалог» и «кинодискурс» требуют более пристального внимания и не могут быть более-менее полно отражены в рамках студенческих презентаций. Поэтому здесь требуются обобщающие материал разъяснения преподавателя. Важно, в частности, подчеркнуть, что, являясь – как в совокупности, так и по отдельности – предметом лингвистического анализа, эти понятия до сего времени недостаточно чётко разграничиваются в научной литературе. Есть и другие важные моменты, к которым следует привлечь внимание будущих переводчиков.

Так, существующие исследования позволяют соотнести кинотекст с другими видами медиатекстов. Также большинство лингвистов сходятся во мнении, что кинотекст относится к креолизированным текстам. Из этого следует, что перевод кинотекста не может быть закончен на переводе его вербальной составляющей. Соблюдая все правила перевода текста – его адекватность и эквивалентность, стиль оригинала и замысел автора, игру слов, каламбуры и т.д., переводчику необходимо передать идею, заключающуюся в невербальной, аудиовизуальной компоненте, то есть адаптировать её для зрителя, который будет воспринимать кинофильм на переводящем языке.

Очень важно научить студентов разграничивать лингвистическую и нелингвистическую системы кинотекста, оперирующие знаками различного рода. Лингвистическая система представлена двумя составляющими: письменной (титры и надписи, являющиеся частью мира вещей фильма) и устной (звучащая речь актеров, закадровый текст, песня и т.д.). Нелингвистическая система кинотекста включает в себя две части: звуковую - естественные и технические шумы, музыка - и видеоряд, т.е. образы, движения персонажей, пейзаж, интерьер, реквизит, спецэффекты. Все указанные элементы особым образом организованы и находятся в неразрывном единстве.

Ещё одна трудность в преподавании КВП состоит в том, что в современных лингвистических исследованиях не существует единого

мнения по вопросу о том, чем кинотекст отличается от кинодискурса. Нам представляется, следует ограничиться тезисом о том, что кинодискурс – более широкое понятие, которое включает в себя как кинотекст, так и кинофильм, интерпретацию фильма кинозрителем и тот смысл, что вложили создатели кинофильма.

Что касается кинодиалога, в практических целях можно учить студентов рассматривать его как единицу перевода, как вербальный компонент фильма, смысловая завершенность которого определяется видеорядом. С точки зрения перевода целесообразно считать кинодиалог именно тем текстом, с которым непосредственно работает переводчик. Кинодиалог представляет собой разговорный текст, подвергшийся определенной стилизации в соответствии с художественным замыслом режиссера и ориентированностью на особый кинематографический код. Это находит свое выражение в доминировании диалогической формы речи персонажей как первичной, естественной формы речевого общения. Однако киномонологи широко представлены в документальных фильмах в качестве закадрового повествования.

С другой стороны, как отмечают исследователи, закадровые переводы художественных и документальных фильмов представляют собой совершенно разные виды переводов. Документальные фильмы предполагают язык официальный, деловой, с использованием публицистического стиля. Здесь недопустимы жаргонизмы, диалектизмы, в то время как использование терминологии – обязательно. Документальные фильмы требуют чёткого и точного перевода.

Закадровый перевод является одной из форм аудиторной работы в рамках спецсеминара по обучению КВП, поэтому на опыте его преподавания хотелось бы остановиться чуть подробнее, ограничившись только переводом с английского языка на русский.

Прежде всего практика подтвердила тот очевидный факт, что КВП способствует совершенствованию навыков устного, прежде всего последовательного перевода. Предлагая те или иные переводческие решения, выверенные по соответствующим словарям, студенты на практике применяют полученные теоретические знания, что помогает, например, правильно определить такие важнейшие параметры, как коннотация и регистр лексической единицы. Предложенные варианты обсуждаются в аудитории. Дискуссия позволяет студентам проявлять как научно-аналитические, так и творческие способности. Преподавателю следует всячески поощрять обсуждение, высказывать своё отношение, но при этом ни в коем случае не давить своим мнением. Очень часто окончательный выбор эквивалента является результатом общих умственных усилий студентов и преподавателя. Таким образом, преподаватель выступает в качестве полноправного, но рядового участника семинара и лишь незаметно

направляет творческий процесс.

В семинаре занимались студенты, уже имеющие опыт и навыки устного последовательного перевода. На занятиях по кинопереводу участники семинара переводили разные фильмы, при этом практически не испытывая затруднений в понимании английского текста. Если в видеоматериале встречались незнакомые термины и трудные названия, как, например, в документальном фильме о современных концепциях пространства-времени, их список представлялся для общего ознакомления и изучения ещё до начала работы над переводом.

В другом случае студентам было предложено сделать закадровый перевод документального видового фильма о Санкт-Петербурге, в котором также присутствовали термины и прочая лексика, связанная с архитектурой и изобразительным искусством, однако на сей раз это был спонтанный перевод без какой-либо предварительной подготовки. Практика показала, что в подавляющем большинстве случаев студенты достаточно успешно справлялись с переводом, прежде всего благодаря фоновым знаниям и видеоряду, а немногочисленные трудности легко устранялись с помощью англо-русских онлайн-словарей и не препятствовали работе. Однако быстрота и качество продуцирования фраз на родном языке часто оставляли желать лучшего. Думается, один из действенных способов решения этой проблемы – повышение в КВП удельного веса спонтанного перевода (лучше с предварительной проработкой наиболее сложных терминов), будь то перевод с субтитрами или без.

Очень важным представляется научить студентов при переводе нехудожественных фильмов использовать разнообразные клише, позволяющие значительно сократить как время, так и нервные усилия переводчика. Скажем, в случае видовых фильмов такими клише могли бы стать фразы «здесь широко представлены...» «перед нами замечательный образец... стиля», «здесь же находится знаменитый/тая...» и т.п. Видеофильм о Г. Брюгге, снабжённый английскими субтитрами и предложенный для спонтанного перевода, содержал более сложные фразы, и студенты испытывали некоторые трудности в передаче этих фрагментов текста, хотя по смыслу они сводились к упомянутым выше клише.

Ещё один немаловажный момент касается отбора кино и видео материалов. Прежде всего следует обращать внимание на качество языка, на котором они представлены. Например, в упомянутом выше фильме о Брюгге бельгийского производства встречается неверное произношение отдельных слов. В то же время у этого фильма имеется одно неоспоримое преимущество перед другими материалами: официального его перевода не существует. Понятно, что трудно найти качественные – с точки зрения обучения кинопереводу – англоязычные фильмы, перевод которых на русский язык нельзя было бы разыскать в интернете. Поэтому, как

представляется, на занятиях целесообразно разбирать переводческие решения, содержащиеся в официальном переводе, наравне с решениями, предложенными студентами. Практика показывает, что далеко не во всех случаях официальный перевод является наиболее удачным.

УДК 130.2:314.743

КУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕВОД КАК ПРОСТРАНСТВО ДЕКОНСТРУКЦИИ

О. Р. Демидова,

*доктор философских наук, профессор кафедры философии ЛГУ
им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье рассматривается возможность подхода к культурному переводу как к пространству деконструкции. Опираясь на свое определение феномена культурного перевода, на классическое определение деконструкции как деструкции и реконструкции и на герменевтический анализ культурных текстов, автор статьи предлагает анализ двух публицистических эссе американского философа и художественного критика Г. Розенберга, вошедших в его книгу «Традиция нового» (1959), рассматривая указанные тексты как предпринятую их создателем деконструкцию марксистской теории и ее воплощения в политических практиках советской власти.

Ключевые слова: культурный перевод, вербальный / невербальный культурный текст, контекст, деконструкция, аксиология, телеология, стратегии, Гарольд Розенберг, марксизм, коммунизм.

Summary. The article discusses the possibility of treating cultural translation as deconstruction space. Relying on her own definition of cultural translation, on the classic definition of deconstruction as a destruction-reconstruction process, and on hermeneutic analysis, the author analyzes two essays by a well-known American philosopher and art critic H. Rosenberg included into his famous book *The Tradition of the New* (1959), treating the said texts as their author's deconstruction of the Marxist theory and its implementation in Soviet political practices.

Key words: cultural translation, verbal /non-verbal cultural text, context, deconstruction, axiology, teleology, strategies, Harold Rosenberg, Marxism, Communist.

Культурный перевод (далее – КП) понимается в настоящей статье как перенос смыслов, выраженных на одном языке культуры / языке одной культуры, с использованием другого языка культуры / языка другой культуры, имеющей задачей вписывание переводимого текста в иной культурно-языковой и семиотический дискурс [1, с. 108]. Иными словами, КП не ограничивается сугубо лингвистическим переводом с одного языка на другой, хотя и включает его в свою парадигму, но в последнем пределе

нацелен на перенос определенной культурно-языковой информации из одного ментального и мировоззренческого пространства в другое. При подобном понимании объектом КП может выступать любой текст культуры, включая событийно/интеллектуально-исторический и (авто)биографический.

Основываясь на аксиологических и телеологических установках как на критериях, КП можно с некоторой долей условности подразделить на позитивный и негативный. Целью первого является достижение максимально возможного уровня коммуникации, принятие ценностей иной культуры и активное включение их в свой культурный диапазон как значимых факторов единого культурного дискурса. Целью второго – представление этих ценностей в пейоративном ключе, «развенчание» их и, в результате, полное отрицание вплоть до уничтожения. При этом следует отметить, что исходная интенция субъекта/ов КП далеко не во всех случаях приведет к желаемому результату, обусловленному, кроме нее, рядом факторов объективного порядка: историей взаимодействия двух культур, их мировоззренческой сопоставимостью, существующими в воспринимающей среде стереотипами, политическими и идеологическими установками и др.

Предлагаемый в статье подход к КП как к пространству деконструкции основывается на тотальности последней, ее метафорической природе и заложенной в ней амбивалентности. Деконструкция – это процесс «разборки» и «сборки», деструкции и реконструкции, эксплицирующий то, что в скрытом виде уже присутствует в культурном тексте, опирающийся не на новизну, а на инаковость и, следовательно, на память [подробнее см. в: 2; 3, с. 94-97; 5, с. 71-72]. Очевидно, что перевод, целью которого является непрерывающийся процесс раскодирования заложенных в переводимом тексте смыслов и перекодирования их с использованием средств языка и культуры / языка культуры перевода, в силу его двуединой природы вполне допустимо рассматривать как процесс и пространство деконструкции.

Объектом деконструкции выступает текст, понимаемый широко и включающий в себя развернутый и стремящийся к бесконечности ряд «знак – письмо – речь – текст – контекст – чтение – метафора – бессознательное и проч.», при этом институционально-конвенциональный знак предшествует вещи, а априорная разница контекстов письма и чтения позволяет перенести любой элемент языка в иной исторический, социальный, политический, эстетический, художественный и др. контекст / дискурс [3, с. 96]. Тексты известного американского философа, публициста и художественного критика Гарольда Розенберга (1906–1978), о которых пойдет речь ниже, написанные задолго до рождения теории деконструкции, тем не менее, являют собой весьма показательный ее пример, а биография и история убеждений и идеологических пристрастий их автора – не менее показательный и весьма типичный пример пути, пройденного в режиме

интеллектуального «отрицания отрицания» в эпоху, к подобному режиму весьма располагавшую.

Розенберг родился в Бруклине в семье поэта Абрахама Бенджамина Розенберга; в 1923 – 1924 гг. был студентом нью-йоркского Сити колледжа, однако не окончил его, перейдя на юридический факультет колледжа Св. Лоренса, по окончании которого в 1927 г. получил диплом юриста; сам Розенберг утверждал, что получил образование на ступенях Нью-Йоркской библиотеки. Некоторое время вел богемную жизнь, был близок к художественным кругам Нью-Йорка. Формирование его идеологических убеждений и интеллектуальных установок происходило в период американских «красных тридцатых», марксизма и левых политических идей. В 1930-х гг. Розенберг писал для левых изданий «Partisan Review», «The New Masses», «Poetry», «Art Front» и был редактором; тогда же он увлекся русской литературой, «советским экспериментом» и европейским авангардом; был неплохо знаком с парижскими поэтами и художниками-авангардистами и европейскими политическими деятелями левого толка.

В 1938 г. Розенберг переехал в Вашингтон, где стал художественным редактором «American Guide Series» (до 1942 г.), издававшейся правительственным Управлением общественных работ, созданным в рамках «Нового курса» Ф. Рузвельта; в годы войны служил в Военном информационном бюро, а после войны, до 1973 г. – в Американском совете по рекламе; иными словами, с конца 1930-х до начала 1970-х находился на государственной службе [подробнее о нем см. в: 7-9]. Причиной этого стало существенное изменение в его взглядах: с середины 1930-х Розенберг все более разочаровывался в марксизме, постепенно переходя от коммунистических убеждений к антикоммунистическим, демократическим воззрениям в целом и укрепляясь в вере в индивидуализм, без которого, как он полагал, невозможно никакое свободное творчество, за что в 1936 г. его уволили с поста редактора «Art Front».

Хорошо знакомый с современной ему европейской и американской живописью и с теми из американских художников, которых впоследствии стали называть абстрактными экспрессионистами (В. де Кунингом и др.), Розенберг поддерживал их словом и делом: в 1952 г. он опубликовал статью «Живопись действия» («The Action Painting»), положившую начало его известности. В последующие годы он сделался одним из самых влиятельных американских художественных критиков, а Т. Вулф в своей книге «Разукрашенное слово» («The Painted Word», 1975) назвал Розенберга в числе трех самых значимых персон в мире американского искусствоведения [9].

В 1959 г. вышла в свет книга эссе Розенберга «Традиция нового» («The Tradition of the New») [см. английский и русский тексты соответственно в: 6, 4], до сих пор считающаяся классикой американской художественной – и не

только – эссеистики; весьма показательно, что автором обложки к ней был де Кунинг. Собственно искусству (живописи и литературе) посвящены лишь две первые части книги из четырех: «Американская живопись сегодня» и «Профессия поэта» [4, с. 21-156]; третью часть – «Война фантомов» – составили тексты историко-политического характера [4, с. 159-232], в последнюю – «Стадо независимых умов» – вошли эссе об идеологических, антропологических и общекультурных проблемах послевоенной Америки [4, с. 235-320]. Предметом рассмотрения в данной статье являются две главы третьей части: «Воскресшие римляне» и «Герои марксистской науки» [4, с. 179-224].

Пафос первой из вышеназванных статей – развенчание революционной мифологии и революционной «героики». Опираясь на известную работу К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», в которой подробно анализируются ход и причины французской революции 1848 г. и контрреволюционного переворота 1851 г., Розенберг тщательно растолковывает современному американскому читателю, что именно, по его мнению, «хотел сказать Маркс», прибегает к обширным цитатам из текста основоположника марксизма и предпосылает своему тексту «говорящий» эпиграф из «Капитала»: «Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. Мертвый хватает живого!» [4, с. 180]. В финале, после многочисленных отсылок к событиям двадцатого столетия, для которых текст Маркса служит лишь фоном, «легитимирующим» выводы Розенберга, последний утверждает, что «мифы XX века не порождают новых форм, а их лидеры не становятся “истолкователями и глашатаями” новой исторической идентичности в процессе ее проявления. Если наша эпоха есть эпоха кризиса, этот кризис нельзя одним рывком преодолеть при помощи магического повторения прошлого. Напрасно выкапывают мертвецов всех времен и народов, старых и новых. В результате происходит не героическое преодоление “ограниченности исторического содержания”, а подмешивание “кошмара” прошлого к “трезво-практической реальности настоящего”» [4, с. 202]. Идеологически и структурно текст выстроен как «рамочная» конструкция, исходная граница которой определяется цитатой из «Капитала», задающей нужный автору статьи идеологический посыл и служащей теоретическим трамплином для его дальнейших рассуждений, завершающихся цитированным выше выводом, образующим завершающую границу, посыл которой, по замыслу Розенберга, должен перекликаться с утверждениями классика марксизма, замыкая разговор о вошедших в историю «героических» деяниях.

Следующая глава, как явствует из ее названия, посвящена тем, кто сделал попытку преодолеть ту самую «ограниченность исторического содержания», в результате чего «кошмар» прошлого смешался с «трезво-практической реальностью» настоящего. Центральным «героем» и

предметом авторского весьма нелюбимого анализа становится коммунист – «изобретенный тип, к которому смогла обратиться незначительная часть человечества», а создателем этого типа объявляется «один человек – Ленин», поскольку собирательный образ и соответствующий ему в реальной жизни тип коммуниста создавался по его «образу и подобию» и не без его участия, ср.: «Каждый коммунист – маленькая копия этого Человека-который-все-знает» [4, с. 204, 205]. Процедура со-творения мифа, начавшаяся еще при жизни Ленина, была двуединой: мифологизировались как личность/образ вождя, так и образ/тип коммуниста.

При дальнейшем чтении становится очевидным явный логический парадокс: на страницах, отведенных детальной и намеренно доведенной до гротеска характеристике коммуниста автор вступает в противоречие с самим собой, отрицая утверждение, которым завершается предыдущая глава. Коммунист, при всей обусловленной «сменой вех» нелюбви к нему Розенберга, предстает в его тексте именно как «новая историческая идентичность», хотя и совершенно inferнальная по духу и способам действия. Однако интерес в данном случае представляет не предлагаемый автором портрет коммуниста, а те стратегии и инструменты, которыми он пользуется для его создания.

Прежде всего, как и в «Воскресших римлянах», это т. наз. «чужое слово». Розенберг обильно цитирует различные культурные тексты, вербальные и невербальные: воспоминания современников, труды и разрозненные высказывания Ленина и Троцкого, исследования американских историков и советологов, художественная литература, кинофильмы. В ряду текстов, которые автор цитирует и/или к которым отсылает, – «Ленин. Биография» Д. Шуба, «Моя жизнь: опыт автобиографии» Л. Троцкого, «Слепящая тьма» А. Кестлера, «Свидетель» У. Чемберса, «Темная сторона луны» З. Зайдлеровой, «Трое, совершившие революцию» Б. Вольфа, «Бесы» Ф. Достоевского, «Поднятая целина» М. Шолохова и одноименный фильм Ю. Райзмана, снятый по сценарию Сартра фильм «Последний шанс» и др. При этом прямые цитаты представлены вне событийного и собственно вербального контекста, что нарушает хронологию событий и высказываний, по существу разрывая связь истории с ее описанием, и существенно искажает их исходный посыл. Кроме того, нередко намеренно нарушается изначальная интенциональность: позитивный по замыслу текст выворачивается наизнанку, представая не предполагавшейся его автором негативной стороной.

Отдельный предмет для анализа – язык. Значительную часть текстов Розенберг цитирует в собственных переводах с немецкого, русского, французского языков, и при сопоставлении, как правило, обнаруживается неточность переводов, обусловленная либо недостаточным знанием языка

оригинала, либо – что не исключено – (зло)намерением переводчика. То есть, пользуясь чужими текстами, автор обращается с ними весьма произвольно: манипулирование «чужим словом» становится одной из основных стратегий, на которые полагается Розенберг для достижения поставленной перед собой цели.

Кроме «чужого слова» в прямом смысле, используемого как инструмент «легитимации», Розенберг прибегает к т. наз. историческим цитациям – множественным отсылкам к событиям советской, американской и мировой истории двадцатого века: октябрьскому перевороту и неудавшемуся залпу «Авроры», бегству А. Керенского, Брестскому миру, эпохам коллективизации и индустриализации, поражениям Красной армии 1941 г., советско-американским отношениям во время и после Второй мировой войны и мн. др., сопровождая их своими комментариями. При этом события русской/советской и европейской истории, не слишком хорошо известные и/или интересные американскому читателю, не особенно частотны и не развернуты, а в некоторых случаях и не называемы – автор лишь весьма пристрастно описывает их, тогда как события американской, особенно близкие по времени и в той или иной степени «сенсационные», упоминаются не единожды и сопровождаются более или менее детальным анализом, как, напр., дело Чемберса – Хисса.

Наконец, заслуживает внимания выбор встречающихся в тексте собственных имен, с каждым из которых связан определенный корпус известных американскому читателю коннотаций, как позитивных, так и негативных, основанных на сложившейся исторической «мифологии», в том числе и мифологии эпохи маккартизма. Вполне закономерно, что из ряда «коммунистических» или в той или иной мере связанных с коммунизмом персон и событий выбираются преимущественно те, коннотация которых у предполагаемого читателя частично или исключительно негативна.

Очевидно, что, переводя инациональный культурный текст, Розенберг вписывает его в понятный воспринимающей аудитории контекст, апеллируя, среди прочего, и к памяти предполагаемого читателя: упоминания знакомых ему имен, событий, произведений выступают как факторы ее стимуляции, эксплицируя связанные с ними в общественном сознании и в силу отстояния во времени успевшие подвергнуться мифологизации смыслы. Объектом культурного перевода, т.е., разборки и новой сборки, деконструкции и реконструкции в новом обличье, в данном случае являются как события новейшей актуальной и интеллектуальной истории, так и события жизни автора и его прежние идеологические установки. И дело вовсе не в том, что Розенберг создает резко негативный образ коммуниста и советского строя, – и тот, и другой давали для этого достаточные основания, и вывод автора о том, что советская история

сталинской эпохи даже коммунистов привела к утрате веры в «героический образ», вполне справедлив, поскольку «сталинизм раз и навсегда стал судьбой ленинского марксизма» [4, с. 223, 224]. Дело в том, что, «развенчивая» определенную идеологию и вызванный ею к жизни анти-человеческий антропологический тип, он, среди прочего, деконструирует свою прежнюю жизнь и личность, того себя-прежнего, который достаточно долго являлся сторонником этой идеологии, не оспаривая права

Список использованных источников

1. Демидова О. Р. Экранизация как вариант культурного перевода: «Пиковая дама по-английски» // Филологические науки. Международный научный журнал. Май 2019. № 3. С. 108-118.
2. Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М.: РИК «Культура», 1993. 199 с.
3. Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. 640 с.
4. Розенберг Г. Традиция нового / Перевод с английского Ольги Демидовой. М.: V-A-C Press, 2019. 340 с.
5. Эстетика: Словарь / Под общ. ред. А. А. Беляева и др. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
6. Rosenberg H. The Tradition of the New. NY: 1st Da Capo Press, 1994. 286 p.
7. Russel J. Harold Rosenberg is Dead at 72: The New Yorker Art Critic // New York Times. 1978. July 13. – Mode of access: URL: [nytimes.com/1978/07/13/archives/harold-rosenderg-is-dead-at-72-art-critic-for-the-new-yorker.html](https://www.nytimes.com/1978/07/13/archives/harold-rosenderg-is-dead-at-72-art-critic-for-the-new-yorker.html) (дата обращения 28.01.2020).
8. Wald, Alan M. The New York Intellectuals: The Rise and Decline of the Anti-Stalinist Left from the 1930s to the 1980. North Carolina University Press, 1987. 440 p.
9. Wolfe, T. The Painted Word. New York: PICADOR, Farrer, Straus and Giroux, 2008. 114 p. – Mode of access: URL: [graycity.net/tom-wolfe/39688-the_painted_word.html](https://www.graycity.net/tom-wolfe/39688-the_painted_word.html) (дата обращения 28.01.2020).

УДК 821.111

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПРИРОДЫ В ПОЭЗИИ РОБЕРТА ГРЕЙВСА

Э. К. Джапарова,

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, ГБОУ «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования образа природы в поэтическом творчестве Роберта Грейвса. Указывается, что Роберт Грейвс является одним из известных в

англоязычном мире авторов, чье творчество отличается многообразием жанров и мифологических образов. В результате анализа поэтических работ Роберта Грейвса подчеркивается, что на творчество Роберта Грейвса огромное влияние оказали труды Дж. Фрейзера. Отмечается, что в поэзии Роберта Грейвса чаще всего используется мифологический образ луны в различных ипостасях.

Ключевые слова: миф, природа, поэзия, проза, образ, анализ, разнообразие.

Summary. The article deals with the analysis of the characteristic features of functioning of nature image in poetic creation of Robert Graves. It is pointed out that Robert Graves is one of the popular authors known in the English literature world whose creation differs by the variety of genres and mythological images. It is underlined that the analysis of poetic works shows an enormous influence of J. Freyzer on the works of Robert Graves. The most widespread mythological image used in the poetry of Robert Graves is the moon presented by the author in different ways.

Ключевые слова: myth, nature, poetry, prose, image, analysis, variety.

Одной из основных особенностей современного отечественного литературоведения является возросший интерес к мифологическим произведениям английских авторов, среди которых достойное место занимает поэтическое творчество выдающегося мифолога XX века Роберта Грейвса.

Роберт Грейвс (1895-1985), выдающийся английский поэт, прозаик, мифолог, литературовед, автор многочисленных литературно-критических работ, романов, рассказов, огромного количества сборников стихотворений. На творчество Роберта Грейвса и его современников-мифологов известнейшими и влиятельнейшими оказались мифокритические концепции английских и американских литературоведов Ф.Корнфорда, Э.Лэнга, Дж.Меррея, Г.Мюллера, Ф.Реглана, К.Стилла, Э.Тэйлора, У.Троя, Дж.Уэстон, Ф.Фергюссона, Л.Фидлера, Н.Фрая, Дж.Фрэзера, Р.Чейза, Э.Чемберса и других.

Следует отметить, что несмотря на популярность в англоязычном мире, Роберт Грейвс недостаточно освещен в современной российской литературе. Всемирно известны его литературно-критические труды и исследования по мифологии «White Goddess: Historical grammar of poetic Myth» («Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии»), «Greek Myths» («Мифы Древней Греции»), «Я, Клавдий» («I, Claudius»), «Божественный Клавдий» («Divine Claudius»), сборники стихов «Over the Braizier» («Сквозь пекло»), «Collected Poems» («Избранные стихотворения»), «Poems Selected by Himself» («Стихотворения, избранные самим поэтом»), а также переводы и эссе.

Творчество Роберта Грейвса является объектом анализа зарубежных (Дж. Бирлайн, Р. П. Грейвс, Р. Кенери, Р. Шумаер, Дж. Смедс и др.) и отечественных (А. С. Козлов, Т. В. Шадрина, Э. К. Джапарова и др.) исследователей. Лишь в начале XXI века вклад Роберта Грейвса в развитие английской литературоведческой мысли и художественного слова начинает переоцениваться.

Цель статьи – представить краткий анализ поэзии Роберта Грейвса и выявить особенности функционирования мифологических образов природы в поэтических произведениях автора.

Миф занимает важнейшее место в творчестве Роберта Грейвса. Сложно проанализировать его произведения без знания теории мифа, которая является основной концепцией его литературно-критической деятельности. Джон Смедс справедливо отмечает, что миф является «объединяющим началом» в работах Грейвса во всех жанрах, варьирующихся от его объяснительной прозы к поэзии и литературной прозы [4]. Несомненное влияние на творчество Роберта Грейвса оказало учение Дж. Фрейзера «Золотая ветвь», в котором написано о роли магии и религии древних и первобытных народов. Поэтому Роберт Грейвс придавал огромное значение древним магическим ритуалам.

Для Роберта Грейвса мифы – это исторические свидетельства, сознательно зашифрованные. Об этом он пишет в своем фундаментальном исследовании «Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии».

Поэзией Роберт Грейвс начал заниматься с пятнадцати лет и всю жизнь использовал поэзию для «оттачивания своего понимания совершенно другой природы поэзии» [1, с. 17]. Поэзия Роберта Грейвса была оригинальна, потому что обладала особым стилем и колоритом. Роберт Грейвс в ряде своих работ указывает, что поэзия является его основным занятием. В работе «Белая Богиня: историческая грамматика поэтической мифологии» Роберт Грейвс заявляет: «Моя профессия – поэзия...» [1, с. 34] и отмечает, что «никогда не брался за дело и не вступал в отношения, которые были несовместимы» с его «поэтическими принципами» [1, с. 17].

В поэтических трудах Роберта Грейвса функционируют различные мифологические образы: образы природы и природных явлений, растений и животных, образы людей и другие. Тематика стихотворений также же разнообразна: тема природы, тема любви, тема жизни и смерти и др.

Особенностью изображения различных образов в его мифологических стихотворениях прочитывается поклонение Белой Богине, которая выступает в различных обликах: она – Муза, она – Тройственная Богиня, она – Луна, она – Белая Богиня. В работе ««Statement and story: Robert Graves's myth-making» исследователь Джон Смедз писал, что в поэзии Роберта Грейвса «солнце могло умереть, как это случается зимой далеко на

севере. Луна живет всегда и освещает полярную ночь, которую покинуло мертвое солнце» («In a poem by Graves the sun can die, as it does in winter in the far north. The moon lives on for ever and illuminates the polar night which the dead sun has deserted» [4 с. 82]. Джон Смедз считает, что Роберт Грейвс известен не только как поэт, прозаик и исследователь, но и «мистик».

Природа занимает важное место в мифопоэтическом мире Роберта Грейвса. Мифологический образ природы мы встречаем во многих поэтических работах Роберта Грейвса. В сборнике «Poems Selected by Himself» («Стихотворения избранные самим автором») мифологический образ природы отражен в следующих стихотворениях: «Reproach» («Упрек» [3, с.14] «Rocky Acres» («Скалистые горы») [3, с. 16], «Apples and Water» («Яблоки и вода») [3, с. 31], «The Cool Web» («Паутина») [3, с.43], «The Land of Whipperginny» («Земля Виппергина») [3, с. 47], «Full Moon» («Полная луна») [3, с. 54] , «Sea Side» («Приморский») [3, с. 74), «Hell» («Ад») [3, с. 78], «Nature's Lineaments» («Природные линии») [3, с. 84], «Like Snow» («Как снег») [3, с.114], «Language of the Seasons» («Язык времен года») [3, с. 130], «The Beach» («Пляж») [3, с. 132], «Song of Blodeuwedd» («Песня Блoduэд») [3, с. 155], «Questions in a Wood» («Вопросы в лесу») [3, с. 162], «Sea Horse» («Морская лошадь») [3, с. 170], «Cat-Goddess» («Богиня – кошка») [3, с. 171], «The Blue- Fly» («Трупная муха»), «Around the Mountain» («Вокруг горы») [3, с. 182], «Apple Island» («Остров Яблок») [3, с. 186], «Troughs of Sea» («Морские впадины») [3, с. 187], «Turn of the Moon» («Обратная сторона луны») [3, с. 189], «Bird of Paradise» («Птица рая») [3, с. 205]. С образом природы у Роберта Грейвса связаны луна, солнце, земля, небо, горы, холмы, вода, деревья, цветы, вселенная, день, ночь, свет, тьма. Отдельные природные объекты луна, лес, горы связаны с тайной и способствуют созданию атмосферы волнения, напряжения, страха. Ярким примером использования образов природы в мифопоэтическом мире Роберта Грейвса является стихотворение «Rocky Acres» («Скалистые горы»):

This is a wild land, country of my choice,
With hash craggy mountain, moor ample and bare.
Seldom in these acres is heard any voice
But voice of cold water that runs here and there
Through rocks and lank heather growing without care.
No mice in the health run, no song - birds fly
For fear of the buzzard that floats in the sky [3, с. 16].

Роберт Грейвс описывает каменистые скалы, называя землю на которых они расположены «дикими» («wild»). В стихотворении чувствуется некая тревога, т.к., причал достаточно пустой («Moor ample and bare»), редко на этих акрах слышен любой голос («Seldom in these acres is heard any

voice»), никаких мышей, никаких летающих певчих птиц («No mice in the health run, no song-birds fly») [3, с. 16]:

Характерным для поэзии Роберта Грейвса является то, что природа преподносится автором как многогранная сущность, воспринимается как одушевленное существо, созидаящая сила. Показательным является стихотворение «The Hills of May» («Холмы мая»):

Walking with a virgin heart
The green hills of May,
Me, the Wind, she took as lover
By her side to play,
Let me toss her untied hair,
Let me shake her gown,
Careless though the daisies redden,
Though the sun frown [3, с. 26].

В данном стихотворении Роберт Грейвс не только персонифицирует природу и природные явления, но и сам выступает в качестве природного персонажа «Wind» (ветер). Использование природного явления и участие самого автора производит более сильный эффект на читателя для понимания мифопоэтических взглядов Роберта Грейвса.

Таким образом, в стихотворениях Роберта Грейвса мифологическим образам природы поэт зачастую дает такие характеристики, которые присущи природным явлениям, живым существам, обладающим положительными качествами и способными на различные действия.

Образ природы выражается в стихотворениях Роберта Грейвса как мифологический образ, включающий такие единицы как пейзаж, времена года, время суток, краски природы, звуки природы, луна, небо, животные, птицы, ветер, цветы, снег и др. Чаще других образов природы Роберт Грейвс использует образ луны, который, который служит примером выражения мифологического образа природы.

Следует отметить, что поэзия Роберта Грейвса с годами усложнялась, приобретая глубокое философское значение. Поэтому, читателю необходимо вчитываться в стихотворение и путем логического размышления разгадать замысел автора, поскольку в каждом слове скрыта мифологическая загадка поэта.

Список использованных источников

1. Грейвс Р. Белая Богиня: историческая грамматика поэтической мифологии / пер. с англ. Л. И. Володарско. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 656 с.
2. Козлов А. С. Литературоведение Англии и США XX века. М.: Московский лицей, 2004. 256 с.
3. Лукинова М.Ю., Матюх Д.Н. Речевая характеристика как стилистический прием создания образов персонажей и проблемы перевода

в романе Дэвида Митчелла "Лужок черного лебедя" // Научные горизонты. – 2018. – № 11-1 (15). – С. 199-206.

4. Пасекова Н.В. Особенности изображения образов главных героев в романе Ф.С. Фицджеральда "Ночь нежна": переводческий аспект // В книге: Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского Сборник тезисов участников IV научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. – 2018. – С. 279-280.

5. Graves R. Poems Selected by Himself. Edinburgh: Penguin Books, 1966. 222 p.

6. Smeds J. Statement and story. Robert Graves's myth-making. Åbo: Akad., 1997. – XV, 341 p.

УДК 811.111:81'271.1

ОШИБКИ В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

И. В. Дрыгина,

доцент кафедры лингвистики, теории и практики перевода, кандидат педагогических наук, Институт социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярск

М. Р. Кудрина,

студент первого курса кафедры лингвистики, теории и практики перевода, Институт социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярск

Аннотация. Целью работы является изучение ошибок в устной и письменной речи на английском языке. Анализируются типы ошибок и объясняется их роль в процессе обучения иностранному языку. Даны рекомендации по совершенствованию эффективности коммуникации.

Ключевые слова: Лексические ошибки, грамматические ошибки, акцентологические ошибки, речь, коммуникация.

Summary. The errors in oral and written speech in English language is studied in this work. The article analyzes the types of errors and explains their role in the learning process. The recommendations for improving the effectiveness of communication are seen in this article.

Key words: Lexical errors, grammatical errors, accentological errors, speech, communication.

Каждый человек, который изучает иностранный язык и использует его для коммуникации, должен уметь излагать свои мысли, правильно составлять предложения, верно произносить слова и лексически правильно их употреблять. Однако, в устной речи, а также в письменной, практически

каждый допускает ошибки. Насколько ошибки искажают речь? Допустимы они в речи или нет? Правильно ли нас понимает собеседник? На эти и многие другие вопросы постараемся найти ответы в нашем исследовании.

Однако, прежде всего, обратимся к основополагающему понятию данного исследования и определим для себя, что вложено в понятие «ошибка», и какие типы ошибок существуют. В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова под ошибкой понимается «неправильность в действиях, поступках, высказываниях, мыслях, погрешность» [3, с. 434]. Исходя из этого определения, можем предположить, что на каждом уровне языка может встречаться ошибка. Самой же грубой ошибкой следует считать ту, которая искажает смысл передаваемой информации, затрудняет ее понимание и препятствует эффективной коммуникации собеседников.

Обратимся к классификациям ошибок для их детального изучения. По мнению Julian Edge, существует несколько категорий ошибок, которые допускают студенты в процессе изучения иностранного языка [4, с. 9]:

1. Slips (ошибки-оговорки). Эти ошибки студент может исправить, если на них ему указать. Например: «He had been their for several years».

2. Errors (ошибки в пройденном материале). Данные ошибки студент допускает в уже пройденном материале. Он не может исправить их самостоятельно. Например: «He doesn't know this information, doesn't he?»

3. Attempts (ошибки в неизученном материале). Данные ошибки студент допускает в еще не пройденном материале. Например: «This no really for always my time».

Ошибки встречаются на каждом уровне языка. В повседневной речи чаще всего встречаются лексические, грамматические и стилистические ошибки. Остановимся кратко на каждом типе ошибок, опираясь на классификацию, представленную в исследованиях Л.К.Латышева [1].

Лексическая ошибка - ошибка, связанная с неправильным использованием основного или контекстуального значения слова, а также нарушение норм сочетаемости слов. Лексические ошибки могут появляться в речи говорящего чаще всего по следующим причинам:

- Неточного выбора и незнания значения выбранного слова. Данная ошибка объясняется тем, что говорящий не анализирует значения слова перед их применением в своей речи. Например: «This is a convenient chair».

- Речевая недостаточность. Эта ошибка связана с пропуском слов или словосочетаний в речи. Например: «I'm looking forward your visit».

- Речевая избыточность. Такая ошибка проявляется в необоснованном многословии. Например: «I'm from Krasnoyarsk city».

Следующая группа ошибок – грамматические ошибки. Это – «нарушение грамматических (в т. ч. синтаксических) норм языка перевода, не приводящее к искажению смысла оригинала» [1]. Возникновение грамматических ошибок, как правило, объясняется тем, что человек,

изучающий иностранный язык, применяет знания и правила родного языка в процессе речевого общения на английском языке.

Одними из самых распространенных ошибок, по мнению одного из авторов блога Enjoyenglish-blog [5], являются следующие:

1. Чрезмерное употребления «myself». Обычно «myself» употребляют с целью рефлексии, когда необходимо сделать акцент на себе. Например: «I did the job myself» означает «Я сделал эту работу сам», то есть работа была сделана самостоятельно. Однако, часто встречается пример неправильного употребления: «I feel myself good». Значение данного выражения не отражает хорошее самочувствие говорящего.

2. Неверное употребление артиклей. В английской речи часто неправильно употребляют артикли. Подобная грамматическая единица не существует в родном языке и поэтому всегда вызывает трудности в ее использовании и множество ошибок, как в устной, так и письменной речи. Одно из самых распространенных явлений – употребление артикля перед названием городов и имен. Например: «He lives in the Moscow».

3. Употребление формы глагола to be - was вместо were. Эта ошибка чаще всего проявляется в сослагательном наклонении. Например: «If I was you, I would buy this flat».

4. Ошибка в образовании модальных форм глагола и употреблении частицы «to» после модального глагола. Данная ошибка чаще всего происходит из-за общего непонимания сущности модальных глаголов. Например: «Had you do this task?» вместо «Did you have to do this task?». Или еще пример: «She could to be a singer» вместо «She could be a singer».

И третья группа ошибок – стилистические ошибки – использование слова, конструкции или стилистического средства, не соответствующих по своим функционально-языковым свойствам той жанрово-стилистической разновидности текстов, к которой принадлежит перевод [1].

Стилистические ошибки часто происходят из-за непонимания стиля речи, а главным образом из-за не способности различить их. Это приводит к сочетанию элементов разговорного и книжного пластов лексики в одной единице речи. Например: «They decided to put off the agreement until the next election» вместо «to put off» следует употребить глагол «to postpone», так как он больше подходит с точки зрения стилистики.

Чтобы выяснить, какую роль играют ошибки в устной речи, и понять, насколько они препятствуют ее пониманию на иностранном языке, нами было проведено небольшое исследование. На занятиях по английскому языку мы наблюдали за студентами первого курса направления «Лингвистика» и фиксировали ошибки, которые они допускали.

Прежде всего, хочется обратить внимание на группу акцентологических ошибок. Не все исследователи говорят о данной группе ошибок, но на наш взгляд, такие ошибки встречаются чаще именно у людей,

которые находятся на начальном этапе изучения иностранного языка, и были отмечены нами в речи у наблюдаемой группы студентов. По нашим предположениям, это происходит из-за непроизвольного желания поставить ударение в английском слове в соответствии с русскими правилами произношения. Например:

а. Hotel - отель. В данном слове ударение падает на последний слог /həʊ'tel/, однако часто студенты ставят ударение на первый слог.

б. Dessert - десерт. В данном слове ударение падает на последний слог /di'zɜ:t/, однако часто ставят ударение на первый. Данная ошибка препятствует пониманию слова, из-за неправильной постановки ударения искажается смысл. Вместо “dessert” - десерт, получается “desert” - пустыня.

с. Также существуют слова, где глагол и существительное имеют одинаковую форму. Однако существительное имеет ударение на первый слог, а глагол на последний. Object /'ɒbdʒɪkt/ - (noun) предмет. Object /əb'dʒekt/ - (verb) возразить.

Акцентологические ошибки можно отнести к разряду грубых ошибок в английском языке. Так как в устной речи они могут служить причиной непонимания речи собеседника или искажать смысл высказывания говорящего.

Остановимся на группе грамматических ошибок. Данный тип ошибок распространен не только в устной, но и в письменной форме речи. Причиной появления грамматических ошибок можно считать языковую интерференцию. Авторы «Лингвистического энциклопедического словаря» дают следующее определение интерференции: «Интерференция (от лат. *inter* – между собой, взаимно и *ferio* – касаюсь, ударяю) – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [2, с. 709].

По нашему мнению, процесс интерференции происходит у студента непроизвольно. Это проявляется в копировании грамматических конструкций русского языка в английский. Приведем несколько примеров.

1. *Добавление глагола to be к смысловому глаголу в Present Simple.* В Present Simple употребляется только смысловый глагол. Однако зачастую перед ним ставят глагол to be, что является неверным. Например: I work at this new office - Я работаю в этом новом офисе. Предложение “I'm work at this new office” будет неправильным.

2. *Отрицательные предложения.* В английском языке двойное отрицание считается нарушением грамматической нормы. Например: Nobody wants to follow this rule - Никто не хочет следовать этому правилу. Если вы построите предложение “Nobody doesn't want to follow this rule”, это будет неправильно.

3. *Употребление глагола без окончания -es/-s/.* Эта ошибка остается одной из самых распространенных на письме и в устной речи, особенно у тех, кто не имеет достаточного опыта коммуникации на иностранном языке. Например: She sleeps all day – Она спит весь день. Форма предложения “She sleep all day” будет неправильной.

4. *Употребление глагола в единственном числе после существительного во множественном числе.* Например: The police are investigating the case - Полиция ведет расследование этого дела. Если предложение звучит следующим образом - “The police is investigating the case”, оно будет неправильным.

5. *Отсутствие или неправильное употребление предлогов.* Например: At 10 o'clock we go to the club – В 10 часов мы идем в клуб. Вариант предложения - “On 10 o'clock we go to the club” будет неправильным.

6. *Отсутствие или неправильное употребление артиклей.* Например: He is a wonderful singer - Он чудесный певец. Неправильное предложение “He is the wonderful singer” встречается очень часто в речи студентов.

И наконец, очень распространенная среди студентов группа лексических ошибок. По нашим предположениям, лексические ошибки появляются из-за неумения формулировать свои мысли, а главное скудного словарного запаса. При изучении слова, внимание часто останавливается только на одном значении слова и не делается акцент на синонимичные пары слов. Приведем несколько типичных ошибок.

1. *Использование слов-паронимов.* Самым распространенным примером является неправильное использование таких паронимов как lay и lie. Оба глагола неправильные: Lay – laid – laid - положить что-либо Lie – lay - lain – лечь.

2. *Употребление интернационализмов и псевдоинтернационализмов.* Эта проблема связана с неверным пониманием и переводом “false friends”. Например: Слово “intelligent” имеет значение “умный”, но студенты переводят его как “интеллигентный”. Слово “accurate” имеет значение “точный, верный”, но студенты его переводят как “аккуратный”.

3. *Идиомы.* Ошибки возникают не только в переводе идиом, но и в их употреблении. Например: Одна из самых распространенных идиом “rain cats and dogs” имеет значение “лечь как из ведра”. Однако встречается неверное употребление “rain like cats and dogs”. Незнание этой идиомы приводит к непониманию фразы в контексте.

Таким образом, изучив литературу по интересующей нас теме и проведя практическое наблюдение, можем сделать вывод, что ошибки - это довольно распространенная проблема в процессе обучения иностранному языку. Виды ошибок бывают разные, но все они в той или иной мере влияют на эффективность коммуникации собеседников на иностранном языке. Поэтому считаем возможным для себя сформулировать ряд рекомендаций

для тех, кто изучает иностранный язык.

Во-первых, чтобы речь была правильна и лаконична нужно изучать грамматику, учить лексику в контексте и тренировать свою устную речь.

Во-вторых, необходимо читать художественную, научную и другую специальную литературу на английском языке, так как в процессе чтения запоминаются различные лексические конструкции, расширяется активный и пассивный словарный запас.

В-третьих, нельзя забывать о собственных ошибках, допущенных в устной или письменной речи. Такие ошибки важно прорабатывать и анализировать, чтобы избежать их повторения.

Полагаем, что данные рекомендации могут способствовать исключению ошибок из речи и помочь выстроить гармоничные отношения с окружающими людьми и добиться эффективной коммуникации.

Таким образом, мы подтвердили наше предположение о том, что из-за ошибочной формулировки своих мыслей, неправильного произношения слов может происходить искажение мысли и речи. Ошибки допустимы, когда они возникают в процессе обучения, но их необходимо анализировать и исправлять. Нужно учиться говорить и писать правильно, от этого зависит процесс коммуникации и его результативность.

Список использованных источников

1. Латышев Л. К. Классификация переводческих ошибок [Электронный ресурс] // WikiEnglish. - 2015. - <http://wikienglish.ru/?p=360> (дата обращения: 15. 12. 2019).
2. Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.
3. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 434 с.
4. Julian Edge, Mistakes and Corrections, Longman, 1997. с. 9-10.
5. 15 типичных ошибок русскоговорящих в английском языке [Электронный ресурс] // Enjoyenglish-blog. - 2019. - <https://enjoyenglish-blog.com/angliyskiy-dlya-nachinaushih/15-tipichnyx-oshibok-russkogovoryashhix-v-anglijskom-yazyke.html> (дата обращения: 15. 12. 2019).

УДК 81'25=111:81'373.21(71)

**ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАНАДЫ:
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГИДРОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ПРОВИНЦИИ АЛЬБЕРТА)**

О. В. Ермоленко,

*кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранной
филологии (СП), Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

А. Э. Ибраимова,

*магистрант 2 курса обучения кафедры землеведения и геоморфологии,
Таврическая академия (СП), Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. На протяжении многих лет топонимику относили к ряду вспомогательных наук на стыке лингвистики, истории и географии. Однако за последние десятилетия количество лингвистических исследований по топонимике значительно возросло: издаются топонимические словари, сборники, проводятся конференции, а также исследуются способы перевода топонимов. Цель работы – осуществить перевод географических названий канадской провинции Альберта с помощью транскрипции, транслитерации и калькирования. В работе показаны способы перевода гидронимов с помощью транскрипции, транслитерации и калькирования; а так же выявлено, что перевод с помощью транскрипции является наиболее правильным и корректным, поскольку ориентирован на сохранение национально-культурных особенностей топонимов без искажения его фонетической формы.

Ключевые слова: топоним, гидроним, транскрипция, транслитерация, калькирование, Альберта.

Summary. For many years toponymy has been assigned to a number of auxiliary sciences at the intersection of linguistics, history, and geography. However, over the past decades, the number of linguistic studies on toponymy has increased significantly: toponymic dictionaries, published collections, a lot of conferences, and methods of translating toponyms are being investigated. The purpose of this work is to translate the geographical names of the province of Alberta using transcription, transliteration and calquing. Methods of translation of toponyms using transcription, transliteration and calquing are shown; it is revealed that the translation using transcription is the most appropriate and correct, since it is aimed at preserving the national and cultural characteristics of toponyms without distorting its phonetic form.

Key words: toponym, hydronim, transcription, transliteration, calquing, Alberta.

Лингвистика, как любая современная наука, характеризуется

значительным развитием исследований, которые охватывают смежные научные дисциплины. К таким междисциплинарным областям исследования относится топонимика, в развитии которой особую роль играет географический фактор. Топонимы несут ценную информацию об истории, языках, культурах, традициях, природных характеристиках отдельных регионов. Топонимические исследования представлены работами ряда историков, лингвистов и географов (С. Б. Веселовский, А. Р. Аюбов, В. И. Даль, Е. М. Верещагин, В. А. Жучкевич, Е. М. Поспелов, Э. М. Мурзаев). Актуальность исследований на заданную тему обусловлена тем фактом, что изучение топонимики представляет одну из важнейших и актуальных задач современной лингвистики, а вопросы перевода англо-канадской топонимии в этом аспекте являются недостаточно изученными, поскольку топонимия Канады весьма разнообразна и представлена географическими названиями кельтского, испанского, англосаксонского, баскского, португальского, французского, аборигенного происхождения. Объектом нашего исследования является топонимическая лексика Канады, предмет исследования – особенности перевода гидронимов провинции Альберта.

Провинция Альберта – одна из англоязычных провинций Канады, которая располагается в западной части государства. В Альберте находятся многочисленные реки и озера, используемые для купания, катания на водных лыжах, рыбной ловли и т.д. К примеру, самая длинная река в Альберте – Атабаска (длина 956 миль), текущая от Колумбийского ледника в Скалистых горах до озера Атабаска. Крупнейшая река по объёму воды – Пис-Ривер берёт начало в Скалистых горах на севере Британской Колумбии и течёт по северной части Альберты, впадает в реку Невольничью, впадающую, в свою очередь, в реку Маккензи. В Альберте расположено три больших озера и множество небольших озёр площадью менее 260 км² каждое.

Гидронимы (названия водных объектов) исследователи распределяют по группам после анализа их словообразовательных форм, лексико-семантических структур, исторических форм и т.д. Отметим, что названия канадских гидронимов, которые местные жители давали тому или иному водному объекту, опираясь на его основные природные свойства (величину, глубину, цвет, качества и т.д.), зачастую происходят от языков древних племён; названия, которые давали завоеватели и первооткрыватели водным объектам (эти названия перекликаются с названиями племён, которые населяли местные территории), а также названия, которые были даны в честь людей, каким-то образом связаны и с историей открытия данного водного объекта. Соответственно топонимическая лексика Канады имеет свои определённые специфические черты, характерные для каждой провинции. Поскольку территория провинции Альберты обладает

значительным количеством водных ресурсов, для осуществления перевода географических названий нами были выбраны гидронимы, а именно 109 названий наиболее протяжённых рек провинции, которые были подвергнуты приёмам транскрипции, транслитерации и калькирования (табл. 1, 2, 3).

Транслитерация представляет собой «формализованный процесс передачи букв одной письменности буквами другой» [2, с. 48]. При транслитерации письменный вариант топонима не искажается, однако можно получить примеры названий совершенно отличающиеся от оригиналов при чтении. Так, переводу транслитерацией были подвергнуты 9 географических названий рек провинции Альберта (табл.1), а именно: Boyer – Бойер, Dillon – Диллон, Lovett – Ловетт, Petitot – Петитот, Spirit – Спирит. Для этих гидронимов характерно стопроцентное буквенное соответствие графическим единицам оригинала.

Табл. 1.

**Географические названия рек провинции Альберта,
переведённые способом транслитерации**

№	Название на англ. языке	Транслитерация
1	Boyer	Бойер
2	Dillon	Диллон
3	Doig	Доиг
4	Fontas	Фонтас
5	Gregg	Грегг
6	Griffin	Гриффин
7	Lovett	Ловетт
8	Petitot	Петитот
9	Spirit	Спирит

Остальные географические названия не могут быть переведены с помощью транслитерации, поскольку они не имеют точного совпадения с оригиналом и могут вызвать сложности при воспроизводстве начальной формы гидронима с ориентацией на звучание.

Для передачи точного звучания слов с помощью букв и условных знаков применяется транскрипция [3, с. 496]. Транскрипция представляет собой «передачу звуковой формы переводимого слова буквами переводящего языка» [1, с. 28]. Этим способом при переводе гидронимов были переданы на английский язык 78 географических названий (табл. 2). При переводе с помощью транскрипции применяются определённые буквенные соответствия английским звукам. Например: 1) звук [3:] может передаваться буквами «е» или «э» (Fern – Фёрн, Whirlpool – Вёлпул); 2) звук [æ] передаётся как «э» или «а» (Alexandra – Александра, Amber – Эмбер, Amisk – Эмиск, Astoria – Эстория, Blackstone – Блэкстоун, Cameron –

Кэмерон, Cascade – Кэскейд, Jackpine – Джэкпайн, Ram – Рэм); 3) звук [h] как «х» или «г» (Bad heart – Бэд Харт, Cuthead – Катхед, Habel – Хэбл, Haynes – Хейнз, Heath – Хис, Howard Douglas – Ховед Даглес и др.; 4) звук [dʒ] передаётся как «дж» (Benjamin – Бенджамин, Conjuring – Канджеринг, George – Джордж, Jackpine – Джэкпайн, Jacob – Джейкоб, James – Джеймс, Junction – Джанкшн, Nigel – Найджел); 5) звук [w] передаётся как «у» или «в» (Whitehorse – Уайт Хорс, Whitemud – Уайтмад) и т.д. Помимо транскрипции и транслитерации, перевод географических названий может осуществляться с помощью калькирования. Особенность данного приёма заключается в копировании структуры лексической единицы оригинала, в результате чего формируется новая единица в языке перевода [5, с. 112]. Способом калькирования был осуществлён перевод 22 названий рек провинции Альберта (табл. 3).

Табл. 2.

**Географические названия рек провинции Альберта,
переведённые способом транскрипции**

№	Название	Транскрипция	№	Название	Транскрипция	№	Название	Транскрипция
1	Alexandra	[æləg'zændrə]	27	Cline	[klaɪn]	53	Healy	[hi:li]
2	Amber	[ˈæmbə]	28	Clouston	[klaustɒn]	54	Howard Douglas	[ˈhaʊəd dʌgləs]
3	Amisk	[æmɪsk]	29	Clyde	[klaɪd]	55	Howse	[haʊs]
4	Assiniboine	[æsinɪəʊ]	30	Conjuring	[ˈkɒndʒərɪŋ]	56	Inverness	[ɪnvəˈnes]
5	Astoria	[æstɔ:riə]	31	Connelly	[kɒnəli]	57	Iron	[ˈaɪən]
6	Bad Heart	[bæd hɑ:t]	32	Corral	[kɒˈrɑ:l]	58	Jackpine	[dʒækpaɪn]
7	Baker	[ˈbeɪkə]	33	Coutts	[ku:tz]	59	Jacob	[ˈdʒeɪkəb]
8	Bath	[bɑ:θ]	34	Cutbank	[kʌtbæŋk]	60	James	[dʒeɪmz]
9	Beaupre	[biəʌpr]	35	Cuthead	[kʌθed]	61	Junction	[ˈdʒʌŋkʃən]
10	Benjamin	[ˈbɛndʒəmɪn]	36	Divide	[dɪˈvaɪd]	62	Little Smoky	[ˈlɪtl ˈsməʊki]
11	Berland	[bɜrlænd]	37	Dormer	[ˈdɔ:mə]	63	Lobstick	[lobztɪk]
12	Blackstone	[blæk stəʊn]	38	Driftpile	[drɪftpaɪl]	64	Lundbreck	[lʌndbrɛk]
13	Boundary	[ˈbaʊndəri]	39	East Arrowwood	[i:st ærəʊwʊd]	65	Medicine	[ˈmɛdɪsɪn]

14	Buckton	[bʌkton]	40	Edwin	[ˈɛdwɪn]	66	Miette	[mijet]
15	Bullpound	[bʊlpʌʊnd]	41	Elliot	[elieit]	67	Mill Ravine	[mɪl rəˈvi:n]
16	Cadotte	[kʌdot]	42	Ells	[ɛlz]	68	Mistaya	[mistaiə]
17	Cameron	[ˈkæməɾən]	43	Embarras	[imˈbærəst]	69	Nigel	[ˈnaɪdʒəl]
18	Cardinal	[ˈkɑ:dɪnl]	44	Fawcett	[fɔ:sɪt]	70	Piper	[ˈpaɪpə]
19	Cascade	[kæsˈkeɪd]	45	Fiddle	[ˈfɪdl]	71	Pipestone	[paɪpəstəʊn]
20	Castor	[ˈkɑ:stə]	46	Firebag	[faɪəbʌg]	72	Siffleur	[sɪflɜ:]
21	Cavell	[keɪvl]	47	George	[dʒɔ:dʒ]	73	South Heart	[saʊθ hæ:t]
22	Chaba	[tʃabə]	48	Graham	[ˈgreɪəm]	74	Spray	[spreɪ]
23	Chinchaga	[tʃɪn tʃagə]	49	Grease	[ɡri:s]	75	Vermilion	[vəˈmɪljən]
24	Chiniki	[tʃɪniki]	50	Gregoire	[ɡregwa]	76	Waskasoo	[vɒskʌsʊ]
25	Chipmagan	[tʃɪpmən]	51	Habel	[hæbl]	77	Whirlpool	[ˈwɜ:lpu:l]
26	Chungo	[tʃʊŋɡo]	52	Haynes	[heɪnz]	78	Whitemud	[waɪtmʌd]

Табл. 3.

**Географические названия рек провинции Альберта, переведённые
способом калькирования**

№	Название на английском языке	Калькирование
1	Bearberry	Медвежья ягода
2	Beaver	Бобёр
3	Bighor	Снежный баран
4	Blackmud	Чёрная грязь
5	Blindman	Слепая
6	Crownsnest	Гнездо вороны
7	Drywood	Сухое дерево
8	Fallen Timber	Падающее дерево
9	Fern	Папоротник
10	Chostpine	Призрачная сосна

11	Grizzly Bear	Медведь Гризли
12	Heath	Вереск
13	Little Bow	Маленький лук
14	Marten	Куница
15	Muddywater	Грязная вода
16	Ram	Баран
17	Redwater	Красная вода
18	Sand	Песчаная
19	Sheep	Овца
20	Snake Indian	Индийская змея
21	Whitehorse	Белая лошадь
22	Wolf	Волк

Показаны, прежде всего, географические названия топонимов, связанные с флорой и фауной: Bearberry, Beaver, Bighorn, Crowsnest, Drywood, Fern, Grizzly Bear, Marten, Ram, Sheep, Snake, Whitehorse, Wolf. Кроме того, данным способом можно воспользоваться при переводе географических названий, описывающих физические характеристики объекта. Например: 1) Blackmud (вода в реке чёрная и грязная); 2) Blindman («blind» – слепой, т.е. устье реки не видно); 3) Muddywater (река мутная, грязная); 4) Redwater (река Красная). В остальных случаях перевод с помощью калькирования является, на наш взгляд, не корректным и может привести к возникновению буквализмов.

Таким образом, выбор наиболее правильного и подходящего способа перевода топонимов является важнейшей задачей переводчика. По нашему мнению, наиболее правильным и корректным является перевод с помощью транскрипции, который ориентирован на сохранение национально-культурных особенностей топонимов Канады (провинция Альберта) не искажая его фонетической формы. Транслитерация и калькирование также являются допустимыми, так как не всегда удаётся поставить звуки во взаимно однозначное соответствие. Гидронимы, содержащие в названии природно-географический компонент, а также имеющие связь с флорой и фауной, могут быть переведены с помощью калькирования, поскольку перевод таких компонентов не мешает пониманию гидронима и является вполне адекватным.

Список использованных источников

1. Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. 84 с.
2. Леенсон И. А. Кто такие Сеан и Ксенонг, или Чем транскрипция отличается от транслитерации. 2008. С. 48–51.

3. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 192 с.
5. Романова С. П., Коралова А. Л. Пособие по переводу с английского на русский. М.: КДУ, 2007. 176 с.

УДК 808.1

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ ОСНОВАМ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРЕВОДА

М. В. Жданова,

кандидат филологических наук, профессор кафедры художественного перевода, Литературный институт им. А.М. Горького, Москва

Аннотация. Цель статьи – освещение сложного процесса обучения основам литературного перевода, что требует от преподавателя владения соответствующей методикой. Творческими кафедрами Литературного института им. А. М. Горького накоплен уникальный опыт в данной сфере. Студентам следует не только знать историю литературы, культуры и традиций страны изучаемого языка, но и освоить принципы воссоздания иноязычного литературного произведения на родном языке. На примере художественного перевода с немецкого языка на русский в статье разъяснены некоторые важные аспекты данного процесса. Материалы статьи могут использовать на практике как преподаватели, так и переводчики.

Ключевые слова: обучение, литературный перевод, оригинальный и переводной текст, правила и традиции,

Summary. The purpose of the article is to present the complex process of learning the basics of literary translation, which requires the teacher to know the methodology. Creative departments of the Maxim Gorky Institute of Literature have accumulated a unique experience in this field. Students should not only know the history of literature, culture and traditions of the country / language being studied, but also learn the principles of re-creating a foreign text in their native language. The article explains some important aspects of this process using the example of a literary translation from German into Russian. The materials of the article can be used in practice by both teachers and translators.

Key words: teaching, literary translation, original and translated text, rules and traditions, norms and translator's freedom

Литературный институт имени А. М. Горького – единственное высшее учебное заведение на территории Российской Федерации, обладающее значительным опытом в обучении студентов мастерству литературного перевода с иностранных языков на русский (а также с языков

народов России на русский и с русского – на языки народов России). Учебная дисциплина «Мастерство художественного перевода» в Литературном институте относится к профессиональному циклу и является профильной при специализации выпускника «Литературный работник, переводчик художественной литературы». За десятилетия существования Литинститута, основанного в 1933 году, кафедры литературного мастерства и художественного перевода разработали уникальные методики работы с молодыми людьми, свободно владеющими целевым языком и изучающими исходный язык [2]. Имеющийся опыт оказался применим и к обучению литературному переводу с немецкого языка, которое ведется в институте с 1993 г.

Целью обучения является постепенный переход от ученичества к профессионализму в творческой работе, что включает в себя:

- знание истории литературы изучаемой страны, ее художественных традиций, творчества наиболее значительных писателей;
- знакомство с современным литературным процессом в изучаемой стране / странах;
- овладение навыками аналитического прочтения литературных текстов, написанных в разное время, и понимание особенностей их смысловой структуры и образности;
- способность различать специфику историко-литературного развития изучаемой страны / стран, что должно сказываться в анализе лексического и грамматического строя исходного текста и, соответственно, в переводе.

Однако наряду с общими «правилами» освоения мастерства, молодому переводчику следует помнить о том, что он создает литературное произведение на русском языке и является наследником традиций отечественной переводческой школы. Словами Н.М. Любимова, выдающегося ее представителя, «индивидуальность переводчика проявляется уже в том, каких авторов и какие произведения он выбирает для воссоздания на родном языке» [3, с. 124]. Добавим: индивидуальность проявляется и в том, какой исходный язык выбрал переводчик.

Помимо общих различий между языками, свойственных самой их природе – начиная от алфавита, родов, падежей, артиклей или времен и форм глагола и т.д., существуют и специфические их различия, важные не просто для владения языком или грамотного перевода, но именно для перевода литературного. Н. М. Любимов замечает: «Вопрос, восклицание, обращение – все это должно быть отражено в переводе с одной оговоркой: всякий раз надо отдавать себе отчет, что это – прием данного автора или же синтаксическая конструкция, характерная для данного языка вообще?» [3, с. 106].

Специфические особенности немецкого языка, важные для литературного переводчика, в частности, таковы: это строгий порядок слов

внутри фразы, почти не допускающий вариаций; это определенность позиции глагола – в конце фразы; это расположение прилагательного (эпитета) перед существительным; это полные предложения – в отличие от русских эллиптических, назывных и т.д.; перечисление можно продолжить. Первая задача преподавателя (в терминологии творческого вуза – «мастера») состоит в том, чтобы научить студента «слышать» интонацию автора, различая общее звучание его языка и звучание его повествования. Пример:

(нем.) Hunger, Hunger, wenn ich am Abend heimkomme aus dem Büro und zwölf Stunden Schufterei hinter mir habe, dann habe ich auch Hunger... (G. Meister, «Amerika»)

(рус.) Голод, голод! Прихожу вечером домой с работы, вкалывал там часов двенадцать, так я тоже голодный... (Г. Майстер, «Америка», пер. Марии Зоркой) [1, с. 252].

Начинаящему здесь следует обратить внимание на то, что

- в немецком литературном тексте восклицательный знак встречается значительно реже, чем в русском; вместе с тем, оставить в переводе *Hunger, Hunger*, как «Голод, голод,» – невозможно, это будет выглядеть как обращение;

- в оригинале три местоимения (1-е лицо, ед. число) – *ich, mir, ich*, в переводе одно – «я», т.к. в русском языке местоимения употребляются принципиально реже, чем в немецком;

- в оригинале – *zwölf Stunden Schufterei hinter mir habe*, что дословно означает: «двенадцать часов непосильного труда за собой имею», однако все это заменено одним разговорным словом «вкалывал», ибо немецкий язык всегда тяготеет к существительному (*Schufterei*, разг.), а русский – к глаголу; немецкое точное «двенадцать часов» и по обобщенному смыслу, и по ритму лучше укладывается в русское «часов двенадцать».

Подобные примеры и анализ сходных взаимоотношений оригинального и переводного текстов подробно рассмотрены в содержательной и разносторонней книге В. С. Модестова «Художественный перевод: история, теория, практика» [5]. Молодой переводчик многое здесь почерпнет, хотя, как известно, учебника по художественному переводу нет и не может быть, как не может быть «учебника по лирике», «учебника по прозе» и т.д., ибо научить творчеству нельзя.

Однако пояснить методику – можно, и поэтому в 2019 г. на сайте Литературного института стартовал Межкафедральный методический проект «От текста к контексту. В помощь начинающему переводчику» [4]. Автор данной статьи, являясь практикующим переводчиком и руководителем творческого семинара (мастерской) художественного перевода с немецкого языка, в ежемесячных интернет-выпусках проекта – наряду со многими

уважаемыми коллегами – делится своими соображениями по тем вопросам, которые неизбежно задают себе ученики. Одни темы носят общий характер («Нужны ли сноски и комментарии в переводном тексте?»), другие посвящены практическим проблемам перевода («Перевод заглавий», «Ввод прямой речи и свобода переводчика» и т.п.).

Адресуя читателей сборника к данному источнику, обозначим немецкую специфику некоторых актуальных для переводчиков тем.

- Для литературного текста не существует утвержденных правил перевода имен и фамилий с немецкого языка; общие правила транскрипции и транслитерации немецких слов не всегда распространяются на имена собственные; основную сложность представляют сочетание **ei** (традиционно передается как «ей» или «эй», в зависимости от позиции) и буква **Hh** (традиционно – «Гг»);

- нормой для перевода географических названий служит только последнее издание официального атласа, однако литературный переводчик, создавая художественное произведение, не всегда обязан следовать норме, а потому возможны устоявшиеся варианты (Боденское озеро, Люцернское озеро и т.п.);

- названия немецких городов, поселков, деревень, общин, коммун по-русски подчиняются тем же правилам или установкам, что и все остальные имена собственные, но здесь в современной переводной литературе неожиданности встречаются реже, побеждает традиционное написание (скажем, *Leipzig* – это Лейпциг, а не «Ляйпцих»).

На примере перевода с немецкого языка выше отмечены лишь отдельные специфические проблемы, представляющие трудность для начинающего переводчика. Каждый новый литературный текст ставит перед переводчиком новые задачи, и переводчик, воссоздавая иноязычное литературное произведение на родном языке, всегда должен учитывать и опыт предшественников, и принятые сегодня нормы. Задача преподавателя – посвятить ученика в тайны этого творческого процесса.

Список использованных источников

1. Антология современной швейцарской драматургии. Т. 2. М., 2017. 464 с.
2. Литинститут в творческих семинарах мастеров. Портрет несуществующей теории. Сборник. М., 2000. 287 с.
3. Любимов Н. М. Перевод – искусство. 2-е изд., доп. М., 1982. 128 с.
4. Межкафедральный методический проект. Методическое пособие «От текста к контексту. В помощь начинающему переводчику» – <http://www.litinstitut.ru/tolma4nonstop>
5. Модестов В. С. Художественный перевод: история, теория, практика. М., 2006. 463 с.

УДК 80

ЮМОР, ИРОНИЯ И САТИРА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Л. М. Жолос,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Перевод и информационные технологии в лингвистике», Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

М. А. Чмыхалова,

магистрант второго курса специальности «Перевод в сфере правовой и экономической коммуникации», Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные сходства, различия и взаимосвязь трех понятий: юмор, ирония и сатира.

Ключевые слова. Юмор, ирония, сатира, зарубежная литература, английский язык.

Abstract. This article discusses the main similarities, differences and the relationship of three concepts: humor, irony and satire.

Key words. Humor, irony, satire, foreign literature, English.

Юмор является беззлобно-насмешливым отношением к чему-либо, которое состоит главным образом в распознавании и выражении несоответствий или особенностей, присутствующих в ситуации или персонаже. Он часто используется для иллюстрации некоторой абсурдности в человеческой природе или поведении. [1]

Ирония — это использование слов для передачи значения, противоположного его буквальному значению. Это техника указания, посредством развития персонажа или сюжета, намерения или отношения, противоположных тем, что были фактически заявлены. [2]

Сатира — это использование иронии, сарказма, насмешки, разоблачающее, осуждающее или высмеивающее порок, глупость или другие отрицательные явления действительности. Сатира — это также литературное произведение в стихах или прозе, в которой человеческая глупость и порок воспринимаются как презрение, насмешка или упрек, это общий термин, который часто подчеркивает слабость и обычно подразумевает моральное суждение в назидательных целях. [3]

Приведенные выше значения, определения и объяснения, взятые из различных ресурсов, показывают взаимосвязь между тремя данными терминами: юмор, ирония и сатира, но, тем не менее, они едва ли четко указывают на их сходства, различия и отношения между терминами, поиску которых и посвящена данная статья.

Юмор является неотъемлемой частью английской литературы. Дэвид Любар, автор юмористических книг, отметил в недавнем интервью, что юмор вписывается в большинство областей искусства и развлечений, в том

числе, в литературу, «где он приносит удовольствие, облегчает боль и делает мир лучше». Однако, как отмечают многие исследователи, юмор не является жанром. В некоторых случаях, юмор – это остроумное подшучивание персонажей, иногда это сама характеристика или ироничные, или абсурдные события, которые придают юмористический оттенок литературному произведению. Кроме того, юмор тесно связан с эмоциональным аспектом, т.е. это тенденция определенных когнитивных переживаний провоцировать смех. Юмор также используется (вероятно, неправильно) для обозначения любого типа комедии. Кроме того, считалось, что он включает в себя сочетание глупости и смекалки в человеке; парадигматический случай – сэр Джон Фальстаф Шекспира. Юмористическим может быть словесное образование, визуальное, физическое, а также некоторые невербальные формы выражения, как, например, музыка или изобразительное искусство.

Юмор, в зависимости от уровня понимания аудитории, на которую он направлен, можно разделить на три уровня. Существует универсальный юмор, который может понять каждый, независимо от культуры или формального образования. На втором уровне юмор не обязательно должен быть таким же визуальным, как на первом уровне, к этой категории относятся политические или религиозные анекдоты, в которых юмор выступает как средство-облегчение подавления или запретов. Третий уровень юмора требует высокого уровня владения языком и его стилистическими приемами, а его основной канал выражения – ирония. Целевой аудиторией для данного вида юмора уже являются более утонченные и культивированные слои общества, здесь же мы сможем различить два подвида юмора: сострадательный и интеллектуальный. Другими словами, это элитарный или высококлассный юмор.

Ирония – это средство выражения юмора. Это риторическое средство, используемое в большинстве современной художественной литературы и литературы в целом. Она широко используется в психологических литературных произведениях, например, в художественной литературе Джеймса Джойса. Ирония – это несоответствие или различие между тем, что говорится, и тем, что понимается, или же тем, что ожидается, и тем, что действительно происходит. Следует отметить, что роль аудитории очень важна для успешного использования ироничных высказываний, а именно, важно как раз это понимание вышеупомянутого несоответствия.

Итак, ирония в самом широком смысле – это риторический прием, литературный троп, характеризующийся несоответствием или контрастом между реальностью (тем, что есть) и внешними признаками (тем, что кажется). Вербальная, драматическая и ситуативная ирония часто используется для акцентирования в утверждении истины. Ироническая форма сравнения, используемая в сарказме, и некоторые формы литоты

могут подчеркнуть смысл путем преднамеренного использования языка, который утверждает противоположность истины, отрицает противоположность истины или резко и явно преуменьшает фактическую связь.

В литературе различают несколько видов иронии. Три основных типа: словесная ирония, драматическая ирония и ситуационная ирония. Словесная ирония – это контраст между тем, что сказано, и тем, что подразумевается; например, сарказм. Драматическая ирония – это контраст между тем, что персонаж считает правдой, и тем, что мы (читатель) понимаем и признаем, как действительность. Поскольку читатель зачастую обладает большими знаниями о происходящем, нежели персонаж литературного произведения, для него особенно интересным становится факт, каким образом персонаж отреагирует, когда узнает правду о происходящих событиях. Ситуационная ирония, которая наиболее распространена в литературе, – это контраст между тем, что происходит, и тем, что ожидалось (или тем, что казалось бы уместным). Поскольку она вытекает из событий и обстоятельств повествования, она часто наиболее тонкая и эффективная, чем словесная или драматическая ирония. Ирония часто является эффективным способом для автора выразить идеи того, что, по его мнению, описывает противоречивое общество, в котором он живет, где справедливость в конечном итоге сама по себе иронична. Ирония эффективна, потому что она способствует тому, чтобы авторская работа не стала крайне дидактической. Поскольку большинство художественных произведений, в которых используется ирония, затрагивают такие серьезные проблемы, как лицемерие в религии, обществе или правительстве, более серьезный или реалистичный подход может стать претенциозным. Ирония, особенно сатира, может быть эффективным способом обращения к читателю касаясь подобных тем с использованием чувства юмора, делая само произведение занимательным (хотя важно отметить, что не вся сатира является юмористической).

Еще одна причина эффективности иронии заключается в том, что она позволяет читателям увидеть несоответствия, на которые автор указывает о людях или обществе. Например, в произведении «*Twelfth Night, or What You Will*» Уильяма Шекспира аудитория засвидетельствует абсурдность, которую елизаветинское общество придает приличиям ритуалов ухаживания, и то, как эти ритуалы осложняются гендерными ожиданиями.

Сатира – это литературный жанр, а иногда и графическое и выразительное искусство, в котором пороки, безрассудства, оскорбления и недостатки доводятся до насмешек, в идеале с целью пристыдить отдельных людей и само общество в дидактических целях. Хотя сатира обычно используется для того, чтобы вызвать смех, ее главной целью зачастую является конструктивная социальная критика, использующая остроумие в

качестве оружия и инструмента для привлечения внимания как к частным, так и к более широким проблемам общества.

Сатира часто выражается с помощью иронии или сарказма, хотя «в сатире ирония воинственна», но пародия, бурлеск, преувеличение, сопоставление, сравнение, аналогия и двойное намерение часто используются в сатирической речи и письме. Эта «воинственная» ирония или сарказм часто провозглашает одобрение (или, по крайней мере, принятие как естественное) тех самых вещей, на которые сатирик впоследствии ополчается. Сатира в настоящее время встречается во многих художественных формах выражения, включая литературу, пьесы, комментарии, телевизионные шоу и средства массовой информации. Сатира — это метод, используемый авторами для разоблачения и критики глупости и испорченности человека или общества с помощью юмора, иронии, преувеличения или насмешек, с намерением улучшить его, критикуя и осуждая слабости.

Сатира и ирония взаимосвязаны, писатели часто используют сатиру, чтобы указать на нечестность и глупость отдельных людей и общества и критиковать, высмеивая их. «Gulliver Travels» Джонатана Свифта является одним из лучших сатирических произведений в английской литературе, где Свифт безжалостно высмеивает политику, религию и западную культуру.

Роль сатиры заключается в том, чтобы высмеивать или критиковать те пороки в обществе, которые писатель считает угрозой цивилизации. Автор считает своим долгом разоблачать эти пороки на благо человечества. Поэтому функция сатиры не в том, чтобы заставлять других смеяться над людьми или идеями, над которыми они смеются, ее назначение в том, чтобы предупреждать общественность против и менять ее мнение о преобладающем моральном разложении в обществе.

Выдающимся среди классических сатириков был греческий драматург Аристофан, чья пьеса «Облака» (423 г. до н.э.) высмеивает Сократа как воплощение атеизма и софистики, а «Осы» (422 г.) высмеивает афинскую судебную систему. Сатирические стили двух римских поэтов, Горация и Ювенала, стали образцами для писателей поздних эпох. Сатира Горация мягкая, слегка забавная, но все же изощренная, тогда как сатира Ювенала — яростная и полна морального негодования. Шекспир позже написал горатскую сатиру, а Джонатан Свифт написал ювеналийскую сатиру.

Сатира и ирония часто тесно связаны, но между ними есть важные различия. Как форма критики, сатира использует юмор для достижения своих целей. Одной из техник, которую использует сатира, является сама ирония. Ирония фокусируется на несоответствиях между тем, что сказано или увидено, и тем, что на самом деле подразумевается. Основным различием между этими двумя явлениями является тот факт, что сатира

является жанром, а ирония – техникой, которая зачастую и используется в рамках данного жанра. Однако, ирония встречается не только в сатире, но и в драматическом и комедийном искусстве. Аналогично, сатира также использует много других риторических и комедийных приемов, таких как высмеивание, для достижения своей цели. Сатира – это форма комедийной критики. Хотя иногда она использует, казалось бы, жесткие методы, ее цель заключается не в жестокости, а в том, чтобы указать на недостатки в обществе, отдельных лицах или человечестве в целом, это попытка привлечь внимание к ошибкам, способствовать их осознанию и исправлению.

Как соотносятся юмор и ирония? С. Дьюс, Дж. Каплан и Е. Виннер предполагают, что элемент неожиданности, «обусловленный несоответствием между тем, что говорится, и тем, что подразумевается», может вызвать именно ту реакцию, на которую направлен юмор. [4] Г. Колстон и его коллеги утверждают, что контраст или же несоответствие лежит в основе иронии. Р. Гиора утверждает, что юмор и ирония различаются некоторыми основными механизмами работы, а именно, оба явления нарушают «требование дифференцированной информативности», но проявляется это по-разному: юмор переходит от немаркированного значения к маркированному, в то время как ирония предполагает обратное. Кроме того, если ирония является формой косвенного отрицания, а юмор основан (частично) на локальной антонимии, из этого следует, что и юмор, и ирония включают отрицание как свою существенную составляющую. [5] Однако Г. Колстон утверждает, что «противоречие» не всегда заключено в юморе. [8]

Ирония, и сатира – это литературные термины, которые обычно используются для доступного изображения широкой публике чего-то, что противоречит истине, с целью осознания и изменения упомянутого явления. Здесь же ирония – это фигура речи, поэтому она ограничена письменными и устными формами. С другой стороны, поскольку сатира является литературной формой, она может быть представлена различными способами — от литературных произведений, таких как комментарии, до спектаклей и даже в иллюстрациях, сопровождающих передовые статьи. Юмор – это общий термин, обозначающий несерьезную реакцию публики на литературу, легкомысленную, причудливую, вызванную неожиданным отклонением от здравого смысла – игра слов, умная аналогия, преуменьшение, и т.д. Он может содержать скрытую угрозу или критику, но к нему нельзя относиться серьезно. Юмор может включать в себя как иронию, так и сатиру, однако главная функция юмора – на мгновение развлечь читателя или зрителя.

Список использованной литературы:

1. <<http://oxforddictionaries.com/definition/english/humour>>

2. <<http://dictionary.reference.com/browse/irony>>
3. <<http://dictionary.reference.com/browse/satire>>
4. Dews S., Kaplan J., Winner E. Why not say it directly? The social functions of irony, *Discourse Processes*. v. 19. 1995. p. 348.
5. Giora R. (1995). On irony and negation, *Discourse Processes* 19. pp. 256-257.
6. Raskin V. (1985). *Semantic Mechanisms of Humor*. Dordrecht: D. Reidel.
7. Attardo S. (1997). The semantic foundations of cognitive theories of humor, *HUMOR: International Journal of Humor Research*. v. 10 (4). pp. 395-420.
8. Colston H. (2000). "Dewey defeats Truman": Interpreting ironic restatement, *Journal of Language and Social Psychology*. v. 19 (1). p. 1563.
9. Toplak M., Katz A. (2000). On the uses of sarcastic irony, *Journal of Pragmatics*. v. 32 (10). pp. 1467-1488.

УДК 80

ON THE PROBLEM OF IRONY. FOREIGN VIEW

Л. М. Жолос,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Перевод и информационные технологии в лингвистике», Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

М. А. Чмыхалова,

магистрант второго курса специальности «Перевод в сфере правовой и экономической коммуникации», Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. В данной статье анализируются различные зарубежные подходы к проблеме определения иронии. Ирония является одним из культурных концептов, имеющим длинную историю и большое число интерпретаций. Автором рассматриваются классический семантический, когнитивный и прагматический подходы к определению данного термина.

Ключевые слова. Ирония, языковые средства, научные подходы, прагматика, семантика, когнитивистика, английский язык.

Abstract. This paper analyzes various foreign approaches to the problem of determining irony. Irony is one of the cultural concepts with a long history and a large number of interpretations. The author considers the classical semantic, cognitive and pragmatic approaches to the definition of this term.

Key words. Irony, linguistic means, scientific approaches, pragmatics, semantics, cognitive science, English.

Irony is one of the cultural concepts, it has a long history and many interpretations. In the research of scholars, it can be presented as one of the tropes,

or even as a philosophical category, a value judgment or an effect. There is a large number of works devoted to the study of irony, but researchers still have not reached a consensus regarding the nature of this phenomenon. However, scientists continue arguing about the essence of this linguistic phenomenon, and its characteristics at present time.

The word irony comes from Greek «eironeia» meaning «dissembling, ignorance purposely affected» [4].

Within the framework of the classical semantic approach, irony is viewed as a trope, consisting in the use of a statement, which opposite to the literal one in meaning. In this case, there occurs the opposition of the external meaning of the utterance, that is, the literal meaning, to the implied one. «In the traditional definition irony is seen as saying something to mean the opposite of what is said» [3, c. 406]. According to this approach, the operation of negation allows to reconstruct the subtext of the statement.

Traditionally, in linguistics, the concept of irony is characterized as the interaction of two meanings of a lexical unit, a word, a phrase, a sentence, or even a text — explicit and implicit, and at the base of this interaction there is the collision of positive and negative connotations. The implication in this case is a reflection of the asymmetry between form and content and does not have a complete verbal realization in the text, or it is partially realized. Nevertheless, the implication in the text can be expanded, namely, it can be expressed explicitly. The implication conveys the emotional side of the utterance that exists in it simultaneously with an explicitly expressed phenomenon. That is, the interpretation of the author's ironic message comes down to a denial of explication. However, as critics of this approach point out, in many cases this step is neither sufficient nor necessary. D. Sperber and D. Wilson criticize semantic theories of irony for pragmatic inadequacy: if the meaning of an ironic utterance lies in its opposite, in most cases such a statement is meaningless. Thus, the author of the phrase «what a luck», who has lost a wallet, is unlikely to set the goal of conveying the obvious thought of his failure. That is, the inconsistency of the statement to the situation in this case sends a signal to the addressee about the fact of using irony by the addresser. Moreover, this approach does not explain the reasons for the use of irony, because expressing the opposite thought, the addresser risks to be misunderstood [10, c. 81].

D. J. Amante in his work «The Theory of Ironic Speech Acts» states, that creating an ironic utterance, the conditions of its creation play an important role, since the addresser purposely tries to be ironic, laying a deeper meaning into his phrase. After that he «sends a signal» to the addressee, while accompanying him with certain clues. The addressee, in turn, perceives irony with the help of these clues, context and background information. An important condition for ironic sense origination, according to D. J. Amante, is the presence in the speech act of two contradictory or different propositions united by one referent.

The fact that this theory does not explain some particular types of ironic utterances in which the operation of the negation in decoding ironic subtext is inappropriate at the level of the semantics of utterance also applies to the disadvantages of the theory of irony as negation. These types of ironic utterances include ironic exclamations, utterances containing an obvious truth or opinion that does not contradict the convictions of the author of the utterance.

In response to such criticism, R. Giora has presented the theory of irony as a special kind of negation, which does not use explicit negative markers. Any ironic statement describes the expected situation and indicates an inconsistency with the actual situation. The author reckons that in an ironic statement the explicit and implicit contents are combined, and the meaning is made up of the difference between them. For example, the meaning of the phrase «what a lovely party», expressed at a boring party, lies upon the fact that the party does not meet expectations [5, c. 240].

«The marked utterance» participates in the interpretation of the statement, pointing to the contrast between the expected and actual state of events, and the marker of the ironic statement is its inconsistency to the context. As R. Giora notes, irony is either too informative or not sufficiently informative in comparison with the requirements of the text, thus violating the requirement of informativeness. Such a discrepancy provokes the addressee to search for the implicature, and then to compare it with the explicative statement [5, c. 245-246].

This approach can be considered as a continuation of the traditional point of view, explaining the above-mentioned series of cases of the use of irony, mentioned by critics of the traditional approach.

However, despite the revision of the traditional theory of irony, some researchers think that irony requires a different approach to its interpretation. D. Sperber and D. Wilson are to be mentioned among such researchers, as they have developed a new approach to interpreting irony, namely, considering irony as an echo or reference to another statement or thought. The authors proposed their own explanation of irony, which is based on the relevance theory developed by them.

The theory of relevance is an attempt to combine the idea of communication as coding and decoding, on the one hand, and, on the other hand, the idea of the text as evidence of the speaker's intention. Considering the message as a means of conveying the intention of its author, the addressee tries to reveal the most relevant meaning of a specific context.

Researchers not only find flaws in the traditional approach to the definition of irony, but also criticize P. Grice's theory of irony as a violation of one of the maxims, expressing their opinion that such a common phenomenon cannot be deviant. According to D. Sperber and D. Wilson, the phenomenon of secondary nomination, which includes metaphor and irony, should not be considered the result of a violation of language norms: the perception of figurative speech

follows the same rules as the perception of «literal» statements: thus, the text is interpreted as ironic in case of being most relevant.

Focusing on the pragmatic function of irony, D. Sperber and D. Wilson came up with the theory of irony as an echo, or echoic utterance, according to which the main component of the meaning of an ironic utterance is echo, or a reference to some other utterance or thought.

If followers of P. Grice consider that the author of an ironic statement does not carry out a speech act, but only pretends to do it, then D. Sperber and D. Wilson in the original version of their theory focused on the distinction between «use» and «mention»: the author of ironical statement «mentions» a statement expressing a negative attitude towards it [10, c. 295-318]. An example of a «mention» is the following dialogue, where one of the participants ironically reproduces a part of the statement of the other: *A: I'm really fed up with this washing up. B: You're fed up! Do you think it's been doing it all week?* [3, c. 338]. In this case, the words *you fed up* are a «mention» of the previous remark of the interlocutor, with the aim of conveying outrage B and questioning the legitimacy of the complaint A.

The researchers who see irony as an echo associate perception of irony with cognitive ability, which makes it possible to realize that the speaker's statement does not relate to a certain state of events in the world, but to someone's thoughts or opinions. Moreover, the correct interpretation of the irony by the addressee requires him to be able to determine the source of the «mentioned» in the utterance of thought. Consequently, communication participants must possess some general knowledge. Thus, irony refers to another statement, thought (real or imagined), stereotype, generally accepted point of view or value, standard expectations or the desired situation. The goal of irony is the expression of a (negative) attitude to the «quoted» point of view, representation, stereotype.

The advantage of this concept is that it is able to explain a number of cases of irony, which are difficult for the traditional semantic theory. Researchers convincingly show that the same statement, depending on the context, can be both ironic and literal. The most convincing argument is that the presence of an antecedent statement makes it possible to interpret a statement as ironic or increases the likelihood that it will be perceived as ironic. It is also important to mention, that an ironic statement requires a certain scenario of the situation, from which it becomes clear that the addresser sends the addressee a certain statement or thought.

The existence of echoic irony is undeniable, but the ability of the theory of D. Sperber and D. Wilson to convincingly explain all cases of irony is questionable. For example, the interpretation of the statement «*Oh great. That's nice*» in the case when something undesirable has occurred) requires the reconstruction of the original opinion or norm to which it refers, but in this case the phrase seems too general to allow for the restoration of such an antecedent [9,

с. 186].

The search for an approach with more explanatory power led to the creation of alternative theories of irony. Among others, there is a perception that irony comes from the human inclination to play and put on a mask [8, с. 175]. This view formed the basis of the theory of irony as a pretense.

The theory of irony as pretense was proposed by H. H. Clark and R. J. Gerrig. These authors rely on P. Grice's analysis of irony, which, like the authors of the echo theory, considered irony closely related to expressing a negative attitude towards something or (negative) evaluation of a phenomenon, but also added an extremely important comment from their point of view that being ironic means, in particular, to pretend. At the same time, although the author of ironic statement wants his pretense to be revealed, he does not openly declare that he is pretending.

Trying to clarify what exactly the pretense of irony consists of H. H. Clark and R. J. Gerrig ask H. Fowler for an answer, who writes that the ironic statement involves two audiences, one of which (A) decides to pretend and the other (A1), by virtue of naivety, takes it at face value: ironic S pretends to be S1, who turns to A1. As a result, each of the audiences interprets the statement in a special way, and a special understanding is established between the author and those who see irony. The second audience may be absent or even imaginary, but audience A, according to H. Fowler, belongs to the inner circle, according to the irony's intention, should see everything: «the pretense, S1's injudiciousness, A1's ignorance, and hence S's attitude toward S1, A1, and what S1 said. S1 and A1 may be recognizable individuals» [2, с. 122]. S1 is often the type of person who sees the world in a pink light, which in its shortsightedness becomes, along with a naive audience, a victim of irony. Depicting his victim ironic, like an actor, speaks with the appropriate intonation, exaggerated or caricatured.

It seems that, despite the statements of H. H. Clark and R.J. Gerrig, their analysis has much in common with the theory of Sperber and Wilson's irony in its late version: both theories assume that the ironist does not take responsibility for the literal content of his utterance – he does not pronounce it seriously or quotes someone else's thought. In this case, the pretender uses the ideas or thoughts of his «character», which is not so far from the creative quotation. Both pretense and free quotation are based on the use of someone else's speech, i.e. on the mechanism of meta-presentation.

The similarities in the approaches of H. H. Clark and R. J. Gerrig, on the one hand, and D. Sperber and D. Wilson, on the other, prompted some researchers to try to combine the merits of both approaches in a single theory («attributive-pretense accounts»), however the concepts did not introduce a fundamental novelty to the study of irony.

The ironic statement expresses a negative assessment and involves the addressee in the process of co-constructing the speaker's assessment position,

since it is present in the statement only implicitly. Thus, in order to interpret the content of an ironic utterance correctly, it is important not just to understand whether the addresser is sincere, but also know how to reconstruct the value judgments the irony is based on. Summing up, one can say that irony is characterized by two-sidedness, or double vision, since in the ironic statement two points of view are combined and opposed simultaneously. Comparison of the two plans leads to the formation of the estimated component of the ironic meaning.

Список использованных источников

1. Amante D.J. The Theory of Ironic Speech Acts. // Poetics Today, Vol. 2. Tel Aviv. 1981. p. 77– 96.
2. Clark H. H. and Gerrig R. J. On the Pretense Theory of Irony // Journal of Experimental Psychology 1984, Vol. 113, N 1. – p. 121–126.
3. Concise Encyclopedia of Pragmatics, ed. By Mey J. L.– Elsevier, 2009.
4. Fowler H. W. A dictionary of modern English usage (2nd ed). – Oxford, England: Oxford University Press.
5. Giora R. On irony and negation // Discourse Processes, 19:2, 1995. – P. 239– 264
6. Grice P. Studies in the Way of Words. – Harvard University Press, 1995. – 406 p.
7. Haiman, J. Talk Is Cheap: Sarcasm, Alienation, and the Evolution of Language. – Cary, NC, USA: Oxford University Press, USA, 1998. – 220 p.
8. Leech G. A Linguistic Guide to English Poetry. – NY: Longman, 1991. – 237 p.
9. Partington A. The Linguistics of Laughter. – Routledge, 2006. – 262 p.
10. Sperber D., Wilson D. Irony and the use-mention distinction // Cole, P. (ed.). Radical Pragmatics. New York: Academic Press: 1981, p. 295– 318.
11. Sperber D., Wilson D. Meaning and Relevance. – Cambridge, 2012. – 395 p.

УДК 06.053.56

ОСОБЕННОСТИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО И СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА В РАМКАХ КОНФЕРЕНЦ-ПЕРЕВОДА

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

А. С. Морус,

магистрант второго года обучения кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данная статья посвящена изучению характерных

особенностей такого вида перевода как конференц-перевод. Выявлены особенности синхронного и последовательного перевода в рамках конференц-перевода, проанализированы стратегии перевода лакун, клише и грамматических конструкций, которые не имеют эквивалентов в языке перевода.

Ключевые слова: конференц-перевод, устный перевод, синхронный перевод, лексические трансформации, грамматические трансформации.

Summary. The article is devoted to the study of characteristic features of such type of interpreting as conference interpreting. The features of simultaneous and consecutive translation in the framework of conference translation are elicited; strategies for translating lacunae, clichés, and grammatical constructions that do not have equivalents in the target language are analyzed.

Keywords: conference translation, interpreting, simultaneous translation, lexical transformations, grammatical transformations.

Профессия переводчика является одной из самых психологически напряжённых, так как требует постоянного внимания, концентрации, раздвоения внимания, одновременного слушания и говорения. Это приводит к быстрому перенапряжению, усталости, снижению подвижности артикуляционного аппарата, появлению ошибок, как на языке перевода, так и в родном языке.

Попытки осмысления особенностей и закономерностей переводческой деятельности предпринимались на протяжении столетий, однако становление перевода как науки началось во второй половине двадцатого века. В 1950-1960-х гг. публикуются работы отечественных ученых Я. И. Рецкера, А. В. Федорова, И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга, зарубежных исследователей Ю. Найды, Ж. Мунена, Дж. Кэтфорда. Среди крупнейших отечественных ученых-переводоведов 1970-х-1990 гг. следует упомянуть Л. С. Бархударова, Л. К. Латышева, Р. К. Миньяр-Белоручева, Г. В. Чернова, среди зарубежных – Г. Егера, В. Вилса, О. Каде, А. Нойберта, П. Ньюмарка. Наиболее полно лингвистические аспекты перевода изложены в трудах В. Н. Комиссарова, и в частности в его книге «Слово о переводе» (1973 г.), монографии Я. И. Рецкера «Теория перевода и переводческая практика» (1974 г.) и в работе А. Д. Швейцера «Перевод и лингвистика» (1973 г.). В настоящее время проблемы перевода исследуются И. С. Алексеевой в трудах «Введение в переводоведение» и «Профессиональные тренинг переводчика», Н. К. Гарбовского «Теория перевода», работах В. В. Алимova, О. В. Петровой, А. П. Чужакина. В частности, проблемы конференц-перевода рассматриваются в статьях А. А. Хромых, А. Н. Усачевой, а также зарубежных переводоведов Р. Джонса, Д. Жилия, Л. К. Облер.

Так, например, в рамках конференц-перевода переводчик сталкивается со следующими видами переводов: синхронный перевод

докладов на пленарном заседании для иноязычной аудитории при наличии специального оборудования у иностранцев. Далее – последовательный перевод докладов для русскоязычной аудитории при отсутствии необходимого оборудования. Во время перерыва также предполагается общение участников форума с иностранными делегатами, где переводчик выполняет последовательный двусторонний перевод без подготовки. Далее в ходе работы секций может выполняться как шепотной (без спецоборудования) синхронный перевод для участников-иностранцев во время выступления русскоязычных докладчиков, так и последовательный перевод для русскоговорящей аудитории во время выступления иностранных докладчиков. В конце встреч возможен письменный перевод с русского на иностранный язык вопросов к иностранным докладчикам, поступающих в письменном виде, а также последовательный двусторонний перевод в режиме «вопрос-ответ» при обсуждении докладов.

Стоит отметить важные навыки и умения работы устного переводчика:

- ✓ Обладать незамедлительной реакцией: работая в диапазоне двух-семи слов от оратора, у синхрониста часто нет времени проанализировать услышанную информацию и подобрать соответствующий эквивалент, что требует наличие ряда подготовленных лексических пар на рабочих языках, употребление которых происходит на рефлекторном уровне;

- ✓ владеть “языковой компрессией”, компенсирующей отставание перевода на язык с большей длиной слов и синтаксических конструкций. Например, слова русского языка на 7-8 % длиннее английских, грамматические конструкции более развернутые, кроме того, многие распространенные понятия, передаваемые в английском языке одним словом, требуют нескольких слов в русском языке [2, с. 2]. Также переводчик должен уметь сократить длинные, запутанные фразы оратора и сделать их краткими и понятными для слушателя, что иногда усложняется ошибками в речи оратора, диалектизмами и окказионализмами;

- ✓ при последовательном переводе использовать синтаксическое развертывание, которое позволяет максимально полно и точно передать содержание услышанного;

- ✓ владеть универсальной переводческой скорописью (УПС). Для эффективного использования УПС переводчику необходимо уметь осуществлять смысловой анализ для выявления «пика высказывания», которым является часть высказывания, выводящая предикатему за пределы банальности [8, с. 7]. Одним из вариантов УПС является сокращенная буквенная запись.

Однако, еще немало других тонкостей устного перевода на конференциях. Во-первых, это перевод разных типов документов,

должностей, государственных и административных органов. Так, например, слово на языке оригинала может иметь несколько эквивалентов на языке перевода: так «документ» имеет три основных варианта перевода: *document* (собираательно), *paper* (научные и плановые), *instrument* (правовые); «акт» также имеет несколько эквивалентов: *акт приёма-передачи* – *witness report*, *подзаконный акт* – *rules and regulations*, *распорядительный акт* – *график* – *matrix*; *график секционный* – *piechart*, *график линейный* – *flowchart*. Также существуют устойчивые варианты перевода определённых документов, чаще всего соглашений: *Соглашение об участии* – *Contribution Agreement*, *Широкое соглашение* – *Umbrella Agreement*, *Соглашение об основах...* – *Basic Agreement concerning...*

Основная сложность перевода должностей, титулов и административных аппаратов (наименования отделов, подразделений, учреждений, органов власти) заключается в отсутствии их аналога в других странах, либо существовании устойчивого варианта перевода, что делает дословный перевод невозможным. Например, главный инспектор безопасности дорожного движения – *Chief Road Safety Inspector*, Заместитель Председателя правительства – *Deputy PM*, Заместитель Председателя – *Vice-Speaker*, Заместитель губернатора – *lieutenant governor*, службы безопасности – *Chief of security*.

Так, например, некоторые титулы, которые переводчику необходимо знать: 1) Светские: *Величество* – *Majesty*, *Высочество* – *Highness*, *Светлость* – *Serene Highness*, *Сиятельство* – *Illustrious*, *Милость* – *Grace*, *Высокочтимый* – *Most Honourable*, *достопочтенный* – *Honourable*, *Благородие* – *Worshipful* и др.; 2) Духовные: *Святейшество* – *Holiness*, *Блаженство* / *Блаженнейший* – *Beatitude*, *Высокопреосвященство* – *Eminence*, *Reverend*, *Преосвященство* – *Right Reverend*, *Благославленство* – *Venerable* и др.

Одной из характерных особенностей конференц-перевод является наличием процессуальной лексики, которая имеет устойчивые фразовые эквиваленты на языке перевода: а именно: *The floor is given to...* – Слово предоставляется...; *I recognize the distinguished representative of...* – Слово имеет представитель...; *Viewing with outmost apprehension* – Отмечая с крайним опасением; *We are honoured to have with us* – Рады приветствовать и др.

Необходимо отметить, что определённые компоненты формул контактных культур передаются согласно формулам языка-реципиента (фразы, характерные для начала и завершения речей). Наиболее часто опускаются такие вводные фразы как: *I have the privilege/ honor/ pleasure: I*

Обращаю внимание делегаций на...; I am pleased: I am pleased to invite the слово Секретариату для представления документов по сегодняшнему пункту повестки.

Также сложность представляет перевод национальных праздников. В основном это связано с отсутствием праздника в одной из культур и, соответственно, полного эквивалента в одном из языков. Например, *Масленица* переводится транслитерацией – *Maslenitsa*, однако *Благовещение* передаётся с помощью калькирования – *Annunciation*, так как этот праздник существует в обеих культурах. Государственные праздники, хотя и имеют аналоги в разных культурах, имеют собственные истории названий. Так, например, *Первое мая (День Весны и Труда)* в Великобритании носит название *Early May bank holiday*, *День защиты детей* – *International Children's Day*, *Великая пятница* – *Good Friday*, *Светлый понедельник* – *Easter Monday*.

В своем «Блоге переводчика о тайнах профессии» Ю. Н. Новиков, переводчик, филолог, составитель словарей, создатель двадцати научно-образовательных сайтов, задает вопрос «А зачем готовиться к синхронному переводу?» и отвечает на него следующим образом: «Готовиться к синхронному переводу нужно, чтобы в отдельно взятом случае: успешнее справиться с этим экстремальным видом перевода; чувствовать себя комфортнее во время перевода и легче справляться со встречающимися трудностями перевода; меньше тратить сил и нервов в процессе самого перевода; освоить хотя бы поверхностно новую для себя тематику, которую прежде не приходилось переводить; произвести лучшее впечатление на заказчиков и потребителей перевода, чтобы тебя пригласили в следующий раз на похожее мероприятие; подтвердить свою профессиональную пригодность как синхронного переводчика в глазах заказчиков и коллег; получить чувство удовлетворения от собственного перевода» [4].

В заключение следует отметить, что как синхронный, так и последовательный перевод имеет свои трудности и особенности, как в техническом, так и лингвистическом плане, что в рамках конференц-перевода усложняется наличием процессуальной лексики клишированных фраз и устойчивых словосочетаний.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Дудрева Н. А. О некоторых трудностях синхронного перевода [Электронный ресурс] // Вестник ИГЭУ. – 2009. – <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-trudnostyah-sinhronnogo-perevoda> (дата обращения: 24.01.2020)

3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Новиков Ю. Н. Блог переводчика о тайнах профессии [Электронный ресурс] – <http://egowelt.wordpress.com> (дата обращения: 26.01.2020)
5. Норец М.В. Перевод как средство межъязыковой коммуникации / М.В. Норец // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2019. – № 3-4 (27-28). – С. 40-46.
6. Погодин Б. П. Конференц-перевод в международных организациях. М.: Р. Валент, 2015. 173 с.
7. Усачева А. Н. Лингвокогнитивные проблемы конференц-перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Межкультурная коммуникация и сопоставительное изучение языков. 2012. № 2. С. 68-73.
8. Хромых А. А. Конференц-перевод (попытка осмысления теоретических основ) [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – <https://cyberleninka.ru/article/n/17505693>. (дата обращения: 17.01.2020)
9. Фомин С. К. Последовательный перевод (Английский язык). Книга студента: [учебное пособие] / С.К. Фомин. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. 253 с.
10. Asensio R. M. Translating Official Documents. London, NY: Routledge, 2014. 156 p.
11. Jones R. Conference Interpreting Explained. Manchester, UK: St. Jerome Publishing, 2002. 142 p.

УДК 81

ПЕРЕВОД ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЛЕКСИКИ В МУЗЕЙНОМ ДИСКУРСЕ

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Е. И. Сименченко,

магистрант второго года обучения кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Цель данной работы заключается в изучении культурно-этнического компонента при переводе музейных текстов. Рассмотрены особенности отображения этнокультурного компонента музейных текстов в процессе перевода. В статье проанализированы основные проблемы, с

которыми можно столкнуться при переводе музейных экспозиций, а также проведен анализ характерных черт русскоязычного музейного дискурса и трудностей его перевода на английский язык.

Ключевые слова: музейные тексты, перевод текстов музейных экспозиций, культурно-этническая лексика, переводческие трансформации.

Summary. The purpose of this work is to study the ethno-cultural component in the translation of museum texts. The article reveals representation features of the ethno-cultural component of museum texts in the translation process. The paper embraced a wide range of problems you may encounter when translating museum exhibitions, as well as an analysis of the characteristic features of the Russian-language museum discourse and the difficulties of its translation into English.

Key words: museum discourse, culture-bound terms, translation pattern, translation transformations.

Перевод музейного текста является малоизученной проблемой и подразумевает большое количество возможных решений. В современном отечественном переводоведении все большее количество работ направлено на изучение культурно-специфической лексики и ее перевода в контексте музейных экспозиций. Так, Данилова И. И. и Прокопенко А. И. в своей работе «Музейная экспозиция как диалог культур: особенности перевода», рассматривают проблему перевода текстов музейных экспозиций с русского языка на английский и обобщают практический опыт по переводу культурно-исторического пространства музея [2]. Никонова Н. С. в статье «Реалии как объект перевода» обращается к проблеме взаимосвязи культуры и языка, а также раскрывает специфику приемов передачи реалий при переводе музейных текстов [3]. Тарнаева Л. П. уделяет внимание передаче культурно-специфических смыслов при переводе [6], а Аржанова И. А. и Кузьменко М. В. рассматривают особенности перевода реалий в страноведческих текстах [1].

Язык встроен в культуру, и смысловое значение слова может быть понято только со ссылкой на культурный контекст. Нередки случаи, когда в переводе сведения о другой культуре предстают в искаженном виде. Главной причиной появления такого рода искажений являются межкультурные и языковые различия, выделяемые при сопоставлении текста оригинала и его перевода. В ходе такого сопоставления выделяются несовпадающие элементы, под названием «этнолексемы» или «реалии». Их отличительной чертой является связь обозначаемого предмета или явления с определенным народом или историческим промежутком времени. Таким образом, они обладают национальным и историческим колоритом. Проблемой перевода этнокультурной лексики занимались такие ученые как Ю. Найда, И. С. Алексеева, Л. С. Бархударов, М. Л. Вайсбурд, Е. М. Верещагин, В. С. Виноградов, С. Влахов, В. Н. Комиссаров,

В. Г. Костомаров, Л. К. Латышев, Т. А. Казакова, Р. К. Миньяр-Белоручев, Г. Д. Томахин, С. Флорин, А. Д. Швейцер и другие. Популярность данной темы среди научных кругов объясняется тем, что реалии представляют собой особую трудность при переводе, так как переводчику необходимо передать не только предметное содержание реалии, но и ее национальную и историческую окраску. В современном переводоведении можно отметить работу Р. К. Ормокеевой «Этнокультуроведческая концепция Л. А. Шеймана» [4], где она рассматривает этнокультуроведение как научно-методическое направление, а также статью И. В. Самариной «Особенности перевода национально-культурных реалий донского края» [5], где рассмотрены способы перевода реалий в художественном произведении.

Музей – это пространство культуры, где хранятся, изучаются и выставляются для показа ценные произведения искусства, предметы и документы, имеющие культурное, научное, историческое значение. Музей можно назвать межкультурной коммуникационной системой. Под музейным текстом понимают культурный текст, функционирующий в сфере музейного дискурса [3].

Музейный дискурс – это совокупность текстов, использующихся в музейной коммуникации. Данный вид дискурса выстраивается в историческом, научном, мифологическом и множестве иных контекстов, с которыми связан музей. Так, музей становится центром межкультурной коммуникации, где происходит диалог культур. Процесс межкультурной коммуникации – это специфическая форма деятельности, которая не ограничивается только знаниями иностранных языков, а требует также знания материальной и духовной культуры другого народа, религии, ценностей, нравственных установок, мировоззренческих представлений и т.д. Для того чтобы музейная коммуникация состоялась, иностранному посетителю необходимо понимать посыл музейных текстов и всей выставки в целом, и в результате получить эстетическое удовольствие от знакомства с другой историей и культурой [3].

Музейная экспозиция – важнейшая часть музея, при помощи которой удастся донести важность и ценность историко-культурного наследия. Большое значение в составлении музейных экспозиций имеет правильно проработанные музейные этикетки. Музейная этикетка – это структурированный текст, помещаемый при экспонате и относящийся непосредственно к нему; состоит из названия экспоната и необходимой информации о нем [2].

Особенности составления и оформления русскоязычного и англоязычного этикетаж имеют много общего, и, как правило, состоит из заглавного текста, вводного или объяснительного текста, а также из аннотаций. Для русскоязычного музейного этикетаж характерно наличие

описания и истории происхождения экспоната, а при использовании этнокультурной лексики последующее пояснение с использованием сносок. В написании этикеток используется преимущественно научный или публицистический стиль в зависимости от профиля музея. В англоязычных текстах музейного этикетажа основной целью является – предоставить краткие общие сведения о выставке и ее предметах, не перегружая посетителей ненужной информацией [7, с. 39]. Общей чертой этикетажа являются нормы их оформления, поскольку каждая этикетка может содержать собственное название, основные данные о времени и технике создания, дополнительные сведения и пояснительный текст. Несмотря на наличие схожих черт, англоязычные музейные тексты имеют ряд особенностей: они написаны простым, понятным каждому посетителю языком, оформлены в разговорном стиле, могут содержать цитаты или шутки. Зачастую при составлении этикетажа используют активный залог и избегают пассивный.

Из этого следует, что в российских музеях целесообразным является создание экспозиций с параллельными текстами на двух языках, как для российских посетителей, так и иностранных, с учетом правил составления англоязычного этикетажа, что позволяет избежать многих проблем с переводом и толкованием. Произвести тождественный перевод этнокультурной лексики в музейной экспозиции не представляется возможным из-за большого количества специфических названий, отсутствия эквивалентов в переводящем языке, и в связи с особенностями составления музейного текста и выполняемыми им функциями. Повышенное внимание к данной проблематике связано с развитием межкультурной коммуникации и желанием сохранить национальный колорит музейных выставок.

Список использованных источников

1. Аржанова И. А., Кузьменко М. В. Особенности перевода реалий в страноведческих текстах // Научно-публицистический журнал Мордовского университета им. Н. П. Огарева: Вестник Мордовского университета – 2013. - № 2. – С. 136-142.
2. Данилова И. И., Прокопенко А. И. Музейная экспозиция как диалог культур: особенности перевода // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2017. 2 (16)
3. Никонова Н. С. Реалии как объект перевода (на материале текстов сайтов российских музеев и их перевода на английский язык) // Вестник ВолГУ. Серия 9. Вып. 15. – 2017.
4. Ормокеева Р. К. Этнокультуроведческая концепция Л. А. Шеймана // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2016. №. 2. – С. 217-219
5. Самарина И. В. Особенности перевода национально-культурных реалий Донского края на материале произведения М. Шолохова «Тихий Дон» // Гуманитарные и социальные науки 2015. № 2.

6. Тарнаева Л. П. О передаче культурно-специфических смыслов при переводе: лингвометодический аспект проблемы // Альманах современной науки и образования Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 217-218.

7. Шалыга Д.А. Специфика перевода на немецкий язык крымской топонимики // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 630-634.

8. Kenney K. How to Create an Exhibit on a Shoestring Budget. 2009. 39 p.

УДК 811.12

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА «НЕПОЛНЫХ» ИЛИ СОКРАЩЕННЫХ ВИДОВ ПЕРЕВОДА

М.Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

А. Т. Козлова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье проанализировано понятие «неполного» или сокращенного вида перевода текстов, а также роль и место каждого вида из всех рассматриваемых видов неполного перевода при переводе технических и научных текстов. Определены их характерные особенности и преимущества для оптимизации работы переводчика.

Ключевые слова: неполный перевод, сокращенный перевод, фрагментарный перевод; аспектный перевод; аннотационный перевод; реферативный перевод; перевод типа «экспресс-информация»; консультативный перевод.

Summary. The article analyzes the concept of “partial” or condensed type of the translation, as well as its role and importance of each type while translating technical and scientific texts. Their features and advantages for optimizing the translator's work are also determined.

Key words: partial translation, condensed translation, fragmental translation, aspect translation, annotative translation, summary translation, “express-informative” translation, consultation-oriented translation.

Необходимо отметить, что сегодня в мире быстро развивающихся передовых цифровых технологий возникает потребность в своевременном и регулярном информировании специалистов предприятий, работников

различных отделов, руководство фирмы о появляющихся источниках на иностранных языках, литературе по конкретным профессиональным узкоспециальным проблемам. Для оптимизации данного процесса переводческая деятельность становится многофакторным процессом и приобретает первостепенную роль, так как позволяет ускорить обмен информацией в сфере новейших достижений науки и техники среди специалистов и ученых определенных отраслей разных стран.

Согласно системному анализу переводческой практики и понятийной сферы современного переводоведения, существует единая типология переводов (по А. Н. Паршину), обобщающая различные стороны подготовки, выполнения, презентации и функционирования перевода и соотнесенная с другими основными компонентами переводческой деятельности. А именно: «1) по соотношению типов языка перевода и языка оригинала; 2) по характеру субъекта переводческой деятельности и его отношению к автору переводимого текста; 3) по типу переводческой сегментации и способу переработки переводимого материала; 4) по форме презентации текста перевода и текста оригинала; 5) по характеру соответствия текста перевода тексту оригинала; 6) по жанрово-стилистическим особенностям и жанровой принадлежности переводимого материала; 7) по полноте и типу передачи смыслового содержания оригинала; 8) по основным функциям; 9) по первичности текста оригинала; 10) по типу адекватности» [7].

В данной статье подробно анализируется такой параметр как *полнота* и *способ передачи смыслового содержания* оригинала, где различаются: **полный** (сплошной) **перевод** (текст, переведенный полностью, без каких-либо сокращений) и **неполный перевод**. Под **неполным переводом** понимается перевод, передающий смысловое содержание оригинала с пропусками и сокращениями. Н. Н. Перепечко и Т. Н. Конагорова определили неполный перевод как «перевод, передающий смысловое содержание оригинала с пропусками и сокращениями», выделяя в качестве подвидов аннотационный и реферативный переводы [8, с. 8].

Сегодня сокращенные варианты полного письменного перевода имеют определенную практическую и потенциальную ценность для информирования специалистов, работающих в сфере науки и техники, работников патентной службы, решающих правовые вопросы, а также для накопления и систематизации научно-технической информации. При этом у переводчика есть следующие способы передачи информации при таком подходе как: *сокращенный перевод*; *фрагментарный перевод*; *аспектный перевод*; *аннотационный перевод*; *реферативный перевод*; перевод типа «*экспресс-информация*»; *консультативный перевод* (перевод для специалиста). Однако, стоит заметить, что «мир профессионального перевода разнороден, но одно не должно вызывать сомнений —

“опрометчивый” перевод, то есть перевод, выполненный при более низком уровне понимания, чем требуется в наличной ситуации, препятствует оперативному распространению научного знания, а на такого переводчика “надежд нет”» [5, с.201].

Безусловно, что на характер переводческой деятельности еще откладывает отпечаток и сам тип передаваемой информации, а характер информации в огромной степени зависит от типа текста. «По типу материала все научно-технические статьи можно условно поделить на пять тематических групп: 1) обзорная статья; 2) теоретическое исследование; 3) экспериментальное исследование; 4) инженерная разработка; 5) документ (техническое описание, стандарт, руководство, патент, и т. п.)» [2, с.33].

Выдающийся теоретик В. Н. Комиссаров писал: «Переводчик вынужден понимать переводимый текст более глубоко, чем это обычно делает “нормальный” читатель, для которого язык оригинала является родным. Такая дополнительная глубина понимания связана с необходимостью, во-первых, делать окончательные выводы о содержании текста и, во-вторых, учитывать требования языка перевода» [3, с. 156]. «Переводчик – лицо беспристрастное и незаинтересованное в экстралингвистическом использовании информации. Анализируя текст, переводчик работает именно и только с информацией, тогда как специалист – получатель перевода обращается к тексту в поисках знания. Это принципиальный момент для обоснования достаточного уровня понимания при выполнении полного перевода. На различие между информацией и знанием указывают многие исследователи» [5, с.198]. Как справедливо отмечает С. А. Хоменко: «Основная задача научной и технической литературы – предельно ясно и точно довести определенную информацию до читателей. Это достигается логически обоснованным изложением фактического материала без применения эмоционально окрашенных слов, выражений и грамматических конструкций. Такой способ изложения можно назвать формально-логическим. Научным и техническим текстам свойственен нейтральный способ изложения фактов» [9, с. 156].

Итак, рассмотрим подробнее каждый из данных видов перевода. Основная трудность состоит в том, что некоторые виды имеют разночтения в определении самих понятий, так как нет единого мнения об их сущности, имеется вариативность наименований. Итак, например, А. Л. Семенов ставит знак равенства между сокращенным и аспектным переводом. «**Сокращенный** (или **аспектный**) **перевод** – подразумевает отражение смыслового содержания только той части оригинала, которая содержит и информацию, связанную с конкретно поставленной задачей» [10, с. 35]. Л. Л. Нелюбин считает, что «сокращенный перевод – текст, переведенный не полностью, сокращенный по сравнению с подлинником» [6, с. 205]. П. Г. Чеботарев также соотносит значение сокращенного перевода с

фрагментарным, однако не исключает его возможность быть также конспективным, то есть «воспроизвести текст в его главных, содержательных составляющих, пропуская второстепенную информацию» [11, с. 128]. А вот О. А. Боринос дает такое понимание «сокращенного перевода» как: «перевод – это отражение смыслового содержания той части оригинала, которая содержит информацию, связанную с конкретно поставленной задачей, это может быть перевод одного или нескольких предложений, абзацев, слов, а так же вид перевода для выполнения поставленной задачи, требующий таких же навыков, как реферирование и аннотирование, то есть поиск и отбор определенной информации, а чтобы найти ее, необходимо сначала понять содержание текста, а затем полноценно перевести отобранный фрагмент» [1, с. 94].

Что касается **фрагментарного перевода**, то это перевод не целого текста, а лишь отдельного отрывка или отрывков любого письменного произведения. Он обладает проблемно обусловленным характером, предполагая полный перевод отдельных фрагментов текста, соотнесённых с определённым проблемным вопросом, что непосредственно и формирует целеполагание данного типа перевода. В. Н. Комиссаров предложил такое понимание данного вида перевода как: «фрагментарный перевод, как и вообще письменный перевод, – это акт коммуникации между переводчиком и рецептором перевода (иностранец, получатель текста), и он должен быть прагматически ориентирован на последнего» [4, с. 16]. Иными словами, в отличие от полного письменного перевода, фрагментарный письменный перевод позволяет субъектам коммуникации получить доступ к наиболее существенным сведениям относительно определённой проблемы, представленным в иностранных источниках, в предельно короткие сроки, что способствует решению широкого ряда профессиональных задач.

Аспектный перевод – это перевод лишь части текста в соответствии с каким-либо заданным признаком отбора (аспектом). Переводчик при этом переводит лишь отобранный, благодаря определенным критериям, «сокращенный текст», а именно те предложения, которые лучше показывают сущность аспекта, и где он показывает умение анализировать текст с углубленным изучением его проблематики.

Аннотационный перевод – это вид технического перевода, который заключается в составлении аннотации оригинала на другом языке, т.е. воспроизводится только небольшая часть информации, которая содержится в оригинале, в форме характеристики, а не в форме фактического изложения.

Реферативный перевод – это полный письменный перевод заранее отобранных частей оригинала. «Как правило, реферативный перевод должен быть значительно короче оригинала (в 5-10 раз), так как в процессе работы над реферативным переводом требуется исключение всей

избыточной информации» [9, с. 172]. При этом есть еще такой способ реферирования под названием «экспресс-информация», суть которого состоит в составлении на русском языке реферата иностранной научно-технической статьи или патента без предварительного сокращения оригинала. Соответственно следует знать и о таком виде письменного технического перевода как **перевод типа «экспресс-информация»**, где переводчик: детально изучает материал; излагает его суть со своей точки зрения, по своему собственному плану, который зачастую не совпадает с планом изложения статьи-оригинала; самостоятельно определяет объем перевода типа «экспресс-информация», хотя иногда объем перевода определяет заказчик, исходя из каких-либо технических соображений (место в издании). В переводе рекомендуется заменять иллюстрации и чертежи словесным описанием, но можно и вставлять их в текст.

Однако, в последнее время требуется еще такой вид технического перевода как устное аннотирование, устное реферирование, выборочный перевод с листа для специалиста (**консультативный перевод**). Он выполняется переводчиком-консультантом или переводчиком-референтом для перевода заголовков, при котором можно использовать знания заказчика в качестве основного источника специальной информации. «Переводчик-консультант помогает специалистам, которые слабо знают иностранный язык, понять, о чем идет речь. Специалист может спросить, о чем говорится в той или иной статье, и переводчик-консультант должен сделать аннотацию или реферат на имеющийся у него материал; но в любом случае требуется тщательное изучение контекста» [2, с.25].

Суммируя все вышеперечисленное можно отметить следующее, что специфика таких переводов состоит в следующих требованиях как: 1) точная передача любой информации оригинала; 2) верная передача специальных терминов; 3) соблюдение принципа унификации терминологии (употребление стандартных обозначений); 4) правильное и аккуратное оформление перевода, а именно последовательности нумерации рисунков, чертежей, таблиц и т.д.; 5) «перевод» цифр (в соответствии с Государственной системой обеспечения единства измерений); 6) передача ссылок на национальные и международные стандарты на языке оригинала.

Список использованных источников

1. Боринос О. А. Сравнительная характеристика сокращенного перевода, реферирования и аннотирования в контексте обучения иностранному языку студентов экономических факультетов неязыковых вузов/ Наука и школа. 2012., № 4, С. 92-95.
2. Гредина И. В. Перевод в научно-технической деятельности: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. 121 с.

3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: курс лекций. М.: ЭТС, 2000, с. 156
4. Комиссаров В. Н. Переводоведение в XX веке: некоторые итоги // Тетради переводчика. – 1999. – № 24.
5. Лукинова М.Ю. Амбивалентность перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы I всероссийской научно-практической конференции. – 2017. – С. 244-249.
6. Наугольных А. Ю. О глубине понимания в разных видах перевода / Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2013. С. 197-202.
7. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003.
8. Норец М.В. Перевод как средство межъязыковой коммуникации / М.В. Норец // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2019. – № 3-4 (27-28). – С. 40-46.
9. Паршин А. Н. Теория и практика перевода. М.: Рус. яз., 2000.
10. Пасекова Н.В. К вопросу о критериях оценки художественного перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 458-462.
11. Перепечко Н. Н., Конакорова Т. Н. Лексические и грамматические аспекты перевода технических текстов. Минск: Изд-во БНТУ, 2013. 99 с.
12. Хоменко С. А. Основы теории и практики перевода научно-технического текста с английского языка на русский: Учеб. пособие / С.А.Хоменко, Е.Е.Цветкова, И.М. Басовец. Минск.: БНТУ, 2004. 204 с.
13. Семенов А. Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности. М: Академия, 2008.
14. Чеботарев П. Г. Перевод как средство и предмет обучения: науч.-метод. пособие. М.: Высш. шк., 2006.

УДК 811.111

**К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ
НЕОЛОГИЗМОВ, ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СЛОВ И ИМЕНИ
СОБСТВЕННОГО**

Д. В. Ищенко,

*магистрант второго года обучения кафедры теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена теоретическому разбору понятий и проблем неологизмов, окказионализмов и имён собственных.

Рассматриваются различные классификации и теории как отечественной, так и зарубежной лингвистики. Данная статья может послужить подспорьем для дальнейших исследований в области лингвистической характеристики новых единиц языка, окказионального слова и имени собственного с целью их использования в практической деятельности перевода.

Ключевые слова: окказиональное слово, новые единицы языка, неологизмы, имя собственное, лингвистика, перевод.

Summary. The article is devoted to the theoretical analysis of concepts and problems of new language units, occasionalisms and proper names. Various classifications and theories of both domestic and foreign linguistics are considered. This article can serve as a tool for further research in the field of linguistic characteristics of new language units, occasional words, and proper names in order to use them in translation practice.

Key words: occasional word, new language units, neologisms, proper name, linguistics, translation.

Термином «единицы языка» в широком смысле обозначают обширный круг неоднородных явлений, являющихся объектом изучения лингвистики. Выделяют материальные, имеющие постоянную звуковую оболочку единицы, например, фонему, морфему, слово, предложение и т. д., «относительно-материальные» единицы (по А. И. Смирницкому), имеющие переменную звуковую оболочку, например, модели строения слов, словосочетаний, предложений и единицы значения (например, семы и др.), составляющие смысловую (идеальную) сторону материальных или относительно-материальных единиц и вне этих единиц не существующие [1]. Слово может быть разделено на меньшие смысловые единицы – морфемы, состоящие из класса вариантов, алломорфов, которые либо фонологически, либо морфологически обусловлены.

Новые единицы языка, или неологизмы, формируются путём создания составных слов, конверсии, семантической деривации, субстантивации прилагательных и т.п. Другими словами, образование новых слов происходит путём сложения, сращения и перехода из одной части речи в другую [2].

Составные слова в английском языке могут образовываться и другими способами:

а) редупликация (too-too (чересчур)), а также редупликация в сочетании с продуманной развязкой (gore-ripe (заслуживающий виселицы));

б) преобразование из группы слов, например, can-do, make-up (исполнительный, макияж), to micky-mouse (в настоящее время сочетание Mickey Mouse используется как прилагательное, означающее что-либо незначительное, или что-то такое, что нельзя воспринимать всерьёз [3]) и т. д.

в) формирование из сложных существительных или словосочетаний, например to blood transfuse, to fingerprint (переливать кровь, оставлять

отпечатки пальцев);

д) аналогия, например, lie-in – валяние в постели (по аналогии с "sit-in" – сидячая забастовка), а также phone-in – сигнал вызова, brawn-drain – «утечка мускулов»; эмиграция рабочих, спортсменов и т. п. [4] (по аналогии с "brain-drain" – эмигрировать для получения работы на более выгодных условиях) и т. д.

Неологизм (от греч. νέος – новый и λόγος – слово) – вновь появившееся в языке слово в совершенно новом значении [5]. Неологизмы возникают в том случае, когда у людей возникает необходимость как-то назвать новые предметы или выразить иное отношение к уже существующему слову. С течением времени новое слово принимается в словарный запас языка и, будучи часто употребляемым, перестает считаться новым, иначе оно может быть по тем или иным причинам не принято и исчезнуть из языка. Судьба неологизмов вряд ли предсказуема: одни из них недолговечны, другие, наоборот, становятся долговечными по мере того, как их принимают. Однажды принятые, они могут служить основой для дальнейшего словообразования.

Когда мы рассматриваем лексическую систему языка как адаптивную систему, развивающуюся на протяжении многих веков и отражающую изменяющиеся потребности коммуникативного процесса, нам приходится противопоставлять нововведения словам, выпавшим из языка (устаревшим словам). Понятие «окказионализмы» связано с частотой их употребления. Иногда окказионализмы называют «авторскими неологизмами». Большинство из них живут недолго. Они не предназначены для долгой жизни. Они как бы придуманы для употребления в момент речи и потому обладают особым свойством – свойством темпоральности, отличающим окказионализмы от неологизмов. Рассмотрим эти отличия.

1. Окказиональные слова создаются в речи непосредственно для конкретной ситуации.

2. Новизна неологизмов исчезает через некоторое время, и необычное и незнакомое восприятие окказиональных элементов является их отличительной чертой.

3. Появление окказионализмов всегда непредсказуемо.

4. Окказиональные элементы очень выразительны из-за непривычного восприятия и из-за особой концентрации содержания.

Помимо неологизмов и окказионализмов существенный интерес для исследований представляет имя собственное. Чтобы рассмотреть имя собственное с теоретической точки зрения, следует дать ему определение. Имя собственное – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект [7]. В современной лингвистике имена собственные часто определяются как называющие

лексические единицы, в отличие от именных слов, которые рассматриваются как обозначающие единицы. Иными словами, основная функция имен собственных – номинативная, предназначенная для различения одних и тех же объектов.

В данной статье рассмотрим несколько классификаций имен собственных, которые были даны Г. Н. Бабич, О. И. Фоняковой, А. В. Суперанской. В лингвистической классификации референты имен собственных рассматриваются преимущественно в двух аспектах:

а) как одушевленные, так и неодушевленные, причем в пределах этих разделов;

б) по существу самого предмета: к одушевленным относятся, например, имена людей и прозвища животных, а к неодушевленным – названия географических и космических объектов, названия транспортных средств, торговые наименования и т. д.

В сущности, неодушевленное и названия – это сложные объекты, такие как средства массовой информации, организации, предприятия и учреждения, литература и искусство и так далее.

У Г. Н. Бабич очень краткая классификация. Он делит имена собственные на:

- дни недели: понедельник, вторник, среда;
- месяцы: январь, февраль, март;
- названия компаний: Амазон, Кока-Кола, Гугл (Amazon, Coca-Cola, Google);
- страны, города: Англия, Канада, Сан-Франциско;
- достопримечательности: Гранд-Каньон, Эмпайр-Стейт-Билдинг;
- книги, фильмы, призы: Библия, Оскар, Нобелевская премия;
- имена людей: Тим Смит, Дженни Бейкер, Теодор Рузвельт.

Классификацию имен собственных дает и О. И. Фонякова. Они делятся на следующие группы:

- 1) антропонимы – личное имя, отчество, фамилия, прозвища, псевдонимы;
- 2) урбанонимы – собственные названия больших и малых географических объектов – земли, воды, городских и сельских;
- 3) космонимы – названия внеземных объектов в галактике;
- 4) зоонимы – домашние животные для городской и сельской местности, а также в профессиональной сфере;
- 5) хрононимы – названия исторических событий, периодов процессов в определенные периоды времени;
- 6) хрематонимы – индивидуальные названия предметов и продуктов материальной и духовной культуры народа – газеты, журналы, книги, фильмы и др.;
- 7) теонимы и мифонимы – имена богов и мифологических

персонажей;

8) литературная антропонимия, топонимика, названия животных, названия предметов искусства, созданных воображением писателя и включенных в текст и художественное произведение.

Распределение А. В. Суперанской выглядит следующим образом:

1) названия одушевленных объектов: антропонимы, зоонимы, мифонимы;

2) названия неодушевленных предметов: топонимы, космонимы и астронимы, фитонимы, хрематонимы;

3) названия транспортных средств;

4) названия фирм и торговых марок;

5) названия праздников, юбилеев, торжеств;

6) названия литературных произведений и произведений искусства;

7) документонимы;

8) названия стихийных бедствий;

Итак, мы видим, что такая классификация охватывает гораздо больше областей, чем категория О. И. Фоняковой и Г. Н. Бабич. А. В. Суперанская также включает имена, которые встречаются сейчас крайне редко, а также подкатегории, которые могут показаться лишними. К таким названиям можно отнести фитонимы (названия растений), названия праздников.

Принимая во внимание вышесказанное, хотелось бы отметить, что данная сводная классификация не претендует на абсолютную точность, но считается лучшим решением для проведения практической части работы и будет использоваться в наших будущих исследованиях.

Список использованных источников

1. Балашова Л. В. Курс русского языка: [фонетика, словообразование, морфология и орфография: синтаксис и пунктуация: рус. яз. и культура общения]. Саратов: Лицей, 2005.

2. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. Москва: Советская энциклопедия, 1990.

3. Норец М.В., Сёмченко Р.А. Авторские неологизмы в художественном тексте: способы образования и особенности перевода (на примере произведения Чака Паланика "Колыбельная") / М.В. Норец, Р.А. Сёмченко // В сборнике: Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 420-424.

4. Словарь Вордхант [Электронный ресурс]. – <https://woordhunt.ru/> (дата обращения: 20.01.2020).

5. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.

6. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова, 1935-1940.

7. Шевчук-Черногогорова М.А. Неологизмы с компонентами

цветообозначения во фразеологических системах русского, английского и французского языков // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – 2016. – № 3 (15). – С. 120-126.

8. English-Russian dictionary of expressions [Electronic Resource] – <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/> (дата обращения: 20.01.2020).

9. J. K. Rowling. Harry Potter and the Half-Blood Prince. London: Scholastic Inc. Publ., pp. 652.

УДК 81'25

СКАЗОЧНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ

А. С. ПУШКИНА КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Т. А. Казакова,

доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматривается характерная для идиостиля А. С. Пушкина символическая функция мифологического именования, интерпретируемая как сказочно-поэтическая реалья в авторском тексте. Такие имена-посредники, придающие тексту многоуровневую смысловую глубину, оказываются практически неразрешимой задачей для перевода в иноязычную культуру. Материалом для наблюдения служат поэтические сказки А. С. Пушкина, в частности, «Пролог» к поэме «Руслан и Людмила». В рамках данной статьи мы ограничиваемся двумя такими реальями и анализируем информационные потери, сопровождающие их в четырех переводах на английский язык

Summary. The paper covers the symbolic function of the myth-based name in the poetry of A.S. Pushkin that is interpreted here as magical-poetical realia in the author's text. Functioning as intermediary, such names add some multi-level informational profundity to the text and appear an apparently intractable problem for the translator who fails to identify and, then, to reconstruct such a unit in the target language. The search is based on the poetic tales of Pushkin, in particular, on his *Prologue* to the romantic poem *Ruslan and Liudmila* where we find quite a number of such examples. Here we study but only two of the kind and analyze the resulting informational inequality in four English translation versions.

Ключевые слова: мифологическое имя, символическая функция, сказочно-поэтическая реалья, потеря информационной глубины.

Key words: mythical name, symbolic function, poetic realia, informational inequality.

Поэтическая сказка – новый для русской культуры жанр, созданный Пушкиным. Одной из главных особенностей ее являются сказочно-поэтические реалии, характерные для идиостиля Пушкина, ставшие частью

русского культурного пространства. Сказки переведены на многие языки мира, по ним создавались кинофильмы, мультфильмы, спектакли, к ним написаны многочисленные иллюстрации, им посвящены многочисленные исследования в самой России и в других культурах мира. Среди множества подходов можно выделить два полюса: на одном находятся те, кто полагает, что Пушкин просто заимствует традиционные сюжеты из русского и европейского фольклора; на другом – те, кто считает эти сказки оригинальными произведениями поэта, в которых он создал неповторимые авторские образы и творчески переосмыслил сказочные и мифологические мотивы из разных культурных источников. В исследовании Н. М. Никольского отмечается: «Очень рано Пушкин познакомился с сборниками сказок и образцами их литературной обработки. Позднее, в период южной и Михайловской ссылки, он тщательно собирает и изучает произведения народного устного творчества – песни, сказки, пословицы, легенды и этнографические документы. В 1824 г., осенью, в письме к брату Л. С. Пушкину поэт пишет: «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» [1, с. 153] Попробуем разобраться в этих образах с точки зрения их воспроизводимости в переводе с помощью понятия сказочно-поэтической реалии.

Рассмотреть типичные культурно-языковые сдвиги в передаче пушкинских сказочных реалий можно на примере *Пролога* к сказке «Руслан и Людмила», который, по существу, является самостоятельным произведением, своего рода сказочно-поэтическим манифестом, где сконцентрированы основные свойства сказочного мира, созданного Пушкиным, опознавательным знаком которого является «у Лукоморья дуб зеленый». Обратимся к реалиям этого мира и их перевоплощениям в переводе.

Как воспринимаются пушкинские сказочные реалии в других культурах через переводческие преобразования?

Под сказочно-поэтической реалией понимается заимствованные из народных сказок имена и названия, включенные в авторский контекст и стихотворный размер, в результате чего преобразуется и усложняется их смысловая структура. При этом сказочные корни таких реалий сохраняются и либо служат основой авторского значения, либо дополняют его. При переводе важно определить как характер функционирования той или иной реалии, так и ее информационную насыщенность. В сказке-прологе такие реалии могут сопровождаться, например, усилением экспрессивной информации (ср. зеленый дуб — *дуб зеленый*, золотая цепь — *златая цепь* и т.п.). Сказочные элементы иногда вставляются в контекст, придающий ироническую окраску, то есть добавляющий оценочно-эмотивную информацию к знакомому образу (например, ступа с Бабою-Ягой *идет-*

бредет сама собой). Рассматривая авторские поэтические реалии в ситуации перевода, мы, таким образом, сопоставляем не только их внетекстовые (фольклорные) значения, но и контекстуальную функцию в целостном единстве. Конечно, Пушкин употреблял фольклорно-мифологические имена не в прямом мифологическом смысле, а в качестве символов, соотнесенных с мифом и мифологической моделью мира [7, с. 306-307], то есть в функции знаков-посредников между обыденным и мифологическим смыслом, выстраивающих особое сказочно-поэтическое единство.

Наблюдения показывают, что именно в распознавании такого единства и заключается основная проблема при переводе поэтической сказки на другой язык. Взятое в отдельности, любое фольклорное слово может быть тем или иным способом передано для иноязычной культуры (например, путем транскрипции *Баба-Яга* — *Baba-Yaga*, аналогии *леший* — *wood sprite, wood goblin, goblin* или словарного соответствия *Лукоморье* — *by the sea/bay/ocean*). Однако при переводе на английский язык такое поверхностное решение часто оказывается недостаточным, гарантируя существенные информационные потери, когда дело касается не просто отдельной, независимой реалии, а преобразованной автором мифологемы в авторскую, сказочно-поэтическую реалию.

В разных английских переводах «Пролога» ключевой потерей оказывается пушкинская мифологема *Лукоморье*, что предопределяет и последующие потери сказочно-поэтических реалий Пушкина.

Пушкин:	У Лукоморья дуб зеленый
Tony Kline:	<i>There's a green oak by the bay</i>
The Unknown:	<i>There is a green oak by the sea</i>
Walter Arndt:	<i>An oak tree greening by the ocean</i>
Irina Zheleznova:	<i>On seashore far a green oak towers</i>

Все переводчики воспользовались вариантами словарного соответствия, то есть идентифицировали пушкинскую реалию как обычное слово — и тем самым изначально лишили текст, возможно, важнейшего сказочного «указателя», придав выбору места в пространстве сказки случайный характер. Между тем, пушкинское *Лукоморье* (кстати, старинное русское слово, бывшее архаизмом уже во времена Пушкина) — это отнюдь не обычная ландшафтная единица, а известная русской культуре сказочная реалия, входящая в парадигму формул сказочного пространства и отчасти сопоставимая с термином *Беловодье* — сказочное место между небом, водой и землей, территория иного мира, край мира, земля обетованная и т.п. «Согласно славянской мифологии, Лукоморье — заповедное место на окраине вселенной, где стоит мировое древо — ось мира, по которому можно попасть в другие миры, так как его вершина упирается в небеса, а корни достигают преисподней. По мировому древу спускаются и поднимаются боги. В этом

смысле Лукоморье упоминается в зачинах народных заговоров и заклинаний» [1, с. 366]. Северорусские сказания нередко начинаются именно этой формулой (*У моря-Лукоморья*): по записям Пушкина известно, что няня Арина Родионовна пользовалась именно этим названием, рассказывая сказки. Конкретизируя сказочное *Лукоморье*, переводчики выводят его из сказочного пространства, сообщая переводным текстам характер описания обычной местности, «где-то на берегу моря», в результате чего текст лишается не только связи с мифологической традицией, но и с пушкинскими (тоже хорошо известными русской культуре) ассоциациями (сказки няни, знаменитые излучины и заводи Сороти, озера и пруды и, конечно же, дубы Михайловского и Тригорского, до сих пор сохранившиеся в музее-заповеднике А. С. Пушкина, и др.). Характерно, что, возвращаясь в обычный мир, Пушкин «свидетельствует» о своем посещении сказочного Лукоморья уже обычным словом *у моря видел дуб зеленый*. Эта внутритекстовая оппозиция *Лукоморье – море* в английских переводах тоже теряется.

Следующей жертвой перевода закономерен становится *дуб зеленый*. Большинство исследователей отмечает, что дерево это непростое: увлеченному изучением славянского фольклора и мифологических мотивов Пушкину был, наверняка, известен образ мирового древа, которое у разных народов именовалось по-разному, в том числе, ясенем (Скандинавия), яблоней (Эллада, Ирландия и др.), смоковницей (Египет, Иудея). В славянской мифологической традиции это вечнозеленый дуб [3, с. 48]; в Древней Руси дуб считался священным деревом Перуна [2, с. 52]. Сопоставим сказочное пространство (Лукоморье, заповедное место, край света), где находится мировое древо (дуб зеленый) – и прочитываем текст Пушкина гораздо масштабнее: Где-то там, у первозданного моря-океана, в заповедном месте на окраине мира стоит вечнозеленый дуб (единственный!), он же мировое древо... Такое прочтение открывает простор для бесконечной символизации, то есть не просто повествует о каком-то событии, а выстраивает мифологическую картину мира со всем метафорическим потенциалом мифа. Экспрессивная насыщенность этой реалии у Пушкина чрезвычайно велика, что отмечено, в частности, постпозицией прилагательного: «Постпозитивное положение согласованного определения, выраженного прилагательным или другим согласованным словом, свидетельствует или о подчеркнутом выделении признака, или выделено по требованию размера стиха, или же объясняется стилизацией речи в духе народнопоэтического слога» [4, с. 196]. Подчеркнутое выделение признака в данном случае функционально, придавая особую смысловую глубину данному образу, и именно эту функцию не воспроизвели переводчики, то есть сократили глубину текста на несколько уровней: индикатором информационной лакуны в данном случае оказывается неопределенный артикль, обозначая *a green oak* как дуб

среди некоего множества дубов, превращая его в обычное дерево – и тем самым лишая его уникальности, то есть, по существу, теряя исходную сказочно-поэтическую реалию. Любопытно отметить намек на образ мирового древа в конце стихотворения: *И там я был, и мед я пил* — здесь мотив «меда поэзии», соотнесенный с мировым деревом в скандинавском мифе о верховном божестве Одине — воплощении творческих сил [5, с. 152]. «Мед» кажется нелогичным, поскольку в предыдущем тексте не упоминается, к тому же в скандинавском мифе речь идет не о дубе, а о ясене: «Весь мир уместается под ветвями ясеня Иггдрасиль» [5, с. 38]. Поэтому единственным обоснованием появления этого мотива в сказке Пушкина можно считать его связь с «мировым, или космическим деревом».

Два переводческих решения – выбор словарного соответствия для сказочного имени и неопределенный артикль для уникального объекта – были бы уместны, если бы русское стихотворение начиналось в обычном повествовательном стиле: *Растет у моря дуб зеленый* (реконструкция с сохранением размера). Такое выравнивание, то есть лишение текста смысловой глубины распространяется и на последующие сказочно-поэтические реалии Пушкина. Например, транслитерация *Baba Yaga* вынужденно сопровождается в переводах классификатором *a witch*, что существенно «понижает» ее статус, ибо в славянском фольклоре она не ведьма, а сверхъестественное существо, дух-проводник между мирами, родственная *Кощею* ($\neq$ *King Kashchei*), который полностью принадлежит нижнему, подземному миру (отсюда и мотив «злата» – потаенных сокровищниц, царских гробниц, кладов и т.п.). Но об этом в дальнейшем исследовании.

Список использованных источников

1. Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово. М.: Советская Россия, 1988. 512 с.
2. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М.: АСТ, 2006. 477 с.
3. Мадлевская Е. (ред.) Русская мифология. Энциклопедия. М.: Изд-во «Милгард», 2005. 784 с.
4. Никольский Н. М. Язык сказок А.С. Пушкина // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. Пушкинский юбилейный сборник. Ульяновск, 1949 г. С. 153 – 209.
5. Стеблин-Каменский М. И. Историческая поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. 174 с.
6. Стеблин-Каменский М. И. Миф. М.Л.: Наука, 1976. 104 с.
7. Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: «ГНОЗИС», 1994. 432 с.

УДК 811.12

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА КАЛАМБУРОВ В СКАЗКЕ
Л. КЭРРОЛЛА «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС»****Л. М. Каримова,***студент четвертого курса факультета славистики, ГОУ ВПО
«Горловский институт иностранных языков», ДНР, Горловка*

Аннотация. В научной работе под названием «К вопросу о проблеме перевода каламбуров в сказке Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» исследуется специфика перевода, в частности, перевода каламбуров. Автор приходит к выводу о важности качественного перевода, адекватного оригиналу, для полного соответствия идейно-смыслового содержания произведения на различных национальных почвах. В современную эпоху мировые культурные контакты принимают форму сознательного обмена культурными ценностями и международного сотрудничества, духовно обогащая друг друга.

Ключевые слова: перевод, каламбур, межкультурная коммуникация, художественная литература, авторский замысел.

Summary. In a scientific work entitled «On the issue of translating puns in L. Carroll's fairy tale «Alice in Wonderland», the specificity of translating, but in particular, translating puns, is examined. The author comes to the conclusion that the importance of a high-quality translation, adequate to the original, for full compliance with the ideological and semantic content of the work on various national soils. In the modern era, world cultural contacts take the form of a conscious exchange of cultural values and international cooperation, spiritually enriching each other.

Keywords: translation, pun, intercultural communication, fiction, author's intention.

Одной из самых сложных задач в переводе является передача игры слов. Некоторые случаи авторского использования каламбура не поддаются переводу и поэтому переводчик вынужден прибегать к подстрочным примечаниям. Однако большинству примеров игры слов переводчик может найти соответствие в русском языке, правда, это требует как глубины языковой подготовки, так и языковой находчивости.

Перевод как искусство немислим без трактовки подлинника, без активного вмешательства в творчество автора. В этом смысле искусство переводчика можно сравнить с искусством режиссера. Переводчик неминуемо является режиссером моноспектакля, в котором он сам исполняет все роли. Он осмысляет и толкует переводимое произведение, определяет характеры действующих лиц, дает им речевые характеристики, во многом предопределяя тем самым дальнейшие истолкования. Переводчик должен иметь свою точку зрения, свою творческую позицию по отношению к переводимому им литературному произведению. Позиция

переводчика формируется в результате изучения подлинника и критической литературы, она возникает из ощущения эпохи, когда создавалось произведение, и из ощущения современности.

В. Н. Комиссаров – специалист в области теории перевода и переводоведения, автор множества публикаций по проблемам теории художественного перевода. Его книга «Слово о переводе» содержит систематическое изложение современных взглядов на основные языковые проблемы перевода. Л. С. Бархударов в книге «Язык и перевод» подвергает рассмотрению процесс перевода с общелингвистической точки зрения. В книге А. Д. Швейцера «Теория перевода: статус, проблемы, аспекты» рассматривается статус, проблемы и различные аспекты теории перевода, оценивается современное состояние теории перевода.

Русский поэт и переводчик В.В. Капнист писал: «Кто берется за перевод, тот принимает на себя долги, которые уплатить обязан, хотя не тою самую монетою, но такою же суммою» [1, с.105]. Поэт акцентирует внимание на том, что переводчик должен браться за перевод в том случае, если уверен, что его языковой дар соответствует уровню художественности избранного произведения. В противном случае, литературное произведение утратит свой первоначальный колорит.

Переводчики, которые открыли русским читателям произведения иностранных писателей и обогатили литературу на русском языке настоящими шедеврами, вошли в историю русского литературного процесса как прекрасные специалисты.

Переводам В. Жуковского присуще редкостное, если не уникальное, свойство: в них сочетаются точность воспроизведения оригинала и легкость и изящество стиха. С именем Б. Пастернака связано представление о возрождении классической традиции перевода в русской литературе. Ранняя поэзия Б. Пастернака насыщена высокой степенью метафоричности образов, неожиданных ассоциаций. Это свойство пастернаковского лирического языка ярко выражено в его оригинальной поэзии и прозе, а также в переводах.

Для основной работы переводчика – работы по художественному воссзданию произведения – одного лишь «вербального» понимания текста, сколь бы ни был сложным и ответственным этот этап работы, недостаточно. Необходимо еще понять характер и функцию всех элементов художественной структуры произведения.

Часто приходится читать переводы произведений, где переводчиком дан совершенно «не тот» перевод. Вместо созерцательной грусти в переводе бывает слышен неожиданный и вообще неуместный у данного автора и в данном жанре трагический надрыв.

При переводе сказываются особенности менталитета представителей разных национальностей. То, что является очевидным для носителя,

например, русской культуры, может быть непонятным для носителя английского языка и культуры.

Если же культуры народов говорящих на разных языках, весьма различны, то, при совпадении предметного, лексического значения у них может быть резко различная культурная коннотация. Переводчик может не только не передать значительный объем информации, но, напротив, может породить ложное представление о коннотациях иноязычного слова и воспрепятствовать пониманию текста. Одно и то же блюдо, например, в одном языковом коллективе может быть дешевой, повседневной пищей, а в другом – дорогим изысканным лакомством; текст, сообщающий о том, что кого-то угостили таким блюдом, будет иметь различные дополнительные «культурные созначения» в этих языках.

В значении слова в разных языках часто выделяются разнообразные признаки одного и того же явления или понятия, где отражено видение мира, свойственное данному языку, вернее, носителям данного языка, что неизбежно создает трудности при переводе. Хрестоматийным является пример употребления слов «glasses» и «очки». Не трудно заметить, что в английском слове выделяется материал, из которого сделан предмет, а в русском – его функция: вторые глаза (очи). Ещё одним часто встречаемым примером может служить перевод фразы: «And the Cat said: «Bring me some hot milk with skin on it» (The woman and the Cat) / А кошка ей ответила: "Принеси мне горячего молока с пенкой"». Молочная пенка ассоциируется в английском языке с кожей, кожицей, покрывающей тело или плод, тогда как в русском языке в основу значения слова положен результат кипения – пенка появляется, когда молоко кипит и пенится. Продолжим примеры. Английскому слову herring-bone (work) в русском языке соответствуют сочетания «в елку», «в елочку» (кладка кирпича, шов, узор). В русском языке ассоциации с деревом – елью, в английском – с хребтом селедки. Данный образ в русском языке связан с обилием лесов, в английском – с близостью моря.

Конечно, никто в наши дни сознательно и бескомпромиссно не исповедует принципы буквальной, пословной передачи переводимого текста. Все мы уверяем, что перевод – искусство, дело творческое. Тем не менее еще существуют теоретические посылки, которые, будучи логически продолжены, смыкаются с противоположной точкой зрения. Высказывалось сомнение в том, что «так называемый» дух оригинала вообще может быть сохранен в переводе, так как сам воспринимается переводчиком всегда субъективно. Между тем произведение художественного перевода – лишь модель подлинника, некая внутренне непротиворечивая система.

В контексте изучения собственных имён в переведённом на другой язык художественном тексте особенный интерес, на наш взгляд,

представляет собой произведение Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес». Художественный мир произведения выстраивается с учётом многообразия интерпретации имён персонажей.

В истории английской литературы, представленной русскоязычному читателю, наибольшее признание получил перевод, выполненный Н. Демуровой, которая, являясь литературоведом, занимающимся проблемами исследования литературы Великобритании и США, заложила каноны перевода сказки «Алиса в стране чудес» на русский язык.

Льюис Кэрролл старается воскресить давно забытые исходные значения слов и словосочетаний, используя различные виды омонимии, в частности, омофоны (слова, схожие в произношении, но разные по написанию: right – write), создавая при этом уникальные в своей абсурдности парадоксы: «Mine is a long and a sad tale!» said the Mouse, turning to Alice, and sighing. «It IS a long tail, certainly» said Alice, looking down with wonder at the Mouse's tail «but why do you call it sad?» Слова tale (рассказ) и tail (хвост) являются омофонами. Кроме того, сама история, рассказанная Мышью, напечатана в форме мышинного хвоста.

Автор, смешав два слова – «качалка» (rocking-horse) и «слепень» (horse-fly), создал «слепня-качалку» (Rocking-horse-fly), а взяв бутерброд (bread-and-butter) и бабочку (butterfly), получил летающий бутерброд (Bread-and-butterfly).

Выражение «mad as a hatter» (сумасшедший) с детства знакомо всем носителям английского языка. Корни представленного идиоматического выражения «произрастают» из XVIII века. В Великобритании при изготовлении шляп использовалась ртуть. Вдыхая пары ртути, многие шляпники приобретали серьезные проблемы со здоровьем, и через несколько лет у них происходило нарушение умственной деятельности. Врачи в те времена не могли определить, что именно ртуть была причиной умственного помешательства, поэтому постепенно стало общепринятым называть любого неуравновешенного человека выражением «mad as a hatter».

Омонимия широко используется авторами для организации в художественном тексте игры слов. В заглавии к четвертой главе «The Rabbit Sends in a Little Bill» Льюис Кэрролл обыгрывает устойчивое сочетание at the end of the bill – послать счет. В основании лежит упомянутая выше омонимия слова bill «счет» и имени Bill, – маленькую ящерицу Билла посылают через трубу прогнать из дома Кролика неожиданно выросшую Алису. Н.М. Демурова передала это фразой «К счету всегда приписывали», то есть взяла прямое значение этого слова, в то время как Б.В. Заходер не заостряет в своем переводе внимания на этом, так как оказалось затруднительным найти идеальный эквивалент в русском языке, чтобы сохранить иронию.

Рассмотрим фразу «Ahem!' said the Mouse with an important air, are you all ready? This is the driest thing I know».

Каламбур основан на многозначности словосочетания the driest (самый сухой), которое автор использует в прямом и переносном значении. Н. Демурова переводит фразу так: «Это вас мигом высушит!». В. Набоков и Б. Заходер применяют калькирование и дают наиболее близкий к оригиналу перевод: «Вот самая сухая вещь, которую я знаю. Так вот, воспользуемся самым сухим предметом, какой мне известен!».

Таким образом, важно констатировать, что передать омонимию средствами другого языка, не идя вразрез с первоначальными значениями слов, нелегко и даже во многих случаях невозможно. От переводчика зависит адекватность перевода и трактовки идейно-смыслового и художественного потенциала оригинального текста для интерпретации литературного произведения. Переводчику необходимо объяснить, представить наглядно, выделить и уточнить основные понятия, при помощи которых можно раскрыть авторский замысел переводимого текста.

Список использованных источников

1. Ананьина О. А. Льюис Кэрролл: искусство игры: (исслед. диалоги Л. Кэрролла об Алисе в свете игровой поэтики). Рост. гос. ун–т. Ростов н/Д, 2002. 191 с.
2. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
3. Галинская И. Л. Льюис Кэрролл и загадки его текстов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/CARROLL/galinskaya.txt>
4. Гарднер М. Аннотированная «Алиса». [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://lib.ru/CARROLL/carrol0_6.txt
5. Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес [Электронный ресурс] / Пер. Демуровой Н. М. М.: РОСМЭН, 2019. 160 с. Режим доступа : <https://www.litmir.me/br/?b=16425>
6. Чернец Л. В., Хализев В. Е., Бройтман С. Н. Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины / Под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк.; Академия, 1999. 556 с.

УДК 81:37.016

ЛИНГВОДИДАКТИКА И РАСШИРЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА***А. В. Карпенко,***

*кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков № 3,
Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В рамках данной статьи изучены межкультурные аспекты преподавания иностранного языка. Рассматриваются новые актуальные задачи, стоящие перед лингводидактикой в рамках интеграционных процессов, происходящих в мире и напрямую коснувшихся процесса преподавания/изучения иностранных языков. Проведен анализ основных методологических подходов к исследованию межкультурных аспектов преподавания иностранного языка. Определена актуальность использования интегративного подхода к обучению иностранным языкам в рамках межкультурного аспекта, раскрыты основные принципы развития межкультурной коммуникации. Также в статье представлены основные методы, используемые в рамках данного подхода.

Ключевые слова: лингводидактика, обучение иностранному языку, межкультурный аспект, межкультурная коммуникация, межкультурное взаимодействие, интегративные методы обучения.

Summary. The article deals with the intercultural aspects of foreign language teaching. The author considers new urgent tasks facing linguodidactics in the context of the integration processes occurring in the world and directly affecting the process of teaching/learning foreign languages. She gives the analysis of the main methodological approaches to the study of intercultural aspects of teaching a foreign language. The urgency of using an integrative approach to teaching foreign languages in the framework of intercultural aspect is determined, the basic principles of intercultural communication development are revealed. The article also presents the main methods used in this approach.

Key words: linguodidactics, foreign language teaching, intercultural aspect, intercultural communication, intercultural interaction, integrative teaching methods.

Интеграционные процессы, происходящие в современном мире, ставят новые задачи перед лингводидактикой. Изучая состояние мирового образовательного пространства, необходимо обозначить актуальность проблемы качества преподавания иностранных языков в нашей стране. Современное высшее профессиональное образование России требует подготовки компетентного специалиста со знанием профессионально-ориентированного иностранного языка, способного эффективно работать, непрерывно самосовершенствуясь. Компетентностная модель для

выпускника высшего учебного заведения на сегодняшний день невозможна без коммуникативной подготовки, знания особенностей страны партнера по бизнесу, а также умения общаться на языке своего визави. Модернизация языкового образования предполагает смену всей модели иноязычного образования и формирование инновационных подходов к содержанию, методам и средствам обучения. Объектом данного исследования является процесс обучения иностранному языку с опорой на новые задачи, стоящие перед лингводидактикой. Предметом является интегративный подход в рамках межкультурного аспекта. Цель статьи – провести анализ межкультурных аспектов преподавания иностранных языков с опорой на актуальные задачи, стоящие перед лингводидактикой.

Для взаимопонимания и полноценного межкультурного общения специалист обязан иметь сформированную иноязычную межкультурную компетенцию в области профессиональной коммуникации. Иноязычная межкультурная компетенция, по мнению автора статьи, представляет собой совокупность знаний, как об иноязычной, так и о родной культуре. Также она включает навыки и умения по использованию межкультурной лексики, способность воспринимать и понимать ее, используя знания в профессиональном межкультурном взаимодействии и в ситуациях иноязычной коммуникации. Проблемы межкультурного обучения на сегодняшний день находятся в центре внимания практиков и ученых лингводидактиков. Так, вопросами исследования теории и практики межкультурной коммуникации занимались такие исследователи как: И. А. Гиниатуллин, Л. И. Корнеева, В. В. Криворот и другие. В практике обучения иностранным языкам в рамках межкультурного подхода в современном мире сложились следующие методологические подходы [6, с. 150-151]: 1. В конце 1980-х гг. 20 века был распространен интерпретирующий подход, сторонники которого полагали, что мир не может быть нам чужд, потому что он создается самим человеком. При интерпретирующем подходе активно используются включенное наблюдение, игры по плану, деловые и ролевые игры. В рамках данного подхода ученые акцентируют внимание на понимании коммуникативных моделей внутри отдельно-взятой культурной группы. 2. Следующий методологический подход – критический. Этот подход включает положения интерпретирующего подхода, но в нем внимание уделяется исследованию условий общения: обстановке/ситуации и пр. Сторонники критического подхода, в первую очередь, интересуются историческим аспектом коммуникации. Работа с аутентичными текстами – это основной метод критического подхода. Подбор текстов происходит на базе следующих критериев: – критерий эстетической ценности; – критерий профессиональной направленности; – критерий информативной новизны и значимости; – критерий доступности; – критерий коммуникативной

направленности; – критерий страноведческой специфики и культурологической ценности. 3. Третий подход носит название – функциональный. Он основан на социологических и психологических методах. В рамках функционального подхода культуру любого народа можно описать, используя разнообразные методы. В результате применения этого подхода была сформулирована теория коммуникативного приспособления. Таким образом, люди приспособлялись к моделям партнера по общению. В данном подходе ключевым методом считается моделирование проблемных ситуаций.

Продуктивным методом развития и формирования межкультурной иноязычной коммуникативной компетенции считается коммуникативная межкультурная ситуация, представляющая собой комплекс факторов, воздействующих на интеркультурное поведение. И. А. Гиниатуллин считает, что коммуникационная межкультурная ситуация – это совокупность когнитивно-продуктивных и интеркультурно-ориентированных действий в рамках целостного отрезка межкультурного общения [2, с. 61]. В рамках базовой подготовки и профессионально-ориентированного обучения иностранному языку выделяют разные коммуникативные межкультурные ситуации, которые можно объединить в следующие блоки: 1. Создание имиджа и фирменного стиля организации с помощью навыков межкультурного общения (умения использовать и понимать межкультурную лексику в диалогической и монологической речи) и профессионально-ориентированного иностранного языка. Разрабатываемые преподавателем коммуникативные межкультурные ситуации реализуются в методике развития межкультурной иноязычной компетенции в рамках курса и профессионально-ориентированного иностранного языка, который интегрирует разные интерактивные методы («case-study», деловая игра, ролевая игра, проект по профессиональной деятельности и прочее). Именно эти методы моделируют реальное межкультурное взаимодействие в конкретной профессиональной сфере. 2. Проведение и организация пресс-конференций предполагает соблюдение конкретных правил: а) необходимые языковые структуры (клише и фразы), неязыковые составляющие: вступление, основная часть, заключение и пр.; б) этические нормы. 3. Взаимодействие с зарубежными СМИ предполагает анализ выстраивания эффективных медиа-отношений: а) ведение телефонных переговоров; б) развитие умений создавать разные виды письменных документов: социальная реклама, статья редактора, гостевая колонка, пресс-релиз и пр.

На наш взгляд, при обучении межкультурной иноязычной коммуникации эффективным является интегрированный подход, который объединяет главные положения представленных выше методологических подходов, а также положения личностно-ориентированного,

компетентностного, коммуникативного и деятельностно-ориентированного подходов. Современное преподавание иностранного языка превращается в межкультурное системное обучение. Системный подход к обучению включает поэтапную, многоуровневую и многоаспектную подачу обучающего материала [9, с. 189]. Он предполагает интеграцию межкультурной составляющей во все разделы методической системы обучения иностранному языку: развитие межкультурных умений поведения, письма, чтения, аудирования, говорения; формирование межкультурных грамматических или лексических навыков [3, с. 98]. В рамках исследования развития межкультурной коммуникации автором статьи были выделены следующие принципы: а) психологические принципы (учет психологических индивидуальных особенностей, эмпатии, толерантности, мотивации обучающихся и пр.); б) методические принципы (принцип профессиональной направленности обучения, доминирования проблемных заданий межкультурного характера, коммуникативной направленности обучения, межпредметной интеграции, диалога культур и пр.); в) общие дидактические принципы (принцип построения обучения как творческого процесса, принцип доступности, наглядности, активности, сознательности и пр.). Интерактивные методы ориентированы на изучение практических ситуаций межкультурного общения и на практические требования. Что касается анализа прикладных методов межкультурного обучения иностранным языкам, то в зависимости от методологических подходов, которые были рассмотрены выше, на занятиях по иностранному языку могут быть использованы такие методы, как культурный ассимилятор, case-study, деловые игры, ролевые игры, биографическая рефлексия [7]. Остановимся на методе «case-study», который нацелен на сознательное воспроизведение разных групповых и индивидуальных ситуаций межкультурного общения [10, с. 68]. Сущность данной методики состоит в системном подходе к организации процесса обучения, а также учету всех факторов, воздействующих на результативность усвоения материала, в частности, обеспечение преподавателей и обучающихся учебно-методическими аутентичными комплексами [5, с. 114].

В рамках межкультурного подхода ролевая игра представляет собой метод, благодаря которому можно в непринужденной форме выработать способности к межкультурной коммуникации, сформировать межкультурную иноязычную компетенцию. Применение разных ролевых игр предоставляет обширные возможности объединения эмоционального и рационального компонентов обучения [1, с. 122]. Метод культурного ассимилятора используется для обучения студентов «видению» ситуации, которая формируется при общении с различными культурами с позиции членов иной культуры, т.е. понимать их «видение» мира. В данном методе предполагается описание нескольких конфликтных эпизодов

коммуникации разных культур [8, с. 87].

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что использование межкультурных аспектов в преподавании иностранного языка, применение конфликтных межкультурных ситуаций, которые пережиты участниками обучения, повышает их удовлетворенность занятиями и эффективность обучения. Именно поэтому интерактивные методы обучения иностранным языкам в рамках межкультурного подхода весьма популярны. Наибольшую эффективность при обучении иностранному языку имеют практические занятия, которые построены на современных интерактивных методах: деловые и ролевые игры, case-study и прочие. Активное использование интерактивных методов при межкультурном подходе в преподавании иностранного языка повышает заинтересованность и мотивацию обучающихся в овладении языком, снижает языковой барьер.

Список использованных источников

1. Адилова Н. Ф. Эффективность использования ролевых игр в процессе обучения // Молодой ученый. – 2011. – №12. Т.2. – С. 121-124.

2. Гиниатуллин И. А. Межкультурное обучение иностранным языкам: Элементы содержательной и категориальной интерпретации // Компетентностный подход в обучении иностранным языкам и проблемы самостоятельной учебной деятельности: Сб. науч. тр. / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург: УрГПУ, 2010. С. 61.

3. Гиниатуллин И. А. Межкультурная составляющая в обучении иностранному языку: Проблемы реализации // Актуальные вопросы преподавания иностранного языка, межкультурной коммуникации и переводческих дисциплин в вузе: Сб. материалов междунар. научн.-практич. конференции. Екатеринбург: УрФУ, 2012. С. 97-101.

4. Корнеева Л. И. Межкультурные аспекты в преподавании иностранного языка. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ%20АСПЕКТЫ%20В%20ПРЕПОДАВАНИИ%20ИНОСТРАННОГО%20ЯЗЫКА%20CROSS-CULTURAL%20ISSUES%20IN%20TEACHING%20FOREIGN%20LANGUAGES.pdf (дата обращения 25.12.19).

5. Корнеева Л. И. Межкультурное обучение будущих лингвистов-переводчиков // Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве: материалы пятой международной научно-практической конференции. 2015. С. 109-115.

6. Криворот В. В. Подходы и методы изучения культурных систем и межкультурных ситуаций // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: материалы 4-ой Международной научно-практической конференции (Ульяновский государственный технический университет, 3 – 4 декабря 2010)/под ред.

доц. Е. П. Сосниной. Ульяновск: УлГТУ, 2010. С. 148-152.

7. Пинигина О. Н. Методологические основы межкультурной подготовки преподавателя иностранного языка // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/7285> (дата обращения 09.01.20).

8. Стольникова Т. Н. Методологические основы развития межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранному языку // Молодой ученый. – 2015. – №9.1. С. 86-88.

9. Телешевская А. М. Межкультурная коммуникация в профессионально-ориентированном обучении иностранному языку // Обучение и воспитание: методики и практика. – № 16, 2014. С. 188-197.

10. Чудайкина Г. М., Логинова Н. Ю., Костоварова В. В. Особенности применения метода case study в преподавании иностранного языка в высшей школе // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2016. №1. С. 66-73.

УДК 811.72

ВАЛЬСИРУЮЩАЯ МАТИЛЬДА ЭТО КТО?

О. О. Кириллова,

*кандидат культурологии, доцент кафедры теории преподавания
иностраннных языков, факультет иностранных языков и регионоведения,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей австрализмов в поэзии народного творчества, а также представленных ключевых ценностей жизни и быта населения Австралии. Предметом исследования является культурологический аспект перевода австралийского фольклора. Проведенное исследование доказало, что существуют определенные закономерности отражения культурных ценностей этнических народов в переводе на русский язык.

Ключевые слова: австрализмы, австралийский фольклор, культурологический аспект перевода, австралийский сленг, вальсирующая Матильда.

Summary. The purpose of this article is to identify the features of australisms in folk poetry, as well as the key values of life and everyday life of the Australian population. The subject of the study is the cultural aspect of the translation of Australian folklore. The study proved that there are certain patterns of reflection of cultural values of ethnic peoples in translation into Russian.

Keywords: Australia, Australian folklore, cultural aspect of translation, Australian slang, waltzing Matilda.

Я много лет преподаю историю и культуру Австралии и, когда в моих лекциях дело доходит до темы “Australian Language”, моим одним из любимых вопросов студентам является следующий: «Как вы переведете название баллады Waltzing Matilda?» Ответ всегда один и тот же – неправильный. Но это студенты и они только познают азы правильного

перевода. Но переводчики с дипломами поражают своими поверхностными знаниями.

Я всегда привожу студентам в пример истину, которую Светлана Григорьевна Тер-Минасова, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент факультета иностранных языков и регионоведения на протяжении нескольких десятков лет методично повторяет как мантру, что нельзя изучать иностранный язык без изучения культуры этого народа. В противном случае дословно переведенные с одного языка на другой абсолютно правильные грамматические и лексические конструкции, могут звучать неуместно, обидно или вовсе непонятно. Это напоминает жизнь за Железным Занавесом в СССР, когда изучение иностранных языков было делом «искусства ради искусства» по образному выражению профессора С. Г. Тер-Минасовой.

Данная статья выполнена в русле современных тенденций представления «картины мира как результата отображения реального мира в сознании человека с учетом национальной специфики» [1, с.112].

Итак, австралийская баллада “Waltzing Matilda” – в буквальном переводе означает «Вальсирующая Матильда или Матильда, танцующая вальс»... Именно так трактуют название этого произведения непрофессиональные переводчики, предполагая, что речь пойдет о неразделенной любви к некоей девушке по имени Матильда. На самом деле события песни повествуют о батраке – стригале овец, который бродяжничает по стране в поисках сезонной работы.

Почему именно эта баллада привлекает внимание многих переводчиков, специалистов в области культурологии? Прежде всего, потому, что это неофициальный гимн Австралии, написанный в XIX веке Банджо Патерсоном в стиле фолк, поэтому все австралийцы так и считают эту балладу народной песней, с которой они родились, живут и умирают. Она впиталась в сознание австралийцев с молоком матери. Интересно отметить, что во время исполнения официального гимна австралийцы продолжают произносить слова «Waltzing Matilda», т.к. они, как правило, помнят пару строчек из официального гимна «Advance Australia fair» («Вперед, прекрасная Австралия»).

Вот в качестве примера пара строк из этой песни, перевод которых представляет собой полную абракадабру, т.е. лишен какого-то смысла:

«Waltzing Matilda, waltzing Matilda

You’ll come a – waltzing Matilda with me».

«Вальсирующая Матильда, вальсирующая Матильда,

Ты придешь, вальсируя, Матильда со мной».

Абсолютный бред!

Такие «горе-переводчики» не утруждают себя тем, чтобы погрузиться

в историю и культурные особенности Австралии, а также в лингвистические корни этого сочетания. Выражение «go Waltzing Matilda» означает на австралийском английском «бродяжничать в поисках работы», «топтать дорогу, неся поклажу на спине». Откуда взялось такое неожиданное значение этого, по сути, простого на первый взгляд выражения? Австралия – многонациональная, многокультурная страна. Своего рода Вавилон, в котором плавают 150 культур и национальностей. Одним словом, страна эмигрантов, из языков которых новая австралийская нация позаимствовала огромный пласт лексики. К слову сказать, отправляться в Австралию со знанием британского варианта английского языка недостаточно. Надо выучить необходимый набор австралийской лексики для полноценной коммуникации.

Итак, заимствования произошли из речи немецких эмигрантов, у которых «auf die Walz gehen» означало «отправляться в путь», т.е. ночевать, где придется. Имя Матильда тевтонского происхождения и первоначально служило прозвищем для женщин легкого поведения, сопровождавших солдат в походах Тридцатилетней войны. Затем это слово было подвергнуто вторичной номинации и в значении «согреть ночью» было перенесено на походное одеяло.

Поэтому в данном случае Матильда – это не женщина, а котомка безработного бродяги или свернутое одеяло-скатка, которое носили как вещевой мешок за спиной и складывали в него свои пожитки. Поэтому правильный перевод баллады «Waltzing Matilda» трактуется как «Бродя с котомкой за плечами».

Вот список австрализмов, встречающихся в балладе «Waltzing Matilda» без знания, которых невозможно понять содержание печальной истории, случившейся с несчастным бродягой.

Australian English	British English	Russian translation
Jumbuck	Sheep	Овечка
Billabong	An oxbow lake (a U-shaped lake)	У-образное озеро
Billy	Kettle	Чайник
Coolibah	Eucalyptus tree	Эвкалипт
Squatter	Illegal farmer who grabbed the lands	Поселенец-овцевод незаконно захватывавший плодородные земли
Trooper	Soldier	Солдат
Tucker-bag	A bag to keep food in	Сумка с едой (котомка)
Matilda	A romantic term for swagman's bundle	Одеяло-скатка (плащ-палатка)
Swagman	A man, who travels the	Бродяга в поисках

	country looking for work	работы

Вооружившись комментариями к песне, можно свободно понять австралийский вариант и перевести содержание баллады.

«Once a jolly **swagman** camped by a **billabong**

Under the shade of a **coolibah tree**,

And he sang as he watched and waited till his "**Billy**" boiled,

"You'll come a-waltzing **Matilda**, with me."

Waltzing Matilda, waltzing Matilda,

You'll come a-waltzing Matilda, with me,

And he sang as he watched and waited till his "**Billy**" boiled,

"You'll come a-waltzing Matilda, with me."

Down came a **jumbuck** to drink at that billabong,

Up jumped the swagman and grabbed him with glee,

And he sang as he shoved that jumbuck in his **tucker bag**,

"You'll come a-waltzing Matilda, with me."

Up rode the squatter, mounted on his thoroughbred.

Down came **the troopers**, one, two, and three.

"Whose is that jumbuck you've got in your tucker bag?

You'll come a-waltzing Matilda, with me."

Up jumped the swagman and sprang into the billabong.

"You'll never catch me alive!" said he

And his ghost may be heard as you pass by that billabong:

"You'll come a-waltzing Matilda, with me."»

Возвращаясь к теме столкновения культур и смешения языков, хочется отметить, что Австралия, с одной стороны, представляет собой «плави́льный котел» разных культур и национальностей и представляет собой многокультурное государство. С другой стороны, иммигранты поддерживают свою культуру и сохраняют родной язык в семьях, находясь в заморских странах. И здесь можно говорить о монокультуре.

Моя бывшая студентка отправилась продолжать учебу в Австралии, да и осталась там. Она постоянно рассказывает, что они со своей семьей отмечают все праздники – местные и русские – Новый год, Рождество, Пасху они отмечают дважды в год, не забывая про 8 Марта и День Победы. Так нужно ли мигрантам полностью ассимилироваться в стране, их принявшей или надо продолжать, так называемую, двойную жизнь?

Здесь уместно сказать о ценностной картине мира, которая находит уникальное отражение в культурной жизни населения Австралии. «Ценностная картина мира – это результат отражения реального мира в сознании через представления о желаемом с позиций того или иного этноса» [3, с.395]. «Поскольку ценности универсальны или, как минимум, важны для большей части людей» [2], можно говорить о формировании ценностной картины мира у многонационального населения Австралии.

Список использованных источников

1. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003
2. Hills M. D. Kluckhohn and Strodtbeck's Values Orientation Theory [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1040> (дата обращения 25.01.2020).
3. Kluckhohn C. Values and Value-Orientations in the Theory of Action: An Exploration in Definition and Classification. Cambridge, MA, 1951

УДК 821.161.1

**РЕЦЕПЦИЯ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ
К. БАЛЬМОНТА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ИЗ КНИГИ
«ШИЦЗИН»)**

А. Г. Коваленко,

*доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и
зарубежной литературы Российского университета дружбы народов,
Москва*

П. В. Пороль,

*аспирант кафедры русской и зарубежной филологии Российского
университета дружбы народов, Москва*

Аннотация. Цель предлагаемого исследования – выявление рецепции древней китайской поэзии в стихотворении К. Бальмонта «У врат закатных» из книги «Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних».

С помощью структурно-семиотического метода (сопоставление фактов семантики, восходящих к тексту «Шицзин» (诗经 shījīng) и встречающихся в языке стихотворения К. Бальмонта «У врат закатных») и поиска текстовых параллелей выявлены особенности восприятия автором древнекитайского текста.

Исследование рецепции китайской поэзии в творчестве К. Бальмонта позволяет с еще одной стороны приблизиться к миропониманию поэта.

Ключевые слова: рецепция, К. Бальмонт, «У врат закатных», поэтический перевод, поэзия Серебряного века, «Шицзин».

Summary. The purpose of the proposed study is to identify the reception of ancient Chinese poetry in the poem by K. Balmont «At the Gate of the Sunset» from the book «Calls of Antiquity. Anthems, songs and designs of the ancients».

Using the structural-semiotic method (juxtaposing the facts of semantics dating back to the «Shijin» (诗经 shījīng) text and found in the language of K. Balmont's poem «At the Gate of the Sunset») and searching for textual parallels, the author revealed the perception of the ancient Chinese text.

The study of the reception of Chinese poetry in the works of K. Balmont allows one more approach to the worldview of the poet.

Key words: reception, K. Balmont, «At the sunset gate», poetic translation, Silver Age poetry, «Shijin».

Академик В. М. Алексеев назвал поэзию сердцем китайской литературы. Он говорил о двойственности китайской поэзии, видя в ней балансирование «между конфуцианским фантазмом, понимающим литературу как словесное выражение высоких моральных понятий, являющихся основными для человека, и фантазией, которая может быть названа даосской и которая любой ценой стремится избежать ограничений, предписанных конфуцианским фантазмом» [2, с. 143].

Переводу китайской поэзии на русский язык уделялось большое внимание (В. М. Алексеев, Тань Аошуан, В. П. Васильев и другие ученые). Однако перед нами стоит несколько иная задача: проследить восприятие поэтом Серебряного века К. Бальмонтом древнекитайского стихотворения из сборника «Шицзин» (诗经 shījīng).

Существует мнение, что, переводя с китайского, К. Бальмонт обращался к немецким подстрочникам. В то же время известно, с какой тщательностью он изучал книги по китайской грамматике, что позволяет предположить его знакомство и с оригиналом переводимых текстов [4, с. 17].

В книге К. Бальмонта «Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних», где собраны фольклор и мифология Индии, Ирана, Китая и Японии, в цикл стихотворений «Китай» включены четыре перевода из китайской поэзии: народная песнь из древнего сборника «Шицзин», стихотворения Ван Чанлина, Ду Фу и Ли Бо. Обратимся к переводу К. Бальмонта «У врат закатных», который восходит к тексту «出其东门» (Chū qí dōng mén) «Из восточных ворот выхожу», находящемся в первом разделе книги «Шицзин» и называемом «Гофэн. Нравы царств» (国风 guófēng). Сопоставим перевод К. Бальмонта с известным переводом А. Штукина «Вот из восточных ворот выхожу»:

Перевод К. Бальмонта

У врат Закатных, городских,
Красавиц юных рой,
Как тучек легких и сквозных
Толпа весной, с зарей.
Но что мне в том, но что мне в том,
Что зорится в них кровь?
В покрове белом и густом
Вот здесь – моя любовь.

У врат Восточных, городских,
Красавиц нежных рой,
Как хоровод цветов лесных,
Что расцвели с весной.

Перевод А. Штукина

Вот из восточных ворот выхожу я –
там в ярких шелках
Девушки толпами ходят, как в небе
плывут облака.
Пусть они толпами ходят, как в небе
плывут облака,
Та, о которой тоскую, не с ними она
– далека.
Белое платье ты носишь и ткань
голубую платка –
Бедный наряд, но с тобою лишь
радость моя велика.

Но что мне в том, но что мне в том,
Что вешняя в них кровь?
В покрове белом и густом
Вот здесь – моя любовь.
[3, с. 237]

Я выхожу из ворот через башню в
наружной стене,
Девушек много кругом, как
тростинки они по весне.
Пусть же толпятся кругом, как
тростинки они по весне,
Думой не к девушкам этим в сердца
стремлюсь глубине.
Белое платье простое и алый платок
на тебе –
Бедный наряд, но счастье, с тобой
лишь приходит ко мне!
[5, с. 81]

Выполним дословный перевод стихотворения «出其东门» (Chū qí dōng mén) «Из восточных ворот выхожу»:

出其东门，有女如云。虽则如云，
匪我思存。Chū qí dōng mén, yǒu nǚ
rú yún. Suīzé rú yún, fěi wǒ sī cún.

Выхожу из восточных ворот –
девушек много, как облаков на небе.
Хотя их и много как облаков в небе,
но нет той, по которой я скучаю.

缟衣綦巾，聊乐我员。Gǎo yī qí jīn,
liáo lè wǒ yuán.

Мне весело только тогда, когда я
вижу девушку, одетую в белое
платье и темно-зеленый платок.

出其闾閭，有女如荼。虽则如荼，
匪我思且。Chū qí yīn dū, yǒu nǚ rú
tú. Suīzé rú tú, fěi wǒ sī qiě.

Выхожу из верхних городских
ворот – девушек много, как белых
цветов тростника. Хотя и их много
как белых цветов тростника, но
среди них нет той, о которой я
тоскую.

缟衣茹蘆，聊可与娛。Gǎo yī rú lú,
liáo kě yǔ yú.
[6, с. 124]

Только когда увижу девушку,
одетую в белое платье и красный
платок, чувствую себя весело.

В переводе К. Бальмонта встречается образ весны, однако в оригинале стихотворения время года не упоминается. Вероятно, поэт использует этот образ, чтобы подчеркнуть красоту и молодость описываемых в стихотворении девушек. Необычно выражение «зорится кровь», однако оно становится вполне объяснимым, если обратиться к последней строке оригинального текста. 茹蘆 (rú lú) или 茜草 (qiàn cǎo) – марена сердцелистная (лат. *Rubia cordifolia*), из корня этой травы изготавливали красную краску. Символизируя цвет платка, образ марены (茹蘆 rú lú) возникает в последней строке стихотворения. К. Бальмонт, «игнорируя» эту деталь (платок), рефреном повторяет окончание предыдущей строфы:

Но что мне в том, но что мне в том,
 Что зорится в них кровь?
 В покрове белом и густом
 Вот здесь – моя любовь.

Красный цвет платка, вероятно, для символистской эстетики Бальмонта, звучал слишком грубо, неприлично ярко. В переводе Бальмонта красное становится символикой юности, которую поэт сравнивает с зорькой и весной. Выражение *зорится кровь* и словосочетание *вешняя кровь* объясняют силу и действие юной жизни. Благодаря такому словоупотреблению палитра стихотворения «У врат закатных» не утрачивает красного цвета.

«Белый и густой покров» в стихотворении К. Бальмонта – ореол, окружающий возлюбленную. В оригинале стихотворения выражение 縞衣 (gǎoyī) переводится как «белая [шёлковая] одежда».

Называя свой перевод «У врат закатных», К. Бальмонт уточняет его жанр – «Народная песнь». Поэт знал, что стихотворение «出其东门» (Chū qí dōng mén) относится к народной поэзии. Почему К. Бальмонт из всей книги «Шизцин» выбирает именно это стихотворение? Сложно утверждать, что оно было особенно известно (например, по сравнению с такими текстами, как «Встреча невесты» («关雎» guān jū), «Тростинки с осокой сини, сини» («蒹葭» jiān jiā), «Тихая девушка» («静女» jìng nǚ) или «Ворот одежды блестит бирюзовый на нем» («子衿» zǐ jīn), которые очень распространены). Выбор можно объяснить эстетическими интенциями автора.

О переводах К. Бальмонта из Шелли писали, что в них «самого Бальмонта больше, чем Шелли» [1, с. 105]. В переводах из китайской поэзии К. Бальмонт принимает действительность китайского поэтического текста, как свое настоящее и сам живет в пространстве переводимого стихотворения. Однако символистская эстетика и русская традиция, несомненно, остаются значимыми для поэта.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90016. The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90016.

Список использованных источников

1. Азадовский К. М., Дьяконова Е. М. Бальмонт и Япония. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 190 с.
2. Алексеев В. М. Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн. 1. М.: Вост. лит., 2002. 574 с.
3. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: в 7 т. Т.4. М.: Книжный клуб Книговек, 2010. 461 с.
4. Пороль П. В. Рецептивная эстетика образа Китая в поэзии К. Бальмонта // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика.

№1, 2019. С. 16-26.

5. Шицзин: Книга песней и гимнов / Пер. с кит. А. Штукина; подгод. текста и вступ. ст. Н. Федоренко. М.: Художественная литература, 1987. 351 с.

6. 《诗经》 (Shi jing) «Шицзин» / 王秀梅 (Wang Xiu Mei) 翻译和注释, 北京: 中华书局, 2006 年 9 月第一版. 354 页.

УДК 811.111'253:378 (045)

**УСТНЫЙ ПЕРЕВОД С ЛИСТА КАК ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА
В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «ПЕРЕВОДЧИК В СФЕРЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ»**

О. В. Ковзанович,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков в сфере права,
экономики и управления, Институт языка и литературы,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск*

Н. П. Лобанова,

*старший преподаватель кафедры иностранных языков в сфере права,
экономики и управления, Институт языка и литературы,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск*

Аннотация. В статье изложена методика обучения устному переводу с листа на материале коммерческих писем с дискурсивных позиций. Представлена концепция обучения языку через дискурсивные речевые практики, обязательным элементом которой является наработка практического опыта межъязыковой речевой и коммуникативной деятельности в сфере профессиональных интересов. Раскрывается специфика устного перевода с листа и его стратегия через определение этапов перевода. В заключении сформулированы требования к переводчику устного перевода с листа.

Ключевые слова: дискурсивные речевые практики, дискурсивно-коммуникативная модель, коммерческий дискурс, устный перевод с листа.

Summary. The article deals with teaching techniques based on sight translation of commercial letters and discourse approach. It presents the concept of language training by means of discourse speech practices which assumes acquiring a profound practical experience of interlingual language and communication activities in the area of professional interests. The article considers the specific characteristics of sight translation and its strategy including different stages of translation process. In conclusion, the requirements for the proficiency of a sight translator are formulated.

Key words: discourse speech practices, discourse communicative model, commerce discourse, sight translation.

В соответствии с новой образовательной парадигмой и идеей

педагогического сопровождения, как отмечают многие исследователи (Л. В. Вишневецкая, И. Б. Ворожцова), в высшей школе произошел качественный сдвиг от процесса приобретения студентами определенной квалификации в сторону овладения ими иноречевыми умениями, нарабатываемыми в разных видах деятельности, сопровождаемыми речевыми практиками. В данной статье мы исходим из концепции обучения языку через речевые практики, в основе которой лежит практико-ориентированный подход к обучению языка предмета, обязательным элементом которого является наработка практического опыта межъязыковой (двуязычной) речевой деятельности и коммуникативной деятельности, где центральной фигурой образовательного пространства является обучающийся.

Авторы данной статьи считают целесообразным введение нового курса «Дискурсивные речевые практики» для студентов-экономистов, в основе которого лежит нацеленность на формирование практических навыков будущей специальности, развитие у студентов устойчивых практических умений и навыков письменного и устного межъязыкового (двуязычного) перевода как с иностранного языка на русский, так и с русского языка на иностранный в различных видах институционального дискурса.

Для реализации этой цели преподавателями ОПИЯ ИЯЛ разработано учебно-методическое пособие «Дискурсивный речевой практикум по устному переводу с листа (на материале коммерческих писем на английском языке)» для студентов третьего года обучения по программе профессиональной подготовки специалистов с дополнительной квалификацией «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Задача данного пособия заключается в том, чтобы дать начинающим переводчикам возможность узнать о навыках, необходимых при работе в области зрительно-устного перевода с листа, помочь им овладеть профессиональной терминологией, детально отработать навыки устного перевода в конкретном виде институционального дискурса, наработать практический опыт преобразования письменного текста в устный без предварительной подготовки или с минимальной подготовкой и развить умения учиться использовать его для осуществления межъязыковой (двуязычной) речевой и коммуникативной деятельности.

Целевая специфика дискурсивного речевого практикума для студентов неязыковых направлений подготовки представляется нам в умении использовать языки для осуществления собственной деятельности, научиться ориентироваться в различных ситуациях коммерческого дискурса и конструировать собственный путь развития иноязычной речевой компетентности. Поэтому мы считаем, что также возникла необходимость введения систематических речевых практик работы с учебно-научными текстами и специализированной лексикой для студентов 1 курса как первым

этапом к освоению специальности.

Под переводом с листа (*sight translation*) принято считать устный перевод, осуществляемый на основе зрительного восприятия исходного письменного текста. Иногда его называют зрительно-устным переводом. В аудиторных условиях под учебным переводом понимается перевод как одно из средств изучения иностранного языка. Однако следует отметить, что при обучении будущих переводчиков перевод является целью обучения, в то время как при обучении иностранному языку перевод есть средство обучения.

Пособие раскрывает специфику устного перевода с листа: скорость выполнения заказа на перевод; зрительная опора обычно облегчает восприятие и снижает фактор нервозности; у переводчика бывает возможность предварительного ознакомления с оригиналом; не требует никакого оборудования для проведения учебных занятий; при переводе писем переводчик не зависит от темпа речи оратора и сам выбирает удобный для себя темп; большая степень точности (адекватности) перевода.

В разработанной дискурсивно-коммуникативной модели перевода (Т. А. Волкова) при подготовке к переводу писем предлагается составить краткую характеристику коммерческого дискурса для последующего перевода. Студентам рекомендуется предварительно ознакомиться с работами разных авторов, содержащими характеристики коммерческого дискурса.

На учебных занятиях стратегия устного перевода с листа сводится к следующему: анализ коммуникативной ситуации перевода с дискурсивных позиций (характеристика отправителя и реципиента, тема сообщения, цель/мотив коммерческого письма); определение формата исходного сообщения и его дискурсивной функции (назначения), текстовой нормы письма и его композиции; понимание исходного текста с первого предъявления в объеме, необходимом для адекватного перевода; процесс перевода исходного (печатного) текста с листа с первого предъявления; верификация перевода (анализ результатов перевода и его соотнесение с результатами анализа ситуации перевода); верификация названий документов, организаций, структурных подразделений и должностей, реалий, специальной терминологии на основе составленных студентами глоссариев.

Этапы перевода в равной степени охватывают уровень коммуникации, уровень дискурса и уровень текста. Для последующего самоанализа и тренировки навыков студенты отмечают индивидуальные недостатки в переводах, вносят необходимые исправления в глоссарии, анализируют недочеты в своем переводческом поведении и определяют пробелы в собственных знаниях, требующие восполнения.

При переводе с листа переводчик зрительно воспринимает исходный текст, имеющий письменную фиксацию, и «зачитывает», или порождает,

вторичный текст на языке перевода устно. Студенты учатся быстро выбирать вариант перевода, самостоятельно устанавливать темп речи и преодолевать противоречие между необходимым временем для понимания и немедленной «подачей».

Дискурсивно-коммуникативная модель устного перевода с листа представляется весьма интересным методическим решением в результате реализации такого практикума. Она предполагает два этапа в овладении технологией перевода с листа: подготовительный этап, на котором авторы предлагают выполнить комплекс тренинговых операциональных упражнений и заданий, и этап моделирования дискурсивных ситуаций в аудитории, обеспечивающий симуляцию профессиональной деятельности в данном виде перевода.

Устный перевод с листа можно представить в виде трех отдельных действий: 1) зрительное восприятие и понимание исходного текста (чтение про себя), 2) поиск решения на перевод, 3) оформление перевода в устной форме.

Основными навыками, которые должны быть отработаны студентами, являются: навыки переводческих преобразований, навыки переключения с одного языка на другой, навыки управления речевыми механизмами.

Виды устного перевода с листа в аудитории проводятся в следующей последовательности и носят рекомендательный характер: переводческий диктант; устный перевод текста с предварительным чтением и разбором текста на учебном занятии; устный перевод текста, предварительно подготовленного дома; устный перевод текста с предварительной подготовкой на занятии; неподготовленный перевод с русского языка на иностранный; неподготовленный перевод с иностранного языка на русский.

Мозаика текстов, скомпонованных и распределенных в пособии, представлена согласно тематике коммерческих писем. Включены различные типы писем, сходные по своим дискурсивным функциям.

В центре учебного процесса – дискурсивная текстовая деятельность (понимание исходного текста с первого предъявления в объеме, необходимом для адекватного перевода, и порождение вторичного текста). Учебная задача – не просто понять и перевести текст в его лингвистических параметрах, а активизировать жизненный опыт обучающихся в данной предметной области (в процессе порождения вторичного текста).

Пособие построено по тематическому принципу и состоит из трех разделов, где представлен широкий набор писем на английском и русском языках, отражающих различные ситуации коммерческого дискурса в рамках основной темы практического занятия. В разделе I навыки восприятия письменного текста для дальнейшего изложения его содержания и устного перевода отрабатываются упражнениями, требующими одновременного переключения от письменного текста к устной речи и с одного языка на другой. Именно упражнения ориентированы на выработку умений, навыков и

формирование компетенций, поэтому авторы уделяют особое внимание их систематике. После тренировочного смешанного диктанта-перевода многочисленных речевых клише, специальной терминологии, выражений и предложений, часто употребляемых в коммерческой корреспонденции, предложены тексты писем для межъязыкового перевода с английского языка на русский и с русского на английский для овладения основами устного коммерческого речевого дискурса.

Важной частью работы над текстами является обсуждение их содержания с двойной целью: более осознанного усвоения специальной лексики в контексте данной темы и развития навыков устной речи в профессиональной деятельности. В свою очередь, письменный перевод способствует формированию навыков и умений устного перевода, поэтому в раздел II включены упражнения на отработку навыков и умений письменного перевода текста коммерческого письма.

В разделе III дискурсивные досье могут служить одним из инструментов «формирования профессионального переводческого мышления» (В.В. Сдобников). Дискурсивное переводческое мышление подразумевает умение «сложить картинку» ситуации, описанной в исходном тексте, т.е. «целостное видение специфического контекста межкультурной коммуникации». Дискурсивное досье является основой для освоения жанра (типа) исходного текста коммерческого письма. Анализ параметров коммуникативной ситуации и обсуждению соответствующих особенностей текста, коммерческого дискурса, коммуникации (по параметрам дискурсивно-коммуникативной модели перевода на примере материалов, подготовленных преподавателем или собранных студентами самостоятельно в ходе подготовки) целесообразно посвятить часть занятия.

В приложении содержатся справочные материалы, которые могут быть освоены самостоятельно, а также список рекомендованных учебных пособий по составлению и переводу коммерческих писем, которые доступны в электронной библиотечной системе «Юрайт» (biblio-online.ru).

В результате освоения пособия студент должен знать требования к переводчику устного перевода с листа: точность, логичность, выразительность и связность речи; сохранение равномерного темпа речи говорения; умение членить текст при чтении на такие отрезки, которые могут быть успешно переведены; умение быстро переключаться на язык перевода при широком использовании полуавтоматической подстановки готовых соответствий; умение совмещать проговаривание перевода с чтением следующего отрезка оригинала; владение профессиональной терминологией в обоих языках; повышенное внимание при преобразовании письменного текста в устный; навыки быстрого анализа текста с грамматической, лексической и стилистической точки зрения; умение следить за жестикуляцией и выражением лица в процессе перевода.

Список использованных источников

1. Бродский М. Ю. Устный перевод: учебник для вузов / М. Ю. Бродский [Электронный ресурс]: ЭБС Юрайт [сайт]. – URL: <https://pay.urait.ru/bcode/434642> (дата обращения: 19.01.2020).
2. Вишневецкая Л. В. Педагогическое сопровождение образовательного процесса на иностранном языке // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems, – 2015. – № 7(51). – С. 359-368.
3. Волкова Т. А. От модели перевода к стратегии перевода: моногр. М.: Флинта: Наука, 2016. 304 с.
4. Brodskiy M. YU. Ustny perevod: uchebnik dlya vuzov: / M.YU. Brodskiy [Elektronnyi resurs]: EBS Yurait [sayt]. – URL: <https://pay.urait.ru/bcode/434642> (data обращения: 19.01.2020).
5. Veshnevetskaya L. V. Pedagogicheskoe soprovozhdeniye obrazovatel'nogo protsessa na inostrannom yazyke // Sovremennye issledovaniya sotsialnyh problem (elektronnyi nautchnyi zhurnal), Modern Research of Social Problems, – 2015. – № 7(51). – S. 359-368.
6. Volkova T. A. Ot modeli perevoda k strategii perevoda: monogr. M.: Flinta: Nauka, 2016. 304 s.

УДК 130.2

СПЕЦИФИКА НОВЫХ ФОРМ ПЕРЕВОДА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ***С. А. Козлова,***

студент второго курса кафедры философии, факультета философии, культурологии и искусств, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург

Аннотация. Глобализация дала новые формы перевода: каверы, переводы комиксов, фансабы и фандабы. Целью данной работы является ознакомление с их спецификой. В работе использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Были сделаны выводы, что качество перевода влияет на взаимопонимание и взаимодействие культур и что новые формы перевода позволяют взаимодействовать культурам в современном мире, и служат средством создания поп-культуры.

Ключевые слова: глобализация, культура, перевод, кавер, комикс, субтитры, официальный перевод, любительский перевод.

Summary. Globalization has given new forms of translation: cover versions, comic book translations, fansub and fandub. The purpose of this work is to familiarize with their specifics. Descriptive and comparative methods are used in this work. It was concluded that the quality of translation affects mutual understanding and interaction of cultures and that new forms of translation allow cultures to interact in the modern world and serve as a means of creating pop

culture.

Key words: globalization, culture, translation, cover version, comic book, subtitles, official translation, fan translation.

Наше время считается эпохой глобализации. Глобализация как процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации [1, с.17] оказывает влияние на многие сферы жизни человека. Так, было оказано влияние и на перевод.

Помимо выхода переводчика на мировой рынок, глобализация дала новые формы перевода. Глобальная сеть Интернет предоставила возможность получать и обмениваться информацией в считанные секунды. А техническая составляющая (появление все более совершенных компьютеров и другой техники) дала возможность с заметной лёгкостью выполнять ранее трудоёмкие и недоступные действия каждому человеку. Итак, у каждого человека появилась возможность переводить, причём, не ограничивая себя литературой.

Перевод затронул сферу музыки. Текст любой песни можно найти в переводе. И вариантов перевода будет множество: сколько переводчиков – столько и переводов: дословных, зарифмованных, вольных и других. Но особым видом перевода песен являются кавер-версии (cover version, от англ. cover – покрывать). Кавер – это исполнение уже существующей песни другим исполнителем. Композиция может быть представлена в другой аранжировке, в другом музыкальном жанре или же в переводе. В настоящее время существует множество песен-переводов как известных, так и нет, любого жанра и направления. Многие музыканты строят своё творчество исключительно на исполнении песен-переводов и находят своих постоянных слушателей. Популярность таких песен может быть обусловлена тем, что людям интересно услышать, как звучит их любимая песня на их родном языке и наконец, понять её смысл. Но передастся ли в песне-переводе смысл оригинала? Исполнитель может добиться сходства, но всё равно слово в оригинальной песне будет точнее, чем его эквивалент в переводе. Примерами кавер-версий, с наиболее качественным переводом, являются песни из полнометражных мультфильмов анимационной студии Disney. Песни в мультфильмах переводятся на языки тех стран, где данный мультфильм выходит в прокат. Перевод выполняется по содержанию близкий к оригиналу и в стихотворной форме.

Песня – это единство слов и музыки. При переводе текста песни возникает вопрос о сохранении рифмы, ритма, интонации, звучания, смысла. Нужно, чтобы текст лег на музыку, чтобы они дополнили друг друга и стали одним целым.

У каждой культуры есть своя национальная музыка, свои мотивы, напевы, музыкальные инструменты. У каждого жанра музыки есть своя родина. И даже в эпоху глобализации, когда каждый жанр уже известен во

всём мире, когда мода на определённые звучания и ритмы распространена на многих континентах, музыканты используют национальные мотивы в своих песнях. И слушатель, если встречал эти мотивы ранее, может определить по ним страну происхождения песни. Так, кавер-исполнитель сталкивается с невозможностью перевода инокультурных звучаний на язык другой культуры, поэтому национальные мотивы в песне сохраняются. Получается, что текст перевести можно, а музыку – нет. И возможно ли в таком случае слияние музыки и текста? Скорее всего, ответ отрицательный. Но при сохранении национальной музыки кавер-исполнитель знакомит слушателя с другой, неизвестной тому культурой.

Часто основой для песен служит жизнь самого музыканта. И упоминание реально существующих мест в песне – не редкость. Чтобы перевести и исполнить такую песню, музыканты-переводчики используют два разных способа. Первый способ – следовать оригиналу, сохраняя историю и тем самым сохраняя наименования. Второй способ – адаптировать песню. Исполнитель передаёт общее настроение, но основой служит его собственная жизнь. Поэтому наименования могут заменяться реалиями другой культуры или же полностью убираться.

Также встречаются переводы фрагментов песен, основанные на схожем звучании слов, но никак не передающий смысл. То есть передаётся звучание фразы, а не её содержание.

Следующей новой формой перевода стал комикс или графический роман. Комикс – это рисованная история, соединение вербального с визуальным. В настоящее время графические романы стали неотъемлемой частью поп-культуры: по ним снимают фильмы, пишут книги, рисуют картины. Герои комиксов узнаваемы по всему миру. И перевод комиксов востребован в наше время.

На первый взгляд переводить графический роман довольно легко. Но даже в этом деле есть свои сложности и правила. Так как в комиксе после визуального ряда преобладают диалоги, то часто используется разговорная речь, сленговые слова, присущие культуре исходного языка и чужие для других культур. При переводе важно их заметить и адаптировать под культуру языка-перевода. Также комиксы часто выходят сериями, и для более качественного перевода переводчику нужно ознакомиться со всей серией. Это необходимо, чтобы наиболее точно и верно перевести имена персонажей, их реплики и встречающиеся реалии. Помимо диалогов в комиксах часто встречаются звуки, дополняющие действия персонажей. Они помогают погрузить читателя в происходящее действие. И перевод таких звуков также необходим. Нужно знать соответствие звуков и эмоций, действий, чтобы подобрать точный эквивалент в языке перевода. Следующей особенностью перевода графического романа является подбор шрифта. Шрифт может выразить характер персонажа, его эмоции в данный

момент. Поэтому выбирается шрифт, схожий с оригинальным. Например, у антагонистов в комиксах шрифт «заострён», а слово в реплике, эмоционально окрашенное более ярко, выделяется другим цветом и другим размером букв. Также необходимо соблюдать соответствие текста с изображением. Визуализация помогает точно определить эмоции персонажа, которые должны быть показаны в его реплике.

Перевод комикса – это искажение оригинала. С технической помощью текст с изображения стирается и набирается уже переведённый.

Следующая форма перевода связана с сериалами, фильмами, мультфильмами и другими различными видеоматериалами. Перевод видео наиболее распространён в наше время. Переводчики в этом направлении могут работать по отдельности или же объединяться в группы. Чаще всего определённый переводчик (или группа) регулярно занимается переводом видеоматериалов, объединённых общей тематикой. Так, у зрителей появляются любимые студии перевода или же переводчики.

Перевод в видео существует в двух видах: субтитры и озвучка. Субтитры позволяют слышать оригинальную речь, эмоции, которые испытывает персонаж. В то время как озвучка (или дублирование) перекрывает речь, и голоса переводчиков не могут заменить игру настоящих актёров. В отличие от других форм перевода, субтитры не имеют задачи передать характеры, эмоции персонажей. Они направлены на передачу реплики героя, информации, содержащейся в ней. Эмоциональную окраску могут передать только знаки препинания. Так же как и комиксы, сериалы и фильмы могут содержать разговорную, сленговую речь, жаргоны или диалектные слова. Передача их на язык перевода важна.

Новые формы перевода осуществляются двумя способами: 1. Официальным; 2. Любительским. Официальный перевод создаётся профессиональными переводчиками. Авторские права покупаются, и товар на территории страны продаётся. Любительский перевод создаётся поклонниками этого направления. Он не имеет коммерческой цели, создан для единомышленников и для домашнего просмотра. Касаясь видеоматериалов, группы фан-переводчиков приобретают наименования Фансаб- или Фандаб-групп. Фансаб (калька с англ. «fansub», от сокращения «fan subtitles» («любительские субтитры»)) – видеоматериал с субтитрами на языке перевода, переведённый поклонниками и выпущенный независимо от его официальных распространителей [4, с. 244]. Фандаб в свою очередь – это видеоматериал с озвучкой. Как правило, при выходе официального перевода фан-перевод прекращается.

С распространением любительского перевода всё чаще возникает вопрос о его качестве. Современному пользователю интернета необязательно хорошо владеть иностранным языком, чтобы переводить. Наличие приложений, мгновенно осуществляющих машинный перевод

всего текста, позволяет человеку не задумываться о правилах языка и значениях слов. Современный «переводчик» чаще всего не задумывается о специфике того или иного текста, имеет несерьёзный подход к переводу, что заметно сказывается на результате. Так, качество перевода полностью зависит от переводчика. И, к сожалению, в наши дни интернет переполнен некачественными переводами.

Качество любительского перевода непосредственно влияет на взаимопонимание двух культур. Если перевод выполнен хорошо, то реципиент правильно воспринимает другую культуру, он знакомится с ней и складывает о ней верное представление. Но некачественный перевод может помешать взаимопониманию или вызвать у реципиента полное отторжение другой культуры. Такой перевод может содержать в себе оскорбительные слова (как в сторону культуры языка перевода, так и в сторону культуры исходного языка); а также не раскрывать или неверно раскрывать реалий культуры языка-источника, что вызовет непонимание данной культуры.

Взаимодействие культур также зависит от качества перевода. При качественном переводе происходит взаимодействие культур: каждая культура знакомится с особенностями, с реалиями и с современным устройством другой культуры, что-то принимает в себя, а что-то отторгает. Но часто одна культура принимает в себя больше, чем другая. При большом заимствовании культура теряет свою целостность, свою ярко выраженную самобытность. Плохо выполненный перевод не способствует диалогу культур, взаимодействие между ними лишь кажущееся. Культура принимает в себя ложное представление о другой культуре и не даёт ответа.

Современные формы перевода стали не только последствиями глобализации, но и приобщают людей к общей культуре. Такой перевод помогает создать поп-культуру, которая объединяет людей из разных стран. Но всё так же качественный перевод помогает знакомиться с чужой для языка перевода культурой, всё более технологичными и развлекательными способами. И благодаря этому культуры понимают друг друга и продолжают взаимодействовать.

Список использованных источников

1. Глебов Г. И., Милаева О. В. Современные международные отношения. Учебное пособие. Пенза: Изд. Пенз. гос. ун-та, 2010. 98 с.
2. Костина А. В. Популярная культура // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 3. – С. 213–215.
3. Харитонов Е. В. Девятое искусство: Зарубежный фантастический комикс: [Историко-критический очерк и путеводитель]. М.: Academia-F, 2005. 95 с.
4. Brenner, Robin E. Understanding Manga and Anime. Greenwood Publishing Group, 2007. 356 p.

УДК 81

ПАРЕНТЕЗА В ПУБЛИЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ А. МЕРКЕЛЬ ЗА 2019 ГОД)

А. В. Комарова,

*студент третьего курса кафедры «Перевод и переводоведение»,
Пензенский государственный университет, Пенза*

Аннотация: Статья посвящена исследованию роли парентетических конструкций в публичном политическом дискурсе. Целью работы явился анализ закономерностей функционирования парентезы в публичных выступлениях канцлера ФРГ А. Меркель за 2019 год; автором были использованы методы сплошной выборки и прагмалингвистического анализа. Дан анализ основных функций парентезы в политическом контексте, а также сделан вывод о том, что парентеза играет важную роль в оказании эмоционального влияния на адресата.

Ключевые слова: политический дискурс, публичная речь, парентеза, целевая аудитория, парентетические конструкции, политик.

Abstract: The paper deals with the study of the role of parenthetical constructions within the framework of public political discourse. The aim of the study is to analyze functioning patterns of the parenthesis in the 2019 public addresses of A. Merkel, the Federal Chancellor of the Federal Republic of Germany; the author has employed continuous sampling and pragmalinguistic methods. The key functions of parenthesis within the political context are analyzed, the conclusion is made that parenthesis is crucial for producing an emotional impact on the addressee.

Key words: political discourse, public speech, parenthesis, targeted audience, parenthetical constructions, politician.

Сегодня политический дискурс продолжает оставаться неотъемлемой частью социальной жизни. В социально-психологическом контексте под ним понимается вербальная коммуникация, позволяющая отправителю сообщения передавать адресату определенные политические намерения, убеждения и установки с целью получения ожидаемых реакций и действий. Интенциональная природа политического дискурса включает такие составляющие, как цели, стороны и способы коммуникации, иными словами, совокупность избираемых тактик и стратегий внушения [5, с. 147]. Данный вид речевой деятельности направлен на передачу политически значимой информации, обеспечивающей функционирование политических механизмов.

Воздействуя на сознание, поведение и реакции людей, а также формируя в них стереотипические представления об обществе, политический дискурс представляет собой многогранное явление, которое существует в форме политических выступлений, официальных документов (постановлений, законов, указов), научных статей, газетных и

публицистических сообщений политической направленности. Особым видом политического дискурса является публичная речь [2, с. 161].

Публичная речь – это устное выступление-монолог одного человека перед группой людей, характерные черты которого – наличие замысла и цели, логичность, структурно-композиционная и содержательная завершенность, а также установка на оказание эффекта [1, с. 25]. Следует отметить, что в процессе воспроизведения и рецепции публичного выступления особое место отводится адресату [3, с. 498]; в этой связи предполагается, что для оптимальной реализации поставленных целей политический деятель должен умело распоряжаться языковыми средствами всех уровней и владеть приемами синтаксической организации речи, одним из которых является парентеза. Широкое применение парентетических конструкций наблюдается в публичных выступлениях федерального канцлера ФРГ Ангелы Меркель.

В ходе работы были намечены следующие цели: проанализировать случаи употребления парентезы в публичном политическом дискурсе, определить закономерности ее функционирования, роль и степень воздействия на получателя сообщения. В качестве материала исследования были взяты тексты речей выдающегося немецкого государственного и политического деятеля А. Меркель, опубликованные на сайте канцлера ФРГ (общее количество – 70 речей) [6].

Парентетические внесения долгое время служат объектом пристального внимания ученых, принадлежащих к различным научным школам и направлениям. Многоаспектность в исследовании проблемы парантезы видится в наличии значительного количества работ по данному вопросу [3, с. 499]. Вместе с тем, по нашему мнению, функциональные особенности парантезы в немецкой политической сфере остаются недостаточно изученными. Кроме того, анализ корпуса материалов по указанной проблематике показал, что лингвисты в настоящее время по-прежнему расходятся во мнениях по поводу определения парентезы.

Так, у разных исследователей парентезы часто рассматриваются как вставные прагматические единицы, парентетические внесения, метатекстовые вкрапления и прагматические вставки. Особые сложности возникают при разграничении терминов «вводная» и «вставная» конструкция. Однако в целом, большинство отечественных лингвистов, придерживаясь немецкой синтаксической традиции, их отождествляют, что придает понятию «парентеза» расплывчатый, неопределенный характер [3, с. 499].

В настоящем исследовании парентеза рассматривается как конструкция со значительной долей синтаксической и семантической самостоятельности и подвижности, не связанная по содержанию с остальными членами предложения. Графическое оформление парентезы в

предложении осуществляется посредством знаков тире или тире с запятой; чаще всего она находится в середине предложения.

В ходе анализа выбранных нами публичных обращений канцлера ФРГ А. Меркель были выделены следующие функции парентезы: функция пояснения, отсылки, оценочная, акцентирующая, контактоустанавливающая и выразительная функции.

I. Функция пояснения. Часто парентетические вставочные конструкции выполняют функцию экземплификации, т.е. они передают дополнительные данные посредством создания второго плана повествования. В редких случаях данная функция реализуется спонтанно, что свидетельствует о яркости и динамичности речи, а также об ассоциативности мышления говорящего [8, с. 122]. Между тем, в публичном политическом дискурсе утверждение абсолютной спонтанности выступления было бы ошибочным, поскольку его текст обычно готовится заранее: «Deshalb setze ich all meine Kraft dafür ein, dass Deutschland seinen Beitrag leistet – ökologisch, ökonomisch, sozial – den Klimawandel in den Griff zu bekommen». (Именно по этой причине я делаю все возможное, чтобы Германия предпринимала активные действия – в экологическом, экономическом и социальном плане – для предотвращения изменения климата) / «Da es sowieso eine Reihe von Verpflichtungen der Nato in Richtung der Zahl 30 gibt – 30 Tage, 30 Schiffe –, war der nordmazedonische Ministerpräsident Zaev sehr froh, das 30. Mitgliedsland zu sein». (В силу того, что НАТО традиционно несет ряд обязательств по отношению к числу 30 – 30 дней, 30 кораблей – премьер-министр Северной Македонии Заев был рад стать 30 страной-членом блока) / «Beim Klimaschutz habe man über die jeweilige "Herangehensweise" – die deutsche und die der EU-Kommission – gesprochen». (При обсуждении вопроса по борьбе с глобальным потеплением речь шла о конкретных действиях, предпринимаемых по данному направлению – как немецкими властями, так и Еврокомиссией) [6].

II. Функция отсылки. Выступая с речью, политик часто ссылается на какое-либо событие, произошедшее в отдаленном прошлом: «Wir brauchen noch dringlicher – darüber habe ich auch gestern mit dem Ministerpräsidenten ausführlich gesprochen – einen neuen Anlauf bei den Verhandlungen mit der Europäischen Union über ein europäisch-indisches Freihandelsabkommen». (Нам необходимо как можно скорее – об этом я вчера говорила с премьер-министром – договориться с Европейским Союзом о начале переговоров по заключению соглашения о свободной торговле между Европой и Индией). Парентеза в данной функции придает высказыванию большую смысловую нагрузку. Более того, в анализируемом материале также присутствовали отсылки к другим политическим деятелям или словам, которые они произносили. Так, А. Меркель неоднократно в своей речи ссылалась на авторитетных политиков, что усиливало эффект убеждения: «Denn – das hat

gestern auch der Außenminister gesagt – Europa kann sich zurzeit alleine nicht verteidigen». (Поскольку – как уже вчера отметил министр иностранных дел – Европа в настоящее время не может сама себя защитить) / «Wenn man in Zeiten so niedriger Zinsen – Olaf Scholz hat das gestern dargestellt – glaubt, man müsste auch noch Schulden machen...» (Если во времена столь низких процентных ставок – о которых нам вчера рассказывал Олаф Шольц – вы думаете, что вам в любом случае придется занимать...) [6].

III. Оценочная функция. Личное отношение оратора к конкретному предмету и интерпретация им действительности находят выражение в оценочной функции парентезы. Т.к. основной целью публичной речи является убеждение аудитории и стимулирование в ней определенного поведения и действий, политический деятель прибегает к оценке как к «ведущему средству побуждения» [4, с. 132]: «Es kann natürlich sein, dass diese europäische Säule – wenn ich zum Beispiel an die Ausbildungsmission in Mali denke – auch ihren Beitrag im Kampf gegen den gemeinsamen Feind, den Terrorismus, leistet». (Вполне возможно, что эта европейская опора – я вспоминаю, прежде всего, об учебной миссии в Мали – также вносит свой вклад в борьбу с общим врагом, терроризмом) / «Außerdem – das fand ich auch gut – hatten etliche die Frage aufgeworfen: wie erreichen wir alle Jugendlichen?» (Кроме того – мне тоже понравилась эта идея – некоторые подняли следующий вопрос: как нам охватить всю молодежь?) [6].

IV. Акцентирующая функция. В публичном политическом дискурсе широко используются типизированные парентетические конструкции, предназначенные для маркировки того или иного фрагмента сообщения, а также облегчения его запоминания слушателями: «Er wird aber nur dann funktionieren – ich habe es eben schon angedeutet –, wenn die Geber- und Nehmerländer auch wirklich mitmachen». (Однако это произойдет, только если – как я только что разъяснила – страны-кредиторы и «принимающие» страны не останутся в стороне) [6].

V. Контактустанавливающая функция. В выступлениях федерального канцлера нередко парентеза применяется для достижения и укрепления эффективного взаимодействия и контакта с целевой аудиторией. Коммуникативная связь с адресатом поддерживается благодаря широкому использованию обращений и личных местоимений (wir, uns, Sie): «Sie – wie alle Menschen in unserem Land – vor Hass, Anfeindungen und Gewalt, vor Rassismus und Antisemitismus zu schützen, ist eine Aufgabe, der sich die Bundesregierung besonders verpflichtet fühlt». (Защита нас – всех граждан нашей страны – от ненависти, враждебности и насилия, расизма и антисемитизма – это задача, которую федеральное правительство считает особенно важной) / «Erst einmal haben wir diese Maßnahme ergriffen – das wissen Sie ja auch durch unsere Verlautbarung –, weil wir nicht gesehen haben, dass Russland uns bei der Aufklärung dieses Mordes unterstützt». (В первую

очередь мы решились на эту меру – как вам уже известно из новостей – поскольку мы увидели, что Россия не намеревалась поддерживать нас в раскрытии этого убийства) [6].

VI. Выразительная функция. Необходимым условием эффективного убеждения в рамках политического дискурса является создание общей эмоциональной палитры между оратором и аудиторией. Однако парентезы в указанной функции в публичной речи встречаются редко: «Wir haben uns jetzt über die Eckpunkte der Grundrente – etwas ganz Wichtiges – geeinigt und werden sie gesetzlich umsetzen». (Мы согласовали ключевые пункты земельной ренты – это были очень важные вопросы – и теперь мы будем реализовывать их в соответствии с законодательством) / «Aber die Spielräume sind klein – sie sind sehr klein –, und es gibt Länder, die in der Frage noch sehr viel härter als Deutschland sind». (Однако свобода действий невелика – она совершенно незначительна – и есть государства, в которых с этим вопросом ситуация еще более сложная, чем в Германии) [6].

Итак, в ходе нашего исследования было выявлено, что в своих публичных выступлениях федеральный канцлер А. Меркель часто прибегает к использованию парентетических конструкций; данный факт позволяет нам разделять точку зрения многих ученых о том, что парентеза является продуктивным средством в современной немецкой речи [7].

Благодаря воссозданию многопланового фона повествования, выражению оценочного и эмоционального отношения к предмету, акцентированию тех или иных фрагментов сообщения, ссылке на ранние события или высказывания других людей, а также налаживанию устойчивого канала связи с аудиторией, парентеза придает речи оратора непринужденность и динамику. Парентетические вставки вносят в синтаксическую структуру текста разнообразие, одновременно оптимизируя его иллокутивную функцию. Упрощая процесс понимания и запоминания информации адресатом, парентеза в конечном итоге служит ключевым инструментом политика на пути к достижению его основной цели – эффективного влияния на аудиторию.

Список использованных источников

1. Блох М. Я., Фрейдина, Е. Л. Публичная речь и ее просодический строй. М.: Прометей, 2011. 341 с.
2. Катинская М. В., Замятина А. В. К вопросу о комплексном подходе к изучению политической публичной речи // Вестник КГУ. – 2017. – № 3. – С. 160-165.
3. Киянова К. А. К вопросу о функционировании парентез в публичной речи // Мир культуры, науки, образования. – 2019. – № 3 (76). – С. 498-500.
4. Кулинич М. А., Фадеева А. И. Парентетические конструкции в оригинале и переводе (на материале англоязычной научно-популярной

литературы) // Вестник Международного института рынка. – 2017. – № 1. – С. 129-134.

5. Никулина Д. Е. Политический дискурс как объект лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 9 (75). – С. 147-149.

6. Публичные речи А. Меркель за 2019 г. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles> (дата обращения 20.01.2020).

7. Фадеева, Л.В. Парентеза в немецкой устной диалогической речи (на материале мангеймского корпуса): автореф. дис. ... к. филол. наук: 2005.

8. Шишкина, И.С. Парантеза в английском и немецком языках // Вестник Вятского государственного университета. – 2009. – № 2 (2). – С. 120-125.

УДК 81'25

АНАЛИЗ ТРУДНОСТЕЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ У СТУДЕНТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Т. В. Косолапова,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

Аннотация: целью настоящего исследования является выявление и анализ трудностей, возникающих у студентов при переводе общественно-политических текстов. В качестве методов исследования использовался метод сплошной выборки, метод компонентного анализа и описательный метод. В ходе проведенного исследования были выявлены наиболее типичные трудности при переводе общественно-политических текстов, связанные с постановкой цели, выбором уровня эквивалентности перевода, учетом жанрово-стилистических особенностей, речевыми ошибками и экстралингвистическими факторами. В заключении даны рекомендации по преодолению трудностей у студентов, связанных с переводом общественно-политических текстов.

Ключевые слова: общественно-политический текст, перевод, эквивалентность, жанрово-стилистическая норма, газетно-информационный стиль.

Summary. The aim of the following research is revealing and analysis of difficulties, which students face while translating socio-political texts. The continuous sampling method, the method of componential analysis and the descriptive method were used. In the process of the following research some typical difficulties connected with translation of the socio-political texts were found. They are connected with goal setting, choice of the correct level of equivalence in translation, consideration of genre stylistic peculiarities, errors and

extra-linguistic factors. In the conclusion some recommendations how to cope with revealed difficulties are given.

Key words: socio-political text, translation, equivalence, genre stylistic norm, newspaper-informational style.

В условиях активной современной международной интеграции возрастает роль как общественной-политических текстов разной жанровой принадлежности, так и их эквивалентных переводов. Сегодня перевод общественно-политических текстов особо актуален, так как часто выступает не только в роли перевода, но и является средством пропаганды и даже орудием идеологической борьбы.

Печатные и электронные СМИ ежегодно пополняются большим объемом общественно-политических текстов, которые представляют собой выступления государственных, партийных и общественных деятелей; публикации международных, правительственных и общественных организаций; статьи, посвященные борьбе за мир, сокращению и ограничению вооружений, национально- освободительному движению и экономическим отношениям.

В связи с особенностями публикации общественно-политических текстов в газетах, журналах и на Интернет-сайтах, посвященных политике и экономике, для них характерными являются стилевые черты газетно-информационного стиля, такие как: наличие газетных штампов, политических терминов и понятий, социальных реалий, стереотипных фраз и клишированной лексики. Все это, безусловно, определяет трудности, возникающие при переводе текстов общественно-политической тематики.

Обучение студентов старших курсов специальности «Зарубежное регионоведение» переводу общественно-политических текстов на базе Самарского государственного социально-педагогического университета в большей степени проходит в рамках учебных часов и носит академический характер. В связи с этим студенты часто испытывают трудности с первоначальной постановкой цели перевода и определения путей достижения этой цели. Для обеспечения высокого качества перевода студенты как будущие переводчики должны уметь сопоставлять текст перевода с оригиналом, оценивать и классифицировать возможные ошибки, вносить необходимые коррективы. Качество перевода при этом определяется степенью его соответствия переводческой норме и характером невольных или сознательных отклонений от этой нормы. Нормативные требования формулируются в виде принципов или правил перевода.

Согласно А. Паршину, норма перевода складывается в результате взаимодействия пяти различных видов нормативных требований:

1. нормы эквивалентности перевода;
2. жанрово-стилистической нормы перевода;
3. нормы переводческой речи;

4. прагматической нормы перевода;
5. конвенциональной нормы перевода [4, с. 56].

Перевод текстов требует помимо грамотного владения языком перевода и оригинала, также владения специализированной терминологией и понимания лингвокультурологических особенностей данных текстов. Переводы общественно-политических текстов с английского языка на русский язык часто оказываются многословнее оригинала. Это объясняется эксплицитным характером русского языка, по сравнению с имплицитностью английского языка. Однако, это, простое, на первый взгляд, различие двух языков часто является основной трудностью, с которой сталкиваются студенты языковых специальностей при переводе данных текстов. Желание сохранить тождественный синтаксис или даже лексический состав при переводе неизбежно ведет к буквализму. По мнению Л. С. Бархударова буквальный перевод недопустим, так как искажает содержащуюся в исходном тексте информацию, нарушает нормы языка перевода [1, с. 186]. Тем не менее, буквальный перевод отдельных словосочетаний в подобных текстах все же имеет место. К такому переводу мы прибегаем, когда стремимся к сохранению формальных и семантических компонентов оригинала фразы при передаче её на русский язык, в этом случае буквальный перевод по характеристикам сближается с дословным переводом [2, с. 9]. Важно отметить, что при переводе общественно-политических текстов основной задачей является точная передача содержащейся в них информации. По мнению Т. Р. Левицкой и А. М. Фиттермана точность не имеет ничего общего с буквальным копированием оригинала [5, с 19].

В рамках дисциплин «Письменный перевод первого иностранного языка» и «Теория и практика профессионально-ориентированного перевода» студенты знакомятся с понятиями точности, адекватности и эквивалентности перевода, однако часто не могут разграничить эти понятия при практическом выполнении заданий на перевод общественно-политических текстов, испытывают трудности с определением степени эквивалентности выполненного перевода и объяснением своего выбора. Решение подобных трудностей возможно в предоставлении большего количества практических заданий на различия по уровням эквивалентности, определения адекватности/неадекватности, точности/неточности переводов.

Жанрово-стилистические нормы перевода общественно-политических текстов являются следствием выбранного студентами уровня эквивалентности. Однако, несмотря на то, что студенты понимают жанровые особенности подобных текстов, при переводе с английского языка на русский язык допускают ошибки по снижению стиля речи, используют просторечные и разговорные слова и выражения.

Общественно-политические тексты, публикуемые в печатных и электронных СМИ, как говорилось ранее, относятся к газетно-информационному стилю. Тексты данного стиля ориентированы на большие слои населения, несут информативную задачу и отвечают интересам общества в конкретный момент времени. К стилевым особенностям данных текстов можно отнести наличие политической терминологии, многозначных слов, синонимов и омонимов, специальных аббревиатур, содержащих названия политических партий, движений, принятых пактов или законов, имен собственных и названий, добавляющих конкретики каждому тексту.

При переводе общественно-политических текстов студенты испытывают не только лингвистические, но и экстралингвистические трудности. Современные молодые люди мало интересуются национальной и международной политикой, поэтому словарный запас родного языка на политическую тематику у современных студентов достаточно скуден. Из этого следует появление и системное функционирование речевых ошибок, связанных с

- незнанием расшифровок аббревиатур (например: *the OSCE, PLO, IRA, MILF* и т.д.);

- неправильным переводом политической терминологии (например: перевод *withdrawal* как «выход», а не «вывод войск»);

- искажением смысла многозначных слов (например: глагол «*to seek*» в выражении «*to seek refuge*» переводится как «искать убежища», тогда как в выражении «*to seek independence*» означает «добиваться независимости»);

- некорректным выбором синонимов при переводе (например: в фразе «расширить отношения» (*to expand relations*) глагол заменялся студентами на *to grow* или *to increase*; еще одним примером может послужить непонимание различий лексического значения у слов *accord-agreement-settlement*);

- неточным выбором перевода омонимичных слов (например: перевод слова «*a term*» как «термин, период, четверть», а не «срок пребывания у власти»);

- неправильной транслитерацией или переводом имен собственных и названий организаций, движений, географических мест, исторических и политических событий [3].

Таким образом, проведенное исследование анализа трудностей, с которыми сталкиваются студенты языковых специальностей при переводе общественно-политических текстов можно разделить на 6 пунктов:

1. неправильная постановка цели перевода и, как следствие, выбор путей её достижения;
2. использование буквального перевода;
3. некорректный выбор уровня эквивалентности;

4. отклонение от жанрово-стилистической нормы перевода общественно-политических текстов;
5. наличие речевых ошибок;
6. игнорирование экстралингвистических особенностей общественно-политических текстов.

Решение данных трудностей представляется возможным только при глубоком и всестороннем изучении студентами общественно-политического стиля родного и изучаемого языков, постоянном просмотре ежедневных местных и международных новостей и подготовке краткой новостной заметки в начале каждого занятия, продолжительная работа с активным вокабуляром, необходимым для перевода академических общественно-политических текстов, регулярном контроле знаний лексики и умения применять разнообразные переводческие техники.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., «Междунар. отношения», 1975. 240 с.
2. Нелюбин Л. Л., Хухуни. Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учеб. пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2006. 416 с.
3. Осетрова Е. Е. Английский язык. Учебное пособие по общественно-политическому переводу: функциональный и оперативный уровни. М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. 93 с.
4. Паршин А. Теория и практика перевода. М., 2008. 310 с.
5. Цатурова И. А., Каширина Н. А. Переводческий анализ текста. Английский язык: учеб. пособие с метод. рекоменд. 2-е изд., испр. и доп.-СПб.: Перспектива, Изд-во «Союз», 2008. 296 с. (Библиотека переводчика)

УДК 81

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НЕМЕЦКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Е. Ю. Оберемченко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и ИТЛ,
ИФЖиММК, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

А. А. Кочурова,

*студент четвертого курса кафедры перевода и ИТЛ, ИФЖиММК,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

Аннотация. Цель работы заключается в выявлении переводческих особенностей английских заимствований и явления «Denglisch» на основе публицистических текстов «Spiegel» и «Zeit». Среди методов исследования в данной работе используется метод контекстуального анализа,

описательный метод, метод количественного анализа и сопоставительный метод. В статье рассматриваются основные способы образования английских заимствований в немецком языке. Приводится краткий обзор экстралингвистических и лингвистических причин заимствования лексических единиц. Дается процентное соотношение переводческих трансформаций явления «Denglisch». Отмечается, что синонимический перевод по критерию частотности употребления возглавляет список межъязыковых трансформаций при переводе английских заимствований в немецком языке в публицистических текстах «Spiegel» и «Zeit».

Ключевые слова: английские заимствования, гибридные заимствования, словообразование, «Denglisch», переводческие трансформации.

Summary. The aim of this article is to identify translation features of English borrowings and «Denglisch» based on the publicistic texts of «Spiegel» and «Zeit». The paper deals with the contextual analysis method, the descriptive method, the quantitative analysis method, and the comparative method. This article is devoted to the main ways of forming English borrowings in the German language. A brief overview of extralinguistic and linguistic reasons for borrowing lexical units is given. The percentage ratio of translation transformations of «Denglisch» is represented in the article. It is marked that according to the frequency of use criterion synonymous translation is the first in the list of interlingual transformations concerning translation of English borrowings in the German publicistic texts of «Spiegel» and «Zeit».

Key words: English borrowings, hybrids, word formation, Denglisch, translation transformations.

Термин «Заимствование» можно трактовать по-разному. Грэг Ватсон рассматривает лексическое заимствование из одного языка в другой в качестве естественного следствия любой языковой контактной ситуации [9, с. 65]. В лингвистическом словаре Хадумода Буссманн термин «Заимствование» определяется как принятие языкового выражения из одного языка в другой. Язык, из которого заимствуются слова, называют «исходным», «заимствующим» или «языком-донором», язык, который принимает новые слова, как правило, обозначают «языком-реципиентом» [7, с. 139].

Заимствования лексических единиц может протекать по ряду причин, которые, как правило, разделяют на две категории: экстралингвистические и лингвистические. Экстралингвистические причины включают [5, с. 189]:

- 1) влияние культуры одного народа на другой;
- 2) наличие контактов между странами с разными языками;
- 3) рост интереса к языку;
- 4) престиж языка-донора;
- 5) социальные предпочтения к культуре другой страны.

К лингвистическим причинам относят:

- 1) отсутствие соответствующих слов в ИЯ для обозначения нового предмета, понятия;
- 2) склонность к замене описательных оборотов одним заимствованным словом;
- 3) тенденция к улучшению и сохранению коммуникативной выразительности лексических единиц, которую можно достичь за счет устранения полисемии или омонимии в языке-реципиенте;
- 4) стилистические синонимы [5, с. 189].

Помимо чистых английских заимствований (англицизмов) как, например, «Lifestyle», «Jogging», «Know-how», «Pullover» в немецком языке встречаются и гибридные. Для нашей работы наибольший интерес представляют именно «гибридные» [1, с. 125, 8, с. 109] (далее - гибридные) заимствования в публицистических текстах журнала «Der Spiegel» и газеты «Die Zeit».

Гибридные заимствования в немецком языке образуются тремя способами: словосложение, деривация и добавление полуаффиксов.

Пример 1.

«Der Elektronik-Konzern Texas Instruments will 1979 einen Heim-Computer zum Preis von 350 bis 450 Dollar auf den Markt bringen».

Электронная компания «Texas Instruments» планирует выпустить домашний компьютер в 1979 году по цене от 350 до 450 долларов (здесь и далее перевод наш – Оберемченко Е.Ю., Кочурова А.А.).

В данном предложении «Heimcomputer» строится путем словосложения: немецкое слово + английское ведущее слово.

Пример 2.

«Jobaussichten sind gut, das Studium aber stressig».

Перспективы трудоустройства хорошие, но учеба напряженная.

В представленном выше примере «stressig» формируется посредством деривации, а именно английская основа + немецкий деривационный суффикс.

Переводчику в своей работе постоянно приходится сталкиваться с трудностями передачи оригинального содержания на язык перевода, особенно когда не существует словарного соответствия переводимой языковой единицы или оно не подходит для данного контекста. В связи с этим переводчику необходимо использовать переводческие (межъязыковые) трансформации [3, с. 67].

Я. И. Рецкер [4, с. 72] представляет переводческие трансформации в качестве приемов логического мышления, посредством которых переводчик раскрывает значение иностранного слова в контексте и выявляет ему русское соответствие, которое, в свою очередь, может не совпадать со словарным. В. Н. Комиссаров выделяет лексические, грамматические и

лексико-грамматические трансформации. Иную классификацию предлагает А. Д. Швейцер [6, с. 119]. Согласно типологии А. Д. Швейцера трансформации делятся на четыре уровня, а именно: трансформации на референциальном уровне, трансформации на прагматическом уровне, трансформации на компонентном уровне семантической эквивалентности, трансформации на стилистическом уровне. В нашем исследовании мы опираемся на трансформации Н. В. Комиссарова, Н. И. Дзенс и А. Ф. Архипова.

В фокусе современной немецкой лингвистики находится явление «Denglisch», которое представляет собой неофициальный вариант названия чрезмерного потока английских вкраплений наряду с псевдоанглицизмами в немецком языке.

В ходе исследования нам удалось выявить ряд переводческих трансформаций, применяемых непосредственно при переводе «Denglisch»:

1. Дословный перевод (по В. Н. Комиссарову) [3, с. 178].

Пример 3.

«Das macht Sinn».

В этом есть смысл.

В английском языке - It makes sense. Однако согласно грамматике немецкого языка адекватным переводом фразы «В этом есть смысл» служат следующие варианты: Das ergibt Sinn. / Das hat Sinn / или Das ist sinnvoll.

2. Лексико-семантические замены (по В.Н. Комиссарову) [3, с. 174]. Некоторые слова образованы из англоязычных составных частей, однако в такой форме отсутствуют в английском.

Пример 4.

«Vom Obdachlosen zum Dressman».

Из бездомного в модель.

Пример 5.

«Der Showmaster hat sich nun zu den Plänen geäußert».

Ведущий только прокомментировал планы.

3. Грамматические (категориально-морфологические) трансформации (по Н. И. Дзенс) [2, с. 80].

Пример 6.

«Das futuristische Handy basiert auf einem uralten Klapp-Design - und hat einen versteckten «Retro-Modus».

В основе футуристического сотового телефона лежит вековой складной дизайн и скрытый «Retro-Modus». В немецком языке «Handy» трактуется как существительное со значением «мобильный телефон», в английском языке данное слово употребляется в качестве прилагательного «удобный в использовании», «приворотный».

Пример 7.

«Tischkicker werden nur noch gebraucht, damit sich der CEO damit für ein

Lifestyle-Magazin fotografieren lassen kann».

Настольный футбол нужен только для того, чтобы генеральный директор мог сфотографироваться для «Lifestyle-Magazin».

Немецкое существительное «Geschäftsführer» заменяется на словосочетание «Chief Executive Officer» (CEO).

4. Синонимический перевод (по Н. И. Дзенс) [2, с. 48]. Передача имеющихся в ПЯ языковых единиц с тем же значением.

Пример 8.

«Beim Sprachmagazin «Business Spotlight» leitet er oft selbst Meetings und kennt die Tücken der Konferenz-Kommunikation».

В журнале «Business Spotlight» он часто возглавляет мероприятия и знает подводные камни в конференц-связи.

Немецкое существительное «Versammlung» заменяется английским синонимом «Meeting».

Пример 9.

«Stromausfall in Südamerika. Blackout am Sonntagmorgen».

Отключение электроэнергии в Южной Америке. Отключение питания в воскресенье утром.

Английское «Blackout» заменяет немецкое «Aussetzer» с тем же значением.

Пример 10.

«Wir haben keine Liege frei. Sorry».

У нас нет свободного дивана. Извините.

Языковая единица «Entschuldigung» заменяется английской «Sorry» с тем же значением.

Рис.1

Результаты проведенного нами исследования позволяют заключить, что синонимический перевод по критерию частотности употребления возглавляет список межъязыковых трансформаций при переводе английских заимствований в немецком языке в публицистических текстах «Spiegel» и «Zeit» (Рис.1). Данную закономерность можно объяснить тем фактом, что многие англицизмы короче и удобнее в произношении, чем немецкие.

Список использованных источников

1. Аккуратова И. Б. Особенности гибридизации с компонентом-англицизмом в немецком языке [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №6. – <http://www.gramota.net/materials/2/2019/6/> (дата обращения: 29.11.2019).
2. Дзенс Н. И., Перевышина И. Р. Теория и переводческая практика: учеб. пособие. СПб.: Антология, 2012. 560 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. Яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
4. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2007. 240 с.
5. Тарев Б. В. Лингводидактический аспект лексических заимствований [Электронный ресурс] // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2016. – №5 (19-2). – <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvodidakticheski> (дата обращения: 15.11.2019).
6. Швейцер А. Д. Теория перевода. М.: Издательство «Наука», 1988. 215 с.
7. Bussmann H. Dictionary of Language and Linguistics. Routledge, 2006. 1335 p.
8. Hunt J. Lexical hybridization of English and German elements [Electronic resource] // Ejournal. 2019. – Mode of access: URL: <http://www.ejournal.eu/pliki/art/14445/>. (дата обращения: 29.11.2019).
9. Watson G. Evidence of Lexical Re-Borrowing in the Spoken English of First Generation Finnish-Australians / G. Watson // Nordic Journal of Studies. – 2002. – № 1. – P. 65-87.

УДК 81.25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МАКАРОНИЧЕСКОЙ ИГРЫ В ПАЛИМПСЕСТНЫХ ТЕКСТАХ

Е. В. Крюкова,

старший преподаватель кафедры европейских языков, Институт лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Аннотация: В статье раскрывается содержание понятия «палимпсест» как иерархии просвечивающих друг через друга текстов.

Использование принципа палимпсеста в работе с художественным текстом позволяет не только раскрыть его глубинный потенциал, но и вскрыть связи между различными текстами, актуализируя их и демонстрируя непрерывность их существования, что особенно актуально в эпоху глобализации. Интересное развитие эта идея находит в произведениях современного британского писателя Терри Пратчетта, где принцип палимпсеста реализуется, в частности, через макароническую игру. Отсюда вытекают проблемы перевода, связанные с реализацией принципа палимпсеста и создаваемой макаронизмами эффектом. На примерах из произведений Т. Пратчетта демонстрируется, какие стратегии перевода подходят для их перевода.

Ключевые слова: палимпсест; перевод; макароническая игра.

Summary. The article considers the meaning of the notion of palimpsest as a hierarchy of texts superimposed on each other with traces of each still shining through. The use of the principle of palimpsest while working with a literary text allows not only to unlock its untapped potential but also disclose links among various texts, bringing them up-to-date and demonstrating discontinuity of their existence, which is of immediate interest in the age of globalization. The phenomenon has also found its way into the works of a modern English author Terry Pratchett where palimpsest is presented most notably through macaronic language. It leads to the problem of translation having to do with the realization of the principle of palimpsest and the effect macaronic language creates. Specific examples from T. Pratchett's works are given to illustrate appropriate translation strategies.

Key words: palimpsest; translation; macaronic language.

Появление и развитие массовой культуры значительно повлияло на формы передачи культурного знания, что привело к переосмыслению многих культурных представлений и установлению новых связей между ранее не связанными текстами. По-настоящему актуальным для понимания ситуации и реализации транстекстуальных смыслов является понятие «палимпсест», что впервые отметил Ж. Женетт в своей работе 1982 г. «Палимпсесты: литература во второй степени» [2]. Если говорить о буквальном значении, то палимпсест представляет собой старинную рукопись, где поверх старых слоев текста наносят новые, а старый текст, смытаясь не до конца, проступает на поверхность. Нас, безусловно, будет интересовать переносное значение, когда, по рассуждению Ю.В. Шатина, палимпсест представляет собой «иерархию просвечивающих друг через друга текстов» в самом широком смысле [8, с. 222].

Развивая эту идею, заслуживающим внимания можно назвать рассмотрение палимпсеста как «порождающего устройства модели мира», складывающейся из «многообразных вариаций памяти, ... размышлений и отражений в сознании» [3, с. 206-207]. Иными словами речь идет не просто

о конкретных текстах, но нашем представлении, памяти об этих текстах. Интересную реализацию эта концепция получает в современной литературе, в частности в произведениях Т. Пратчетта, который был награжден в 1998 г. Орденом Британской Империи за вклад в литературу, благодаря серии фэнтези «Плоский мир» (Discworld).

В своих произведениях Т. Пратчетт сознательно прибегает к принципу палимпсеста, называя его «белым знанием» (white knowledge), под которым он подразумевает общее представления о романе, писателе, литературном образе и т.д., которые существуют у нас в голове, но чей источник нельзя указать с точностью: «If I put a reference in a book I try to pick one that a generally well-read, well-viewed, well-listened person has a sporting chance of picking up; I call this “white knowledge,” the sort of stuff that fills up your brain without you really knowing where it came from» [13].

Принцип палимпсеста реализуется в его произведениях через обращение к различным приемам, но, пожалуй, одним из самых ярких на лексико-стилистическом уровне является макароническая игра. Под макаронизмами (от итал. «maccheroni» – «макароны») подразумеваются взятые из другого языка искаженные слова или выражения, в результате чего достигается юмористический эффект [1]. Поскольку в произведениях Т. Пратчетта макароническая речь не просто комична, но служит средством реализации палимпсестных связей, логично возникают проблемы перевода. Далее мне бы хотелось обобщить предлагаемые официальными переводами решения и представить выводы о подходящих переводческих стратегиях.

Überwald [10, p. 20]	Убервальд [5, с. 30]

Это страна, чье название является переводом латинского слова «Трансильвания» на немецкий язык и означает «залесье» [12]. Убервальд представляет собой немецкоязычное обобщение стереотипичных черт стран Восточной Европы, которые были показаны в многочисленных фильмах ужасов английской киностудии Hammer Films. Трансильвания, часть Румынии, традиционно ассоциируется с разными видами нечисти, например, вампирами – у самого графа Дракулы в Трансильвании был замок, который сейчас является популярным туристическим местом. Собственно сюда же можно отнести и англоязычные ассоциации с Восточной Европой в общем. Überwald – это страна, где и обитают, в основном, «нечеловеческие» виды: вампиры, оборотни и клан Игорей.

Другой, не менее яркий пример относится к вампирам. У семейства Сорокула на фамильном гербе присутствует надпись “Carpe Jugulum”:

«‘Carpe Jugulum,’ read Agnes aloud. ‘That’s . . . well, Carpe Diem is “Seize the Day”, so this means-’ ‘Go for the Throat’, said	– «Карпе Югулум», – вслух прочла Агнесса. – Это значит... так... «Карпе Дием» значит «лови момент», тогда «Карпе Югулум» – это... – «Хватай за горло»! – закончила за нее

Nanny» [10, p. 83]	нянюшка. [5, с. 104]

На первый взгляд кажется, что это латынь, но на самом деле это так называемая испорченная, или вульгарная латынь (dog-Latin). Практически каждый знает латинское крылатое выражение «carpe diem» – «лови день/момент». Поэтому нетрудно заметить, что фраза «carpe jugulum» имитирует «carpe diem». Это вообще первое, что приходит на ум. Carpe – 3 лицо, повелительное наклонение от глагола carpo – «ловить, наслаждаться, хватать». Тут полное совпадение в обоих выражениях. Diem – существительное в винительном (аккузативном) падеже, как и слово jugulum, обозначающее «горло». По форме оно напоминает английское «jugular» – «яремная вена», в широком смысле тоже горло. В результате мы имеем выражение «хватай за горло», что сразу же наталкивает на мысль о вампирах. Оригинальная латиница в переводе заменяется транслитерацией с целью облегчения восприятия, т.к. все же алфавиты в русском и английском языках различаются, и латинское написание может представлять относительную сложность для русского читателя. То же самое можно сказать и про непосредственно латинское крылатое выражение «carpe diem». Оно знакомо русскому читателю больше на слух, поэтому также написано транслитерацией. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с примером некой адаптации оригинального материала для русского читателя.

Еще один пример встречается нам в произведении “Witches Abroad”, когда ведьмы проезжают мимо жуткого замка. Они не знают, что там обитают вампиры, но чувствуют, что что-то не так:

«"Der flabberghast," muttered Nanny. "What's that?" said Magrat. "It's foreign for bat." The witches found that, by unspoken agreement, they were flying closer together» [67].	«– Доннерветтер, пробормотала нянюшка Ягг. – А что это? – спросила Маграт. – Это по-заграничному летучая мышь. Ведьмы вдруг обнаружили, что летят чуть ли не вплотную друг к другу» [92-93].

Вообще, слово «flabberghast» не является эквивалентом «летучей мыши» ни на одном иностранном языке, особенно на немецком, что ясно из контекста. По-немецки «летучая мышь» будет звучать как «Fledermaus» [7]. Даже знаменитая оперетта австрийского композитора Й. Штрауса «Летучая мышь» в немецком оригинале выглядит как «Die Fledermaus». С одной стороны, слово «flabberghast» явно соотносится с английским «flabbergast», которое имеет значение «шокировать, ошарашить, ошеломить», что намекает на то, что произойдет далее с обитающим в замке вампиром, который будет ошарашен и в переносном смысле, когда столкнется с ведьмами, и буквально, когда он в облики летучей мыши получит удар по голове от сосиски с чесноком, неудачно выброшенной в окно ведьмами [9].

С другой стороны, в такой форме «Die Flabberghast» слово широко знакомо англоязычному, особенно британскому читателю по одноименному скетчу комика Дадли Мура, в котором представлена музыкальная пародия [14].

Поскольку для русскоязычного читателя такой реалии не существует, переводчики решают сохранить эффект «немецкости», используя более знакомое слово «доннерветтер», которое как авторский прием является восклицанием, подчеркивающим немецкие корни героя [6]. При этом, к сожалению, отсылка к теме вампиров полностью теряется, да и само слово «доннерветтер» как художественный прием знакомо не каждому русскоязычному читателю, что опять-таки говорит о том, что русскому читателю палимпсестность текста не будет очевидна.

Еще один пример касается речи ведьмы нянюшки Огг:

«‘Gooden day, big-feller, mine hoast! Trois beers pour favour avec us, silver plate.’ ‘What’s a silver plate got to do with it?’ demanded Granny. ‘It’s foreign for please,’ said Nanny» [4, p. 70].	«– <u>Гутен</u> день, <u>майне</u> добрый <u>хер</u>! <u>Труа</u> пивас нас, <u>мерси</u> в боку. – А он не обидится, что ты его так, хером? – беспокойно спросила матушка Ветровоск. – Это по-заграничному господин, – пояснила нянюшка Ягг» [4, с. 96].

Нянюшки Ягг гордится своими склонностями к иностранным языкам, и в представленном отрывке автор использует пародию на европейские языки – немецкий и французский. При этом ключевая роль здесь отведена схожести французского «s’il vous plaitez» и английского «silver plate», на чем и строится комический эффект. Разумеется, в русском языке нет ничего похожего ни на одно выражение, ни на другое. Переводчик решает эту задачу путем обращения к другому слову, которое звучит одинаково и в русском и в немецком языках, на чем и стоит комический эффект перевода. Это слово «Herr», которое является в немецком обращением к мужчине. Нетрудно заметить, что оно по звучанию очень схоже с русским словом «хер», которое, с одной стороны означает растение, а с другой, является ругательством. Собственно, похожесть этих двух слов в языках уже стала некой расхожей шуткой, которую можно услышать даже в разговоре.

Стоит отметить, что и другие слова, обыгрываемые в оригинале, передаются соответственно на русский язык, причем так, как это свойственно русскоязычной культуре: «gooden» – «гутен» (нем. guten), «mine» – «майне» (нем. mein). Здесь также обыгрывается сам прием схожести произношения русских и зарубежных слов, только в переводе это связано не с французским «s’il vous plaitez», а другое более знакомое «merci beaucoup» – «мерси в боку».

В заключение следует отметить, что многослойные ассоциации, составляющие основу палимпсестной организации рассмотренных романов и реализуемые через обращение к макаронизмам, могут быть осознаны на

разных уровнях, в зависимости от культурного опыта реципиента. Именно поэтому роль переводчика особенно важна, ведь именно он, выбирая те или иные стратегии, может помочь передать заложенный оригиналом эффект, помогая в реализации коммуникативной природы литературы. Выстраивая палимпсестные связи, Т. Пратчетт наделяет своих персонажей новой жизнью. Благодаря обращению к макаронической речи, усиливается эмоциональная и юмористическая нагрузка текста, из чего логично вытекают и сложности перевода. Когда речь идет о макаронизмах в палимпсестных текстах, на первый план выходит адаптация иноязычных компонентов именно в том виде, в каком он будет знаком и понятен русскоязычному читателю.

Список использованных источников

1. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] – <https://bigenc.ru/literature/text/2165339> (дата обращения 25.01.2020).
2. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. М.: Научный мир, 1989. 470 с.
3. Исаев С. Г., Владимирова Н. Г. Актуальная поэтика: Смена художественной парадигмы. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017. 482 с.
4. Пратчетт Т. Ведьмы за границей [пер. с англ. П. Киракозов]. М., Эксмо, 2019. 416 с.
5. Пратчетт Т. Carpe Jugulum. Хватай за горло! [пер. с англ. Н. Берденников, А. Жикаренцев]. М.: Эксмо, 2006. 512 с.
6. Словарь Академик [Электронный ресурс] – https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/52163/donnerwetter (дата обращения 25.01.2020).
7. Словарь Мультитран [Электронный ресурс] – <https://www.multitrans.com> (дата обращения 25.01.2020).
8. Шатин Ю.В. Миния и палимпсест// Ars interpretandi: Сб. статей к 75-летию Ю. Н. Чумакова. Новосибирск, 1997. 250 с.
9. Cambridge Dictionary [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/flabbergast> (дата обращения 25.01.2020).
10. Pratchett T. Carpe Jugulum. Corgi Books, 1998. 425 p.
11. Pratchett T. Witches Abroad. Corgi Books, 1991. 286 p.
12. TV Tropes [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <https://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/Main/Uberwald> (дата обращения 25.01.2020).
13. Words from the Master [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <https://www.lspace.org/books/apf/words-from-the-master.html> (дата обращения 25.01.2020).
14. Youtube [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=y9tb05DMLqg> (дата обращения 25.01.2020).

УДК 81:37.016

**ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ПРОЕКТ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА
ОБРАЗОВАНИЯ И МЕХАНИЗМ АПРОБАЦИИ НОВЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**

А. В. Лоза,

*кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры теории языка
и немецкого языка, Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль*

Аннотация. В статье автор рассматривает дидактический потенциал использования практико-ориентированного исследовательского проекта для решения образовательных задач и апробации новых форм и методов работы в высшей школе. Автор представляет теоретические основы методики, на которых базируется проведенный им проект, делится опытом работы. В фокусе внимания статьи находится вопрос использования ритуалов в процессе обучения для формирования беглости речи на иностранном языке. Автор отмечает мультифункциональный аспект практико-ориентированного проекта и делает вывод о значении его применения для оптимизации деятельности преподавателя.

Ключевые слова: практико-ориентированный исследовательский проект, иностранный язык, коммуникация, ритуал, беглость речи.

Summary. The article considers didactical potential of using practical exploring projects for solving educational tasks and testing new forms and methods of work at universities. The author presents methodological theoretical basics underlying the project held by her, shares her experience. The article considers the issue of using rituals in the educational process for developing fluency of speech in foreign language. The author notices the multifunctional aspect of practical exploring projects and concludes about the importance of using them for improving the teacher's work.

Key words: practical exploring project, foreign language, communication, ritual, fluency of speech.

В условиях современного мира вопрос модернизации образования посредством использования эффективных педагогических технологий особенно актуален. Молодым специалистам, выпускникам вузов сегодня предъявляются требования, связанные не только с их профессиональными знаниями и умениями, но и затрагивающие их личностные когнитивные характеристики. Инструментарий современной методической науки, следовательно, должен постоянно обновляться. Возможность повысить квалификацию педагога в рамках инновационного подхода «исследование через деятельность» дает курс DLL (Deutsch lehren lernen – Учимся обучать

немецкому), предлагаемый Немецким культурным центром им. Гёте. DLL представляет несколько курсов, посвященных разным аспектам преподавания немецкого языка. В рамках курса преподаватели изучают теоретический материал, анализируют практические занятия коллег (видео), решают методические задачи. Каждая тема завершается планированием и проведением практико-ориентированного исследовательского проекта (Praxiserkundungsprojekt, PER), в ходе которого участники анализируют свой урок с точки зрения отдельно взятого аспекта, требующего оптимизации [6].

PER представляет собой особым образом организованную аналитическую деятельность педагога, проводящуюся с целью решения важных образовательных задач. К ним относится апробация новых форм и методов работы для повышения качества обучения в отдельно взятом аспекте и в целом.

Согласно современным тенденциям обучения преподавание иностранного языка строится на компетентностном и коммуникативно-деятельностном подходах. Процесс подготовки будущего специалиста в ВУЗе, таким образом, предполагает формирование у него целого ряда компетенций. Обучение не может ограничиваться лишь транслированием предметных знаний, а должно сопровождаться сведениями общепрофессионального и общекультурного характера [3, с. 84]. В условиях глобализации, жизнь становится все более динамичной, требующей не только профессиональных умений, необходимых непосредственно в работе, но и социокультурных, а также межкультурных знаний [2, с. 203].

Компетентностный и коммуникативно-деятельностный урок максимально приближен к условиям реального (повседневного) общения, строится с использованием аутентичных материалов и привлечением релевантных для учащихся тем для построения коммуникации. Важными характеристиками коммуникативно-деятельностного занятия являются высокая активность учеников в работе, результатом которой является продукт совместной (с преподавателем) деятельности (Handlungsprodukt). Учитель в данном процессе выступает в качестве партнера или направляющего (координатора) (Partner und Moderator), но не является центральной фигурой происходящего. Работа предполагает абсолютную включенность в действие, буквально «головой и руками» (Kopf- und Handarbeit). В данном контексте примерами форм взаимодействия на уроке могут быть мастерские, реализация проектов, презентаций, организация дебатов и дискуссий [7, S. 158]. Иностранный язык на уроке рассматривается одновременно и как цель обучения, и как ее средство, обеспечивающее включенность обучающихся в этот процесс. PER – принимая во внимание вышеперечисленное – дает возможность оценить

образовательный (воспитательный, креативный) потенциал каждого метода работы, направленного на формирование той или иной компетенции.

В рамках курса DLL 1: «Профессиональные компетенции учителя немецкого языка и построение урока» учебное занятие (сам процесс, форма организации учащихся, учебный класс) анализируется как комплексное явление и характеризуется с помощью множества метафор, описывающих особенности отношений «учитель-ученик» на уроке: *Klassenzimmer als...* 1. *Kultur* (традиции преподавания; правила, ритуалы, принятые в этом классе, учебный климат); 2. *Landschaft* (география учебного класса); 3. *Kommunikationszentrum*; 4. *Trainingsplatz* (формирование навыков речевой деятельности); 5. *Bühne* (креативные задания, ролевые игры); 6. *Textwerkstatt* (порождение текста) [8, S. 157].

Одним из важных показателей высокой результативности обучения первому иностранному языку в высшей школе является беглость говорения. Характеристиками беглой речи являются лексическое богатство, грамматическая корректность, ясность, стилистическая адекватность. Беглая речь приближена к естественной речи носителя языка, является критерием эффективной коммуникации. Главным образом, беглость говорения связана со способностью создавать сложные спонтанные высказывания на иностранном языке. Коммуникация, как сложный процесс, происходит на нескольких уровнях (вербальном и невербальном), затрагивает эмоциональный контекст и особенности коммуникативного поведения собеседников. Общение становится эффективным при условии отсутствия каких-либо затруднений психологического характера, поэтому важно создать на уроке атмосферу, в которой учащиеся чувствовали бы себя комфортно, могли бы преодолеть боязнь сделать ошибку [4, с. 170].

Процесс обучения иностранному языку носит зачастую репродуктивный характер, что является недостаточным условием для подготовки специалиста, мотивационно и психологически готового к речевой деятельности [5, с. 5]. К сожалению, учащиеся на уроке ограничены в возможностях установления непосредственного контакта с представителями иной культуры и не могут полностью погрузиться в среду страны изучаемого языка. Поэтому основная задача учителя – это максимально точное ее воспроизведение, что предполагает аутентичность и современность рабочих материалов, использование интерактивных форм работы и возможностей информационных технологий [1, с. 196]. Речь идет о содержании обучения и формах работы, имитирующих аутентичные ситуации («*So tun als ob*»), близких естественному общению [9, р. 244].

С целью положительно повлиять на формирование беглости говорения в учебной группе 3 курса (направление педобразование, немецкий как первый иностранный язык, уровень B2), была предпринята попытка ввести в процесс обучения новый ритуал. Использование ритуалов на занятиях относится к

восприятию урока и учебной группы как маленькой культуры, для которой характерны свои правила общения и традиции, понимаемые и принимаемые всеми ее членами. Ритуалы представляют собой выражение определенных ценностей, придают занятию четкую структуру и способствуют формированию чувства уверенности у учащихся. Ритуалы обладают значительным дидактическим потенциалом, используются для решения сразу нескольких методических задач. Следует отметить, что зачастую решаемая в ходе проведения ритуала образовательная задача остается для учащихся скрытой. Ученики усваивают структуру ритуала, последовательность действий, привыкают к ней, но методические намерения преподавателя остаются известны только ему, что является оправданным шагом особенно при обучении младших школьников. При подготовке будущих учителей считаю целесообразным ввести учащихся «в курс дела»: пояснить реализуемые цели и задачи, предоставить возможность совместного анализа данного этапа урока, что будет в свою очередь способствовать всесторонней и более объективной рефлексии. Подобная открытость во взаимодействии «учитель-ученик» положительно влияет на восприятие коллектива группы как единого целого и каждого учащегося как равноправного ее участника (*Wir-Gefühl*), что в свою очередь не может не воздействовать позитивно на общий учебный климат.

На этапе подготовки РЕР был сформулирован основной вопрос исследования: «Улучшится ли качество коммуникации на уроке, если ввести в учебный процесс ритуал»? С целью формировать беглость речи, ее спонтанность, расширить кругозор учащихся (знания лингвострановедческого характера), а также словарный запас по целому спектру различных тем, в содержание одного учебного занятия в неделю были включены задания, направленные на прослушивание актуальных новостей с последующим их обсуждением. Материалом для ритуала послужили аудиозаписи (также в медленном темпе) и расшифровки новостей с сайта «Немецкая волна» (*Deutsche Welle*), к которым были сформулированы дополнительные задания для этапа, предваряющего работу с аудио. Так, учащиеся получили глоссарий к новостям, который был призван снять дополнительные трудности в восприятии звучащего текста. После первого прослушивания (в медленном темпе) учащиеся получили задание: из предложенных слов и фраз, представленных в случайном порядке на копии, сформулировать темы прозвучавших новостных сообщений. После второго прослушивания (в обычном темпе) наступил этап обсуждения новостей. Поскольку программа учебной дисциплины предполагает усвоение и тренировку оборотов речи и выражений (*Redemittel*) для различных коммуникативных ситуаций (высказывание собственного мнения, согласия, несогласия, неодобрения, сомнения и т.п.), предложенный формат ритуала также становится важным инструментом

для решения этой задачи.

Для всестороннего анализа РЕР необходимо собрать достаточное количество данных. Для того чтобы дать характеристику непосредственно самому процессу проведения ритуала, следует разработать так называемый протокол наблюдения, содержащий индикаторы оценки (*Beobachtungsprotoll mit Indikatoren*), которые зависят от поставленной цели, от решаемой задачи. Например: ученики охотно вступают в коммуникацию, активны, в общении задействуют эмоции, атмосфера на занятии располагает к работе и прочее. Заполнять протокол наблюдения следует сразу после проведения урока «по свежей памяти», подробно охарактеризовав каждый индикатор. В качестве дополнительного материала для анализа можно попросить учащихся дать устную оценку проведенному ритуалу. Вероятно, более объективный отзыв об участии в ритуале ученики дадут в письменной форме, заполняя (анонимный) формуляр оценки (анкетирование) (*Evaluationsbogen*). Его формат также зависит от решаемой задачи, но и от предпочтений преподавателя и удобства обработки данных. Для того, чтобы не только определить наличие или отсутствие того или иного индикатора, но и измерить степень его выраженности на занятии, можно предложить учащимся выбрать на шкале оценки соответствующее значение. Дополнительные данные для оценки РЕР могут обеспечить технические средства, используемые во время его проведения (съемка видео и фото), а также приглашенный на урок коллега. Полученные во время анализа ритуала сведения можно представить наглядно, в виде схем, диаграмм, таблиц.

Таким образом, РЕР представляет собой инструмент, дающий возможность оптимизировать деятельность преподавателя, совместно с учащимися решить одну или несколько образовательных задач в непосредственной «повседневной» работе.

Список использованных источников

1. Лоза А. В. Формирование межкультурной компетенции на занятиях по страноведению в языковой гомогенной группе // Перевод. Язык. Культура: сборник статей по материалам IX международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 194–198.
2. Лоза А. В. О важности использования продуктов рекламной деятельности в процессе обучения иностранному языку в высшей школе // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 202–207.
3. Лоза А. В. Социальная реклама как средство реализации поликультурного образования при обучении иностранному языку в высшей школе // Русский язык в условиях би- и полилингвизма: сб. научных трудов. – 2019. – С. 83–86.
4. Поляков О. Г., Тормышова Т. Ю. Беглость говорения на иностранном языке как лингвометодическая проблема // Язык и культура. – 2014. – С. 166–174.

5. Семенюк О. В. Самоанализ занятия по иностранному языку как способ профессионализации: из опыта использования метода практико-исследовательского проекта // *Universum: психология и образование*. – 2016. – С. 4–11.

6. Учимся обучать немецкому [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/unt/for/gia/dll.html> (дата обращения 01.01.2020)

7. Hernig M. Deutsch als Fremdsprache. Eine Einführung. Wiesbaden, Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. 273 S.

8. Legutke M. Merkmale des fremdsprachlichen Klassenzimmers // *Handbuch Fremdsprachendidaktik*. 2010. S. 156–160.

9. Littlewood W. Communicative and Task-based Language Teaching // *East Asian classrooms. Language Teaching*. Heft 40. 2007. P. 243–249.

УДК 811. 111' 25

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИГРОВОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ ПОЛА ОСТЕРА)

Е. Н. Мазина,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Э. М. Абибуллаева,

*студент четвертого курса кафедры английской филологии, Институт
иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Цель данного исследования состоит в выявлении видов стилистических трансформаций при переводе игрового текста на материале романов П. Остера «Тимбукту» и «Стеклянный город». В работе проведен сопоставительный анализ стилистических особенностей текстов оригинала и перевода, применялись дефинитивный, описательный и контекстуальный методы анализа. В ходе исследования установлено, что в романах П. Остера языковая игра реализуется на фонетическом, лексико-семантическом и фразеологическом уровнях. Переводчикам удалось передать большинство случаев языковой игры на русский язык, сохранив их исходную функцию и стилистический эффект. Преобразованные языковые игры вошли во всю систему выразительных и образных средств переводного текста без искажения идейно-художественного характера оригинала.

Ключевые слова: стилистические трансформации, перевод, игровой текст, языковая игра.

Summary. The aim of the research is to reveal the types of stylistic transformations in translation of game texts, in particular Paul Auster's novels

«Timbuktu» and «The City of Glass». The main research method is a comparative analysis of original text and its translation; definitive, descriptive, stylistic and contextual methods of analysis are used in the study. It is found out that in P. Auster's novels language game is observed at phonetic, lexico-semantic and phraseological levels. The translators succeeded in rendering most cases of language game of the novels into Russian, in preserving the functions and stylistic effect of the original text.

Key words: stylistic transformations, translation, game text, language game.

Термин «языковая игра» был введен австрийским философом и лингвистом Людвигом Витгенштейном в работе «Философские исследования». Под «языковыми играми» он понимал целую систему коммуникации, включающую в себя язык и действия, которые тесно связаны между собой [2].

В настоящее время языковая игра рассматривается как намеренное отклонение от нормы с целью создания комического эффекта. Так, Н. Д. Арутюнова отмечает, что языковая игра представляет собой «сквозное действие отклонений от нормы, которое берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве» [1, с. 80]. Важным для данного исследования является то, что Н. Д. Арутюнова, считая отклонение от нормы сущностной чертой языковой игры, представляет также уровневый характер реализации данного вида игры в речи.

ЯИ может быть построена:

1) преимущественно на фонетической основе (преобладание звуковой стороны над смысловой);

На фонетическом уровне основными приемами языковой игры принято считать такие стилистические средства, как звукоподражание, ассонанс, аллитерация, ритм, рифма, намеренное отклонение от орфоэпических норм.

2) преимущественно на лексической основе (единицы, построенные на основных лексических категориях: обыгрывание многозначных слов, омонимов и антонимов, создание окказионализмов);

Механизмы создания ЯИ на лексическом уровне включают в себя обыгрывание многозначности или омонимии лексических единиц, а также антонимию, паронимию, паронوماзию, синонимию и манипуляцию с логическими и номинативными значениями слов.

3) преимущественно на фразеологической основе (обыгрывание отдельных компонентов устойчивых сочетаний) [3].

Реализация данного вида игры предполагает обыгрывание

идиоматического и неидиоматического значений фразеологизма, т. е. совокупности логических значений составляющих его элементов.

Специфика использования приемов ЯИ составляет индивидуальность творческой личности автора художественного произведения.

Перевод игрового произведения предполагает существенное перевыражение оригинального текста, так как содержание нужно «вливать» в новую форму и обыграть ее, не пожертвовав смыслом. Перевод языковой игры рождает проблему выбора: передать содержание, отказавшись от игры слов, или же сохранить каламбур за счет замены образа и отклонения от точного значения. Приходится чем-либо жертвовать. Решение этого вопроса зависит от требования контекста и всего произведения в целом. Стилистическая цель языковой игры – создать эффект обманутого ожидания, комический эффект и просто привлечь внимание читателя.

В основе данного исследования специфики перевода игрового произведения лежит следующий алгоритм: 1) выявление ЯИ в оригинальном тексте; 2) определение языковых средств и механизма ее создания, систематизация случаев ЯИ по уровням языка; 3) установление функции в контексте; 4) анализ способов перевода (стилистических трансформаций) и языковых средств в переводном тексте; 5) определение наиболее эффективных способов передачи игры слов, позволяющих сохранить ее эстетическое значение и смысл.

Романы Пола Остера, являясь игровыми текстами, представляют собой репрезентативный материал для анализа стилистических трансформаций. Самый удачный перевод романа «Тимбукту» (*“Timbuktu”*) выполнил Илья Кормильцев, а «Стеклянный город» (*“The City of Glass”*) был переведен на русский язык Александром Ливергантом.

Для анализа было отобрано 55 текстовых фрагментов с языковой игрой.

Языковая игра на фонетическом уровне в произведениях П. Остера реализуется при помощи графонов, аллитерации, ассонанса, рифмы, звукосимволизма, ономотопеи. Писатель демонстрирует особое авторское восприятие звуковой структуры слова, изменяя ее в зависимости от прагматических целей. Это может проявляться как в абсолютной деструктуризации фонетической стороны слова для представления его как набора звуков, так и в выстраивании различных словесных цепочек, на основе звучания, лишнего или не лишнего смысловых ассоциаций. Автор делает это для создания желаемого эвфонического эффекта, обрисовки художественного образа, для того, чтобы увлечь читателя, сделав его наблюдателем бесконечных игровых возможностей языка.

Языковая игра на основе фонетического сходства двух единиц была передана на русский язык преимущественно методами транслитерации (11 %) и компенсации (5 %). К примеру, в романе «Тимбукту» П. Остер

описывает Америку посредством следующих звуковых ассоциаций: «*Yes, we Yanks have given the world the zipper and the Zippo, not to speak of zip-a-dee doo-dah and Zeppo Marx, but we're also responsible for the H-bomb and the hula hoop*» [9]. Перевод этого фрагмента был осуществлен с помощью комбинации стилистических трансформаций, а именно транслитерации, опущения и компенсации: «*Конечно, мы, янки, дали миру не только «зиппо», zipper и Zeppo Маркса, но также Ку-клукс-клан и хула-хуп*» [6]. Компоненты *zip-a-dee doo-dah* были вовсе опущены, но компенсированы ассонансом *Ку-клукс-клан и хула-хуп* (повторение гласного у).

В книге «*Стеклянный город*» автор пытается воспроизвести речь умственно неполноценного человека с психическими отклонениями: «*Wimble click crumblechaw beloo. Clack clack bedrack. Numb noise, flacklemuch, chewmanna. Ya, ya, ya. Willy nilly. Nincompoop*» [8]. В переводном варианте произведения герой издает подобные звуки «*В-з-з-з Г-у-у-у Ч-х-х-х. Стук-стук-перестук. У-у-у-о-о-о-а-а-а. Йа-йа-йа. Хо-хо. Ду-ду. Дурачок-чок-чок*» [5]. Переводчик попытался компенсировать стилистический эффект графонами и звуковым членением.

На лексическом уровне обращает на себя внимание обыгрывание многозначности лексем, использование омонимии и синонимии, в том числе межъязыковой, палиндромов и анаграмм, паронимов, иноязычных суффиксов для создания комического эффекта.

Например, автор реализует игровой потенциал полисемантического слова «*bread*»: «*But man <...> needs bread <...>. One for the pocket and one for the mouth. Bread to buy bread*» [9]. В данном контексте обыгрываются два значения этой лексической единицы: нейтральное (хлеб) и сниженное, сленговое (деньги). В русскоязычной культуре для сниженного обозначения денег закрепилось слово «*капуста*». Переводчик Илья Кормильцев заменил одно понятие другим на основе их логической близости: «*Ему подай еще и хлеба, да не один ломоть, а два. Один в рот и один про запас. Даже чтобы есть капусту, и то нужна «капуста» ...*» [6].

Приемы замены и калькирования являются наиболее употребительными для перевода ЯИ на лексическом уровне. В процентном соотношении замена составляет 24 % всех рассмотренных примеров ЯИ, а калькирование – 20 %. Выбор этих способов перевода обусловлен тем, что замена исходного компонента другим на основе их логической близости позволяет сохранить стилистический прием даже без подбора точного эквивалента (это практически невозможно из-за различий структур языков).

Излюбленный игровой прием автора – это всевозможная игра с именами собственными, сталкивание логического и номинативного их значений, трансформация их словоформ, вплетение аллюзий. Повествование в романе «*Тимбукту*» ведется от лица собаки, которую зовут *Mr. Bones* (Мистер Зельц). Помимо этой клички псу присваиваются другие

разнообразные прозвища: *Mr. Bow Wow, Monsieur Woof Woof, Sir Cur, Signor Puccini, Signor Osso* [9]. Однако, в данных примерах лексическая замена одного понятия другим на основе их логической близости, являясь основным приемом передачи говорящих имен на русский язык, применяется в комплексе с калькированием и словообразованием (9 %). В переводном варианте произведения данные примеры представлены следующим образом: *Мистер Гав Гав, месье Вау Вау, сэр Псина, Сеньор Кобелино, Сеньор Салами* [6].

Языковая игра на фразеологической основе строится на эффекте обманутого ожидания, когда образное значение всей фразеологической единицы переносится на прямое значение его компонентов, раскрытию которых служат умело продуманные контексты. Благодаря этому создается эффект комизма или неожиданности.

Перевод языковой игры на фразеологической основе был также выполнен преимущественно с помощью приемов лексико-морфологической замены, калькирования и компенсации. Рассмотрим контекст романа *«The City of Glass»*: *«I'm not one **to beat around the bush**,» said Quinn. 'The **bush**? What bush might that be?'" "The **burning bush**, of course." "Ah, yes. The burning bush. Of course"»* [8]. Обыгрываются отдельные компоненты фразеологической единицы *«to beat around the bush»*, которая имеет значение «ходить вокруг да около». Так же предлагается и в переводе: *«– Да, – сказал Куин, – я не принадлежу к тем людям, кто ходит вокруг да около. – «Вокруг да около»? Вокруг или около? – И вокруг, и около, к сожалению»* [5]. Обратим внимание, что переводчик также деидеоматизирует фразеологизм, тем самым создавая собственную игру слов. Он перевел идиому методом калькирования, а игру «додумал» сам. В итоге ему удалось сохранить стилистический эффект авторского художественно-выразительного средства.

В случае невозможности подбора подходящих эквивалентов стилистический прием был вовсе опущен, следовательно, его функция в данном контексте была потеряна. Опускание составляет 15 % от общего количества отобранных фрагментов, и данный факт еще раз доказывает, что языковую игру невозможно передать без потерь. Стоит отметить, что иногда альтернативным решением данной переводческой задачи может выступать прием добавления (4 %) или метод трансплантации (4 %). На грамматическом уровне некоторые примеры ЯИ были преобразованы с помощью приема функциональной замены, на которую приходится 4 % всех анализируемых фрагментов, и модуляции (4 %).

Таким образом, самыми употребительными приемами стилистических трансформаций при переводе игрового текста романов П. Остера являются лексическая замена (24 %), калькирование (20 %). Опираясь на процентное соотношение опущений ЯИ, можно сделать вывод,

что перевод романа «Стеклянный город», выполненный Александром Ливергантом, полнее и адекватнее (опущение составляет 13 %). Илье Кормильцеву не удалось передать на русский язык 17 % представленных примеров ЯИ в романе «Тимбукту», соответственно стилистическая ценность приема во многих случаях была потеряна. Но, несмотря на это, переводчики мастерски справились с поставленной задачей и, в первую очередь, передали идейный посыл самого автора.

Список использованных источников

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы: Ч.1. М., 1997. 378 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М: Международные отношения, 1980. 343 с.
4. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172–214.
5. Остер П. Нью-Йоркская трилогия / пер. с англ. А. Ливерганта. М.: Эксмо, 2005. 400 с.
6. Остер П. Тимбукту / пер. с англ. И. Кормильцева. М.: Эксмо, 2011. 256 с.
7. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999. 324 с.
8. Auster Paul. The City of Glass. L.: Penguin Books, 1987. 208 p.
9. Auster Paul. Timbuktu. N.Y.: Picador USA. Henry Holt and Company, 2000. 181 p.

УДК 371.3

ОПТИМАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОБУЧЕНИЮ ПЕРЕВОДУ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ С УЧЁТОМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АСПЕКТА

Л. Н. Макеева,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь*

Т. Г. Чернышова,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4,
Институт иностранной филологии (сн), Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Решение проблемы разработки оптимальных методов обучения речевой деятельностью невозможно без знания закономерностей этой деятельности. Оптимизация обучения языку невозможна без учёта

психолингвистического аспекта. Цель исследования состоит в том, чтобы найти точки соприкосновения между методикой обучения языку и психолингвистической и определить принципы построения учебного курса для научных работников.

Ключевые слова: речевая деятельность, оптимизация обучения, психологический аспект, методика обучения, учебный курс, научные работники.

Summary. To solve the problem of working out the optimum methods of teaching speech activity is impossible without knowing its laws. The optimization of teaching is impossible without taking into account the psychological aspect. The aim is in finding the contacts between methods of teaching language and psycholinguistics and defining the principles of constructing the educational programme for scientific works.

Key words: speech activity, optimization of teaching, psychological aspect, methods of teaching, educational programme, scientific workers.

Методика обучения иноязычной лексике издавна привлекала внимание учителей и методистов. Причин здесь несколько, прежде всего, это большая роль, которую играет знание словаря в развитии речевых умений учащихся, а также трудоемкость процесса овладения словарем. Так как лексический материал несет большое количество информации в отношении семантики, звучания, написания, грамматики и особенностей функционирования в речи отобранных лексических единиц, важна правильная организация введения и объяснения материала.

В объяснении необходимо учитывать лингвистические свойства лексических единиц (далее ЛЕ), влияющих на выбор способа семантизации, организацию последующего объяснения и закрепления лексического материала. В объяснении нужно различать формальную и содержательную стороны ЛЕ. В формальном плане объяснению подлежат вызывающие затруднения особенности произношения и написания (фонетические, графические). При объяснении содержательной стороны ЛЕ следует учитывать специфику смысловой структуры данной ЛЕ, в которой во всевозможных сочетаниях отражается четыре фактора: предметно-понятийная отнесенность, парадигматические и синтагматические отношения и эмоционально-экспрессивная окрашенность лексической единицы.

Способ раскрытия значения во многом зависит от того, каким типом смысловой структуры представлена данная лексическая единица. Для правильного раскрытия значения ЛЕ нужно учитывать также явление полисемии, помня при этом, что полисемное слово – не механическое объединение значений. Отдельные значения многозначных ЛЕ находятся друг с другом в многообразных связях, объединяющих все значения в единую семантическую структуру. Для организации эффективной и

экономной работы по овладению многозначным словом следует выяснить три связи концептов в пределах семантической структуры той или иной ЛЕ, т.е. связаны ли все созначения данной ЛЕ общим компонентом значения или они объединены в смысловом отношении в виде «пучков» значений или цепочкой попарно. Например, три значения глагола «report» имеют общий компонент значения, и в то же время каждое обладает своими дифференциальными семантическими признаками (сообщать; рассказывать, описывать; делать официальное сообщение).

Опираясь на эти данные, можно рационально построить семантизацию, используя черты семантической общности у созначений и, обращая внимание учащихся на дифференциальные семантические признаки, которыми они отличаются друг от друга.

Необходимо также учитывать, какое из созначений является главным, а какие – не главными, т. к. овладение главным значением означает преодоление основной трудности, а семантика не главных – в большей или меньшей степени выводится из главного значения или соотносится с ним: «cancel»: аннулировать; отменить; вычеркивать; сводить на нет.

Не следует, однако, содержательные связи между значениями одного слова сводить к семантической производности, т. к. в «семантической структуре слова связаны по содержанию определенные, но не любые пары словозначений» [5]. В лингвистических целях достаточно выявить общие типы содержательных связей. Они представлены двумя основными типами концептуальных связей – импликационных и классификационных.

Импликационная связь значений широко представлена в семантических структурах многозначных слов, т. к. виды связей, служащие основанием импликации, весьма разнообразны, как у имен вещей, так и у имен признаков: «suppress»: пересекать; одерживать; подавлять (восстание); запрещать (газету); скрывать, замалчивать (правду и т. п.).

Что касается классификационных связей, то они могут быть двоякого рода: гипо-гиперонимические и симилиативные.

В плане объемов понятий гипо-гиперонимической связи соответствует отношение более широкого и более узкого понятий. К этому типу относятся все случаи сужения и расширения значений слов, когда оба значения – исходное и производное – сохраняются у слова. Очень часто в общенародном языке слово выступает как гипероним общего значения, а в подъязыках развивается более специальное терминологическое значение.

«carry»: нести, переносить; проводить (ток);

«treat»: обращаться, обходиться; обрабатывать, подвергать действию (в бот. – обрабатывать биологические активные веществами).

Симилиативная классификационная связь имеет место в том случае, когда общая часть не исчерпывает содержания ни одного из компонентов: помимо общих семантических признаков концепты содержат еще

различающие их признаки, каждый свои.

Это отличает симилиацию от гипо-гипеонимических связей:

«affect»: действовать (на кого-либо); трогать, волновать; задевать, затрагивать.

«plant»: сажать (растения); насаждать (сад); внушать (мысль).

К вышеизложенному следует добавить, что усвоение значения слова состоит также и в знании того, как в речи могут реализовать отдельные звенья сложной смысловой структуры полисемантического слова. В определении этих моментов большую роль играют смысловые отношения слов в лексической системе данного языка и, следовательно, тот фактор, который именуется функциональным [3].

Таким образом, можно сказать, что при работе с содержательной стороной лексической единицы следует учитывать: тип смысловой структуры ЛЕ (предметно-понятийный или абстрактный тип), тип концептуальных связей в пределах каждой ЛЕ, а также функциональный фактор.

Однако, правильная постановка и решение проблемы разработки оптимальных методов, приёмов и способов обучения речевой деятельности невозможны без знания её закономерностей на базе одной лингвистики, ибо методика, как наука педагогическая должна принимать во внимание закономерности сознания учащихся, а именно такие психические процессы, как внимание, понимание, память и мышление. [1, 4].

Методист не может ответить на вопрос «как», не поняв «почему». Иначе говоря, оптимизация обучения языку невозможна без учета и психологического аспекта, без четкого понимания законов, функционирования речевого механизма без знания факторов и особенностей речевого процесса вообще и речевых действий в частности. Следовательно, перед методистами стоит задача научного подхода к решению основных проблем методик, которые в настоящее время уже невозможно рассматривать в отрыве от теории речевой деятельности.

Вслед за Л. В. Щербой А. А. Леонтьев выделяет не две категории (язык и речь), а три: язык, как предмет, язык, как процесс и язык, как способность [4, с. 44]. Именно такой подход к пониманию общего вопроса методики обучения языку и речи, очевидно, и должен обеспечить выработку оптимальных приёмов и способов овладения языком, так как «при овладении языком он переходит из предметной форму деятельности и лишь затем «застывает» в виде речевого механизма.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы попытаться найти точки соприкосновения в методике обучения языку и психолингвистике, наметить возможное направление исследования в этой области и попытаться показать, что успешное решение многих методических проблем непосредственно связано с учетом данных психолингвистических

исследований и экспериментов. Статья не претендует на окончательное решение проблем и довольствуется лишь постановкой ряда вопросов в определенной плоскости.

Конкретная задача заключается в том, чтобы опираясь на данных психолингвистики, попытаться изыскать реальные возможности оптимизации обучения иноязычной речи и определить принципы построения учебного курса устной практики для научных работников.

Задача обучения научных работников устной речи на иностранном языке лимитируется следующими факторами:

1. возрастные ограничения – в основном это люди среднего возраста, отвыкшие слушаться учителей, не настроенные на это психологически и частично утратившие способность «механического» (без ассоциативного) понимания и языковую восприимчивость;
2. зависимость от фактора времени (нет возможности систематически работать вне аудиторного места; центр тяжести обучения переносится на занятия с преподавателем);
3. ограничения, связанные с прошлым языковым опытом (позитивным, негативным). Негативный – например, с ориентацией только на чтение и перевод. Для его преодоления требуется коррективный курс, что может быть трудным и болезненным психологическим процессом, как вся ломка стереотипов для взрослого человека. Отрицательное влияние на процесс обучения языку может оказать «успешный» опыт языкового общения (например, понимание собеседником неправильной иноязычной речи приводит к обманчивому представлению о своих хороших языковых знаниях).

Задача заключается в том, чтобы сформулировать умения и навыки активного владения иноязычной речью, имея в виду, что все научные работники, как правило, обладают навыками пассивного владения данным языком в рамках кандидатского минимума. Наметить путь успешного решения задачи можно лишь опираясь на данные психологии и психолингвистики, а именно теорию речевой деятельности А. А. Леонтьева [4] и концепцию управления, усвоения П. Я. Гальперина, вытекающую из его теории умственных действий [6, 7].

Здесь мы сталкиваемся с одной из основных и ещё окончательно не решенных проблем современной методики обучения иностранному языку, проблемой соотношения (в традиционной методике противоположения друг другу), категории слушания и говорения, пассивной и активной, рецептивной и репродуктивной деятельности.

Исходя из того, что поиск слова в памяти человека осуществляется по трём каналам (акустическо-артикуляционному, семантическому и статистико-вероятностному), А. А. Леонтьев устанавливает, что умение «закодировать» слово требует от человека не только владения

фонологической системой данного языка (системой акустико-артикуляционных признаков фонем) и системой семантических признаков слов, но и интуитивным умением определять наиболее вероятные частотные признаки слова в данной ситуации, что происходит с практикой через слушание иноязычной речи [4].

Следующий момент, который следует учитывать – это роль родного языка при изучении иноязычной речи.

Овладение иностранным языком, как известно, неизбежно зависит от уровня развития родного языка и опирается на него [2]. Согласно А. А. Леонтьеву при изучении иноязычной речи опосредствующим фактором между содержанием и выражением выступает речь на родном языке в форме внутреннего программирования или внутренней речи и, следовательно, такой фактор как формирование ассоциативной базы, специфичной для каждого индивидуума, но также обладающей общими национально-культурными признаками, что требует дополнительного исследования.

Список использованных источников

1. Беляев Б. В. Новое в психологии обучения иностранному языку. Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М.: Издательство МГУ, 1969. 144 с.
2. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования: Мышление и речь. М.: АПН РСФСР, 1956. 519 с.
3. Звегинцев В. А. Семасиология. М.: Изд-во МГУ, 1957. 322 с.
4. Леонтьев А. А. Некоторые проблемы обучения русскому языку, как иностранному (психологические очерки). М.: Издательство МГУ, 1970. С. 4, 13, 44, 47.
5. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. ВПИ, 1974. 222 с.
6. Гальперин П. Я. Формирование знаний и умений на основе теории поэтапного формирования умственных действий. М.: МГУ, 1968. 135 с.
7. Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. Исследования мышления советской психологии. М., 1966.

УДК 81-26: 347.78.034

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Е. Б. Мартынюк,

*старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Н. В. Багдасарян,

*магистрант второго года обучения кафедры теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются лингвокультурологические аспекты туристического дискурса, исследование которого становится более актуальным в связи с интенсивным развитием туристической отрасли. Цель исследования заключается в определении стратегий перевода при работе с туристическими текстами. В процессе проводимого исследования были использованы методы структурно-семантического описания, а также трансформационного и коммуникативно-функционального анализа. В результате исследования предложены переводческие стратегии, характерные для перевода туристических текстов, среди которых — уменьшение потерь значимой информации, подбор стилистически и лексически верных эквивалентов перевода, ориентация на потенциального адресата.

Ключевые слова: туристический дискурс; стратегии перевода; переводческие трансформации; переводческие эквиваленты.

Summary. The article deals with the study of linguistic and cultural aspects of the tourism discourse which has been very important due to the intensive development of tourist industry. So the aim of the research is to define discourse-conditioned translation strategies while dealing with tourism discourse texts. The research was carried out with the help of the methods of transformational and functional analysis, as well as structural-semantic description and experiment. As a result of the research, translation strategies specific for tourism discourse texts have been presented, among them are: reduction of key information losses, the right choice of lexical and stylistic translation equivalents, addressee orientation.

Keywords: tourism discourse; translation strategies; translation transformation; translation equivalents.

Туристическая отрасль в наши дни является одной из самых интенсивно растущих, что относит ее к одному из главных факторов экономического развития. Исследователи утверждают, что туризм, «несмотря на череду экономических кризисов и сложную военно-политическую обстановку, по-прежнему демонстрирует неофициальный

статус мирового феномена» [5, с. 80]. В. А. Митягина отмечает, что туризм стал «одним из проявлений готовности этносоциумов не только к диалогу и интеграции, но и к глобализации, потому что в туристической деятельности находит выражение одобрения сосуществования культур в индивидуальном опыте» [8, с. 88]. С каждым годом количество иностранных туристов увеличивается, что делает данную сферу привлекательной для проведения различных научных исследований в политической, экономической, социологической, лингвокультурологической и лингвистической сферах.

Туристический дискурс «отражает менталитет и культуру как национальную, всеобщую, так и индивидуальную, частную» [4, с. 23]. В процессе познания иной культуры возникает проблема адекватной дешифровки полученного сообщения, преодоления предубеждений и стереотипов, приемов ведения речи, ориентированных на фокусирование внимания, развитие интереса, эмоционального влияния, и наконец, достижения ожидаемой коммуникативной цели туристического текста. Кроме того, дискурс может в какой-то степени сближаться с понятием «функциональный стиль» в его современном понимании, в котором отражены не только языковые формы высказываний, но и коммуникативные намерения, общая социокультурная ситуация, эмоционально-аксиологическая информация, а также характеристики коммуникантов. Поэтому, «...дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата) необходимые для понимания текста» [6, с. 134]. Главным посредником в приобретении культурологических знаний в таких условиях является переводчик.

В последнее время лингвисты уделяют большое внимание изучению различных аспектов туристического дискурса и международной туристической коммуникации. В своей работе Л. П. Тарнаева описывает коммуникативные стратегии, свойственные данному виду дискурса. Предметом многих лингвистических исследований и трудов становится исследование прагматической составляющей при переводе туристических текстов, а также перевод реалий и терминологии, являющихся неотъемлемой частью туристического дискурса. Д. Хёманн выделяет лингвокультурологические особенности, характерные для туристического дискурса. Н. В. Филатова в своей диссертации изучает прагматическую составляющую туристического дискурса и утверждает, что данный дискурс является «самостоятельным дискурсом гибридного типа. В нем соединяются признаки нормативно-риторического и креативного дискурсов, порождая инновации прагматического и лингвистического характера» [12, с. 7].

В туристическом дискурсе существует множество типов текстов, различающихся своей тематикой, прагматикой и структурными

особенностями — путеводители, листовки, туристические брошюры, проспекты, меню кафе и ресторанов, и крупные информационно-туристические порталы, содержащие разностороннюю информацию о каком-либо городе, регионе, стране. Эти тексты являются объектом туристического дискурса, который, в свою очередь, имеет нематериальный характер. Это определяет специфику аргументативного влияния, система которого состоит из характерных для данного вида дискурса интенций, стремлений, мотивов, и прагматично заряженных языковых единиц, предназначенных для реализации этих мотивов.

Так как туристическая коммуникация представляет собой межкультурный дискурс, переводчик должен не только владеть языком оригинала и языком перевода, но также отлично ориентироваться в информации, касающейся различий культур, чтобы быть в состоянии понять и правильно передать все тонкости текста оригинала. В связи с этим **актуальным** является исследование путей формирования межкультурной компетенции языковой личности переводчика в условиях межкультурного взаимодействия в туристическом дискурсе, связанного с культурной спецификой Крымского региона, где ярко проявляются как универсальные, так и региональные, национально-специфические элементы. В настоящее время разработаны различные стратегии перевода туристических текстов: доместифицирующие стратегии, которые приближают текст к читателю, и форенизирующие стратегии, стремящиеся сохранить текст, приближенный к оригиналу.

Переводческая стратегия, реализуемая в туристическом дискурсе, требует решения определенных задач для переводчика как носителя профессиональной компетенции. Туристический дискурс в переводческой форме, таким образом, обеспечивается при наличии четырех компонентов:

1. конструктивного (подбор лексико-тематического наполнения перевода в зависимости от темы туристического текста — лексика с национально-культурным компонентом, называющая, например, районы (Kerch Peninsula / Керченский полуостров, Azov Sea Region / район Азовского моря), государства и княжества (Crimean Khanate / Крымское ханство, Princedom of Feodoro / княжество Феодоро, Bosphorus State / Босфорское царство, Kiev Rus / Киевская Русь), персоналии (the great artist and public figure Ivan (Hovhannes) Aivazovsky / великий художники общественный деятель Иван (Ованес) Айвазовский, Armenian composer Komitas / армянский композитор Комитас), религиозно-мистические представления (арцив/eagle, хереш/lion, сипон/dragon), обряды, праздники (Трндез / Trndez, Вардавар / Vardavar, Сурб-Саркис / St.Valentine'sDay, Затик / Easter) и т. д.);

2. организаторского (организация подачи информации сообщения с учетом лингвострановедческого содержания, логики изложения в

соответствии с потребностями адресатов, тематической и содержательной направленности дискурса, а также целей перевода – проинформировать, заинтересовать, побудить к восприятию, убедить или переубедить):

Исходный текст	Текст перевода
Traces of Armenian architecture are still preserved in picturesque spots on the southeastern end of the peninsula.	В живописных уголках юго-восточной окраины Крымского полуострова до сих пор сохранились остатки армянских сооружений.

3. коммуникативного (отработка коммуникативной стратегии и тактики как определенной системы речевых действий по передаче культурологических знаний с целью выработки отношения к сообщению):

Исходный текст	Текст перевода
Feodosia gave birth to a genius. Its thankful son, the artist Ivan Aivazovsky, who was a European in spirit and Armenian by birth, was born in this city and for his long life won the world fame for Feodosia.	Феодосия явила свету гения. Благодарный сын, художник Иван Айвазовский, который был европейцем по духу но армянином по происхождению, возвеличил родной город за долгие годы своего творчества.

4. познавательного (обеспечение высокой степени содержательной наглядности, что проявляется в наличии интереса к теме благодаря последовательности, обоснованности, объективности в сочетании с оригинальной интерпретацией через метафоры, аллегории, сравнения, эпитеты):

Исходный текст	Текст перевода
One of the dominant peaks of the Kerch Peninsula is Ararat Mount, which is “the younger brother” of the famous top – the symbol of the Armenian people.	Гора Арарат – наивысшая точка Керченского полуострова, являющаяся «младшей сестрой» известной вершины – символа армянского народа.

Таким образом, переводчику следует ориентироваться на потенциального адресата, учитывать его национальную принадлежность, менталитет, возможные стереотипы, потребности и лингвокультурные особенности, стремиться к минимизации потерь важной информации и выбору стилистически верных и корректных эквивалентов в языке перевода, получить определенный объем информации, развивая мыслительную активность и вырабатывая оценочное отношение к переводимому материалу.

Список использованных источников:

1. Алимов В. В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: Учебное пособие. М.: КомКнига, 2006. 160с.

2. Атакьян Г. С. Рекламный образ как синтез экспрессии и стандарта (на материале туристической рекламы) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. – № 1 (114). – 210 с.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. Дейк, Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
5. Дорофеева А. А. Туризм в исследованиях российских филологов // Языковой дискурс в социальной практике сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Тверь, 2015. 285 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
6. Корхмазян Э. М. Крымская армянская миниатюра. Симферополь: ООО «Энергия дельта», 2008. 144с.
- Митягина В. А. Коммуникативные действия в туристическом дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2009. – № 4. – 115 с.
7. Новикова Э. Ю. Перевод путеводителя: лингвокультурные и дидактические аспекты // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. – № 3. – 210 с.
8. Сафина Э. Г. Туристическая реклама в функциональном и переводческих аспектах: англо-русские параллели // Перевод в меняющемся мире: Материалы Международной научно-практической конференции, г. Саранск, 19-20 марта 2015 г. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. 256 с.
9. Филатова Н. В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах: диссертация ... кандидата филол. наук: 10.02.01. Москва, 2014. 179 с.
10. Höhmann D. Tourismuskommunikation. Im Spannungsfeld von Sprach- und Kulturkontakt. Frankfurt/M.: Lang. 2013.

УДК 811.111'373 : 28-24

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОРАНИЧЕСКИХ ПАРЕМИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЙ КОРАНА)

Е. В. Михайлова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей англоязычных коранических паремий и их модификаций, являющихся элементами текстов

в трех англоязычных версиях Корана, переводах XVIII, XX и XXI веков. Цель статьи заключается в описании лингвокультурологических характеристик паремий, представленных в англоязычных коранических текстах, создаваемых разными переводчиками, и, тем самым, отражающих коды арабской и английской культур. Методика исследования в данной работе имеет комплексный характер: применяются методы лингвокультурологических исследований, анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ, элементы компонентного анализа и интерпретативный анализ. Коранические паремии распределены на именные и глагольные фразеологизмы, а также поговорки. В результате сопоставительного анализа были выявлены лексико-грамматические варианты паремий, описаны различные виды субституций их лексических компонентов в разных англоязычных версиях Корана и причины появления их модификаций, под действием лингвистических и экстралингвистических факторов. Лингвистическими факторами являются развитие и модернизация языка, а экстралингвистическими – влияние этнокультурной принадлежности авторов создания англоязычных сакральных текстов мусульман, а также глобализации международной жизни.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ; кораническая паремия; англоязычная версия Корана; субституция; модификация; лингвистический фактор; экстралингвистический фактор.

Summary. The article is devoted to the analysis of the features of English Koran paremias and their modifications, which are elements of the texts in three English Holy Koran Versions, the translations of the XVIIIth, XXth and XXIst centuries. The purpose of the article is to describe the linguocultural characteristics of the paremias represented in the English Koran texts created by different translators, and thus reflecting the codes of the Arabic and English cultures. The research methodology in this work is complex: the methods of linguocultural research, the analysis of vocabulary definitions, contextual analysis, elements of component analysis and interpretive analysis are used. The Koran paremias are divided into nominal and verbal phraseological units, as well as sayings. Due to the comparative analysis, the lexico-grammatical variants of the paremias were identified, various types of substitutions of their lexical components in the different English Holy Koran Versions and the reasons for the appearance of their modifications by the influence of linguistic and extralinguistic factors, are described. The linguistic factors are the development and modernization of the English language, and the extralinguistic factors are the influence of the ethnocultural personality of the authors of the English sacral texts of Muslims as well as globalization of international life.

Key words: linguocultural analysis; Koran paremia; English Holy Koran Version; substitution; modification; linguistic factor; extralinguistic factor.

Паремии представляют собой чрезвычайно ценный и богатейший

материал для современной науки. Они обладают большим эвристическим потенциалом для таких направлений, как лингвокультурология, этнолингвистика, лингвистическая аксиология, когнитивная лингвистика. Лингвокультурологический анализ коранических паремий, встречающихся в англоязычных мусульманских сакральных текстах, позволяет на основе аккумулированной информации культурно-исторического характера выявить сложившиеся ценностно-значимые представления этноса, как арабского, в среде которого появлялись паремические единицы, так и англосаксонского, на языке которого они представлены в переводах Корана.

Паремии, как известно, являются зеркалом и хранителем национальной культуры. Комплексное изучение коранических паремий представляется необходимым для анализа особенностей арабской культуры, в том числе через призму англоязычного социума, для укрепления дружественных отношений с мусульманским миром, для более тесных межкультурных контактов и качественной межкультурной коммуникации.

Изучением Корана, проблемами его перевода, систематизацией и классификацией коранических фразеологических единиц, определением их места в формировании художественных особенностей текста Корана, а также выявлением лексико-семантических трудностей, связанных с толкованием Священной Книги, занимались многие лингвисты, такие как С. Садик, Л. Н. Фролова, М. Желлали, Я. Ю. Абдулвахид, Л. Л. Григорьева, В. Д. Ушаков [1]. Однако существует мало работ, посвященных сопоставлению коранических паремий в англоязычных версиях Корана, что и делает данное исследование актуальным.

Объектом изучения в данной статье являются коранические паремические единицы, выбранные из текстов трех англоязычных версий Корана, прежде всего фразеологические обороты, пословицы и поговорки, характеризующиеся общностью своих функций, позволяющей объединить их в одну жанрово-специфическую группу. Предметом исследования выступают лингвокультурологические особенности коранических паремий в англоязычных версиях Корана.

В качестве материала нашего исследования были выбраны мусульманские сакральные тексты из трех англоязычных версий Корана, переводы которых выполнялись в разные эпохи и разными по этническому происхождению переводчиками: перевод Джорджа Сейля (здесь и далее – Дж. Сейль, 1734) [5], перевод Абдуллы Юсуфа Али (А. Ю. Али, 1934) [2] и современный перевод Сэма Джерренса (С. Джерренс, 2016) [3].

Теоретическое значение нашего научного труда определяется тем, что полученные результаты можно считать определенным вкладом в такие отрасли лингвистической науки, как лексикология, стилистика и история английского языка. Лексикология, в частности, семасиология английского языка, дополнилась уточнением механизмов и типов семантических

модификаций, а также особенностей субституций языковых единиц.

Первый перевод Корана на английский язык был выполнен в 1734 году Джорджем Сейлем, инициатором просветительского движения в Англии. Эта англоязычная версия, основанная на комментариях выдающихся мусульманских богословов и определившая уровень изучения и понимания Корана в Европе, оставалась наиболее широко используемой на протяжении последующих столетий.

В XX столетии особо примечательной оказалась англоязычная версия Корана индийского мусульманина Абдуллы Юсуфа Али, канонизированная Королевством Саудовской Аравии после глубокого исследования в Институте Корана в Медине и Научно-исследовательской Исламской Академии Аль-Азхар и оказавшая большое влияние на современные переводы.

В XXI веке, характеризующимся такими событиями, как война Америки и ее союзников с терроризмом в Афганистане и Ираке, с террористической организацией Ал-Каида, с террористами Исламского государства (ИГ запрещена в РФ), наблюдается повышенный интерес к изучению Корана. Появляются 34 англоязычные версии Корана, среди которых перевод, выполненный Сэмом Джерренсом в 2016 году.

В настоящей работе под модификациями фразеологизмов и поговорок понимаются авторские (принадлежащие создателям англоязычных версий Корана) изменения паремий, являющиеся элементами англоязычных коранических текстов. За оригинальную форму коранических паремий в английском языке приняты фразеологизмы и поговорки, зафиксированные в словаре коранических идиом М. Мира [4].

В именных фразеологизмах: *the hand of Allah* /48:10/ – «рука Аллаха», в значении «могущество, мощь Аллаха»; *in the mercy of Allah* /3:107/ – «в милости Аллаха», т. е. в раю; *in the way of Allah* /2:244/ – «на пути Аллаха» в значении «ради, во имя Аллаха» в переводах Дж. Сейля и С. Джерренса наблюдается субституция имени собственного *Allah* лексической единицей *God*. Имя собственное *Allah* обозначает Бога исключительно в исламе, в то время как лексическая единица *God* означает верховное всемогущее существо, управляющее миром, и может использоваться в любой религии. Таким образом, происходит заменена словом с более широким денотатом.

Несмотря на то, что лексема *Allah* пришла в английский язык из арабского в конце XVI в. и к моменту создания версии Дж. Сейля вошла в обиход, автор не использует ее в своем переводе. Основная масса жителей Европы того времени была мало знакома с религией и культурой мусульман, а также их Священным Писанием. Словом *Allah* вплоть до конца XVIII века называли экзотических иностранцев – выходцев из Османской империи и британских колоний. Дж. Сейль использует лексическую единицу *God*, чтобы избежать подмены понятий и сделать свой перевод

понятным для англоязычного читателя.

С. Джерренс тоже не использует слово *Allah*, заключающее в себе национально-культурный компонент, а заменяет его языковой единицей с более широким понятием – *God*, поскольку в XXI веке в мировом сообществе, по всей видимости, все большую популярность приобретает концепция глобализации, т. е. стремление к политической, экономической, информационной и культурной универсалии. В версии А. Ю. Али фразеологизм присутствует в своей оригинальной форме, что вызвано стремлением автора сохранить аутентичность Священного Писания:

Дж. Сейль: *The hand of GOD is over their hands.*

А. Ю. Али: *The Hand of Allah is over their hands.*

С. Джерренс: *The hand of God is above their hands /48:10/.*

Кораническая паремия *a heavy day* означает последний день существования мира, когда над людьми будет совершен суд с целью выявления грешников и праведников, т. е. «Судный день». В версии Дж. Сейля возникает модификация количественного порядка: автор добавляет предложную конструкцию *of judgment*. Среди значений имени существительного *judgment* наиболее частотны следующие: «судебный процесс», «приговор», «наказание, (божья) кара». Таким образом, выражение предложенное переводчиком, раскрывает смысл фразеологизма. В версии Корана А. Ю. Али данная ФЕ не подвергается модификации.

В переводе С. Джерренса имя прилагательное **heavy**, обозначающее «тяжелый, трудный», заменяется лексической единицей *burdensome*, которое имеет значения «обременительный, тягостный, тяжелый, тяжкий». Данные слова совпадают по значению, однако второе отличается интенсивностью признака, словно подчеркивающее, что человечеству предстоит пройти исключительно трудные испытания в Судный день.

Таким образом, произошла субституция нейтрального слова лексической единицей, в коннотативном аспекте которой отмечается усиление интенсивности признака:

Дж. Сейль: *Verily these men love the transitory life, and leave behind them the heavy day of judgment.*

А. Ю. Али: *Verily these love the present life of this world, and put behind them a heavy day.*

С. Джерренс: *These love the transient, and leave behind them a burdensome day /76:27/.*

Дж. Сейль при передаче на английский язык паремической единицы *the people of the Book* – «люди Писания» в значении «иудеи и христиане» – использует описательный перевод: *those unto whom the Scriptures have been given*. Мусульмане используют термин «люди Писания», чтобы отделить последователей иудаизма и христианства от язычников. Слово *Scriptures* означает собрание Священных книг в авраамических религиях: иудаизме,

христианстве и исламе. Таким образом, происходит замена понятия в сторону его расширения (помимо иудеев и христиан здесь подразумеваются также и мусульмане).

В версии Корана А. Ю. Али паремия сохраняется неизменной, а вот в переводе С. Джерренса используется ФЕ некоранического происхождения – *the doctors of the law* – люди, которые распространяют религиозные учения в устной форме. Данное выражение имеет еще более широкое понятие, чем вариант Дж. Сейля, поскольку может обозначать также представителей неавраамических религий:

Дж. Сейль: ... *among those unto whom the Scriptures have been given*...

А. Ю. Али: ...*among the People of the Book*...

С. Джерренс: ... *among the doctors of the law*... /2:103/.

Проведенный лингвокультурологический анализ коранических паремий, функционирующих в англоязычных версиях Корана, позволяет сделать вывод, что их модификации возникают в результате следующих видов замен лексических компонентов: субституция слова и понятия в сторону его расширения (*Allah – God; a torch – light*) или сужения (*a breast – a heart*); субституция стилистически окрашенного слова нейтральным словом (*an infirmity – a disease*); субституция языковой единицы, в коннотативном аспекте которой отмечается усиление интенсивности признака (*heavy – burdensome*); экономия языковых средств (*the mother of cities – the metropolis*). Происходят случаи замены коранических паремий их библейскими аналогами (*the people of the Book – the doctors of the law*) или дефразеологизация (*the mother of cities – the metropolis of Mecca; the people of the Book – those unto whom the Scriptures have been given*).

В англоязычной версии Корана Дж. Сейля в паремиях используются слова, которые в современном английском языке перешли в разряд архаизмов и историзмов. Поскольку Абдулла Юсуф Али – мусульманин, то паремии в его переводе Корана не модифицируются и ближе к мусульманскому толкованию, в версии Сэма Джерренса на модификации контекстуальных коранических паремий влияют такие факторы, как глобализация международной жизни и глобализации английского языка, являющегося эффективным способом межкультурной коммуникации.

Список использованных источников

1. Ушаков В. Д. Фразеология Корана: Опыт сопоставления фразеоречений Корана и арабского классического языка. М.: Изд. фирма "Вост. лит.", 1996. 203 с.
2. Ali A. Yu. The Holy Qur'an. Lahore: Sheikh Muhammad Ashraf Publishers, 1934. 981 p.
3. Gerrans S. The Qur'an: A Complete Revelation. N.Y.: Quranite, 2016. 1200 p.
4. Idioms of the Qu'ran [M. Mir]. Michigan: The University of Michigan

Center for Near Eastern and North African Studies, 1989. 404 p.

5. Sale G. The Koran (Al-Qur'an). London: Printed by C Ackers, 1734. 654 p.

УДК 81'253

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА

М. В. Михайловская,

*старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и
межкультурной коммуникации, Факультет иностранных языков и
регионоведения, Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. В последнее время идеологемы стали важным источником образования так называемых идеологических неологизмов, содержащих ярко выраженный иронический компонент. Новые лексические единицы представляют собой прежде всего морфологические неологизмы, появившиеся в результате словосложения или конверсии. Данный феномен является малоизученным в современной лингвистике и открывает широкие перспективы для проведения дальнейших исследований.

Ключевые слова: дискурс, политический медиадискурс, идеологема, неологизм, идеологический неологизм.

Summary. Recently ideologemes have developed into a major source of deriving the so-called ideological neologisms that contain a highly marked ironic component. The newly-formed lexical units represent morphological neologisms resulting mainly from compounding or conversion. The phenomenon of ideological neologisms in modern linguistics is yet to be studied and, thus, opens up promising pathways for further research.

Key words: discourse, political media discourse, ideologically-bound unit, neologism, ideological neologism.

Безусловно, идеологемы представляют собой неоднозначный когнитивный и лингвостилистический феномен. В эпоху перестройки российская лингвистика рассматривала идеологемы как характерную черту советского дискурса. Впоследствии восприятие данных единиц поменялось, поскольку стал очевидным тот факт, что их сущность не сводится исключительно к советизмам. Именно в постсоветское время идеологемы становятся ключевым элементом медийного и политического дискурсов. Геополитические события, происходящие в мире в течение последних десятилетий, сказались не только на глобальной политической обстановке, но и существенно преобразовали язык международных СМИ и политики, который стал не чем иным, как отражением яростного противостояния разных идеологий. Результатом новой волны идеологизации общества стали возросшая частота употребления переосмысленных уже существующих идеологем и стремительное появление новых.

Говоря о лингвистическом понимании термина «идеологема» в узком смысле, необходимо упомянуть определения, разработанные Т. Б. Радбилом, который считал, что это «любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей, при котором как бы размывается прямое, предметное значение слова, а на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова» [7, с. 22], и Н. А. Купиной, полагавшей, что идеологема есть не что иное, как «языковая единица, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [5, с. 183].

Более широкое видение этого феномена обнаруживается в концепции Н. И. Клушиной, утверждающей, что идеологема является «единицей коммуникативной стилистики», которая со временем неизбежно преобразуется в стереотип сознания, имеющий идеологическую коннотацию. Наряду с этим исследователь подчеркивает тот факт, что идеологема – это «воплощение вербальными средствами идеологических, политических, социальных установок, которые должен усвоить адресат и которые формируют в обществе определенную устойчивую идеологию» [3, с. 35].

Важное место в исследовании сущности и функционирования идеологем занимают имена собственные, в том числе имена ведущих политических деятелей России, США, Великобритании и других стран. Такая разновидность идеологем в типологии, разработанной Н. И. Клушиной, получила название личностных. Исследователь уточняет, что «личностные идеологемы складываются вокруг руководителя государства, любого значительного политического лидера, героев/антигероев своего времени. [...] Подобные идеологемы укореняются в массовом сознании с помощью стереотипов, тиражируемых СМИ, например: «вождь мирового пролетариата» (о Ленине), «гениальный вождь и учитель» (о Сталине), «верный ленинец» (о Брежневе), «архитектор перестройки» (о Горбачеве), «царь Борис» (о Ельцине) и т.п.» [3, с. 36-37]. В классификации Т. В. Шкайдеровой личностные идеологемы представлены как «идеологические вокативы», которые обозначают ставшие прецедентными имена вождей, лидеров и являются «основными компонентами общего ядра знаний и представлений» [8, с. 117]. Е. Г. Малышева разделяет мнение о том, что идеологизированные имена собственные прежде всего обладают свойствами такой когнитивной универсалии, как архетип [9, с. 229, 4, с. 193], и рассматривает их в качестве идеологем-архетипов (Ленин, Сталин, Брежнев, Горбачев, Ельцин, Путин, Николай), справедливо отмечая, что именно они позволяют идеологической картине мира приобретать черты мифологической [6, с. 37].

Широкое распространение личностных идеологем в медийном и

политическом дискурсах не вызывает сомнений. Однако в настоящей статье хотелось бы уделить внимание не анализу примеров употребления и смысла данных единиц, а скорее изучению их способности образовывать абсолютно новые слова, на которые распространяется их идеологемный статус. Таким образом, формируется целое идеологемное словообразовательное гнездо. Итак, предлагается, наряду с уже существующими реалиями-неологизмами и неологизмами политическими [1, 2], ввести понятие «идеологические неологизмы» для обозначения новых лексических единиц, образованных различными способами от идеологем и сохраняющих конкретный идеологический компонент, и на примере личностных идеологем рассмотреть их особенность порождать такого рода новообразования в современном англоязычном медиадискурсе.

Бесспорно, одной из самых ярких идеологем, без которой сложно представить контент современных англоязычных СМИ, является фамилия действующего Президента РФ, – “*Putin*”, от которой были образованы и получили широкое распространение существительное “*putinization*” и глагол “*to putinize*”.

Своей популярностью в англоязычных СМИ слово “*putinization*” обязано Мартину Шульцу, немецкому политику и бывшему председателю Европарламента (2012-2017 гг.), который в одном из своих выступлений следующим образом прокомментировал ситуацию в Польше: “*That’s democracy carried out in the style of Putin and a dangerous ‘Putinization’ of European politics*”// «Это демократия, управляемая в стиле Путина - происходит опасная «путинизация» европейской политики» (пер. авт.). Вслед за Шульцем данное существительное стали активно использовать для обозначения отклонения от курса либеральной демократии в ряде стран (в частности, Восточной Европы), для уподобления государственной системы, внутренней или внешней политики какой-либо страны тем, что существуют в современной России. В различных англоязычных СМИ стали появляться заголовки о так называемой «путинизации» Китая, Дональда Трампа и даже природных ресурсов. Словосочетание “*putinization of natural resources*” используется для обозначения мирового доминирования России в сфере производства ключевых природных ресурсов (нефти, газа, урана). Приведем пример из выступления аналитика Марина Катуса в эфире одной из программ на “Palisade Radio”: «*Russia is now the largest producer of natural gas in the world, they are the largest producer of oil in the world, they are the largest producer of uranium resources in the world. [...] The Putinization of natural resources has occurred*».

Представляет интерес и глагол “*to putinize*”, который употребляется в двух значениях: бескомпромиссно ликвидировать террористов и преступников («*Russia has begun a decisive campaign to putinize all terrorists in Syria*») и искоренять любую оппозицию всеми доступными

средствами («*New editors in Russia can expect to be Putinized if they are in disagreement with the de facto President for Life*»). Глагол еще не был зафиксирован ни в одном словаре, но активно используется различными англоязычными СМИ.

Аналогичным образом дело обстоит с использованием имени собственного действующего Президента США Д. Трампа, также превратившегося в личностную идеологему, от которой впоследствии морфологическим путем было образовано множество идеологических неологизмов. Так, в медиадискурсе стало употребляться слово “*trumpeachment*”, созданное по модели существительное+существительное, то есть путем словосложения *Trump* + *impeachment*. Данный неологизм активно использовался во многих англоязычных СМИ после объявления импичмента (который, к слову, не состоялся) Трампу. В данном случае значение лексической единицы очевидно: “*trumpeachment*” – процедура судебного обвинения главы США, Дональда Трампа с возможным последующим его отстранением от должности. Приведем пример: “*The House of Representatives must begin trumpeachment proceedings as a result of Trump’s illegal activities*”.

Появились и другие слова, образованные от личностной идеологемы *Трамп*, среди которых существительное «*trumping*», обозначающее полное отрицание того, что утверждалось, причем неоднократно, ранее, например: “*Donald Trump stated back in 2012 that the Electoral College was a disaster for America and that it should be changed, but he sure loved it when it helped him win the election in 2016. Classic Trumping*”. Еще одно слово, получившее распространение в СМИ – “*trumployee*”, образованное по вышеописанной модели с усечением второго компонента и имеющее значение «сотрудник администрации Дональда Трампа или принадлежащей ему частной компании». Особенностью трудоустройства такого работника является полная непредсказуемость и неопределенность, поскольку его могут уволить на следующий же день после приема на работу.

Источником образования идеологических неологизмов могут служить не только имена глав государств, но и тех личностей, которые, не будучи политиками, имеют непосредственное отношение к правящим кругам, могут оказывать влияние на формирование их имиджа, активно обсуждаются СМИ. Такой персоной является Меган Маркл, жена внука королевы Великобритании Елизаветы II. Как известно, принц Гарри и его супруга сложили с себя королевские обязанности и полномочия, отказались от финансовых привилегий, положенных им по статусу, доставив своим решением много проблем монаршей семье. Естественно, инициатором этого скандального поступка считают Меган Маркл, что привело к появлению нового глагола “*to Meghan Markle*”, имеющего следующее значение: «ценить себя и свое душевное состояние настолько, чтобы иметь решимость

покинуть токсичную среду, где Вам не рады и не ценят». Данный глагол можно использовать для описания причин перерыва в сложных личных отношениях или увольнения с работы. Приведем пример: *"I'm considering Meghan Markling: they haven't given me a raise in two years"*. Впервые это слово было использовано в статье "The Guardian" с одноименным названием - *"To Meghan Markle is now a verb - here's how to use it"*, опубликованной 24 января 2020 года. На данный момент сложно сказать, насколько данная лексическая единица приживется в языке.

В заключение хотелось бы отметить, что идеологемы, получившие в последнее время беспрецедентно широкое распространение в языке политики и СМИ, стали важным источником образования идеологических неологизмов, содержащих ярко выраженный иронический компонент. Новые лексические единицы представляют собой как морфологические неологизмы, появившиеся в результате словосложения или конверсии. Данный феномен является малоизученным в современной лингвистике и открывает широкие перспективы для проведения дальнейших исследований.

Список использованных источников

1. Абабий В. Н. Реалии-неологизмы во французском политическом дискурсе// Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. №3. С. 79-83. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/17448039> (дата обращения: 01.01.2020).

2. Давлетшина Д. К. Способы достижения адекватности при переводе политических неологизмов с английского языка на русский (на основе материалов англоязычных СМИ)// Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов. В 2 томах. Том 2/ под ред. Е. Б. Морозовой / Мос. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. Москва: МГИМО – Университет, 2019. С. 326-331.

3. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000-2008 гг.): автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2008. 57 с.

4. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та – Омск: Омск. Гос. Ун-т, 1999. 268 с.

5. Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем// Русский язык сегодня: сборник статей / отв. ред. Л. П. Крысин / Ин-т русс. яз. им. В.В. Виноградова. РАН. М.: Азбуковник, 2000. – Вып. 1. – С.182–189.

6. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация// Политическая лингвистика. 2009. №4. С. 32-40. [Электронный ресурс]. URL:

<http://cyberleninka.ru><https://cyberleninka.ru/article/n/14435762> (дата обращения: 01.01.2020).

7. Радбиль Т. Б. Мифология языка Андрея Платонова: монография. М.; Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. 116 с.

8. Шкайдерова Т. В. Советская идеологическая картина мира: субъекты, время, пространство (на материале заголовков газеты «Правда» 30-40 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 237 с.

9. Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству/ Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М: Изд-во Московского ун-та, 1987. 475 с.

УДК 130.2

КУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕВОД КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА

А. В. Морозова,

студент второго курса кафедры философии, факультета философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие языкового барьера, причины его возникновения и предлагаются рекомендации, способствующие его преодолению. Как способ преодоления языкового барьера рассматривается культурный перевод. На основе анализа выявлена и обоснована необходимость изучения культуры народа в процессе изучения нового языка.

Ключевые слова: языковой барьер, иностранный язык, причины, рекомендации, культура, перевод.

Summary. In this article analyzes the concept of the language barrier, the causes of it and proposed recommendations that help to combat it. The article also analyzes cultural translation as a way to overcome the language barrier. Based on the analysis, the need to study the culture of the people in the process of learning a new language is identified and justified.

Key words: language barrier, foreign language, causes, recommendations, culture, translate.

В «Словаре лингвистических терминов» термину «языковой барьер» дается следующее определение:

«1. незнание или недостаточное знание языка коллектива, препятствующее индивидууму вступать в контакт с его членами, реализовывать свои интенции;

2. психологическая установка индивидуума, базирующаяся на низкой самооценке своих знаний иностранного языка, мешающая ему участвовать в коммуникативных актах на этом языке;

3. непрестижный вариант языка, использование которого в качестве единственного средства общения мешает индивидууму получить хорошее образование, занять социально престижные позиции в обществе, получить доступ к социальным привилегиям. Языковым барьером обычно служит ограниченный код» [4, с. 273—274].

Х. Ф. Макаев писал о языковом барьере следующее: «Мы <...> считаем языковой барьер неспособностью человека, абсолютно не владеющего или владеющего определенным лексическим и грамматическим материалом, воспринимать и продуцировать спонтанную речь в любой иноязычной среде вследствие неуверенности в своих знаниях. Согласно многолетним наблюдениям автора статьи, у обучающихся отсутствуют навыки устной речи даже на своем родном языке. Зачастую студенты не знают, что сказать, а не как это выразить в иностранном языке, т. е. отсутствуют мысли» [9].

К причинам возникновения языкового барьера принято относить следующее:

1. «языковую тревожность», возникающую из-за ощущения недостаточно хорошего уровня владения иностранным языком;
2. волнение, неуверенность в себе и даже панику из-за страха не понять речь собеседника или быть непонятым;
3. столкновение завышенных ожиданий с реальностью, когда не получается так же просто сказать на иностранном языке, как на родном, что воспринимается как неудача;
4. особенности человеческого темперамента, внимания и памяти;
5. сложности при изучении непривычной, чуждой сферы [подробнее об этом см. 6].

Помимо психологических причин возникновения языкового барьера существуют лингвистические, такие как небольшой словарный запас, который ставит ограничение и не дает свободно изъяснять свои мысли, а также недостаточно хорошее знание грамматики.

Отсутствие разговорной практики также является одной из причин возникновения языкового барьера.

Существует довольно много рекомендаций, способствующих преодолению языкового барьера;

Наиболее продуктивными нам представляются следующие:

1. Разрешить себе допускать ошибки.
2. На начальных этапах стараться не переводить каждое слово, а улавливать общую суть высказывания. Отвечать простыми предложениями, усложняя их со временем и практикой.
3. Постоянно увеличивать свой словарный запас.
4. Найти собеседника на иностранном языке для регулярного общения.

5. Изучать культуру другого языка и менталитет его носителей.

Освоение нового языка невозможно без понимания специфики культуры его носителей. Изучение иной культуры и культурный перевод как инструмент этого изучения – это еще одно важное средство преодоления языкового барьера.

По определению О. Р. Демидовой: «Культурный перевод есть перевод смыслов, выраженных на одном языке культуры / на языке одной культуры, с использованием другого языка культуры / языка другой культуры, имеющий задачей вписывание переводимого в иной культурно-языковой и семиотический дискурс» [3, с. 108].

Язык – это также большое число сосуществующих в культуре контекстов и интертекстов. Это фразеологизмы, идиомы, крылатые выражения, метафоры, аллегории и отсылки. Все вышеперечисленное составляет собой культурный код, без понимания которого общаться с человеком другой культуры на одном уровне не представляется возможным. Язык является основой, на которой строится культура, но и без понимания культуры использование языка не может осуществляться на должном уровне.

Язык отражает характер народа, обычаи, особенности культурно-исторического развития, способ познания мира. Различия языков настолько существенны, что принято говорить о языковой картине мира, специфичной для людей, говорящих на одном языке. Несовпадение языковых картин мира – еще одна причина языкового барьера.

По определению В. А. Масловой: «Языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [8].

Принято считать, что знание культуры носителей иностранного языка относится к профессиональной компетенции переводчиков. Однако, эти знания важны для всех, кто использует в коммуникации иностранный язык. Трудность понимания — это лингвокультурная проблема. Необходимым условием адекватного восприятия информации при использовании иностранного языка является наличие фоновых знаний, то есть общего фонда знаний, которыми владеют люди, принадлежащие иной лингвокультуре. Несовпадение фоновых знаний у отправителя и получателя сообщения не только снижает эффективность межкультурной коммуникации, но может стать причиной полного непонимания.

Различие языков также предполагает различие стилей мышления у людей, говорящих на разных языках, что становится дополнительным

препятствием для взаимопонимания.

Еще одна проблема при освоении языка другой культуры может быть порождена культурно-исторической динамикой языка. Используя другой язык следует учитывать социально-культурные тенденции, которые приводят к изменениям в лексической системе языка. Они могут затрагивать значение слова, характер связанных с ним коннотаций и т. д.

Немаловажным фактором в освоении другого языка является знакомство с этнокультурными реалиями. Словами-реалиями принято называть лексемы, обозначающие реалии быта и общественной жизни, специфичные для какого-либо народа, страны или местности: географические, этнографические, культурные и общественно-политические реалии. Названия мер, антропонимы, топонимы, названия печатных органов, учреждений и организаций, кораблей и другие реалии, обладающие однозначной соотнесенностью с явлениями действительности и способные представлять объект не только как лингвоэтническую реалию, но и как особое, исключительное, не обобщаемое явление [подробнее об этом см. 1, 5, 7, 11].

Таким образом, неотъемлемой частью освоения другого языка является изучение национальной культуры. Одним из способов изучения другого языка, который наилучшим образом избавляет человека от языкового барьера, является его помещение в языковую среду, где он имеет возможность непосредственно познакомиться с иной ментальностью, реалиями и культурой. Одним из важных инструментов изучения другой культуры является культурный перевод.

Список использованных источников

1. Власова И. М. Перевод как межкультурная коммуникация // Русский язык за рубежом. – 2011 – № 4. – С. 27–33.
2. Герасимова Н. И. Краткий курс лекций по «Теории перевода» для бакалавров. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2010. 130 с.
3. Демидова О. Р. Экранизация как вариант культурного перевода: “Пиковая дама” по-английски // Филологические науки. Международный научный журнал. – 2019. – № 3. – С. 108-118.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
5. Иванов А. О. Английская безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык: Уч. пос. Л.: ЛГУ, 1985. 95 с.
6. Козубовская Л. А., Сентебова Е. Л. Обучение английскому языку взрослых. Преодоление психологических и языковых барьеров [Электронный ресурс] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 7. – <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-angliyskomu-yazyku-vzroslyh->

preodolenie-psihologicheskikh-i-yazykovykh-barierov (дата обращения: 25.01.2020).

7. Кузьмина Е. А. К проблеме перевода этнокультурных реалий // Культура в зеркале языка и литературы: Материалы междун. науч. Конференции. Тамбов: Изд-во Державина, 2008. С. 223–225.

8. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2007. 296 с.

9. Макаев Х. Ф. Устранение языкового барьера как условие формирования языковой компетенции будущего специалиста [Электронный ресурс] // Научно теоретический журнал «Ученые записки». – 2011. – №11(81). – <https://cyberleninka.ru/article/n/ustranenie-yazykovogo-bariera-kak-uslovie-formirovaniya-yazykovoy-kompetentsii-buduschego-spetsialista> (дата обращения: 25.01.2020).

10. Николаев П. А., Данилов В. В. Языковой барьер: причины и варианты решения [Электронный ресурс] // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XLVIII междунар. студ. науч.-практ. Конф. – 2018. – №13(48). – [https://sibac.info/archive/meghdis/13\(48\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/13(48).pdf) (дата обращения: 24.01.2020).

11. Фененко Н. А. Язык реалий и реалии языка. Воронеж: Вор. госуд. университет, 2001. 140 с.

УДК- 378.147

ОСНОВЫ НАУЧНОГО ПЕРЕВОДА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

М. А. Морозова,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Ульяновский институт гражданской авиации им. Главного маршала
авиации Б. П. Бугаева, Ульяновск*

М. В. Мельников,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Ульяновский государственный аграрный университет
им. П. А. Столыпина, Ульяновск*

Аннотация. В статье рассматривается актуальность обучения основам научного перевода студентов неязыковых вузов. Представлен анализ содержания учебных планов неязыковых вузов и оценка сформированности у студентов навыка письменного перевода. Авторы предлагают рассматривать основы научного перевода в качестве обязательной составляющей обучения иностранному языку на старших курсах неязыковых вузов.

Ключевые слова: неязыковой вуз, иностранный язык, письменный перевод, универсальные компетенции, бакалавриат, специалитет,

магистратура.

Summary. The article discusses the relevance of teaching students of non-linguistic universities the basics of scientific translation. The article presents the analysis of curricula and syllabi of non-linguistic universities and the assessment of students' written translation skills. The authors propose to consider the basics of scientific translation as an obligatory component of teaching undergraduate and graduate students of non-linguistic universities.

Keywords: non-linguistic university, foreign language, translation, universal competencies, bachelor's degree, specialty, master's degree.

Реалии учебной деятельности по программе подготовки специалист, бакалавр, магистр, при обучении в аспирантуре и дальнейшей профессиональной деятельности требуют осуществления научно-исследовательской работы. Современным специалистам необходимо знакомиться с новыми стандартами и рекомендациями, осуществлять обзор актуальных публикаций, писать статьи, аннотации на английском языке в условиях непрерывного образования и повышения профессиональной квалификации. Федеральные государственные образовательные стандарты последнего поколения (ФГОС 3++) включают универсальные компетенции «Знать: современные коммуникативные технологии на русском и иностранном языках... Уметь: применять на практике коммуникативные технологии, методы и способы делового общения для академического и профессионального взаимодействия... Владеть: методикой межличностного делового общения на русском и иностранном языках, с применением профессиональных языковых форм, средств и современных коммуникативных технологий» [8, 9, 10].

Активное самообразование, проведение научно-исследовательской работы требует владения английским языком не только как средством межкультурной коммуникации на бытовом уровне, но и как средством академического и профессионального взаимодействия в устной и письменной форме. Современный конкурентоспособный специалист должен уметь читать и писать текстовые материалы, касающиеся выбранной специальности, т.е. владеть основами научного и научно-технического перевода.

Формирование и развитие навыков научно-исследовательской работы в современных реалиях немыслимо без владения иностранным языком. Академическое сообщество в России активно осваивает англоязычные нормы оформления результатов научных исследований. Современный исследователь должен рассматривать аутентичную литературу в качестве источника информации о развитии отрасли и достижениях в современном обществе. Кроме того, статьи из журналов, которые индексируются ведущими наукометрическими базами являются для студентов образцом для обучения. Ситуация в высшем образовании такова, что публикационная

деятельность стала не только аккредитационным показателем, но и показателем квалификации преподавателя.

Многолетний опыт преподавания в вузе дисциплин «Иностранный язык», «Разговорный английский язык», «Основы научно-технического перевода», «Профессионально-ориентированный английский язык», «Деловые иноязычные коммуникации» показал, что у большинства студентов не сформирован навык адекватного письменного перевода аутентичной специальной литературы. Анализ работ студентов, которые были направлены на конкурсы по переводу, статей, представленных к публикации в сборниках материалов научных и научно-практических конференции, позволяет сделать вывод, что самым распространённым способом перевода является калькирование. Однако, даже калькирование осуществляется с достаточно большим количеством ошибок.

Более того, анализ учебных планов неязыковых вузов показал, что они не содержат языковых дисциплин, нацеленных на формирование этого навыка. Учебные планы для неязыковых специальностей и направлений подготовки для бакалавриата, специалитета и магистратуры содержат в большинстве вузов такие дисциплины как: «Английский язык в научной коммуникации», «Основы профессиональной коммуникации (на английском языке)», «Основы научных исследований», «Деловой иностранный язык. Иностранный язык в профессиональном и деловом общении», «Иностранный язык профессиональной коммуникации» и т. д. Содержание всех этих дисциплин предполагает высокий уровень владения иностранным языком (не ниже upper-intermediate – B2), который должен включать навык адекватного перевода. Анализ рабочих программ, которые находятся в интернете в свободном доступе показал, что в них отсутствует нацеленность на формирование и развитие навыка адекватного письменного перевода. Адекватный перевод, в упрощенном виде для неспециалистов можно определить, как перевод, который осуществляется на необходимом уровне, для передачи точного содержания исходного текста при соблюдении норм переводящего языка. Приходится констатировать, что преподаватели, как правило, не занимаются развитием навыка перевода как отдельного вида речевой деятельности. Данное обстоятельство вызвано объективными причинами: в вузах в основном работают преподаватели, которые имеют квалификацию учитель иностранного языка; преподаватели сами не занимаются переводом так, как не видят в этом необходимости. В последнее время, широко распространился коммуникативный подход при обучении иностранным языкам, а перевод, как отдельный вид речевой деятельности, отошел на второй план. Сейчас трудно оценить самостоятельность работы по переводу из-за большого количества переводческих онлайн ресурсов. К сожалению, работа с онлайн ресурсами не гарантирует качественного перевода и не

способствует формированию необходимого навыка.

Проведенный анализ показал отсутствие разработанной учебно-методической базы для формирования навыка, который должен обеспечить наличие универсальных компетенций (УК-4, УК-5). Современные исследователи рассматривают решение проблемы формирования навыка адекватного письменного перевода для неязыковых специальностей с различных точек зрения. Большое внимание уделяется усовершенствованию образовательных программ, которые позволяют «...активизировать использование иноязычных компетенций» [1, с. 77]. Т. Н. Корж обращает внимание на экстралингвистические трудности обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации. Данные трудности вызваны отсутствием предметных компетенций по базовым специальностям. Исследователь подчеркивает значение отдельных видов перевода «...адаптивный перевод или рендеринг будет крайне полезным не только для закрепления лексико-грамматического минимума темы, но и для формирования и актуализации профессиональных концептов...» [2, с. 247]. Данный вид безусловно играет важную роль в формировании навыка перевода, но он не позволит овладеть переводческими стратегиями, направленными на создание адекватного текста, соответствующего жанрово-стилистическим нормам языка перевода в полном объеме. Н. С. Кочеткова подчёркивает значение «пословного перевода» как отдельного этапа в процессе письменного перевода. Это особенно актуально в настоящее время, когда широко используется автоматизированный перевод в качестве конечного варианта текста на языке перевода. Такой текст очень часто не соответствует нормам переводящего языка, и более того может содержать элементы, искажающие содержание исходного текста.

Анализ сформированности навыка адекватного письменного перевода для неязыковых специальностей позволяет констатировать необходимость усовершенствования образовательных программ, введения практики письменного перевода аутентичных научных текстов по специальности на этапе обучения профессионально-ориентированному английскому языку, разработки учебно-методической базы для обучения переводу специальных текстов.

В современных условиях необходимо давать студентам рекомендации по использованию информационных технологий и интернет ресурсов для повышения эффективности письменного перевода специализированных аутентичных текстов. Однако необходимо подчеркнуть важность редактирования автоматизированного перевода текстов, так как данный перевод не всегда является качественным.

Наиболее эффективными интернет ресурсами и системами автоматизированного перевода для образовательных целей являются

следующие:

1. словари, глоссарии и терминологические базы, например, Мультитран, OneLook Dictionary и т. д.;
2. программное обеспечение категории ТМ (Translation Memory), например, Smartcat, MateCat, OmegaT и т. д.;
3. письменный перевод на основе корпусных технологий, например, на основе корпуса Russian Learner Translator Corpus и т. д.

Список использованных источников

1. Газизова А. И., Хузина Е. А. Формирование у студентов-магистрантов переводческой компетенции в обучении иностранному языку в вузе // АНИ: педагогика и психология. – 2019. – №3 (28).
2. Иголкина Н. И. Обучение переводу как средство профессиональной социализации студентов университетов // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2015. – №3 (15).
3. Корж Т. Н. Обучение студентов неязыковых специальностей переводу в сфере профессиональной коммуникации // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2015. – №4 (18).
4. Кочеткова Н. С. Развитие навыков академического письма при обучении переводческой деятельности с опорой на подстрочник // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2018. – №2 (10).
5. Орехова Е. Ю. Использование учебного перевода при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Инновационная наука. – 2017. – №4-2.
6. Фалько К. И. Формирование интегративных переводческих компетенций в условиях многопрофильного вуза // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2018. – №25.
7. Шадже З. М. Обучение переводу иноязычной литературы в неязыковом вузе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2016. – №2.
8. ФГОС ВО (3++) по направлениям бакалавриата [Электронный ресурс] // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования – <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24> (дата обращения 02.02.2020)
9. ФГОС ВО (3++) по направлениям магистратуры [Электронный ресурс] // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования – <http://fgosvo.ru/fgosvo/152/150/25> (дата обращения 02.02.2020)
10. ФГОС ВО (3++) по направлениям специалитета [Электронный ресурс] // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования – <http://fgosvo.ru/fgosvo/153/150/26> (дата обращения 02.02.2020)

УДК 821.411.21

ПЕРЕВОДЫ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА АРАБСКИЙ

Я. Х. Моху Эдиин,*студент четвёртого курса филологического факультета направления «Лингвистика», Российский университет дружбы народов, Москва*

Аннотация. Статья посвящена проблемам перевода произведений русской литературы на арабский язык. Первые переводы появились в середине XIX века. К концу XIX – началу XX века их количество заметно увеличилось. В этот период появляются выдающиеся переводчики с русского языка, особенно в Египте, Палестине, Сирии и Ираке. Именно в этот период были переведены на арабский почти все произведения русской классической литературы, а также современной литературы XX века.

Ключевые слова. Арабский язык, перевод, литература, палестинское общество, русская классика.

Summary. The article is devoted to the problems of translating works of Russian literature into Arabic. The first translations appeared in the middle of the 19th century. By the end of the 19th – beginning of the 20th century, their number increased markedly. During this period, outstanding translators from the Russian language appeared, especially in Egypt, Palestine, Syria and Iraq. It was during this period that almost all works of Russian classical literature, as well as modern literature of the 20th century, were translated into Arabic.

Key words Arabic, translation, literature, Palestinian society, Russian classics.

Художественный перевод является формой межлитературного взаимодействия. Он является не точной передачей смысла, а отражает мысли и чувства автора произведения, написанного на одном языке, с помощью другого языка. Художественный перевод перевоплощает образы одного языка в материал другого языка, способствует сближению двух народов, увеличивает их взаимопонимание. Степень вольности и точности перевода может быть различной. Важнее всего передать подлинный облик переводимого автора, его время, национальность, душу, характер, темпераментность. [1]

Знакомство арабов с русской литературой началось довольно поздно. В 1863 году в Санкт-Петербурге появился первый перевод 10 басен Крылова. Среди них «Ворона и Лисица», «Дуб и Трость». Перевод был сделан преподавателем Санкт-Петербургского университета Абдуллахом Кельзи. Перевод басен на литературный арабский язык был выполнен в форме белого стиха, он был недостаточно адекватен, но передавал взгляд русского баснописца на современное ему русское общество. Следует отметить, что перевод был осуществлен с языка оригинала.

Большую роль в развитии русско-арабских литературных связей

сыграло создание Императорского православного палестинского общества (ИППО) в 1882 году, одной из целей которого было гуманитарное сотрудничество с народами Ближнего востока. При этом обществе были созданы школы и учительские семинарии, в которых наряду с арабским языком преподавался и русский язык. Лучшие ученики школ направлялись для продолжения образования в Россию. Именно ученики этих школ стали первыми переводчиками литературных произведений с русского на арабский язык. Если ранее из-за оккупации Британией и Францией переводы с русского на арабский осуществлялись с европейских языков (английского и французского), то уже на рубеже XX века появляются переводы с языка оригинала.

Был и такой способ перевода: специалисты по французскому и английскому языкам переводили с оригинального текста на арабский язык, а затем русский специалист сверял их с исходным текстом, как это было сделано при переводе романа Л. Н. Толстого «Война и Мир».

После революции 1917 года на арабский Восток устремился поток русских эмигрантов. В этот период в Ираке, Сирии возник большой политический и культурологический интерес к России в связи происходящими в ней социалистическими преобразованиями. В то же время в развитых арабских странах с конца XIX – начала XX века происходит разрушение феодального уклада и возникновение буржуазных отношений, что совпадает с социальными изменениями в России. Особенно интенсивно развиваются литературные связи между Россией, Сирией, Египтом и Ираком.

Крупнейшим Египетским переводчиком был Абу Бакр Юсеф Хуссейн. Он родился в Египте 1940 году, окончил филологический факультет МГУ, защитил кандидатскую диссертацию. Считается одним из самых серьезных переводчиков русской и советской литературы. Он перевёл значительную часть русской классической и современной литературы: повесть «Дубровский» А. С. Пушкина, избранные стихотворения М. Ю. Лермонтова, избранные стихотворения Ф. И. Тютчева. Из современных авторов были переведены Ченгиз Айтматов, Борис Васильев, Расул Гамзатов, Василь Быков.

В Сирии был широко известен выпускник школы ИППО Халил Бейдас. Этот прекрасный стилист перевёл «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина, «Тараса Бульбу» Н. В. Гоголя, «Князя серебряного» А. К. Толстого.

Сириец Антун Балла перевёл отдельные рассказы Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. Также широко известны сирийские переводчики из Санкт-Петербургского университета: Науафаль Найуф, Мамдух Абдул-Вей и переводчик многих поэтов серебряного века Аднан Джамус.

Среди выдающихся переводчиков русской литературы из Ирака можно

упомянуть Хейри Ад-Дами, известного своими переводами Андрея Платонова и Константина Симонова»; Абдаллу Хасан Хаба, переведившего И. Бунина и Л. Андреева»; Хасана Шейх Джафара, который перевёл «Антологию русской поэзии».

Следует отметить, что особой популярностью у арабского читателя пользуются произведения Л. Н. Толстого и А. П. Чехова. Произведения Л. Н. Толстого были в центре внимания арабских писателей в период формирования новой арабской литературы в конце XIX – начале XX века, когда активно развивались и крепились связи между Россией и странами арабского мира. Текст перевода был не очень близок к тексту оригинального произведения автора, поскольку существовала тенденция к вольному переводу и адаптации оригинала в духе арабского менталитета [2].

Наибольшую активность в переводах произведений Л. Н. Толстого проявляли выпускники учительской семинарии в Назарете и Бейт Джалла. Селим Кобейн полностью сосредоточился на переводах произведений Л. Н. Толстого. Он превосходно владел русским языком и переводил с него на арабский. В 1901 году в Каире он издал книгу «Учения Л. Н. Толстого», написанную на основе анализа произведений писателя. В 1904 г. Селим Кобейн перевел «Крейцерову сонату», дав ей название «Согласие и развод», позже – пьесу «Власть тьмы» и роман «Воскресенье».

Переводами Л. Н. Толстого также занимался Халиль Бейдас, выпускник той же семинарии, сосредоточившись на переводе рассказов. Он был убеждён, что Лев Николаевич – это самый понятный русский писатель, так как он выражает свои мысли в форме притчи, а это очень близко арабам.

В Сирии переводами произведений Л. Н. Толстого занимался Антон Бальян, который перевёл семь рассказов и отрывки из статей Льва Николаевича, добавив в них краткие сведения об общественной деятельности писателя.

На рубеже XIX – XX веков внимание арабов захватывают такие русские писатели, как М. Горький и особенно А. П. Чехов. Впервые арабы познакомились с творчеством А. П. Чехова в 1905 году в сборнике русских рассказов, переведённых Ибрагимом Джабером с языка оригинала.

Сама форма ранних рассказов А. П. Чехова была весьма удобна для переводчиков: небольшие по объёму, они легко уместались в одном номере газеты или журнала, занимательное содержание оказывалось доступным для читателя даже среднего уровня, а сюжет, непосредственно вводящий в жизнь современной России, был особенно привлекателен для сирийского араба, который больше симпатизировал России, чем Западной Европе.

Другой учитель из палестинского общества, получивший высшее образование в России – Антун Бальян – издал сборник переводов, где было пять рассказов А. П. Чехова. В период с начала XX века до Первой мировой войны творчество А. П. Чехова занимало одно из первых мест по

популярности среди арабской интеллигенции, тяготевшей к России.

Эта плеяда выдающихся переводчиков сыграла огромную роль в развитии арабо-российских литературных связей. Большие изменения произошли после Первой мировой войны, начиная с 20-х годов XX века, главным образом в Египте, когда А. П. Чехов пришел к арабам уже не из России, а с Запада не только как русский, но и как мировой писатель [2].

Это связано с поиском новых литературных жанров. В Египте, например, стала развиваться такая литературная форма, как новелла. Большая заслуга в развитии этой формы принадлежит братьям Теймурам, в особенности младшему – Махмуду Теймуру, который признан основателем и главой школы египетских новеллистов. Он говорил, что его творчество развивалось под большим влиянием русской новеллы, в особенности новелл А. П. Чехова. В последнее время изменилось понимание роли А. П. Чехова для арабской литературы. Теперь он не просто замечательный повествователь, знакомящий с малоизвестной страной, а учитель высокого художественного мастерства, основанного на материале арабской жизни.

Говоря о литературном переводе, необходимо отметить роль переводчиков в развитии национальных литератур разных стран. Перевод с одного языка на другой – это скорее переход с одной культуры на другую. Он представляет собой интерпретацию оригинала. «Переводчик должен знать не только, что сказал автор оригинального текста, но и какие слова сказал бы этот автор, и чего бы он сказать не мог» [1].

Переводчик должен выявить все новые смыслы, потенциально заложенные в оригинальном произведении, даже если автор не осознавал их. Особенно успешно переводческой деятельностью могли бы заниматься билингвы, которые в равной степени владеют двумя языками, а также знакомы с социокультурными и психологическими особенностями двух наций.

Список использованных источников

1. Маршак С. Поэзия перевода. // Собрание сочинений в 8 томах. – Т.6. – 1971г. – С. 371-375.
2. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. – Т.6. – С. 312-319.

УДК 811.12

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

М. Ю. Лукинова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Э. М. Мухтарова,

магистрант второго года обучения кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В современном мире рекламные тексты являются частью межкультурной коммуникации, именно поэтому при их переводе важно учитывать языковые и культурные особенности. Переводчик должен заниматься как переводом языковых элементов текста, так и передачей прагматики текста, то есть передачей экстралингвистических особенностей. В данной статье описывается общая характеристика рекламного текста, а также специфика перевода текстов социальной рекламы.

Ключевые слова: рекламный текст, социальная реклама, перевод, культура.

Summary. Nowadays advertising texts are becoming a part of cross-cultural communication, which is why it is so significant to take into account both linguistic and cultural characteristics when translating them. The translator must **render** the **text** both on the semantic and **pragmatic** levels considering linguistic and extralinguistic specificities. This article looks into the general characteristics of the advertising text, as well as the aspects of the translation of social media advertising.

Key words: advertising text, social advertising, translation, culture.

В современном обществе рекламная деятельность занимает особое место. Рекламные тексты выполняют информационную функцию, они презентуют товар или услугу, побуждают людей воспользоваться продуктом и оказывают влияние на жизнь человека.

Считается, что реклама, как явление, зародилась вместе с торговлей, в те времена она описывала товары, рассказывала об их преимуществах. В настоящее время ее воздействие приобретает все более глобальный характер, она меняет мировоззрение общества, оказывая все большее влияния на свою возросшую целевую аудиторию, побуждая людей к определенным действиям.

В настоящее время спрос на рекламу возрос. По словам Д. Уильямсон [4, с. 2], «реклама не только продает товары и услуги, но и сама по себе является продуктом». Составители рекламных объявлений должны не только продвигать товары и услуги, но и развлекать общественность, влиять на отношения, убеждения и поведение людей. Например, реклама способствует продвижению кампаний в области образования, здравоохранения, окружающей среды и социальных кампаний. Автор также считает рекламу «официальным искусством» передовых индустриальных стран Запада.

У. Лейс [4, с. 2] утверждает, что реклама, помимо своей основной роли в продвижении товаров и услуг, преследует распространение новых

идей среди целевой аудитории. Среди основных идей можно выделить следующие: отношения между людьми, стереотипы, равенство, чувство счастья, исчезновение культурных традиций, влияние на молодое поколение, стремление к самостоятельности личности и мотивацию.

Существует множество подходов к определению рекламного текста. Рекламный текст является текстом, который содержит рекламную информацию о товарах или идеях, призван формировать и поддерживать интерес к ним, а также способствует их продвижению.

Согласно толковому словарю английского языка American Heritage (2011), реклама представляет собой:

1. Распространение информации с целью привлечения внимания общественности к продукту или бизнесу с помощью объявлений в печатных, вещательных или электронных средствах массовой информации;

2. Направление по разработке и написанию рекламных текстов.

Collins English Dictionary содержит следующие определения:

1. (Маркетинг) продвижение товаров или услуг для продажи через средства массовой информации, такие как радио или телевидение;

2. (Маркетинг) бизнес, который специализируется на создании такой рекламы;

3. Совокупность рекламных текстов; рекламное дело [4, с. 1-2].

По мнению Ф. И. Шаркова, рекламный текст – это «литературно грамотное и стилистически правильное содержание рекламы, способствующее максимальному привлечению внимания к предлагаемым товарам или к оказываемым услугам» [2, с. 35].

Основные тенденции к написанию рекламных текстов сводятся к сжатости, лаконичности информации; выразительности и емкости. Совокупность элементов публицистического, научно-популярного и разговорного стилей создают особый стиль рекламы.

Рекламный текст в совокупности с аудио- или видеосопровождением стремится оповестить своих потенциальных потребителей о том или ином товаре, услуге, идее, воздействовать на сознание адресата, побудить его воспользоваться рекламируемым продуктом или заставить задуматься об определенной социальной проблеме.

Если классифицировать рекламные тексты по сферам жизнедеятельности, то можно выделить коммерческую, политическую и социальную рекламу. Последняя направлена на «изменение социального поведения и привлечение внимания к общественно значимым явлениям и проблемам, способствуя тем самым достижению определённых, полезных с точки зрения общественного блага, целей» [3, с. 21]. Её предметом служат идеи и ценности, предназначенные для осуществления воздействия на сознание и поведение социальных групп.

В современном обществе, где люди стремятся глобально

распространить информацию, где компании желают выйти на международный уровень, где существует запрос на освещение и обсуждение глобальных социальных проблем, важной задачей выступает перевод рекламных текстов.

Так как рекламные тексты созданы с целью привлечения внимания аудитории, передачи информацию с определенной точки зрения, то данный тип текста должен вызывать определенную реакцию у аудитории, вовлекая ее в конкретные действия. По мнению К. Райс [5, с. 56], в случае текстов, ориентированных на привлечение внимания, основной целью переводчика должно быть создание текста, исполняющего такую же функцию, как и текст на языке оригинала.

Когда реклама выходит на международный рынок, она зачастую сталкивается с культурным барьером, именно поэтому при переводе рекламных текстов важно учитывать культурные особенности целевой аудитории. Реклама несет в себе культурный посыл, идеи, концепции и определенные убеждения страны языка оригинала. Язык является выражением культуры и индивидуальности его носителей, поэтому переводчик должен сначала понять значение связанных с культурой элементов исходного текста, а затем перенести эти элементы в текст перевода.

Одной из важнейших тем социальной рекламы является любовь к себе, вера в свои возможности, мотивация к достижению своих целей. Ниже представлен пример социальной рекламы «Dream Crazy», выпущенной компанией Nike в 2018 году. Реклама сопровождается видеороликом, который рассказывает нам об известных спортсменах, которые достигли желаемого, несмотря ни на какие препятствия.

If people say your dreams are crazy. If they laugh at what you think you can do. Good. Stay that way. Because what non-believers fail to understand is that calling a dream crazy is not an insult. It's a compliment. Don't try to be the fastest runner in your school or the fastest in the world. Be the fastest ever. Don't picture yourself wearing OBJ's jersey. Picture OBJ wearing yours. Don't settle for homecoming queen or linebacker. Do both. Lose 120 pounds and become an Ironman after beating a brain tumor. Don't believe you have to be like anybody to be somebody. If you're born a refugee, don't let that	Если люди говорят, что твои мечты безумны. Если они смеются над тем, на что ты считаешь, ты способен. Хорошо. Пусть будет так. Потому что они не понимают, что считать твои мечты безумными – не оскорбление. Это комплимент. Не пытайся стать самым быстрым в школе или самым быстрым в мире. Будь самым быстрым в истории. Не представляй себя в футболке своего кумира. Представь его в твоей. Не выбирай, быть ли тебе королевой бала или полузащитником. Совмести. Сбрось 55 килограмм и пробеги триатлон после победы над

stop you from playing soccer. For the national team. At age 16. Don't become the best basketball player on the planet. Be bigger than basketball. Believe in something, even if it means sacrificing everything. When they talk about the greatest team in the history of the sport, make sure it's your team. If you have only one hand, don't just watch football. Play it. At the highest level. And if you're a girl from Compton, don't just become a tennis player. Become the greatest athlete ever. Yeah, that's more like it. So don't ask if your dreams are crazy. Ask if they're crazy enough.	опухолью мозга. Не верь, что тебе нужно быть похожим на кого-то, чтобы стать кем-то. Если ты родился беженцем, не позволяй этому помешать тебе играть в футбол. За национальную команду. В 16 лет. Не надо становиться самым быстрым баскетболистом на планете. Будь больше, чем баскетбол. Верь во что-то, даже если для этого придется пожертвовать всем. Когда они говорят о величайшей команде в истории спорта, убедись, что это твоя команда. Даже если у тебя только одна рука, не просто смотри футбол. Играй в него. Живи им. Если ты девочка из небольшого городка, не становись просто теннисисткой. Стань величайшей в истории. Да, так намного лучше. Поэтому, не спрашивай, безумны ли твои мечты. Задумайся о том, а достаточно ли они безумны.

Анализируя данный рекламный текст, хотелось бы отметить использованные в нем грамматические конструкции. Это пример социального ролика, который направлен на то, чтобы мотивировать людей стать лучше, верить в свои силы. Для этого используется повелительное наклонение: *Don't try to be the fastest runner in your school or the fastest in the world. Be the fastest ever.* Они оказывают влияние на мировоззрение адресата, заставляя его задуматься, побуждая к действиям.

Реклама не должна содержать каких-либо громоздких конструкций. Она должна быть простой, лаконичной, поэтому текст содержит много простых, а иногда и односоставных предложений: *Good. At age 16. At the highest level.*

Так как рекламные тексты всегда повествуют нам о культурных особенностях страны или нации, в данном примере также можно встретить определенные реалии. Например, в видеоролике говорится «*Lose 120 pounds*». Фунт – это единица измерения массы, которой пользуются жители западных стран. Она не привычна для русскоязычной аудитории, поэтому необходима адаптация: *Сбрось 55 килограмм.* Таким образом, при переводе важно учитывать особенности культурной и языковой картины мира.

Генерализация – это один из переводческих приемов, который можно использовать при переводе реалий. Генерализация представляет собой замену единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением [1, с. 74]. *OBJ (Odell Beckham Jr)* – это известный американский футболист, но все же для большинства жителей нашей страны его имя незнакомо, поэтому здесь уместно воспользоваться приемом генерализации и заменить его имя словом «кумир»: *Don't picture yourself wearing OBJ's jersey. – Не представляй себя в футболке своего кумира.*

Название соревнований по триатлону *Ironman*, также можно перевести с помощью слова с более широким значением: *become an Ironman after beating a brain tumor – пробеги триатлон после победы над опухолью мозга.*

Еще одним примером использования приема генерализации может послужить перевод в данном контексте названия *Compton*. Это небольшой город в Калифорнии, поэтому при переводе мы заменили название на «*небольшой городок*».

На основании данного анализа можно выделить лингвистические и экстралингвистические особенности, которые следует учитывать при переводе рекламных текстов:

1. Необходимо сохранить стиль написания. Так как социальная реклама стремится побуждать людей к действиям, она должна привлекать и быть понятной широкой аудитории, поэтому она совмещает черты публицистического, разговорного и художественного стилей.

2. Необходимо учитывать культуру, систему ценностей обеих стран. Различия культур обуславливает адаптацию и применение трансформаций.

3. Необходимо сохранять синтаксические особенности рекламного текста, избегать громоздких конструкций, не объединять простые предложения в сложносочиненные или сложноподчиненные.

Список использованных источников

1. Пасекова Н.В. Особенности рекламного дискурса: функционально-стилистический аспект // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: Сборник научных трудов к юбилею профессора Г. Г. Молчановой. Москва, 2015. – С. 384-386.
2. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
3. Шарков Ф. И. Реклама в коммуникационном процессе: Учебник. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. 348 с.
4. Шитюк В. В. Специфика перевода текстов социальной рекламы. Челябинск, 2017. 51 с.
5. Dan L. Techniques for the Translation of Advertising Slogans. University of Constanța, 2015. 13 p.

6. Reiss K. Translation Criticism, the Potentials and Limitations: Categories and Criteria for Translation Quality Assessment. Manchester: St. Jerome Pub., 2000. 127 p.

УДК 82

«ДАНТОВСКИЙ» ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

М. А. Новикова,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье предлагается переводческий эксперимент (М. Новикова). Выполнены 5 русских «переводов с переводов»: с украинских версий «Божественной комедии» Данте (1878-2013; И. Франко, Е. Дробязко, В. Барка, М. Москаленко, М. Стриха). Цель эксперимента – показать языковые и концептуальные ресурсы каждой из этих версий, а вместе с тем, их историческую обусловленность. Без этого долгого пути был бы невозможен новейший перевод Максима Стрихи.

Ключевые слова. Данте Алигьери, «Божественная Комедия», переводы: русский – М. Лозинский (1945), украинские – И. Франко (1878), Е. Дробязко (1976), В. Барка (1978), М. Москаленко (1993), М. Стриха (2013), переводческий эксперимент – М. Новикова (2020).

Summary. The paper presents translational experiment (M. Novikova): Russian translation Ukrainian via 5 translations of Dante's «Commedia Divina» (1878-2013; I. Franko, E. Drobyazko, V. Barka, M. Moskalenko, M. Strikha). Its purpose is explication of each version as a stylistic and cultural system, historical way to the latest interpretation by M. Strikha.

Key words. Dante Alighiere, «Commedia Divina», translations, Russian – M. Losinski (1945), Ukrainian – I. Franko (1878), Eu. Drobyazko (1976), V. Barka (1978), M. Moskalenko (1993), M. Strikha (2013), experimental «Russian via Ukrainian» versions – M. Novikova (2020).

Прелиминарии. Цели и задачи эксперимента. Идея предлагаемого переводческого эксперимента была уже полвека назад выдвинута ведущим чешским переводоведом Иржи Левым [9]. Затем та же идея была подхвачена 40 лет назад, с акцентом на потенциальной пользе этого эксперимента для современной системы образования. Речь шла не только об Украине, но и о РФ, а в качестве модели – о любой иной «переводящей» стране и культуре [19, 20].

Какова суть этого эксперимента? В качестве стартового материала берётся произведение классическое, программное для ВУЗа и/или для школы. Это позволяет сравнить как можно больше вариантов его перевода. Однако цель и формы нашего эксперимента к этому не сводятся. Возможен

(как ни парадоксально) ещё и экспериментальный «перевод с переводов». И. Левый в своей работе недаром напомнил научную дефиницию термина «значение» (для любого слова/ фразы/ текста). Значение – это смысловой остаток после обратимых операций перевода. Проще говоря, это то, что остаётся, если несколько раз произвести «перевод с переводов». Однако и эта функция: выявление глубинной семантики коммуникативных единиц, от слова до текста, через многократный перевод, также функция – не последняя.

История «перевода с переводов» насчитывает не одно столетие и включает не одну страну. Сама Библия пришла в «варварскую» Европу через транзитные переводы: греческий, латинский, готский, церковнославянский [22]. Через транзитные арабские переводы труды античных (эллинских) ученых стали доступными для западноевропейского Средневековья. Транзитные (исторически – наиболее популярные) языки исторически менялись; неизменной оставалась доминантная функция – первое знакомство с инокультурой и её инотекстами. При этом художественные, научные и религиозные тексты инокультуры, обладавшие высокой престижностью, всегда использовались ещё и для обучения. Их переводы становились образцами письменной литературы для культур-рецепторов. На подобных переводах оттачивались новые идеи, новые жанры и стили, новая образность и символика, новые риторические фигуры речи и стихотворные размеры.

Все названные факторы не потеряли актуальности и ценности поныне. Наоборот, прагматические цели кросс-культурного обучения лишь увеличивают свою социокультурную актуальность. Оттого и «перевод с переводов» приобретает функцию дополнительную. Теперь это не только поиск новых ресурсов для лучшего проникновения в содержание и стилевую ткань переводимых текстов. Всё энергичнее он дополняется поиском коррелирующих форм для лучшего роста культуры собственной.

Неизбежная субъективность отдельных переводческих решений превращается при этом в объективный «депозитарий возможностей» (или отвергнутых «невозможностей», по остроумному выражению грузинской исследовательницы Аиды Абуашвили) для родной культуры переводящего. А знание того и другого снабжает важными инструментами и практиков перевода, и его теоретиков, и студентов.

Наш эксперимент был выполнен автором данного сообщения. Привлекался и её личный опыт как преподавателя-вузовца (в частности, опыт мастер-классов), и как переводчика-практика, и как переводоведа-критика [15, 16, 17, 18]. Глубокие различия и одновременно не менее глубокие контакты двух культур (украинской и русской), на которые автор опирался, позволяют ожидать от предлагаемого эксперимента нешаблонных результатов.

Условия эксперимента. К сегодняшнему дню европейские культуры накопили уже по несколько полных или частичных переводов мирового шедевра: «Божественной Комедии» Данте Алигьери (далее сокращенно БК) [7, 13, 22]. Повторные переводы БК мотивированы либо устареванием языка переводов, либо уточнением переводческой концепции, либо ориентацией разных переводчиков на разные, иногда резко не тождественные стилевые ресурсы и проекции в родной для переводчика словесности.

Последняя мотивировка и стала для нашей работы ведущей. Из многочисленных украинских переводов Данте были отобраны пять вариантов одного и того же текстового фрагмента: Пролога к I части поэмы («Ад», Песнь I, стихи 1-9). Эти версии были выделены, исходя из следующих принципов. 1) Хронологически – они репрезентируют период от 1870-х до 2010-х годов, т.е. без малого 150 лет. 2) Читательски – они показывают историческую гамму национального читателя, от «всенародного» до «арт-хаусного», от «просвещённого» до «просвещаемого», от носителя авангардных вкусов до вкусов классических. 3) Стилистически – они, т.о., вступают в диалог не только каждый со «своим» Данте, но и каждый со «своим» этапом развития собственной культуры.

Трудность же «перевода с переводов» заключается в том, что через него ощутить эту эволюцию призван другой читатель: носитель другого языка и других традиций.

Перспективы эксперимента. Каковыми они могут быть для учебного процесса, – ясно из уже сказанного. Переводчик-практик или переводчик-студент видит наглядно не просто пять индивидуальных трактовок Данте. Он видит как бы краткую историю языковых возможностей, социокультурных запросов, «табу и тотемов», породивших эти варианты перевода. Список литературы поможет познакомиться с биографиями переводчиков, их профессиональными и общекультурными установками, а иногда и с их творческой лабораторией. С несколькими теоретиками и практиками перевода из этого списка автор статьи имел честь встречаться персонально и даже писать о них.

Однако самым важным для нас были всё же перспективы темы, а не только её ретроспективы. Народы-контактёры, как и специалисты-контактёры, должны знать опыт друг друга. Опыт успешный или спорный. Опыт счастливо-лёгкий или трагически-трудный. Опыт, какой каждому из них «своя» история позволила получить.

Даже Анна Ахматова не могла прямо сказать в юбилейном «Слове о Данте», что «друг всей её жизни», русский переводчик Михаил Лозинский нашёл первейшую для «своего» Данте опору в церковнославянской традиции. В 1960-е годы, на фоне хрущёвской «антирелигиозной кампании», говорить про это было немыслимо. Тот же запрет касался

переводчиков украинских, только был он ещё более жёстким. Украинские переводчики, даже классики, даже лауреаты государственных премий СССР (в том числе за переводы Данте, как были премированы М. Рыльский или Е. Дробязко), – не могли не только громко заявить теоретически, но хотя бы втихую, использовать практически в своих трансляциях Данте родную бароккальную традицию. Она была табуирована.

Цель нашего эксперимента, среди прочих задач, – показать русскому читателю эти возможности и невозможности, реально пережитые украинской культурой на пути к Данте. Тем самым он сумеет увидеть и то, как может звучать итальянский классик сквозь призму близкой, но другой традиции.

Приложение

Данте АЛИГЬЕРИ (1265-1321)

Из поэмы «Божественная комедия»

Часть I, Ад. Песнь I, стихи – 1-9.

Эксперимент Марины Новиковой, по проекту Иржи Левого, Чехия.

Иван ФРАНКО (1856-1916)

С полупути земного житиЯ
Я в тёмной чаще леса заблудился,
Отбившись от прямого путиЯ.

Сил нет, чтоб я в подробности пустился:
Насколько в горе и в тревоге там
(Припомнить страшно!) вдосталь натрудился.

Едва ли смерть сама страшнее нам!
А всё ж добро и там меня встречало.
Какое, как? – сейчас скажу я вам.

1878. Пер. с тосканского/ комментарий с немецкого (И.Ф.)

2020. Пер. с украинского (М.Н.).

Евген ДРОБЯЗКО (1898-1980)

На полпути, когда прошёл я эту
Жизнь, – в лес попал я, мрачный и густой,
Тропу утратив, сУтемью одету.

Как на рассказ отважиться мне свой
Про этот лес, косматый, дикий, тёмный!
Чуть вспомню – жуть овладевает мной.

Страшнее смерти он, такой огромный!

Однако благо, что я в нём нашёл, –
 Всё извлеку из памяти укромной.

1976. Пер. с тосканского/комм. с польского/русского (Е.Д.)

2020. Пер. с украинского (М.Н.)

Василь БАРКА (1908-2003)

В середьдорожье нашего доведья
 я приступИвши в некий лес похмурый,
 там прямошедший путь мой потерявши.

О, молвить как? – приклЮчай выпал трудный:
 лес деревИстый, хваткий, густочащный,
 о нём и пОмыслы мне страх вернули.

Там – ужас, самой смерти мало вЯщий.
 Как про добро вещать? – про дар оттуда?
 Сперва другое вам пора спознати!

1978. Пер. с тосканского/комм. с польского/немецкого (В.Б.)

2020. Пер. с украинского (М.Н.).

Михайло МОСКАЛЕНКО (1848-2006)

На полпути посюсторонней жизни
 Забрёл я в непролазистую чашу
 Во тьме непроницаемой, в гущИзне.

Как расскажу про дебрь ту вседержашу,
 Про горемычный лес, какой доньне
 Карает жутью думу мою бдящу?!

Горчее сна он, в смертной домовине.

Но благо, меня встретить там воляще,
 Повем я тоже, Истино, твой сыне.

1993, напеч. 2007 Пер. с тосканского/ комм. с английского/
 испанского/французского/польского (М.М.)

2020. Пер. с украинского (М.Н.).

Максим СТРИХА (р. 1961)

Уже прошедший полжитья земного,
 себя я вдруг увидел в тёмной чаще,
 утратя правоту пути прямого.

О, как повем про те места пропащи:
 такая дебрь предстала, непрогляда,

что даже ужас памяти той слаще!

Страшной её одна лишь смерть-всевлада.

Но и добро мне встретить довелось там,

про что и расскажу вам всё, как надо.

2013 Пер. с тосканского/комм. с итальянского/английского/
польского (М.С.)

2020. Пер. с украинского (М.Н.).

Список использованных источников

1. Ахматова А. А. Слово о Данте // Собр. соч.: В 6 т. М.: Эллис Лак, 1998-2002. Т. 6. С. 6-8.
2. [Б.а.] Про Михайла Москаленка // Спогади про Михайла Москаленка. К.: Основа, 2011. С. 500.
3. [Б.а.] «Пекло» Данте в різних українських перекладах // Данте Аліг'єрі. Божественна Комедія: Пекло / Пер. М. Стріха. Львів, 2013. С. 31-35.
4. Барка, Василь [Біодовідка] // Письменники України: Довідник. – Дніпропетровськ: ВПОП «Дніпро», 1996. С. 291. С. 14, 35-36.
5. Данте А. Божественная Комедия: Пер. с итал., вст. ст. и комм. М.Л. Лозинского. М., Л.: Эксмо, 2012. С. 3.
6. Данте Аліг'єрі. Божественна Комедія: Пекло / Пер. Максим Стріха. – Львів: Астролябія, 2013. – С. 31-35.
7. Дроб'язко, Євген. [Біодовідка] // Письменники Радянської України: 1917-1987. Біобібліографічний довідник. К.: Рад. письменник, 1988. С. 201.
8. Кочур Г. П. Данте в украинских переводах. М., 1971. С. 181-203.
9. Левый, Иржи. Искусство перевода. Пер. с чешского Вл. Россельса. М.: Сов. писатель, 1974. С. 121.
10. Москаленко, Михайло. Статті. Публіцистика. Спогади про Михайла Москаленка. К.: Основа, 2011.
11. Москаленко, Михайло. Лист до М. Стріхи (02.12.1993) // Вказ. Видання, с. 437-38.
12. Москаленко, Михайло. Лист до М. Новикової (28.12.1991) // Вказ. Видання, с. 461.
13. Москаленко, Михайло. Тисячоліття: переклад у державі слова // Вказ. видання, с. 313.
14. Москаленко, Михайло. [Біодовідка] // Письменники України: Довідник. Дніпропетровськ: ВПОП «Дніпро», 1996. С. 201.
15. Новикова, Марина. Прообрази: Данте українською // Міфи та місія. –К.: Дух і літера, 2005. – С. 48-51.
16. Новикова, Марина. Українська «Божественная Комедія»// Сучасність. – 1995. - № 5. – С. 205-207.
17. Новикова, Марина. [Репродукція тексту, див. вище, № 16] //

Зарубіжна література. – 1997. - № 39 (55). – С. 7.

18. Новикова М. О. «Дантівський епізод» Михайла Москаленка // [Видання див. вище, № 10]. – С. 461-465.

19. Новикова, Марина. Создатели переводов – издатели переводов // Радуга. – 1986. - № 6. – С. 147-155.

20. Новикова, Марина. Прекрасен наш союз. Литература – переводчик – жизнь. К.: Рад. письменник, 1986. С. 6-32.

21. Стріха, Максим [Біодовідка] // Письменники України: Довідник. – Дніпропетровськ: ВПОП «Дніпро», 1996. – С. 291.

22. Стріха, Максим. Данте Аліг'єрі та його «Божественна Комедія» (у світових та українських вимірах). Львів: Астролябія, 2013. С. 31-35.

23. Эткинд Е. Г. Поэзия и перевод. Л.: Наука, 1963. С. 71-78.

УДК 811. 12

**НАТУРАЛИЗИРУЮЩИЙ И ОТЧУЖДАЮЩИЙ МЕТОДЫ
ПЕРЕВОДА НА ПРИМЕРЕ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ КНИГИ АНДРЕАСА
ШТАЙНХЁФЕЛЯ «РИКО, ОСКАР И ТЕНИ ТЕМНЕЕ ТЕМНОГО»**

М. В. Норец,

*заведующий кафедрой теории и практики перевода, доктор
филологических наук, Институт иностранной филологии (СП), Крымский
федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь*

Л. В. Гучмазова,

*магистрант второго года обучения кафедры теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В данной работе освещаются особенности натурализирующего и отчуждающего методов перевода с немецкого языка на русский на примере детской детективной книги «Рико, Оскар и тени темнее темного» немецкого писателя Андреаса Штайнхёфеля. Также рассматриваются основные проблемы, с которыми может столкнуться переводчик работая с детской литературой, рассматриваются способы их решения. Приведено несколько примеров перевода имен собственных и реалий из первой главы книги.

Ключевые слова: детская литература, подростковая литература, натурализирующий метод перевода, отчуждающий метод перевода, имена собственные, слова реалии.

Summary. This paper highlights the features of naturalizing and alienating methods of translation from German into Russian on the example of the children's detective book "Rico, Oscar and shadows darker than dark" by the German writer Andreas Steinhöfel. We also consider the main problems that a translator may face when working with children's literature, and consider ways to solve them.

Several examples of translating proper names and realities from the first Chapter of the book are given.

Key words: children's literature, teen literature, naturalizing translation method, alienating translation method, proper names, real words.

В наши дни дети и подростки читают все больше переводной литературы, и одним из главных факторов, влияющих на это, является перевод оригинального текста. Если перевод выполнен хорошо, то читатель часто не замечает, что читает не оригинал, а перевод.

При переводе текстов для детей и подростков переводчик должен особенно тщательно оценивать, для какой возрастной группы осуществляется перевод и насколько хорошо читатели могут понять чуждые, происходящие из исходной культуры элементы. Если исходный текст содержит много посторонних элементов, возможно, переводчику придется натурализовать некоторые из этих элементов. В этом случае, согласно Шрайберу [8, с. 251], перевод передает исходный текст в мир целевых читателей текста и интегрирует его в целевой контекст. Напротив, антоним натурализации называется отчуждением. Если переводчик сохраняет в целевом тексте чуждые элементы исходного текста, то речь идет об отчуждающем методе перевода [5, с. 54-55].

В процессе перевода для имен собственных и реалий из первой главы книги Штайнхёфеля, чаще всего используется отчуждающий метод перевода, для остального текста – натурализирующий, потому что целевая аудитория состоит из детей и подростков от восьми лет, и их знания иностранной культуры все еще могут быть ограничены. По словам Карлсена, немецкий исходный текст «Рико, Оскара и тени темнее темного» Штайнхёфеля подходит для детей и подростков в возрасте от десяти лет. На наш взгляд, тема оригинальной книги подходит и для более молодой читательской аудитории. Кроме того, возрастные рекомендации в книгах чаще всего только ориентировочные.

Прежде чем приступить непосредственно к самому переводу, переводчик должен выбрать метод перевода. Согласно Шрайберу [9, с. 151], функция различных методов перевода состоит в том, чтобы описать, как переводится исходный текст. Тип текста и функция перевода влияют на выбор метода перевода. Тем не менее, нет общих рекомендаций относительно того, какой метод перевода следует применять к различным текстам. Однако, чем больше исходная культура и целевая культура отличаются друг от друга, тем более тщательно переводчик должен учитывать, какой метод он будет использовать для перевода исходного текста [5, с. 54-55]. Существует различие между терминами метод перевода и способ перевода: метод перевода работает как «стратегия перевода» и влияет на весь текст, в то время как способ перевода оказывает влияние на более короткие разделы текста [9, с. 151].

Натурализирующий метод перевода. Термин натурализация является антонимом отчуждения и был особенно распространен в классическую эпоху. Натурализация - это метод перевода и форма адаптации, которая имеет различные эквиваленты на немецком языке.

В дополнение к Фридриху Шлейермахеру [6], Михаэлю Шрайберу [8] и Михаэлю Шнайдеру [7], называющих этот метод перевода натурализацией, в данной работе также будет использоваться данное наименование, потому что оно является традиционным и соответствует своему предназначению. Отдельные лингвисты говорят об адаптации или онемечивании в этом контексте, однако адаптация является несколько более широким термином, чем натурализация, потому что на самом деле она может иметь несколько различных форм. Кроме того, Шрайбер [9, с. 153] считает, что адаптация - это процесс перевода. С другой стороны, об онемечивании нельзя говорить, поскольку необходимо учитывать и другие языки, кроме немецкого.

Согласно Шнайдеру [7, с. 7-8], адаптация к стандартам целевого языка является нормой, когда переводчик использует метод натурализующего перевода. Шрайбер [8, с. 251] упоминает, что натурализация является известным методом перевода, особенно детской и молодежной литературы. Он приводит пример из голландского перевода «Пеппи Длинныйчулок» Астрид Линдгрен, где кофе и какао были заменены чаем.

Шведский исследователь детской и юношеской литературы Гёте Клингберг [2, с. 124] называет это же явление национальной адаптацией. Он пишет, что исходный текст, например, может содержать специфичные для культуры выражения, которые трудно или даже невозможно понять для молодых целевых читателей текста, если переводчик каким-то образом не вписывает их в перевод [3, с. 28]. Личные имена, географические названия, детские игры, природные условия, поведение, манеры, единицы измерения и ссылки на историю оригинальной культуры могут вызвать проблемы при переводе [4, с. 5]. Согласно Клингбергу [2, с. 124], национальная адаптация используется, когда целевые читатели текста (в данном случае в основном дети или подростки) недостаточно знают о начальной культуре. В этом случае иностранные слова и выражения (например, названия объектов недвижимости) в целевом тексте заменяются эквивалентами, которые известны целевым читателям текста. Клингберг [4, с. 5] также напоминает, что лояльность к исходному тексту должна быть приоритетом.

В дополнение к Шрайберу [8, с. 250], Коллер [5, с. 54-56] делает различие между лингвистическим и культурным уровнем, когда он говорит о натурализации. Он называет продукт метода натурализующего перевода адаптацией перевода, когда речь идет о культурном контакте, и определяет этот термин следующим образом: «Адаптационный перевод заменяет элементы AS (языка оригинала), которые специально закреплены в культуре

AS (языка оригинала), элементами культуры ZS (языка перевода); перевод ассимилирует текст AS (языка оригинала) в контексте ZS (языка перевода)» [5, с. 55].

Отчужденный метод перевода. «Отчуждение» – это антоним натурализации. Метод «отчуждения» перевода широко использовался в эпоху романтизма. Этот метод перевода также называется истинным и буквальным, потому что он поддерживает иностранные элементы из оригинальной культуры в переводе. Согласно Шнайдеру [7, с. 4-6], это не адаптация к нормам языка перевода.

Концепция отчуждения на самом деле пришла от Шлейермахера в 1813 году. Он считает, что очень важно передать «дух языка» в целевой текст. Вот почему он подчеркивает, что «оригинальный язык» также должен быть сохранен в переводе. Шлейермахер [6, с. 44] предполагал, что точное воспроизведение оригинального текста возможно только с помощью метода отчуждения перевода.

В 1813 году в лекции «О разных методах перевода» он констатировал, что существует только два метода перевода: перевод, ориентированный на автора, или перевод, ориентированный на читателя. Шлейермахер утверждал, что большинство переводов были «натурализированными», этноцентричными иностранными текстами, приспособленными к культурным ценностям языка перевода. Но все же он отдавал предпочтение стратегии «отчуждения», способной показать языковые и культурные отличия.

Андреас Гардт [1, с. 5] определяет концепцию отчуждения следующим образом: «Перевод отчуждающий (то есть отчуждающий для получателя перевода) старается максимально сохранить специфику исходного текста в отдельном языке и культуре».

Коллер [5, с. 55], с другой стороны, предполагает, что отчуждение – это метод перевода, который особенно связан с языковым контактом. Он пишет, что отчужденный перевод может обновлять, расширять или даже изменять существующие языковые формы. Коллер [5, с. 55] описывает отчуждающий метод перевода следующим образом: «Отчуждающий перевод стремится максимально воспроизвести лингвистически-стилистические структуры текста оригинала в тексте перевода или, по крайней мере, дать ему «просвечивать», что (в крайних случаях) может создать реальный язык перевода, который выделяется из языка оригинальных текстов». Коллер [5, с. 54-56] проводит различие между культурными и языковыми контактами и говорит о переносном переводе, что он особенно подчеркивает с точки зрения культурных контактов. Он считает, что переносный перевод пытается сохранить специфичные для культуры элементы исходного текста как такового в переводе. Коллер также отмечает, что культурные различия между исходным и целевым языками

иногда могут быть настолько значимыми, что это может вызвать различные проблемы.

Например: Rico – Рико (испанское имя (Rico), этимология (определение) - "богатый, пышный, очень вкусный"), Irina – Ирина (женское русское личное имя греческого происхождения), Isaac Newton – Исаák Ньютóн (поскольку это имя не вымышленное, а настоящее и к тому же известно во всем мире, перевод следует оставить без изменений. В этом случае выбор отчуждающего подхода обоснован).

Реалии: eBay Inc. (произносится ибэй) — американская компания, предоставляющая услуги в областях интернет-аукционов (основное поле деятельности) и интернет-магазинов. В тексте перевода можно оставить название на языке оригинала, поскольку название довольно известно.

Edeka Group - крупнейшая немецкая корпорация супермаркетов, в тексте перевода также следует оставить на языке оригинала, однако следует сделать добавление, что это сеть супермаркетов, для лучшего понимания читателя.

Таким образом, для перевода имен в первой главе книги «Рико, Оскар и тени темнее темного», в большинстве случаев подходит отчуждающий метод перевода, поскольку данный метод позволяет переводчику сохранять колорит иноязычных имен и не выбивается из общей картины книги.

Список использованных источников

1. Gardt, Andreas 1988: Übersetzen und interkulturelle Germanistik. Ein Kongreßbericht und Beitrag zur Diskussion. In: Holz-Mänttári, Justa & Vermeer, Hans J. (Hg.): TextconText 3/1988. Heidelberg: Julius Groos Verlag. S. 1-31.
2. Klingberg, Göte 1974: Översättning av barn- och ungdomsböcker. En metodisk förundersökning. Göteborg: Pedagogiska institutionen.
3. Klingberg, Göte 1981: Adaptation av text till barns egenskaper: en lägesrapport om ett begrepp. Pedagogiska uppsatser. Lunds universitet: Pedagogiska institutionen.
4. Klingberg, Göte 1982: Översättning av barnböcker: mål och konflikter. In: Barnboken 1. Information från Svenska Barnboksinstitutet. S. 4-8.
5. Koller, Werner 2011: Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Tübingen: A. Francke Verlag.
6. Schleiermacher, Friedrich 1973: Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens. In: Störig, Hans Joachim (Hg.): Das Problem des Übersetzens. Darmstadt: Goverts. S. 38-70. Zum ersten Mal 24.6.1813 als Vortrag veröffentlicht.
7. Schneider, Michael 1985: Zwischen Verfremdung und Einbürgerung. In: Germanischromanische Monatsschrift 66. S. 1-12.
8. Schreiber, Michael 1993: Übersetzung und Bearbeitung: Zur Differenzierung und Abgrenzung des Übersetzungsbegriffs. Tübingen: Gunter Narr Verlag.

9. Schreiber, Michael 1998: Übersetzungstypen und Übersetzungsverfahren. In: SnellHornby, Mary & Hönig, Hans G. & Kußmaul, Paul & Schmitt, Peter A. (Hg.): Handbuch Translation. Tübingen: Stauffenburg. S. 151-154.

10. Steinhöfel, Andreas 2008: Rico, Oskar und die Tieferschatten. Hamburg: Carlsen Verlag.

УДК 811.13

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В РОМАНЕ НИЛА СТИВЕНСОНА «АНАФЕМ»

М. В. Норец,

*заведующий кафедрой теории и практики перевода, доктор
филологических наук, Институт иностранной филологии (СП), Крымский
федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь*

А. В. Деревянко,

*магистрант второго года обучения кафедры теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Данное исследование посвящено способам перевода индивидуально-авторских неологизмов в романе Нила Стивенсона «Анафем». Особое внимание автор уделяет строению и точной передаче информации читателю.

Ключевые слова: авторские неологизмы, перевод, словообразование, индивидуально-авторский стиль, научная фантастика.

Summary. This research is devoted to ways of translating individual author's neologisms in Neal Stephenson's novel «Anathem». The author pays special attention to the structure and accurate transmission of information to the reader.

Key words: author's neologisms, translation, word formation, individual author's style, science fiction.

Язык, точно, как и общество, использующее его в речи, подвергается постоянным изменениям и пополнениям. Самым ярким, на наш взгляд, доказательством развития и изменения языка является процесс появления новых слов. Это происходит потому, что люди всегда стремятся найти новые средства для номинации обозначаемого. Новые слова постоянно появляются в языке. Развитие науки и техники, расширение международного сотрудничества, растущая глобализация, а также множество других факторов влияют на пополнение словарного состава языка.

Данная статья посвящена исследованию индивидуально-авторских неологизмов в научно-фантастическом романе. Авторские неологизмы представляют интересный материал в словообразовательном и

семантическом планах.

Предметом исследования данной работы являются способы и особенности перевода индивидуально-авторских неологизмов в научно-фантастическом романе на русский язык. Целью данной статьи является рассмотрение именно способов и особенностей перевода авторских неологизмов на русский язык. Материалом исследования для статьи послужил научно-фантастический роман Нила Стивенсона «Анафем», где используется большое количество авторских неологизмов. Методами исследования являются изучение разнообразных источников информации, анализ полученных сведений, а также сопоставительный анализ. На основе анализа примеров выявлены приёмы перевода индивидуально-авторских неологизмов на русский язык. Анализ произведения показал, что при переводе автор использовал замены, опущения и добавления слов.

Особо интенсивное пополнение словарного состава языка наблюдается во время общественных перемен. И, как результат, появляются новые реалии, понятия, требующие названия. Наше время тоже принадлежит к таким эпохам. Такие исследователи русского языка, как М. А. Кронгауз, М. Н. Эпштейн, Г. Ч. Гусейнов, Л. О. Чернейко и др. отмечают подъём словообразовательной активности в современном коммуникативном пространстве. Таким образом, явления нового словообразования, которые, в последнее время, всё более приобретающие широкое распространение, привлекают внимание ученых к проблеме всестороннего исследования этих словообразований. Этот интерес сформировал такое направление исследований лингвистики, как неологию [7, с. 8].

Как молодая наука неология находится на стадии развития. И именно поэтому образовалось много нерешенных проблем. Например, трудность распознавания новых слов и неологизмов, а также анализ их происхождения, изучение способов их образования, принятие и употребление этих слов в обществе и лексикографическая обработки слов.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре дается следующее определение: «неологизмы (от греч. *neos* - новый и *logos* - слово) - слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз («оказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи» [4].

Помимо общеязыковых в речи могут встречаться авторские (индивидуальные, индивидуально-стилистические) неологизмы (оказионализмы), которые создаются авторами для определённых художественных целей. Как правило, они редко выходят за пределы контекста, не получают широкого распространения и остаются принадлежностью индивидуального стиля.

Изучение индивидуально-авторских неологизмов — одна из

актуальных задач современной лингвистики. Они ориентированы не на правила, являющимися общими для всех носителей языка, а на способности индивидуума использовать возможности, заложенные в системе языка.

Авторские неологизмы, так же, как и неологизмы, могут быть образованы по уже существующим в языке моделям образования неологизмов с помощью суффиксации, префиксации, сложения слов, усечения слов, конверсии и сокращения, а также путём семантической деривации и заимствования из других языков или диалектов, жаргонов и просторечий данного языка.

По способу образования неологизмы могут разделяться на заимствованные, словообразовательные и семантические неологизмы.

К заимствованным неологизмам относят слова и фразеологизмы, которые перешли из одного языка в другой либо из одного подъязыка в другой подъязык того же языка. Заимствования могут быть внешними (донор – другой язык) и внутренними (донор – один из подъязыков того же самого языка). Слова-неологизмы появляются в языке тремя путями:

1) путем словообразовательной деривации – образование новых слов из уже существующих в языке морфем по известным моделям. Наиболее распространены такие способы образования неологизмов, как:

- суффиксация (заземленн-ый – заземленн-ость);
- префиксация (пост-ельцинский, супер-выгодный);
- префиксально-суффиксальный способ (бытов-ой – о-бытов-и-ть);

2) путем семантической деривации, другими словами – развитие в уже существующем слове нового, вторичного значения на основе сходства вновь обозначаемого явления с явлением уже известным. К примеру, теневой – связанный с незаконными способами обогащения (теневой бизнес, теневая экономика);

3) путем заимствования слов из других языков. Например, (ваучер, имидж, маркетинг, ноу-хау, триллер и т. д.).

А вот к семантическим неологизмам относятся слова, которые уже существуют в языке. Здесь можно разграничивать старые слова, которые полностью поменяли своё основное значение и утратили предыдущее, и слова, в семантической структуре которых произошли изменения, которые привели к появлению нового значения при сохранении всех традиционных [3, с.101].

Проанализировав типологию и функционирование неологизмов и индивидуально-авторских окказионализмов, можно перейти к философской основе творчества Нила Стивенсона. Так как научная фантастика сейчас находится в самом разгаре, а технический прогресс не стоит на месте, то и писатели-фантасты, во всех вариациях прогнозирующие будущее, продолжают свою деятельность. Неповторимый стиль автора, поразительная четкость в деталях и прогнозах будущего, то, как он

комбинирует жанры и создает захватывающие сюжеты, делают Стивенсона главным на так называемом «игровом поле» фантастической литературы. Сам автор произведения научной фантастики практически не читает, так как, по его словам, это мешает написанию романов. Нил Стивенсон является не только хорошим программистом, но и часто общается с криптографами и хакерами.

Нил Стивенсон всегда славился способностью совмещать в одном тексте принципиально несоединимые и противоположные вещи — космическую оперу с философией (как в романе «Анафем»), наркотриллер и киберпанк (как в «Лавине») или криптоисторию и шпионский роман (как в «Криптономиконе»).

Писателя-фантаста ценят за трезвые и четкие прогнозы о технологическом развитии в будущем. Некоторые его романы даже носят характер «книг-предупреждений», которые метко отражают пороки современного общества.

В фокусе художественного внимания автора находятся вопросы социальных технологий, математики, криптографии, истории, лингвистики, философии и финансов.

Предложенная тема исследования подводит нас к практической части рассмотрения данного вопроса.

Итак, первое слово, которое встречается в романе — «Apert», что означает своего рода ритуал, в котором матик распахивает свои ворота на десять дней; в течение этого времени инаки могут выходить в экстрамурос, а миряне — заходить внутрь. На русский язык это слово переведено, как «Аперт», то есть, так как здесь наблюдается полное соответствие букв и звуков, переводчик использует прием транслитерации.

Далее мы видим слово «Avout», которое в русском языке имеет эквивалент «Инаки» — люди, давшие обет блюсти картизанский канон и посему живущие в матическом (в противопоставление секулярному) мире. Здесь переводчик использовал прием окказионального соответствия, то есть нерегулярный, единичный способ перевода единицы оригинала, подходящий только для определённого контекста [10].

Слово «Jeejah» — «Жужула», распространенное портативное электронное устройство, используемое мирянами и совмещающее функции мобильного телефона, фотоаппарата, сетевого браузера и так далее. Здесь также используется прием окказионального соответствия [10].

Например, слово «Cloister», с помощью приёма транскрибирования переведено как «Клуатр». Это сад или дом, окружённый строениями и считающийся центром или сердцем матика [10].

Также интересным примером может показаться выражение «Ant Vlog», переведенное как «Муравьиное искводо», то есть боевые искусства. Здесь переводчик также использует прием окказионального соответствия

[10].

Слово «Concent», в значении поселения инаков, в котором рядом расположены не менее двух матиков, с помощью прием транслитерации переведено как «Концент» [10].

Примером окказионального соответствия можно также считать перевод слова «Blithe» – «Раданица» – генетически модифицированное растение, вырабатывающее химическое вещество, известное под названием хороший [10].

Таким образом, в результате исследования данного вопроса мы пришли к выводу, что в романе Нила Стивенсона «Анафем» очень часто встречаются выражения или слова, не существующие в словарях. Автор сам формирует окказионализмы и вводит их в художественный дискурс, чтобы сделать текст более ярким и насыщенным. Поэтому эти лексические единицы больше нигде не используются. Наверное, именно поэтому при переводе на русский язык наиболее приемлемым является приём окказионального соответствия (контекстуальной замены), так как этот перевод соответствует только для этого текста. В каких-то случаях переводчик дает толкование слову, используя не только первое его значение, как например слово «Repance» переводчик истолковал как «Епитимья», а не, как первое значение – «Наказание» [8].

Список использованных источников

1. Брагина А. А. Неологизмы в русском языке. М.: Просвещение, 1973. – 224с.
2. Горшунов Ю. В., Сафиуллин Р. Э. Популярныe неологизмы английского языка в свете словообразования и языковой игры // IN SITU. Филологические науки. 2016. № 1-2. С. 38-40.
3. Заботкина В. И. Слово и смысл. М.: РГГУ, 2012. 427 с.
4. Заикина К. А., Шевчук-Черногогорова М. А. Способы перевода реалий с французского языка на русский в произведении Натали Саррот "Детство" // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 169-172.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 331.
6. Мангушев С. В. Изменение лексического состава языка как результат взаимодействия культур (на материале неологизмов русского и английского языков) // Евразийское Ожерелье. Альманах Общественного института народов Оренбуржья имени Мусы Джалиля. Вып. 10. – Изд-во ОГПУ, 2010. С. 220-232.
7. Несветаило Ю. Н. Основные способы образования неологизмов в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 73-75.
8. Норец М. В., Сёмченко Р. А. Авторские неологизмы в художественном

тексте: способы образования и особенности перевода (на примере произведения Чака Паланика "Колыбельная") / М.В. Норец, Р.А. Сёмченко // В сборнике: Переводческий дискурс: междисциплинарный подход Материалы II международной научно-практической конференции. Главный редактор М.В. Норец. – 2018. – С. 420-424.

9. Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В. Неология и неография современного русского языка: учеб. пособие. – 3-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2017. 168 с.

10. Stephenson. N. Anathem. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epdf.pub/neal-stephenson-anathem.html> (дата обращения 15.01.2020).

УДК 61.001.4

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕДИЦИНСКИХ ЭПОНИМОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ П. УОТТСА «ЭХОПРАКСИЯ»
И «ЛОЖНАЯ СЛЕПОТА»)**

М. В. Норец,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Д. С. Салимова,

магистрант второго года обучения кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье приводится общая характеристика эпонима, а также приводиться классификация эпонимических терминов в системе медицинской терминологии. Основной целью данного исследования является анализ проблем, связанных с переводом медицинских эпонимов, а также различных подходов, применяемых в решении данных проблем.

Ключевые слова: эпоним, термин-эпоним, медицина, медицинский перевод

Summary. The article explores the concept of eponym and defines general characteristics of eponyms in medical terminology. The study focuses on the translation transformations commonly used in terminology translation. Considerable attention is devoted to problems in translating eponyms and other issues, such as qualifications of medical translators, verification and review.

Key words: eponym, medicine, medical terminology, medical translation.

Особое место в обширной системе терминологических единиц, функционирующих в сфере медицины, занимают термины-эпонимы, представляющие некоторые трудности при их декодировании и переводе. Эпоним (греч. *eponymos*: *epi* – «после», *onoma* – «имя») – «дающий свое имя»). Под терминами-эпонимами мы понимаем обозначения явления

(например, болезни), понятия, структуры или метода по имени человека, впервые его обнаружившего или описавшего. Таким образом, эпонимические термины связаны с культурно-историческими коннотациями, тем самым выполняя мемориальную функцию, т.е. напоминая о вкладе конкретных ученых в развитие науки [2, с. 241 - 243].

Многочисленные исследования терминов-эпонимов не только со стороны лингвистов, переводчиков, но и медиков показывают, что эпонимические единицы получили распространение и прочно укоренились в медицинской терминологии и являются показателем научного стиля, обеспечивают эффективность профессиональной межкультурной коммуникации.

Эпонимические термины можно разделить на категории по нескольким признакам. Первый признак – собственно источник эпонимии: 1) библеизмы: хворь святого Мавра, адамово яблоко; 2) мифологизмы: аммонов рог, ахиллово сухожилие, ахиллов рефлекс, голова Медузы; 3) термины, произошедшие от имени ученого или врача. Эпонимом в составе подобных терминов также могут вступать имена знаменитых пациентов: болезнь Лу Герига; имена литературных персонажей: синдром Отелло, синдром Алисы в стране чудес; а также топонимы: болезнь Лайма. Вторым признаком, используемым в классификации эпонимов может выступать обозначаемый объект: - болезни (*Hodgkin's disease* - болезнь Ходжкина); - синдромы (*Down's syndrome* - синдром Дауна); - анатомические единицы организма (*Horner's muscle* - мускул Горнера); - медицинские теории (*Fletcherism* - Флетчеризм); - методы исследования и лечения (*Bailey's method* - метод Бейли); лекарственные средства (*Salk and Sabin vaccine* - вакцины Солка и Сабина); - медицинский инструментарий (*Cooper's scissors* - ножницы Купера); - тесты по определению заболеваний (*Dick test* - тест Дика) [1].

Любая новая эпонимическая единица проникает в язык вместе с новым изобретением и приспособляется к структуре и правилам функционирования лексической системы языка-реципиента.

Одним из основных приемов, применяемых в переводе эпонимических терминов, является калькирование.

Английский эпоним	Эквивалент в русском языке
Achilles tendon (Achilles' tendon)	Ахиллово сухожилие
Down syndrome	Синдром Дауна
Creutzfeldt–Jakob disease	болезнь Крейтцфельдта-Якоба

Таблица 1. Примеры английских эпонимов и их эпонимических эквивалентов в русском языке

Потенциальной проблемой при поиске эквивалента может быть

ситуация в которой эпонимическому термину в языке оригинала соответствует неэпонимический термин в языке перевода:

Эпоним	Эквивалент
Hodgkin's disease	Хронический злокачественный лимфоматоз
The Circle of Willis	Артериальный круг большого мозга
Граафов пузырек	Antral follicle
Боковой амиотрофический склероз	Lou Gehrig's disease

Таблица 2. Соответствующие пары эпонимических и неэпонимических терминов в русском и английском языках

Кроме того, некоторые понятия могут обозначаться как эпонимическими терминами, так и их неэпонимическими синонимами, описательными терминами или терминами, сформированными из латинского или греческого корня, что также может ввести переводчика в заблуждение:

Эпоним	Неэпонимический синонимичный термин
Giardia lamblia	Giardia duodenalis Giardia intestinalis
Cowper's Glands	bulbourethral glands
Bartholin Glands	greater vestibular glands

Таблица 3. Дублиеты эпонимических и неэпонимических терминов

Еще одним часто применяемыми в переводе эпонимов приемами являются транслитерация и транскрибирование. Английские термины-эпонимы транслитерируются и транскрибируются согласно русского правописания, однако отдельные термины воспроизводятся согласно фонетических и графических правил в языке оригинала. Причиной вариативности воспроизведения этих терминов являются как лингвистические, так и экстралингвистические факторы [3].

Исследования отобранных английских терминов эпонимов на предмет перевода их на русский язык позволило выделить следующие варианты транскодирования и трансформаций. Некоторые фамилии, которые являются составной частью медицинского термина, воспроизводятся графически с сохранением всех букв и удвоением: Allen's test - проба Аллена, Brenner tumour - опухоль Бреннера, Adams clasp - кламер Адамса. Отдельные фамилии-термины транскрибируются (часто без сохранения удвоения в конце слова), то есть воспроизводятся на фонетическом уровне: Black's classification - классификация Блэка, Baumann's angle – угол Баумана, Alder-

Reilly anomaly - аномалия Альдера - Рейли.

И большинство эпонимических единиц подвергаются как орфографической, так и фонетической трансформации, то есть адаптируются к языку-реципиента.

Именно вариативность транскодирования имени собственного в термине-эпониме может привести к ошибкам в понимании и в возникновении двух или более вариантов одного названия. Например: термин Allis' sign имеет двойное написание в русском языке. В словаре Дорланда предлагается симптом Еллиса, в то время как некоторые другие источники предлагают симптом Аллиса. При ошибочном использовании или пропуске хотя бы одного элемента в следующих терминах с именем собственным Эллис (как составляющей термина), кардинально меняется его значение. Приведем несколько примеров: Ellis syndrome - Эллиса синдром - это форма сексуальной перверсии (урофилия) Allis' sign - Эллиса симптом - ослабление фасции между гребнем подвздошной кости и большого вертела: признак перелома шейки бедренной кости Ellis - van Creveld (EVC) syndrome - Эллиса-ван-Кревельда - хондроектодермальна дисплазия.

Имея дело с переводом медицинских терминов, которые требуют точности и однозначности, мы согласны с мнением, что переводчик должен хотя бы частично ориентироваться в тематике переводимых текстов. Кроме того, в тексте перевода нужно избегать неправильно ориентирующих терминов, если в определенной терминосистеме имеются их синонимы с более мотивированной внутренней формой. При переводе похожих терминов, в частности с компонентами синдром и симптом, недопустим оказийный выбор транскодирования. Несмотря на то, что эти лексические единицы в русском языке схожи по звучанию, они информативно разные. В таком случае более уместно использование синонимов или описательного метода. Хотя синонимия считается негативным явлением терминологической матрицы, все же она существует. И именно частота употребления терминологической единицы определяет, каким термином пользоваться, а какого избегать.

Таким образом, можем прийти к выводу, что основные приемы, применяемые при переводе терминов-эпонимов – калькирование, транслитерация и транскрипция. Главными проблемами, с которыми может столкнуться переводчик в процессе работы в данном случае являются терминологическая синонимия (в частности терминологические дубликаты, когда эпонимическому термину также соответствует неэпонимический синоним), а также вариативность транскодирования. Поскольку текст, послуживший основой данного исследования, относится к жанру научной фантастики, следует также упомянуть о важности анализа целевой аудитории перевода, поскольку в определенных случаях (например,

перевод, направленный на неподготовленного читателя) описательный перевод, будет более предпочтительным, нежели использование терминологии.

Список использованных источников

1. Гавриленко Н. Н. К вопросу о трудностях медицинского перевода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gavrilenko-nn.ru/didactics/1123>
2. Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
3. Норец М.В., Норец Т.М. Особенности художественного перевода с русского на французский и обратно / М.В. Норец, Т.М. Норец // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2019. – № 3-4 (27-28). – С. 5-12.
4. Солнцев Е. М. Перевод медицинских текстов: к вопросу о соотношении общих и частных проблем. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.spalmira.ru/med-perevod.html>
5. Rask N. Analysys of a medical translation: terminology and cultural aspects// VäxjöUniversitetPublikationer. – 2004. URL: <http://vxu.divaportal.org/smash/record.jsf?pid=diva2:206300>
6. Herget K., Alegre T. Translation of Medical Terms // Translation Journal. – Vol. 13, No 3 – July 2009. URL: <http://translationjournal.net/journal/49medical1.htm>

УДК 811.12

СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «КАРЬЕРА» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Т. М. Норец,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии (СП),
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

А. А. Ильницкая,

*магистрант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики,
Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Целью данной статьи является изучение языковых средств объективации и вербализации концепта «карьера» во французской языковой картине мира. В ходе нашего исследования были использованы: метод семантико-когнитивного анализа, описательно-аналитический метод, индуктивно-дедуктивный метод. Сделан вывод о том, что концепт «карьера» во французской культуре является одним из основополагающих

атрибутов бытия, подверженный объективным внешним изменениям в результате активного развития общества, и в большинстве случаев понимается как различного рода продвижение и самореализация.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, концептосфера, языковая картина мира, карьера, самореализация.

Summary. This article is devoted to the study of the linguistic means of objectification and verbalization of the concept «career» in French language. In the process of research, we used such methods as the semantic-cognitive analysis, descriptive-analytical method and inductive-deductive. In French culture the concept of «career» is one of the fundamental attributes of being, actively changing due to the active development of society and in most cases is understood as various kinds of promotion and self-realization.

Key words: cognitive linguistics, concept, conceptsphere, language picture of the world, career, self-realization.

В современном языкознании активно развивается направление, получившее название «когнитивная лингвистика». Объектом когнитивных исследований выступают способы концептуализации действительности, формирования и презентации знаний о мире в языковой семантике.

В рамках когнитивистики сложилось мнение о том, что человек живет не столько в мире предметов и вещей, сколько в мире концептов, которые удовлетворяют его ежедневные потребности. Система концептов образует картину, в которой отражается понимание человеком реальности, совокупность взглядов народа на окружающую действительность.

Французский язык является важным элементом французской культуры. Национальная концептосфера, несмотря на тенденцию к мультикультурализму, обладает сильным этноцентрическим потенциалом, развивающимся благодаря национальному языку. Вышесказанное позволяет утверждать, что изучение каждого отдельного концепта способствует наиболее полному осмыслению языковой картины Франции.

На современном этапе развития общества, понятие самореализации тесно связано с восприятием карьеры, которая является одним из основополагающих элементов бытия каждого отдельного индивидуума. Однако, в век активного технологического прогресса и развития общества, данный жизненный аспект как никакой иной подвержен внушительным внешним изменениям. Необходимо отметить, что каждый человек воспринимает его по-разному в зависимости от сферы интересов, умений и навыков, образования, культуры, пола, возраста и социального положения. Подобный ряд трансформаций и личностных критериев, связанных с восприятием карьеры, обуславливает повышенный интерес к данному вопросу и способствует его обсуждению на теоретическом уровне в разных сферах знаний – в философии, психологии и лингвистике.

Во французском языке существительное «carrière» происходит от

итальянского «*carriera*» и дословно обозначает «путь колесницы», «путь по которому вы идёте», «курс по жизни». Данный пример даёт наглядное сравнение пути карьеры человека с движением колесницы: она может двигаться вперед, назад или же вовсе остановится.

Французский энциклопедический словарь «*Le Petit Robert*» («Малый Робер») определяет термин карьера, как «*un métier, une profession, qui présente des étapes, une progression*» – профессия, которая представляет собой продвижение по этапам, прогрессирование, движение вперед [2, с. 523].

«*Grand Larousse encyclopédique*» («Большая энциклопедия Ларусса») даёт термину карьера «*la carrière*» следующие толкования:

— «*Profession à laquelle on se consacre et comportant des étapes*» [1, с. 320] (Профессия, которой мы себя посвящаем и проходим её поэтапно.).

— «*Vie professionnelle considérée comme un ensemble d'étapes à parcourir*» [1, с. 320] (Профессиональная жизнь как набор этапов, которые нужно преодолеть).

Французское интернет издание «*Reverso Dictionnaire*» («Словарь Реверсо») объясняет понятие «*la carrière*» следующим образом:

— «*Profession comprenant plusieurs niveaux, des promotions possibles*» [3] (профессия с возможностью продвигаться по карьерной лестнице);

— «*La carrière ou parcours professionnel est le parcours personnel d'une personne dans sa vie professionnelle*» [3] (Карьера (карьерная лестница) является процессом продвижения человека по его карьерному пути).

Французский лингвист Бернар Газие (Bernard Gazier) в Универсальной энциклопедии («*L'encyclopédie Universalis*») пишет о том, что карьера – это иерархическая система должностей и рабочих мест, «*la carrière est un système hiérarchisé de grades et d'emplois*» [5, с. 256].

Исходя из вышесказанного, под понятием карьеры мы понимаем цепь жизненных событий, состоящих из различных ролей и занятий, которые способствуют его продвижению по карьерной лестнице и саморазвитию.

Поскольку любой концепт представляет собой не единый образ, а созидательный смысл – важно рассмотреть смежные понятия, возникающие у представителей французского общества наряду с понятием карьеры. В современном французском языке в концепте «*la carrière*» стабильно реализуются семантико-когнитивные профили: *le métier* (профессия), *le travail* (работа), *l'emploi* (занятость), *le succès* (успех), *la réalisation* (реализация), *la progression* (прогресс), *le poste* (должность), *le service* (служба), *la fonction* (функция).

Доминантной среди них является «*le métier*». Согласно «*Grand Larousse encyclopédique*» («Большая энциклопедия Ларусса») лексическая единица «*le métier*» представляет собой:

— «*Activité sociale définie par son objet, ses techniques, etc*» [1, с. 267]

(социальная активность определяемая своим назначением, методами и т.д.);

— «Profession caractérisée par une spécificité exigeant un apprentissage, de l'expérience, etc., et entrant dans un cadre légal» [1, с. 268] (профессия, характеризующаяся спецификой, требующей обучения, опыта и т.д., и вступления в правовую основу);

— «Habilité technique que procurent la pratique, l'expérience d'une activité professionnelle» [1, с. 268] (технические навыки, предоставляемые практикой, опыт профессиональной деятельности).

Данный ряд семантико-когнитивных профилей дают возможность понять, что концепт «la carrière» применяют не только к трудовой деятельности, но и к другим аспектам жизни, поскольку одновременно с прибавлением любого опыта и ответственности, растут и возможности человека. Карьера является не только путём к различного рода успеху и видному положению в обществе, но и самим процессом, посредством которого человек оценивает и улучшает свое место в обществе.

Как и семантико-когнитивные профили, так и процесс словообразования отражает национальную культуру и восприятие определенного концепта нацией. Как известно, словообразовательной парадигмой называют совокупность производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на одной ступени словопроизводства. От имени существительного «la carrière» – «карьера» существует ряд производных слова (дериватов), среди которых можно выделить следующие лексические единицы: un / une carriériste (карьерист, карьеристка); un carriérisme (карьеризм); une carrières (карьер, ипподром, арена), une carriérisation (карьера).

— carriériste, adjectif (masculin et féminin). Personne qui recherche avant tout la réussite sociale par le biais d'une carrière (Человек, который добивается социального успеха через карьеру);

— carriérisme, nom masculin (fait d'avoir de l'ambition professionnelle). Стремление сделать карьеру, добиться личного успеха, продвинуться в какой-либо сфере деятельности (не всегда имеет положительную эмоциональную окраску);

— carrière, nom (féminin) имеет два основных значения:

1) Lieu dont on extrait de la pierre (Место, где извлекается камень). Этимология: «Lieu d'où l'on tire de la pierre. Ouvrir une carrière. Carrière de marbre, d'ardoise.» [3]. Выражение заимствовано у грека, который при дворе Дионисия, тирана, предпочел вернуться в каменоломни, из которых он ушел, чем восхищаться дурными стихами царя.

2) Lice, lieu fermé de barrières, pour courre la bague, ou pour d'autres exercices d'homme à cheval (Закрытое место предназначенное для езды на лошади) [3].

— carriérisation, nom féminin (fait d'amener à faire carrière.) Процесс

самореализации, продвижения по карьерной лестнице, сама карьера.

При анализе средств вербализации концепта важно рассмотреть устойчивые сочетания, которые несут важную для изучения культурную информацию. Так, материал нашего исследования позволяет выделить следующие тематические группы с понятием «la carrière»:

1. Начало карьеры (*s'embarquer dans une carrière* (начало карьеры); *embrasser une carrière* (выбор карьеры); *débuter un parcours professionnel* (начало карьеры); *donner le coup d'envoi à une carrière* (начало профессионального пути); *entrer dans la carrière* (положить начало карьеры); *ouvrir une carrière* (начать карьерный путь);

2. Продвижение по карьерной лестнице (*courir une carrière* (продвигаться на каком-либо профессиональном поприще); *mener une carrière* (следовать своему профессиональному пути);

3. Стремительный карьерный рост (*carrière solo* (карьера, успехи в которой достигли самостоятельно (без помощи); *carrière météorique* (стремительный карьерный взлет); *sommet d'une carrière* (самый большой профессиональный успех); *faire de la carrière* (сделать карьеру)).

4. Этапы карьеры (*carrière en dents de scie* (карьера, выдавшая взлеты и падения); *rater une carrière* (познать неудачу в карьере); *mettre sa carrière entre parenthèse* (сделать паузу в развитии карьеры, на своем профессиональном пути); *une carrière avortée* (познать неудачу на карьерном пути));

5. Окончание профессионального пути (*fermer la carrière* (закрыть путь к успеху); *carrière avortée* (карьера, законченная раньше времени); *clôre une carrière* (закончить карьеру);

6. Виды карьеры (*les carrières administratives* (административные должности); *les carrières manuelles* (ручной труд)).

Афоризмы и пословицы, содержащие большое количество информации культурного характера, выступают как эффективное средство языковой объективации концепта. Анализ материалов исследования позволил выделить семантические группы, организованные по принципу тематического поля. Среди них мы выделили:

1. Успешная карьера, как продвижение по карьерной лестнице с усилиями («*Beaucoup de gens ont du talent, mais seul le travail permet de faire carrière*». Алис Паризо говорит, что у многих людей есть талант, но только усилие поможет сделать карьеру);

2. Карьера – это призвание («*On peut très bien faire une carrière sans avoir de voix, mais en ayant du cœur*», афоризм принадлежащий французскому певцу Анри Сальвадору, свидетельствует о том, что главное относиться к делу с душой, с открытым сердцем, что принесет успех.);

3. Карьера, как личная борьба индивидуума за достижение поставленной цели (Саша Гитри говорил: «*Quelle que soit la carrière, que vous embrassiez, proposez-vous un but élevé*», какую бы карьеру вы ни выбрали,

стремитесь к самой высокой цели.);

4. Второстепенная роль концепта «*carrière*» в жизни человека («*Et bien oui, je je préfère réussir ma vie que réussir ma carrière.*», – Бриджит Бардо (Я предпочитаю преуспеть в своей жизни, чем преуспеть в своей карьере));

5. Юмор и самоирония авторов в концептосфере «*carrière*» («*Un homme doit souvent sa carrière à sa première femme, et sa deuxième femme à sa carrière*», – «Зачастую, мужчина достигает успеха в своей карьере благодаря своей первой жене, а благодаря карьере у него есть вторая жена» (Морис Хоргес)).

На основе исследованного нами номинативного поля концепта «*la carrière*», мы можем сделать вывод, что данный концепт в большинстве случаев понимается как различного рода продвижение, стремление, жизненный путь. Доминантными семантико-когнитивными профилями являются: работа, призвание, личная борьба индивидуума за построение успешной карьеры, успех и самореализация. Также необходимо отметить, что концепт несет в себе огромный культурный пласт и является важным элементом для осмысления французской культуры.

Список использованных источников

1. Grand Larousse Encyclopedique Edition en 10 volumes / Editions Larousse // Reliure editeur. 10 volumes. – 1960 - 1964.

2. Le Petit Robert, 2007. – 1024 p. [Ressource électronique] / Mode d'accès: <https://www.lerobert.com/dictionnaires/francais/langue>. – (Date d'appel: 28.01.2020).

3. Dictionnaire Français. Définition en ligne : traduction des mots et expressions, définition, synonymes. [Ressource électronique] / Mode d'accès: <https://dictionnaire.reverso.net/francais-definition/>. – (Date d'appel: 27.01.2020).

4. Dubar C. Sociologie des groupes professionnels en France: un bilan prospectif . Savoir, travail et société. Knowledge, Work & Society / C. Dubar, 2004. Vol. 2. N 2. – 108 p.

5. Encyclopedia Universalis. [Ressource électronique] / Mode d'accès: <https://www.universalis.fr/>. – (Date d'appel: 02.03.2019).

6. Tripier P. Du travail a l'emploi. Paradigmes, ideologies et interactions / P. Tripier. Bruxelles: Presses de l'Universite de Bruxelles, 1991.

7. Норец М.В., Норец Т.М. Особенности художественного перевода с русского на французский и обратно / М.В. Норец, Т.М. Норец // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2019. – № 3-4 (27-28). – С. 5-12.

8. Шевчук-Черногогорова М.А. Универсалии фразеологических систем русского, английского и французского языков // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 643-648.

УДК 81.133.1:81373.613=161.1

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЗВУКОВ-ЭКЗОТИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА ВО ФРАНЦУЗСКОМ

Т. М. Норец,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии (СП),
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

А. А. Свербилова

*аспирант, Таврическая академия (с.п.), Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация: Данная статья посвящена анализу заимствований из русского во французском языке, причин их возникновения и способов передачи звуков, не существующих во французском языке. В работе представлена классификация заимствованных слов и способы передачи звуков средствами французского языка. Методы исследования: сравнение, классификация, обобщение, анализ.

Ключевые слова: лексика, заимствования, русизмы.

Summary: This article is devoted to the analysis of borrowings from Russian in French, the reasons for their occurrence and methods of transmitting sounds in French. There is a classification of borrowed words and methods of transmitting sounds by means of the French language in this paper. Research methods: comparison, classification, generalization, analysis.

Keywords: vocabulary, borrowing, Russianisms.

В лингвистической литературе приводится множество вариантов определения термина «заимствования». Приведем некоторые из них: «Под термином «заимствование» понимается как процесс заимствования, т.е. передача и перенимание слов и выражений, так и сам результат этого процесса - заимствованные иноязычные лексические единицы». «Под термином «заимствование» следует понимать все слова иноязычного происхождения, независимо от времени заимствования и степени их ассимиляции» [1, с. 15].

Изучением вопросов заимствования во французском и других европейских языках, а также аспектов, связанных с этим понятием в языкознании, занимались выдающиеся ученые лингвистической науки: С. В. Анохина, В. Г. Демьяно, П. А. Журавлев, Л. П. Крысин, Н. В. Кушнарцева, Д. С. Лотте, А. В. Минасян, Н. В. Сидакова, В. Н. Шапошников и другие ученые-лингвисты [6, с. 97].

Интерес к заимствованиям из русского языка во многом определялся политической обстановкой, событиями, которые влияют на изменение статуса русского языка в мире. Русский язык XV-XX вв. передал другим

языкам – в частности, французскому, немецкому, английскому – слова, обозначающие преимущественно этнографические и природные реалии.

Иноязычные слова можно определять в зависимости от степени их усвоения в языке: «собственно заимствования», «усвоенные слова», «неусвоенные слова», «укоренившиеся слова», «экзотизмы», «варваризмы». Это связано с частотностью их употребления. Заимствования из русского языка носят название руссизмы [3].

Заимствования из русского языка во французский язык демонстрируют историю развития отношений между Россией и Францией. В IX–XII вв. преобладают устные заимствования, которые появляются во французском языке посредством общения французов с русскими жителями или через переводчиков-толмачей.

Развитие научно-технических, экономических и политических отношений между Россией и Францией способствует возрастанию интереса к русскому языку, процесс распространения которого во Франции разделяется на два периода:

1) индивидуальный период в изучении русского языка (2-я половина XVI в. – 70-е гг. XIX в.);

2) период, когда изучение русского языка приобретает организованный, систематический характер (70-е гг. XIX в. – наши дни) [5].

До 1917 г. во французских словарях насчитывалось только несколько десятков слов, заимствованных из русского языка: *samovar*, *steppe*, *isba*, *rope*, *taïga* и др. Выбор русских слов в это время осуществлялся без каких-либо критериев; выбирали только те слова, которые приходились по вкусу.

Наиболее точно история взаимодействия русского языка с другими языками Европы (в том числе и французским) представлена в классификации В. В. Акуленко. Автор выделяет четыре этапа. Первый период начинается с эпохи Киевской Руси и длится до первой половины XVI века. Второй период начинается с конца XVI и продолжается до середины XIX века. В этот период устанавливаются регулярные политические и экономические связи между Россией и Францией. Третий период берет начало в 60-х годах XIX века и продолжается до 1917 года. В это время происходит постепенный переход к заимствованию слов, обозначающих понятия, явления, идеи. Четвертым периодом является советская эпоха, т.е. период с 1917 до середины 80-х годов XX века. В это время русские политические термины использовались во всем мире и дополнили словарные составы множества языков. Среди них такие слова и выражения: *soviet* (совет), *bolchevik* (большевик), *udarnik* (ударник).

Сегодня можно говорить и о пятом послесоветском периоде. В зарубежных СМИ появились слова, отражающие события в СССР: *democratizatsia* (демократизация), *hozraschot* (хозрасчет), *novoye miichleniye* (новое мышление), *uskoreniye* (ускорение) [4].

Проникновение русских слов в язык с другим алфавитом сопряжено с проблемой их записи, буквенной передачи звуков, экзотичных для французского языка.

Так, для передачи гласных **ё, ю, я** используются буквосочетания: **io, iou, ia/ya**. Например, *matriochka* (матрёшка); *Katiousha* (Катюша); *Yakoutie* (Якутия). Примеры иллюстрируют несколько вариантов передачи буквы **е**, например, *des boïviki* от рус. боевики, или *un samoyède* от рус. самоед и т.п. Буква **ы** – обозначающая соответствующий твердый гласный, сложный для произнесения носителями французского языка – передается буквой **i**, например, франц. *blini* от рус. блины, *chachlik* от рус. шашлык.

Буква **з** может выражаться во французском языке с помощью **z**, например, в слове *kholkhoze* от рус. колхоз, хотя такие случаи единичны, видимо ввиду низкой частотности этой буквы во французском языке. Большее распространение получило использование буквы **s** как в слове *oukase* от рус. указ. Конечная гласная **е** определяет чтение согласной **s** как звонкой.

Буква **к** передается буквой **k**, например: *apparatchik* от рус. аппаратчик, *babouchka* от рус. бабушка, *zakouski* от рус. закуски, *kopeck* от рус. копейка, *moujik* от рус. мужик и т.д. Хотя в исконно французских словах эта буква встречается крайне редко.

Удвоение согласных, как правило, сохраняется.

Шипящие русского языка представляют особую трудность для передачи во французском языке:

- **ш** передается буквосочетанием **ch**, например, франц. *kacha* от рус. каша, франц. *bolchevik* от рус. большевик;
- **щ** соответствует **chtch**, например, франц. *borchtch* от рус. борщ;
- **ч** передается **tch**, например, франц. *datcha* от рус. дача;
- **ц** передается двумя способами: с помощью **ts** или **tz**, в результате, в словаре приводятся два варианта: *tsar* и *tzar* от рус. царь.

Разнообразие заимствованных слов позволяет классифицировать их по темам. В результате анализа заимствований по сфере использования были определены следующие типы:

1. повседневная лексика: напитки, пища (*blini*, *borchtch*, *kacha*, *kholodetz*, *kwas*, *morse*, и др.); жилище (*datcha*, *isba*, *kommunalka*, *lèjanka postoïaloï dvor*, и др.); слова для обозначения одежды (*sarafane*, *touloupe*, *valenki*, и пр.);

2. географические наименования (*merzlota*, *steppe*, *toundra*, *belouga*, *sterlet*, *saïgak* и др.);

3. слова для обозначения народных музыкальных инструментов и игрушек (*balalaïka*, *garmochka*, *matriochka* и др.);

4. денежные единицы (*rouble*, *kopeck*) [2];

5. наименования лиц по различным признакам: титулы и сословия

(boyard, cosaque, koulak, moujik и др.); социальные статус, принадлежность к определенной части социума (intelligentsia, tekhnar) [2];

6. слова, связанные с организацией труда (kolkhose, sovkhose, kolkhosien, stakhanoviste и др. [8];

7. слова для определения институтов власти (tsar, politburo, obkom, raïkomi др.); названия учреждений (okrana, Tchéka, NKVD, KGB, Goulag le service de sécurité russe FSB, RosPil, Gazprom, Sberbank, Rosneft); патриотические объединения (conseil des vétérans); законодательные акты (ukase) [2];

8. названия как печатных, так и электронных СМИ: quotidien Kommersant; Dojd, le magazine Vlast; Les chaînes publiques Pervyi Kanal et Vesti; le quotidien en ligne Gazeta.ru; la seule chaîne de télévision privée à diffusion nationale, NTV; le quotidien Vedomosti; la radio Echo de Moscou [5].

Русская экзотическая лексика, используемая во французских текстах, может быть в самом общем виде разделена на две группы: это слова, вошедшие в лексическую систему французского языка, и слова, используемые однократно.

При изучении заимствований важным представляется исследование их текстовых употреблений, поскольку именно в текстах наиболее характерно проявляются особенности употребления слов, а заимствованных слов в особенности. Текстовые источники фиксируют судьбу иноязычного слова с момента его первого появления в лексической системе воспринимающего языка и до его закрепления в ней в одних случаях или до его утраты в других случаях. Чтобы реализовать свое значение и стилистическую окрашенность, слово вступает в многообразные связи с определяющими его другими словами. Эти связи имеют двусторонний характер: с одной стороны, иноязычное слово воздействует на окружающий его текст, одновременно адаптируясь в нем; с другой стороны, само иноязычное слово подвергается воздействию чужой языковой среды, нередко приводящему к значительным смысловым или стилистическим его изменениям. Исследование текстовых употреблений русских заимствований способствует более глубокому пониманию их особенностей, а также помогает расширить представление об их функциях в разных типах текста.

Список использованных источников

1. Ахметшина Ю. В. Англоязычные заимствования в системе иностранного языка: определение понятия, причины заимствования (на примере немецкого языка). //Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 5 (60). – С. 16-18.

2. Dictionnaire de francais LAROUSSE. [Electronic Resource] // Dictionnaire de francais LAROUSSE. Mode of access: <http://www.larousse.fr> (дата обращения 01.02.2020)

3. Мжельская О. К. Заимствования как результат взаимодействия языков и некоторые направления их изучения. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». – 2007. – № 5(59). – С. 115-117.

4. Норец М.В. Перевод как средство межъязыковой коммуникации / М.В. Норец // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2019. – № 3-4 (27-28). – С. 40-46.

5. Проценко Е. А. Русский язык как источник межъязыкового перекодирования в современной французской прессе. // Научный вестник Воронежского государственного университета. – №4 – С. 178-189.

6. Рахматулаева Т. Г., Акипова Ю. А. Русизмы во французской периодической печати и электронных ресурсах. // Интеграция науки и практики как механизм эффективного развития современного общества. Материалы XV международной научно-практической конференции научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». – 2015. – С. 126-130.

7. Сидакова Н. В. О роли франкоязычных заимствований в лексикологической системе русского языка. // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 2(23). – С. 96-100.

8. Филатова Н. А. Русская экзотическая лексика во французском языке. // Язык и речь в свете функционально-семантического подхода, Орехово-Зуево: МГОГИ, 2015. С. 179-211

9. Щерба Л. В., Матусевич М. И. Русско-французский словарь. М.: Русский язык, 1993.

10. Норец М.В., Норец Т.М. Особенности художественного перевода с русского на французский и обратно / М.В. Норец, Т.М. Норец // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2019. – № 3-4 (27-28). – С. 5-12.

11. Шевчук-Черногогорова М.А. Универсалии фразеологических систем русского, английского и французского языков // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 643-648.

УДК 811.11

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА НА ПРОЦЕСС ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Е. Ю. Оберемченко,

*к. филол. наук, доцент кафедры перевода и ИТЛ, Институт филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный
университет, Ростов-на-Дону*

А. Д. Глухова,

*студент четвертого курса Института филологии, журналистики и
межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону*

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей влияния гендерной личности переводчика на процесс и результат перевода художественного текста. Методом контрастивного анализа было выявлено, что выбор языковых средств связан с ценностями и стереотипами личности как представителя определенной гендерной культуры. Женские переводы отличаются выразительностью и образностью, в то время как переводы мужчин более лаконичны, синтаксически просты и лексически нейтральны.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, теория перевода, языковая личность переводчика, гендерный аспект, художественный текст.

Summary. The article is devoted to identifying the peculiarities of the translator's gender identity influence on the process and result of literary translation. The method of contrastive analysis revealed that the choice of language means is associated with the values and stereotypes of the individual as a representative of a certain gender culture. Thereby, women's translations are more expressive and imaginative, while men's translations are more concise, syntactically simplified and lexically neutral.

Key words: gender linguistics, theory of translation, language personality of a translator, gender aspect, literary text.

В связи с широким распространением гендерных исследований проблема влияния гендерной личности переводчика на процесс перевода приобретает особую актуальность в теории художественного перевода. Для переводоведения важны особенности влияния гендерномаркированных единиц на смыслообразование в текстах. К таким единицам ученые относят слова и фразы, указывающие на стереотипы, обусловленные гендерным аспектом, а также традиции и ценности, которые являются приоритетными для представителей ИЯ и ПЯ. Однако, во время перевода гендерные стереотипы проходят через «фильтрацию» переводчика, что может повлечь за собой радикальные изменения.

Данный факт подтверждается в трудах отечественных и западных лингвистов. Считается, что для версий женских переводов исходных

мужских текстов характерна трансформация маскулинности текста ИЯ в феминность, а также иронизация гендерных стереотипов автора-мужчины. Объяснением этой стратегии может стать борьба за политическое и социальное влияние. Такой подход к переводу обозначается термином «*womanhandling*». По аналогии существует термин «*manhandling*», который применяется в отношении переводов женских текстов, выполненных переводчиками-мужчинами. Этот подход также адаптивного характера, но он направлен на «фильтрацию» текста в соответствии с ценностями и стереотипами личности как представителя определенной гендерной (в данном случае, маскулинной) культуры [4, с. 133, 134].

Принимая во внимание эти два подхода, лингвисты и специалисты в области перевода выделяют некоторые общие для всех мужских переводов особенности:

1. Краткость текста.
2. Частотность употребления лексики сниженного стиля и терминологии.
3. Использование обобщенных категорий.
4. Предпочтение простых предложений сложным [6, с. 98].
5. Мужчины не так строго придерживаются текста оригинала, делая свой перевод более авторским и творческим [3, с. 134].

Согласно лингвистическим исследованиям женские переводы отличаются следующей спецификой:

1. Большая образность переводов. Это делает текст перевода в некоторых случаях ярче и экспрессивнее, чем текст оригинала.
2. Выбор стилистически окрашенные языковые средства [9, с. 97]. Часто женщины выбирают книжную лексику [3, с. 134].
3. Конкретизация деталей и дифференциация понятий.
4. Использование сложных распространенных предложений, которые осложняются такими синтаксическими структурами как причастные и деепричастные обороты, вводные конструкции [6, с. 98].

В результате контрастивного анализа лингвисты выявили, что главное отличие мужских и женских переводов в эмоциональности и выразительности. Женщины от природы более эмоционально, поэтому в их переводах наблюдается большое количество тропов и средств художественной выразительности [2, с. 9]:

«So ein Fall ist schon lange nicht mehr dagewesen: der Küchenbulle mit seinem roten Tomatenkopf bietet das Essen direkt an; jedem, der vorbeikommt, winkt er mit seinem Löffel zu und füllt ihm einen kräftigen Schlag ein.» [13, с. 3].

«Давненько такого не бывало: красномордый кашевар предлагает жратву; каждого, кто проходит мимо, подзывает взмахом черпака и накладывает щедрую порцию» [7, с. 5].

В приведенном выше примере мы видим, что женщина-переводчик не

использует дословный перевод, а вводит стилистически окрашенную лексику, тем самым увеличивая экспрессивность текста, однако при этом сохраняет коммуникативно-прагматический потенциал оригинального текста.

Характерной чертой женского речевого поведения является частотное использование диминутивов, что отражается и в текстах переводов [2, с. 12]. Например:

«Sie sang ihre Seligkeit über das Leben, über die Welt, über den lieben Gott, der sie geschaffen, so jubelnd gegen den Himmel, als sei ihr schwarzer Leib ein Dom, ihre Kehle die Orgel und ihr kleines Herz die ewige Lampe des Lebens» [11, с. 52].

«Она с наслаждением пела о жизни, о мире, о любимом Боге, которого она сама и создала, так, будто её тело было храмом, горлышко - органом, а её сердечко - вечно горящей лампадкой жизни» [2, с. 12].

В приведенном выше примере видна склонность женщины-переводчика к использованию диминутивов для добавления тексту чувственности и выразительности.

Также в версиях женских переводов встречаются случаи двойной экспрессии. Например:

«... the frolicsome as the young fawn; loving and cherishing all things, hating only the Art, which was her rival ...» [1, с. 15].

«... резвая, как молодая лань; ко всему на свете питала она любовь и нежность, и ненавистна ей была лишь ее соперница – Живопись...» [1, с. 15]

В этом примере использован не только более экспрессивный вариант перевода слова «rival» как «соперница», но также использована инверсия как средство художественной выразительности.

Исследования показывают, что в мужских переводах наоборот преобладает прием нейтрализации в случаях, когда автор оригинального текста намеренно использует стилистически окрашенную лексику. Причиной данной особенности переводов, выполненных переводчиками-мужчинами, могут считаться стереотипы, преобладающие в обществе о мужской речи: ее обычно характеризуют как сдержанную, лаконичную и безэмоциональную [5, с. 13]. Кроме того, для мужских переводов характерно использование сокращений и опущений, что делает текст лаконичным и кратким. Например:

«- Wie steht der Dollar jetzt?»

- Heute Mittag sechsunddreißigtausend Mark.» [12, с. 11].

« — И сколько теперь стоит доллар?»

— Тридцать шесть тысяч марок.» [8, с. 4].

Отмечается также, что женщины стараются придерживаться текста оригинала, в то время как мужчины в переводах проявляют свои творческие способности, что можно подтвердить следующими примерами:

«У хохлов тыквы называются кабаками, а кабаки шинками» [10, с. 153].

«Ukrainians like calling pumpkins 'pubkins', that's the way they talk there» (мужчина).

«Ukrainians used the Russian word for tavern to mean pumpkin, and they had another name altogether for taverns» (женщина) [3, с. 135].

В данном примере мы видим, что мужчина-переводчик использует игру слов, он соединяет отдельные слова «pumpkin» и «pub» в «pubkin», а женщина-переводчик использует дословный перевод: «pumpkin», «tavern».

Также ученые-лингвисты отмечают отличия в синтаксической структуре переводов, выполненных мужчинами и женщинами. Мужчины предпочитают упрощать предложения, стремятся к лаконичности и краткости изложения мысли. Женщины склонны использовать распространенные осложненные предложения, чтобы в полной мере задействовать синтаксические средства выразительности [5, с.13].

Таким образом, можно выявить общие тенденции особенностей мужских и женских переводов, которые возникают под влиянием гендерно-языковой личности переводчика. Вследствие своей природной эмоциональности женщины стремятся к большей выразительности переводов, что отражается на лексической и грамматической структуре текстов. Мужчины наоборот более лаконичны, и для них характерно использование нейтральной лексики и упрощенного синтаксиса.

Список использованных источников

1. Занковец О. В. Гендерные различия при переводе художественных текстов. Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Нижний Новгород, 2010. 14-22 с.
2. Куликова Ю. С. Влияние личности переводчика на перевод художественных произведений: тендерный аспект (на материале русского, английского и немецкого языков): автореф. дис...канд. филол. наук. Челябинск: ЧГУ, 2011. 19 с.
3. Ласкова М. В., Кугультинова А.С. The Influence of the Language Personality of the Secondary Text's Author on the Literary Text: Gender Aspect. Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 4. 132-137 с.
4. Леонтьева К. И. Художественный перевод и гендер: адаптация в формате «woman/manhandling». Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7-1 (18). 133-135 с.
5. Мойсова О. Б. Гендерные особенности интерпретации художественного текста в сравнительно-сопоставительном аспекте: автореф. дис...канд. филол. Наук. Ростов-на-Д.: ЮФУ, 2009. 21 с.
6. Никитенко Т. В. О влиянии гендерного фактора на выбор языковых средств. Символ науки. 2016. № 1-3 (13). 96-99 с.

7. Ремарк Э. М. На западном фронте без перемен / Перевод Федоровой Н. Н. 2018. 160 с.
8. Ремарк Э. М. Черный обелиск / Перевод Эйвадис Р.С. 2015. 327 с.
9. Трепышко Д. В., Чугунова С. А. К вопросу о гендерной принадлежности переводчика. Сборник докладов I Международного заочного конкурса научно-исследовательских работ. 2015. 359-365 с.
10. Чехов А. П. Вишневый сад. Фолио. 2010. 555 с.
11. Danella U. Der Sommer des glücklichen Narren. Goldmann. 1999. 350 с.
12. Remarque E. M. Der schwarze Obelisk. Kiepenheuer & Witsch. 1989. 478 с.
13. Remarque E. M. Im Westen nichts Neues. Kiepenheuer & Witsch. 1928. 215 с.

УДК 378.147:811.111.25

МОДЕЛИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Т. Ю. Осадчая,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Ялта*

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования переводческой компетенции обучающихся, как одного из важных элементов профессиональной компетентности филолога. Одной из составляющих данной компетенции является способность адекватно интерпретировать художественный текст, в том числе, с точки зрения его культурологической составляющей, эквивалентно воспроизводить его на языке перевода. Высокие требования, предъявляемые к профессионализму филолога, предполагают решение проблемы оценивания качества учебного перевода. Для оценки качества профессионального художественного перевода используются специальные модели оценки качества перевода, предусматривающие дискурс-анализ текста оригинала и его перевода. Критерии оценки качества деятельности профессиональных переводчиков могут стать основой как для разработки обучающих заданий, так и для промежуточного и итогового оценивания переводческой компетентности студентов.

Ключевые слова: художественный перевод, качество перевода, профессиональный перевод, критерии оценки качества перевода.

Summary. The article is devoted to the problem of developing students' translation competence, as one of the important elements of the philologist professional level. One of the components of this competence is the translator's

ability to adequately interpret a literary text, to take into account its cultural component, to re-contextualize the text in the target language. High standards of the philologist's professionalism suggest finding a solution to the problem of assessing the quality of educational translation. Assessing the quality of professional literary translation involves special models which provide discourse analysis of the original text and its translation. The criteria for assessing the quality of professional translations can be the basis for developing both training and evaluation tasks for assessing students' translation competence.

Key words: literary translation, translation quality, professional translation, translation quality assessment criteria.

Художественное произведение является одним из способов, который человек использует для познания окружающего мира. Погружаясь в вымышленный мир литературного текста, читатель по-новому открывает для себя мир реальный, переживая, переосмысливая и, в конечном итоге, приобретая в качестве собственного психологического опыта, столкновение с отдельными его элементами. Читатель вступает в диалог с автором, а через него – с другими читателями, критиками, литературоведами, которые обращались и обращаются к данному тексту. По мнению В. С. Библера, жизнь произведения обусловлена диалогом сознаний индивидов (автора и читателя), их личностей как представителей разных культур. «Произведения культуры живут диалогом личностей-культур. Общение в культуре – это <...> событие и взаиморазвитие двух (и – многих) совершенно различных миров...» [1, с. 297–298].

Когда речь идет о художественной литературе, которая переводится на другие языки, диалог «личностей-культур» становится полилогом, важная роль в котором отводится переводчику. Сам диалог между читателем и автором благодаря переводчику переходит на качественно новый уровень, поскольку является взаимодействием различных национальных культур. Являясь по сути культурным посредником между автором и читателем, переводчик создает переходный, пограничный или, по словам некоторых исследователей, – «донорский» текст, который может использоваться другими переводчиками для улучшения качества перевода [4], а также является источником интертекстуальных элементов для литературы языка перевода.

По словам П. М. Топера, «... исходной точкой для определения места и роли переводов в межкультурных литературных взаимоотношениях должна быть мысль о создании новых эстетических ценностей на родной почве» [6, с. 17]. В этой связи есть смысл говорить о переводах литературных произведений как об отдельном феномене литературы языка перевода. «Переводной художественный текст, неся печать культуры определенного этапа в жизни общества (его традиций, устоев, менталитета) влияет на развитие литературного пространства другой культуры, создавая

при этом новые образы, присущие и соответствующие понятиям в культуре языка перевода» [3, с. 180–181].

Переводчик выступает не только интерпретатором, но и своего рода соавтором писателя: воздействие переведенного произведения на читателя зависит от его профессиональной компетентности, своеобразия языковой картины мира, эмоционального отношения к исходному тексту, общего культурного уровня, творческих способностей. В связи с этим может существовать несколько переводов одного и того же произведения, которые будут существенно отличаться.

Переводчик художественного произведения неизбежно сталкивается с рядом межязыковых и межкультурных трудностей. Назовем некоторые из них. Во-первых, переводчику необходимо точно и полно передать художественные образы, создаваемые автором в произведении, сохранить целостность и завершенность созданного автором мира художественного текста, добиться, чтобы стилистическое пространство текста было континуальным. Во-вторых, переводчик должен постараться сохранить художественно-эстетические характеристики, лингвостилистические аспекты, ритмический рисунок текста, особенности идиостиля автора переводимого произведения. Во-третьих, переводчик сталкивается с необходимостью дать точную культурологическую интерпретацию художественного текста, которую можно охарактеризовать следующими тремя аспектами: «... с точки зрения ценностей, представленных взаимодействием и взаимодополнением цепочки *времени – пространства – личности*; с точки зрения коммуникации в социокультурном пространстве, начиная с диалога автора художественного произведения с самим собой, с историей, с повседневностью и т.д., и заканчивая близким и дальним контекстом бытования литературного текста; с точки зрения субъектно-объектных отношений писателя и культуры и той роли, которую играет творческая индивидуальность писателя в локальном социокультурном пространстве» [5, с. 28].

В связи со сложностью задач и высокими требованиями, предъявляемыми к профессиональной компетентности переводчика, все большую важность приобретает оценивание качества перевода. Проблема оценки качества перевода художественного текста включает в себя такие аспекты как определение нормы перевода и критериев качества перевода, выбор оптимального подхода и стратегии, вопросы адекватности и эквивалентности перевода, разработка практического алгоритма для оценивания качества перевода. Возрастающий интерес к данной проблеме со стороны отечественных и зарубежных ученых (В. Н. Комиссаров, Ю. Найда, В. В. Сдобников, О. О. Петрова, М. Baker, J. House, A. Burak, P. Bush, J. Lampert, P. Newmark и многие другие), отсутствие эффективной системы оценивания качества перевода с одной стороны, необходимость

формировать и оценивать переводческую компетентность будущих специалистов – с другой, определяют актуальность исследования данной проблемы.

В настоящее время существует немало подходов к оценке качества перевода, каждый из которых имеет определенные недостатки. Одним из главных направлений в оценке качества перевода становится серия подходов, ориентированных на текст (текстоцентрические подходы). Данное направление предполагает сравнение текста оригинала и текста перевода, учитывая критерий синтаксической, семантической, стилистической и прагматической эквивалентности переноса (K. Reiss, W. Wilss, W. Koller, C. Toury, H. J. Vermeer). Другим направлением оценки качества перевода является серия коммуникативно-функциональных подходов (M. Baker, J. House, S. Collina, C. Nord). Немецкий лингвист Дж. Хаус относит перевод к сфере прикладной лингвистики и определяет его как результат лингвотекстуальной операции, в ходе которой текст на одном языке воспроизводится, реконструируется (*is re-contextualized*) в контексте другого языка [8, с. 2]. Дж. Хаус разработала собственную модель оценивания качества перевода, в рамках которой проводится лингвистический анализ-сравнение оригинального художественного текста и его перевода на трех уровнях: лингвистическом, ситуационном и жанровом (Language/Text, Register and Genre) для определения степени их функциональной эквивалентности [8].

Еще одна модель оценки качества перевода представляет собой сопоставительный дискурс-анализ перевода и оригинала художественного произведения, она предложена исследователем А. Л. Бурак [7]. Данная модель предполагает сравнение текста оригинала и его перевода на трех уровнях: лексическом, предикативном и прагматическом. На лексическом уровне анализу подвергаются следующие аспекты значения слов: денотация; коннотация; оценочная коннотация; принадлежность к функциональному стилю; диалектальность (временная/возрастная, региональная и социокультурная); сравнительная частота выделяемого словозначения в определенном функциональном стиле; прагматика словозначения (его сравнительная метафоричность, «политкорректность», «громоздкость» и др.). На предикативном (синтаксическом) уровне текста можно выделить «... 5–7 ключевых (устойчивых) синтаксических и коммуникативных «несоответствий» между русским и английским языками, которые ретранслируются «в обе стороны» с помощью 5–7 устойчивых моделей перевода» [7, с. 170]. Оценивание качества перевода на этом уровне текста предполагает определение того, насколько адекватно переводчик выбрал одну из устойчивых моделей перевода. Оценка прагматических аспектов текста перевода сводится к определению степени (1) нейтрализации, (2) «натурализации» (локализации), (3) «контаминации»,

(4) «обиностранивания» и (5) стилизации оригинального текста [7]. Предполагается, что переводчик в каждом конкретном случае (при переводе определенной единицы перевода) выбирает одну из перечисленных стратегий. Выбор оптимальной для каждой единицы перевода стратегии в значительной степени влияет на качество перевода в целом, и, следовательно, является одним из критериев оценивания его качества.

По словам О. Н. Голубковой, «... художественный перевод широко применяется в переводческих программах, так как он обладает значительным обучающим потенциалом» [2, с. 84]. Именно поэтому профессиональная подготовка специалистов-филологов по магистерской программе «Романская и германская филология» также включает дисциплину «Литературный перевод англоязычных текстов», в рамках изучения которой должны быть сформированы ключевые переводческие компетенции обучающихся.

Мы полагаем, что критерии оценки качества перевода, предлагаемые для оценивания компетентности профессиональных переводчиков, могут служить основой для разработки как обучающих заданий, так и заданий для оценивания сформированности переводческой компетентности студентов.

Кроме прочего, подобный подход позволит обучающимся, во-первых, на практике изучить современные отечественные и зарубежные теоретические подходы к литературному переводу, проанализировать существующие системы оценки качества художественного перевода; во-вторых, сосредоточить внимание не только на результате переводческой деятельности, но и на этапах и алгоритмах самого процесса перевода. Предполагается, что под руководством преподавателя каждый студент сможет определить собственный алгоритм переводческой деятельности.

Для разных заданий могут избираться разные модели оценки качества перевода. На первом этапе формирования переводческой компетенции важными представляются задания следующего типа: подробный сопоставительный анализ перевода каждого из стилистических приемов и выразительных средств языка, использованных автором оригинального текста, на трех уровнях: лексическом, предикативном и прагматическом (согласно модели оценивания качества перевода); идентификация и анализ отрывков оригинального текста и перевода, содержащих ключевые для определённого произведения стилистические приемы и выразительные средства языка.

Таким образом, профессиональная компетентность переводчика художественного текста заключается в его способности выступить не только интерпретатором, но и полноценным соавтором писателя, а также его умение дать адекватную культурологическую интерпретацию художественного текста. В связи со столь высокими требованиями, предъявляемыми к компетентности переводчика, проблема оценивания

качества перевода, и, соответственно, качества перевода обучающихся выходит на первое место. Критерии оценки качества перевода, предлагаемые для оценивания компетентности профессиональных переводчиков, могут служить основой для разработки заданий для формирования и оценивания переводческой компетентности студентов. Изучив критерии оценки качества перевода, каждый студент сможет под руководством преподавателя определить собственный алгоритм переводческой деятельности.

Список использованных источников

1. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
2. Голубкова О. Н. Дидактический потенциал художественного перевода в профессиональной подготовке переводчиков // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 83–86.
3. Межова М. В. Интерпретация художественного текста: переводческий и лингвокультурологический аспекты // Символ науки. 2015. № 8. С. 176–181.
4. Нарбут Е. В. Оригинал, текст-донор, перевод: проблемы взаимодействия: на материале переводов романа Э.М. Ремарка "Искра жизни" на русский язык: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2008. 27 с.
5. Симбирцева Н. А. Бытие литературно-художественного произведения: культурологический аспект // Вестник ЧелГУ. 2007. №14. С. 28–34.
6. Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. 254 с.
7. Burak A. Assessing Translation Quality // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 169–183.
8. House J. Translation Quality Assessment. Past and Present. London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2015. 160 p.

УДК 378.016:811

BLOG TECHNOLOGY AS A TOOL FOR TEACHING WRITTEN TRANSLATION TO INTERPRETERS IN THE SPHERE OF PROFESSIONAL COMMUNICATION

Е. С. Осипова,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург*

Аннотация. Цель работы заключается в обосновании

целесообразности использования блог-технологии как эффективного средства обучения письменному переводу будущих переводчиков в сфере профессиональной коммуникации. Для достижения цели решаются следующие задачи: изучается опыт использования блог-технологии в образовательных целях, выделяется ряд преимуществ использования образовательного блога в учебном процессе, приводится модель блога, нацеленного на тренировку лексических преобразований при переводе.

Ключевые слова: блог-технологии, письменный перевод, обучение переводу, переводчик в сфере профессиональной коммуникации.

Summary. The article is aimed at emphasizing the importance of using blog technology as a tool for teaching written translation to future interpreters in the sphere of professional communication. To achieve this goal, the following tasks are solved: the experience of using blog technology for educational purposes is studied, a number of advantages of using blogs in the educational process are highlighted and a model of a blog aimed at training lexical transformations in translation is given.

Key words: blog technologies, translation, translation training, interpreters in the sphere of professional communication.

The term *web blog* was coined by J. Barger to give the name to sites that appeared in 1997. He defines *a blog (weblog / newspage / filter)* as a web page connected to other web pages that the blog author finds interesting [7]. D. Weiner calls blogs sites that are easily created and updated by users who have little technical knowledge and skills [8]. D. V. Lande describes blogs as "*live journals*" [1]. However, the modern designation of *blog*, as noted by S. V. Titova, appeared only in 1999 after the popular blogger P. Merholz changed the term *weblog* to *blog* and the modern concept of *blog* arose [4, p. 80].

It should be noted that the use of blogs in the educational process was not initially envisaged. Only in 2005 T. Anderson introduced the concept of *educational social services*, emphasizing that network tools contribute to joint learning [6].

P. V. Sysoev defines blog technology as one of the Web 2.0 technologies that allows any Internet user to create a personal page-blog in the form of a diary or a journal. The author emphasizes that a blog is usually created and modeled by one person, who can optionally post text material, photos, audio and video recordings and links to other Internet resources on the page [3, p. 115].

In our opinion, the popularity of blog technologies in the educational space is primarily due to the simplicity of their creation. There are a number of web services on the Internet that allow you to create a blog. The most popular among them are *Blogger*, *WordPress*, and *LiveJournal*. Such resources as *SchoolBlogs*, *Webblogg-ed*, *Blogosphere.us* tend to be used to create educational blogs.

Despite the variety of Internet resources for creating blogs, all of them, according to O. I. Mikheeva, are united by common features: a) chronological

(linear) organization of information; b) the availability of an archive for accessing past messages; c) interactivity – getting feedback through comments; d) links to other sites (blogroll); e) RSS of information that allows users to subscribe to the blog [2, p.60].

P. V. Sysoyev describes the following didactic properties blog-technology: a) publicity, b) linearity, c) authorship and moderation, g) multimedia [3, p. 125].

However, along with the common features that unite blogs, the researchers identify differential features by which they can be classified. So, A. V. Filatova offers the following classification of blogs: a) by author – personal, collective, corporate; b) by type of multimedia – text, podcast, video blog, etc.; c) by content peculiarities – monitoring, quote, micro-blog; d) by genre – commercial, academic, etc.; e) by legal status – personal, group, blog of government institutions [5, p. 59-60].

The following types of blogs are commonly used in the educational process: *teacher's blog, individual training and collective training blogs*.

For this research it is advisable to use the teacher's blog for teaching translation, which should be well structured from a methodological point of view. There are various options for the structure depending on the goals and objectives of the blog being created. Let's consider the most optimal structure of an educational blog that includes several sections.

1. *General and organizational information*. This section contains the working program of the discipline, the calendar plan of its study, teaching materials, recommended literature for students, requirements for the test, the rules of the exam, information about changes in the schedule and a number of other organizational issues.

2. *Blog archive*. It helps navigate through the translation issues that are being discussed.

3. *Practical tasks*. This section is a set of translation exercises.

4. *Work of students*. In this section, they perform the exercises suggested in the "Practical tasks" section, and comment on the translations of their classmates.

5. *Question-answer*. Here students can ask any question they are interested in working with the blog.

6. *Forum*. Section for discussion of complex, controversial, contradictory and debatable translation problems. Moderators of the conversation can be both teachers and students themselves.

7. *News / Bulletin Board*. Section containing current news of various types: from changes in the schedule to information about current events at the university, translation competitions, student conferences, etc.

Let's look at the section "*Practical tasks*" in more detail, which is represented by modules of exercises for lexical, grammatical and lexical-grammatical translation transformations. It should be noted that the placement of exercises on the blog platform expands the possibilities of using various electronic

resources when compiling them. Among them are electronic text corpora represented by the British National Corpus, The Corpus of Contemporary American English, the parallel subcorp of the National Corpus of Russian, websites of international companies, sites of British and American media, electronic dictionaries, encyclopedias, etc. An educational blog can contain instructions on how to properly use electronic resources for solving translation tasks, and regular exercises on the blog platform will help to form, develop and improve skills for working with electronic linguistic resources.

Here are some examples of exercises which are aimed at using lexical transformations.

Exercise 1. Find a dictionary match to the verb "wait" in various contexts using the electronic dictionary "Multitran". What are the lexical transformations you've used in the translation of this verb?

1. *Finally, he spoke. "You have done a great service to God. We **have waited** centuries for this. You must retrieve the stone for me"* (Dan Brown. The Da Vinci Code).

2. *The barricade looked like a guillotine **waiting** to crush intruders* (Dan Brown. The Da Vinci Code).

3. *"Like you said yourself, you're still not sure you have the job. Let's **wait and see**". We cooked a simple dinner and fell asleep watching Letterman* (Lauren Weisberger. The Devil Wears Prada).

Exercise 2. Study the translation of the verb "wait" in professional translations of the sentences from Ex.1. Compare with your options.

1. *А потом сказал: «Ты оказал нашему Создателю громадную услугу. Мы **ждали** этого часа много столетий. Ты должен добыть этот камень для меня»* (Дэн Браун. Код да Винчи (пер. Н. Рейн)).

2. *Нависающая решетка напоминала гильотину, **готовую в любой момент** обрушиться и раздавить непрошеного гостя* (Дэн Браун. Код да Винчи (пер. Н. Рейн)).

3. *«Ты ведь сама говоришь, что еще не уверена, что получила эту работу. **Поживем – увидим**». Мы приготовили простой ужин и заснули как раз посередине шоу Леттермана* (Лорен Вайсбергер. Дьявол носит Прада (пер. М. Маяков, Т. Шабаетова)).

Exercise 3. Use a parallel subcorp of the National corpus of the Russian language. Analyze the possible translations of the verb "expect". Are there any matches with the translation of the verb "wait"?

Exercise 4. Translate the headings with the verbs "wait" and "expect".

1. *You don't need to be in shape to try kiteboarding, but **expect** a few face plants before you're flying* (Los Angeles Times).

2. *Racial inequality even affects how long we **wait** for the doctor* (The Washington Post)

Exercise 5. Match the headings from Task 4 with the extracts from the

articles. Translate sentences containing the verbs "wait" and "expect". What translation technique have you used while translating these lexical units?

1. Two Danish researchers have used the economic discipline of game theory to weigh the costs and benefits of some different methods of **waiting** in line. The paper analyzes three different systems for waiting in line: the usual first-come, first-serve system...

2. Many kiteboarders say the sport can feel like flying. After four hours, I'd **have expected** at least a few jolts of adrenaline. But I couldn't even work the kite...

Exercise 6. Using the sites of electronic Newspapers "The Guardian" (<http://www.theguardian.com/international>), "The Washington Post" (<https://www.washingtonpost.com/>), "Los Angeles Times" (<http://www.latimes.com/>), find the full version of the article you are interested in and make a functional translation by posting your version in the blog.

It is obvious that one of the main advantages of blog exercises is the formation of skills for working with various electronic resources, which are necessary in the professional activity of a future translator. In addition, when doing translation exercises in a blog, students are more attentive to completing tasks, think over their translations more carefully, and the level of responsibility for what they write increases since the blog has open access for all Internet users. It is advisable to work with an educational blog during extra-curricular hours. During practical classes it is necessary to conduct a preliminary briefing on working with blog technologies, formulate requirements for the form of completing tasks and then discuss difficulties and common mistakes.

Using an educational blog to teach translation gives the teacher a number of advantages. Firstly, a blog can contain an ever-expanding body of texts of various styles and genres, selected for teaching translation. Secondly, the teacher can upload thematic videos and podcasts in the blog which can be used for training functional translations. Thirdly, the teacher can place links to useful sites and learning resources for students to work independently. It is important that an educational blog assumes interactivity and a great communication potential. Students can answer the teacher's questions in the blog as well as comment on information posted in it. Finally, the use of blog technologies will contribute to the development of creative abilities, critical thinking, independence, and motivation of future translators. The student becomes the center of the educational process.

All in all, testing of blog technologies in teaching translation has allowed us to conclude that an educational blog can be used as a) a bulletin board for students where information about changes in the schedule, homework, deadlines and announcements about various translation competitions are placed; b) a platform for posting information on the use of various electronic resources, in particular, linguistic corpus; c) a platform for placing exercises in order to develop

various translation skills; d) a space for organizing a discussion within the group, in particular, discussing the solution of a particular translation problem, commenting and analyzing translations of students or professionals.

References

1. Ландэ Д. В. Основы интеграции информационных потоков: монография. К.: Инжиниринг, 2006. 240 с.
2. Михеева О. И. Формирование межкультурной компетенции будущих учителей иностранных языков с использованием Веб 2.0-технологий: дисс. ... к. пед. н. Чебоксары, 2010. 196 с.
3. Сысоев П. В. Блог-технология в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2012. № 4 (20). С. 115-127.
4. Титова С. В. Интеграция социальных сетей Интернета 2.0 в обучение иностранным языкам // Язык. Культура. Общение: сб. науч. тр. М.: Гнозис, 2008. С. 78-84.
5. Филатова А. В. Оптимизация преподавания иностранных языков посредством блог-технологий (для студентов языковых специальностей вузов): дисс. ... к. пед. н. М., 2009. 197 с.
6. Anderson T. Distance Learning: Social Software's Killer Ap? [Электронный ресурс]. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.95.630&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 28.01.2020).
7. Barge J. Weblogs Resources FAQ [Электронный ресурс]. URL: <http://chnm.gmu.edu/digitalhistory/links/pdf/chapter1/1.41.pdf> (дата обращения: 26.01.2020).
8. Winer D. The History of Weblogs [Электронный ресурс]. URL: <http://oldweblogscomblog.scripiting.com/historyOfWeblogs> (дата обращения: 26.01.2020).

УДК 82.0

ЖАНРОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ***С. Магальяйш же Соуза Остапенко,****докторант Университет Порту, кандидат культурологии, Португалия,
Порту****И. В. Остапенко,****доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной
литературы, Таврическая академия (СП), Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского, Симферополь****М.В. Норец,****доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики
перевода Института иностранной филологии (СП) Крымский
федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье авторы дают попытку жанровой идентификации научной фантастики. Авторами определено, что определяющим аспектом жанра научная фантастика является построение материала на основе определенного рационального подхода, на основе которого выстраивается логическая цепочка, имеющая непосредственную связь с современностью.

Ключевые слова: жанр, научная фантастика, жанровая идентификация.

Summary. The authors of the article try to identify the genre of science fiction. The authors came to a conclusion that the main aspect of science fiction genre is the construction of the material on the basis of rational approach, where the logical chain is being formed having straight link with the modernity.

Key words: genre, science fiction, genre identification.

Значительное расширение тематического и жанрового разнообразия научной фантастики, определяющееся отсутствием во многих фантастических произведениях прямой связи с научными достижениями, создает определенные сомнения об уместности употребления понятия «научная фантастика» относительно жанровой идентификации литературного произведения. Сегодня не существует единой трактовки данного термина, которое смогло бы отразить все особенности жанровой принадлежности – космическая опера, техническая фантастика, роман-мечта и др., и, одновременно, отличало бы данное понятие от фантастики в чистом виде. Именно поэтому не пригодны такие определения жанра как «литература крылатой мечты» или «литература о завтрашнем дне».

Основной особенностью данного жанра является методология построения текстов в данном жанре, т.е. это не обязательно должно быть описание научных достижений, но автор должен применить научный подход к построению произведения. Определяющим аспектом жанра научная фантастика является построение материала на основе

определенного рационального подхода, на основе которого выстраивается логическая цепочка, имеющая непосредственную связь с современностью.

В соответствие с выявленными чертами, можно сформировать следующее определение жанра литературы научная фантастика – это литературное направление, образно выражающее научные или социальные гипотезы о будущем, настоящем или прошлом, относительно вопросов, касающихся развития человека как личности или всего человечества, посредством их проекции на явления современности.

Научная фантастика является в определенном смысле литературой гипотез. Творческое наследие Ж. Верна, Г. Уэллса, Р. Бредбери и др. независимо от конкретизации жанра – утопия или роман-предостережение, является своеобразным выражением научной гипотезы. Они подразумевают соответствие жанру фантастики поскольку повествуют о событиях, которые никогда не существовали в реальности, т.е. выстроены на основе логических умозаключений, сформированных в форме литературного произведения. Конечно, у каждого писателя есть свои предпосылки для этого проецирования, что различает как писателей, так и направления. Так, Р. Бредбери, например, рисует пессимистические картины будущего на основе отрицательных черт современности, в то время как И. Ефремов берет в основу своих гипотез положительные начала современности. Поэтому, хотя картины двух фантастов совершенно противоположны, они обе логично проецированы и обе вероятны. Но в зависимости от того, будут ли развиваться отрицательные стороны жизни (как у Бредбери) или положительные (как у Ефремова), любая из этих гипотез может оказаться правдой.

Первоначально термин «научная фантастика» относился только к тем произведениям, которые предсказывали научно-технические изобретения будущего. Однако постепенно тематический диапазон произведений этого жанра так расширился, что современная «научная фантастика» не обязательно ставит в центре своего внимания науку, а все чаще включает социальную фантастику.

Частные научные проблемы все более заменяются морально-общественными проблемами. При этом научная фантастика стала средством выражения мыслей не столько об отдельных личностях, сколько об обществе в целом. Поэтому и произведения этого жанра в наши дни стали «оружием» идеологической борьбы между сторонниками разных общественных строев. При этом свобода создания произвольного фона (свобода полета фантазии) для постановки проблемы дает писателям возможности более выпукло и ярко отразить самые разнообразные проблемы, волнующие человечество. Вот почему в последние годы этот жанр начали называть «интеллектуальной литературой» или «передним краем» художественной литературы.

Благодаря таким изменениям, научная фантастика завоевала свое место в художественной литературе как полноправный ее жанр, и немало хороших произведений создано в этом жанре. Но, несмотря на это, исследований о произведениях этого жанра еще очень мало.

Научная фантастика является частью художественной литературы, разговор в связи с этими гипотезами должен пойти о человеке, о проблемах, волнующих его, т. е. центром внимания писателей-фантастов должен быть Человек. Гипотезы же о сугубо научных и технических проблемах могут войти только в научную, научно-популярную или научно-художественную литературу. Что же касается художественной стороны произведения, задачи авторов научно-фантастических романов те же, что авторов нефантастических произведений – художественная убедительность и яркость образов, соответствующая композиционная форма, хорошо выработанный язык и т. д.

Жанр научной фантастики, рассматриваемый как эффект или, пользуясь словами М. М. Бахтина, как «фактор художественного впечатления», предстаёт литературной формой, находящейся полностью во власти рецептивной компетенции читателя. Последний интуитивно откликается и опознаёт жанровый эффект, причём для выполнения процедуры опознания читатель не нуждается в строгой жанровой дефиниции.

Критиками и писателями научной фантастики не раз произносились парадоксальные по содержанию, но прагматические по интонации жанровые определения. Для критика Д. Найта сам термин «научная фантастика» «означает то, на что мы указываем, когда произносим его» [3, С. 1]. Писатель Н. Спинрад заявлял: «Научная фантастика – это всё, что было опубликовано под этим названием» (цит. по [4, С. 314]).

С одной стороны, данные определения описывают издательскую стратегию, направленную на достижение коммерческих целей (ориентирование текста на целевую аудиторию), с другой – оба автора (невольно) указывают на особый характер функционирования самого жанрового обозначения. Последнее, применяясь к определённым текстам, актуализует в них те компоненты, которые в случаях иной жанровой номинации оказываются неопознанными. В ориентированности жанра на аудиторию обнаруживается прагматическое (дискурсологическое) его понимание. Однако необходимо уточнить, что не столько сам жанр рассматривается в его адресованности читателям, сколько один его компонент – жанровое имя. Вслед за Ж.-М. Шеффером мы предлагаем понимать жанр как семиотический знак, где означающее – жанровое имя, означаемое – жанровое содержание [2, с. 187].

В данном случае жанр рассматривается как медиатор между текстом (референтом жанрового имени) и контекстом (адресатом письма). Логика

референции жанрового имени и групп текстов, возникающие в читательском сознании в процессе рецепции литературы, становятся предметом анализа с позиций прагматической жанрологии. Необходимо также отметить, что воспринимающее сознание рассматривается в двух своих вариантах: индивидуальном и коллективном (читатель как представитель сообщества).

Отметим еще две причины необходимости или желательности актуализации внимания к научной фантастике со стороны современного научно-технического сообщества, вообще, и российского, в частности. Во-первых, эстетические образы, идеи и представители искусства играют все более весомую роль в жизни. Сегодня художественное мировоззрение не только мировоззрение великих художников, но значительный компонент – учитывая факт массового общества и массовой культуры («восстания масс», по Х. Ортеге-и-Гассету) – обыденного мировоззрения миллионов людей. Через научную фантастику научно-философская традиция может быть более понятной и значимой для них. Во-вторых, российская мысль сравнительно менее открыта к принятию научной фантастики важным феноменом

В современных российских исследованиях тема изучения жанровых особенностей научной фантастики пока мало представлена, поэтому данный жанр требует дальнейшего исследования.

В контексте исследования В. Гакова жанр научной фантастики делится на:

- твердую;
- естественно-научную;
- научно-техническую/мягкую;
- гуманитарную;
- фантастика идеи, утопия, роман-предубеждение [1, с. 74].

Данная классификация является наиболее распространенной и встречается в ряде других зарубежных исследования. Так Дж. Клют в «Энциклопедии научной фантастики» расширяет данную классификацию такими жанрами как: киберпанк, космическая опера, стимпанк, слипстрим, планетарная фантастика [3].

Также важно отметить, что развитие жанра научной фантастики постоянно обновляется посредством внедрения новых течений и жанровых маркеров. В качестве примера можно привести такой новый жанр как турбо реализм или альтернативная география.

Классификация В. Годшока подразумевает разделение фантастики на четыре группы:

1. Фантастика в чистом виде, в данном случае жанр фантастики является самоцелью автора и идейная составляющая играет несущественную роль, либо отсутствует

2. Философская фантастика, при данном подходе важна лишь форма фантастики, основная цель продвижение философских идей;

3. Социально-критическая фантастика в данном жанре не выдвигаются философские суждения, наоборот, они становятся формой суда над существующей действительностью;

4) Реалистическая фантастика, являющаяся на самом деле научной фантастикой, поскольку выстраивается на экстраполяции и стремлении автора предсказать события будущего [5].

Использование подобного проблемно-тематического подхода необходимо для анализа книг жанр научной фантастики, данный подход дает возможность определить характерные черты ведущего жанра и вычленили особенности субжанра.

В исследованиях Т. Чернышевой для наиболее точного выявления особенностей классификации жанра научной фантастики используется система координат, где одна из осей определяет тип повествовательной структуру произведения, а вторая выстраивает «фактуру» фантастических образов. В данном исследовании фантастические образы делятся на три основные группы:

- образы, связанные со сказками или мифами язычников;
- образы, связанные со средневековой мифологией монотеизма;
- образы, связанные с преломлением научного знания в массовом сознании [1, с. 83].

Обобщая признанные классификации научной фантастики можно сделать вывод, что в большинстве своем классификация происходит относительно таких признаков как:

- характер фантастических допущений;
- функции фантастического допущения и круг, охватываемых проблем;
- место фантастического элемента;
- тема, типология сюжета, пафос [1, с. 95].

Научная фантастика как жанр литературы XX – начала XXI века, обусловленный контекстами технократической культуры и мышления, возникающий в эпоху человека модерна, в контексте научных идеалов классической рациональности и продолжающий развитие уже в эпоху человека постмодерна и идеалов неклассической и постнеклассической науки, неслучайно становится предметом многих научных исследований и философских спекуляций.

Писатели-фантасты оказались не просто «часовыми» мировоззренческого изменения человека, но и были вовлечены в процесс «последних вопрошаний» о нем, представляя в своем творчестве сопряжение часто разновременных образов и разноуровневых мировоззренческих смыслов. Содержащийся в научной фантастике,

претерпевшей трансформацию и переплетение с другими возникающими жанрами литературы (утопия, антиутопия, фэнтези, технофэнтези, киберпанк и т.п.), импульс творческой импровизации относительно будущего человека сопрягается с тем изменением, которое в нем происходит и позволяет воспринимать его природу открытой и незавершенной.

Список использованных источников

1. Берсенева Н. С. Словообразовательные модели академического дискурса в жанре научной фантастики [Электронный ресурс] / Н. С. Берсенева — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovoobrazovatelnyemodeli-akademicheskogo-diskursa-v-zhanre-nauchnoy-fantastiki> (дата обращения: 22.01.2020).
2. Головачева И. В. Размышления о теориях научной фантастики 2000-х годов [Электронный ресурс] / И. В. Головачева // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2013. — №2. — С.18-27.
3. Зубов А.А. Фантастоведение и теория жанров / А.А. Зубов // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. — 2016. — Т. 158, кн. 1. — С. 53-65.
4. Лебедев И.В. Проблема жанровой классификации фэнтези как вида приключенческой литературы / И.В. Лебедев // Знание. Понимание. Умение. — 2015. — № 3. — С. 362-368.
5. Норец М.В., Семенова В.В. Особенности жанровой структуры фантастики / М.В. Норец, В.В. Семенова // Аллея науки. 2018. — Т. 1. — № 2 (18). — С. 432-436.

УДК 378.016:811.111-027.577

АУТЕНТИЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Н. И. Пантыкина,

*старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии,
филологический факультет, Луганский национальный университет имени
Тараса Шевченко, Луганск*

Аннотация. В статье рассматриваются аутентичные материалы как эффективное средство в преподавании английского языка. Целью работы является характеристика использования аутентичных материалов на занятиях по английскому языку. В статье использованы следующие методы: теоретический анализ методической литературы по теме исследования и обобщающий метод. Результаты исследования заключаются в характеристике аутентичных материалов, классификации, а также анализе преимуществ и недостатков их применения в процессе обучения английскому языку.

Ключевые слова: английский язык, аутентичное обучение,

аутентичные материалы, мотивация, преподавание, творческий подход, эффективное средство.

Summary. The article deals with the authentic materials as an effective tool in teaching English. The purpose of the work is to characterize the usage of authentic materials in English classes. The theoretical analysis of the methodological literature on the research topic and method of generalizing are used in the given article. The results contain the characterization of authentic materials, its classification, the advantages and disadvantages of their usage in teaching English.

Key words: authentic materials, authentic teaching, creative approach, effective tool, English, motivation, teaching.

Аутентичные материалы являются одним из самых важных средств в преподавании английского языка, который учитель может и должен использовать на занятии, чтобы обучение стало эффективным в качестве передачи необходимых знаний студентам. Использование аутентичных материалов является не новым в преподавании английского языка, потому что учителя начали использовать их в 1970-х годах в результате распространения коммуникативного языкового обучения. В настоящее время, подготовка студентов к реальным жизненным ситуациям крайне важна для учителей английского языка. Поэтому, необходимо принять эффективные учебные материалы, чтобы помочь студентам лучше учить английский язык, а также готовить их к общению с внешним миром. В связи с этим, аутентичные тексты приблизят студентов к целевой языковой культуре, что приведет к мотивирующему процессу обучения.

Если говорить о понятии «аутентичное обучение», то существует много точек зрения. Так, Ян Херрингтон и Рон Оливер предложили новый педагогический термин, называемый «аутентичное обучение», который напрямую связан с реальной жизнью студентов и готовит их к столкновению с ситуациями в реальном мире [5]. Согласно Л. Героду, аутентичное обучение – это «материалы и мероприятия» предназначены для имитации ситуации в реальном мире [6]. А уже понятие «аутентичные материалы» понимается в словаре методических терминов как «материалы для изучающих язык, которые используются в реальной жизни страны. К ним относятся газеты и журналы, билеты на транспорт, в театр, письма, реклама, программы радио и телевидения, объявления и др.» [1, с. 25].

Учебные материалы являются очень важной частью обучения и в изучении иностранного языка. В наши дни ресурсы к учебным материалам доступны для всех. Интернет считается очень важным и богатым источником для аутентичных материалов. Исследователь Джерри Гебхард классифицировал аутентичные материалы в три категории следующим образом:

1. Аутентичные материалы для прослушивания, такие как радио

новости, мультфильмы, песни и пр.

2. Подлинные визуальные материалы, такие как уличные знаки, журналы и газеты, фотографии, открытки и т. д.

3. Аутентичные печатные материалы, такие как спортивные отчеты, газеты, ресторанное меню, билеты на поезд и т. д. [3].

Рассмотрим еще классификацию О.М. Осияновой, которая выделяет аутентичные аудио-видеоматериалы и прагматические материалы, включающие в себя:

- видеоматериалы – печатные тексты и наглядный материал;
- аудиоматериалы – аудиокниги, песни, реклама и передачи по радио;
- аудио-видеоматериалы – телевизионные рекламы, художественные и документальные фильмы, телешоу, мультфильмы, клипы, новости;
- прагматические материалы – это этикетки, меню и счета, рекламные проспекты по туризму, отдыху, рабочим вакансиям, авиа- и железнодорожные билеты, программы новостей радио и телевидения, объявления и др. [2].

Какая же цель использования аутентичных материалов на занятии по английскому языку? В первую очередь, они помогают учащимся развивать навыки правильного произношения изучаемого языка. Во-вторых, язык усваивается быстрее в непосредственной атмосфере, что дает возможность студентам в реальной жизненной ситуации общаться без трудностей. В-третьих, учителя проявляют творческий подход в обучении, что значительно повышает интерес у учащихся к языку.

Помимо языковых преимуществ, аутентичные материалы имеют некоторые неязыковые преимущества. Исследователь А. Гилмор считает, что аутентичные материалы оказывают сильное положительное влияние на мотивацию. Мотивация рассматривается как ключевой элемент успеха обучения в целом, и в изучении языков в частности. С использованием аутентичных материалов повышается мотивация у учащихся к изучению языка, потому что они чувствуют, что практикуют настоящий язык и используют его за пределами класса [4].

Несмотря на то, что исследователи утверждают, что аутентичные материалы внесли заметный вклад в изучение английского языка, есть некоторые ученые, которые против использования такого рода материалов, утверждая, что они не имеют практического значения. Например, Ф. Килицкая указывает на то, что аутентичные материалы увеличивают нагрузку учителям, так как они могут содержать сложную лексику и структуры, которые нуждаются в большем усилии для объяснения учащимся [7]. Следует отметить, что существенных различий в успеваемости учащихся нет: между учениками, использующими аутентичные материалы, и теми, кто использовать традиционные материалы. Кроме того, сложная задача для учителей искать подходящие

аутентичные материалы для разработки заданий своим учащимся. В это же время, А.Г. Мартинес утверждает, что аутентичные материалы считаются слишком трудными в понимании культурного контекста. Он также добавляет относительно культурного эффекта, что «аутентичные тексты из одной культуры могут создать ложное впечатление у студентов из другой, если они не представлены в аутентичном контексте, что ясно дает понять, что они служат примером» [8, с. 5]. Использование аутентичных материалов для учеников со слабым уровнем владения английским языком лишают их мотивации, потому что им не хватает необходимых навыков и словарного запаса для работы с представленным текстом.

Однако можно утверждать, что преимущества использования аутентичных материалов в обучение учащихся английского языка перевешивает недостатки. Поэтому учителя должны учитывать их в ходе ведения занятия, как успешную помощь в обучении английскому языку.

Работа над аутентичными материалами предполагает решение двух сложных задач. С одной стороны, они выступают ярким предметом лингвистического анализа, ведут к развитию познавательных и исследовательских навыков. С другой стороны, аутентичные материалы служат хорошим способом для развития и совершенствования коммуникативно-дискуссионных умений на основе полученных знаний, точный повод для создания определенной ситуации, которая вызывает диалог, дискуссию.

Итак, после изучения данной проблемы становится очевидным, что многими исследователями поддерживается идея использования аутентичных материалов в преподавании английского языка. Ведь аутентичные материалы можно рассматривать как полезное средство для мотивации учащихся, пробуждения их заинтересованности в знакомстве с реальным языком, с которым они столкнутся в разговоре с носителями языка. Кроме того, аутентичные материалы поощряют учащихся выучить английский язык успешно, заставляя их чувствовать, что они изучают «настоящий» язык. Одно из самых важных преимуществ использования аутентичных материалов – это повышение мотивации учащихся и положительное отражение в учебном процессе.

Таким образом, аутентичные материалы обеспечивают учащимся высокий уровень независимости при чтении на иностранном языке в контексте реальной жизни, развивают различные стратегии чтения иноязычных текстов. Использование аутентичных текстов в процессе изучения английского языка позволяет учащимся получить интересную информацию и обогатить свои социокультурные знания о жизни носителей языка, помогает осуществить процесс усвоения лексического материала в индивидуализированной форме, обеспечивает учебный материал реальными ситуациями, активизирует ассоциативную память и

мыслительные процессы.

Список использованных источников

1. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Осиянова О. М. Система работы с аутентичными материалами в подготовке бакалавра лингвистики [Электронный ресурс] // ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург. – https://revolution.allbest.ru/pedagogics/00883368_0.html (дата обращения 20.01.2020)
3. Gebhard J. G. Teaching English as a foreign language: A teacher self-development and methodology. Ann arbor: the university of Michigan press, 1996.
4. Gilmore A. Authentic materials and authenticity in foreign language learning. Language Teaching, 40, 2007. 97-118
5. Herrington J., Oliver R. An instructional design framework for authentic learning environments. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
6. Herod L. Adult learning from theory to practice. Heinle and Heinle Publishers. Heinemann, 2002.
7. Kilickaya F. Authentic materials and culture content in EFL classrooms. The Internet ELT Journal, 10(7), 2004.
8. Martinez A. G. Authentic materials: An overview. Free resources for teachers and students of English, Karen's Linguistics Issues, 1-7, 2002.

УДК 811.12

СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ХРОНОТОПА В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ XX ВЕКА

В. В. Паньчев,

*магистрант кафедры теории и практики перевода, Институт
иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Н. В. Пасекова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация: Целью данной работы является выявление и определение смыслообразующей роли места и времени действия в научной фантастике XX века. В результате проведенного исследования можем сделать вывод о том, что время в научно-фантастических романах может менять такие привычные свойства, как линейность, одномерность, продолжительность, последовательность, непрерывность. Проблема времени в научно-

фантастических произведениях тесно связана с проблемой пространства.

Ключевые слова: хронотоп, роль места и времени, научная фантастика, XX век.

Summary: The aim of this work is to identify and determine the meaning-forming role of place and time of action in science fiction of the XX century. As a result of the study, the authors conclude that time in science fiction novels can change such familiar properties as linearity, one-dimensionality, duration, sequence, continuity. The problem of time in science fiction works is closely related to the problem of space.

Key words: chronotope, the role of place and time, science fiction, XX century.

Хронотоп является одной из главных частей создания полноценной картины в произведениях. Он получил популярность среди всех авторов, которые создавали и создают свои шедевры, которые становятся наиболее продаваемыми вещами в мире. Ввиду большой конкуренции среди авторов, именно хронотоп представляет основной механизм, который завладевает вниманием читателя: миры, в которых происходят те или иные события, описанные автором, фикция, которая может надолго задержаться в умах читателей. Это всё и является важной составляющей, которая требует особенного внимания.

Одной из фундаментальных проблем, которая была присуща ещё древнему периоду, являлось понимание времени и окружающего мира – пространства. А. Я. Гуревич описывал время и пространство как число универсальных категорий культуры наряду с изменениями, причиной и отношением чувственного к сверхчувственному, а также отношений частей к целому. Исходя из этих категорий, можно рассуждать о том, что модели мира строятся не только внутри какого-то одного государства, но всего мира в целом. Именно эти же категории и запечатлены в знаковых системах культуры: языке, мифологии, религии и т.д. [3, с. 46].

На ранней стадии формирования общества понятия пространство и время были присущи мифам. Представление о времени в традиционном понимании у общества связывалось с пространственным вращением, цикличностью. Именно эта неразрывная связь пространства и времени в моделях мифологии и поэзии подтверждается этимологически: русск. «время» – из и.-евр. «uert-men» от «вертеть, вращать», т. е. «круг, поворот, оборот или его развертывание в пространстве» – др.-инд. «vartman» – «путь, тропа» (ср. «vi-varta» – букв. «разворот») [4, с. 232].

На протяжении веков известные философы Аристотель, Платон, Демокрит, Дж. Локк, И. Кант, Гегель, М. Хайдеггер и др. занимались постижением категорий пространства и времени. В филологической науке изучение пространственно-временных категорий занимало значительное место также со времен античности.

Важное место в разработке категорий художественного пространства и времени принадлежит М. М. Бахтину, который предложил последовательно хронотопический подход при изучении художественного произведения. В первой половине XX века М. М. Бахтин, изучавший на тот момент историческую поэтику литературных жанров, сделал поистине революционное открытие. В своей статье «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике» ученый разработал теорию хронотопа, которая впоследствии перевернула представление о пространстве и времени в художественном произведении. Сам же термин был взят ученым из математического естествознания – теории относительности А. Эйнштейна.

Согласно М. М. Бахтину, мы можем говорить о трёх универсалиях каждого прозаического произведения, а именно: человек, время и пространство. Именно изучение сюжета и композиции литературного произведения, а также выделение его основных тем, идей очень тесно связано с анализом хронотопа. Хронотоп по своей сути является ядром произведения и даёт возможность исследовать взаимосвязь этого художественного литературного произведения с фактами реальности. Хронотопный уровень текста позволяет увидеть развёртывание сюжета, формирование характеров главных и второстепенных героев, выявить модальность автора, эмотивный уровень, а также концепт произведения [2].

При этом анализ пространственно-временной организации отдельного произведения приобретает особую актуальность.

Интересно проследить, как категории времени и пространства моделируются авторами в жанре научной фантастики.

Среди большого круга проблем, которые могут подниматься в научно-фантастических романах, пожалуй, одной из любимых авторами является именно проблема времени как универсальной физической и одновременно философской категории. Его природа и возможности, путешествие во времени; причинно-следственные связи, существующие в пространственно-временных координатах и последствия при их нарушении; моральное право человека вторгаться и изменять историю как целых государств, так и жизни конкретной личности, возможности подобного рода вмешательств; возможность ускорять или замедлять течение времени – вот только некоторые аспекты проблемного поля данной темы в научно-фантастических романах.

Следует отметить, что тема времени часто не является самоцелью произведения. Это лишь средство для реализации творческого замысла писателя, своего рода инструмент для придания особой значимости другим идеям. Например, приемы перемещения современного человека в прошлое или, наоборот, нашего предка – в настоящее, позволяет заново «переоценить» те ценности, которые существуют в мировоззрении

современников, сопоставить нравы и мироощущения разных эпох.

Каноны жанра научной фантастики дают возможность автору экспериментировать с данной категорией. Пространство в фантастическом мире можно искривить, замкнуть в себе, «вырвать» кусок из одного мира и закинуть в другой, а также телепортировать (т.е. мгновенно переместить) предмет или вещь из одной точки в другую вне зависимости от расстояния между ними.

Особенностью пространства в научно-фантастическом романе является его подробная «выписанность», четкое описание географии и предметного окружения. Часто путешествия в пространстве и во времени объединены в единый и неразрывный феномен. Тысячелетний летаргический сон (Ж. Мишель «Орбита и колесо»), длительный анабиоз (Р. Хайнлайн «Дверь в лето»), «машина времени» (Л. Нивен «Мир вне времени») – это фантастические допущения, применяемые в научно-фантастических романах и позволяющие их героям перемещаться на расстояния в световые годы, не старея и сохраняя свои биологические возможности (возраст, силу, ловкость, разум и т.д.).

Российский литературовед О. Чигиринская считает, что именно специфический хронотоп является основой для существования научной фантастики как жанра. По ее мнению, «фантастический хронотоп так или иначе есть такой образ места и времени, которого нет и не может быть – но описывается он при этом как такой, который при определенных условиях мог где-то существовать» [5]. Та или иная комбинация характерных хронотопов и определяет поджанры научной фантастики. Так, О. Чигиринская выделяет утопии (невозможное место), ухронии (невозможное время) и ускевии (невозможная вещь в подчеркнуто реальном хронотопе). Как считает О. Чигиринская, такие субжанры фантастики, как фэнтези, альтернативно-историческая фантастика и космическая опера, разнятся только выбором топоса времени. Для фэнтези таким топосом является легендарное прошлое нашего мира, для криптоистории – невозможное настоящее, обусловленное изменениями в прошлом, а для космической оперы – некое условное будущее [5].

Следует отметить, что в современной науке о литературе понятие хронотопа в жанре научной фантастики тесно связано с категорией истории. Собственно, это и есть то время и место, когда и где творится история. Причем история не как некая линейная заданность, имеющая причинно-следственную обусловленность, а история как хаос, не имеющий четких ценностных ориентиров. Человек ощущает свое беспокойство и потерянности в этом мире, где незначительный факт может привести к глобальным изменениям, а, казалось бы, устойчивые социальные институты и незыблемые жизненные каноны теряют свой смысл.

Действительно, в постмодернистских произведениях на первый план

выходит не рациональная, логически оформленная рефлексия, а глубоко эмоциональная, внутренне прочувствованная реакция современного человека на традиционный окружающий мир, которому приходит конец. Не просто «конец истории», а «конец времени» как внутреннее состояние усталости и безнадежности.

Современный российский философ М. Эпштейн в своем произведении «Пролог к воскрешению времени» говорит о смерти времени как такового, называя его «хроноцидом» и выделяя три его основные формы. Первая – это фанатическая одержимость будущим: ради «счастья будущих поколений» совершаются революции, убийства на идейной почве целых народов, сословий, классов, которые не достойны будущего. Вторая форма «убийства времени» – это одержимость прошлым. Наконец, третий вид хроноцида – это постмодернистская замороженность настоящим, уничтожение времени в бесконечных повторах [6].

Все больше философов и культурологов пишут об эпохе постпостмодернизма, когда происходит слияние реальности и виртуальности, индивидуального мозга и вселенной идей, техники и органики, создание мыслящих машин, «киборгов» для понимания которых невозможно провести границу между человеком и машиной.

Основой новой, «постпостмодернистской», эпохи становится киберпространство, виртуальность, которая обуславливает как категорию пространства (возможность существования параллельных миров), так и времени (возможность им управлять). Но это, как показывает в работе «Индивидуализированное общество» всемирно известный британский социолог З. Бауман, опять же возвращает нас к переживанию мира как хаоса, а, следовательно, не только не отдаляет нас от постмодернистского ощущения «опасности» и «потерянности», но еще более усиливает его [1].

Все эти общие тенденции и настроения, характерные для постмодернистских произведений, можно проследить и в творчестве писателей-фантастов эпохи постмодерна. Авторы погружают нас в свой особый мир, где каждая деталь насыщена смыслом и одновременно не имеет значения, тем самым заставляет переоценить нашу привычную систему ценностей. Сложное и интересное соотношение времени и пространства как общефизических и индивидуально-психологических категорий является одним из фирменных авторских приемов большей части авторов постмодернизма XX века, которые работают в жанре научной фантастики.

Список использованных источников

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Перевод с английского под редакцией В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.

3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 320 с.
4. Норец М.В., Семенова В.В. Особенности жанровой структуры фантастики / М.В. Норец, В.В. Семенова // Аллея науки. – Т.1. – № 2 (18). – 2018. – С.432-436.
5. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – с. 227–284.
6. Чигиринская О. А. Хронотоп: попытка разрешения проблемы определения фантастического жанра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/91838/2/Chigirinskaya_-_Fantastika_vybor_zhanra%2C_vybor_hronotopa.html (Дата обращения: 21.12.2019)
7. Эпштейн М. Пролог к воскрешению времени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/subject/figures/mixail-yepshtejn/11277-xronocid-prolog-k-voskresheniyu-vremeni.html> (Дата обращения: 24.12.2019)
8. Gomel E. NARRATIVE SPACE AND TIME: Representing Impossible Topologies in Literature. N.Y.; L.: Routledge, 2014. 226 p.

УДК 81-115

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРИЕМОВ
ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ
ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ЗАПОВЕДНИК»)**

Н. В. Пасекова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье проводится анализ перевода на английский язык отдельных приемов языковой игры на материале оригинала повести «Заповедник» С. Довлатова и ее англоязычной версии «Pushkin Hills». Используется комплексный подход, который базируется на синтезе различных методов (структурный метод, сопоставительный метод, метод стилистического анализа, метод сплошной выборки). Выявлено, что трудности перевода связаны с большим количеством скрытой информации и маркеров культуры, на которой зачастую и строится языковая игра в произведениях С. Довлатова.

Ключевые слова: С. Довлатов, «Заповедник», приемы языковой игры, перевод, маркеры культуры.

Summary. This article analyzes the translation of certain techniques of a language game into English based on the original and translation of S. Dovlatov's novel "Pushkin Hills". An integrated approach based on the synthesis of various

methods (structural method, comparative method, stylistic analysis method, continuous sampling method) is used. It has been revealed that the difficulties of translation are connected with hidden information and cultural markers peculiar for S. Dovlatov's prose.

Key words: S. Dovlatov, "Pushkin Hills", language game techniques, translation, cultural markers.

Сергей Донатович Довлатов (1941-1990) является, несомненно, одним из самых ярких представителей русской литературы конца XX в. С его именем связаны стилевые новации, простота, художественное совершенство, краткость и выразительность прозы.

Характеризуя прозу С. Довлатова, его искусство рассказа, Лев Лосев отмечает: «Лучшие слова в лучшем порядке» [6, с. 365]. Известная поэтесса и друг Довлатова, Белла Ахмадулина, также вспоминает: «Я читала его все больше, любясь устройством его фразы, вольной, беспечной, смешливой... Если бы не слово, которому Довлатов единственно служил, которым владел – его обаяние, доброта, юмор, благородство не стали бы достоянием множества людей...» [8, с. 37].

Мнение И. Бродского о том, что переводить С. Довлатова легко, так как «синтаксис его не ставит палок в колеса переводчику» [1, с. 167], по нашему мнению, совершенно неоправданно. Серьезные проблемы перевода касались не синтаксиса, а речевого стиля, самого языка произведения, интонации рассказчика, ритма повествования.

Перевод на лексическом уровне, перевод языковой игры, которые касаются самого сложного уровня прагматики, вызывают несомненные трудности. Зачастую расхождения между русскими и американскими текстами С. Довлатова были поразительны в силу «явной идеологической манипуляции, которую можно считать редкостью в мировой практике», но являющейся характерной для Довлатова и его творчества [7, с. 216].

Да и сам С. Довлатов в одной из последних своих статей «Переводческие картинки» обращал внимание на то, что лексика – самое большое достоинство его стиля и главное препятствие в переводе [7, с. 218].

Одну из лучших повестей С. Довлатова, «Заповедник», англоязычный читатель увидел совсем недавно, в 2013 году. Переводчицей выступила дочь С. Довлатова, Катерина Довлатова. Благодаря ее усилиям и стараниям иностранный читатель познакомился с этим произведением под названием «**Pushkin Hills**». Несмотря на то, что Катерина жила в Америке с 12 лет, перевод истинно довлатовских выражений вызвали трудности. Невозможно представить перевод, чтобы не потерять их смысл. Ведь основной задачей было перевести на английский язык так, чтобы сохранить стиль Сергея Довлатова. «Я постаралась приблизить перевод к оригиналу: передать настроение, юмор, интонацию. Простой, на первый взгляд, русский язык на самом деле – результат кропотливой, трудоемкой работы, язык, из которого

удалено все лишнее и оставлено только основное, где каждое слово стоит на своем месте и где не может быть иначе. Так что мне пришлось пойти на риск и изменить в некоторых местах текст так, чтобы сохранить изначальный замысел и не потерять богатство английского», – признается Катерина [4].

Свою книгу сам автор считал непере译имой из-за особенностей речи некоторых персонажей. С. Довлатов говорил, что, разговаривая на чужом языке, мы теряем около 80% своей личности, а также утрачиваем способность шутить и иронизировать [3]. Именно это заявление отца стало подсказкой и помогло Катерине: в процессе перевода ей отчасти «пришлось сочинять новый язык».

Далее мы рассмотрим, с какими трудностями пришлось столкнуться переводчице, чтобы как можно точно сохранить индивидуальный стиль автора. Этот список не имеет целью провести научный анализ с сопоставительным приложением всех исходных данных повести «Заповедник». Он имеет целью лишь ознакомление читателя с ракурсом стратегий, позволявших создать англоязычный художественный текст.

В своих произведениях Довлатов часто обращается к приемам языковой игры, одной из основной функций которой является привлечение внимания читателя.

Интересна в этом отношении классификация приемов языковой игры Ю. О. Коноваловой, которая делит приемы языковой игры на две группы, связанные «1) с построением единиц необычных по форме и по значению (производство игрового элемента). К ним относятся следующие приемы: рифмовка, фонетические и морфологические деформации, непрямы номинации, нарушение лексической сочетаемости, окказионализмы, каламбуры; 2) с выбором чужеродных для современной русской разговорной речи средств выражения (придание игрового статуса существующему языковому элементу)» [5, с. 50]. Ко второй группе относится прием контраста.

Наиболее распространенным приемом языковой игры у Довлатова является использование не прямых номинаций (тропов: метафор, метонимии, сравнения, перифразы), основной функцией которых является маскировочная функция. Так, например, главной особенностью внешнего вида А. Пушкина считались бакенбарды. У Довлатова бакенбарды становятся объектом комических метафор и сравнений для иронического отображения действительности в заповеднике: «появился официант с громадными войлочными бакенбардами» [2, с. 185]. *«На каждом шагу я видел изображения Пушкина. Даже возле таинственной кирпичной будочки с надписью «Огнеопасно!». Сходство исчерпывалось бакенбардами. Размеры их варьировались произвольно»* [2, с. 185]. – *«A picture of Pushkin greeted me everywhere I looked. Even near the mysterious little brick booth with*

the “Inflammable!” sign. The similarity was confined to the sideburns. Their amplitude varied indiscriminately» [9, p. 19]. Сопоставляя оригинал и перевод, отметим, что в первом предложении К. Довлатова применила прием перестановки компонентов предложения, тем самым акцентируя внимание англоязычного читателя на образе Пушкина. Ведь действие повести происходит в музее-заповеднике «Михайловское», и пушкинская тема является одной из основных в этом произведении. Выразительные средства сохранены переводчиком, и в целом юмористический эффект сохраняется.

Часто используется нарушение лексической сочетаемости слов. Данный прием заключается в том, что слово, имеющее узкую лексическую сочетаемость, оказывается в непривычном для него окружении, при этом происходит сдвиг в семантике, который порождает эффект игры. В «Заповеднике» использованием этого приема запомнился писатель Потоцкий, который с легкостью пишет и издает рассказы в журналах, в то время как талантливых писателей всячески преследовали и репрессировали: «*В октябре Мишутко кануло тринадцать лет....*» [2, с. 206]. Словосочетание «кануть в Лету», обозначающее «бесследно исчезнуть, навсегда оказаться забытым», приобретает значение «достигнуть определенного возраста». Комический эффект возникает из-за неправильного толкования слова Лета, которое Потоцкий намеренно путает с похожим по звучанию словом. В англоязычной версии эта фраза переведена следующим образом: «*Misha excepted that he had finally turned thirteen...*» [9, p. 42]. К сожалению, здесь комический эффект не сохранен переводчиком, по-видимому, потому, что некоторые явления, характерные для нашей культуры и вполне понятные нашему читателю, могут вызвать непонимание и недоумение у иностранного читателя. Катерина Довлатова переводит это предложение так, как бы оно звучало без отсылке к известному фразеологическому выражению, хотя юмористический эффект как раз и достигается за счет неверного толкования слов Лета – лет (в значении *возраст*).

При отсутствии нормативного литературного однословного обозначения явления или предмета в языке вводятся окказионализмы, которые в тексте выполняют языкотворческую функцию. В довлатовском «Заповеднике» окказионализмы представлены только в речи Михал Иваныча: «*–Я в лесничестве работаю – дружбист! – Кто? – не понял я. – Бензопила у меня... «Дружба»...*» [2, с. 192]. – «*I worked at the forestry. I’m a Friendshipist! – What? I didn’t understand. I got a power saw...one from the “Friendship” line...*» [9, p. 26]. Интерес вызывает перевод слова «дружбист» и название пилы «Дружба». Согласно правилам перевода, лексические единицы с нестандартной зависимостью от контекста, а именно название фирмы, следовало бы передать, используя прием транслитерации (*Druzhba*), но тогда бы производное от него слово-окказионализм *дружбист* потеряло

бы свое значение. По-видимому, именно поэтому переводчик использует семантический перевод и мы видим «*Friedship*» line, а слово *дружбист* передано как *Friendshipist*. Е. Довлатова применяет словообразовательный прием и суффикс *-ист* в русском языке звучит как *-ist*.

Каламбур – это вид языковой игры, который основан на объединении в одном тексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию, часто используемый авторами для создания комического эффекта: «– *Садитесь. – Я уже сидел, – юмористически высказался Потоцкий*» [2, с. 238]. «– *Join us. Do you have time? – I've done time*», *Pototsky replied playfully*. [9, p. 48]. Здесь обыгрывается общеупотребительное и разговорно-просторечное значения слова «сидеть» («находиться в неподвижном состоянии на чем-либо» и «отбывать наказание в тюрьме»). По нашему мнению, в переводе этого каламбура несколько утрачен юмористический эффект от обыгрывания слова *сидеть* в значении *отбывать наказание*, хотя для русскоязычного читателя это выражение понятно.

Каламбур выполняет развлекательную функцию, используется с целью продемонстрировать языковые способности, развлечь собеседника. Еще один пример: «*Мне полную, – сказал он и добавил: «Люблю полненьких*» [2, с. 239]. Персонаж снова обращается к каламбурному обыгрыванию значений слова «полный»: 1) наполненный, занятый чем-нибудь целиком и 2) толстый, тучный, для того, чтобы обратить на себя внимание, продемонстрировать свои способности к языковому творчеству, развлечь жену Алиханова и официантку (развлекательная функция). – «*For me - a large one*», *he said. «I love the larger ones*» [9, p. 75]. И в этом примере, на наш взгляд, не совсем передан комизм выражения. Часто при переводе с одного языка на другой теряется смысл, заложенный в лексических единицах, понятных и характерных для культуры одного народа.

Согласно классификации Ю. Коноваловой, прием контраста заключается в использовании в тексте иностилевой лексики, которая вызывает комический эффект за счет контраста с контекстом. Под иностилевой лексикой подразумеваются слова, принадлежащие к разным функциональным стилям; слова, имеющие иную стилистическую окраску (просторечные, книжные, высокие слова, заимствованные, исконные и др.) Включение в текст грубо-просторечных слов вызывает комический эффект. Так, например, в следующем примере противопоставляется речь Алиханова с использованием слова высокого стиля и речь брата Татьяны, который для большей убедительности, с целью повлиять на Бориса использует разговорно-сниженную, бранную лексику: «– *Вы забываетесь, маэстро! – Молчать! – произнес угрожающе тот, кто сидел напротив*». И дальше: «– *Ты почему не женишься, мерзавец?! Чего виляешь, мразь?!*» [2, с. 228]. – «*You are forgetting yourself, maestro! – Silence! – uttered the man sitting*

opposite me, menacingly. And then: "Why haven't you married her, you son of a bitch! What are waiting for, scumbag?" [9, p. 36]. В этом отрывке переводчик сохраняет весь смысл, не опуская слов со сниженной лексикой, поскольку сниженная лексика в речи героя служит для его характеристики и по преимуществу связана с устной формой речи, которая позволяет выразить эмоциональную оценку действительности.

Как видим, частое использование приемов языковой игры в повести «Заповедник» является одной из отличительных особенностей стиля С. Довлатова.

Подводя итог, отметим, что основной задачей переводчика художественного произведения является стремление к тому, чтобы перевод произведения, сохраняя точность передачи содержания оригинала, оказывал бы на иностранного читателя такое же эстетическое и эмоциональное воздействие, как и оригинал.

На наш взгляд, К. Довлатовой в некоторых случаях в тексте не удалось избежать некоторых потерь, ей лишь частично удалось сохранить авторский замысел. Несомненно, трудность перевода связана с очень большим количеством скрытой информации и маркеров культуры, на которой зачастую и строится языковая игра в произведениях С. Довлатова. Тем не менее, переводчица постаралась минимизировать случаи непередачи авторских приемов или замещения их знаками индивидуального стиля.

Список использованных источников

1. Бродский И. А. О Сереже Довлатове // Петрополь V. СПб. С. 167–172.
2. Довлатов С. Собрание сочинений. В 4-х томах. СПб., 1993.
3. Довлатов С. Литература в опасности- это нормально (о проблемах литературы) // Литературная газета. – 1990. – 15 августа.
4. Довлатова Катерина. Наравне с отцом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sobranie.vl.ru/person/katerina-dovlatova-naravne-s-otcom> – (дата обращения: 24.01.2020).
5. Коновалова Ю. Н. Языковая игра в современной русской разговорной речи. – Владивосток Изд-во ВГУЭС, 2009. 196 с.
6. Лосев Лев. Русский писатель Сергей Довлатов // С. Довлатов. Собр. соч. в 3 томах. – СПб., 1993. – Т.3. – с.363–372.
- Лукинова М.Ю., Глухенькая Л.Н. Игра перевода языковой игры (на материале детской поэзии К. Э. Даффи) // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 337-342.
- Сальмон Лаура «Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова»). М.: ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, 2008. 256 с.
9. Сухих И. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб., 1996.
10. Dovlatov S. Pushkin Hills. ALMA CLASSIC, 2013. 124 p.

УДК 81'25

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД ИЛИ ПСЕВДОХУДОЖЕСТВЕННОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ ОРИГИНАЛА?

О. В. Петрова,

*кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и практики
английского языка и перевода, Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обучения студентов художественному переводу и выявляется связь этих проблем с общими проблемами подготовки переводчиков.

Ключевые слова: художественный текст, художественный перевод, авторский стиль, переводческий произвол.

Summary. The article discusses problems of teaching literary translation and shows how they are linked to general problems of training translators.

Key words: literary text, literary translation, idiostyle, translator's arbitrary decisions.

В качестве эпиграфа:

– Что вы считаете хорошим переводом?

Я стал в тупик и ответил невнятно:

– Тот... который... наиболее художественный...

– А какой вы считаете наиболее художественным?

*– Тот... который... верно передает поэтическое
своеобразие подлинника.*

*– А что такое – верно передать? И что такое
поэтическое своеобразие подлинника?*

Здесь я окончательно смутился.

*(из диалога А. М. Горького и К. И. Чуковского [3, с.
8])*

Работы, выполненные студентами на конкурсах перевода, особенно письменного, дают обильную пищу для размышлений по поводу того, чему и как мы учим будущих переводчиков – и в плане методики обучения, и в плане тех теоретических принципов, которыми руководствуются преподаватели. Однако еще более информативными в этом отношении оказываются не сами студенческие работы, а то, что выясняется в ходе «разбора полетов», когда студенты получают возможность не просто выслушать замечания по поводу своих переводов, но и попытаться защитить (или, во всяком случае, обосновать) свои решения. Обычно у участников конкурсов такой возможности нет: им, как правило, просто высылают их работы, в которых помечены (но при этом даже не всегда прокомментированы) те места, которые членам жюри показались неудачными. И даже в тех случаях, когда студенты обращаются к своим преподавателям с просьбой объяснить суть тех или иных замечаний, те тоже

часто становятся в тупик, затрудняясь провести грань между реальными недочетами и замечаниями, скорее напоминающими вкусовую правку редактора. Таким образом, конкурс фактически становится чисто соревновательным мероприятием, лишенным какого бы то ни было обучающего характера. А жаль.

Именно поэтому на переводческом факультете НГЛУ им. Н. А. Добролюбова конкурсы проводятся в форматах, позволяющих студентам на месте, в живом общении получить комментарий по поводу своих переводов. Касается это в первую очередь конкурса художественного перевода. Поскольку он проходит в рамках молодежной конференции, предполагающей очное участие, для студентов, заранее приславших свои переводы конкурсного текста, проводится мастер-класс, в ходе которого обсуждаются основные положения теории художественного перевода, анализируются как сам оригинал, так и наиболее типичные или наиболее яркие переводческие решения, а затем каждый участник имеет возможность обсудить с членами жюри свой собственный перевод.

Понятно, что большинство недочетов в конкурсных переводах связано не со спецификой художественного перевода, а с традиционными для всех студенческих конкурсов проблемами, такими как непонимание оригинала, незнание англоязычной идиоматики, нарушение сочетаемости слов в русском языке и т.п. Но отвлечемся сейчас от них и поговорим не о том, что появляется в текстах перевода независимо от намерения переводчика или даже вопреки ему, а о тех изменениях, которые переводчики вносят в текст осознанно, намеренно, исходя из своего понимания того, чем художественный перевод отличается от прочих видов перевода.

Проводившийся в 2019 году конкурс выявил весьма интересные подходы к художественному переводу в разных вузах, весьма отличные (по крайней мере, в изложении студентов) от традиционно обсуждающихся в переводоведении. Настолько отличные, что некоторые участники конкурса, объясняя выбранные ими переводческие решения, говорили: «У нас другая школа художественного перевода», «У нас придерживаются других принципов».

Итак, что же это за принципы?

1. Художественный перевод отличается от нехудожественного тем, что он должен быть красивым. Текст должен быть насыщен метафорами, эпитетами, образными сравнениями и т.д.

2. Главная задача художественного перевода – воздействовать на эмоциональное и эстетическое восприятие читателя. Поэтому переводчик имеет право на любые способствующие этому изменения текста.

Поскольку такой подход к художественному переводу обнаружился не в одной и не в двух работах, представляется необходимым его

проанализировать и разобраться в том, как это соотносится с теорией перевода вообще и с теорией художественного перевода в частности.

Представление о том, что художественный перевод должен быть красивым, по-видимому, основано а) на смешении понятий «художественный текст» и «художественный перевод» и б) на суженном толковании терминологического сочетания «художественный текст». Начнем со второго. Художественный текст не обязательно бывает «красивым». Художественный текст – это текст художественного произведения. Художественное же произведение, в свою очередь, – это любое произведение искусства, материалом для создания которого является слово. Как и всякое произведение искусства, оно создается с целью эмоционально-эстетического воздействия на читателя, т.е. призвано вызвать у читателя эмоциональный отклик и оценку (совсем не обязательно положительную) каких-то явлений, событий, ситуаций и т.д. Эстетика, как известно, включает в себя такие противопоставленные категории, как прекрасное – безобразное и возвышенное – низменное. Все они могут найти отражение в художественном тексте. И, соответственно, для их передачи используются языковые формы, обладающие такими же эстетическими характеристиками. Трудно, например, говорить о «красивости» текста литературных произведений Эдуарда Лимонова, Венедикта Ерофеева или Владимира Сорокина. Однако это именно художественные произведения. Они обладают всеми свойствами таковых: и целью (эмоционально-эстетическое воздействие на читателя), и видами передаваемой информации (интеллектуальная, эмоциональная и эстетическая), и полным набором характерных для художественного произведения языковых и структурно-композиционных средств.

Смешение же понятий «художественный текст» и «художественный перевод» напрямую связано с пониманием сущности художественного перевода. Со времен приведенного в эпиграфе диалога прошло немногим менее века. С тех пор многое изменилось. В литературоведении понятие художественного своеобразия подлинника перестало быть интуитивным и расплывчатым. В текстологии разработаны всевозможные классификации, позволяющие отличить художественные тексты от всех прочих типов текстов. Появилась обширная и серьезная литература по теории художественного перевода. Л. Л. Нелюбин в своем переводоведческом словаре приводит целый ряд определений, описаний и характеристик этого понятия, наиболее кратким и емким из которых представляется следующее: «Перевод художественных литературных произведений, при котором воспроизводится индивидуальное своеобразие подлинника и сохраняется его эстетическое восприятие» [1, с. 246–247]. Таким образом, уже в самом определении понятия «художественный перевод» содержится указание на то, что текст перевода должен быть не «красивым» или «некрасивым» сам

по себе. Он в этом отношении должен строго соответствовать тексту оригинала.

История перевода знает случаи, когда переводчики, тяготеющие к так называемому вольному переводу, «украшали» тексты, добавляя всевозможные стилистические фигуры, которых, по их мнению, у авторов оригинальных текстов было недостаточно. Можно вспомнить описание К. И. Чуковским того, что произошло со стихами П. Б. Шелли в переводе К. Бальмонта: если у Шелли «сон», то в переводе – «роскошная него», если у автора «лютня», то у переводчика – «рокот лютни чаровницы», «звук» превращается в «живое сочетание созвучий», «лепестки» – в пышные букеты. И если у Шелли просто сказано «звезды», то переводчик обязательно добавляет эпитет, и они становятся «яркими». И это, пишет К. И. Чуковский, уже не Шелли: получился полу-Шелли, полу-Бальмонт. Иными словами – Шельмонт [3. с. 22–24].

Так что же мы увидели в конкурсных работах, авторы которых отстаивали принцип необходимости сделать текст перевода красивым (т.е., в их понимании, художественным)? Посмотрим на примерах.

Оригинал:

...the tops of trees that were all aquiver with the new spring life.

Переводы:

- верхушки деревьев, на ветвях которых трепетно зарождалась весна;
- на верхушках деревьев, росших перед домом, дрожали, предчувствуя приход весны, молодые побеги;
- А макушки деревьев за окном трепетали от дуновения весеннего ветерка, и весь мир выглядел так, будто кто-то вдохнул в него жизнь;
- деревья, чьи верхушки трепетали в предвкушении начала весенней поры;
- верхушки деревьев, наполнявшихся свежестью пробуждающейся от зимнего сна природы.

Если в оригинале сказано «The delicious breath of rain was in the air», то в переводе «Воздух звенел от пьянящей свежести весеннего дождя» и даже «Сквозь открытое окно ее лицо обдул легкий приятный ветерок, намекающий на приближение дождя». Если в оригинале до героини доносится «a distant song», то в переводе это «чья-то незамысловатая песенка»; к описанию «a comfortable, roomy armchair» добавляется «мягкое», а само кресло уже не просто стоит «facing the open window», а «на своем привычном месте пред распахнутым окном».

Это далеко не все примеры подобного рода. Но их, думается, достаточно для того, чтобы показать, что речь идет не об отдельных переводах, авторы которых посчитали, что текст оригинала недостаточно художественен и нуждается в «улучшении». При обсуждении для них полной неожиданностью оказалась мысль, что в результате такого перевода все

авторы потеряют свою индивидуальность и «заговорят» одним и тем же голосом – голосом переводчика. В тех «других школах художественного перевода», откуда они приехали, этот аспект не обсуждался.

Не менее серьезно обстоит дело и со вторым из сформулированных в начале статьи «принципов», касающимся права переводчика вносить в текст любые изменения, направленные на реализацию коммуникативной цели художественного текста, а именно – способности текста воздействовать на эмоциональное и эстетическое восприятие читателя. Когда переводчику кажется, что автор недостаточно эксплицитно выразил мысль, изобразил эмоцию и т.д., он начинает «помогать» читателю, что-то добавляя от себя, что-то эксплицируя. На вопрос, откуда в переводе взялась та или иная фраза, то или иное слово, студенты отвечали достаточно однотипно: «Но ведь автор именно это имел в виду! Это же не противоречит ситуации, а только делает ее более понятной». Или даже так: «Автор этого, конечно, не говорит, но мне показалось, что у него самого к происходящему такое отношение». На вопрос, почему же он этого не говорит, ответить, разумеется, никто не мог.

Такой подход особенно настораживает, поскольку он напрямую связан с более общей проблемой, весьма часто встречающейся при обучении переводу, причем далеко не только художественному. Это право переводчика на трансформирование текста. Здесь нередко сталкиваются и вступают в противоречие два принципа. С одной стороны, необходимо внушить студентам, что переводятся не слова и предложения, не формы и конструкции, а смыслы. А с другой – нужно, чтобы будущие переводчики понимали, что воссозданию (особенно при переводе художественных текстов) подлежит авторский стиль, выбранный автором способ построения текста, а поэтому не все равно, какими именно средствами заложенный автором смысл будет передан. Обучая будущих студентов-переводчиков всевозможным переводческим приемам и трансформациям, мы нередко забываем при этом каждый раз напоминать, что трансформациями переводчик имеет право и даже должен пользоваться, но только тогда, когда без использования этих трансформаций будут нарушаться нормы и узус переводящего языка. В этой связи нелишне напомнить сформулированные Л. К. Латышевым три принципа, которые определяют нахождение правильной (адекватной) меры переводческой трансформации: принцип мотивированности (недопущение чисто произвольных трансформаций), принцип минимальности (недопущение мотивированных, но чрезмерных трансформаций); принцип общей ограниченности меры переводческих трансформаций (недопущение трансформаций, имеющих определенный мотив, но выходящих за пределы допустимого в переводе). Именно адекватная мера переводческих трансформаций, по мнению Л.

К. Латышева, – это «признак, отличающий хороший перевод, знак профессионального мастерства переводчика» [2, с. 50-51].

Существуют разные школы художественного перевода. До сих пор ведутся споры относительно правомерности буквалистского подхода к художественному переводу. Продолжаются споры по поводу необходимости сохранения в переводе именно тех тропов, которые использованы в оригинале. Есть еще множество достаточно общих и совершенно частных вопросов, по поводу которых мнения представителей разных переводческих школ расходятся. Но сама суть художественного перевода не может вызывать сомнения: художественный перевод предполагает сохранение всех тонкостей содержания иноязычного текста, его образной системы, всей индивидуальности авторского стиля. Переводческий произвол здесь недопустим.

Список использованных источников

1. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука. 2003. 320 с.
2. Латышев Л. К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 320 с.
3. Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 3: Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей / Сост. Е. Чуковской и П. Крючкова. – 2-е изд., электронное, испр. и дополн. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. 640 с.

УДК 82.21

ПЕРЕДАЧА ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА ЕЛИЗАВЕТЫ II НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ ПИТЕРА МОРГАНА «АУДИЕНЦИЯ»

Е. В. Полховская,

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

П. Ю. Нечипас,

обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье дается определение понятию «языковая личность» в художественном тексте, а также приводятся компоненты, входящие в данное понятие. Определяются основные особенности языковой личности персонажа Елизаветы II на материале пьесы Питера Морган «Аудиенция» и предлагается стратегия их передачи на язык перевода. Делается вывод о том, особенности языковой личности Елизаветы II

варьируются в зависимости от возраста королевы, подчеркивая этапы становления Елизаветы как личности и монарха.

Ключевые слова: политическая драма, современная английская драматургия, Питер Морган, языковая личность.

Summary. This article defines the concept of “linguistic personality” in a literary text, and also describes the components that make up this concept. The main features of the linguistic personality of the character of Elizabeth II are determined on the material of the play “Audience” written by Peter Morgan. The strategy of their transmission into the target language is proposed. It is concluded that the features of the linguistic personality of Elizabeth II vary depending on the age of the queen, emphasizing the stages of the formation of Elizabeth as a person and a monarch.

Key words: political drama, modern English drama, Peter Morgan, linguistic personality.

Питер Морган – современный английский драматург и сценарист, обладатель премии BAFTA за лучший адаптированный сценарий к фильму «Последний король Шотландии» и награды Золотой глобус за сценарий к фильму «Королева». Морган, прославившийся благодаря таким фильмам как «Королева» и сериалу «Корона», действительно, в большинстве своих работ повествует о королевской семье в Великобритании, в особенности о самой королеве Елизавете II. К примеру, пьеса «Аудиенция», о которой пойдет речь в данной статье, повествует о еженедельной аудиенции королевы с премьер-министрами, благодаря которым читатель может проследить становление Елизаветы Александры Марии как монарха.

Цель данной работы заключается в определении передачи особенностей языковой личности Елизаветы II на язык перевода.

Задачи данной работы представлены следующим образом:

- 1) Дать определение понятию «языковая личность»
- 2) Выявить компоненты, входящие в понятие «языковая личность»
- 3) Определить особенности языковой личности Елизаветы II и наметить стратегию их перевода

При написании данной статьи были использованы ряд методов: метод вербального анализа, метод текстового анализа, сравнительный метод, метод тщательного прочтения, метод структурного анализа и метод переводческого анализа.

Прежде чем перейти непосредственно к теме данной работы, стоит определить понятие «языковой личности».

Данное понятие было введено В. В. Виноградовым в 1930 году, который рассматривал языковую личность как наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов [1, с. 29–32]. Благодаря анализу использования индивидом той или иной лексики,

языковых конструкций и оборотов речи, можно сделать вывод об уровне воспитания и образования человека, его мироощущении, взаимоотношениях с другими людьми и т.д.

Ю. Н. Караулов в своих работах делает акцент на следующие компоненты, содержащиеся в понятии «языковой личности» [2, с.25–28]:

- 1) *ценностный, мировоззренческий*, компонент содержания воспитания, т.е. система ценностей, или жизненных смыслов.
- 2) *культурологический*, уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку и воздействия на собеседника.
- 3) *личностный*, индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке.

Таким образом, языковая личность – человека как носитель языка с индивидуальным сознанием, уровнем культуры и образованности.

Возвращаясь к теме нашей статьи, стоит отметить, что предметом исследования послужил персонаж Елизаветы II в 11 лет, 25 лет и в 69 лет. В зависимости от возраста Елизаветы II, особенности ее языковой личности варьируются.

Так, на первых страницах пьесы перед читателями предстает 69-летняя королева. Она уверена в себе, непоколебима в своих принципах и решениях, вольна безапелляционно высказать свое мнение и влиять на мнение окружающих ее людей. Для ее речи характерно частое использование конструкции *neither...nor*, подчеркивающей безапелляционность и твердость Елизаветы, а также чаще всего королева говорит от 1 лица множественного числа. Данная особенность говорит о том, что королева давно уже привыкла отождествлять себя со всем государством, нести ответственность за каждое принятое решение и быть в ответе перед своими подданными. Кроме того, для речи королевы характерны короткие ритмичные предложения, передающие основную суть. Данная особенность может быть объяснена как привычкой монарха жить в постоянной спешке и уметь давать четкие комментарии, так и личной особенностью Елизаветы:

“Elizabeth: *It will never be forgotten. Nor the help you gave. It was a difficult lesson to learn, but we learned it”* [3, p.7].

“Elizabeth: *At some point all your predecessors have been hated or rejected. By their own party. By the electorate. But the good ones fight against it. Turn it around. To their own advantage”* [3, p.7].

Разбирая языковую личность 69-летней королевы на компоненты, разработанные Карауловым, можно отметить, что в данном случае, по большей части, присутствует компонент ценностный и культурологический. К ценностному компоненту языковой личности данного персонажа мы вернемся при рассмотрении 11-летней Елизаветы Марии, будущей королевы Англии.

Таким образом, при передаче особенностей языковой личности

персонажа Елизаветы II в 69-летнем возрасте, стоит использовать односложные короткие предложения, повелительное наклонение, инверсию для достижения ритмического и эстетического эффекта.

Далее 69-летняя королева сменяется 25-летней Елизаветой, которая едва взойшла на трон и не имеет четкого представления о порядках и формальностях, принятых во дворце. Именно поэтому она вынуждена выслушивать советы со стороны премьер-министра Черчилля. Новоиспеченная королева предстает перед читателем неуверенной, пугливой и хрупкой девушкой. Для речи молодой королевы характерно использование большого количества вопросительных предложений, что подчеркивает отсутствие у нее малейшего опыта касательно ведения переговоров и решения вопросов политического характера. Однако данный феномен можно так же расценить как и желание Елизаветы как можно лучше разобраться в тонкостях придворной жизни, манере вести переговоры и держать себя на публике.

“Elizabeth: Please... Prime Minister. I’ve ordered tea. Or would you prefer water? Something stronger, perhaps?” [3, p.10]

“Elizabeth: And I have the following questions. Can you give me a date for the end of rationing of sugar, butter, and meat? What more can you tell me about development of nuclear weapons? And do you envisage a military engagement by U.N. forces against China – in support of their allies in Korea?” [3, p.11]

В данном случае языковой личности присущ личностный компонент, подчеркивающий стремление персонажа изучить все вопросы, касающиеся королевских обязанностей, а также сделать акцент на неопытность и социальную неуклюжесть персонажа в новой для себя ипостаси.

Таким образом, при передаче особенностей языковой личности Елизаветы на данном этапе ее жизни, стоит строго придерживаться образа молодой королевы, а также следует принять во внимание использование лексического повторения в сцене с аудиенцией Черчилля с целью подчеркнуть не только неопытность королевы, но и ее желание впитать в себя всю информацию, которой Черчилль делится с ней, проясняя все детали ее нового положения.

Заключаящим этапом данной работы стало рассмотрение особенностей языковой личности 11-летней Елизаветы Марии Александры – будущей королевы Англии. В ходе исследования, мы отметили, что в языковой личности юной Елизаветы, по большей части, присутствует личностный и ценностный компонент. Воспитание и ценности, заложенные в Елизавете, противоречат ее собственному мироощущению, что становится очевидно из речи самой королевы. Всю жизнь мечтая о спокойствии и маленьком домике в глуши, Елизавета с детства вынуждена жить в дворце, напоминающий выставочные залы в музее. Ей чуждо непреклонное правило называть отца и мать «Ваше Величество» и слышать «Ваше Высочество» от

своих друзей. Возможно, именно поэтому для речи Елизаветы в 11-летнем возрасте свойственно частое использование сравнений, восклицательных предложений, а также инверсии. Девочка постоянно сравнивает жизнь простых людей и свою жизнь, искренне завидуя счастью других. Использование восклицательных предложений может говорить о внутреннем протесте юной королевы, не имеющей права выбора в своей собственной жизни.

“Young Elizabeth: She made me copy thing again and again. Like a slave” [3, p.15].

“Young Elizabeth: And I screamed. You know, my piercing scream?” [3, p.15]

“Young Elizabeth: It’s like being trapped in museum! The rooms are cold. The corridors are dark. At night the wind moans in the chimneys. Like thousands of ghosts” [3, p.5].

При передаче особенностей языковой личности юной Елизаветы, стоит использовать простые предложения, неосложненные конструкции, а также обратить внимание на систему образов, которую будущая королева использует при сравнении дома, обитателей дворца и т.д. Стоит избегать таких трансформаций как объединение и генерализация, так как может быть искажен образ персонажа. Отрывистая, лаконичная и местами упрощенная манера речи 11-летней Елизаветы лишь подчеркивает твердость ее духа и неприятие сложившихся обстоятельств.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в пьесе Питера Моргана «Аудиенция» особенности языковой личности Елизаветы II варьируются в зависимости от возраста королевы. В разный период ее жизни, благодаря использованию в речи определенных языковых оборотов и конструкций, можно выявить не только специфику характеристики данного персонажа, но также проследить этапы становления Елизаветы как монарха, проследить изменения, произошедшие с ней на протяжении многих лет, а также выявить истинное отношение Елизаветы к своему положению в обществе.

В ходе работы, нами была намечена стратегия передачи особенностей языковой личности персонажа Елизаветы II на язык перевода, не искажая образ королевы и сохраняя заложенные автором пьесы особенности рассматриваемого персонажа.

Список использованных источников

1. Вежбицкая А. Язык, культура, познание. М.: Русские словари, 1997. С. 29-32.
2. Караулов Ю. П. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 25-28.
3. Peter Morgan. The Audience. Faber&Faber, Inc., 2015, P.53

УДК 130.2

ПЕРЕВОД В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В. Е. Резеньков,

студент второго курса кафедры философии, факультета философии, культурологии и искусств, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург

Аннотация: Глобализация изменила способ коммуникации. Цель работы выяснить какую роль перевод играет в процессах глобализации. В работе использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Автор приходит к выводу, что перевод, подвергаясь трансформации под воздействием происходящих изменений в сфере коммуникаций и взаимодействия стран, сам оказывает существенное влияние на данные процессы.

Ключевые слова: перевод, глобализация, информационные технологии, национальная культура, межличностная коммуникация, межкультурная коммуникация.

Summary. Globalization has changed the way we communicate. The purpose of this work is to find out what role translation plays in the processes of globalization. The paper uses descriptive and comparative methods. The author argues that translation, while undergoing transformation under the influence of current changes in the sphere of communications and interaction of countries, itself has a significant impact on these processes.

Key words: translation, globalization, information technologies, national culture, interpersonal communication, intercultural communication.

В общественном сознании перевод воспринимается, прежде всего, как передача текста, созданного на одном языке, средствами другого языка. Но как всю коммуникативную систему под названием язык нельзя свести лишь к устной и письменной речи, так и перевод не стоит рассматривать исключительно как обмен информацией в рамках вербальных и невербальных речевых сообщений. Очевидно, что потребность в переводе наблюдается всегда и везде, где существует коммуникация с использованием двух и более языков. При этом необходимо учесть, что процесс общения включает в себя не только использование вербального языка, но и невербального, например, языка тела. Любой язык – это проявление определенной культуры, которая сама оказывает влияние на способ общения.

Для успешной коммуникации необходимо взаимопонимание, а оно невозможно без объяснения, перевода. Общение может быть межличностное или межкультурное. Данные понятия не исключают, но дополняют друг друга. Тем не менее, под межличностной коммуникацией мы будем понимать то общение, в котором существенную роль играют язык самого человека, жесты, мимика, манера себя вести и говорить. В

межкультурной коммуникации на первое место выходят национальные традиции и обычаи, моральные устои, нормы, регулирующие взаимодействие людей. В обоих случаях участникам требуется время для достижения взаимопонимания, для адекватного перевода своего языка на язык другой стороны. В противном случае общение будет безрезультатно.

Современные технологии значительно упростили процесс коммуникации, уменьшив время ожидания сообщения. Подобное стало возможным во многом благодаря «лавинообразному распространению Всемирной паутины в 1990-х» [1, с. 23]. Это привело к кажущемуся увеличению объема информации, который люди в состоянии получить и отправить. Но с увеличением количества снизилось качество сообщений. На понимание, перевод текста с одного языка на другой отводиться слишком мало времени. Более того, недостаток времени становится причиной некорректной формулировки изначального текста, и тот, кто его составлял при удачном переводе другой стороной, все равно останется непонятым.

Развитие информационных технологий взаимосвязано с процессом глобализации. Формирование глобального рынка невозможно без международного разделения труда, что требует высокой точности синхронизации экономических процессов, почти мгновенной передачи информации. Влияние массовой культуры не было бы столь существенным без каналов распространения популярных произведений все к новым и новым потребителям. В свою очередь, наличие подобного спроса стимулирует прогресс в области информационной коммуникации. В данных условиях перевод, как необходимый компонент общения, подвергается тем же изменениям, что и вся сфера коммуникаций. Процесс перевода ускоряется, и становится более поверхностным, как и само общение. Это порождает иллюзию потенциально легкой автоматизации перевода. Видимое отсутствие глубины, высокая скорость и крайнее разнообразие современной коммуникации создает стремление существенно ограничить инструментарий перевода, подменив знание языков несовершенными компьютерными переводчиками и алгоритмами. Оправдать подобную деятельность по упрощению перевода можно только в том случае, если признать, что все процессы коммуникации в современном мире стали одномерными и крайне бедными в плане смысловой нагрузки. Безусловно, возможностей онлайн переводчиков достаточно в условиях ежедневной, в чем-то рутинной коммуникации, но когда речь идет о глубоком, многослойном, не стандартизированном общении, то подобный подход к переводу перестает работать и может привести лишь к негативным последствиям для коммуникации. Подобное замечание справедливо и для межличностной коммуникации, выходящей за рамки посредственного, поверхностного общения и требующей проявления значительно большего внимания к языку собеседника, и для межкультурной, в которой

необходимо учитывать разнообразные культурные реалии для успешного общения. В подобных ситуациях наличие адекватного перевода практически гарантирует положительный результат взаимодействия участников коммуникации.

Национальные границы препятствуют глобализации. Границей является любое культурное различие, вызывающее затруднения в коммуникации, а потому требующее перевода и дополнительных затрат ресурсов и времени. Необходимость перевода тормозит процессы интеграции стран в единое международное сообщество на условиях, диктуемых современными информационными технологиями и потребностями рынка. Исходя из тенденций изменений в коммуникационной сфере, договоры и соглашения между странами должны подписываться за невероятно малые отрезки времени подобно тому, как сообщения сменяют друг друга в социальных сетях. Де-факто легко преодолевшие временные ограничения, вызванные длительным периодом передачи информации, коммуникационные технологии оказываются не столь эффективны в ускорении переговоров, затрагивающих глубинные пласты культуры. Данную проблему помогло бы решить замедление темпов глобализации, что позволило бы осуществлять перевод между культурами более качественно и находить большое количество компромиссных вариантов. Но подобное маловероятно. Темпы глобализации сохраняются, и во многом за счет упрощения процесса перевода и стирания национальных границ, культурных, языковых и т.д., создающих потребность в переводе.

Ярким примером упрощения процесса перевода в информационную эпоху являются многочисленные онлайн-переводчики. Данные программы в некоторой степени отражают саму суть глобализации. В то время как в один словарь вряд ли можно уместить больше двух языков, онлайн-переводчики предлагают нам на выбор более сотни языков мира. Легкость перевода с любого языка на другой отражает легкость перемещения и открытость современного мира. И перевод, выполненный с помощью онлайн-переводчика, столь же поверхностен и неадекватен, как и впечатления о какой-либо стране, полученные за короткий период времени пребывания в ней.

До недавнего времени единственным способом преодоления национальных границ в интересах глобализации было существование определенной культуры гегемона, подавляющей менее развитые или ослабленные народы. За счет такого насильственного насаждения собственного культурного кода устанавливалась иллюзорная стабильность и единообразие правил. Разрозненные племена объединялись в универсальном для всех культурном и экономическом пространстве. При этом, подобное единство не всегда достигалось за счет военной силы.

История знает прецеденты, когда культура определенной нации в силу высокого уровня своего развития в сравнении с соседями становилась примером для подражания, проецируя собственный культурный код в культуру других народов. Такой страной в Европе на протяжении длительного периода была Франция. Моде французских королей подражали дворы всех европейских монархов, французский долгое время был языком лингва франка в Европе. До Франции за счет многовекового владычества римской империи универсальным языком Европы была латынь, но в данном случае большую роль сыграли завоевания римлян, в то время как Франция не завоевала большинство стран, элита которых говорила на французском лучше, чем на своем национальном языке. Для нас интерес представляет то, что в обоих случаях наличие культуры гегемона позволяло игнорировать иные национальные культуры, а потому потребность в переводе не была столько высока, отпадала необходимость в переводческой деятельности для ведения торговых отношений, так как все подчинялись единому своду правил и говорили на одном языке. Но как только нарушается гегемония одной культуры и появляется несколько крупных центров силы, то перевод становится необходим для успешной коммуникации, так как исчезает универсальный культурный код, к которому можно апеллировать. Перевод одновременно отражает изменения в взаимодействии культур и способствует им. Так реформация в Германии началась с перевода Мартин Лютером Библии на немецкий язык.

В современном мире глобализация продолжает свое развитие за счет гегемонии определенных экономических центров и их культуры, но данный способ остановиться все менее эффективным по мере появления других сил, способных составить оппозицию существующей гегемонии и восстановить ликвидированные ею национальные границы. Воссозданию многополярного мира в многом способствует наличие сильных культурных связей между странами в определенных регионах, что облегчает их объединение для противостояния процессам глобализации. Так происходит в Восточной Азии, где «возникновение сферы совместного процветания Большого Китая в значительной степени облегчается общей культурой» [3, с. 285]. Будущее глобализации, ее темпы во многом зависят от того, насколько успешен будет компромисс между основными центрами силы, принадлежащим разным культурам, и подобное соглашение невозможно без адекватного перевода.

На основании всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что перевод скорее тормозит интеграцию в ее современном виде, чем способствует ей. Перевод основан на компромиссе между участниками коммуникации, взаимном уважении позиций друг друга, в то время как реализуемая сегодня модель глобализации строиться на повсеместной ликвидации социальных, культурных, экономических и национальных

границ. Революция в информационных технологиях привела к существенным изменениям в процессах коммуникации и оказало существенное влияние на перевод, как один из основных компонентов общения. Востребованность в переводе, его будущее зависит от того, насколько успешно глобализация будет подавлять национальные различия, заменяя естественное разнообразие культур на безличное, искусственное единство.

Список использованных источников

1. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. А.И. Матвеева. Екатеринбург: Издательство «У-Фактория», 2004. 328 с.
2. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). Учебное пособие. Изд. 2-ое. М.: Издательство «Флинта», 2008. 416 с.
3. Самюэль Хантингтон. Столкновение цивилизаций / Пер. Т. А. Велимеева. М.: Издательство «АСТ», 2017. 640 с.
4. Reinhard Carrie Lynn D. Why Popular Culture Matters [Electronic Resource] // Popular Culture Studies Journal. 2019. – Vol. 7. – № 1. – P. 3. – Modern of access: URL: <https://mpcaaca.org/wp-content/uploads/2019/04/Introduction-Essay.pdf> (дата обращения 20.01.2020)

УДК 81

МЕТАФОРЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. К. РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР»

В. А. Рябцева,

магистрант второго года обучения кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

М. Ю. Лукинова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье акцентируется проблема перевода метафор, указываются основные сложности данного процесса. В качестве примеров рассматриваются авторские метафоры, используемые Джоан К. Роулинг в книгах о Гарри Поттере.

Ключевые слова: метафора, авторская метафора, Гарри Поттер, Дж. К. Роулинг.

Summary. The article focuses on the problem of metaphor translation and highlights the main difficulties of this process. The author's metaphors used by J. K. Rowling in the Harry Potter books are considered as examples.

Key words: metaphor, author's metaphor, Harry Potter, J. K. Rowling.

Художественный перевод является одним из самых сложных видов переводческой деятельности, этот вид перевода необходимо выполнить так, чтобы атмосфера сюжета, стиль автора сохранились в полной мере. Перед переводчиком встает задача сделать текст интересным сохранив стилистику, передать замысел, мысли и чувства автора путем перевоплощения его образов в материал другого языка. Самое главное точно воссоздать картину мира, заложенную автором в произведении, так как именно метафоризация позволяет воссоздать такую картину мира. Исходя из этого большое значение приобретает адекватный художественный перевод метафорических образов оригинального произведения.

Метафоричность является одной из самых распространенных форм создания реальности в художественной литературе и, вместе с тем, наиболее сложным для перевода. Потому вполне оправдано особенности перевода метафор были и остаются на острие лингвистического дискурса. Об актуальности темы художественного перевода говорит и тот факт, что ею занимались такие выдающиеся лингвисты-переводоведы как Ю. Апресян, И. Арнольд, Н. Арутюнова, Л. Бархударов, А. Вежбицкая, В. Карабан, В. Комиссаров, В. Телия, С. Тер-Минасова, А. Федоров и другие.

Перевод метафоры связан с решением целого ряда лингвистических, литературоведческих, культурологических, философских и других проблем. Выбор способа перевода метафор зависит от различных факторов, прежде всего от функции метафоры в тексте, от стилистических соображений, от особенностей стиля текста и цели перевода. Базовой проблемой для перевода метафор часто называют культурные различия – некоторые метафоры вызывают другие ассоциации или не играет значительной роли. Например, метафорические образы, характерные для английского языка, нередко отсутствуют в русском, и наоборот, поэтому далеко не всегда возможен простой перенос метафор из текста в текст. В связи с этим возникает необходимость изменения метафорического образа – такая замена помогает сохранить уровень экспрессии оригинала и сделать перевод более идиоматичным.

Важным является традиционное разграничение условных (стертых, языковых) метафор и метафор авторских (креативных, речевых, индивидуальных) для теории и практики перевода. В зависимости от принадлежности к первому или второму типу различаются способы перевода метафоры. При переводе конвенциональных метафор следует стремиться к нахождению общеупотребительного аналога в языке перевода, а вот авторские метафоры рекомендуется переводить максимально близко к оригиналу.

Существует значительное количество способов наименования

перевода конвенциональных метафор. Наиболее распространенной является классификация В. Н. Комиссарова, который выделяет следующие виды перевода условных метафор:

- перевод, основывающийся на том же самом образе (*broken English* – ломаный английский);
- перевод, основывающийся на ином схожем образе (*a ray of hope* – проблеск надежды);
- дословный перевод метафоры (*as black as sin* – черный, как грех);
- неметафоричные объяснения (*as large as life* – в натуральную величину) [2, с. 70].

Когда переводчик пытается найти достойный эквивалент авторской метафоре возникают проблемы, так как представ перед авторской метафорой, большинство переводчиков выступают за верность авторскому тексту и они признают возможность маневра, когда это вызвано языковой или художественной необходимостью, пытаются увидеть между строк глазами автора и передать увиденное верно отобранными средствами своего языка, не довольствуются тем, чтобы без анализа перетащить в перевод все слова оригинала, не учитывая их функций в различных языках.

Что касается романов английской писательницы Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере, то они содержит богатейший материал для исследования образных средств выразительности – автор намеренно использует большое количество различных метафор для более колоритной передачи образов героев. Нас, в первую очередь, будут интересовать авторские метафоры.

Метафора помогает познать новые явления несуществующей, сказочной реальности через ассоциативные связи фактов и явлений реального мира. Метафора является источником новых значений слов, которые способны выполнять номинативную функцию.

В основе метафорического переноса может лежать сходство по цвету, размеру, форме, характеристиками, функциями. Процесс метафоризации имеет под собой определенные когнитивные основания. Категоризация объекта экстралингвистической действительности всегда связана как с рациональными, так и с эмоционально-оценочными ассоциациями – именно они формируют определенную концептуальную модель, которая соответствует представлениям об этом объекте в определенном языковом коллективе.

Например, в цикле романов о Гарри Поттере одна из марок волшебного транспорта (метла для семейного использования) имеет название *bluebottle*: «*The Bluebottle: A Broom for All the Family – safe, reliable, and with Built-in Anti-Burglar Buzzer ...*» [13]. *Bluebottle* – это название вида насекомых (трупная муха), имеющих ярко-голубой цвет [7]. Основанием для метафорического переноса является способность летать и цвет. В русскоязычном варианте перевода данная модель метлы обозначается как

«Синяя муха» [5].

В романе о Гарри Поттере лексема *howler* приняты для номинации волшебного предмета магического мира: «*“what's a Howler?” he said. Ron stretched out a shaking hand, eased the envelope from Errol's beak, and slit it open. Neville stuffed his fingers in his ears. A split second later, Harry knew why.*» [9]. *Howler* – письмо в красном конверте, которое отправляют волшебники друг другу с гневными тирадами. Особенностью этого письма является то, что оно произносит вслух сообщение адресанта. В английском *howler* имеет значение «ревун» или «плакальщица» [8]. На русский язык данный предмет назван «громовещатель» или «кричалка» [1]. Итак, путем метафорического переноса в названии предмета магического мира осмысливается способность разговаривать или кричать.

Один из персонажей Дж. К. Роулинг, специальный корреспондент газеты мира магов «Ежедневный пророк», имеет фамилию *Skeeter*Rita (русский вариант – Рита Скитер [4]). В английском языке лексема *skeeter* употребляется для обозначения комара [7]. Давая героине такую фамилию, писательница подчеркивает способность персонажа к магическим трансформациям. Героиня могла с легкостью превращаться в жука: «*“No, you see ...Rita Skeeter” – Hermiones voice trembled with quiet triumph – “is an unregistered Animagus. She can turn – “Hermione pulled a small sealed glass jar out other bag. “into a beetle”»* [10]. Эта фамилия ярко подчеркивает такую черту характера героини как надоедливость, что тоже является типичной чертой комара. Таким образом, путем метафорического переноса внешних характеристик формы и внутренней формы выражения «комар надоедает» – «человек мешает, раздражает» передаются определенные черты характера.

Black Sirius – имя представителя рода колдунов, которые исповедовали ненависть ко всем, кто не обладает магическими способностями и имеет сомнительное происхождение. Сириус является одним из немногих, кто выступил против устоявшихся семейных ценностей, за что и был наказан: «*Large word satt hevery top of the tapestry read: The Nobleand Most Ancient House of Black. 'You're not on here!' said Harry, after scanning the bottom of the tree closely. 'I used to be there,' said Sirius, pointing at a small, round, charred hole in the tapestry, rather like a cigarette burn. 'My sweet old mother blasted me off after I ran away from home.*» [10]. Имя героя происходит от названия самой яркой звезды – Сириуса. Путем метафорического переноса в собственном имени человека концептуализируются характерные признаки звезды – яркость и уникальность. Заметим, что древнее шумерское название звезды Сириус – «собака солнца» [12]. От этого названия происходит название созвездия Большой Пес, где расположена звезда. Сириус Блэк [6] тоже обладал магической способностью трансформироваться в собаку. Таким образом, основой метафорического переноса выступает форма созвездия.

Таким образом, мы видим, что некоторые метафоры, прежде всего, антропонимы (Рита Скитер, Сириус Блэк), были переведены при помощи транскрипции, что привело к потере метафоричности, из-за чего смысл, заложенный автором, частично был искажен. Для передачи реалий магического мира на русский язык использованы также транслитерация (Нимбус-2000), дословный перевод (Синяя муха) и перевод, основывающийся на том же самом образе (громовещатель, кричалка). Данные приемы являются классическими приемами перевода.

Очевидным является то, что в каждом конкретном случае перед переводчиком не стоит задача выбрать из нескольких готовых вариантов, а возникает необходимость творческого поиска выхода из ситуации с наименьшими потерями в плане сохранения стилистики и содержания оригинала. Выявляя в тексте метафору, переводчик должен решить, надо ли ее отразить в переводе и как именно это лучше сделать.

Список использованных источников

1. Громовещатель [Электронный ресурс] – доступно по адресу: <https://harrypotter.fandom.com/ru/wiki/%D0%93%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%89%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C> (дата обращения 26.01.2020).

2. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980. 167 с.

3. Коломиец Л.А., Норец М.В. Особенности перевода авторского стиля Джоан Роулинг «Гарри Поттер и орден феникса» / Л.А. Коломиец, М.В. Норец // I научно-практической конференции "Переводческий дискурс: междисциплинарный подход" 27 - 29 апреля 2017 года, г. Симферополь. – С. 206-210.

4. Нимбус-2000 [Электронный ресурс] – доступно по адресу: <https://harrypotter.fandom.com/ru/wiki/%D0%9D%D0%B8%D0%BC%D0%B1%D1%83%D1%81-2000> (дата обращения 26.01.2020).

5. Рита Скитер [Электронный ресурс] – доступно по адресу: [\https://harrypotter.fandom.com/ru/wiki/%D0%A1%D0%BB%D1%83%D0%B6%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F:Search?query=%D0%A0%D0%B8%D1%82%D0%B0+%D0%A1%D0%BA%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80+ (дата обращения 26.01.2020).

6. Синяя муха [Электронный ресурс] – доступно по адресу: <https://harrypotter.fandom.com/ru/wiki/%D0%A1%D0%BB%D1%83%D0%B6%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F:Search?query=Bluebottle+> (дата обращения 26.01.2020).

7. Сириус Блэк [Электронный ресурс] – доступно по адресу: https://harrypotter.fandom.com/ru/wiki/%D0%A1%D0%B8%D1%80%D0%B8%D1%83%D1%81_%D0%91%D0%BB%D1%8D%D0%BA (дата обращения 26.01.2020).

8. Cambridge Dictionary online [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 26.01.2020).
9. Online Etymology Dictionary [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения 26.01.2020).
10. Rowling J. K. Harry Potter and the Chamber of Secrets [Electronic Resource] – Mode of access: URL: http://www.greylib.su/?category=englishengkids&altname=ves_harri_potter_na_an_gliiskom_all_harry_potter_books (дата обращения 26.01.2020).
11. Rowling J. K. Harry Potter and the Order of the Phoenix [Electronic Resource] – Mode of access: URL: http://www.greylib.su/?category=englishengkids&altname=ves_harri_potter_na_an_gliiskom_all_harry_potter_books (дата обращения 26.01.2020).
12. Rowling J. K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone [Electronic Resource] – Mode of access: URL: http://www.greylib.su/?category=englishengkids&altname=ves_harri_potter_na_ang_liiskom_all_harry_potter_books (дата обращения 26.01.2020).
13. Subject Dictionary Glossary Lexicon Thesaurus [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://www.ats-group.net/glossary-lexicon.html> (дата обращения 26.01.2020).
14. The Quidditch World Cup [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <https://www.wattpad.com/688521966-black-dogs-the-quidditch-world-cup> (дата обращения 26.01.2020).

УДК 811.12

ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ В РОМАНЕ ТОНИНО БЕНАКВИСТА «MALAVITA» С ФРАНЦУЗСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

К. Е. Савушкин,

*магистрант кафедры теории и практики перевода, Институт
иностранной филологии (сп), «КФУ им. В.И. Вернадского», Симферополь*

Аннотация. Целью данного исследования является анализ реалий, которые были выявлены в тексте-оригинале романа Тонино Бенаквиста «Malavita», и их перевода на русский язык А. Ю. Беляк «Малавита». Именно эти единицы представляют сложности для переводчика, особенно, когда речь идет о переводе художественной литературы, в которой отражена специфика разных лингвосоциумов.

Ключевые слова: реалии, трансформации, Тонино Бенаквиста, «Малавита», перевод.

Summary. The purpose of this study is to analyze the realities that were identified in the original text of the novel by Tonino Benaquista "Malavita", and their translation into Russian by A.U. Belyak "Malavita". It is these units that represent difficulties for the translator, especially when it comes to the translation of fiction, which reflects the specifics of different lignosociums.

Key words: realia, transformations, Tonino Benaquista, “Malavita”, translation.

Язык каждой нации является живым организмом, который неразрывно связан с культурой, социальной жизнью и историей этой нации. Общаясь и взаимодействуя друг с другом, носители разных языков обмениваются своей культурой при помощи языка, и главную роль в этом межъязыковом обмене играет переводчик.

Ни для кого не секрет то факт, что разные нации видят мир сквозь призму своего родного языка и, исходя из этого формируются реалии, которые характерны именно для этого языка. Подобные явления появляются в различных аспектах жизни человека – носителя исходного языка. Эти слова представляют определенные сложности для переводчика, поскольку они не имеют, как правило, эквивалентных единиц.

«Для плодотворной и успешной работы переводчику, в свою очередь, нужны не только хорошие познания в грамматике, фонетике, стилистике и лексике языка-оригинала, но и общие знания о культуре и истории» [1, с. 34]. В особенности это актуально при переводе художественных произведений.

Художественный перевод – это перевод художественных текстов, то есть, текстов, которые выполняют основную задачу художественно-эстетического или поэтического воздействия на читателя. Художественная ценность – ключевая особенность текстов этого вида перевода. В отличие от других коммуникативных функций перевода, функция создания художественного образа – это то, что выходит на первый план. Исходя из этого, переводчик художественных произведений выполняет особую задачу – при переводе передать те эмоциональные воздействия на читателя, которые хотел передать своему читателю автор текста-оригинала.

Для художественного перевода характерно некоторое отдельное несоответствие слов, которое иногда приводит к искажению текста, однако чаще всего эти слова играют маловажную роль. От правильно переведенного художественного текста требуется не только чтобы он воспроизводил перед нами образы и мысли автора оригинала, не только его схемы построения сюжета, но и его неповторимый стиль творчества, его характер.

Перед художественным переводом стоит главная задача – порождение на языке перевода текста, который оказывает схожее художественное и эстетическое воздействие на читателя. Как писал Н. К. Гарбовский «Лучше совсем отказаться от перевода художественного произведения, чем перевести его плохо или посредственно. Перевод выдающегося произведения и сам по себе должен быть событием. К сожалению, значение художественного перевода ещё недостаточно оценивается даже людьми, причастными к литературе» [7, с.78].

Поскольку предметом нашего исследования являются реалии,

обратимся к их значению. Реалии представляют собой лексические единицы, называющие уникальные предметы и явления, характерные для жизни, быта, культуры, социального и исторического развития одного народа и чуждые другому народу, то есть являются вербальным выражением специфических черт национальных культур.

Они пересекаются с безэквивалентной лексикой: неосвоенные реалии являются частью этого слоя лексики, а освоенные словарные реалии не входят в него. Реалии не имеют точных соответствий в другом языке и требуют особого подхода при переводе.

Эта группа лексики характеризуется гибкостью: не теряя своего статуса, она может одновременно относиться к нескольким лексическим категориям, то есть, одна и та же реалья может быть и термином, и ксенизмом, оставаясь при этом реалией.

При переводе литературного произведения переводчик может прибегать к разным стратегиям, например доместикация и форенизация. По другому их называют одомашниванием и отчуждением – это переводческие стратегии, которые определяются основываясь на том, в какой степени автор текста перевода пытается приблизить текст к правилам и нормам читающей культуры. Иногда текст-перевод показывает попытку максимально ассимилироваться с нормами читающей культуры, а автор перевода пытается сделать понимание текста доступным и удобным для читателя и ради этого может допустить сглаживание, а иногда и удаление языковых и стилистических особенностей текста-оригинала. Если наблюдаются такие изменения в тексте, то можно говорить о доместицирующем переводе.

Вопрос о доместикации и форенизации считается логичным развитием открытого на протяжении долгого времени спора о вольном и дословном переводе текста, стоит так же учитывать, что это развитие спора в ракурсе культурны и политики, но никак не лингвистическом. Исходя из этого становится ясно почему этот вопрос освещается по большей части с точки зрения социологии, культуры и истории. Методологию исследования доместикации и форенизации могут представить лингвистический и лингвокультурный анализ текстов-переводов в паре с научным анализом их содержательно-смысловой стороны.

Переводчик должен переводить реалии таким образом, чтобы читатель не сталкивался с проблемой понимания текста и в то же время мог ощущать местный или национальный колорит, для отображения которого писатель текста-оригинала применил переведенную реалью. Самым удачным считается такое добавление реалий в текст-перевод, при котором переводчик не применяет каких-либо специальных средств для её восприятия, а реципиент не не сталкивается с проблемой понимания прочитанного. Для примера, региональные реалии, а также большинство

интернациональных слов, вообще не нуждаются каких-либо пояснениях.

Существует множество классификаций реалий по различным признакам. Многие филологи считают классификацию С. И. Влахова и С. П. Флорина, наиболее полной. Они выделяют предметную, временную и местную классификации реалий. В основе предметной классификации реалий лежит предмет или явление, которое называет реализия. Согласно временной классификации реалий их можно разделить на исторические и современные.

Сохранение и передача колорита является одной из важнейших задач при переводе реалий. Именно эта проблема очень часто встает перед переводчиком.

В произведении «Малавита» одной из первых реалий, которую встречает читатель является географическое название – *Cholong-sur-Avre*. Как правило географические реалии переводятся при помощи транскрипции или транслитерации. Так же, иногда, применяется перевод на основе значения. В случае с названием *Cholong-sur-Avre* стоит применить транскрипцию, перевод будет выглядеть так – *Шолон-сюр-Авр*. В большинстве своем в тексте автор из географических реалий автор называет французские города. Упоминается *Cagnes-sur-Mer*, город, переводя название которого правильным так же является применение приема транскрипции. При переводе на русский язык французских названий городов, деревень, коммун и т.д. обычно используется **транскрипция**, которая отражает то, как слово звучит на языке оригинала. Однако для названий, давно вошедших в русский язык, применяется **транслитерация**, когда в большей степени отражается написание, нежели звучание слова. Примером транслитерации в тексте служит название столицы Франции – *Paris*, на русский язык переводится как *Париж*. Примером перевода на основе значения можно назвать – *la Côte d'Azur*. Это юго-восточное Средиземноморское побережье Франции, название на русский язык которого переводится как *Лазурный берег*.

В одной из фраз ключевого героя можно выделить такое слово-реалию как – *Le camembert*. Во французском языке это слово обозначает сорт сыра, который был изобретен, предположительно, в одноименной деревне Камамбер. Так совпало, что перевод названия сорта сыра идентичен переводу названия деревни, и звучит как – камамбер, что является результатом применения приема транскрипции. Слово *tabourets* в предложении «... *il caressa le bois du billot, le carrelage de l'évier, l'osier des hauts tabourets, empoigna quelques couteaux, testa les lames sur son ongle*» [11. с.4] возможно так же перевести методом транскрипции и оно будет звучать как табурет.

Фраза *communale ensemble* в произведении подразумевает учебное заведение, при переводе данной фразы происходит материальное

заимствование. В этом случае перенимается не только значение (либо одно из значений), иноязычной единицы, но и с той или иной степенью приближения – ее материальный экспонент. Исходя из этого в тексте перевода данная фраза звучит как коммунальная школа.

В произведении так же есть примеры реалий, к которым стоит применить описательный перевод. К примеру *un Brico* – хозяйственный магазин, торговая сеть, специализирующаяся на продаже товаров для дома и сада.

Описательный перевод используют когда по тем или иным причинам калькирование невозможно. При данном способе происходит расширение компонентного состава, а также и значительные изменения в структурно-грамматической организации предложения.

Исходя из проведенных исследований, можно сделать вывод о том, что большинство реалий в исследуемом произведении Тонино Бенаквиста «Малавита» относятся к предметным реалиям по классификации С. И. Влахова и С. П. Флорина. В ходе работы чаще всего встречались географические реалии и реалии обозначающие названия блюд. Исследуя текст-оригинал и текст-перевод произведения становится ясным уместность текста-перевода с научной точки зрения. Автор перевода удачно подобрал слова-аналоги французских, английских, итальянских реалий в русском языке.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. Заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
3. Вернигорова В. А. Перевод реалий как объекта межкультурной коммуникации // Молодой учёный. – 2010. – № 3 (14). – С. 184–186.
4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
5. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343с.
6. Гак В. Г., Григорьев Б. Б. Теория и практика перевода. Французский язык. М.: Интердиалект+, 2000. 456с.
7. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Издательство Московского ун-та, 2007. 456с.
8. Коломейцева Е. М. Лексические проблемы перевода с английского языка на русский: Учеб. Пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. 92с.
9. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: Учебное

пособие. М.: ЭТС, 2001. 424с.

10. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253с.

11. Шевчук-Черногоородова М.А., Заикина К.А. Перевод идионимов и ксенонимов в произведении Натали Саррот "Детство" // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 443-447.

12. Benacquista T. Malavita. NY.: New York Publishing, 2010. 247 p.

УДК 82-31

ХАНТЕР С. ТОМПСОН И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОНЗО-ЖУРНАЛИЗМА

Е. Н. Сердюк,

старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению гонзо-журнализма, возникшего в 60-е годы XX века. Данное направление стало известным благодаря американскому писателю и публицисту Хантеру С. Томпсону. Актуальность данного исследования заключается в том, что изучение творческого наследия Х. Томпсона, социокультурного контекста его произведений, выявление специфики авторских стратегий, существенно расширяет и углубляет представление не только о творчестве данного автора, но и об основных тенденциях развития прозы США в данный период. Это, в свою очередь, позволяет дополнить картину развития американской литературы в целом. В ходе исследования используются типологический и структурный подходы, а также культурно-исторический метод.

Ключевые слова: гонзо-журнализм, художественно-документальная литература, факт, субъективность.

Summary. This article is dedicated to the study of gonzo-journalism that appeared in the 1960s. The trend has become known thanks to the American writer and journalist Hunter S. Thompson. The relevance of this study lies in the fact that studying the creative heritage of H. Thompson, the socio-cultural context of his works, and identifying the specifics of the author's writing strategies, significantly expands and deepens the idea of not only the creative work of this author but also of the main trends in the development of US prose. This, in turn, allows you to complement the picture of the development of American literature as a whole. The analysis is based on the typological and structural approaches and the cultural-historical method.

Key-words: gonzo-journalism, non-fiction, fact, subjectivity.

Творческое наследие Хантера Стоктона Томпсона (Hunter Stockton

Thompson, 1937–2005), благодаря своей самобытности, оригинальности и эксцентричности, оставило значительный след в истории литературы и журналистики США. Одной из особенностей его произведений является неповторимое сочетание документального и художественного начала.

С момента написания своих первых работ Хантер Томпсон отчётливо заявил о создании собственного творческого метода, получившего название гонзо-журнализм. Работы Томпсона привлекают внимание зарубежных исследователей и отечественных учёных-американистов благодаря нетрадиционному авторскому подходу к написанию публицистических текстов, глубоко субъективному стилю повествования, жанровой неоднородности материала и экспериментальной форме его презентации.

Целью данного исследования является изучение творческого метода Хантера С. Томпсона и определение сущности и особенностей такого явления в американской культуре, как гонзо-журнализм.

Гонзо – это исключительный вид журналистики, а точнее репортажа, где субъективный взгляд на происходящие события противопоставляется объективному взгляду. Доминирующее место в репортаже такого рода отводится эмоциям и душевным переживаниям автора в ходе взаимодействия с реалиями общественной жизни. В традиционном представлении «репортаж» понимается как истолкование фактической стороны явления с точки зрения непосредственного участника, в то время как в гонзо само событие переходит на второй план, а основной акцент делается на всё происходящее вокруг репортёра. Главными становятся атмосфера, люди, их состояние и поведение. Данный стиль в действительности является самым реалистичным, в нём отсутствуют какие-либо установленные нормы, а методы истолкования целиком обусловлены личностными качествами автора.

Дифференциальной лингвистической и стилистической характеристикой текста, выполненного в стиле гонзо-журнализма, является чрезмерная эмоциональность. Данная особенность прослеживается в применении стилистически маркированных выражений, использовании цитат, игры слов, сарказма, юмора, гиперболы и даже ненормативной и табуированной лексики. Стиль гонзо отличается язвительным, метким и нетиповым взглядом на факты действительности, а также стремлением докопаться до сущности событий, что многими может восприниматься как нечто парадоксальное, аномальное, абсурдное и порой эпатажное.

Первая работа в стиле гонзо вышла в свет в 1970 году и была напечатана в американском журнале «*Scanlan's Monthly*». Данная статья имела вид логически непоследовательных набросков, которые издатели просто перепечатали с присланных им отдельных листков записной книжки. Автором репортажа оказался американский писатель и журналист Хантер Стоктон Томпсон. Он специально отправился за материалом в Кентукки на

ипподромные состязания, но в результате большого количества выпитого спиртного, наркотиков и нехватки мест для служащих прессы так и не смог написать полноценную статью. «Полный хаос, нельзя увидеть ни забег, ни даже трек... всем наплевать. Люди стоят в длинных очередях у наружных окошек для ставок, затем встают сзади, чтобы увидеть выигрышные номера на большом табло, словно это гигантское лото» [1]. Статья получила соответствующий заголовок: *“The Kentucky Derby Is Decadent and Depraved”* («Дерби в Кентукки: Упадочно и Порочно»). Немного позже друг Томпсона Билл Кардозо, занимающий на тот момент пост редактора издания *«The Boston Globe»*, в отзыве о знаменитой и уже ставшей культовой статье своего коллеги, написал следующее: «Это чистой воды гонзо-журнализм» [2]. В одном из своих интервью Кардозо пояснил, что термин «гонзо» был позаимствован им из ирландского сленга. Он также заявил, что это слово применимо в тех случаях, когда речь идёт о человеке, который сумел устоять на ногах после алкогольного марафона. На американском сленге «gonzo» означает *душевно неуравновешенный, чокнутый, сумасшедший*.

Существует ещё одна гипотеза о появлении термина «гонзо», зарождение которого можно проследить в биографии самого Томпсона. В ней говорится о том, что слово гонзо в точности повторяет название песни новоорлеанского джазового исполнителя Дмеймса Букера. Исходя из материала Грега Джонсона, который изучал жизненный и творческий путь музыканта, название песни «Гонзо» идёт от героя фильма *The Pusher*, который в свою очередь создан по мотивам романа Эвана Хантера с одноименным названием [3, с. 15].

В семидесятые годы XX века слово «гонзо» было официально зарегистрировано в Оксфордском Словаре, где можно обнаружить следующую дефиницию: «гонзо» определяет стиль журналистики, основными чертами которого выступают преувеличение, субъективизм и беллетризм [4]. Словарь *Urban Dictionary* предлагает следующее определение: гонзо – «это форма журналистики, изобретённая Хантером Томпсоном. Она подразумевает, что журналист передаёт действие события, непосредственно являясь его участником. Некоторые элементы материала гонзо – часть опыта журналиста и часть его фантазии» [5].

На протяжении всей своей творческой деятельности Хантер Томпсон писал в этом стиле, и выпустил такие замечательные художественно-документальные репортажи, как: «Ангелы Ада» (*Hell's Angels. A Strange and Terrible Saga of the Outlaw Motorcycle Gangs*, 1967), «Страх и отвращение в Лас-Вегасе: Дикое путешествие в Сердце Американской Мечты» (*Fear and Loathing in Las Vegas. A Savage Journey to the Heart of the American Dream*, 1971), «Страх и отвращение предвыборной гонки – 72» (*Fear and Loathing: On the Campaign Trail '72*, 1973), «Поколение свиней» (*Generation of Swine*:

Tales of Shame and Degradation in the 80s, 1989), «Большая охота на акул» (*The Great Shark Hunt: Strange Tales from a Strange Time*, 1991), «Ромовый дневник» (*The Rum Diary*, 1998) и другие.

Хантер Томпсон даже придумал символ гонзо-журнализма. Он представляет собой шестипалый кулак, два больших пальца которого зажимают цветок пейота (пейот – кактус, из которого изготавливают наркотическое вещество мескалин). Кулак плавно переходит в меч, гардой которого является слово «GONZO». Согласно Томпсону, кулак является символом сплочённости, свободы, неограниченной власти, противоборства, непризнания политической реальности и готовности защищать свою позицию. Кактус пейот символизирует безграничное мышление, два больших пальца указывают на аномалию и странность, а меч свидетельствует о могуществе журналистского слова.

Несмотря на то, что гонзо имеет свои характерные признаки, он пока не может получить статус жанра, поскольку данному явлению не хватает формообразующих составляющих. Именно поэтому гонзо – это направление, а не жанр [6, с. 159–165]. Его достаточно сложно конкретизировать и обосновать в теоретическом плане. Теория по данному направлению отсутствует и в журналистике, и в литературоведении. То, что имеет в наличии научное сообщество, это комплект отличительных черт и параметров гонзо, а также недостижимый ориентир – Хантер Томпсон.

Гонзо-журнализм довольно часто определяют как художественный или альтернативный. Поскольку исследуемое направление оформилось не из совсем органичной комбинации художественной выдумки и журналистской правдивости, его применение является самым уместным при истолковании и постижении насущных политических и социальных задач [7, с. 12]. Вопросы, которые изначально могут показаться сухими и незанимательными, при применении гонзо-техник превращаются в увлекательные и порой даже шокирующие.

В пределах отчёта с места происшествия, от гонзо-журналиста требуется обязательное непосредственное участие в изображаемых событиях. Правильнее даже будет сказать, что событию, с целью быть изображённым, необходимо выполнить функцию участвующего в самом авторе процессов. Гонзо освящает не роль человека в событии, а роль события в человеке. Каждый конкретный эпизод отодвигается на второй план, мысль сосредотачивается не на царящей атмосфере, людях, их поступках и реакции, а на том, что в этот момент происходит с автором. В данном случае репортёр функционирует не только как очевидец и нарратор, но и центральный герой материала. Следовательно, существенное значение имеет позиция автора и его соображения по поводу раскрываемой проблемы в репортаже [8, с. 203–209]. В своей книге «Большая охота на акул» («*The Great Shark Hunt*», 1979) Х. С. Томпсон заявлял, что для создания

подлинного гонзо-текста необходим «талант великого журналиста, глаз художника или фотографа и апломб актёра» [9, с. 136]. В этой же работе он проводит ещё одну параллель с кинематографом, где все участники съёмки, а именно сценарист, режиссёр, оператор, продюсер и главный герой – это один и тот же человек.

Жизнь, творческая деятельность Томпсона, а также его работы притягивают внимание кинорежиссёров. Так, американский режиссёр Уильям Эвинг снял несколько документальных фильмов, посвящённых творческой деятельности Хантера Томпсона. В 2003 году вышел фильм «Завтрак с Хантером» (*Breakfast with Hunter*), в 2005 – «Когда я умру» (*When I Die*), а в 2006 – «Освободите Лисл: страх и отвращение в Денвере» (*Free Lisl: Fear and Loathing in Denver*).

В 1980 была экранизирована автобиографическая работа автора «Там, где бродит бизон» (*Where the Buffalo Roam*) режиссёра Арта Линсона. В 1998 году Терри Гиллиам снимает фильм «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» (*Fear and Loathing in Las Vegas*). Томпсон не только был соавтором сценария данного фильма, но ещё и снялся в коротком его эпизоде. В 2011 году, уже после смерти великого гонзо-журналиста, на экраны выходит фильм Брюса Робинсона «Ромовый дневник» (*Rum Diary*).

Популярность и признание личности Томпсона в американской культуре не вызывают сомнений. В литературоведении многих стран уже долгие годы журналистская и литературная деятельность Томпсона является объектом научных исследований. При всём этом, мы наблюдаем дефицит внимания к проблемам художественного претворения фактов в работах гонзо-журналиста, а также весомости роли автора при написании художественно-документальных материалов.

Хантер Томпсон приобретает известность и среди российских читателей. Начиная с 1998 года, его работы активно переводятся на русский язык. Алекс Керви – один из первых весомых переводчиков, кто занялся переводами работ Томпсона. Помимо этого, Керви даже является автором предисловия к российской публикации книги Томпсона «Ангелы Ада» под названием «Странная сага отчаянного джентльмена» [10].

На протяжении всей своей творческой жизни Томпсон не прекращал экспериментировать с художественной и документальной формами, в рамки которых и помещал свой репортёрский материал. Его оригинальный и неповторимый стиль «гонзо» основывается на принципе художественной трансформации фактов. В созданном Томпсоном гонзо-журнализме художественный компонент всегда доминирует над документальным. Необходимый эффект достигается за счёт непосредственного присутствия автора в тексте, подчёркнутой субъективности взглядов и неповторимой образности. Описываемые Томпсоном факты и реалии жизни, пройдя через творческое преобразование, обретают совершенно иную оригинальную форму.

Список использованных источников

1. Соколов-Митрич Д. Русское гонзо [Электронный ресурс] // РИА-новости. – <http://ria.ru/authors/20090728/178891630.html> (дата обращения 24.11.2019).
2. Bill Cardoso – journalist who coined the word 'Gonzo' [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://www.sfgate.com/bayarea/article/Bill-Cardoso-journalist-who-coined-the-word-2503046.php> (дата обращения 25.11.2019).
3. Keber L. Bayou Maharajah: The Tragic Genius of James Booker. N.Y.: Mairzy Doats Productions, 2014. P. 15.
4. Oxford dictionaries: gonzo [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/gonzo?searchDictCode=all> (дата обращения 25.11.2019).
5. Gonzo journalism. Urban dictionary [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://ru.urbandictionary.com/define.php?term=Gonzo%20Journalism>. – (дата обращения 10.12.2019).
6. Файзуллина О. Р. Хантер С. Томпсон – основоположник гонзо-журналистики // «Литературоведение и эстетика в XXI веке» («Татьянин день»): сб. статей и материалов IX Республиканской научно-практической конференции, посвящённой памяти Т. А. Геллер. – Казань, Нижний Новгород: ИП Кузнецов. – 2013. – Вып. 9. – С. 159–165.
7. Файзуллина О. Р. Творчество Хантера Стоктона Томпсона в контексте художественно-документальной традиции литературы США: автореф. дис.... канд. филол. наук. Казань, 2015. 22 с.
8. Фаткуллина Ф. Г. Особенности современной межличностной коммуникации: деструктивное общение // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Проблемы современной филологии и аспекты преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе». – Уфа, УГНТУ. – 2016. – С. 203–209.
9. Томпсон Х. С. Большая охота на акул. М.: Астрель, 2012. 832 с.
10. Керви А. Странная сага отчаянного джентльмена. М.: Астрель, 2012. С. 5–21.

УДК 811.111:811.161[03]

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДАХ СКАЗОК Л. КЭРОЛЛА****О. Г. Скидан,**

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь*

Аннотация. Статья посвящена изучению явления вариативности перевода художественного текста как проявления переводческой позиции. В статье представлен переводческий анализ средств реализации переводческих позиций в ряде известных литературных переводов произведений Л. Кэрролла.

Ключевые слова: художественный перевод, интерпретационная позиция переводчика, вариативность перевода.

Summary. The article is devoted to the research of interpretative position of a translator as a reason of translation variability. The paper presents the comparative analysis of translation strategies used in rendering the tales by L. Carroll into Russian.

Key words: literary translation, interpretative position of a translator, translation variability.

Произведения Л. Кэрролла входят в список наиболее цитируемых текстов после Библии и пьес Шекспира. Первоначально рассматриваемые как сказки, адресованные детям, истории о приключениях Алисы стали культурным символом, объектом дешифровки и жанрового анализа. Своеобразие текстов Л. Кэрролла определяется присущими им особенностями, которые неоднократно выделялись исследователями: связь с фольклором, языковая игра, метафоричность, функциональность единиц вторичной номинации и т.д. Все эти характеристики, определяющие стиль и уникальность произведений Л. Кэрролла, представляют собой знаки лингвокультуры, представляющие сложность при передаче средствами другого языка. В то же время трудности перевода позволяют переводчикам проявить не только собственные творческие способности и языковое чутьё, но и создать текст, отвечающий потребностям читателей-современников.

Разночтения в переводах «Алисы» связаны с природой языковой игры, которая реализуется в нескольких направлениях: имена персонажей и значимые названия, представляющие собой разнообразные варианты языковой игры; стихи на основе пародийного переосмысления назидательной поэзии викторианской эпохи; продукты словотворчества и слова-нонсенсы; шутки, основанные на логике; семантические сдвиги, не поддающиеся классификации. Рассмотрение вариативности художественного перевода как проявления переводческой позиции и

является **целью** данной статьи.

Переводческая позиция, согласно определению Е. В. Гарусовой, – это инструмент для объяснения и обоснования вариативности перевода как переводческой универсалии, позволяющий рассматривать вариативность перевода как проявление вариативности позиций переводчика в деятельности, обусловленной различными социокультурными и интерпретативными обстоятельствами [1, с. 6]. Современные теоретики перевода сформулировали перечень основных переводческих позиций. На исходящую культуру ориентированы позиции экзотизации и историзации. На принимающую культуру ориентируются переводческие позиции натурализации, модернизации, адаптации и смысловой девиации. Конкретными особенностями актуальной парадигмы принимающей культуры обусловлены переводческие позиции идеологизации, романтизации и пародийности.

Относительно передачи пародийных стихов на узнаваемые тексты первенство принадлежит переводчикам-писателям В. Набокову и Б. Заходеру. Перевод «Алисы», выполненный В. В. Набоковым, ориентирован на принимающую культуру: переводчик избрал адаптационную позицию (ориентация на детскую аудиторию), позицию смысловой девиации (изменение образа Алисы) и натурализации (при переводе имён собственных). Тем не менее, в структуре текста перевода ощущается влияние оригинала, то есть позиция экзотизации.

В. Набоков не столько переводил конкретное стихотворение, сколько создавал аналог, опознаваемый носителями русской культуры, то есть реализовал переводческую позицию натурализации, например: «*Скажи-ка, дядя, ведь не даром...*». Адаптируя стих, В. Набоков меняет его стиль и размер, но включает пародию на хорошо известное всем русским детям и взрослым «Бородино».

При переводе стихотворения «*Twinkle, twinkle, little bat!*», которое, несомненно, является пародией на английскую колыбельную, В. Набоков вспоминает всеми любимого Чижика-Пыжика, песенку про которого напевал каждый русский ребенок. Кроме того, набоковская адаптация полностью соответствует кэрролловскому оригиналу по стихотворному размеру и мелодике:

*Рыжик, рыжик, где ты был?
На полянке дождик пил?
Выпил каплю, выпил две,
Стало сыро в голове!* [94, с.76].

Перевод Б. Заходера, на первый взгляд, достаточно далёк от стиля оригинала, но если воспринимать историю Алисы с точки зрения ребёнка, то загадочный *Рыбный Деликатес* ничуть не хуже *черепахового супа из телятины, крабового мяса из минтая или осетрины второй свежести*.

Б. Заходер не намекает читателям на стихи, которые легли в основу пародий, а прямо указывает на них. В тексте не только добавлены комментарии и авторское предисловие – из него исчезли финальные абзацы, в которых сестра размышляет о будущем Алисы и Стране чудес.

В целом, использование позиций адаптации, смысловой девиации и отчасти модернизации позволяют говорить о приверженности Бориса Заходера традиции вольного перевода, когда главным становится сохранить дух оригинала и передать читателям восхищение переводчика оригинальным текстом.

Ю. Лифшиц проявляет противоположные переводческие позиции экзотизации и натурализации, что, в свою очередь, приводит к смысловой девиации. В качестве источника аллюзии переводчик выбрал английские стихи, известные в переводе К. И. Чуковского и С. Маршака: «Робин-Бобин», «Король, его величество», а также классический *Гаудеамус: Черепахус супикус!*.

Очарованные ювелирной точностью языковой игры, переводчики предпринимают попытки сохранить красоту каламбура: *A CAUCUS-RACE AND A LONG TALE* – *Потасовка с подтасовкой*, *THE RABBIT SENDS IN A LITTLE BILL* – *Как чуть не убили Билли* (А. Щербаков), *THE QUEEN'S CROQUET-GROUND* – *Королевский крокет* (Н. Демурова, А. Кононенко), *THE LOBSTER QUADRILLE* – *Менуэт с миногами* (Ю. Лифшиц), *THE LOBSTER QUADRILLE* – *фоксишпрот* (В. Орел).

Н. М. Демурова следовала позиции натурализации (переосмысление языковой игры, то есть создание новых каламбуров, построенных на материале языка перевода). Переводческую позицию А. А. Щербакова можно охарактеризовать как умеренную экзотизацию и историзацию с сохранением авторского стиля, ориентированного на игровое переосмысление языковых ресурсов. В отличие от других переводчиков, подстраивающихся под детскую аудиторию, А. Щербаков употребляет довольно сложную и «взрослую» лексику. Перевод В. Орла выявляет приверженность позициям натурализации и смысловой девиации. Из перевода исчезла викторианская чопорность и англоязычные реалии, присутствует некоторая мрачность и тяжеловесность слога.

Словотворчество Л. Кэрролла представляет широкие возможности для творчества переводчиков. При этом приходится решать сложную задачу создания нового слова, чья семантика должна быть прозрачной, а форма соответствующей стилю текста: *curiouser and curiouser!* – *чем дальше, тем странше* (В. Набоков), *всё страньше и страньше* (А. Оленич-Гнененко, Н. Демурова, Ю. Нестеренко), *всё чудесится и чудесится* (Б. Заходер), *всё необычайшей и необычайшей* (А. Щербаков), *странновее* (Н. Старилов), *чем дальше, тем хуже* (А. Кононенко), *необычайная история* (В. Орел), *страйне кранно* (Ю. Лифшиц).

Наиболее удачные переводческие трансформации возникают на основе корней, которые для обоих языков являются заимствованными: *The Antipathies* – слово, которым Алиса назвала предполагаемых обитателей другой стороны Земли. Латинский корень «анти-» имеет общее значение противоположности, как в английском, так и в русском языках, поэтому переводчики создают собственные лексемы на общей основе: *антипатии* (В. Набоков, А. Оленич-Гнененко, Н. Демурова, Ю. Нестеренко), *Антипятки* (Б. Заходер), *Антипанты* (А. Щербаков), *антипаты* (Н. Старилов), *антиподы* (А. Кононенко), *Антипозы* (Ю. Лифшиц), *Антипупы и Лилипупы* (В. Орел). Часть переводчиков использует существующие слова в несвойственном значении, часть – создаёт новые по существующим в языке моделям.

Особую трудность при переводе представляют лингвокультурологические и лингвострановедческие реалии, в частности, элементы речевого этикета, которые в произведении встречаются достаточно часто. Так, послание от Алисы её собственной ноге, которая в результате ускоренного роста отдалилась на недостижимое расстояние, передаётся переводчиками в эпистолярных традициях британской культуры, но маркировка принадлежности к этой культуре всегда оказывается разной. В. Набоков вовсе избегает такой маркировки, обозначая адрес способом, традиционным для дореволюционной России, А. Оленич-Гнененко упоминает титул *эсквайр*, А. Щербаков в отношении *Алисиной Правой Ноги* употребляет титул *Леди*, Ю. Лифшиц употребляет англизированные псевдо-топонимы *Коверчестер* и *Каминишир* и английское обращение *мисс*.

В основном же переводчики используют приёмы речевой игры, которые указывают на почтовый характер обращения: *с приветом от Алисы* (А. Оленич-Гнененко, Н. Демурова), *с любовью* (Ю. Нестеренко, Н. Старилов), *с доставкой на пол* (Б. Заходер), *с наилучшими пожеланиями* (А. Щербаков), *в собственные руки* (В. Орел), *куда... кому* (А. Кононенко).

Переводчики Ю. Нестеренко и Н. Старилов придерживаются позиции экзотизации и буквализма. У Н. Старилова также наблюдается позиция модернизации, не противоречащая, однако, общей ориентации на текст оригинала.

Точный выбор слов для описания персонажа создаёт его облик в глазах читателя. Так, *large Caterpillar*, который курит *long hookah* в оригинале – существо мужского пола, судя по обращению, которое использует в отношении него Алиса. Однако в большинстве переводов философ с гриба становится дамой – экстравагантной курящей особой. Б. Заходер вернул персонажу его мужскую сущность, используя лексему *Червяк*, А. Кононенко назвал *Сороконожкой*, Ю. Лифшиц и вовсе определил, как *Насекомое*, не имеющее признаков пола. Своеобразного

компромисса попытался достичь А. Щербаков, который определил вид собеседника Алисы как гусеницу, но обозначил мужской род собственным именем *Шелкопряд*.

Экзотичность персонажа подчёркивается его аксессуаром, который большинство переводчиков называют *кальяном*, но некоторые переводчики заменяли реалию на *сигару* (А. Кононенко, Ю. Лифшиц). Кальян – слово достаточно сложное для понимания детской аудитории (во всяком случае той, к которой обращался Борис Заходер), а потому переводчик снабдил образ Червяка с кальяном комментарием, в котором и разъяснил суть процесса курения кальяна, и осудил саму привычку к табакокурению.

А. Кононенко придерживается натурализации и модернизации (что особенно заметно при переводе имён собственных), а количество переводческих трансформаций позволяет назвать его также приверженцем позиции смысловой девиации.

Современный перевод Е. Клюева демонстрирует, с одной стороны, стремление переводчика сохранить баланс между выбором различных переводческих позиций: экзотизацией и натурализацией, историзацией и модернизацией, и, с другой стороны, создать собственный авторский продукт, при этом избегая смысловой девиации. Как и большинство вариантов, этот перевод содержит удачные и неудачные находки, но история Алисы изложена прекрасным литературным языком.

Переводчик легко оперирует живой литературной речью, насыщая её фразеологизмами и яркими разговорными оборотами, вследствие чего персонажи обретают собственное лицо. При этом переводчик декларирует достаточно бережное отношение к оригинальному тексту, сохраняя привычные приметы экзотизации – футы и дюймы, прецедентные феномены: в тексте остались и Шекспир, и Вильгельм Завоеватель. Кроме того, заметно и стремление переводчика воспроизвести ритмическую структуру оригинального текста, построение фраз. К этому стремились многие переводчики, что зачастую оборачивалось схематичностью синтаксиса. Евгений Клюев проявил себя как блестящий мастер стиля.

При этом позиция экзотизации не является доминирующей – переводчик русифицировал отдельные компоненты текста, важные для реализации языковой и литературной игры: *A MAD TEA-PARTY – чаепитие с приветом*. Точно так же Евгений Клюев попытался найти баланс между историзацией и модернизацией, стремясь, чтобы текст не выглядел архаичным: *The Pool of Tears – акватория слёз*, *PIG AND PEPPER» – свинтус с перчиком*. Переводчик решился и на смелый эксперимент – в книге появились персонажи среднего рода, входящие в число *других забавных существ: Одно Додо и Пол-Орла*. Виртуозно решена проблема гендерной принадлежности любителя кальяна – *большущая гусеница* носит имя *Шелковичного Червя*. Так смягчилась отрицательная семантика

номинации *Червь*, хотя советы персонажа стали *червивыми*.

Таким образом, подтверждается неоднократно высказываемая мысль о том, что произведения Л. Кэрролла принадлежат к числу наиболее сложных для перевода текстов мировой литературы. В переводческих интерпретациях возникают различные варианты образов персонажей и самого пространства художественного текста за счёт использования различного набора языковых средств. Переводчики пытаются передать языковую игру средствами русского языка, выбирая в качестве основной лексемы ту, что кажется им наиболее значимой. Переводческие решения, очевидно, не могут быть абсолютно удачными во всех случаях, точно так же, как нельзя получить высокую оценку от всех литературоведов и читателей. Вариативность переводческих интерпретаций обусловлена ориентацией на традицию, личным восприятием оригинального текста и образов героев, а также сознательным выбором переводческой позиции.

Список использованных источников

1. Гарусова Е. В. Интерпретативные позиции переводчика как причина вариативности перевода: дисс. канд. филол. наук. Тверь, 2007. 173 с.

УДК 821.111

ENGLISH POSTMODERNIST POETRY TRANSLATION BASED ON BIBLICAL CULTURAL MEMORY

М. С. Слоистова (Дроздова),

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры
методики обучения английскому языку и деловой коммуникации,
Институт иностранных языков, ГАОУ ВО «Московский городской
педагогический университет», Москва*

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей художественного перевода английского свободного стиха второй половины XX века. Целью статьи является изучение перевода поэзии с помощью теории рецепции в контексте ее связи с библейской культурной памятью. В качестве примера выбрано стихотворения Дж. Фаулза, переведенное автором статьи. Анализируя перевод указанного стихотворения, автор доказывает эффективность применения результатов исследования библейской культурной памяти во взаимодействии с рецепцией с целью создания переведенного текста, адекватного оригиналу.

Ключевые слова: Библия, культурная память, поэзия, перевод, свободный стих (верлибр), рецепция, Дж. Фаулз.

Summary. The paper focuses on artistic translation of English late XX century free verse. The author aims to study translation of poetry via reception theory within the framework of its relation to biblical cultural memory. A poem by John Fowles artistically translated by the author of the present paper has been

taken as an example. Analysing the translation of the poem the author proves the effectiveness of using reception and biblical cultural memory studies in order to create a translation corresponding to the original poem.

Key words: the Bible, cultural memory, poetry, translation, free verse, reception, J. Fowles.

A crucial thing while translating postmodernist poetry is dealing with intertextuality which often consists in creative reception of some text in another author's works. We can presume that to make a high-quality poetic translation one should be well aware of both the intertext and the source of creative reception. Biblical allusions and reminiscences are often found in English poetry and play a pivotal role in its sense and imagery, especially in postmodernist writing which is loosely based on intertextuality. For that purpose it is highly important to get the idea of biblical cultural memory and the way it deals with creative reception in poetry.

Both terms are quite broad so there are only some most appropriate definitions that can be demonstrated in the present paper. The German scholar J. Assmann, an expert on history cultural studies, defines **cultural memory** as one of outer dimensions of human memory that the other three dimensions (mimetic, object and communicative memory) gradually turn to acquiring a conceptual meaning [1, c. 19–20]. In his work Assmann identifies the above mentioned notion with the term “social memory”.

The well-known Russian historian L.P. Repina claims that social memory stems from shared or doubted meanings and values of the past which are involved in understanding of the past and projections of the future [3, c. 8]. The fact above establishes a relationship between cultural memory and reception, which also deals with transformation of something perceived in the past into something created in the present or future.

Reception in literature is normally associated with perception of a text by the reader leading to their own ideas, statements, conclusions, etc. [6, p. 354]. As related to literature, cultural memory “stems” from the previous literary experience and becomes “involved” in understanding and reconsidering the following texts, i.e. in reception process.

In the present paper I argue that the relationship between reception and cultural memory for poetic translation to be based on can be best demonstrated on the example of works by John Robert Fowles (1926–2005), one of the greatest English authors of the second half of the XX century. His literary works may be regarded as standing on the verge of changing modernism to postmodernism and including elements of both literary movements as well as those of realism. It is also important that Fowles has a specifically English national identity that is frequently proven in his books such as *The French Lieutenant's Woman*, *Wormholes* and some others. That had a considerable influence on his creative reception of the Bible.

The present paper focuses on analysing the relationship between creative reception and cultural memory as a basis for artistic translation illustrated on the material of the poem *One Can Allocate Children* from *Selected Poems* by John Fowles. It is one of his early poems dating back to the 1950-s. The poem had not been translated into Russian before. The text below is my own artistic translation of the poem under analysis based on creative reception and biblical cultural memory studies. The poem has no title, which makes it look like a philosophic speculation without any particular theme.

The metrics of the poem is varied, however, some kind of order may be observed closer to the end. The last two lines containing the idea of the poem are written in iambic trimeter. They have a male coupling rhyme (*tell – hell*, which is preserved in my translation as «ребят» – «ад»). At the same time the poem opens with a tautological female coupling rhyme (*children – children*, also kept in my translation: «дети» – «дети»), which creates a circular composition.

One can allocate children

One can allocate children,
And we are all children,
To one of two great groups.
Those to whom to return home
Is to rediscover sanctuary,
And those to whom home is
Spent or unspent agony.
But sympathy is out of place.
It would be difficult to tell
Which group knows more of hell.

Всем известно, что дети

Всем известно, что дети –
А все мы есть дети –
Бывают в группах двух:
Те, кому дом родимый
Дорог, словно храм, святыня
И те, кому их дом –
Мука и боль острая,
Но их жалеет зря. Нельзя
Сказать, кто из двух групп ребят
Узнает лучше ад.

On the lexical level there is a prolonged metaphor based on comparing adults to children. There are also epithets *spent or unspent agony* (literally «унывающаяся или не унывающаяся боль», in my translation «мука и боль острая» where the epithet is «острая»). The author's epithets strengthen the reader's sensation of pain which is kept in the Russian translation.

On the syntactic level there are two repetitions building the rhythm of the poem:

1) an anaphoric repetition (*Those to whom to return home – And those to whom home is*, in my translation rendered as «Те, кому дом родимый» – «И те, кому их дом»);

2) an epiphoric one (*One can allocate children – And we are all children*, respectively «Всем известно, что дети» – «А все мы есть дети»).

On the whole, the poem is quite poor in stylistic devices. Such a fact can be explained by classifying the poem under analysis as a parable in verse. The Oxford Dictionary of Literary Terms defines a parable as a “didactic allegory” [7,

p. 182]. A parable traditionally has the following characteristics:

- 1) symbolism;
- 2) partial or full absence of a developed plot;
- 3) some lesson or moral, especially with a religious meaning;
- 4) elimination of description (including stylistic devices and figures of speech).

All the four qualities mentioned above are typical of the poem under analysis, therefore it can be viewed as a parable in verse.

The literary hermeneutic method of text analysis shows the first level of understanding where the reader can see an image of children divided into two groups. The first group of children is obedient and respectful to their parents, loving and happy at home. For the other group being at home and seeing parents is extremely hard. A twist at the end of the poem leads the reader to the second, deep level of understanding.

The poem under analysis is based on allegory as a characteristic feature of a parable. Phrases *And we are all children* (in my translation «А все мы есть дети»), *to rediscover sanctuary* (literally «возвратиться к святыне», in my translation «Дорог, словно храм, святыня»), *Which group knows more of hell* (in my translation «Узнает лучше ад») shed light on the deep religious meaning of the poem. The above mentioned allegories help the reader to deeper understand the author's prolonged metaphor the poem is based on. The word *children* in this case means all people living on the Earth as in Christian worldview they all are children of God (*And we are all children*). Here one can also notice an implicit allusion to the parable of the prodigal son, which gives quite a frequent plot in European culture.

The next image in Fowles' poem is home. In the direct sense home is a place for children to be born, live, and hide from the hardships of life, a place where loving parents always wait. The word *sanctuary* gives a clue to the implied allegoric meaning of the poem. In this case the image of home stands for the Kingdom of God. Then the children that cherish this home are people who worship their Heavenly Father and live according to His commandments. The second group of children are the people who for some reason cannot or are not willing to live like that.

Thus, the reader draws a conclusion that the second group of the so-called “children” includes sinners who do not care about salvation. Their destiny is sure to be sad. The author, however, claims that “sympathy is out of place” (in my translation «их жалеет зря»), although it may be interpreted in a different way, not as sympathy in vain but as sympathy “wrongly directed” to those who do not deserve it) because it is not clear “which group knows more of hell”. These final lines are an unexpected anticlimax of the poem. Although, it looks more logical when the reader takes the third level of the hermeneutic circle.

The thing is that the first group of “children”, i.e. righteous people, has to be well-informed of what hell is to avoid it as a result and to choose the right way in life. The end of the poem may be regarded in the figurative sense: people who

try to live according to the commandments also know well what hell on the Earth is as their life is often harder than that of the second group. They have to endure constant torture and bear their cross with patience. Therefore, it is this, righteous, group that really deserves sympathy.

While analysing the poem special attention should be paid to the verb *rediscover* used together with the noun *sanctuary*. The idea of **rediscovering** takes the reader to the next level of the hermeneutic circle, the forth one. One can rediscover only something that was open or given in the beginning and then for some reason was hidden, which suggests regarding Fowles' poem as intertext manifesting itself in an implicit biblical allusion to Genesis, the first book of the Old Testament telling about the creation of Adam, the Fall, the beginning and further development of the humanity.

Such a context of the poet's contemplation over two groups of children refers the reader to a mysterious fragment of the Bible telling about marriages and sexual relationship between the so-called "sons of God" and "daughters of men" (Genesis 6:1–5). After ancient exegetes (Cyril of Jerusalem, John Chrysostom, Augustine of Hippo, Ephrem the Syrian, Theodoret of Cyrus) "the sons of God" are traditionally regarded as the pious descendants of righteous Seth. "The daughters of men" stand for those of Cain. After having mixed with the people who abandoned God the loyal "sons" also started gradually leaving their Father until they completely forgot His laws which drove the whole number of people to hell. It appears quite obvious that an allusion to that biblical story is found in the poem by John Fowles, a man of Protestant cultural memory, knowing the Bible well.

The poem under analysis shows biblical cultural memory of the recipient author typical of English national identity and Protestant upbringing as well as that of the implicit reader, the addressee of the text. While performing an appropriate artistic translation of the poem into Russian one should be sure that the translated text creates the same images and by doing that appeals to the Russian reader's biblical cultural memory. One more important thing is that in the Russian Synodal Bible [2] the fragment of Genesis telling about the "sons of God" and "daughters of men" coincides with that of King James Bible [5]: «сыны Божии» и «дочери человеческие» (Быт. 6:1–5). That helps the Russian reader to fully understand the imagery and philosophic sense of the poem conveyed through creative reception dealing with biblical cultural memory that is fully kept in the Russian artistic translation.

Список использованных источников

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Библия. Москва: РБО, 1992. 1376 с.
3. Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / отв. ред.

Е.П. Серапионова. М.; Спб.: Нестор-История, 2014. С. 8–16.

4. Fowles J.R. Selected Poems. Introduced and edited by Adam Thorpe. Hexham: Flambard Press, 2012. 132 p.

5. King James Bible [Электронный ресурс] URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/> (дата обращения: 10.02.2020).

6. Sloistova M.S. Translating “Greek poems” via reception theory // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы III международной научно-практической конференции. Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. Р. 353–357.

7. The Oxford Dictionary of Literary Terms / C. Baldick. 3rd ed. Oxford University Press, 2009. 384 p.

УДК 82

ИСТОКИ ЖАНРА ШПИОНСКОГО РОМАНА НА ТЕРРИТОРИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

А. С. Соина,

*ассистент кафедры «Теория и практика перевода», Институт
общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО
«Севастопольский государственный университет», Севастополь*

Аннотация. Целью данной работы является краткое рассмотрение процесса становления жанра шпионского романа в континентальной Западной Европе, а именно, в Испании, Германии, Италии. В результате исследования мы обнаружили, что ранее всего жанры детектива и шпионского романа возникли в Германии, а позже всего – в Испании. Мы предполагаем, что это явление имеет политические причины. Также нам не удалось достоверно установить принадлежность всех упомянутых авторов к разведслужбе своей страны, однако их биография этого не исключает. Мы пришли к выводу, что ввиду малой распространённости, «шпионские» тексты вобрали в себя концентрат национального и, соответственно, интересны для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: шпионский роман, детектив, континентальная западная Европа, Германия, Италия, Испания.

Summary: The purpose of this work is a brief review of the spy novel genre formation process in continental Western Europe, namely, in Spain, Germany, and Italy. As a result of the research, we found that genres of detective and spy novel originated first in Germany, and last in Spain. We assume that this phenomenon has political reasons. Also, we were not able to establish the affiliation of all mentioned below authors to the intelligence service of their country, but their biography does not exclude this. We came to the conclusion that due to the low prevalence, the "spy" texts have absorbed a lot of “national” and, accordingly, are interesting for further study.

Keywords: spy novel, detective story, continental Western Europe, Germany, Italy, Spain.

В последнее время жанр детектива и жанр шпионского романа становятся всё более популярными в массовой культуре и, соответственно, более изучаемыми. Так, по данным Киберленинки, в период с 2018 года было опубликовано около двухсот восьмидесяти статей, посвящённых этому жанру. Также в 2019 году вышел сборник трудов ИМЛИ РАН «Поэтика зарубежного классического детектива» [4], что подтверждает интерес к жанру. В рамках данной работы нам бы хотелось уделить внимание становлению жанра шпионского романа в континентальной Западной Европе, а именно, в Испании, Германии, Италии. Позволим себе сознательно «обойти молчанием» французский шпионский роман, так как он, на наш взгляд, рассмотрен в литературоведении более тщательно, чем шпионские романы вышеуказанных стран.

Считается, что можно говорить об английской или французской «школах» детектива, но никак не о немецкой, испанской или итальянской. Тем не менее, в XIX–XX веках жанры детектива и шпионского романа «пробрались» и в эти страны, не имеющие так называемой «детективной жилки». Как известно, жанр шпионского романа берёт начало от детектива [1], следовательно, представляется логичным отметить востребованность детективной литературы в указанных странах.

Так, немецкие детективы в своё время были мало известны за пределами **Германии**, предположительно, вследствие использования немцами трудночитаемого готического шрифта, а также в силу практически отсутствия их переводов на английский или французский языки. Однако, по мнению Г. Ульмана [4, с. 286-301], немецкий вклад в детективную литературу довольно существенный. Первопроходцем детектива и в Германии и во Франции считают лионского адвоката и криминолога Франсуа Гийо де Питавля, автора «Знаменитых и интересных судебных дел (1734 – 1741). Детективный сюжет присутствует также в новелле Ф. Шиллера «Преступник из-за потерянной чести», романе Генриха фон Клейста «Поединок», повести Э.Гофмана «Мадемуазель де Сюдери» и других.

Среди произведений, относящихся непосредственно к жанру шпионского романа, можно назвать роман Бальдуина Мёльхаузуна «Шпион» (1893), где рассказывается о Гражданской войне в США и государственной измене. В частности известно, что автор много путешествовал в течение жизни, что не исключает его причастность к немецкой разведке. Также выделяют роман Виктора Лаверренца «Афганский шпион» (1906), в котором повествуется о краже чертежей военного изобретения и о немецком офицере, который отправляется в Афганистан, чтобы их вернуть. Таким образом, мы понимаем, что немецкий шпионский роман зарождается на рубеже XIX–XX веков. Современному читателю, вероятно, известен более поздний роман «Гордиев узел» (1988) писателя Бернхарда Шлинка. По нашему предположению произведение представляет собой новую модификацию, а именно, –

является романом о промышленном шпионаже. Протагонистом выступает бывший юрист Георг Польшер, который соглашается возглавить бюро переводов в маленьком городке на юге Франции, прежний начальник которого скончался при загадочных обстоятельствах. Присутствует любовная линия (Георг – Франсуаза), организация персонажной парадигмы биполярна.

Что касается **Италии**, то здесь в 1851 году выходит детективный роман Франческо Мاستриани «Слепая из Сорренто», где фигурируют убийство, яд, маски, шантаж и тюрьма. Говоря об итальянском детективе, нельзя не упомянуть Каролину Инверницио и её роман «Поцелуй покойницы» (1896), где встречаются некоторые элементы детектива [4]. А с 1929 года во всей Италии становится массовой литература «джалло», рассказывающая о преступлениях, жертвах, расследованиях, роковой любви, путешествиях и тому подобное [4, с. 243]. Итальянским автором шпионских романов является Лиати Пизани (Liaty Pisani). Протагонист её романов – «совестливый» супершпион Огден. По словам критика Томаса Кюртена [7], в своих произведениях Лиати Пизани затрагивает темы современной политической ситуации, (война в Персидском заливе, рост цен на нефть, эпидемия СПИДа и другие), также в её романах присутствуют мистический, фантастический и даже эзотерические элементы, прослеживается антитеррористическая направленность. – Названные особенности позволяют нам предполагать, что романы данного автора можно отнести к фантастической модификации шпионского романа. Известны её романы «Specchio di notte» (1991, «Зеркало ночью», здесь и далее перевод наш. – А.С.), «La spia e il poeta» (1997, «Шпион и поэт»), «Agguato a Montsegur» (1999, «Засада в Монсегюр»). В указанных романах отражена проблема терроризма (сбитый самолёт), делается попытка рефлексии (действие последнего романа «уходит» в сороковые годы), однако присутствует вымышленный элемент (сокровища, за которыми охотятся спецслужбы).

Наиболее яркими представителями «скандинавской» ветви детективного жанра являются **шведы** Пер Валё и Май Шеваль. Что же касается шпионского романа, то здесь следует упомянуть Яна Гийу – скандального публициста, журналиста, автор шпионских романов об агенте Карле Хамильтоне, первый из которых был написан в 1986 году. Некоторые романы экранизированы. Известно, что сам автор вместе с Петером Браттом опубликовал серию статей о шведской секретной службе ИБ, о существовании которой никому ранее не было известно, предал огласке её деятельность по регистрации и наблюдению за коммунистами. В результате автор был осуждён за шпионаж сроком на год. В 2009 году Гийу публично признал, что в своё время был завербован КГБ и получал деньги от них за то, что собирал данные о шведских политиках [6]. Начать судебное дело против него по обвинению в шпионаже оказалось невозможным ввиду истечения срока давности.

Что касается **Испании**, то в этой стране жанр шпионского романа, по нашим данным, не стал популярным. Отметим, что детектив как таковой появился только в 60-е годы XX века. Первым произведением, относящимся к детективному жанру в Испании, считается роман Мануэля де Педролу «Ответ» (1967). Среди авторов полицейских романов известны Франсиско Гарсиа Павон «Царствование Витисы» (1967), Васкес Монтальбан «Я убил Кеннеди» (1972). Позднее появление детективного жанра в Испании, на наш взгляд, связано с тем, что элемент загадки и тайны более присущи англосаксонской литературе. В современное время в Испании появились авторы, пишущие в детективном жанре: Андреу Мартин, Хуан Мадрид, Педро Касалье Альдама, Альберто Миральес, Хулиан Ибаньес, Лурдес Ортис и другие.

Элейн Романонес, рождённая в США, но являющаяся испанской графиней, написала несколько шпионских романов: *The Spy Wore Red* (1988, «Шпион в красном»). Романы, по мнению *New York Times*, написаны в романтическом ключе [5] и, предположительно, могут представлять собой романтическую модификацию шпионского романа. Речь идёт о шпионке-девушке (возможно, самом авторе), которая в период Второй мировой войны противостоит «двойному агенту»-нацисту. Романы «*The Spy Went Dancing*» (1991, «Шпион танцует») и «*The Spy Wore Silk*» (1991, «Шпион в шелковых одеждах») продолжают трилогию. В романе «Шпион танцует» Элейн Романонес представляет историю, которая охватывает почти 20 лет. В книге переплелись и поиск произведений искусства, украденных нацистами во время войны, и охота на контрагентов НАТО в 1960-е годы. Помогает Элейн в поисках Уоллис Симпсон, супруга герцога Виндзорского, отрекшегося от престола британского короля Эдуарда VIII. Под кодовым именем Вилли, данным ей ЦРУ, герцогиня преследовала свою добычу на костюмированных балах, а самой графине нередко приходилось рисковать жизнью. Однако принадлежность автора к американским спецслужбам не подтверждена.

В заключение отметим, что, по нашим данным, в указанных странах ранее всего жанры детектива и шпионского романа возникли в Германии, позже «переместились» в Италию, затем – в Швецию и, наконец, в Испанию. Как правило, авторами шпионских романов становятся бывшие или действующие сотрудники спецслужб. Упомянутых выше писателей нельзя однозначно «определить в разведчики», однако их жизненные обстоятельства отнюдь не исключают возможность этими разведчиками быть. Исходя из вышеизложенного, шпионский роман континентальной Западной Европы, вероятно, имеет яркие национальные черты, что, на наш взгляд, представляет интерес для дальнейшего исследования.

Список использованных источников

1. Норец М. В. Генезис жанра шпионского романа в английской литературе: монография. Симферополь: Бизнес-информ, 2014. – 364 с.
2. Норец М.В, Сёмченко Р.А. Теоретико-методологические основы

формирования жанра шпионского романа в современном литературоведческом дискурсе / М.В. Норец, Р.А. Сёмченко // Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: науч.-практ. конф., 20-21 сентября 2019 г.: тезисы докл. – Севастополь, 2019. – С. 112-115.

3. Патронникова Ю. С. Каролина Инверницио: некоторые особенности поэтики (на примере романа «Поцелуй покойницы» (1896)) // Вестник КГУ. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/karolina-invernitsio-nekotorye-osobennosti-poetiki-na-primere-romana-potseluy-rokoynitsy-1896> (дата обращения: 09.02.2020).

4. Поэтика зарубежного классического детектива / Коллективный сборник. Отв. ред-ры: К. А. Чекалов, М. Р. Ненарокова // Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2019. – 304 с.

5. Gross M. The Spy Wore Red... // The New York Times. June 21, 1987, Section 7, Page 10.

6. Jan Guillou hade kontakt med KGB // Dagens Nyheter. 24.10.2009. URL: <https://www.dn.se/nyheter/sverige/jan-guillou-hade-kontakt-med-kgb/> (access date 09.02.2020)

7. Kürten T. Wasser auf die Mühlen der Verschwörungstheoretiker. URL: <https://www.krimi-couch.de/titel/3210-stille-elite/> (access date 09.02.2020)

УДК 82.09

ОБРАЗЫ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» В ПЕРВОМ АМЕРИКАНСКОМ ШПИОНСКОМ РОМАНЕ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ «АТОМСК» КАРМАЙКЛА СМИТА

А. А. Сокол,

*старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Институт общественных наук и международных отношений,
Севастопольский государственный университет, Севастополь*

Аннотация. Статья посвящена изучению образов «своих» и «чужих» в американском шпионском романе. Рассмотрены и проанализированы образы представителей противоборствующих блоков Востока и Запада в период холодной войны в романе Кармайкла Смита «Атомск».

Ключевые слова: имагология, образы «свой-чужой», холодная война, Кармайкл Смит, шпионский роман.

Summary. The article is devoted to the study of the images of “friends” and “foes” in the American espionage novel. The representative images of the opposing Eastern and Western blocs during the Cold War in the novel “Atomsk” by Carmichael Smith are examined and analyzed.

Key words: imagology, “friend-foe” images, the Cold War, Carmichael Smith, spy novel.

Разграничение и противопоставление «своих» и «чужих» является базовой оппозицией, рассматриваемой в рамках исследований, проводимых в различных гуманитарных науках: филологии, психологии, социологии,

культурологии, педагогике, истории, философии, политологии, межкультурной коммуникации и др. В литературоведческих работах данная оппозиция зачастую рассматривается с точки зрения создаваемых автором образов художественного пространства-времени и персонажей произведения.

Дихотомия образов «свой-чужой» является фундаментальной для любого шпионского романа, сюжет которого основан на противостоянии держав и их спецслужб. Художественное пространство шпионского романа биполярно: мир «своих» противопоставлен миру «чужих», «свой» протагонист сталкивается с «чужим» антагонистом. Протагонист, неизменно отличающийся выдающимися физическими и умственными способностями, выходит на борьбу с антагонистом, равным ему по силе. Оба отстаивают интересы своих государств, которые являются врагами, ведущими открытую конфронтацию или тайное противоборство.

Одним из обширных пластов шпионской литературы являются романы, изображающие столкновение двух блоков государств, центрами которых были США и СССР, в период холодной войны. Первым шпионским романом о конфликте между Восточным блоком и Западом стал роман «Атомск» (*Atomsk: A Novel of Suspense*) американца Кармайкла Смита. Роман был опубликован в 1949 году под одним из вымышленных имен Пола Лайнбарджера, наиболее известного под псевдонимом «Кордвейнер Смит» [5]. На русский язык данный роман не переводился, а книга на английском языке до недавнего времени была практически недоступна для читателя из-за высоких цен на сохранившиеся экземпляры. Не так давно на сайте Amazon появилась Kindle-версия этого шпионского романа, что позволило нам ознакомиться с данным произведением и проанализировать его.

Как и большинство авторов шпионских романов, Кордвейнер Смит до начала своей писательской карьеры был тесно связан со спецслужбами своей страны. Майор Армии США и полковник Резерва Армии США, профессор университета Джона Хопкинса, Кордвейнер Смит сотрудничал с разведкой США по вопросам идеологической пропаганды и методам ведения психологической войны. Знал шесть языков, хорошо разбирался в культурах Востока и Запада, выступал советником армии Великобритании в Малайе, и США – в Корее, являлся членом Ассоциации внешней политики США и советником Президента Кеннеди [6].

Центральным персонажем романа Пола Лайнбарджера, выступающим на стороне «своих», предстает майор Майкл Даган, который в отличие от всем известного красавца-шпиона Джеймса Бонда оказывается внешне абсолютно невзрачной персоналией: без определенного возраста, каких-то отличительных особенностей или запоминающихся черт лица. Тем не менее, буквально с первых строк романа его называют «величайшим шпионом мира» [4]. Несмотря на заурядную внешность, которая для Дагана являлась преимуществом, а не недостатком (она позволяла незаметно и беспрепятственно проникать в малодоступные места и безболезненно

возвращаться обратно), он отличался недюжинными способностями, сильным характером и яркой харизмой. Движения его были беззвучны, как у кошки, высматривающей добычу. Он был уверен в себе, на первый взгляд дружелюбен и безмерно опасен.

Миром «чужих» в романе предстает СССР, враг США и угроза капитализму: «Who is the enemy, sir? – Russia. But I should have said potential enemy, Major. – Yes, sir, you should have» (*И кто враг, сэр? – Россия. Хотя мне следовало бы сказать «потенциальный» враг, майор. – Да, сэр, следовало бы¹*) [4].

Заданием супер-шпиона, «сверхчеловека» Майкла Дагана становится секретный ядерный центр русских – Атомск, расположенный в Сибири недалеко от Владивостока. Примечателен выбор автором именно Сибири в качестве места дислокации сверхсекретного объекта СССР. Стандартный стереотип американцев о России – это Сибирь, которая в их глазах предстает как вечная мерзлота и бесконечные заснеженные пустыри с концлагерями. Где еще, как не в этом мрачном и ледящем не только тело, но и душу месте могли русские разместить свой тайный подземный город?

В художественном мире Кармайка Смита атомный город русских построен по приказу «Народного Комиссариата атомного развития» (написание в оригинале – Narodnii Kommissariat Atmnovo Razvitiya). В реальности, за создание ядерного оружия в СССР отвечал Специальный комитет при Совете Министров СССР [3]. Но для англоязычного читателя «Народный Комиссариат» звучит более устрашающе, по ассоциации с НКВД (Народным комиссариатом внутренних дел), известным своими безжалостными агентами разведки и контрразведки, исправительными лагерями и «кровожадными» чекистами.

Еще один стереотип, находящий свое отражение на страницах романа, касается национального характера русских – это пьянство и безответственность. Майкл Даган создает себе «легенду», пытаясь проникнуть на территорию Советского Союза со стороны Маньчжурии: он советский рядовой солдат, отбил от своего отряда, потому что напился и провалялся без сознания.

Даган берет себе звание ефрейтора (yefreitor) и русское имя – Иосиф («в честь товарища Сталина») Никодимович Андреанов (Josif Nikodimovich Andreanov), сокращенно Йося (Ossya). Общаясь с китайскими коммунистами и советскими военными, он использует обращение «товарищ», часто без фамилии, обособленно. Первая встреча с русским – старшим сержантом Петром Петровичем Беловым (Starchii Sarzhant Pyotr Pyotrovich Byelov) – начинается с того, что последний предлагает Дагану-Андреанову выпить стакан водки. Видимо, в представлении американского автора, лучший русский способ выявить шпиона – дать ему выпить.

Сам Даган-Андреанов не раз использует трюк с водкой для

¹ Здесь и далее перевод наш, Сокол А.А.

отвлечения внимания и отведения с себя подозрений, обменивая любые ценности на ящики с огненной водой и спаивая окружающих его русских: простых рабочих, заключенных, солдат, охранников, инженеров – которые, напившись, либо поют сентиментальные песни, либо читают «стахановские» речи. А на утро, почувствовав ужасные последствия похмелья, пеняют на то, что водка была отравленная, привезенная из штатов.

Интересно то, какими американскими стереотипами наделяет автор советских персонажей. Они считают Америку богатой, но жестокой страной, притворно помогающей другим странам с целью «заразить их капитализмом» и тянущей свои «фашистские щупальца с Уолл-Стрит» по всему миру [4].

Несмотря на то, что в романе Кармайкла Смита СССР и США представлены равными по силе соперниками, американские технологии выглядят более совершенными: Дагану приходится пройти повторную операцию, чтобы сделать шрам от вырезанного аппендикса более похожим на неаккуратные шрамы, которые оставляют советские врачи. Кроме того, он обращается к стоматологу, чтобы его красивые американские пломбы заменили более дешевыми аналогами. При помощи таких, казалось бы, небольших деталей автор играет на патриотических и идеологических чувствах американского читателя.

Больше половины романа занимает описание того, как Даган искал секретный ядерный город русских и добирался до него. В ночь на первое мая, День труда, Майкл Даган по счастливой случайности проникает на территорию Атомска и получает необходимую информацию о других секретных объектах СССР от пьяного немца-ученого. Дальше события развиваются молниеносно: американский шпион убивает надзирателя, крадет из комнаты немца документы и карту города, незаметно выводит из строя систему утилизации радиоактивных отходов и сбегает из города на мотоцикле, попутно убивая охрану и часовых на дороге.

Далее следует празднование Первого мая. Причем русские почему-то отмечают не День труда, а «великую победу над Германией и Японией, которую Россия одержала сама, несмотря на предательское невмешательство Англии и Америки...» [4]. Ирония автора преуменьшает заслуги Советского Союза во Второй мировой войне и возвеличивает вклад Запада в глазах рядового американца.

Пользуясь моментом, супер-шпион выбирается из особо секретной зоны и, скрываясь и меняя то и дело личность, добирается до лагеря японских военнопленных в селе Вангоу (современное название – Лазо, Приморский край), откуда его с другими военнопленными репатрируют в контролируемую американцами Японию. Таким образом, Майкл Даган успешно и безукоризненно выполняет поставленную перед ним задачу.

В последних абзацах шестнадцатой, предпоследней, главы романа автор подводит итог, вкладывая в уста полковника армии США Лэндсидла

основную идею: «Русские – гордый и прекрасный народ. Они добрые. А их политическая система жестока и деспотична. И только доброта и терпение простого русского народа позволяют этой системе процветать. Менее стойкий народ уже бы давно погиб под таким давлением; а более свободомыслящий – взбунтовался. [...] Если русские смогут освободиться от пропаганды и давления коммунистической диктатуры, они внесут неоценимый вклад в установление мира во всем мире» [4]. Даган вторит своему начальнику: «Правительство прогнило, а сам народ – прекрасен. Цари и Сталины приходят и уходят, а русский народ продолжает жить» [4].

В романе Кармайкла Смита враг – не Россия и не ее народ, а советская власть, коммунизм – «красная угроза», опасность для прогрессивного цивилизованного Запада и его капитализма.

Список использованных источников

1. Благин А. А. Английские шпионские романы как оружие идеологического противоборства (1950 – начало 1970-х гг.) [Текст]: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Ярославль, 2012. – 256 с.

2. Норец М. В. Генезис жанра шпионского романа в английской литературе [Текст]: [монография]. Симферополь: Бизнес-информ, 2014. – 364 с.

3. Становление центральных органов управления атомной промышленностью СССР (1945-1953 гг.) [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. – Режим доступа: http://www.nivestnik.ru/2007_2/27.shtml (дата обращения: 18.06.2019)

4. Atomsk: A Novel of Suspense [Электронный ресурс] // Amazon. – Режим доступа: <https://www.amazon.com/Atomsk-Novel-Suspense-Carmichael-Smith-ebook/dp/B0073V535Q>. – (книга Kindle)

5. Atomsk by Carmichael Smith [Электронный ресурс] // Cordwainer Smith. – Режим доступа: <http://www.cordwainer-smith.com/atomsk.htm> (дата обращения: 17.06.2019)

6. His Arlington National Cemetery Bio with My Add-ons [Электронный ресурс] // Cordwainer Smith. – Режим доступа: <http://www.cordwainer-smith.com/cemetery-bio-my-comments.htm>. (дата обращения: 17.06.2019)

7. Norets M.V., Lyibeev V.S., Lyibeeva S.V. The English spy novels of the “cold war” period and the concept “we” vs “they” as their basis // материалы IX Международной конференции «Современные проблемы лингвистики и дидактики: Междисциплинарный подход в гуманитарных и социальных науках», г. Волгоград, 23-27 апреля 2019 г. – С. 256-261.

УДК 81'22

PROBLEMS OF LITERARY TRANSLATION ON THE EXAMPLE OF COLIN BARRETT'S SHORT STORY CLANCY KID**У. И. Табакова,***студент второго курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь***Т. А. Радченко,***ассистент кафедры английской филологии Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы художественного перевода, с которыми авторам пришлось столкнуться при переводе короткого рассказа Колина Барретта «Малыш Клэнси» на русский язык. Предметом исследования послужили трудности перевода с английского языка на русский и их классификация. Методы исследования включают сравнительный анализ, элементы структурного, семантического, лингвокультурологического и переводческого анализа.

Ключевые слова: проблемы художественного перевода, Колин Барретт, структура языка, множественность значений, грамматический, синтаксический, риторический и культурный аспекты.

Summary. The article highlights the problems that we faced with attempting Colin Barrett's short story *Clancy Kid* literary translation into Russian. The focus of the study is on the difficulties of translation from English into Russian and their classification. The research methods include comparative analysis, elements of structural, semantic, linguoculturological and translation analysis.

Key words: problems of literary translation, Colin Barrett, language structure, multiple meanings, grammatical, syntactical, rhetorical and cultural problems.

Translation of literary works into or from a foreign language is considered to be a labour- and knowledge-intensive process. Sometimes, it can be painstaking for a translator to create a decent new text based on the original one, while, to a certain extent, performing the function of a co-author. Literary translation needs not only excellent knowledge of a foreign language and culture, but also requires creative intuition, good writing skills and keen mind to be able to convey and adapt the multitude of ideas and images into a new language and reality frame [1]. Thus, for the beginners, it is probably most important to be aware of the most common difficulties a translator faces and ways of overcoming them. The purpose of this research is to identify the difficulties of translation from English into Russian based on the short story *Clancy Kid* by Colin Barrett and to classify these problems while attempting its literary translation into Russian. The purpose predetermines a number of objectives such as studying the biography of the author

for a better understanding of his work, making a literary translation of the story itself; highlighting the problems encountered during the translation and classifying the outlined problems. The research methods include comparative analysis and elements of structural, semantic, linguoculturological and translation analysis.

To classify the main difficulties, among others, the categorization suggested by M. Mathieu has been applied. Thus, the main difficulties concern: language structure, two-word verbs, multiple meanings, false friends, lexical-semantic problems, grammatical problems, syntactical problems, rhetorical problems and cultural issues [5].

Language Structure. Since «every language sits inside a defined structure with its own agreed upon rules, the complexity and singularity of this framework directly correlates to the difficulty of translation» [6]. Thus, being fundamentally different languages pertaining to different families and different types, English and Russian display a vast field of incongruities on the level of language structure, i.e. in phonetics, phonology, morphology, syntax and semantics. For instance, it is common knowledge that a simple sentence in English has a fixed word order: a subject, a verb, a direct object and an adverbial modifier (usually, of place or time). Apparently, a Russian sentence does not necessarily follow this pattern. As a result, translators frequently have to add, remove, and rearrange the source words to effectively communicate the same idea in the target language. E.g. «**There is the** comfort of routine in our routine but also the mystery of that routine's persistence» [2]. (**Нашей повседневной жизни** свойственна умиротворенность, присущая всему **упорядоченному**, и в то же время есть какая-то загадка в **той силе, с которой она нас затягивает**. – *here and further on the translation into Russian is provided by the authors*). This sentence is also a perfect example of a few other phenomena characteristic of English and missing in Russian, i.e. the use of articles and tendency to compactness and expressiveness of single words whereas in Russian a whole clause can be required. The compactness is also explained by the absence of the system of cases in the English language, which often leads to structural and semantic shifts as exemplified by the sentences below: «*She's wearing a canary-yellow belly top, the better to show off her stomach, aerobicized back to greyhound tautness since the baby*» [2]. (**На ней топ канареечного цвета, обнажающий живот, словно у поджарой борзой, который она подтянула после родов благодаря занятиям аэробикой**). «*Ma and Da Clancy did the tearful on-camera appeals...but nothing happened, and nothing continued to happen*» [2]. (**Мамаша и папаша Клэнси лили слезы на камеру**...но никакого результата не последовало, ни тогда, ни потом.). One of such simplified structures is noun + noun which may suggest a number of possible translations in Russian and words like 'aerobicize' and 'baby'; the first calling for a lexical extension and the second one – for semantic transformation.

Another simple, but vivid example would be the polysemantic use of the noun 'thing', like in «Marlene is **the nearest thing** I've had to a steady girlfriend»

[2] (Марлен для меня **что-то вроде** постоянной девушки.), which may literally describe anything and is mostly substituted by a more vague and less eloquent pronoun form in the Russian language.

Two-Word Verbs. Sometimes a verb and a preposition take on a separate, specific meaning when used together. Two-word verbs are common in informal English. *Look up, close up, fill out, shut up, bring up, break down* and *break in* are common examples. In many cases, though, it is neither necessary nor appropriate to translate the preposition separately [6]; hence, this aspect is worth particular attention to avoid misinterpretation, and the examples below illustrate various transformations such verbs undergo in the Russian language.

1. «*She comes through the double doors in cut-off jeans, sunglasses **pushed up** into her red ringlets*» [2]. (Она проходит сквозь двустворчатую дверь, в рваных джинсах и солнцезащитных очках **на** рыжей кудрявой **макушке**. (2WV – preposition + N); 2. «*Better **off out** of it alright, maybe*» [2]. (Может, лучше **убраться**.) (2WV – V with a prefix); 3. «*Sometimes he'll admit to the abandonment and **sell me on** his surplus of pills*» [2]. (Иногда он признается, что бросил принимать таблетки и **убеждает меня, что** лучше их хранить впрок.) (2WV – V with a prefix + syntactic transformation); 4. «*He **mock-gasps**, and claws the air*» [2]. (Он притворно задыхается и хватается лапами воздух.) (2WV – adverbial modifier + V); 5. «*The boy **steps forward**, mimics my action, toeing the loaf of Tug's shoulder*» [2]. (Мальчишка **делает шаг вперед**, подражая мне, пинает Буксира в плечо.) (2WV – V + N + adverbial modifier); 6. «*The picture is the famous, familiar one, a birthday-party snap, crêpe birthday crown **snugged down over** the Clancy kid's fair head ...*» [2] (Фото – то самое, знаменитое, хорошо знакомое, с вечеринки в честь дня рождения, корона из креповой бумаги **нахлобучена** на белобрысую голову Клэнси Кида...). (3WV – V with a prefix).

Multiple Meanings. The same word may mean multiple things depending on where it is placed and how it is used in a sentence. This phenomenon typically follows one of two patterns [5]. Even, if a term is common, this does not mean it is easy to translate. Many words seem quite trivial, but are actually brimming with all kinds of connotations. E.g., 1) «*Now my **calves** are paltry things, measly lengths of pale, undefined muscle*» [2]. (Теперь мои **икры** дряблые, бледные, со слабо выраженными мышцами. Providing the correct translation of the sentence requires looking at the context in order to choose between the two homonyms, a body part and a baby cow); 2) «*Tug is one many prefer to **keep a tidy berth of***» [2]. (**Буксир** из тех, от кого многие предпочитают держаться подальше. Here, the pun on the name of the main character and the verbal expression which refers to the 'cabin' on a boat and literally means 'to stay away' allows finding a Russian equivalent for the speaking name); 3) «*sliver of a child*» [2] (кроха – the translation of the expression is results from the combination of the primary meanings of its two constituents); 4) «***The ride?***» he inquires» [2]. (– **Прокатил** кого-нибудь? – спрашивает он. Contextually, the word 'ride' acquires a sexual implication, but more of a neutral character); 5) «Back in our

school days, the **convent** girls and all their mummies were **goo-goo-eyed** over Tug» [2]. (Еще в школьные годы девчонки из монастырской школы и все их мамы **строили** Буксире **глазки**. Stylistically and contextually, translation requires using slang over a neutral equivalent; additionally, the meaning of 'goo-goo' as a 'psycho' has to be excluded.); 6) «Slender reeds **brush** against one another **as cleanly as** freshly whetted blades» [2]. (Тонкие камыши **едва касаются** друг друга, словно только что заточенные лезвия. It was hard to provide the translation of the parts in bold as the Russian language requires using specific verb with the word 'blade' and, moreover, the action has to be applied by someone (проводить лезвием по лезвию); thus the given Russian translation lacks both semantically and stylistically).

False Friends. False friends are the terms which, at first glance, get translated literally, but actually have a different meanings [4]. Probably, the only example in the story is *micro-minied girls* [2] (девушки в микро-мини юбках) which was originally understood as *tiny girls*.

Lexical-Semantic Problems. «These problems include terminology alternatives, neologisms, semantic gaps, contextual synonyms and antonyms...semantic contiguity» [5] (a consistency procedure which works by identifying semantic features common to two or more terms) and lexical networks. E.g., «*the day of **purgation and redress***» [2] (день **очищения кишечника и искупления**); «*if we've never quite **been on** we've never quite **been off***» [2] (и пусть мы никогда по-настоящему не сходились, мы никогда и не расставались); «*A fly lands on his head and **mills in the stubble***» [2]. (Ему на голову садится муха и **семенит по коротко остриженным волосам**.); «*I **wallop** the flat of my palm against the **pockmarked bonnet***» [2]. (Я с грохотом **бью** ладонью по **рябому** капоту.); «*I shrug and **pocket** the lipstick*». (Я пожимаю плечами, и помада **отправляется в карман**.) Most of these sentences can be translated into Russian at least in a couple of ways, which makes the translator face with the problem of choice and elimination of the variants he believes to be inappropriate.

Grammatical Problems. Grammatical problems include, for example, questions of temporality, aspectuality (the appearance indicates how the process is represented or the state expressed by the verb from the point of view of its development, as opposed to time itself), pronouns, and whether to make explicit the subject pronoun or not [5]. E.g., «*I **said hello** enough Friday night*» [2]. (Я **наздоровался** в пятницу вечером.); «***His** eyebrows flare enthusiastically*» [2]. (Его глаза восторженно сверкают.); «*One end of the rod **is crimped into a point***» [2]. (Один конец жезла **загнут**.); «*He goes through a martial arts display: **slashing** the air with the rod, then **spinning** it over **his** head, fluidly **transferring** it from one twisting hand to the other*» [2]. (Он демонстрирует свои боевые навыки: разрезает воздух палкой, затем вращает ею **над головой**, плавно **перекладывая** из одной руки в другую.).

Syntactical Problems. Syntactical problems may originate in syntactic parallels, the direction of the passive voice, the focus (the point of view from

which a story is organized), or even rhetorical figures of speech, such as a hyperbaton (the inversion of the natural order of speech) or an anaphora [5].

«*She's wearing a canary-yellow belly top...*» [2] (На ней топ канареечного цвета...); «*He places the palm of one huge hand on the hatchback's roof and begins to experimentally rock the vehicle back and forth...*» [2] (Он кладет свою большую ладонь на крышу хетчбэка и начинает в качестве эксперимента раскачивать автомобиль...); «*Child faces jostle in the rear window for a look at the overturned hatchback*» [2]. (Дети прилипли к заднему стеклу, чтобы взглянуть на перевернутый хетчбэк.); «*The codger grins yellowishly*» [2]. (Старикашка скалит свои желтые зубы.); «*The boy has white hair – not blond, white*» [2]. (У мальчика белые волосы – не светлые, белые.).

Rhetorical Problems. Rhetorical problems are related to the identification and recreation of figures of thought (comparison, metaphor, metonymy, synecdoche, oxymoron, paradox, etc.) and diction [5]. E.g., «*the Zen bovines*» [2] (коровы, постигающие дзен), «*Tug is one many prefer to keep a tidy berth of*» [2]. (Буксир из тех, от кого многие предпочитают держаться подальше); «*I see the vasculature of blackened pipes that run along its underside...*» [2] (я вижу сосудистую сеть почерневших труб, проходящих по днищу...); «*'Sound,' Tug says*» [2]. (– Здорово, – говорит Буксир.); «*Instead of removing the tree's corpse and fixing the bridge ...*» [2] (Вместо того, чтобы убрать труп дерева и починить мост...); «*So much of friendship is merely that: the saying of nothing in place of something*» [2]. (Как часто дружба заключается именно в этом: промолчать вместо того, чтобы сказать что-то.); «*But when I look back across the tumbling black turbulence of the water I see that the children are gone*» [2]. (Но когда я оглядываюсь, я вижу, что там, за бурлящей черной водой, детей уже нет).

Cultural Issues. «Cultural issues may arise from differences between cultural references, such as names of food, festivals and cultural connotations, in general» [5]. The translator will often use language localization to correctly adapt the translation to the culture targeted. E.g., «*A national Garda hunt was launched*» [2]. (Гарда/полиция начала охоту.); «*Crushed cans of Strongbow and Dutch Gold and Karpackie*» [2]. (Раздавленные банки из-под сидра и пива.).

Translation analysis is a difficult but the only way to transfer experience. To overcome the vast scope of difficulties the translator should be able to process the text so that it retains its original charm, but remains interesting for the reader who speaks another language [3]. Imaginative thinking, language literacy, contextual translation, excellent knowledge of culture, traditions and religion of the country, a defined style of literary translation and writing skills – these are the qualities a translator of fiction should have to be able to produce a good translation.

Список использованных источников

1. Сирипля М. А., Кан В. А. Некоторые проблемы перевода

художественных текстов [Электронный ресурс] // *Lingua mobilis*. – 2013. – №7. – <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-perevoda-hudozhestvennyh-tekstov> (дата обращения 29.10.2019).

2. Barrett C. The Clancy Kid [Electronic Resource] // *The Irish Times*. 2018. – Mode of access: URL: <https://www.irishtimes.com/culture/books/the-clancy-kid-by-colin-barrett-1.2120010> (дата обращения 15.04.2019).

3. Delabastita D. Literary translation. In *Handbook of Translation Studies*, ed. by Y. Gambier & L. van Doorsaler, Vol. 2. Amsterdam : John Benjamins, 2011.

4. Hardy G. The difficulties of translation [Electronic Resource] // 2016. Mode of access: URL: <https://culturesconnection.com/difficulties-of-translation/> (дата обращения 15.03.2019).

5. Mathieu M. 6 Translation Problems [Electronic Resource] // *Cultures connection*. 2015. – Mode of access: URL: <https://culturesconnection.com/6-translation-problems/> (дата обращения 15.04.2019).

6. Smartling. Common Challenges of Translation [Electronic Resource] // *Medium*. 2018. – Mode of access: URL: <https://medium.com/@smartling/common-challenges-of-translation-46edfb6689d2> (дата обращения 15.04.2019).

УДК 811.12

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКИХ ШУТОК)

А. И. Таирова,

*магистрант кафедры теории и практики перевода, Институт
иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

М. Ю. Лукинова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация: Статья посвящена теме перевода английского юмора на русский язык. В статье содержится краткий обзор трудностей, возникающих при переводе шуток. Цель работы заключалась в том, чтобы изучить факторы, представляющие трудности для перевода. Исследование проводилось на основе сопоставительного анализа шуток и анекдотов на английском и русском языках. Юмор в работе рассматривается не только как лингвистическое, но и как социокультурное явление.

Ключевые слова: перевод, юмор, анекдот, омофоны, игра слов.

Summary. The article is about the translation of English humor into Russian. The article includes a brief overview of difficulties in translating jokes. The purpose of the work was to study the factors that present difficulties for translation. The study was held on the basis of the comparative analysis of jokes

in English and Russian. Humor is considered not only as a linguistic phenomenon, but also as a socio-cultural phenomenon.

Key words: translation, humor, joke, homophone, pun.

Передача юмора всегда была одной из самых сложных задач для переводчика, так как весьма сложно передать тонкости культуры и менталитета одного народа на совершенно другом языке. Хотя многие считают, что юмор универсален, у каждой культуры он свой, особенный и иногда сложно понять юмор другой незнакомой культуры.

Известно, что понимание культуры играет важную роль в юморе. Следовательно, неудивительно, что иногда, когда мы смотрим юмористические зарубежные телесериалы, фильмы, читаем иностранные юмористические рассказы, мы не всегда смеемся над комическими фрагментами, поскольку не вполне понимаем шутки. Все это происходит потому что юмор коренится в культуре, это часть нашего менталитета, наших манер, нашего образа жизни и истории. Вот почему перевод юмора требует понимания не только обоих языков, но и понимание культуры переводимого и культуры целевого языка. Все это следует делать для того, чтобы достигнуть такой же реакции юмора исходного текста в переводе.

В целом, под юмором понимают способность или склонность думать, что вещи забавные; характеристика какого-либо предмета или явления, которая делает это смешным. Однако то, что может рассмешить кого-то, может не оказать такого же эффекта на другого человека, поэтому есть и другие аспекты, которые стоит учитывать при определении и переводе юмора. На самом деле, сложность определения юмора в том, что он часто субъективен. Многие авторы пытались найти наиболее общее и правильное определение юмора. Стоит также отметить, что юмор – это всегда культурно-сформированный индивидуальный опыт, культурно детерминированный, поскольку социологические факторы являются основными механизмами, приводящими к его возникновению.

Можно считать, что для юмора характерны несколько принципов: 1) происхождение в культуре, институтах, отношениях, верованиях, характерных артефактах и так далее; 2) характерная конструкция шутки, уклад слов, благодаря которому распознается юмор; 3) место в языке, в каком-либо словосочетании или слове, которое необходимо для шутки.

Некоторые шутки и типы юмора мало или же практически не сопротивляются переводу, то есть, в некотором смысле, они не ограничены в переводе. Это происходит, когда исходный язык и целевой язык и их культурные системы пересекаются, а также когда аудитории обоих сообществ обладают общими знаниями, ценностями и вкусами, необходимыми для одинакового восприятия конкретной комической ситуации.

В данном случае, переводчик может не волноваться, что шутку не поймут. Она может легко восприниматься как сообществом исходного текста, так и сообществом целевого текста, без необходимости в

дополнительном разъяснении. В такой ситуации возможен дословный перевод без потери смысла и юмористического эффекта. Это значительно облегчает работу переводчика.

Приведем следующий пример:

The teacher to a student: Conjugate the verb 'to walk' in the Simple Present – 'Составь парадигму глагола «идти» в простом настоящем времени'.

The student: I walk. You walk... – 'Я иду. Ты идешь...'.

The teacher interrupts him: Quicker please – 'Быстрее, пожалуйста'

The student: I run. You run... – 'Я бегу. Ты бежишь...'.

Однако перевод некоторых комических ситуаций ограничен особенностями аудитории. Некоторые ситуации являются затруднительными для переводчика из-за определенных особенностей (ограничений), связанных с лингвистическими и энциклопедическими знаниями читателей, или с их степенью знакомства или понимания определенных явлений и предметов, тем, а также жанров и видов юмора. Таким образом, шутка, ограниченная различиями языков, зависит от определенных особенностей данного языка (например, слова омонимы, паронимы, аллитерация, рифма). Также знания особенностей данной этнической группы весьма важны для понимания и восприятия этнического юмора. Ведь шутка может быть ограничена определенной темой, которая на распространена в общества читателя. В этой области существуют следующие трудности, с которыми сталкивается переводчик при переводе юмористических текстов: лингвистические различия; знания о социальных и культурных институтах, темах и так далее; как часто происходят данные ситуации (часто, иногда, редко и т. д.); восприятие и оценка (юмористическая ценность темы, подхода, преподнесения, случая).

Например, часто английский юмор может быть весьма странным и непонятным для представителей русской культуры. Так как юмор – это не только лингвокультурное, а еще и социокультурное явление, для создания которого могут быть использованы различные лингвокультурные средства и стилистические приемы, то при переводе всегда стоит учитывать, что юмор связан с национальным характером.

Однако иногда переводчик может вовсе пропустить шутку. Это может произойти либо потому, что он не понимает ее, либо потому, что не удастся идентифицировать само присутствие шутки, которая была скрыто передана. Из-за трудностей, связанных с переводом юмора, у переводчика может появиться необходимость превратить скрытые формы юмора в более явные его проявления, особенно если перевод менее эффектен, чем оригинал. В таком случае переводчик сообщает, что была попытка забавно передать ситуацию, признавая неспособность фактически передать комическую ситуацию.

Что касается лексических каламбуров, то к ним можно отнести обыгрывание частей слов или корней, каламбур, основанный на полисемии, игру слов с омонимами, неоднозначность грамматических конструкций. Это

может создавать двусмысленность высказывания.

Предложение “Greenland is ice but Iceland is green” дословно можно перевести как «Гренландия – ледяная, а Исландия – зеленая». В данном примере мы наблюдаем перестановку простых слов и основ сложных слов. На русский язык это можно передать следующим образом: «Гренландия – не зеленая, а ледяная, а Исландия – не ледяная, зеленая» [2]. Александрова Е. М. считает, что такой тип лексического каламбура характерен для английской языковой традиции. Это вызвано тем, что для «английского языка характерна омонимия основы слова и слова и распространенность синтаксического типа словосложения, при котором сложное слово не отличается по форме от свободного словосочетания» [2].

Каламбур, основанный на многозначности лексических единиц не всегда представляют особую трудность для перевода. Как правило, аудитория всегда понимает, что хотел передать автор.

Mike: I hear that you went fishing last week. Did you get anything? – «Слышал. Ты вчера был на рыбалке. Получилось что-то?».

Sid: Yep. Sunburned and mosquito bites. – «Ага. Солнечные ожоги и укусы комаров» [2].

В данном случае не требуется дополнительное объяснение, что слово get обладает большим количеством значений, одно из которых представлено в анекдоте.

Приведем также пример игры слов с омофонами (слова с одинаковым произношением, но разным написанием):

Why did the bald man paint rabbits on his head? Because from distance they looked like hares. – «Почему лысый мужчина нарисовал на голове зайцев? Потому что издали они похожи на волосы» [2]. В данном случае слово hares (зайцы) по звучанию похоже на слово hairs (волосы). В русском языке это можно передать несколько иным способом, с помощью «травы» и «растительность»: «Почему лысый мужчина нарисовал на голове траву? Потому что думает, что издали такая растительность похожа на волосы». С помощью такого приема сохраняется игра слов и близость перевода содержанию оригинала [2].

Чаще всего, в таких случаях произношение двух слов отличает незначительно, а мысль автора вполне легко понять.

Приведем другой пример:

A policeman pulled over a speeding motorist and asked, “Do you have any ID?”

The motorist replied, “About what?”

Английское слово ID означает «документы», но на слух также может быть воспринято как idea «идея». Однако при переводе анекдота на русский язык необходимо создать каламбур, который также произведет комический эффект: Полицейский спрашивает гонимца на мотоцикле: «Права?». Та отвечает: «Я всегда права» [2].

В заключение, стоит отметить, что перевод юмора – довольно сложная

задача. Недостаточно просто знать иностранный язык, важно знать и понимать культуру общества исходного текста, и суметь передать идею целевой аудитории, не теряя при этом смысла. В большинстве случаев при попытке буквального перевода игры слов русские слова не производят того же эффекта, что и оригинал, так как в переводимом языке отсутствуют необходимые формы слова или его значения. В таких ситуациях необходимо создавать новый перевод, используя различные слова и понятия, которые воспроизвели бы игру слов на целевом языке и передали бы смысл шутки.

Список использованных источников

1. Александрова Е. М. Парадигматический, синтагматический и хиастический типы языковой игры в разноструктурных языках // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. - 2011. - №2. - С. 96-100.

2. Долгова А. О. Лингвистические трудности перевода английского юмора (на примере английских шуток и анекдотов) // Гуманитарные технологии в образовании и социосфере: сб. науч. ст. / редкол.: О. И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2016. С. 139-145.

3. Каширина Л.О., Зеленцова М.Г. К вопросу о специфике перевода юмористических элементов сатирического жанра в художественном тексте // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 248-252.

4. Шалыга Д.А. Проблема передачи комического (на материале переводов произведений современной немецкоязычной литературы) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции: в 2-х томах. – 2016. – С. 533-535.

5. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/communication>. (дата обращения: 21.01.2020).

6. Zaballbeascoa P. Humor and translation – An interdiscipline // Humor - International Journal of Humor Research. - 2005. - №Volume 18–2. - С. 185-207.

УДК 81'25

ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Л. П. Тарнаева,

*доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры иностранных
языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург*

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении национально-культурных особенностей специальной лексики профессионального

дискурса. На ряде примеров показано, что специальная лексика зачастую несёт в себе информацию о национально-культурных особенностях мировосприятия носителей лингвокультуры, в рамках которой она функционирует. На основе сопоставительного лингвокультурологического анализа были проанализированы способы передачи культурно-специфических смыслов, заключённых в языковых единицах, средствами языка перевода.

Ключевые слова: профессиональный дискурс; специальная лексика; культурно-специфические смыслы; лингвокультурологический анализ.

Abstract. The study aims at identifying culturally marked character of the special vocabulary of professional discourse. A number of examples show that special vocabulary often manifests peculiar characteristics of the national worldview. Based on the method of contrastive linguocultural analysis the author identifies the ways of rendering culture-specific meaning of professional vocabulary by means of the target language.

Key words: professional discourse; special vocabulary; culture-specific meaning; contrastive linguocultural analysis.

Пространство межкультурной коммуникации составляют национальные дискурсы, в которых проявляются культурно-специфические характеристики коммуникативного поведения участников речевого общения в лингвистическом и экстралингвистическом плане. Способность корректно интерпретировать культурно-маркированную информацию, заключённую в речевом поведении участников межкультурной коммуникации, и находить адекватные способы её вербализации средствами иного языка, не нарушая риторических традиций языка перевода, является важнейшим профессиональным качеством языковой личности переводчика.

Культурно-специфические смыслы могут быть заключены в текстах различной функциональной направленности. Профессиональный дискурс, будучи предметно-обусловленным преломлением национального дискурса, не составляет в этом плане исключения. Распознавание культурно-детерминированных смыслов, заключённых в языковых единицах, зависит от индивидуального опыта участников общения, от понимания одних и тех же языковых фактов разными людьми, которые обладают разными представлениями, ассоциациями и оценками [3]. Смысл всегда связан с актуализацией прошлого опыта участников общения, от оценочно-эмоциональных компонентов сознания личности, он возникает как объективное следствие, вытекающее из информации, которая содержится в высказывании [4].

Передача культурно-специфических смыслов является одной из важных и в то же время сложных проблем перевода, поскольку переводчик, как подчёркивается в исследованиях, переводит не слова, а смысл, который вложен в эти слова, текст перевода по сути представляет собой воплощение того смысла, который переводчик приписывает данному тексту [5].

Соответственно, любой текст, понимаемый в семиотическом плане, выступает в качестве динамического механизма, способного трансформировать информацию и порождать новую [2]. Логично предположить, что культурно-детерминированные смыслы, возникающие в пространстве межкультурного общения, протекающего с участием переводчика, прежде чем дойти до конечного адресата, претерпевают целый ряд культурно обусловленных трансформаций. Корректная передача культурно-специфических смыслов переводческого дискурса, во многом обуславливает успех межкультурной профессионально-ориентированной коммуникации в целом.

В вербальном выражении культурно-специфические смыслы проявляются на любом языковом уровне. В профессиональном общении национально-культурная специфика вербальной стороны дискурса с особой очевидностью проявляется на уровне специальной лексики. Многие лексические единицы профессионального дискурса свидетельствуют об особенностях образного представления носителей языка об объектах реального мира, несут в своей семантической структуре эмотивные и / или оценочные коннотации, эксплицируют специфику стереотипных представлений носителей определённой лингвокультуры, отражают ментально-культурную оценку объекта, сложившуюся под влиянием целого ряда историко-культурных факторов.

Своеобразие культурно-ценностного осмысления познаваемых объектов действительности можно проследить, в частности, во многих номенклатурных единицах специальной лексики. К примеру, в русских наименованиях оружия часто прослеживается своего рода «художественное», эстетическое мировосприятие субъектов номинативной деятельности, например: *ракетные комплексы Бирюза, Хризантема, Синева, глубоководная система гидроакустической разведки Гармония, артиллерийские установки Акация, Гиацинт, Пион, Тюльпан, Гвоздика, мобильный ракетный комплекс Тополь, сверхзвуковая крылатая ракета Оникс* и др. Можно только гадать, что побуждает авторов создавать такие наименования. Возможно, ими движет коммуникативная интенция к созданию юмористической тональности с целью вызвать эмпатическую реакцию реципиентов. Интересно отметить, что в наименованиях оружия блока НАТО подобных метафор с юмористической тональностью не обнаруживается (примеры для сравнения: противотанковая управляемая ракета *Dragon*, военные самолёты *Flanker-H* (*flanker* / удар во фланг), *Nighthawk* / ночной ястреб, *Fighting Falcon* / сражающийся сокол и т.п.), *Apache* / Апачи – ударный вертолёт AH-64E (по названию одного из воинственных индейских племён) и т.д.

При переводе на русский язык, как показывают приведённые выше примеры, используются в основном такие приёмы, как калькирование и транскрипция. Однако нередко случаи переводческой «трансплантации» (термин предложен В.В. Кабакчи), при этом часто применяется

параллельное сопровождение или же добавление элементов словосочетания, как это иллюстрируется переводом следующего фрагмента:

The Lockheed Martin F-16 Fighting Falcon has been the mainstay of the U.S. and allied air forces for decades / *Ff-16 Fighting Falcon* («Амакующий сокол»), выпускаемый компанией *Lockheed Martin* в течение уже нескольких десятилетий остается основой американских и союзнических военно-воздушных сил [Иносми (а): ИР] (название самолета – параллельное сопровождение, названия компании – добавление элемента словосочетания).

Свидетельством своеобразия символического осмысления познаваемых объектов действительности могут служить идиоматичные единицы специальной лексики, понимаемые как свойство единиц разного языкового уровня (слов, сочетаний слов, предложений), проявляющееся в невозможности полностью вывести их значение из суммы значений элементов, вычленяемых в их формальном строении [6]. Сам факт возникновения идиоматичности свидетельствует об особенностях национального языкового сознания: в идиоматичности выражается ментально-культурная оценка объекта, сложившаяся под влиянием целого ряда историко-культурных факторов, проявляются стереотипные представления данного сообщества о качестве номинируемой реалии. В таких единицах происходит своеобразное «приращение нового смысла», в результате чего языковая единица зачастую приобретает «эстетическое значение» [1]. В качестве примера идиоматичной речевой единицы специальной лексики можно привести номен *Белый лебедь* (Ту-160 – сверхзвуковой стратегический бомбардировщик). Эти самолёты красивы, изящны и действительно похожи на белых лебедей в полёте. Нетрудно заметить, что в метафорическом обозначении Ту-160 носителями русского и английского языков проявляется личностный фактор – даётся не характеристика объекта как такового, а выражается отношение к нему, впечатление, ощущение, связанное с ним. В образном представлении носителей русского языка прослеживается своего рода «художественное» начало – грозная военная машина концептуализуется образом птицы, которая в мифологическом арсенале русской культуры закрепила как символ величия, благородства, чистоты помыслов. Английское же соответствие – *Black Jack* / *Черный Джек* (по классификации НАТО) служит показателем иного отношения к объекту номинации – оценочное отношение формируется прототипической антитезой *свет / тьма (black)*. Кроме того, отрицательную коннотацию несёт в своей семантике имя *Jack* в его нарицательном варианте (*black jack* / а) *дубинка*; б) *пиратский флаг*; в) *Jack in office* / *бюрократ, чинуша* и т.д.

В ряде единиц специальной лексики проявляются особенности концептуализации реального мира носителями языка. Так, культурно-специфические способы образования ментальных конструкторов,

отражающих отношения между объектами и явлениями реального мира, можно проследить в широко используемой в англоязычном профессиональном дискурсе словообразовательной модели фразового уровня например: **Print-on-Demand** / изготовление книги в соответствии с заказом (терминология издательского бизнеса); **bridge of the nose** / переносица, **Management-by-Walking-around** (сокращенно **BWA**) – стиль управления компанией, когда руководитель решает определённые вопросы, посещая работников на их рабочих местах); **Airy-fairy** / персонал военно-воздушных сил (дословно – витающий в облаках) и т.д.

Подобные единицы специальной лексики свидетельствуют о том, что для языкового сознания носителей англо-саксонской культуры свойственна организация сложной концептуальной структуры в виде свернутой схемы, которая вербализуется аналитической структурой.

Проявление схематичности в построении ментальных конструкторов, отражающих объекты или явления реального мира, наблюдается также в такой особенности англоязычного профессионального дискурса как широкое использование атрибутивных групп, по сути являющихся аналитическими структурами, например: **Technical Information Phone Service** / телефонная служба технической информации; **concrete towel constructional building crane** / строительная машина по заглаживанию бетонных поверхностей; **Free Rocket Anti-Submarine** / неуправляемая тактическая ракета и т.д.

При переводе на русский язык такие структуры передаются посредством лексико-грамматических преобразований. Примером может служить перевод следующего фрагмента: *In this case, after the initial chirp of gravitational waves signaling the onset of the merger, the “fireworks” consisted of a two-second-long gamma-ray burst (GRB) followed by a weeks-long, multi-wavelength afterglow – and “anyone” proved to be nearly every astronomer and physicist on Earth who had found out about the event* / В данном случае, когда первоначальный импульс гравитационных волн подал сигнал о начале слияния, фейерверк состоял из **вспышки гамма-излучения длиной в две секунды и послесвечения разной длины волн, которое длилось несколько недель** [Иносми (б): ИР].

Приведённые выше примеры свидетельствуют о том, что специальная лексика профессионального дискурса часто несет в себе информацию о национальных особенностях мировосприятия носителей лингвокультуры, в рамках которой она функционирует. Успешность каждой конкретной ситуации межкультурного общения, опосредованного переводом, во многом зависит от умений переводчика корректно интерпретировать культурно-специфические смыслы переводческого процесса, «гармонизируя» с помощью корректного перевода сам процесс межкультурного профессионального общения.

Список использованных источников

1. Ларин Б. А. О методах и предпосылках эстетики языка // Ларин Б.А.

Эстетика слова и язык писателей. Избранные статьи. М., Л.: Художественная литература, 1974. С. 34–42.

2. Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. С. 12-148.

3. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. СПб: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.

4. Новиков А. И. Смысл: семь дихотомических признаков // Теория и практика речевых исследований. М.: МГУ, 1999. с. 132-144.

5. Пшеницын, С. Л. О смысловых различиях при переводе // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка: Сборник статей. - СПб.: Тригон, 2000. С. 76-83.

6. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М., 2006.

Интернет ресурсы

1. Иносми (а): Смертельно опасный российский Су-35 против американского F-16: кто окажется победителем? [Интернет-ресурс] Режим доступа: <https://inosmi.ru/military/20171004/240425366.html>

2. Иносми (б): Чему нас учат гравитационные волны? [Интернет-ресурс] Режим доступа: <http://inosmi.ru/science/20171018/240551538.html>

УДК 378.147

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ НА ОСНОВЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ МАЛОЙ ФОРМЫ

Л. А. Тархова,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт социальных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования лингвострановедческой компетенции будущих переводчиков посредством обогащения их устной и письменной речи английскими фольклорными текстами малой формы – пословицами и поговорками. Раскрывается значение таких понятий, как лингвострановедческая компетенция, пословицы и поговорки, а также рассматриваются формы их реализации в речи. Предложены методические рекомендации по обучению студентов данным фольклорным формам и формированию у них лингвострановедческой компетенции.

Ключевые слова. Будущие переводчики, профессиональная подготовка, лингвострановедческая компетенция, пословицы и поговорки

Summary. The article deals with the problem of future translators' lingua country study competence formation by means of enriching their oral and written speech with the proverbs and sayings. Some theoretical items on the problem of lingua country study, proverbs and sayings and their use in speech are reflected. The recommendations of teaching English proverbs and sayings to the students

and the ways of lingua country study formation are offered.

Key words. Future translators, professional training, lingua country study competence, proverbs and sayings.

Курс на гуманизацию образования, который проводится в нашей стране, подразумевает отказ от узко прагматических целей изучения иностранных языков. В современных концепциях обучения иностранный язык рассматривается как отображение культур народа, а овладение иностранным языком – ознакомление с иноязычной культурой и усвоение мировых духовных ценностей. Эта тенденция является главной в настоящий момент в изучении иностранных языков. Предметом исследования данной работы является изучение английских пословиц и поговорок, что предусматривает ознакомление с историей и культурой страны, язык которой изучается, с традициями и ментальностью народа в процессе знакомства с его фольклорными единицами.

Актуальность исследования заключается в том, что изучение пословиц и поговорок даёт возможность овладеть языком как способом межкультурной коммуникации и предусматривает овладение особенностями языкового и неязыкового поведения носителей языка в определённых ситуациях говорения. По нашему мнению, употребление в речи пословиц и поговорок способствует обогащению активного словарного запаса, пониманию переносного значения слов.

Множество известных учёных-лингвистов изучали вопросы этнокультурной семантики лексических и фразеологических единиц (О. С. Ахманова, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров и др.). Однако, анализ литературы свидетельствует о том, что теоретические и методологические основы использования этих единиц в речи ещё недостаточно разработаны, мало внимания уделяется пословицам и поговоркам как коммуникативным единицам, их лингвистический статус среди текстов малого жанра тоже не определён однозначно.

Национальные особенности культуры наиболее ярко выражаются в языке. Они между собой так тесно переплетаются, что незнание языка в значительной степени усложняет понимание национальной культуры. Язык – это сложный многоплановый социальный феномен, который не только является способом общения, но и создаёт историю развития нации. Это значит, что знание национально-культурных особенностей говорения, а также и языка, является неотъемлемым условием успешного овладения иностранным языком.

Страноведческий подход сегодня является одним из основных принципов обучения иностранным языкам и предполагает ознакомление с историей, культурой страны, образом жизни народа в процессе изучения языка. Наличие культуры в содержании обучения можно смоделировать более полно, выделив так называемый культурный компонент, который включает знание национальных реалий, наиболее важных исторических событий, своеобразное видение мира, а также навыки и умения, связанные

со стандартными ситуациями, характерными для данной страны. Тезис о взаимосвязанности изучения иностранного языка и знакомства с культурой страны, язык которой изучается, целенаправленно рассматривается лингвострановедением, которое, по мнению Е. М. Верещагина, занимается изучением языка с точки зрения её культурной функции [1].

Изучая язык, студенты одновременно погружаются в новую национальную культуру, знакомясь с духовным наследием народа. Однако, как утверждает Е. М. Верещагин, язык сам по себе не делится информацией, которую содержит, необходимы усилия как подготовленного преподавателя, так и правильно ориентированного студента, чтобы расшифровать эту информацию [1]. На современном этапе решающее значение приобретает тот факт, что будущий переводчик должен владеть иностранным языком как способом межкультурного общения. Это предполагает формирование у него лингвострановедческой компетенции, которая является неотъемлемой частью профессионально-коммуникативной компетенции.

Анализ литературы по проблеме межкультурной коммуникации позволяет выделить знания и умения, которые составляют сущность лингвострановедческой компетенции, под которой мы подразумеваем способность осуществлять межкультурную коммуникацию. Данная компетенция основывается на знаниях лексических единиц с национально-культурным компонентом и умении адекватно их использовать в ситуациях межкультурного общения, а также умении использовать фоновые знания для достижения взаимопонимания в ситуациях межкультурного общения.

Национальное своеобразие культуры народа выявляется прежде всего в специфике создания образности окружающей его действительности, в использовании реалий, характерных именно для данной этнокультуры. Существует огромное множество разнообразных афоризмов, которые свидетельствуют о тесной взаимозависимости культурных и языковых факторов. К ним относятся такие формы фольклора, как скороговорки, загадки, пословицы и поговорки.

Пословицы и поговорки являются автоматизированными фразами. В словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой даётся определение пословицы как образно законченного высказывания, которое имеет поучительный характер и, как правило, специфическое ритмо-фонетическое оформление. Под поговоркою понимается образное высказывание, которое отличается своей синтаксической незавершённостью [5, с.328]. Е. М. Верещагин считает пословицы и поговорки чем-то вроде моста между фразеологизмами и народным творчеством [1, с.88].

Между тем, ни по содержанию, ни по функции пословицы и поговорки не относятся к фразеологическим единицам. Они являются самостоятельными как по содержанию, так и по структуре. А. В. Кунин подчёркивает особенность фразеологических единиц и считает, что благодаря этому пословицы и поговорки выделяются в особый класс –

коммуникативно-фразеологические единицы [4, с.207].

Несмотря на противоречия во взглядах различных лингвистов, несомненным остаётся тот факт, что данные единицы выражают мнение народа, в них содержится народная оценка жизни. Известно, что не всякое высказывание становится поговоркой, а только такое, которое согласуется с образом жизни и мыслями большинства людей. Именно такое высказывание может существовать тысячелетиями и переходить из поколения в поколение.

Для того чтобы проверить возможность использования английских пословиц и поговорок как способа формирования лингвострановедческой компетенции студентов, был проведён эксперимент с целью выяснения эффективности использования пословиц и поговорок в ситуациях, когда данные единицы характеризуют конкретную нацию. Исследование проводилось на втором курсе Севастопольского государственного университета в группе студентов-будущих переводчиков.

В процессе проведения эксперимента, направленного на улучшение лингвострановедческой компетенции студентов-будущих переводчиков с помощью пословиц и поговорок, мы учитывали их возрастные особенности. Поэтому мы выбрали упражнения, которые носят проблемный характер, стимулируют обмен мыслями, приводят к размышлениям. В процессе организации учебного процесса на практических занятиях по английскому языку использовались приёмы, которые помогают выразить собственное отношение к поставленной проблеме; применялись различные формы самостоятельной работы.

Разработанный комплекс упражнений на данном этапе эксперимента был направлен прежде всего на понимание значений пословиц и поговорок, умение объяснять происхождение выражения. Обучение проводилось на основе специально подобранных текстов, где исследуемые единицы встречались в соответствующем контексте.

Подбор учебных текстов для экспериментальной группы проводился на основе следующих критериев: наличие необходимых лексических единиц, интересное содержание, достаточный уровень сложности. Подача новых знаний начиналась с демонстрации и пояснения пословиц и поговорок. Работа над текстом проводилась в два этапа: выполнение рецептивно-коммуникативных упражнений на понимание определенных высказываний из текста и условно-речевых упражнений, в которых внимание студентов было направлено на трудности выбора, комбинирование, оформление языковых единиц. К данной группе упражнений относятся следующие:

- нахождение образных выражений в тексте;
- составление предложений с паремийными высказываниями;
- пересказ текста с данными пословицами и поговорками.

На втором этапе выполнялись следующие упражнения:

- сравнение пословиц и поговорок с соответствующими

синонимичными выражениями;

- перевод и нахождение соответствующих эквивалентов в русском языке;
- обоснование расхождений в переводах данных выражений с точки зрения лингвострановедения;
- подбор антонимичных выражений.

Основное внимание при подборе материала уделялось внутренней форме. Нас интересовали пословицы, в которых лингвострановедческая информация заложена не в самом буквальном значении, а в его подтексте. Приведём несколько примеров английских пословиц с непростой внутренней формой.

Good wine needs no bush – хороший товар в рекламе не нуждается. Семантика данной пословицы понятна и без дополнительной лингвострановедческой информации, но лексема “bush” потребует пояснения с учётом исторического контекста. С точки зрения этнографии, значение данной пословицы объясняется очень просто: в Англии у трактирщиков существовал старинный обычай вывешивать ветку плюща как знак того, что у них есть вино. “Bush” в данном случае является признаком национальной принадлежности, придаёт выражению народный колорит и оттенок архаичности.

При введении или закреплении нового материала мы уделяли внимание сравнению английских и русских паремий. Так, рассматривая английские паремии, связанные с погодными условиями, студенты обратили внимание на то, что благодаря географическому положению погода на Британских островах очень переменчивая. Погодные условия играют важную роль в жизни населения, поэтому упоминание их в языке полностью закономерно. В русском языке аналогичных пословиц немного, т.к. погодные условия России не так существенно влияют на привычный жизненный уклад народа. Поэтому в большинстве случаев такие поговорки переводятся на русский язык с помощью соответствующих эквивалентов:

- Make hay, while the sun shines. – Коси коса, пока роса.
- While it's fine weather mend your sails. – Готовь сани летом, а телегу зимой.
- The sun will shine down our street. – Будет и на нашей улице праздник.
- It never rains, but it pours. – Пришла беда – отворяй ворота.

Для закрепления подобной лингвострановедческой информации выполнялись творческие задания, например: написание сочинений-миниатюр, когда студентам предоставлялась свобода для самостоятельных размышлений. Информация о страноведческой сущности пословиц и поговорок использовалась не только для того, чтобы расширить словарный запас студентов, но и дать им знания о стране, язык которой изучается.

Можно сделать вывод, что благодаря изучению национально маркированных паремийных высказываний значительно активизируется

познавательная деятельность студентов, т.к. они изучают английский язык не только с точки зрения грамматики и лексики, но и получают информацию об истории и этнографии Великобритании. Предложенная методика рассчитана на творческий подход для работы с фольклорным материалом, используя который студенты могут разнообразить свою речь англоязычными паремийными высказываниями. Повышению эффективности изучения фольклорных единиц в вузе способствует оптимальное соединение таких приёмов обучения, как составление высказывания, беседа, наблюдение над использованием паремий в устной и письменной речи, сопоставление паремий в английском и русском языках, определение их морали и культурной ценности.

Список использованных источников

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. яз., 1980. 320 с.
2. Герасименко И. Е. Лингвокультурология как комплексная научная проблема // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. Филологические науки, 2012, No3 (23), Т.2. – Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=26> (Дата обращения 15.01.2020).
3. Колова С. М. Страноведческая компетенция и критерии отбора лингвострановедческого материала для интерактивного курса «Английский язык в социокультурном аспекте». – Режим доступа: <https://dspace.susu.ru/xmlui/bitstream/handle/0001.74/4126/22.pdf?sequence=1> (Дата обращения 15.01.2020).
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк. 1996. 381с.
5. Словарь лингвистических терминов / Сост. О.С. Ахманова. М.: УРСС, 2004. 569 с.

УДК 811.111

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИИ ГРАНТОВОЙ ПРОГРАММЫ «ЭРАЗМУС+»

М. Е. Титова,

педагог иностранных студентов, Академия Русского балета имени А.Я. Вагановой, Санкт-Петербург; магистрант второго курса, кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

Аннотация. Цель статьи: рассмотреть актуальные методы перевода терминов, которыми оперирует грантовая программа «Эразмус+» («Erasmus+»). Используются методы лингвистического анализа, сравнительно-сопоставительный метод, сравнительно-исторический метод, контекстологический анализ, а также методы и приёмы перевода отдельных лексических единиц. Отобрав наиболее емкие термины грантовой

программы «Эразмус+», мы составили свою классификацию грантовой терминологии по семантическому принципу и представили свой вариант перевода данных терминов на русский язык. Нами были сделаны выводы о том, что терминологическое поле обладает своими отличительными характеристиками; термины однозначны, т.е. имеют в своем составе не более одного значения в пределах данной системы, а грантовая программа «Эразмус+» оперирует собственными терминами, часто не имеющими аналога в русском языке.

Ключевые слова: термин, терминология, Эразмус+, перевод терминов, сравнительно-исторический метод

Summary. The purpose of the article is to consider current methods for translating terms operated by the «Erasmus +» funding programme. When writing this article, we used the following methods: linguistic analysis method, comparative historical method, context analysis, as well as methods and techniques for translating individual lexical units. Having selected the most capacious terms of the grant program «Erasmus +», we found it possible to compile our own classification of grant terminology according to the semantic principle. Next, we analyzed the terms of our sample, using the comparative historical method for studying terminology, and also presented our own version of the translation of these terms into Russian. We have concluded that the terminological field has its own distinctive characteristics; the terms are unambiguous, i.e. have in their composition no more than one value within the framework of this terminological system, and the «Erasmus +» funding programme operates with its own terms, which often have no analogue in the Russian language.

Key words: term, term base, Erasmus+, translation of terms, comparative historical method

Современная лингвистика под понятием «терминологии» подразумевает некую совокупность терминов, употребляемых в том или ином языке или в определенной сфере деятельности людей. В процессе понимания термина в качестве единицы терминологии точки зрения современных лингвистов нередко расходятся: в понимании термина различается несколько концепций, представленных в работах Г. О. Винокура [5], А. А. Реформатского [13], В. В. Виноградова [4], Б. И. Головина [7], А. В. Суперанского [14] и В. И. Литовченко [9] и других.

При изучении и анализе терминов исследователи также выделяют различные методы их исследования – исторический, логико-лингвистический, прикладной и другие [8, с. 4]. Проанализировав различные точки зрения и научные концепции, мы пришли к выводу, что в нашей работе мы будем использовать методы, описанные А. И. Моисеевым [12, с. 50–53], а именно, сравнительно-исторический метод, в котором нами будет указана этимология и историко-хронологический анализ термина.

Рассмотрим подробнее грантовую программу «Эразмус+». «Эразмус+» – это программа Европейского Союза в области образования,

спорта и обучения молодежи на период 2014 – 2021 годы. Данная программа позволяет ее участникам поддерживать основную цель проекта: реализацию роста рабочих мест и внедрение социальной интеграции. Популярность «Эразмус+» стремительно увеличивается, что привлекает потенциальных молодых специалистов. Так или иначе, далеко не все обладают достаточным уровнем владения английского языка. Чтобы подобные трудности не создавали каких-либо преград на пути к интеграции в международную научную и научно-профессиональную деятельность, нами были отобраны специфичные для данной грантовой программы термины, не имеющие аналогового перевода в русском языке. Это позволило нам предоставить собственный вариант перевода, который в последствии может оказать помощь молодым специалистам, не владеющим английским языком, в подаче грантовых заявок [10, 11].

При работе с документами грантовой программы «Эразмус+» нами был отобран 31 термин, которые мы распределили на 3 группы по семантическому принципу: 1) имена существительные; 2) субстантивные словосочетания; 3) аббревиатуры.

Так, к первой группе мы отнесли такие слова, как, например, applicant, apprenticeship, beneficiary, certificate, co-financing, consortium, youthpass. Ко второй группе относятся следующие слова: basic skills, blended learning, call for proposals, clerical error, credit mobility, dialogue mechanisms, diploma supplement, dual career, force majeure, higher education modernisation agenda, job shadowing, open method of coordination, profit-making body active in corporate social responsibility. Третья группа включает в себя такие аббревиатуры, как: ECHE, ECTS, ECVET, EQAVET, EQF, ESCO, NGO, MOOC, SMEs, VET.

Приведенные выше термины были нами проанализированы в первую очередь согласно сравнительно-историческому методу исследования терминологии: так, среди терминологических единиц первой группы фигурирует, например, термин «applicant». Рассмотрим его историческое развитие, а именно этимологию, взяв за основу электронный этимологический словарь Дугласа Харпера (Online Etymology Dictionary by Douglas Harper): «Applicant» – «one who applies, candidate," late 15c., from Latin applicantem (nominative applicants), present participle of applicare "attach to, join, connect» – Тот, кто подает заявку, кандидат, образован в конце 15 в., от латинского слова «applicantem» (именительный падеж «applicants»), представляет причастие заявителя «присоединиться, присоединиться, соединиться. Свой вариант перевода: «кандидат, претендент».

«Apprenticeship» – этимология: «1590s; see apprentice (n.) + «-ship». Replaced earlier apprenticeship (late 14c.)» – 1590-е; см. «apprentice» (ученик) (сущ.) + -ship. Заменено на «apprenticeship» (раннее ученичество), конец 14 в. Наш вариант перевода: «обучение»; примененный переводческий прием – модуляция.

«Beneficiary» – этимология: «1610s (n.) one who receives profits or

advantages, 1620s (adj.) connected with the receipt of profits or advantages, probably via French *bénéficiaire*, from Latin *beneficiarius* enjoying a favor, privileged, from *beneficium* a favor, service, generosity, kindness, benefit, from *beneficus* generous, kind, benevolent, obliging, from *bene-* good, well» – Тот, кто получает прибыль или преимущества (сущ., 1610-е). 1620-е: Связанные с получением прибыли или преимуществ (прил.) – вероятно, идет отсылка к «French *bénéficiaire*», от латинского «*Beneficiarius*» – «пользующийся привилегией», и от «*Beneficium*» – «одолжение, обслуживание, щедрость, доброта, выгода; щедрое, доброе, доброжелательное, обязывающее. Вариант перевода в грантовой деятельности – грантополучатель.

Далее мы рассмотрели аббревиатуры, которые были образованы исключительно в рамках грантовой программы «Erasmus» («Эразмус»), и также вызывают затруднения при понимании и переводе [2, 6]. Ввиду отсутствия четкой этимологической трактовки, мы провели описательный анализ приведенных ниже аббревиатур:

«ECHE» – (Erasmus Charter for Higher Education) / наш вариант перевода: «Устав Программы «Эразмус» для Высшего Образования». Прием перевода: описательный перевод. *Примечание: «Устав Программы «Эразмус» для Высшего Образования» – аккредитация, предоставленная Европейской комиссией, дающая высшим учебным заведениям право принимать участие в мероприятиях в рамках Эразмус+.*

«ECTS» – (European Credit Transfer and Accumulation System) / наш вариант перевода: «Европейская Система Передачи и Накопления Кредитов». Прием перевода: описательный перевод. *Примечание: «Европейская Система Передачи и Накопления Кредитов» – система, ориентированная на учащегося, для накопления и передачи кредитов на основе прозрачности процессов обучения, преподавания и оценки.*

«ESCO» – (multilingual classification of European Skills, Competences, Qualifications and Occupations) / Многоязычная Классификация Европейских Навыков, Компетенций, Квалификаций и Занятий (определяет и классифицирует навыки и компетенции, квалификацию и профессии, имеющие отношение к рынку труда в Европе).

Отобрав термины и изучив их, мы сделали вывод о том, что применение сравнительно-исторического метода их анализа оправдано, так как именно этимология и историко-хронологический анализ термина позволил нам в полной мере проследить становление и развитие данных терминологических единиц. Однако, несмотря на значимость и универсальность исторического метода в исследовании терминологии, мы столкнулись с затруднениями, которые были вызваны аббревиатурами.

Нами были выявлены следующие примы перевода терминов [1, 3]: калькирование (передача комбинаторного состава слова, т.е. морфемы или лексемы переводятся соответствующими элементами языка перевода) — *applicant* / кандидат, *deadline* / крайний срок, *apprenticeship* / обучение; описательный перевод (словосочетание, раскрывающее значение термина)

— consortium / объединение нескольких предприятий для совместной деятельности, youthpass / опция, позволяющая поддерживать признание результатов обучения молодых людей, а также их участие в проектах, организованный программой «Erasmus»; генерализация: job shadowing / кратковременное пребывание в партнерской организации в другой стране с целью получения обучения, обмена передовым опытом, приобретения навыков и знаний.

Аббревиатуры имеют собственные способы перевода: передача иностранного сокращения эквивалентным русским сокращением, заимствование иностранного сокращения (с сохранением латинского написания), передача буквенного состава иностранного сокращения русскими буквами (транслитерация), передача фонетической формы иностранного сокращения русскими буквами (транскрипция), описательный перевод, создание нового русского сокращения [2, 6]. Самым оптимальным способом трактовки аббревиатур нам показался описательный метод исследования, который, несмотря на визуальное расширение лексической единицы, полностью раскрывал значение сокращенного слова (аббревиатуры).

Таким образом, терминологическое поле грантовой программы «Эразмус+» обладает своими отличительными характеристиками: у многих терминов отсутствует аналоговый перевод, что вызывает определенные трудности в понимании и восприятии информации специалистами, не владеющими английским языком. Термины, вопреки общему мнению, не затрагивающему грантовую деятельность, могут иметь в своем составе более одного значения. Тем не менее, они точны, имеют некую строгость в выражении значения; семантически мотивированны; системны, т.е. имеют взаимосвязь с другими терминами определенной терминосистемы; не имеют синонимов; в их составе отсутствуют омонимы и эмоционально-экспрессивная окраска и т.д. Несмотря на это, подобные признаки проявляются у терминов крайне непоследовательно: одни из них свойственны далеко не всем терминам, другие же распространяются не только на термины, но и на общеупотребительные слова и словосочетания, на что обращают внимание многие лингвисты. Это говорит нам о том, что терминосистема – сложный «мир», в котором действуют свои строго установленные порядки.

Список использованных источников

1. Анисимова А. Г. Лексикографический аспект проблемы перевода полисемантических терминов (на примере экономических терминов и терминов банковского дела). М., 2014. С.172–183. [Электронный ресурс] URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26153641_71182534.pdf (дата обращения 05.06.2019)
2. Борисов В. В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М., 2012. 132 с.
3. Вильданова Г. А. Теория и практика перевода: (на материале

английского языка). М.- Берлин: Директ-Медиа, 2015. 111 с. [Электронный ресурс] URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=362968> (дата обращения: 13.12.2019).

4. Виноградов В. В. Вопросы терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 234 с.

5. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Тр. МИИФЛИ. М., 1939. Т. 5. 420 с.

6. Галкина Е. Н. Перевод аббревиатур и акронимов на русский язык // Россия и Запад: диалог культур. М., 2011. 117 с.

7. Головин Б. Н. Термин и слово // Термин и слово. Межвуз.сб. Изд. ГГУ. Горький, 1980. С. 3–12.

8. Есенина Е. Ю. Методы изучения и систематизации терминологии в теории педагогической науки и профессионального образования. М.: МПГУ, 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18875689_77447488.pdf (дата обращения 28.05.19).

9. Литовченко В. И. Классификация и систематизация терминов. Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М. Ф. Решетнева, 2006. С. 156–159.

10. Лопухова Ю. В., Юрина М. В. Содержание учебного материала как важный аспект изучения иностранного языка при использовании модульного обучения. Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 326–329.

11. Максимчик О. А., Макеева Е. Ю. Библиометрия в оценке результатов эффективности научных исследований и влияния журналов: целесообразность и перспективы. Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 2-4. С. 775–778.

12. Моисеев А. И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы науднотехнической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 127–138.

13. Реформатский А. А. Термин как член лексической системы // Проблемы структурной лингвистики 1967. М.: Наука, 1968. 104 с.

14. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы и теории. М.: Наука, 1989. 246 с.

15. Hill A. Introduction to Linguistic Structures. New York, 2010. 144 p.

УДК 81'25

ПЕРЕВОДЫ В ИХ ОТНОШЕНИИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Э. В. Фомин,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный
институт культуры и искусств, Чебоксары*

Аннотация. В работе на материале чувашской литературы

рассматриваются взаимосвязи переводных текстов и национальной беллетристики. Автором устанавливается пятистратная полевая структура чувашской литературы, две из которых напрямую связаны с переводом. По сути через перевод происходило становление чувашского метатекста и литературных традиций в целом.

Ключевые слова: чувашская литература, художественный перевод, межлитературные связи.

Summary. The work on the material of the Chuvash literature examines the relationship of translated texts and national fiction. The author establishes a fivefold field structure of the Chuvash literature, two of which are directly related to translation. In fact, through the translation, the formation of the Chuvash metal and literary traditions took place.

Keywords: Chuvash literature, literary translation, literary communication.

Цель настоящей работы – рассмотреть значение переводов в становлении национальной литературы. В основу исследования положен чувашский материал.

Перевод – важная составляющая этнической литературы. Через него происходит освоение ценного художественного опыта пассионарных культур.

Схематично структуру чувашской литературы можно представить в следующем виде (см. табл.).

Значение	Страты
узкое	1. Тексты, исходно созданные на чувашском языке.
широкое	2. Тексты, переведенные на чувашский язык.
	3. Чувашские тексты, переведенные на другие языки.
	4. Тексты чувашских писателей, созданные на других языках.
	5. Иноязычная литература о чувашах (?)

Разбиение на страты традиционно происходит на языковой основе. Каждая следующая страта содержит чувашский языковой материал все более в меньшей степени. Именно этим в приведенной схеме объясняется предшествование инокультурной страты (2) и следование за ней литературы генетически чувашской, но уже существующей в переводе на иные языки (3).

1. Тексты, исходно созданные на чувашском языке. Национальная принадлежность литературного текста происходит на основе того, на каком языке он создан изначально. Данный подход соответствует узкому определению национальной литературы и формирует ее центр.

Чувашская литература генетически испытала значительное влияние русской. Она создавалась писателями, читавшими литературу на русском языке, тогда как население было одноязычным и неграмотным. Писатели копировали русские образцы, заимствовали формы, под ее влиянием осваивали поэтические средства. Так, М. Федоров (1848–1904) создал

балладу «Арсури» («Леший») в ходе безуспешной попытки перевести поэму «Бесы» А. Пушкина, П. Хузангай (1906–1970) под влиянием романа «Евгений Онегин» написал роман в стихах «Аптраман тавраш» («Род Аптраманов»).

Формирование центральной страты происходило непосредственно под влиянием переводов.

2. Тексты, переведенные на чувашский язык. Старочувашская письменная культура (XVIII в. – 1871 г.) основана на переводах богослужебной литературы с церковно-славянского и русского, а также на первых порах с родственного казанско-татарского [4, с. 34–50]. Поскольку христианству присуще фетишизированное отношение к слову, переводы на чувашский язык осуществлялись на пословном принципе. В условиях разной природной сущности контактирующих языков – славянской и тюркской – переводы получались неудачными. Итогом старочувашского периода стало осознание порочной сути пословного подхода к переводу и необходимости перевода смыслового [1, с. III–XVI].

В яковлевский период новочувашской культуры (1871–1917) переводы получили мощное развитие. Главным образом переводилась литургическая литература с ее жесткой регламентацией языкового материала, но уже с новыми представлениями о переводе, что в результате в кратчайшие сроки позволило создать развитый чувашский литературный язык [3, с. 18].

Переводные произведения вплоть до середины XX в. выступали важным элементом чувашской литературы. Об этом можно судить хотя бы по тому, что практически половину объема школьных хрестоматий чувашской литературы того времени занимали переводные тексты русских писателей. Не удивительно, что чувашскими стали осознаваться переводные тексты, созданные еще в XIX в. на русском языке писателями чувашского происхождения. В частности, такая участь постигла рассказы первого писателя из чувашей С. Михайлова (1821–1861).

Главным источником переводов на чувашский язык до сих пор остается русская литература. Необходимость данного подхода в условиях, когда чувашаи уже владеют русским языком лучше, чем родным, сомнительна.

Переводы позволили чувашской литературе с истоков сложиться в качестве литературы европейского образца достаточно высокого уровня.

3. Чувашские тексты, переведенные на другие языки. Переводы главным образом осуществляются с чувашского на русский, также представлены переводы на многие языки, в частности, на английский, венгерский, татарский, турецкий, украинский, французский, шведский, японский. Но последние, в отличие от последовательных русских, носят фрагментарный характер.

Переводы с чувашского на другие языки по-прежнему необходимы. Они позволяют сохранить миноритарную чувашскую культуру в составе

мажоритарных. Более важен другой вопрос – что переводить? Локальная этническая классика вряд ли вызовет интерес изысканного читателя.

Перевод на родные языки напрямую с чувашского, минуя подстрочники, – идеальный вариант, но менее возможный. Обычно переводы с чувашского осуществляются через русское посредство. Исключения редки. Таковы, например, прямые переводы А. Афанасьева с чувашского языка на удмуртский поэмы К. Иванова «Нарспи», драмы П. Осипова «Айтар» («Айдар»), А. Рогожина на эрзянский поэмы «Нарспи», М. Такач на венгерский язык рассказов Е. Лисиной «Ўа́кӑр чӗлли» («Кусок хлеба»), «Хӗле кӗрес умӗн» («Предзимье»), М. Гото на японский книги Е. Лисиной «Ўӗнӗл ачисем» («Дети Синьяла»).

Примечательно заключение литературоведа Г. И. Федорова о важности перевода в судьбах мастеров художественного слова, считавшего произведения чувашского писателя Ю. Сковцова на уровне романов Ч. Айтматова. Но киргизскому писателю повезло с переводчиками, что позволило его признать классиком мировой литературы. Чувашский же автор остался почитаемым исключительно в чувашской среде.

4. Тексты чувашских писателей, написанные на иных языках. Литературный билингвизм, прежде всего чувашско-русский, не был присущ писателям вплоть до последнего времени, поскольку существовала успешная система их перевода и устойчивая национальная читательская аудитория. Однако изменения в языковой ситуации, развитие технологий, кризисные явления в этническом литературном творчестве в последние годы привели ряд авторов к двуязычию.

В настоящее время некоторые авторы начали создавать свои произведения на русском языке, в последующем по необходимости совершая переводы на чувашский. В этом плане интересны наблюдения за творчеством Е. Лисиной, писавшей на чувашском языке даже в условиях Москвы. С переездом в Чувашию писательница часть текстов начала создавать уже на русском («Брат Садри, или я не хочу, чтобы Фатима плакала», «Плач по брату»).

Другой причиной иноязычного творчества чувашских авторов является недостаточно хорошее знание родного языка. Наблюдения показывают, что русское художественное творчество местных авторов не пользуется признанием. Показателен такой пример: роман Н. Сорокина, уроженца чувашского селения Татарии, «Вечная Волга» («Аттеҫӗм Атӑл») стал известен читателю только благодаря его переводу на чувашский язык.

5. Иноязычная литература о чувашах – необычная страта. Ее причисление в состав чувашской условно и поддерживается непрямым краеведческим и этнологическим интересом.

Коллекционирование текстов иноязычных авторов берет начало с работы Ф. Уяра «Русские писатели о чувашах» (1946), содержащей фрагменты произведений таких известных литераторов, как А. Пушкин, Л. Толстой, Н. Гарин-Михайловский, С. Есенин, В. Маяковский [2]. С

одной стороны, сборник следует квалифицировать в качестве тематической антологии, с другой – как научное издание. Безусловно, настоящий подход желательно расширить в сторону коллекционирования разноязычных текстов о чувашском народе.

Резюме. Специфику чувашской литературы создает центр (1), а периферийные страты (2–5), прежде всего связанные с переводческой деятельностью (2, 3) обеспечивают устойчивые межлитературные связи. Переводы позволили чувашской литературе на рубеже XIX–XX вв. через русскую культуру стремительно освоить художественный опыт европейского образца.

В настоящее время актуальным остается перевод лучших произведений чувашских писателей на другие языки и перевод на чувашский произведений современной мировой классики.

Список использованных источников

1. Золотницкий Н. И. Заметки для ознакомления с чувашским наречием: вып. 1 : отд. звуковой / Братство св. Гурия. Казань : Университет. тип., 1871. 64, [14] с.
2. Русские писатели о чувашах. – 2-е изд., доп. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2009. 589 с.
3. Фомин Э. В. Научный стиль чувашского языка конца XIX – начала XX веков. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 131 с.
4. Фомин Э. В. Чувашская книга конца XVIII – начала XX вв. – Чебоксары : Пегас, 2013. 138 с.

УДК 37.048.3

GAME MODELING IN THE PRACTICE OF TRAINING UNIVERSITY STUDENTS

М. В. Фоминых,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры германской филологии,
ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-
педагогический университет», Екатеринбург*

Б. А. Ускова,

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры германской филологии,
ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-
педагогический университет», Екатеринбург*

Summary. The relevance of this article is determined by the fact that the peculiarity of teaching in modern schools is largely determined by the increase in the amount of information, constant modernization and complication of educational programs. In this regard, the traditional process of university education in the general and educational activities of students is undergoing a serious rethinking, which determines the need to find teaching methods that contribute to the development of pedagogical abilities, as well as the active position of the student in this process. The authors propose a definition of game

modeling. Game modeling is a new technology in the process of teaching University students; the study of any phenomena, processes or systems by building and studying their models in the game; the use of models to determine the behavior and characteristics of real systems in game situations.

Key words: university, game modeling, basic training, student, training.

Аннотация. Актуальность данной статьи определяется тем, что особенность преподавания в современных школах во многом определяется увеличением количества информации, постоянной модернизацией и усложнением образовательных программ. В связи с этим серьезному переосмыслению подвергается традиционный процесс вузовского обучения в общей и учебной деятельности студентов, что определяет необходимость поиска методов обучения, способствующих развитию педагогических способностей, а также активной позиции студента в этом процессе. Авторами предлагается определение игрового моделирования. Игровое моделирование – новая технология в процессе обучения студентов университетов; исследование каких-либо явлений, процессов или систем путем построения и изучения их моделей в игре; использование моделей для определения поведения и характеристик реальных систем в игровых ситуациях.

Ключевые слова: университет, игровое моделирование, базовая подготовка, студент, обучение.

The analysis of scientific and theoretical literature allowed us to establish that the entire history of the development of human thought is permeated by a constant desire to understand the nature of man, to understand the reasons for his any activity. The great thinkers of antiquity - Heraclitus, Democritus, Lucretius, Plato, Socrates, Aristotle - laid the philosophical foundations of the method of game modeling, which is gaining popularity among teachers. Under the model A. Stoof [9] understands such a mentally represented or materially realized system that displays and reproduces an object so that its study gives new information about this object. Recently, views on the existing education system have changed dramatically: society has already become imbued with the idea that both the content and methods and means of training and education should be more flexible, adapted to the changing world. Strengthening the focus on the individual becomes one of the priorities in the development of the education system. Society needs specialists who fully understand the essence of their activities and are able to take responsibility for the product of this activity.

Game modeling relies on such important methodological rules, as a partnership style of game interaction and space-time limits of the scope of communication between the parties of game learning, based on the principle of «here and now». A. P. Panfilova considers modeling in the conventional interpretation - as a process of studying objects of knowledge on their models; building models of real objects and phenomena (social systems, processes of professional activities, etc.) [8].

Modeling, in turn, is due to the fact that any game is a model of life. Based

on the research of domestic and foreign scientists in the field of game modeling, in relation to our research, we can determine that game modeling is a heuristic tool for the study of certain pedagogical phenomena, processes, or various pedagogical systems by building and studying their models for the purpose of their further application in pedagogical practice; this is an important tool for developing the student's pedagogical abilities in the process of studying the content of academic disciplines [3,6,7]. It is carried out through "immersion" in a specific situation, modeled for learning and educational purposes, and assumes the most active position of the students themselves.

The main functions of the model are simplification of obtaining information about the properties of an object; transfer of information and knowledge; management and optimization of objects and processes; forecasting; diagnostics. Due to the ambiguity of the concept of "model" in science and technology, there is no single classification of modeling types: classification can be carried out by the nature of models, by the nature of simulated objects, by the areas of application of modeling (in engineering, physical Sciences, Cybernetics, etc.). The modeling process includes three elements: the subject (researcher); the object of research; a model that defines (reflects) the relationship of the cognizing subject and the object to be known.

After analyzing the work of game modeling researchers in detail [1,2,4,5], we have come to the conclusion that game activity often seems unproductive, since its results are delayed in time and are expressed in the form of mental knowledge, skills, experience, behavior and way of thinking, which are very difficult to measure, however, it is much more effective than many traditional ways of learning. the need to develop practical skills in the game interaction mode requires compliance with a set of general principles:

- the principle of educational orientation of game modeling (expressed in the transfer and assimilation of new knowledge, skills and abilities. Moreover, students do not receive "ready-made knowledge", but come to it themselves due to their activity);

- the principle of the exercise (including the activity of the participants); preparedness (concerns the individual motivation of the participants of the game training and the internal desire to do everything possible for making a decision on the proposed issue);

- the control circuit of the game interaction process includes blocks: conceptual, scriptwriting, production and stage block, analysis, criticism and reflection block, the block of evaluation of the work of game participants and the block of providing information.

We have found that using game modeling to prepare a student of a vocational pedagogical university for teaching activities is due to:

- developing the ability to express ideas and suggestions;
- improving interaction skills with different people;
- practicing the ability to spontaneously answer questions and solve unusual situations;

- visualization of collected ideas;
- development of pedagogical tact skills;
- opportunities to develop your mind, because you need to build an intrigue and implement it;
- development of psychological plasticity;
- developing the ability to navigate real-life situations, playing them repeatedly in your fictional world;
- developing an active attitude to life and purposefulness in fulfilling the set goal.

The main attributes of game modeling are the imitation of a particular aspect of human activity; participants in the game modeling get a variety of roles that determine the interests and incentives in the game.

Thus, game modeling is a multidimensional dynamic formation. The complexity of the problem under study leads to the fact that game modeling is still quite a topic of discussion: there is still no unified view of the hierarchy of game modeling types in the specialized literature. The analysis of philosophical, pedagogical, and psychological-pedagogical research has shown that the study of game modeling has acquired a special scientific and theoretical significance. However, game modeling is a little-studied issue.

Bibliography

1. Bogomaz I. V. Scientific and methodical bases of teaching students of engineering and construction specialties in a projective-informational approach. The Dissertation Autoabstract on the degree of the Doctor of the Pedagogical Sciences, Moscow. 2012. 37 p.
2. Bogomaz I. V. Organization of independent work for students of the correspondence courses based on modern educational technologies. // Educational Informatics. - 2004. - Vol. No. 3. - S. 201-205.
3. English language teaching method problem solving [Electronic Resource] // <http://www.putra-sasak.blogspot.ru/2013/02/english-language-teaching-method.html> (дата обращения: 19.01.2020).
4. Gillies R.M. & Boyle, M. Teachers' reflections on cooperative learning: Issues of implementation. Teaching and Teacher Education, 26(4). 2010. 933-940.
5. Gromyko V. V. State policy in the UK education (review) // State and education: the experience of the western countries.- M. INION, 1992. - S.89-92.
6. Hussein H. Using the problem solving approach to teach writing to EFL learners // The English teacher. 2012. Vol. XLI(2). Pp. 144–159.
7. Lerner I. Y. About the methods of teaching / Lerner I. Y., Skatkin M. N. // Owls. Pedagogy. - 1965.- №3. - 218.
8. Panfilova A. P. Game modeling in teacher's activity : School-book for universities students / under the editorship of V. A. Slastjonin, I. A. Kolesnikova. M.: Publishing house «Academy», 2006. 366 p.
9. Stoof A., Martens R. L., van Merriënboer J. J. G., Bastiaens T. J. What is competence? Constructivist approach as a way out of confusion [Electronic

Resource] // Human Resource Development Review. 2002. Vol 1. Issue 3. P. 345–365. Available from: <https://doi.org/10.1177/1534484302013005>. (дата обращения: 19.01.2020).

УДК 811.12

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА РОМАНА ДАНИЭЛЯ КЕЛЬМАНА «Ф»

Е. Г. Хитарова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии,
факультет романо-германской филологии, Кубанский государственный
университет, Краснодар*

В. В. Шабашова,

*студент магистратуры кафедры технологии и предпринимательства,
факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский
государственный университет, Краснодар*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема эквивалентности перевода на примере современной литературы. Целью статьи является контрастивный анализ романа «Ф» немецкого писателя Даниэля Кельмана (Daniel Kehlmann „F“) в переводческом аспекте. Применяя научные методы анализа и описания, авторами выделены и описаны различные подходы к решению проблемы эквивалентности перевода на сегодняшний день.

Ключевые слова: текст, язык, стиль, перевод, эквивалентность, композиционный анализ, контрастивный анализ, культура, современный роман.

Summary. This article discusses the problem of translation equivalence on the example of modern literature. The aim of the article is a contrasting analysis of the novel "F" by the German writer Daniel Kehlmann "Daniel" in the translation aspect. Using scientific methods of analysis and description, the authors have identified and described various approaches to solving the problem of translation equivalence today.

Key words: text, language, author's style, translation, equivalence, compositional analysis, contrastive analysis, culture, modern romance.

Перевод текстов является одним из древнейших видов деятельности в истории человечества. Своими корнями он уходит в эпоху Древнего Египта, когда задачей переводчика было обеспечение контакта между разноязычными государствами, с ходом истории появляется понятие письменного перевода, в основном в Средние века это были библейские тексты, которые переводились в соответствии с законом сакральности дословно. Позже с развитием культуры и письменности появляются понятия нотариально заверенного и понятие художественного перевода.

С ходом развития перевода возникают и умозаключения, касающиеся вопросов перевода. Появление первых критик перевода можно встретить в

работах Марка Тулия Цицерона, который считал дословный перевод не специальной формой перевода, а признаком языковой бедности переводчика. Именно Цицерон впервые стал упоминать в своих работах такие важные понятия для переводоведения как «содержание» и «форма» [5].

Понятия «содержание» и «форма» отражают главную задачу перевода – передать точное и целостное содержание исходного текста средствами другого языка, но при этом, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности, то есть, сохранив то, как и чем выражено содержание. Таким образом, анализируя степень передачи содержания и формы Цицерон дал начало развитию такой науки как критика перевода. Основное развитие критика перевода получила из работ теолога св. Иеронима, занимавшегося переводом Священного писания и осмыслением проблем перевода библейских текстов. Он провел обширный сопоставительный анализ Священного писания, популяризовав его таким образом в культурных массах [5].

Основным понятием критики перевода было и остается понятие «эквивалентности перевода», определяющее степень общности содержания исходного текста и текста перевода, то есть смысловую близость. Таким образом, из данного определения вытекает следствие об оценочном характере данного понятия. Передача смысла и выбор средств для его передачи подлежат характеристике с позиции плохо/ хорошо.

К проблеме эквивалентности, к пониманию самого термина подходили различные ученые-лингвисты по-разному. Так, А.В. Федоров использует вместо термина эквивалентность термин полноценность и говорит, что полноценность включает «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника» [6, с. 117].

При научной критике перевода целесообразно руководствоваться эмпирическим подходом к определению переводческой эквивалентности, который представлен в работах В.Н. Комиссарова. При создании теории по определению эквивалентности В.Н. Комиссаров ориентировался на контрастивный анализ выполненных переводов. Ученый-лингвист выделил и описал в своём научном труде «Теория перевода (лингвистические аспекты)» пять уровней эквивалентности, на которых могут устанавливаться эквивалентность между оригиналом и переводным текстом [4]. Но при анализе этих уровней, несомненно, можно понять, что субъективный фактор присутствует на каждом из уровней. Особенно актуальна переводческая индивидуальность в работе с художественным текстом, представляющим собой множественность значений, подтекстов, аллюзий, художественных средств выразительности.

Личность переводчика индивидуальна и выбор стратегии перевода обусловлен не только языковой компетенцией переводчика, но и эрудицией, экстралингвистическими знаниями, личным мировоззрением. Безусловно, в процессе перевода необходимо достигать денотативную, коннотативную,

текстуально-нормативную, прагматическую и формальную эквивалентность и придерживаться норм теории перевода, но нельзя исключать тот факт, что процесс перевода – процесс творческий и выполняется он конкретным человеком с набором своих индивидуальных черт характера, обладающим индивидуальным восприятием художественных элементов.

Лекторы, обучающие студентов филологическому анализу текста, очень часто руководствуются тем, что анализ текста, уникальный в своем роде, можно произвести при ознакомительном чтении оригинала, когда студент отвечает сам себе на вопрос «Что я чувствую?», проникается эмоциями текста, а не анализирует по определённым схемам и методикам. Поэтому процесс интерпретации текста бесконечен в виду бесконечности человеческой индивидуальности. Что же касается перевода как процесса работы с текстом, то предпереводческим этапом и является процесс художественного анализа. Не поняв текст на эмоциональном уровне, вряд ли можно перевести художественный текст, это будет лишь имитация перевода, сведенная к дословному переводу текста. Знание языка для осуществления перевода необходимо, но относительно, что нельзя сказать о знании культуры народа переводимого текста. Поэтому следует подчеркнуть двойственный характер переводческого процесса, который отражается в словах Д. Касагранде «Переводятся не языки, а культуры» [7, с. 488].

Целью исследования является анализ перевода произведения современности на материале романа известного немецкого писателя Даниэля Кельмана «Ф». Ведь события современности находят свое отражение на страницах художественной литературы (Star Wars, Superman, Batman, Gorbatschow, Honecker, Facebook, Google, Youtube) и, переплетаясь с человеческим прошлым (Virginia Woolf, MaxFrisch), религиозным составляющим (Jesus Christus, das Evangelium, erster Briefdes Apostels Paulusandie Korinther), которое не отнять ни у какой культуры, создают особую атмосферу – атмосферу сегодняшнего дня, которую можно почувствовать именно через литературные источники, не из жизни, так как будучи участником этой современности, мы являемся лишь ее свидетелем, и подобное участие приносит другие чувства, нежели события через призму авторского стиля.

Одной из наиболее сложных проблем перевода является передача авторского стиля, которому посвящено множество теоретических работ. Известный ученый в области переводоведения В.С. Виноградов пишет о том, что при переводе авторский стиль зачастую нарушается [1]. Так, при контрастивном анализе романа Даниэля Кельмана «Ф» читатель сталкивается с подобными примерами: «Erhatte **Scheu** vor diesem Mannempfunden, aberzugleich, ohne dass er hätte es sagen können, warum, auch **Mitleid**» [8.S.114] - «Он боялся этого человека – и в то же время, сам не зная почему, испытывал к нему жалость.» [2, с. 116]. В тексте перевода мы видим

добавочную конструкцию «испытывал к нему», что нарушает авторский замысел – компрессию слов. Автор применяет прием компрессии для накаливания и обострения у читателя чувства «воспринять» и «почувствовать», а не описать ситуацию, как происходит в тексте перевода, и подобных примеров можно встретить много.

Передача денотативного значения кажется на первый взгляд не такой существенной и острой, но представленные примеры из романа показывают обратное. «Sabinewarfett» [8, S. 43] – «Сабина была толстухой» [2, с. 43] - в тексте оригинала мы видим стилистически нейтральное прилагательное *fett* (WörterbuchDUDEN), переводчик стилизует его как разговорное в виде существительного с коннотацией насмешки над лишним весом в виде существительного женского рода, хотя данное предложение с учетом коннотативного и денотативного значения исходного текста можно было бы перевести как «Сабина была полной /Сабина была полноватой». В переводческой критике по поводу подобных случаев всегда встают вопросы «А не допускает ли переводчик вольности?», но подобное доказывает о индивидуальном восприятии текста оригинала.

Отдельного внимания заслуживает перевод сакральных текстов (молитвы), который требует знаний канонов религии языка, на который переводится текст: «Vaterunser, derdu, geheiligtwerde, deinReich, deinWille, <...>erlöseuns, amen.» [8, S. 99] - «Отче наш, сущий, да святится, да придет, да будет, <...> избавь нас, Господи, аминь.» [2, с. 100]. В данном примере не очень ясно почему переводчик опускает намерено перевод слов «Reich» - «царствие», «Wille» - «воля», ведь если обратиться к тексту молитвы христиан на русском языке, то «да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя» (Молитва Господня. Отче наш. – Электронный ресурс). Это является потенциалом дальнейшего исследования.

Умение разграничивать и умело употреблять в переводе разговорную лексику от просторечий, сниженной лексики важно при переводе, ведь последняя имеет коннотативный оттенок грубости (Словарь синонимов А.П. Евгеньева). Поэтому погружение в этимологию слова является необходимым и обязательным условием. Приведем пример «Ich könnteauchklingeln, aber nach dem siemich so abgefertigthat, brauchteicheinenstärkeren Auftritt.» [8, S. 176] - «Мог бы, конечно, и позвонить, но после того, как она так меня отчихвостила, нужно подавать себя повнушительнее.» [2, с. 178]. Употребление переводчиком слова «отчихвостить» (просторечие) по отношению к «abfertigen» (стилистически нейтральное разговорное слово) на наш взгляд является необоснованным, хотя можно понять стремление стилизовать под современный разговорный стиль. При анализе данного романа можно встретить немало подобных примеров: «Ein **kleiner** Mannmit Schnurrbart, einriesenhafter Dicker, ein Clown mit grotesknachuntengesogenem Mund.» [8, S.188]– «Усатый **недомерок**, громадный толстяк, клоун с утрированно печальной миной – куда катится мир, думал он.» [2, с. 189] – прилагательное с нейтральной окраской **klein**

переводчик перевел словом с оскорбительной оценкой в отношении низкого роста **недомерок**. Или наоборот повышение стиля речи: «KeinersagteeinWort.» [8, S. 61, 112, 167, 239]– «Воцарилось молчание.» [2, с. 61, 112, 168, 240], «Auf einen Schlag ist es still.» [8, S.78] – «Вмиг воцаряется тишина.» [2, с. 79].

Особенно интересным представляется передача иронии при переводе, так, в примере из романа «Ф» Д. Кельмана «Schiefe Karos, rotaufschwarzem Untergrund, danebeneinwindschiefes, rundumerbärmliches Strichmännchen. Auch ich hätte das malen können.» [8, S. 197] встречается слово Strichmännchen, которое обозначает фигурку человечка, нарисованного палочками. В данном предложении речь идет о известной картине немецкого художника Пауля Клее «Die Strichmännchen». Переводчик, видя в следующем предложении иронию, выраженную через Konjunktivi слова auch на первом местеперед ich, переводит название картины отрывком из песни к детскому мультфильму «Осьминожки» «палка-палка-огуречик», так как важнее передать иронию героя, чем просто перевести название картины, которое, вероятно, не каждому читателю будет понятным - «Косые ромбы, красные на черном фоне, рядом перекошенный, откровенно жалкий человечек –палка-палка-огуречик, – я и сам бы мог такое нарисовать.» [2, с. 199].

В каждом языке отражается специфика культуры народа, поэтому при переводе возникает вопрос о релевантности ее проявления. В примере «Vielleichtkannnder Herrein Wundertun.» [8, S. 52] - «Или, может быть, свершится чудо.» [2, с. 52] мы видим, что «чудо» (Wunder) творится (tun) руками человеческими (derHerr), так как немецкой культуре присуще целеполагание на порядок, созданный человеческими руками, ничего просто так не свершается, если проследить всегда есть исполнитель этого чуда, что нельзя сказать про культурные обычаи и веру русского народа в чудеса, свершившиеся по чей-то воле и исполнитель никогда не выходит на «сцену», он остается в закулисе.

В завершении исследования следует сделать вывод, что процесс передачи смысла безусловно контролируется правилами и нормами переводоведения с одной стороны, а с другой стороны этот процесс является творческим и индивидуальным. Критика перевода будет лишь регулировать и на основе уже созданных переводов и с учетом критики будут создаваться новые переводы, так как именно критика позволяет посмотреть на текст под другим углом.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1973. 240 с.
2. Кельман Даниэль «Ф»: роман; [пер. с нем., Т. Зборовская]. М.: изд-во АСТ, 2017. 352 с.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС, 2001. 424 с.

4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. Шк., 1990. 253 с.
5. Нелюбин Л. Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2018. 415 с.
6. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие для ин-тов и факультетов иностр. языков СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
7. Casagrande J. B. The Ends of Translation // International journal of American Linguistics. – 1954. – Vol. 20. – #4. – P. 487–499.
8. Kehlmann Daniel Roman «F». – Rowolt Verlag GmbH, Reinbek bei Hamburg. 2013. 384 S.

УДК 81-26: 347.78.034

**ОСОБЕННОСТИ ОТОБРАЖЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С КОМПОНЕНТОМ «ДЕНЕЖНАЯ ЕДИНИЦА»
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

К. Р. Хоркина,

*магистрант кафедры теории и практики перевода, Институт
иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

М. Г. Зеленцова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики
перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию национально-культурной семантики фразеологизмов с компонентом «денежная единица» и особенностям ее отображения при переводе. В работе исследуется проблема адекватного перевода фразеологических единиц. Проанализированы особенности номинации немецкоязычных фразеологических единиц с компонентом деньги, а также трудности при отображении их в языке перевода.

Ключевые слова: фразеологизм, денежная единица, немецкий язык, фразеологические единицы.

Summary. The article is devoted to the study of the national-cultural semantics of phraseological units with the «monetary unit» component and the features of its display during translation. The paper investigates the problem of adequate translation of phraseological units. The features of the nomination of German-language phraseological units with the money component are analyzed, as well as the difficulties in displaying them in the target language.

Key words: phraseological unit, monetary unit, German language.

Фразеологизмы с ярко выраженной национально-культурной семантикой является неотъемлемой частью и одним из средств

формирования языковой картины мира для определенного этноса – носителя языка. И именно фразеологические единицы позволяют лучше понять особенности определенной нации и стать ближе к культуре страны. Изучение фразеологии требует использования данных других наук – лексикологии, грамматики, стилистики, фонетики, истории языка, истории, философии, логики и страноведения [5, с. 302].

Фразеологизмы имеют историческое или литературное основания, которое и объясняет употребление тех или иных слов. Поэтому большая часть фразеологизмов отражает особый глубоко национальный характер языка страны, поскольку прямое значение многих фразеологизмов связано с историей страны и обычаями предков. Они часто встречаются в разговорной речи и литературных произведениях. Фразеологизмы также отражают национальный колорит, и, знакомясь с фразеологией, можно узнать больше о стране, культуре и в языке.

Денежная единица также является частью материальной культуры народа и источником знаний о стране. Деньги – это продукт, который функционирует как общепринятый эквивалент. За долгую историю Германии на ее территории в обращении были разные денежные единицы, названия которых впоследствии вошли в состав фразеологических единиц немецкого языка. [3, с. 312]

Многие русские исследователи, среди них В. В. Виноградов [2], а также зарубежные, среди которых W. Fleischer [8] и H. Burger [7], обращались к вопросу межъязыковых фразеологических соответствий. Так как на выбор способа перевода влияет степень прозрачности внутренней структуры и характер национальной окраски фразеологических единиц, хотелось бы выделить классификацию В. В. Виноградова, основанную на классификации Ш. Балли. [4, с. 145]

В классификации В. В. Виноградова выделяется три типа фразеологизмов: фразеологические сращения, единства и сочетания. Также он выделяет пять типов соответствий образным фразеологизмам: аналогии, эквиваленты, описательный перевод, контекстуальная замена и калькирование [2, с. 139]. Для анализа способа перевода фразеологических единиц из «Немецко-русского фразеологического словаря» Биновича Л. Э. и Гришина Н. Н. [1], а также «Нового немецко-русского и русско-немецкого словаря фразеологизмов и устойчивых словосочетаний» Шекасюка Б. П. [6] были отобраны 24 ФЕ, содержащие обозначения денежных единиц.

К примеру, фразеологическое сочетание «bei Groschen sein» можно перевести с помощью фразеологического эквивалента «быть при деньгах». Эквивалент – неполный, так как русский вариант содержит общее обозначение «деньги», а не их название. В зависимости от контекста сиюминутности или продолжительности ситуации такой же перевод может получить фразеологический оборот «Er hat aber Pfennige!» – «Да он при деньгах!».

Пфенниг – это немецкая разменная монета, которую начали

изготавливать в X веке. С названием этой монеты связан целый ряд фразеологизмов, используемых в современном немецком языке. Например: *den Pfennig ansehen* – быть очень экономным (описательный перевод); *jeden Pfennig (zweimal /dreimal) umdrehen* – беречь каждую копейку (эквивалент); *keinen Pfennig Geld haben* – не иметь ни копейки (эквивалент); *nicht für fünf Pfennig* – нисколько (описательный перевод); *mit dem Pfennig [mit jedem Pfennig] rechnen* – считать каждую копейку (эквивалент); *keinen [nicht einen] Pfennig wert sein* – и ломаного /медного гроша не стоить (эквивалент).

Слово «Pfennig» в немецких фразеологизмах имеет значение чего-то мелкого, маленького или небольшой суммы (денег). В русском языке ему можно подобрать эквивалент – «копейка» и считается, что это целесообразно, поскольку пфенниг равен одной сотой марки, а копейка, соответственно – одной сотой рубля.

Самой распространенной серебряной монетой средневековья был грош (*der Groschen*). Название происходит от латинского слова – «*grossus*», то есть толстый. В XVI веке эта монета в большинстве стран вышла из обихода, но в Германии она сохранилась. Грош считался народным названием монеты. Рассмотрим несколько примеров фразеологических единиц с этим словом: *keinen Groschen für etw. zahlen (ich zahle dafür keinen Groschen!)* – и даром не нужно, *seine paar Groschen zusammenhalten* – накопить денег, *sehr auf die Groschen sein* – быть жадным. Примеры показывают разные способы перевода.

Грош – это монета небольшой стоимости, но, несмотря на это, она символизирует собой определенную сумму денег, возможно, даже большую. Это можно объяснить тем, что с латинского грош означает толстый, а следовательно, имеет значение чего-то большого.

Долгое время до XVIII века в обращении была серебряная монета талер, что нашло отражение в немецкой фразеологии. Представленные ниже примеры переводятся с помощью аналогов: *manchen Taler springen lassen* – потратить немало денег; *jmd. tut so, als wenn jedes Wort einen Taler kostet* – от него слова не добьешься; а также эквивалента: *keinen Taler wert sein* – не стоить ни копейки.

Талер во фразеологизмах с положительным значением он означает большую сумму. Во фразеологических единствах с отрицательным значением, как и в случае названий других денежных единиц, важным становится само упоминание денег как чего-то ценного. Если описательно переводить эти ФЕ, то лучше всего подойдет слово «ничего».

Целый ряд фразеологизмов содержит наименование более поздней немецкой денежной единицы, марки: *jede Mark umdrehen* – быть очень экономным; *keine mude Mark* – ни копейки; *die schnelle Mark machen wollen* – стремиться быстро разбогатеть, *eine (die) schnelle Mark verdienen* – быстро заработать деньги; *die lumpigen paar Mark* – жалкие деньги.

Сначала марки изготавливали только в виде монет, поэтому в фразеологических оборотах под ними подразумевают небольшую сумму

денег. В некоторых фразеологизмах старые обозначения уже вышедших из употребления денежных единиц заменили на новое, полностью сохранив структуру фразеологизма. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что значения данных фразеологизмов осталось прежним, хотя название денежной единицы изменилось. Некоторые из таких ФЕ уже можно фиксируются с обозначением современной валюты: *jeden Euro zweimal umdrehen* – беречь каждую копейку.

Словари фиксируют также ряд фразеологизмов, в состав которых входят названия других денежных единиц: *keinen (nicht einen) Deut wert sein* – ломаного гроша не стоит (эквивалент); *der letzte Dreier* – (эквивалент) последняя копейка; *ein paar Kreuzer* – немного денег; *das kostet einen ganzen Batzen* – (эквивалент) это стоит уйму денег; *ein guter (hübscher, schöner) Batzen Geld* – (эквивалент) большой куш.

На основании выше изложенного можно прийти к выводу, что фразеологические единицы, в состав которых входит обозначение денежных единиц, представляют большую группу немецких фразеологизмов. Данные ФЕ отражают разные этапы истории Германии. Ряд ФЕ имеет одинаковую структуру за исключением одного элемента: название старых денежных единиц заменено на название новых денежных единиц. Для многих ФЕ в русском языке существуют эквиваленты, большей частью неполные. Большая часть эквивалентов содержит название «копейка», поэтому перевод теряет национальный колорит оригинала и уже не ассоциируется с Германией, немецкой историей и культурой, а получают другой национальный колорит. Некоторые неполные эквиваленты не имеют никакого национального колорита, так как переводятся с помощью генерализации.

Список использованных источников

1. Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1975. 656 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 139-162
3. Зеленцова М.Г., Козлова А.Т. Фразеология и идиоматика англоязычного экономического дискурса: проблемы перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 124-129.
4. Литвинов П. П. Фразеология. М.: Примстрой. 2001 401с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2001. 208 с.
6. Мельник В.В., Пасекова Н.В. Английские фразеологизмы с компонентом деньги и проблема их отображения при переводе // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 238-243.
7. Немецко-русский фразеологический словарь. Под ред. д-ра Малиге Клаппенбах и К. Агрикола. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: «Русский язык», 1975.

656 с.

8. Шевчук-Черногородова М.А. Универсалии фразеологических систем русского, английского и французского языков // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы II международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 643-648.

9. Шекасюк Б. П. Новый немецко-русский фразеологический словарь (более 12 000 устойчивых словосочетаний). М.: КД Либроком, 2019. 864 с.

10. Burger H. Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2007. 239 S.

11. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliografisches Institut Leipzig, 1997. 251 S.

УДК 378

ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗа

А. А. Хрулёва,

кандидат педагогических наук, ассистент кафедры иностранной филологии и методики преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Ялта

Аннотация. Статья посвящена проблеме повышения мотивации к обучению как необходимой составляющей образовательного процесса. Предлагая различные задания, преподаватель создает условия для практического использования знаний и навыков студентами, повышает мотивацию изучения языка, обеспечивая эффективную визуализацию учебного процесса. Формирование мотивов изучения иностранного языка является обязательным элементом работы педагога. Предложены пути повышения мотивации к изучению иностранного языка обучающимися неязыковых специальностей ВУЗа.

Ключевые слова: мотивация, иностранный язык, образовательный процесс, ВУЗ, неязыковые специальности.

Summary. The article is devoted to the problem of increasing motivation for learning. Offering various tasks, the teacher creates the conditions for the practical use of students' knowledge and skills, increases the effectiveness of language learning, and provides an effective visualization of the educational process. The formation of motives for learning foreign languages is an essential element of the teacher's work. The ways of increasing motivation to study foreign languages of students of non-linguistic specialties of the university are proposed.

Key words: motivation, foreign language, educational process, university, non-linguistic specialties.

Специалист, который владеет иностранным языком и активно использует его в профессиональной деятельности, имеет выгодные

перспективы в трудоустройстве, возможность стажироваться за рубежом, участвовать в международных проектах и конференциях, ознакомиться с зарубежным опытом по специальности. Однако уровень владения иностранным языком профессионального направления подавляющим большинством студентов неязыковых специальностей ВУЗов остается невысоким. Основной причиной данного явления считаем низкую мотивацию студентов к обучению и профессиональной деятельности.

Эффективное применение мотивации позволяет выявить внутренние резервы личности для ее развития, обучения и воспитания, поскольку через мотивацию можно влиять как на продуктивность деятельности, так и на развитие самой личности [4, с. 32].

Проблемы мотивации учебной деятельности становились предметом отечественных и зарубежных исследований. вопросам повышения мотивации учебной деятельности студентов посвящены работы И. Л. Бим, Л. А. Гринчишина, И. А. Зимней, Н. А. Качалова, Г. А. Китайгородской, Н. С. Назаренко. Однако, несмотря на повышенный интерес к различным аспектам этого явления, наблюдается снижение целенаправленности образовательных мотиваций студентов [1, с. 157].

В педагогике мотивация считается наиболее бесспорным фактором успешности обучения в целом и изучения иностранного языка в частности. В педагогическом словаре Г. М. Коджаспировой, А. Ю. Коджаспирова предлагается следующее определение мотивации: «вся совокупность стойких мотивов, побуждений, определяющих содержание, направленность и характер деятельности личности, ее поведения» [3, с. 89]. Р. А. Готлиб отмечает, что мотивация – это такая движущая сила, которая побуждает человека к успешному изучению иностранного языка. Однако слишком высокий уровень мотивации вызывает нежелательные (отрицательные) эмоции и способствует плохой успеваемости студентов по этому предмету. Необходимо найти золотую середину, чтобы изучение иностранного языка вызвало у студента огромное желание учить язык, радость и удовольствие от обучения, удовлетворенность результатами своего труда [2, с. 122].

Анкетирование, проведенное в группах студентов первого курса обучения неязыковых специальностей Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (всего было опрошено 104 обучающихся), позволило выявить основные мотивы изучения иностранного языка студентами неязыковых специальностей: обязательность изучения дисциплины в ВУЗе; особая заинтересованность в изучении иностранных языков; желание понимать фильмы и тексты песен на иностранном языке; способность читать художественную/профессиональную литературу в оригинале; свободно общаться с носителями языка; перспектива учиться за рубежом; перспектива лучшего трудоустройства по специальности в России; перспектива трудоустройства за рубежом; перспектива уехать за границу на постоянное жительство.

Подавляющее большинство студентов-первокурсников Гуманитарно-педагогической академии изучают иностранный язык с целью свободного общения с носителями языка (31%), преодоление языкового барьера для них является главной задачей. Значительное количество студентов считает важным мотив поиска работы и карьерного роста. Они убеждены, что для высокообразованного человека поиск престижной, хорошо оплачиваемой работы зависит от знания одного и более иностранных языков. 28% респондентов изучают иностранный язык с целью лучшего трудоустройства по специальности в своей стране; 16% интересуется трудоустройством за рубежом. Мотив понимания речи зарубежных фильмов и текстов песен на иностранном языке играет для обучающихся важную роль, 7% респондентов определили этот мотив как один из важных. С целью продолжения учебы за границей иностранный язык изучают 6% студентов, а целью для 5% обучающихся является выезд за границу на постоянное жительство. Среди опрошенных респондентов 3% предложили мотив понимания научных и художественных текстов. Некоторые студенты (2%) изучают иностранный язык, потому что он является обязательной дисциплиной в учебном плане; а также 2% респондентов имеют особый интерес к изучению иностранных языков, так как им нравится сам процесс обучения.

Для повышения мотивации к изучению иностранного языка студентами неязыковых специальностей предлагаем следующее:

- предоставьте обучающимся право выбора. Например, позвольте им выбрать тип задания, которые они должны делать, форму – устно или письменно, перевод текста или диалог с изученного текста;
- определите цели и критерии. Студенты некомфортно чувствуют себя в группе, выполняя задание, если нет четко определенных целей и они не знакомы с критериями вашей оценки. В начале года следует четко определить цели, правила и ваши ожидания от обучающихся, чтобы не возникало никакой путаницы в период занятий и сдачи зачетов/экзаменов;
- создайте благоприятную комфортную атмосферу путем положительных установок, похвалы;
- предложите различные виды работы. Не все студенты будут реагировать на занятиях одинаковым образом. Для одних легче воспринимается теория, для других – практика, одни эффективно работают в случаях индивидуальных заданий, другие предпочитают работу в группах. Для сохранения мотивации у всех обучающихся чередуйте ваши занятия таким образом, чтобы студенты с различными предпочтениями были сосредоточены на тех видах деятельности, которые привлекают их больше всего. Это поможет студентам продолжать сотрудничество и оставаться сфокусированными на результате;
- используйте здоровую конкуренцию. Дружественный дух соперничества в группе можно пробудить через групповые ролевые игры, связанные с использованием исследуемого материала, микроконференции с

подготовкой презентаций и докладов;

– дайте обучающимся почувствовать ответственность. Например, во время опроса выслушайте наиболее сильных студентов и назначьте их ответственными за проверку знаний у остальных. Такая ответственность является отличным способом для сотрудничества и усиления у студентов чувства мотивации;

– позвольте обучающимся работать вместе. Хотя не все студенты будут полны энтузиазма, имея возможность работать в группах, многие признают это достаточно эффективным в процессе работы над проектами, решения учебных задач. Социальное взаимодействие может заставить их мотивировать друг друга для достижения поставленной цели;

– ставьте высокие, но достижимые цели. У студентов должен сформироваться определенный уровень владения иностранным языком и уверенность, что с вашей помощью они достигнут этого уровня;

– отслеживайте прогресс. Студентам может быть трудно увидеть собственные успехи, если освоение дисциплины дается нелегко, поэтому необходимо вербально озвучивать прогресс каждого студента, показывая ему, чего он достиг.

Наблюдение и опрос студентов показали, что использование Интернет-ресурсов значительно повышает мотивацию, положительно влияет на интерес к изучению иностранного языка. Использование новых информационных технологий в обучении иностранным языкам способствует интенсификации учебного процесса, повышению эффективности обучения вообще, заинтересованности студентов, активизирует учебную деятельность обучающихся, открывает возможности для индивидуального обучения, позволяет контролировать результаты выполнения различных видов задач, создает условия для практического использования знаний и навыков, усиливает мотивацию к изучению языка.

Повышение мотивации к обучению, в частности к изучению иностранного языка студентами неязыковых специальностей, является обязательным этапом работы преподавателя ВУЗа, который должен убедить студентов в актуальности изучения иностранного языка в современных условиях. Содержание занятий должно соответствовать профессиональной направленности, возрастным, индивидуальным и групповым потребностям студентов, развивая их познавательный интерес, создавая ситуации успеха, которые будут стимулировать студентов к дальнейшим достижениям.

Список использованных источников

1. Безбородова М. А. Мотивация в обучении английскому языку // Молодой ученый, 2009. – № 8. – С. 156–160.
2. Готлиб Р. А. Социальная востребованность. Знание иностранного языка // Социологические исследования, 2009. – № 2. – С. 122–127.
3. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь: для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 176 с.

4. Обучение иностранным языкам. Материалы для специалиста образовательного учреждения. М., 2003. 192 с.

УДК 821.111

КУЛЬТУРА И ПЕРЕВОД: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Ю. П. Чалая,

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация: перевод художественного текста намного сложнее, чем перевод произведений, относящихся к другим жанрам, потому что он подразумевает не только двуязычный перевод, но и передачу инокультурных маркеров, перенос одного социума в другой, с целым комплексом эмоций, ассоциаций и идей, обмен социальным опытом героев художественного произведения с читателями в другой культуре и обществе. Целью этой статьи является исследование природы художественного перевода и аргументация доводов исследователей, которые выступают «за» социосемиотический подход при переводе художественного текста.

Ключевые слова: перевод художественного текста, инокультурный маркер, социосемиотика.

Summary: Translation of fiction is much more complicated than the translation of other genres, as it deals not only with bilingual, but also bi-cultural and bi-social transference. This paper intends to explore the nature of fiction translation and to prove the necessity of introducing the sociosemiotic approach to translation of fiction. It takes into consideration various aspects of the philological, linguistic, communicative approach to translation and extends considerably the base for recognizing the meaningfulness of both lexical content, rhetoric form and cultural-social value.

Key words: translation of literary text, marked sign of other culture, sociosemiotics.

Художественный перевод – явление сложное и многогранное. В нем взаимодействуют разнообразные факторы – эстетические, исторические и культурно-социальные. Все эти факторы исследовались многими учеными: школой Ю. Найды, Дж. Кэтфордом, И. Левым, А. Д. Швейцером, А. П. Поповичем, А. В. Федоровым, С. Флориным и другими. Так как при переводе мы имеем дело с текстами, специфика культуры может проявляться двусторонне: «культура в языке», то есть особая языковая картина мира, и «культура, которую описывает язык», то есть репрезентация артефактов культуры в содержании текстов. Эти два аспекта создают два уровня переводческих проблем. Но переход от текста к тексту это всегда переход от языка к языку и от культуры к культуре.

Современные переводоведы продолжают поиски оптимальных подходов к переводу художественного текста. За последние два-три

десятилетия развитие в сфере трансформационной грамматики, общей и сравнительной лингвистики, семантики, информационной теории, антропологии, семиотики, психологии и дискурсивного анализа оказали большое влияние на общую теорию перевода, дав дисциплине возможность расширить границы исследования и задействовать новый подход к концепции определения уровня соответствия в переводе лингвистических особенностей и культуральных систем. На данный момент прослеживается заинтересованность восточных и западных языковедов вопросами социосемиотики, а именно, использованием социосемиотического подхода к переводу художественного текста. В последнее время в этом направлении плодотворно работают исследователи многих стран мира: Йонгфанг Ху, К. Тривени, В. Леонарди, К. Джеймс, А. П. Караманиан и другие.

Проблемы перевода инокультурных маркеров наиболее полно представлены в культурно-этнической концепции Ю. Найды и его последователей, который справедливо говорит о том, что работая с языком, необходимо признавать его неразрывную связь с культурой. По его мнению, нет таких языков, которые сегментировали бы неязыковой опыт идентично. Обсуждая проблемы соответствия в переводе, он приходит к выводу, что «расхождения культур могут повлечь более серьезные трудности для переводчика, чем структурные отличия языка» [8, с.130].

Выдающийся семиотик Юрий Лотман утверждает, что «ни один язык не может существовать, пока он не погружен в контекст культуры; и ни одна культура, центром которой не является структура естественного языка, также не имеет права на существование» [7, с. 221].

С. Басснет подчеркивает важность этого двойного постулата, при котором перевод – это утверждение, что язык – «сердцевина культуры», то есть лингвистические категории значений, которые трансформируются, являются лишь частью переводческого процесса; «целый набор экстралингвистических критериев» может также учитываться. В тот же момент, «попытка вместить систему ценностей культуры текста оригинала в границы культуры текста перевода является очень опасным делом» [6, с.13-14]. При переводе важно учитывать не только семиотическое влияние перевода на читателя, но и то, как будут восприняты именно культурные аспекты, что в комплексе определяет уровень успешности перевода.

В начале 60-х гг. появились новые тенденции в исследованиях перевода художественного текста, а именно, первые разработки семиотического подхода к переводу художественного произведения. Речь идет об исследованиях в области семиотики Лотмана, Иванова, Ревзина, Успенского, Жолковского, Топорова, Егорова, Билецкого. Уже тогда было доказано, что текст является результатом и продуктом семиотической деятельности, произведением языка, искусства, культуры. Представление о том, что язык порождает текст, то есть является его генератором, изменяется. Доказано, что именно текст порождает язык и что существует практически столько языков, сколько существует самих художественных

текстов. Жак Деррида говорит о том, что «не существует ничего вне текста».

Семиотический анализ произведения создает возможность прочтения текста на качественно новом уровне. Его основой являются такие понятия, как знак, знаковая система, могущественность знаковой системы, виды знаковых систем, отношения между ними и т.д. По мнению Ю. М. Лотмана, семиотический анализ произведения происходит из герменевтической традиции, согласно которой читатель выступает непосредственным соучастником процесса порождения семантики произведения [3, с. 134-136].

В процессе научных исследований в данном направлении были выделены следующие основные положения семиотического анализа произведения:

1. Выделение отдельных знаков произведения (анализ их взаимодействия и трактовка).
2. Взаимодействие знаков и систем в соответствии с сюжетной динамикой произведения (анализ и трактовка).
3. Взаимодействие двух или более знаковых систем в соответствии с сюжетной динамикой произведения.

Создание семиотической картины художественного произведения включает несколько этапов: рассмотрение текста как системы, выделение исходных систем и подсистем, выделение исходных элементов каждой системы и подсистемы; рассмотрение их взаимодействия и динамики в процессе перевода. Также необходима подача классификации знаков и их разделение на умышленно заложенные и спонтанные. В результате формируется семиотическая картина произведения. Но знаки, которые выделяются в процессе семиотического анализа текста, могут быть совершенно разными в зависимости от объекта внимания.

Говоря о процессе возникновения перевода, узловым пунктом переводческой проблематики можно назвать соотношение трех единств – объективного содержания произведения и двух его конкретных ипостасей. Одна – в сознании читателя оригинального художественного текста, а другая – в сознании читателей перевода. Эти три параметра неминуемо будут отличаться один от другого в той или иной мере, в зависимости от того, до какой степени при их создании проявились оба дифференциальных фактора, а именно – различие между двумя аудиториями читателей. Самая важная проблема переводческой работы – это вопрос о том, как минимизировать такого рода отличия. Главные теоретические проблемы науки о переводе берут начало в попытках проанализировать и нормативно определить соотношение вышеуказанных трех единств.

Во время реализации художественного перевода должны учитываться такие известные и неоспоримые постулаты:

1. Принципиальная переводимость какого-либо художественного текста;
2. Необходимость для переводчика ставить перед собой творческое задание – изучать не только литературу, но и социально-культурные

условия и психологические факторы, которые порождают литературу;

3. Примат литературных аспектов художественного перевода над чисто лингвистическими;

4. Принцип функциональности, установление которого положило конец продолжительному спору о переводе точном и вольном; этот принцип подразумевает, что главной целью перевода является достижение художественного влияния на читателей перевода, что приравнивается влиянию первоисточника на соотечественников. Эта цель должна и может быть достигнута, если переводчик пытается не копировать художественные приемы, использованные в оригинальном тексте, а достигает функциональной схожести, опираясь на особенности своего языка и культуры.

Не следует забывать еще об одной специфической черте художественного перевода. Его объект – художественный текст, важнейшая функция которого – это функция эмоционального воздействия. В связи с этим интересными кажутся две, на первый взгляд, противоположные концепции – представления о тексте Ролана Барта и Ю. М. Лотмана. Для Р. Барта текст – это нечто большее, чем художественное произведение, так как включает не только текст-письмо, но и текст-чтение, т.е. интерпретацию [1, с. 423]. Для Ю. М. Лотмана произведение больше, чем текст, так как содержит внетекстовые элементы (традиция, культурный фон) [4, с. 439]. Не учитывая существенные расхождения, смысл двух концепций заключается в том, что художественный текст – это динамическая система. В пространстве художественного текста смысл «производится», а не существует в виде застывшей формы. Динамичность системы художественного текста, по мнению Лотмана, отражается в двух его особенностях: 1) смысл в тексте не подается, а производится; 2) текст является не реализацией какого-то языка, а генератором языков [4, с. 440]. В таком представлении о художественном тексте (где особое значение в определении смысла придается активной роли читателя) закреплена его важнейшая особенность: плюрализм смыслов и, как следствие, возможность большого количества различных интерпретаций.

Переводчику необходимо обращать особое внимание не только на конкретные специфические приемы, с помощью которых язык создает эстетические эффекты в целевой культуре, или на методы и стратегии, которые используют переводчики для достижения экспрессивной идентичности, но и постигать культурно-социальные ценности, затем воссоздавая их в художественном переводе.

Татьяна Толстая, как нам кажется, нашла именно те слова, которые точно выразили суть переводческой работы: «...И вдруг мне полностью открылась сложность каторжной работы переводчика, его подвиг, который практически ничем не вознаграждается, мало кем ценится и является таинственным. Подобно Адаму, он (переводчик) должен вновь и вновь давать имена вещам, предметам, понятиям чужого сада, который тайно и пышно буйствует за оградой. Но сад меняется, отцветает, опадает, зарастает

и глохнет, выскальзывает, превращается, отплывает кораблем от причала и растворяется в тумане, с нами же остаются лишь неясные очертания мачт и скрип снастей» [5, с. 77].

Перевод, как и оригинальный текст, выполняет свою общественную функцию лишь тогда, когда его читают. Таким образом, объективный материал трижды поддается субъективному превращению: первым выступает авторская трактовка действительности, вторым – переводческий вариант оригинального текста и, наконец, читатель «декодирует» текст перевода в границах своей знаковой культуры.

Если перевод – это лишь «декодирование» текста, то интерпретация художественного текста, кроме «декодирования», включает процесс, близкий к работе автора, то есть поиски кода – вторичное кодирование, но уже на языке переводчика. Для того, чтобы осуществить такой сложный процесс, серьезный переводчик обязан очень подробно и глубоко изучить все аспекты исходного текста, осознать все его уровни, начиная с языковых и вплоть до социо-культурных явлений.

Искусство познания действительности выступает необходимым условием художественного перевода еще и потому, что из-занесоответствия языкового материала первоисточника и перевода между ними не может быть семантического тождества в выражении, следовательно, лингвистически верный перевод – невозможен, а возможной является лишь интерпретация. От оригинального мастера требуется достоверная интерпретация действительности, а от переводчика – верная интерпретация оригинального художественного текста.

Чешский теоретик перевода Иржи Левый определил цель переводческой работы как «познание, сохранение первоисточника (информации), а не создание нового произведения, у которого не было бы прототипов; целью перевода является воссоздание» [2, с. 306].

Так как, согласно с семиотикой, знаки, содержащиеся в тексте, несут дополнительную смысловую нагрузку, то и культурные явления, описанные в оригинальном тексте, имеют абсолютно разные значения (хронологические, культурологические и социальные отличия) и вызывают разные ассоциации у читателей перевода. Квалифицированный переводчик должен ознакомиться с культурными сокровищами двух языков и, конечно, стараться уменьшить количество потерь и ошибок в процессе перевода.

Перевод художественной прозы намного сложнее, чем перевод произведений других жанров, так как он включает не только двуязычный перевод, но и передачу инокультурных маркеров, перенесение одного социума в другой, с целым комплексом эмоций, ассоциаций и идей, обменом социальным опытом героев художественного произведения с читателями другой культуры или общества.

Список использованных источников

1. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. 576 с.

2. Левый И. Искусство перевода. М.: Искусство, 1974. 397 с.
3. Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. -Т.1.: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 134-136.
4. Лотман Ю. М. Текст как динамическая система // Структура текста. М., 1981. 704 с.
5. Толстая Т. Н. День: Личное. М.: Подкова, 2001. 464 с.
6. Bassnett S. Translation Studies. London: Routledge, 1991. 253 p.
7. Lotman J., Uspensky B. On these miotic mechanism of culture // New Literary History. 1978. P. 211–232.
8. Nida E. Principles of correspondence // Venuti L. The translation reader. London: Routledge, 1964. P. 130–147.

УДК 821.111

ШЕКСПИРОВСКИЙ КОНТЕКСТ РОМАНА М. ЭТВУД «ВЕДЬМИНО ОТРОДЬЕ»

Е. Р. Чемезова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания Института филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Ялта

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям интерпретации и перевода имен собственных в романе М. Этвуд «Ведьмино отродье» с точки зрения соотношения с текстом драмы У. Шекспира «Буря». Эксплицитно заложенная связь двух произведений раскрывается более детально при герменевтическом анализе и обращении к приёму антономасии и к элементам художественного мира.

Ключевые слова: роман, антономасия, имя собственное, перевод, интерпретация.

Summary. This article deals with peculiarities of interpretation and translation of proper names in the novel «Hag-seed» by M. Atwood from the point of view of correlation with the text of W. Shakespeare's drama «The Tempest». The explicit connection between the two texts is revealed in details during hermeneutical analysis and in appellation to the reception of antonomasia and to the elements of the art world.

Key words: novel, antonomasia, proper name, translation, interpretation.

Творчество М. Этвуд в современном литературном процессе представляет особый интерес для исследователей, таких как А. Е. Воротникова [1], Е. П. Жаркова [2], О. В. Мохначева [4], Н. Пальцев [5] и другие.

Произведения М. Этвуд, несмотря на сюжетное разнообразие авторских новаторских элементов, заимствует более ранние образы с целью обогащения. Так, автор использует тексты У. Шекспира как в качестве основы аллюзий, так и для полноценной интертекстуальной игры.

Примером подобного взаимодействия произведений стал роман М. Этвуд «Ведьино отродье», который является предметом нашего рассмотрения.

М. Этвуд открыто использует шекспировский текст для проведения определенного рода параллелей и переосмысления раннего варианта в новейшей интерпретации. Роман М. Этвуд «Ведьино отродье» выступает не только интерпретацией «Бури» У. Шекспира, но и становится материалом для дальнейшего герменевтического рассмотрения перевода имен собственных, что является целью нашей статьи.

Опираясь на эксплицитно заложенный смысл в произведении М. Этвуд «Ведьино отродье», следует обратить внимание на название, которое в оригинале обозначено как «Hag-seed». Данной фразой главный герой драмы У. Шекспира «Буря», Просперо, называет Калибана: «Hag-seed, hence!» [12], что в переводе М. Донского представлено как «Отродье ведьмы, сгиль!» [6].

Подходящий выбор заголовка обуславливается подбором персонажей романа – действие романа М. Этвуд происходит в тюрьме, где главный герой, Феликс, ставит пьесы У. Шекспира. Феликс спрашивает заключенных, каким словом лучше всего описать Калибана, на роль которого претендует около пятнадцати человек. Каждый из них в некотором роде отождествляет Калибана с собой: «Monster. <...> Lots of them call him a monster. Evil. Stupid. Ugly. Fish. They say he stinks like a fish. Sort of a cannibal. Like, a savage. Earth. <...> Slave, <...> poisonous slave. <...> „Hag-seed,” says 8Handz, the hacker from the dark side. „That’s the best one.” Felix writes down the words in sequence. „Not a very nice guy,” he says. „So why do you want to play him?” Grins. „He’s poxy awesome”. „We get him”. „Everyone kicks him around but he don’t let it break him, he says what he thinks.” <...> He’s mean, <...> Wicked mean! Everyone who’s dissing him, he wants to get them back!» [8, С. 110] – «Чудовище. <...> Почти все называют его чудовищем. Негодяй. Тупица. Урод. Вонючий. Они говорили, от него несет тухлой рыбой. Дикарь. Может быть, людоед. Ком земли. <...> Раб, <...> презренный раб. <...> Ведьино отродье, – говорит 8Рукк, хакер с темной стороны. – Это самое лучшее. Феликс записывает все слова на доске. – Не сказать, чтобы очень приятный парень, – говорит он. – Так почему вы хотите его сыграть? Улыбки в ответ. – Он крутой, как чума. Мы его понимаем. Его все шпыняют, но он не дает им себя сломать. И всегда говорит то, что думает. <...> Он не прощает обиды. <...> Если кто-то его опускает, он хочет им отплатить, черт их всех задер!» [7, С. 148].

Определяя себя самих как «hag-seed», заключенные подразумевают, что разделяют все положительные и отрицательные стороны Калибана. Кроме того, если мы обратимся к изданию «The Dictionary of Shakespeare Words»: «Hag-seed is the offspring of witch. To have a witch for a mother, in the folklore of the time, is to be cursed from birth, perhaps even evil at heart» [10]. Так, герои снимают с себя всяческую виновность, давая понять, что они – «ведьино отродье» и зло в них от рождения, доказывая, что не они

определяют собственную судьбу и поступки, за которые оказались за решеткой.

Не только заключенные представляют наш исследовательский интерес и определяют шекспировский контекст произведения М. Этвуд «Ведьмино отродье», но и главный герой Феликс, популярный режиссер, которого недруги лишили работы. Феликс отождествляет себя с главным героем шекспировской «Бури»: «Felix himself would be Prospero, her loving father. Protective – perhaps too protective, but only because he was acting in his daughter's best interests. And wise; wiser than Felix. Though even wise Prospero was stupidly trusting of those close to him, and too interested in perfecting his wizardly skills» [8, С. 22] – «Сам Феликс сыграет Просперо, ее любящего отца. Отца, который заботится о своей дочери – может быть, слишком ее опекает, но лишь потому, что желает ей только добра. Он будет мудрым, мудрее Феликса. Хотя даже мудрый Просперо глупо доверился своим близким и погрузился в магические науки, позабыв обо всем остальном» [7, С. 28].

Подобное отождествление заложено имплицитно в именах героев М. Этвуд и У. Шекспира. Феликс с латинского языка переводится как «счастливый, удачливый». Аналогичное значение присуще и имени Просперо: с латинского имя переводится как «процветающий», а производное в английском языке «prosperous» имеет значение «marked by success» [12], что во многом ассоциируется с удачливостью и имеет синонимичное значение. Кроме того, само имя Просперо стало нарицательным и определяется словарем, написанным оксфордскими лексикографами, как «(a name for) a person or thing likened to Prospero, especially with reference to being capable of magic or to influencing the behaviour or perceptions of others without their knowledge» [11].

Аналогичное влияние на поведение других героев и стремление воздействовать на зрителей магически наблюдает и у Феликса: «And he did concern himself with higher aims. To create the lushest, the most beautiful, the most awe-inspiring, the most inventive, the most numinous theatrical experiences ever. To raise the bar as high as the moon. To forge from every production an experience no one attending it would ever forget. To evoke the collective indrawn breath, the collective sigh; to have the audience leave, after the performance, staggering a little as if drunk» [7, С. 17] – «И он посвятил себя высоким целям. Создать спектакли, которые будут самыми яркими, самыми зрелищными, самыми вдохновенными и грандиозными, самыми оригинальными и возвышенными образчиками театрального искусства. Поднять планку выше Луны. Превратить каждый спектакль в незабываемый опыт для зрителя. Чтобы зрители в зале сидели как околдованные и выходили из театра, пошатываясь, словно пьяные» [7, С. 23]. Именно стремление проявить себя как человек с особыми, практически магическими знаниями и умениями, делает Феликса из романа М. Этвуд «Ведьмино отродье» столь схожим на Просперо из пьесы У. Шекспира «Буря».

М. Этвуд открыто использует в романе «Ведьмино отродье» отсылки к драме У. Шекспира «Буря», но более глубокое понимание образов достигается лишь при герменевтическом анализе текстов. Судьба, которая определена в романе М. Этвуд для героев, зависит от имен собственных, которые даны им автором и, на первый взгляд, могут быть не дешифрованы читателем. Герои в художественном мире романа М. Этвуд «Ведьмино отродье» не могут жить иначе или поступать вне той парадигмы, что связывает их с героями произведения У. Шекспира «Буря», и их игра в спектакле делает их жизнь единым сценарием, которым руководит главный герой Феликс, ставший частью собственной постановки.

Список использованных источников

1. Воротникова А. Е. Переосмысление мифа в романе М. Этвуд «Пенелопиада» [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 6-2. – <https://cyberleninka.ru/article/n/pereosmyslenie-mifa-v-romane-m-etvud-penelopiada> (дата обращения 15.01.2020).
2. Жаркова Е. П. Судьба женского начала в антиутопии Маргарет Этвуд «Рассказ служанки» [Электронный ресурс] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – №4. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=22871856> (дата обращения 15.01.2020).
3. Лукинова М.Ю. К вопросу о переосмыслении творчества В. Шекспира // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – 2016. – № 3 (15). – С. 56-65.
4. Мохначева О. В. Соотношение бытийного концепта и эстетической реальности в романах М. Этвуд [Электронный ресурс] // Літературний процес: методологія, імена, тенденції. – 2014. – № 3. – С. 42–45. – http://nbuv.gov.ua/UJRN/Litpro_2014_3_14 (дата обращения 15.01.2020).
5. Пальцев Н. Предисловие. Маргарет Этвуд «Та самая Грейс» [Электронный ресурс] // Иностранная литература. – 1999. – № 4. – <https://magazines.gorky.media/inostran/1999/4/ta-samaya-grejs.html>. (дата обращения 15.01.2020).
6. Шекспир У. Буря [Электронный ресурс] // Уильям Шекспир. Полное собрание сочинений в 8 томах. – 1960. – Т. 8. – http://lib.ru/SHAKESPEARE/burja.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 20.01.2020).
7. Этвуд М. Ведьмино отродье. М : Издательство «Э», 2017. 352с.
8. Atwood M. Hag-seed. NY.: Penguin Random House LLC. 2016. 269 p.
9. Easton Matthew George. Entry for Felix [Electronic Resource] // Easton's Bible Dictionary. – Mode of access: URL: <https://www.biblestudytools.com/dictionary/felix/>. (дата обращения 22.01.2020).
10. Hag-seed [Electronic Resource] // Bookcaps Study Guide. – Mode of access: URL: https://books.google.com/books?id=Ro4t-J2G_RwC&lpq=PT253&ots=rtfuRN2m5e&dq=dictionary (дата обращения 22.01.2020).

22.01.2020).

11. Prospero [Electronic Resource] // Lexico. – Mode of access: URL:<https://www.lexico.com/en/definition/prospero> (дата обращения 22.01.2020).

12. Prosperous [Electronic Resource] // The Merriam Webster Dictionary. – Mode of access: URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/prosporous> (дата обращения 22.01.2020).

13. Shakespeare W. The Tempest [Electronic Resource] // The EMC Masterpiece Series. – Mode of access: URL: <http://www.emcp.com/previews/AccessEditions/ACCESS%20EDITIONS/The%20Tempest.pdf>. (дата обращения 20.01.2020).

УДК 811.112

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Д. КИЗА «ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

С. С. Чистова,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
теории и методики обучения, Нижнетагильский государственный
социально-педагогический институт (филиал Российского
государственного профессионально-педагогического университета),
Нижний Тагил*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению структурно-семантических особенностей лексических трансформаций в переводе романа Дэниела Киза «Цветы для Элджернона» на немецкий язык. Были рассмотрены следующие лексические переводческие трансформации: транскрипция, транслитерация, калькирование, конкретизация, генерализация и модуляция. Использование перечисленных выше типов лексических трансформаций служит цели более полного раскрытия образа главного героя в языке перевода, а также выполняет ряд других функций.

Ключевые слова: переводческие трансформации, лексические трансформации, художественный перевод, Д. Киз «Цветы для Элджернона».

Summary. The article studies the structural and semantic features of lexical transformations in the German translation of the novel “Flowers for Algernon” by Daniel Keyes. The following translation transformations were analyzed: transcription, transliteration, loan translation, concretization, generalization and modulation. These lexical transformations help to convey the image of the main character, besides having a number of other purposes.

Key words: translation transformations, lexical transformations; literary translation; D. Keyes “Flowers for Algernon”.

Переводческие трансформации занимают одно из центральных мест в теории и практике перевода. А. Д. Швейцер считает, что «трансформация – отношение между исходным и конечным языковыми выражениями, замена

в процессе перевода одной формы выражения другою» [6, с. 117]. Н. К. Гарбовский дает следующее определение: «Переводческая трансформация – это такой процесс перевода, в ходе которого система смыслов, заключенная в речевых формах исходного текста, воспринятая и понятая переводчиком в силу его компетентности, трансформируется естественным образом вследствие межъязыковой асимметрии в более или менее аналогичную систему смыслов, облекаемую в формы языка перевода» [3, с. 365]. При этом применение переводческих трансформаций преследует цель прежде всего максимально полной передачи информации, заложенной в языке оригинала, с соблюдением всех норм языка перевода.

В. Н. Комиссаров выделяет три типа переводческих трансформаций:

- 1) лексические трансформации. К данному виду трансформаций относятся формальные преобразования (транскрипция, транслитерация и калькирование) и лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация и модуляция);
- 2) грамматические трансформации (дословный перевод, членение предложений, объединение предложений и грамматические замены);
- 3) лексико-грамматические трансформации (антонимический перевод, прием описательного перевода и прием компенсации» [5, с.159].

В данной статье мы рассмотрим использование лексических трансформаций в произведении Д. Киза «Flowers for Algernon» при его переводе на немецкий язык. Роман представляет интерес для переводоведения, так как повествование ведется от лица умственно отсталого человека, и автор при помощи различных лексико-грамматических и орфографических средств отражает особенности его речи и психического состояния в тексте.

1) транскрипция (12 %);

В переводе произведения на немецкий язык прием транскрибирования не является часто используемым. С помощью транскрипции переведено всего лишь одно имя. Ср.: *Dostoevski – Dostojewskij*. Также были найдены случаи частичной транскрипции. В данных примерах в состав названия входит значимое слово, поэтому применяется смешанный перевод, т.е. сочетание транскрипции и семантического перевода. Ср.: *I werk in Dormers bakery where Mr Donner gives me 11 dollers a weekand bred or cake if I want. – Ich Schafein der Bäckerei Donner Mr Donner gibt mir 11 dollers die woche und brot und Kuchen wen ich wil.*

Im skared. Lots of pepul who werk at the collidge and the pepul at the medicil school came to wish me luk. – Ich abeangs. Eine Menge leute wo im Koletsch arbeiten und die leute in der medizinschen fakutet sind gekomen um mir Klük zu wiünschen. В данном примере звукосокращения исходной лексической единицы «collidge», которое записано при помощи фонематического письма, заменяются в немецком переводе на подобные звукосокращения – «Koletsch». Данная трансформация проводится переводчиком с целью обратить внимание читателя на особенности речи главного героя.

Умышленно допуская ошибки, переводчик указывает на особенности заболевания Чарли.

Прием транскрипции практически не используется, что связано с процессом проникновения английского языка в Европу и использованием латиницы в обоих языках. Поэтому 99% процентов имен героев произведения не претерпевают никаких изменений.

Проанализируем еще один пример. Ср.: *I dont think I passd the raw shok test*. – *Ich glaube nicht das ich den Roschaktes bestandn hab*. В данном примере «rawshoktest» заменяется на «Roschaktes», что в переводе на русский означает «тест Роршаха». В оригинале данное словосочетание заменяется на похожие по звучанию слова, так как в силу своего заболевания главный герой не знаком с данной лексикой. В переводе произведения на немецкий язык переводчик воссоздает лексическую единицу с помощью неправильного написания исходной инферентной лексемы оригинала (Rorschachtest), так как, очевидно, не справляется с проблемой перевода фонетической игры слов, основанной на использовании авторских омофонов («Rorschach» – «rawshok»). Таким образом, при помощи транскрипции переводчик также сохраняет ошибки, которыми характеризуется речь главного героя, однако при этом теряется игра слов, использованная в оригинале.

2) транслитерация (12 %);

Прием транслитерации в переводе произведения на немецкий язык используется так же редко, как и транскрипция. Нами было обнаружено лишь несколько случаев использования этой трансформации с лексикой, которая обозначает названия зданий и учреждений. Ср.: *Mabye the experimint dint werk*. – *Fileich hat das Experemint nich geklabt*. В данном примере «experimint» заменяется на «Experemint» при помощи транслитерации. В оригинале в слове «experiment» допущена ошибка. Для того, чтобы сохранить особенности речи главного героя, переводчик также умышленно допускает ошибку.

3) калькирование (0%);

Примеры калькирования в переводе произведения на немецкий язык обнаружены не были.

4) конкретизация (26 %);

I worked the dough-mixer and everybody was surprised espeshully Frank Reilly. – *Ich bedinte die Knetmaschine und alle waren überaschtbesoners Frank Reilly*. В оригинале используется глагол «to work», который переводится как «работать, действовать, функционировать». В немецком предложении переводчик использует глагол «bedienen», который означает «обслуживать». Такой глагол часто употребляется в сочетании с различными приспособлениями, автоматами, станками и т.д. В данном примере идет речь о тестомешалке, что повлияло на решение переводчика, но необходимо было учитывать, что, возможно, данное слово не слишком простое, и есть вероятность, что главный герой не знает его. В данном

случае, на наш взгляд, применение переводчиком приема конкретизации не оправдано.

She says I'm a fine person and I'll show them all. – Sie sagt ich bin ein feiner kerl und werde es ihnen allen zeigen. В первом предложении используется словосочетание «afineperson», что означает «хороший человек». Переводчик заменяет слово «person» на «Kerl», что переводится как «парень». Таким образом, целью переводчика является упрощение языка и приближение языковых средств к разговорному языку не очень образованных людей.

Look, Charlie – I got a nice new shiny good-luck piece for you to play with.

Schau, Charlie. Ich hab nen schönen neuen glänzenden Glückspfennig, mit dem du spielen darfst. В данном примере словосочетание «shiny good-luck piece», которое переводится как «блестящая вещь, которая приносит удачу», заменяется на «блестящий пфенниг на удачу». Это монета, которая приносит Чарли удачу, и которую он везде берет с собой, о ней говорится в самом начале произведения. Затем она упоминается второй раз в середине произведения. Переводчик прибегает к данной трансформации для того, чтобы читатель сразу вспомнил, что это за вещь и для чего она нужна. Таким образом, эта трансформация участвует в создании связности литературного произведения.

Использование приема конкретизации обусловлено необходимостью точнее создать образ главного героя, облегчить понимание текста, снять избыточность и создать связность произведения.

5) генерализация (18 %);

But he saw how I worked the mixer and he scratched his head and said I see it but I don't believe it. – Aber er sah wie ich die maschine bediente und er kratzte sich am Kopf und sagte ich sehe es zwar aber ich kann nicht glauben. В данном примере существительное «the mixer», которое переводится как «миксер», заменяется на «машина, инструмент, оборудование». Данная трансформация использована с целью избежать повтора и разнообразить текст. В предыдущем предложении несколько раз упоминается о миксере, соответственно в последующем предложении нет необходимости повторять это слово еще раз, и оно заменяется на более широкое понятие.

I wish I could sit and talk with them over coffee in the Campus Bowl Luncheonette when they get together to argue about books and politics and ideas. – Ich wollte, ich könnte in der Mensa über einem Kaffee bei ihnen sitzen und mit ihnen reden, wenn sie zusammenkommen, um über Bücher und Politik und Ideen zu diskutieren. В оригинале используется полное название студенческого кафе, которое находится в Америке. Переводчик заменяет данное название на «die Mensa», что в переводе с немецкого означает «студенческая столовая». Данная трансформация позволяет избежать введения в текст лингвострановедческих реалий и не перегружать читателя ненужной информацией.

But Lenny, the short kid with the dark glasses, didn't believe that business

about Marlowe, and he said that everyone knew that Sir Francis Bacon wrote the plays because Shakespeare had never been to college and never had the education that shows up in those plays. – Lenny dagegen, der Kleine mit den dunklen Gläsern, glaubt nicht an die Sache mit Marlowe und sagte, jedermann wisse, daß Sir Francis Bacon die Stücke geschrieben habe, weil Shakespeare nie eine Hochschule besucht und nie die Bildung erhalten habe, die sich in den Dramen zeige. В данном примере «the short kid» («невысокий парень»), заменено на «der Kleine» («малыш»). Данная трансформация, на наш взгляд, не оправдана, так как при использовании генерализации главная сема словосочетания «the short kid» – невысокий рост, теряется, превращаясь в сему «юный возраст» – «der Kleine», что некоторым образом искажает текст оригинала. Возможно лексема «der Knirps» («коротышка») точнее передала бы образ при переводе.

В целом, использование данного приема обусловлено желанием переводчика избегать повторения некоторых слов и заменять их более общими понятиями, избежать нелогичности и неясности повествования, а также для создания образа главного героя.

6) модуляция (32 %);

I said I dont remembir. – *Ich sagte ich weisnichmer.* В данном примере происходит замена «I don't remember», что переводится как «я не помню», на «я не знаю». Соответственно если человек что-то не помнит, он это не знает. Переводчик заменяет причину на следствие.

Then prof Nemur said remembir he will be the first human beeing ever to have his intelijenceincreesd by sergery. – *Dan sagte Prof Nemur fergesen sie nicht das er der ersde Mensch sein wird desen Intelgents durch die Schirurgierhöt wird.* В данном примере «помнить» заменяется на «не забудьте», что также является причиной и следствием, которые автор поменял местами, используя наряду с модуляцией антонимический перевод.

Используя прием модуляции, переводчик изменяет причинно-следственные связи с целью достичь благозвучия и приблизить речь героев к разговорной. Также в большинстве примеров прием модуляции используется в паре с антонимическим переводом.

Таким образом, при переводе романа «Цветы для Элджернона» на немецкий язык чаще используется такой прием перевода, как модуляция (32%). Данный прием используется с целью адаптировать текст перевода под нормы немецкого языка и приблизить текст к нормам разговорной речи. Чуть реже используется такой прием перевода, как конкретизация (в 26% случаев). Прием конкретизации применяется переводчиком с целью избежать неясности повествования. В 18% случаев используется прием генерализации, который служит для снижения количества чуждых конструкций в языке перевода и избегания повторов. В равном соотношении (по 12% случаев) используются приемы транскрипции и транслитерации.

Список использованных источников

1. Алимova М. В. Особенности и основные критерии перевода художественного // Вестник РУДН. 2012. № 2. – С. 47–52.
2. Бердникова И. В. Концептосфера девиантной языковой личности: лексическая экспликация // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2017. № 2. – С. 46–49.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
4. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. М.: УРСС, 2009. 170 с.
5. Швейцер А. Д. Теория перевода. – 2-е изд. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 214 с.
6. Keyes Daniel. Flowers for Algernon. Boston. «Houghton Mifflin Harcourt», 2019.
7. Keyes D. Blumen für Algernon [пер. сангл. M. Bürger]. – [Electronic Resource] // Klett Cotta, 2015. – Mode of access: URL: https://www.klett-cotta.de/buch/Weitere_Autoren/Blumen_fuer_Algernon/5501 (дата обращения 15.01.2020)

УДК 811.111.

**ПЕРЕВОД ИДИОМАТИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

А. В. Шаврова,

ассистент кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена разработке технологии обучения студентов-международников переводу идиоматичных речевых единиц англоязычного политического дискурса. Представлен комплекс упражнений, нацеленный на формирование у студентов умений передачи значения идиоматичных речевых единиц фразеологического уровня средствами языка перевода.

Ключевые слова: политический дискурс, идиоматичные речевые единицы, технология обучения переводу.

Summary. The objective of the study is to develop the technology aimed at teaching students specializing in international relations to translate the idiomatic expressions functioning in English political discourse. The complex of exercises is designed providing the formation of skills in translating idiomatic expressions of phraseological level by means of the target language.

Key words: political discourse, idiomatic expressions, translation teaching technology.

Согласно требованиям ФГОС ВПО по направлениям подготовки специалистов в области международных отношений, в частности, ФГОС ВПО 41.03.05 *Международные отношения*, дипломированный специалист

должен владеть переводческими умениями, поскольку может выступать в качестве переводчика младшего звена, референта, секретаря – переводчика [3; 4; 6; 7; 8].

Тексты англоязычного политического дискурса характеризуются частотностью использования идиоматичных речевых единиц (далее – ИРЕ), под которыми в настоящей работе понимаются «целостно воспроизводимые, устойчивые по структуре и значению, специфичные для определенного языка, национально-обусловленные смысловые единства различного языкового уровня, функционирующие в естественной и аутентичной речи носителей определенного языка» [13, с. 206]. Широкое использование ИРЕ обеспечивает данному виду дискурса возможность образной передачи мысли говорящего, созданию косвенной оценочной номинации, осуществлению ведущих интенций политического дискурса [2; 10; 14; 15].

В настоящем исследовании ИРЕ англоязычного политического дискурса представлены на уровне устойчивых словосочетаний (*fruit of labor* / *плоды кропотливого труда*, *to break the law* – *нарушить закон*) и предикативных структур (*Birds of a feather flock together* / *Одного поля ягода*).

Учёт значимости ИРЕ в англоязычном политическом дискурсе определяет требования к лингвистической компетенции студентов-международников, согласно которым в учебном процессе необходимо формировать у студентов умения передавать их значение средствами языка перевода [9].

С целью обучения студентов-международников переводу ИРЕ в настоящем исследовании разработана обучающая технология, состоящая из комплекса методических приёмов, нацеленных на усвоение определённой совокупности знаний и приобретение профессиональных умений перевода ИРЕ англоязычного политического дискурса.

Технология состоит из теоретического и практического модулей. Теоретический модуль включает в себя краткий курс, направленный на усвоение базовых знаний об ИРЕ, их классификации и особенностей их функционирования в текстах политического дискурса. Сведения подобного рода могут быть представлены в виде комментариев к упражнениям.

Практический модуль представляет собой комплекс упражнений, направленный на формирование умений перевода ИРЕ англоязычного политического дискурса. Данный модуль содержит два блока: Блок I “Analyzing the Text” и Блок II “Translating”. Первый блок направлен на предпереводческий анализ текста и включает следующие задания: (1) активизировать знания в области стилистики (*Identify the functional style of the discourse fragments; Identify the genres of the discourse fragments*), (2) определить цель высказывания в зависимости от адресата (*Guess the addressee of the discourse fragments*); (3) понять интенцию говорящего (*Identify the communicative intention of the authors*);

(4) реализовать коммуникативную цель говорящего с помощью той или иной ИРЕ (*Identify the speech tactics used in the discourse fragments*), (5) вычленив ИРЕ в тексте и интерпретировать их смысл в рамках контекста и в связи с коммуникативной целью говорящего (*Find sentences with idiomatic expressions and working in pairs discuss what role they play in the discourse. Translate the sentences into Russian*) и другие.

Блок “Translating” включает в себя три группы упражнений. К первой группе относятся языковые упражнения, направленные на снятие трудностей, с которыми студенты могут столкнуться при переводе текста, включающего ИРЕ. Здесь могут быть предложены задания на (1) догадку о значении ИРЕ (*Match the phraseological units with the appropriate pictures. Explain their meaning. Find their equivalents in Russian*), (2) сопоставление ИРЕ с ее значением (*Match the phraseological units with their appropriate definitions. Fill in the gaps in the fragments given below*), (3) сочетаемость частей ИРЕ (*Match the beginning of the phraseological units with their endings*), (4) вычленение ИРЕ в тексте (*Match the texts given below with their translation. Underline the phraseological units used*), (5) соотнесение ИРЕ с ее синонимами (*Fill in the gaps in each synonymous line using phraseological units given in the box*), (6) перефразирование (*Paraphrase the highlighted parts of the sentences using the phraseological units from the box below*) и другие.

Вторая группа представлена условно-речевыми упражнениями, нацеленными на дальнейшее формирование навыков и умений использования и перевода ИРЕ в вариативных ситуациях. Упражнения данной группы направлены на (1) соотнесение ИРЕ с функциональным стилем (*Cross out the incorrect translation of these phraseological units. Decide which of the correct variants belong to the neutral style (N) and which ones belong to the colloquial style (C)*), (2) перевод фрагмента текста, содержащего ИРЕ, в зависимости от его функционального стиля (*Fill in the gaps with the phraseological units from the box. Translate the following sentences into Russian paying special attention to the phraseological units used and the functional style they belong to*) и другие.

Третья группа содержит подлинно-коммуникативные упражнения, имеющие творческий характер и представляющие реальную ситуацию работы переводчика с текстом и направленные на дальнейшее совершенствование переводческих умений. Для перевода используются идиоматичные тексты, т.е. тексты, в которых функционируют ИРЕ, маркирующие их как аутентичные [1; 5; 12]. Тексты для перевода даются в методической аутентичности в виде фрагментов (*Translate the given discourse fragments*) [11].

Опыт показал, что предложенная выше обучающая технология обеспечивает развитие переводческих умений передачи идиоматичных речевых единиц средствами языка перевода.

Список использованных источников

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии.

М.: Знак, 2008. 656 с.

2. Гаврин С. Г. Фразеология русского языка. М.: Просвещение, 1967. 192 с.

3. Образовательный стандарт высшего образования МГИМО (У) МИД России. Уровень высшего образования – бакалавриат. Направление подготовки 41.03.04 Политология (квалификация – бакалавр). М.: МГИМО, 2017. 37 с.

4. Образовательный стандарт, самостоятельно устанавливаемый Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова для реализуемых образовательных программ высшего образования по направлению подготовки «Международные отношения». Уровни высшего профессионального образования: 41.03.05 бакалавриат с присвоением квалификации «бакалавр», 41.04.05 магистратура с присвоением квалификации «магистр». М: МГУ, 2015. 24 с.

5. Осипова Е. С. Идиоматическая компетенция как необходимая составляющая коммуникативной компетенции учащихся старших классов средней общеобразовательной школы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. – С. 155–158.

6. Паспорт компетенции ОК-5, 2017. 4 с.

7. Приказ № 1585 / 1 от 19.03.2015 «Об утверждении новой редакции Образовательного стандарта (бакалавриат). СПб: СПбГУ, 2015. 317 с.

8. Приказ Минобрнауки России № 465 от 21.04.2016 «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 41.03.05 Международные отношения (уровень бакалавриата)», 2016. 21 с.

9. Рабочая программа дисциплины «Иностранный язык (английский, основной продолжающий)». Направление подготовки 41.03.05 – Международные отношения (МИЭП). Направленность (профиль) подготовки – Международные отношения и энергетическая дипломатия. Квалификация (степень) выпускника – бакалавр. Форма обучения – очная. М: МГИМО, 2017. 132 с.

10. Сергеева А. А. Метафорические концепты как источники фразеологических единиц в англоязычном политическом дискурсе // Молодой ученый, 2015. Вып. № 7. – С. 1001–1004.

11. Смирнова Л. Е. Методическая аутентичность в обучении иностранному языку // Инновационная наука, 2016. № 11–2. – С. 129–131.

12. Тарнаева Л. П. Идиоматичность институционального дискурса в свете проблем перевода // Индустрия перевода: материалы IX Международной научной конференции (Пермь, 5–7 июня 2017 г.). Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2017. – С. 159–164.

13. Тарнаева Л. П., Осипова Е. С. Использование ресурсов корпусной лингвистики при подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (63). Ч. 1. – С. 205–209.

14. Чайкина А. Ю. Когнитивные основания выбора и функционирования фразеологических единиц в англоязычном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 26 с.

15. Шапиева Д. З. Лексико-стилистические средства выражения оценки в англоязычном политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 176 с.

УДК 81-26: 347.78.034

К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА КРЫМСКИХ ТОПОНИМОВ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Д. А. Шалыга,

*старший преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена вопросам перевода топонимов Крыма на немецкий язык в научных публикациях. Важным условием качественного перевода научного текста является знание специфики научной коммуникации. Перевод исторических топонимов и условных названий требует дифференцированный подход.

Ключевые слова. Топонимы Крыма, репрезентация топонимов в немецком языке, перевод топонимов в научном тексте, исторические топонимы, условные названия.

Summary. The article is devoted to the translation of Crimean toponyms into German language in scientific publications. An important condition for a high-quality translation of a scientific text is knowledge of the specifics of scientific communication. Translation of historical place names and conditional names requires a differentiated approach.

Keywords. Crimean toponyms, representation of toponyms in German, translation of toponyms in a scientific text, historical toponyms, conditional names.

Описание исторических событий, как и анализ материалов археологических раскопок, предполагает упоминание места, где происходило то или иное событие соответственно найден тот или иной артефакт и его аналогии. Крым и его археологические памятники разных эпох представляют интерес не только для отечественных, но и для зарубежных исследователей, поэтому крымские топонимы появляются в научных публикациях на многих иностранных языках, в частности на немецком языке. Выбор способа перевода топонима с русского языка на немецкий в научной публикации зависит от многих факторов, рассмотрение которых является целью данной работы.

Перевод научных публикаций по истории и археологии, как частный случай специального перевода, предполагает, что переводчик, с одной стороны, обладает определенными знаниями в этих областях изучения,

понимает текст оригинала и владеет терминологией, а, с другой стороны, знаком со спецификой научной коммуникации. Научные издания предлагают авторам придерживаться правил оформления публикаций, в том числе способа транслитерации имен собственных из кириллицы в латиницу. В большинстве случаев используется так называемая научная транслитерация с диакритическими знаками, что распространяется не только на имена исследователей в тексте работы, ссылках или списке литературы, но по принципу единообразия и на иноязычные топонимы. Однако многообразие видов топонимов не позволяет ограничиться одной научной транслитерацией, оно обуславливает применение и других методов перевода.

Наибольшей концентрации топонимы в научных работах по археологии и истории Крыма достигают в подписях к картам, например, памятников определенного времени. В легендах таких карт исторические топонимы соседствуют с условными названиями. Например: Неаполь Скифский – Neapolis Skythika, Дружное – Družное, Суворово – Suvorovo, Тенистое – Tenistoe, Красный Мак – Krasnyj Mak, Херсонес – Chersonesos, Харакс – Charax, Феодосия – Theodosia, Зенонов Херсонес – Zenonos Chersonesos и т. д.

Исторические топонимы – это дошедшие до нас названия, существовавшие в разные периоды истории. Перевод исторических топонимов требует знакомства с авторитетными источниками и зависит от языка происхождения названия [2]. Для передачи упомянутых выше античных топонимов в немецкоязычных научных публикациях традиционно используется транслитерация из древнегреческого языка. Название римской крепости на мысе Ай-Тодор «Харакс» тоже происходит из древнегреческого языка. Хотя и не известно, когда и кто так стал называть крепость, в научной литературе распространена форма транслитерации латиницей: Charax.

Под «условным» понимается название, которое памятнику дали исследователи. Здесь можно провести некоторые аналогии с «выдуманными» топонимами по определению А. В. Суперанской [1, с. 33]. Условные топонимы также являются «результатом единовременного акта наречения, ... не отражают истории создания... названия, а сразу записываются в соответствующие документы».

Большая часть условных обозначений происходит от современных исследованиям названий населенных пунктов, на территории или вблизи которых находятся древние некрополи, поселения или городища. Как показывают приведенные выше названия крымских поселков, такие обозначения за редким исключением позволяют прибегнуть к научной транслитерации. К исключениям, например, относится название некрополя «Совхоз 10» – die Nekropole Sowchos 10. Памятник получил такое название, т. к. расположен в Инкерманской долине на территории сегодня уже бывшего совхоза № 10. Само существительное «Sowchos» было

заимствовано из русского языка еще во времена СССР и до сих пор фиксируется словарем Дуден [3]. Поскольку оно уже сейчас является историзмом, крайне редко употребляемым и все менее известным и понятным носителям немецкого языка, вероятно, и форму написания топонима, принятую в XX веке, в дальнейшем сменит написание, согласующееся с научной транслитерацией.

К условным обозначениям также принадлежат названия, образованные от названий объектов гидрографии и рельефа местности. Например, Усть-Альминское городище и Усть-Альминский некрополь или городище и некрополь Усть-Альма получили свое название, так как находятся в устье реки Альма. Чернореченский могильник или могильник Черная Речка расположен в долине реки Черной на окраине села Хмельницкое. На юго-восточном склоне горы Чатыр-Даг исследован Чатыр-Дагский могильник или некрополь Чатыр-Даг. Как показывают данные примеры, в русскоязычных публикациях распространены дублирующие варианты таких топонимов. В переводах на немецкий язык предпочтение отдается более короткому и простому для иностранного читателя варианту: *die befestigte Siedlung und die Nekropole Ust'-Al'ma, die Nekropole / das Gräberfeld Čěrnaja Rečka, die Nekropole / das Gräberfeld Čatyr-Dag*).

Условное название не всегда указывает на местоположение памятника. Базилика 1935 года, христианский храм в Херсонесе, названа по году ее открытия и начала изучения. Перевод названия должен объяснять связь между современной датой и храмом, возведенным в конце VI в., поэтому необходимо добавление лексических единиц: *die 1935 entdeckte Basilika*.

Уваровская базилика в Херсонесе условно названа именем графа Алексея Сергеевича Уварова, проводившего раскопки в 1853 г. Перевод названия строится по известной словообразовательной модели: *die Uvarov-Basilika*, при этом имя собственное транслитерируется. На эту же модель опирается перевод топонима «Склеп Деметры» в Керчи, названного по изображению богини в центральном медальоне на своде погребальной камеры: *die Demeter-Gruft*.

Таким образом, перевод топонимов в научной исторической литературе обусловлен в первую очередь правилами и традициями, принятыми в этой сфере коммуникации. При этом следует учитывать дифференцированный подход к передаче исторических топонимов и условных названий. Условные названия формируют большую разнородную группу обозначений. Для перевода условных топонимов важно, что лежит в основе названия. Наибольшее разнообразие в образовании и соответственно методах перевода демонстрируют условные микротопонимы.

Список использованных источников

1. Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984. 182 с.
2. Шалыга Д. А. К вопросу перевода исторических топонимов Крыма

на немецкий язык // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы III международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 434-438.

3. Sowchos // Duden [Electronic Resource] Mode of access: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Sowchos> (дата обращения: 02.02.2020)

УДК 811.11

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ МЕТАФОРЫ В ТЕКСТАХ ЖУРНАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

М. С. Шевченко,

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления гендерного аспекта метафоры в текстах журнальной коммерческой рекламы на русском, немецком и английском языках. К дискурсу массовой коммуникации относятся дискурс прессы, политики и рекламы. Для нашего исследования непосредственный интерес представляет коммерческая реклама и её составляющая – журнальный рекламный текст на русском, немецком и английском языках. Это обусловлено тем, что «образы рекламных объявлений являются высококонцентрированными формами гендерной коммуникации, и поэтому правильное понимание и интерпретация роли рекламы имеет очень большое значение» [1, с. 7]. Поскольку особенности рекламного текста связаны со спецификой его восприятия потребителями – мужчинами или женщинами – в последнее время появились работы по исследованию гендерного аспекта такого текста. Анализ этого аспекта посвящены работы А. В. Кирилиной, О. Б. Максимовой, М. В. Томской, И. В. Грошева и др.

Ключевые слова: рекламная коммуникация, рекламное сообщение, гендерный аспект, метафора, синекдоха.

Summary. The article is devoted to the problem of identifying the gender aspect of metaphor in the texts of magazine commercial advertising in Russian, German and English. The discourse of mass communication includes the discourse of the press, politics and advertising. For our study, commercial advertising and its component – magazine advertising text in Russian, German, and English – are of direct interest. This is due to the fact that «images of advertisements are highly concentrated forms of gender communication, and therefore, a correct understanding and interpretation of the role of advertising is very important» [1, p. 7]. Since the peculiarities of the advertising text are related to the specifics of its perception by consumer's men or women – recently there have been works on the study of the gender aspect of such a text. The analysis of this aspect is devoted to the work of A. V. Kirilina, O. B. Maximova, M. V. Tomskey, I. V. Grosheva et al.

Key words: advertising communication, advertising message, gender aspect, metaphor, synecdoche.

В постсоветский период в России вместе с наплывом различных импортных товаров пришла и их реклама, которая постепенно адаптировалась к внутреннему рынку, становясь неотъемлемой частью новых экономических отношений. В СССР отсутствовала конкуренция, так как в стране преобладала плановая экономика, а немногочисленные импортные товары народного потребления в силу тотального дефицита не нуждались в дополнительной рекламе [1, с. 10–11].

В настоящее время реклама исследуется различными науками, в том числе и лингвистикой. Рекламная коммуникация исследуется с целью создания более эффективного рекламного продукта, что с точки зрения экономики очень важно. Рекламная коммуникация имеет свои особенности: высказывание адресанта всегда несёт чёткую прагматическую направленность для того, чтобы побудить адресата к совершенно определённому действию, однако адресат и адресант не вступают в непосредственный контакт, хотя бы потому, что они просто неизвестны друг другу. В основе этой коммуникации лежат информирование и убеждение, но в современной рекламе добавляются эстетическая, воспитательная и развлекательная функции: чтобы работать, она должна говорить на том языке, который хорошо понимает её потребитель.

Дебора Таннен, исследуя в своей книге «Ты просто меня не понимаешь» коммуникационные неудачи в общении мужчин и женщин, утверждает: «Понять, как говорят другие люди, – значит сделать огромный прыжок через пропасть в общении между женщинами и мужчинами и огромный шаг к самой основе коммуникации». По её мнению коммуникативные неудачи объясняются различными требованиями, которые общество предъявляет к мужчинам и женщинам. Эти факторы вырабатывают у мужчин и женщин различные стратегии и тактики общения [3, с. 490].

Рекламные сообщения широко распространены в средствах массовой коммуникации, но мы рассматриваем коммерческие рекламные тексты в мужских и женских журналах на русском, немецком и английском языках. Эти рекламные тексты направлены не на абстрактного человека, а конкретную группу потребителей – мужчин и женщин, живущих в определённом обществе и имеющих систему символических ценностей. В их число входят и гендерные отношения, принятые в данном обществе.

Для выражения эмоциональной и эстетической информации в текстах мужской и женской рекламы используются различные выразительные средства, как для передачи эстетической информации рекламного сообщения, так и для установления ассоциации рекламируемого товара с общеизвестными образами.

Особенно часто создатели рекламы используют различные виды метафор, когда происходит перенос характеристики одного предмета или

явления на другой на основе их сходства. Е. В. Медведева считает, что «наиболее продуктивным и универсальным стилистическим приёмом в рекламе является метафора». Она удобна как для привлечения внимания к тексту, так и для создания ассоциативных связей между удалёнными друг от друга предметами или ситуациями [2, с. 181].

Реклама швейцарских часов: *«Мягкие женственные линии и блеск бриллиантов модели Дивина подчеркивают изысканность каждой женщины»* (К.и.2/07).

В рекламе женских товаров чаще всего присутствуют метафоры, а именно её разновидность – олицетворение: *«Интересно, что Он скажет, увидев нежные объятия PhilippeMatignoni?»* (К.и.1/01).

Неодушевлённым колготкам, носящим к тому же мужское имя, приписывается вполне человеческое действие – *«нежно обнимать»*. Выбери цвет своего настроения. У неодушевленного абстрактного существительного появляются несвойственные ему определения, более того, совершенно конкретное действие, например, *«выбери шляпку»*, переносится в план абстрактного: *«выбери настроение»* (Со.11/06).

Большое количество метафор содержится в примере, где представлена реклама средства для стирки деликатных вещей:

«Заботливая стирка капризных вещей! Раньше шерстяные вещи не любили стирку. После стирки они теряли цвет и пушистость, вытягивались и покрывались капризными катышками. Мало того, универсальные стиральные порошки разрушали структуру волокон и недостаточно удаляли сложные пятна. С появлением новой «Ворсинки» жизнь шерстяных вещей изменилась. Теперь они стирку просто обожают! ... Познакомьте свитер с новым жидким средством для стирки «Ворсинка», и он ответит Вам пушистой нежностью» (Лиза 37/06).

Всё объявление построено по эмоциональному типу, и можно предположить, что в данном тексте метафоры усиливают стереотип о женской капризности: *«хорошим отношением (заботливой стиркой) можно вернуть женщине хорошее настроение, сделав подарок (Познакомьте свитер с новым жидким средством для стирки «Ворсинка», и он ответит Вам пушистой нежностью)»*.

Следовательно, помимо прямых метафор этот текст содержит скрытую метафору, которая оказывает влияние на подсознание потенциальной покупательницы: *«...из цветов, из звёзд из осени сотвори себя сама»* EVA (Со.11/08).

Эта реклама косметических средств предлагает сотворить из прекрасной женщины.

Некоторые метафоры построены по принципу, когда одному неодушевлённому предмету приписываются свойства другого неодушевлённого предмета. Иногда в примерах женской рекламы наряду с метафорой встречается троп, близкий к синекдохе, когда происходит перенос с части наименования на целое. Одновременно с этим присутствует

и некое олицетворение, когда некоторые части тела (губы, кожа) приобретают черты одушевленного существительного, существуя самостоятельно, как бы вне женщины:

«*Ваш цвет лица обретает новую жизнь*» (Co.11/06); «*приучи ногти к экстриму*» (Co.11/06); *ваша кожа полюбит знаки внимания*» (Е. 12/06); «*пусть трепещут Ваши ресницы, заставляя трепетать сердца*» (МС 11/07); «*Verwandeln Sie Ihre Lippen in Spiegel-Glanz. – Пусть Ваши губы блестят как зеркало*» (Fr., 16/06); «*More power to kiss signs of aging good-bye – Большие силы, чтобы послать воздушный поцелуй всем признакам старения*»; «*OLAY loves the skin you're in. OLAY любит кожу, в которой Вы находитесь*» (Р. 6/03); «*Ein Geschenk an die Schönheit jeder Frau – подарок красоте каждой женщины*» (Fr. 13/07).

Эти примеры говорят о том, что подобное явление можно найти во всех исследуемых нами языках, однако оно наиболее распространено в рекламе на русском языке. Метафоричность действий, приписываемых коже, ногтям или губам, на самом деле можно рассматривать как скрытый комплимент их обладательнице: ваши губы блестят, как зеркало, они неотразимы, они ваши, а, значит, неотразимы и вы. Такую цепочку рассуждений можно создать практически на любом примере женской рекламы: ваша кожа полюбит знаки внимания, но это ваша кожа, а значит, и вам обеспечены знаки внимания. Если реклама обещает подарок абстрактной красоте каждой женщины, то это значит, что рекламируемый продукт сделает красивой каждую женщину, что и станет реальным подарком.

В рекламе женских товаров метафора выражает гендерный аспект, зачастую обращаясь к элементам волшебства: «*TOUCHE ECLAT – прикосновение волшебства*» (МС 11/07); «*...цвет лица становится сияющим, гладким, безупречным. Волшебство? Нет, инновация*» (Co.11/06); «*Verwandeln Sie Ihre Lippen in Spiegel-Glanz*». – Буквальный перевод: «*Превратите Ваши губы в блеск зеркала*» (Fr. 16/06). Здесь используется стереотип о женской импульсивности, эмоциональности в отличие от мужской логичности.

Проанализированные тексты журнальной рекламы содержат большое количество средств художественной выразительности, но лишь некоторые из них выражают гендерный аспект. Наиболее распространённым средством выражения гендерного аспекта в текстах женской рекламы на трёх исследуемых языках являются различные виды метафор, часто содержащих скрытый комплимент женщине.

Реклама на немецком и английском языках чаще гендерно нейтральна, что может быть объяснено влиянием феминизма. Реклама на русском языке более эмоциональна и выразительна по форме, что можно объяснить относительной новизной русской рекламы и конкуренцией на российском рынке товаров и услуг.

Список использованных источников

1. Максимова О. Б. Гендерное измерение в современном социально-коммуникативном дискурсе: роль рекламы [Электронный ресурс] // Вестник РУДН, серия Социология, –2004. – № 6 – С. 7–11. (дата обращения 6.12.2019).
2. Медведева Е. В. Рекламная коммуникация. М.: Изд-во ЛКИБ, 2008. – С. 134.
3. Tannen D. You just don't understand. Women and men in conversation. N.Y., 1990. цит. по Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах [Электронный ресурс] // «Гендер и язык». Языки славянской культуры. М.: 2005. С. 490.

Названия журналов

1. Co – Cosmopolitan
2. F. im S. – Frau im Spiegel
3. P. – People
4. К.и. – Караванистории
5. E. – Elle
6. MC – Marie Claire

УДК 81'25

О ПЕРЕВОДЕ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ**М. А. Шевчук-Черногородова,**

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии (СП), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье анализируются способы перевода устойчивых сочетаний, в состав которых входят культуронимы. Данные примеры рассматриваются на материале трех неблизкородственных языков – русского, английского и французского.

Ключевые слова: перевод, устойчивое сочетание, фразеология, культуроним, русский язык, английский язык, французский язык.

Summary. The article deals with the analysis of idioms with the cultural component. These examples are considered on the basis of three non-related languages – Russian, English and French.

Keywords: translation, idioms, phraseology, culturonym, Russian, English, French language

Культура и язык – это системы, находящиеся в сложных отношениях. В рамках каждой из них выделяются различные подсистемы, взаимоопределяющие друг друга. Так, язык становится одним из кодов, транслирующих культурную информацию и негенетическую память.

Говоря о воздействии языка на культуру, Э. Сепир и Б. Уорф, утверждали, что человек воспринимает мир сквозь призму родного языка, а это значит, что каждый язык создает свою «языковую картину мира». Ученые утверждают: язык хранит в себе определенную систему ценностей,

а выражаемые в нем значения складываются в коллективную философию, свойственную всем носителям данного языка.

Культурные коды выполняют две функции: с одной стороны, они позволяют объяснить действительность, с другой же стороны, они «усложняют мир, навязывая нам подобие разнородных объектов, заставляя воспринимать мир как магическую книгу, которую предстоит расшифровать... Таким образом, действительность, моделируемая культурными кодами, оказывается архетипическим текстом, требующим прочтения и задающим универсальные метафоры» [3, с. 19]. Т.е. в рамках того или иного культурного кода может существовать как универсальное, отражающее универсальные метафоры, так и национально-специфичное, в котором проявляется специфический компонент когнитивной дефиниции того или иного объекта действительности.

Метафоры и культурные коды, являющиеся основой многих устойчивых сочетаний и отражающие универсальное восприятие действительности, в меньшей степени представляют проблему в области перевода, так как, как правило, мы сталкиваемся с существованием эквивалентов или аналогов в языке перевода. Однако, наличие специфического или идиоэтнического в языке, а, в частности, и во фразеологии, порождает множество переводческих ошибок и упущений.

Как подчеркивает Т. А. Казакова: «...самое главное условие в любом случае – уметь распознать в тексте фразеологизмы, в отличие от свободных языковых единиц» [5]. Автору представляется наиболее продуктивным выделение в тексте противоречащих общему смыслу единиц, что свидетельствует о наличии в них переносного значения.

Соглашаясь с Т. А. Казаковой, попробуем также добавить, что некими маркерами фразеологизмов могут выступать также и культуронимы, входящие в их состав, в особенности, если они отражают специфические элементы культуры.

Обратимся к определению «культуроним» и классификации этих единиц в концепции В. В. Кабакчи и Е. В. Белоглазовой [См.: 4]. Совокупность элементов различных культур, прошедших этап вербализации в том или ином языке, называют культуронимами (*cowboy*, *Дума*, *Louvre*). В зависимости от универсальности, или, наоборот, специфичности вербализованных элементов культур ученые выделяют полионимы и идиокультуронимы. Полионимы представляются как универсальная культурная лексика, идиокультуронимы – специальная. Идиокультуронимы закреплены за специфическими элементами культур и часто в лингвистике называются языковыми реалиями.

Эти единицы представляют определенные трудности при переводе в принципе, но, находясь в составе устойчивых сочетаний, задача переводчика вдвойне усложняется. При переводе предполагается использование устойчивых единиц различной степени близости: от полного или частичного эквивалента до приблизительного фразеологического

соответствия. Соответственно и культуронимы, входящие в их состав, могут претерпевать различные изменения.

Рассмотрим основные способы перевода устойчивых сочетаний. При изучении русско-англо-французских соответствий, на наш взгляд, следует опираться на методику, разработанную Е. Ф. Арсентьевой [1; 2]. Согласно этой методике, устойчивое сочетание должно рассматриваться в трех аспектах – семантическом, структурно-грамматическом и компонентном. На основе этой методики выделяются:

I. эквиваленты (полные и частичные) – это устойчивые сочетания тождественной семантики, характеризующиеся незначительными расхождениями в плане выражения, которые могут носить компонентный или морфологический характер;

II. аналоги (полные и частичные) – устойчивые сочетания, выражающие одинаковое или близкое значение, но характеризующиеся полным различием или приблизительным сходством внутренней формы;

III. безэквивалентные единицы – устойчивые сочетания, не имеющие соответствия в других языках.

Как мы видим, эквиваленты подразделяются на полные и частичные. **Полные эквиваленты** имеют одинаковое значение, грамматическую организацию, передаются с помощью одних и тех же образов, совпадают стилистически, сохраняют в своем составе культуроним, например: **синий чулок; a blue stocking; bas bleu**. По одной из самых распространенных версий эта единица возникла в английском, а позже была заимствована другими языками. Однажды голландский адмирал Боскавен назвал «Обществом синих чулков» один из лондонских литературных салонов середины XVIII в., так как известный ученый Стиллингфлит появлялся в этом салоне в синих чулках. Затем, уже в середине XIX в. в Европе были очень популярны сатирические картины серии «Синий чулок» французского художника Оноре Домье, на которых женщины изображались в виде отталкивающих существ, погруженных в философские рассуждения. Так это устойчивое выражение, частично изменив свое значение и приобретя пренебрежительный оттенок, вместе с распространением нового типа женщин прижилось во французском и русском языках.

Частичные эквиваленты характеризуются незначительными различиями. В большинстве случаев они отличаются компонентным составом, причем в качестве различающихся компонентов, как правило, выступают лексемы сходной понятийной или смежной семантики, то есть культуроним сохраняется в составе устойчивого сочетания, либо заменяется на близкий по смыслу. Если мы рассмотрим примеры ***Москва не сразу строилась; Rome was not built in a day; Paris ne s'est pas fait en un jour*** или же ***красный, как рак, (as) red as a lobster, rouge comme un homard***, то мы увидим, что, несмотря на сохранение структуры в целом, происходит изменение культуронима в составе устойчивого сочетания. Хотя в первом случае все три сочетания являются интернационализмами,

заимствованными из итальянского ***Roma non fu fatta in un giorno***, культуронимы (а именно топонимы) будут разными в каждом из языков – Рим, Париж и Москва, объединенные одной идеей – крупного города.

Применение метода фразеологического **аналога**, то есть подбор в языке перевода такого фразеологизма, который передавал бы его значение иным образом, согласно В. Н. Комиссарову, является наиболее удачным, в случае, когда в языке перевода не существует фразеологического эквивалента [6, с. 14]. Фразеологический аналог является полноценным соответствием переводимого устойчивого сочетания, но отличается от него по какому-либо показателю: замена компонента, изменения формы, изменение синтаксического построения и др.

Таким образом, аналоги при совпадении сигнификативно-денотативного макрокомпонента значения и субъективно-оценочной коннотации могут иметь различия не только в компонентном составе и структурно-грамматической организации, но и образной основе, функционально-стилистической принадлежности, эмотивных семах и коннотации. Используя фразеологический аналог при переводе, компоненты культуронимы могут заменяться или же вообще отсутствовать, например: *как сыр в масле кататься*; *live in clover*; *être comme un coq en pâte*.

В отдельную группу следует отнести **структурные псевдо-эквиваленты** – устойчивые сочетания, имеющие эквивалентную структуру, но различную семантику. Это фразеологизмы – ложные друзья переводчика, как, например, в паре русский-французский: *белая зависть* *зависть без чувства досады, раздражения возможностями или успехами другого* – *jaalousie blanche* *слепая ревность*.

Наличие **безэквивалентных единиц** не означает, что они переводятся с меньшей точностью, чем единицы, имеющие прямые соответствия. При переводе безэквивалентной единицы создается некое окказиональное соответствие. Так, при передаче безэквивалентных устойчивых сочетаний могут использоваться калькирование, описательный или лексический способы перевода. Значение безэквивалентных устойчивых единиц могут передать либо лексемы, либо свободные словосочетания. Согласно мнению М. П. Кочергана [7, с. 340], во многих случаях эквивалент-слово обладает достаточно высоким уровнем внутренней экспрессии, которая компенсирует отсутствие аналога или эквивалента устойчивого сочетания. Калькирование дает возможность донести живой образ фразеологизма, что иногда невозможно при использовании свободного необразного словосочетания, являющегося объяснением значения исходной единицы. Это относится, прежде всего, к устойчивым сочетаниям, обозначающим несуществующие в других культурах и языках реалии.

Таким образом, к способам **перевода безэквивалентных устойчивых сочетаний** можно отнести:

- транскрибирование или транслитерацию (полную или частичную);
- кальки и полукальки;
- эквивалент-слово, обозначающее нечто близкое к рассматриваемой единице;
- описательный, перифрастический перевод;
- нулевой, или лакунарный перевод (пропуск устойчивого сочетания).

Таким образом, специфика работы переводчика с единицами фразеологического фонда языка, прежде всего, основывается на их выявлении в тексте, затем нахождении эквивалента или аналога в языке перевода, а, в случае его отсутствия, выборе адекватного способа передачи специфических и, как правило, экспрессивно и эмоционально окрашенных единиц языка.

Работа переводчика несомненно облегчается, если в сопоставляемых языках действуют одни и те же продуктивные «образные идеи», по которым сформировано значительное количество устойчивых сочетаний с одинаковым или близким значением. Значит, достаточно высока вероятность, что у этих единиц будут эквиваленты в сопоставляемом языке, а, наоборот, несовпадение образной основы сводит эквивалентность к минимуму. Осторожность следует проявлять в отношении единиц, эквивалентных по структуре, но отличных в плане семантики; это так называемые «ложные друзья переводчиков», которые нередко сбивают с толку переводчика.

Список использованных источников

1. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках и вопросы создания русско-английского словаря: дисс. ... доктора филол. наук. – 1993. 123 с.

2. Арсентьева Е. Ф. Способы достижения максимальной адекватности перевода в многоязычном фразеологическом словаре // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: труды и материалы / [под общ. ред. К. Р. Галиуллина]. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 42-43.

3. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М. : Гнозис, 2007. 228 с.

4. Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию. Учебное пособие. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 252 с.

5. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English-Russian. СПб.: Союз, 2001. 320 с.

6. Комиссаров В. Н. Теория перевода: лингвистические аспекты. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

7. Кочерган М. П. Основы зіставного мовознавства : підручник. К.: Академія, 2006. 424 с.

УДК 81'25

К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНЦИЯХ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПЕРЕВОДА: ПОПЫТКА ОБЩЕЙ МОДЕЛИ (РАМОЧНОЙ КОНСТРУКЦИИ)

Д. Н. Шленнев,

*доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода,
Нижегородский государственный лингвистический университет имени
Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка представить общую модель (или, лучше сказать, рамочную конструкцию) компетенций преподавателя перевода. Модель не призвана заменить собой уже существующие: автор стремится а) предложить инструмент осмысления и анализа, а также б) обратить в своих комментариях внимание на некоторые моменты, которые не всегда полноценно осознаются.

Ключевые слова: подготовка преподавателей перевода, компетенции преподавателя перевода, модель компетенций, дидактика перевода.

Summary. The article attempts to build up a general model, or rather a general framework of competences for a translator trainer. It is not intended to be a replacement for any existing model: the author is trying here a) to offer a tool for analysis and reflection and b) to emphasize in his commentaries some details, which don't always seem to get the attention they deserve.

Key words: translator trainer training, translator trainer competence, competence model, competence framework, didactics of translation.

1. Проблема подготовки преподавателей перевода и, конкретнее, их профессиональных компетенций не утрачивает актуальности, как минимум, с того момента, когда в университетском образовании стали обособляться программы переводческой – и именно переводческой – подготовки. В последние годы этот вопрос снова звучал весьма остро.

2. В цели настоящей статьи не входит ни составление (полного) перечня компетенций преподавателя перевода, ни обзор имеющихся моделей или перечней. Как представляется, из них особого внимания заслуживают подробные разработки Д. Келли [3, с. 150–151; 4, с. 105–110] и экспертной группы ЕМТ (European Master's in Translation) [2]. В качестве же актуального введения в более общую тему подготовки преподавателей перевода хотелось бы также упомянуть две недавние статьи, в которых содержится широкий обзор публикаций по этому вопросу, и приводятся важные данные и мнения: см. [5; 6].

Здесь ставится скромная задача представить в первом приближении общую модель – или, точнее, рамочную конструкцию – компетенций, которая могла бы послужить дополнительным инструментом, призванным прежде всего помочь в осмыслении и анализе требований к преподавателю

переводческих дисциплин. Модель не призвана заменить собой предложения и достижения предшественников: как таковая она им и не противоречит, но дает дополнительную возможность их изучения, сопоставления, систематизации, использования. Предлагается взглянуть на исследуемый предмет под определенным, как мне кажется, небесполезным ракурсом и обратить внимание на некоторые существенные детали, заслуживающие чуть более пристального взгляда.

3. Предлагаемая модель изображена на Схеме 1. Выделены три основных модуля (блока): *профессиональные переводческие компетенции; общедидактические; специально-дидактические*. Общедидактические компетенции (должны быть) присущи преподавателю безотносительно преподаваемого предмета. Специально-дидактические – связаны с преподаванием собственно переводческих дисциплин, т.е. это сфера *дидактики перевода* как таковой. Внутри модулей «переводческие компетенции» и «специально-дидактические» предлагается выделить *общие*, или стержневые, и *частные* компетенции. Это существенная деталь, к которой вернемся ниже. Стоит оговориться, что личностно-психологические качества не обособлены, т.к. представляют для данной схемы более низкий уровень обобщения и входят в состав как переводческой компетенции, так и общедидактической.

Схема 1. Общая модель компетенций преподавателя перевода

В самом общем виде самоочевидны два блока, как бы кто их ни называл и как бы ни перетасовывал в различных классификациях их компоненты: профессиональные переводческие компетенции и дидактические. Однако, как представляется, особенно важно подчеркнуть *дуализм дидактических компетенций* и отдельно задаться вопросом о специально-дидактической составляющей.

Границы между, с одной стороны, переводческими и специально-дидактическими и, с другой – общедидактическими и специально-дидактическими компетенциями проницаемы, что обозначено пунктиром. В

частности, это означает влияние и взаимосвязь, а также конкретизацию компетенций, о чем еще будет сказано далее. Итак, по порядку.

4. Владение переводческими компетенциями – изначальное требование для преподавателя перевода. С одной стороны, оно очевидно, с другой же – несмотря на все многолетние и громогласные попытки специалистов докричаться – по сегодняшний день порой не осознается должным образом. В результате в обществе лишь укрепляется непрофессиональное представление о переводе. Возможна, впрочем, и неприятность локального характера: ситуация, когда «не осознающий» вуз вдруг привлекает в качестве одного из преподавателей профессионального переводчика (для руководства практикой, ведения какой-либо дисциплины...), чревата конфузом и когнитивным диссонансом у всех взаимодействующих сторон, в т.ч. (особенно?) у студентов.

5. Однако быть «практиком» недостаточно для преподавания – и это тоже прописная истина, тоже неоднократно повторенная и тоже порой недостаточно усвоенная: как выразился в одной из социальных сетей кто-то из, видимо, молодых переводчиков-практиков, неудовлетворительное качество подготовки студентов объясняется тем, что мало практиков приходит к ним «делиться мастерством». Если бы все было так просто... Преподавание – не менее специфическая деятельность.

6. Выделение *общих* и *частных* компетенций в рамках профессионально-переводческого и специально-дидактического модулей не просто важно: оно диктуется самой жизнью. *Общие* (стержневые) компетенции едины для всех и могут формулироваться в некоей общей же модели (перечне). *Частные* – соотносимы с определенными (конкретными) видами переводческой деятельности, видами работ и преподаваемыми дисциплинами. Создатели различных моделей компетенций по естественной причине направляют основные усилия на «общее»: ведь это и поддается обобщению.

Можно и нужно говорить о переводческих компетенциях «вообще», присущих самой профессии переводчика, но также необходимо (а на практике неизбежно) – о знаниях и умениях специфических, связанных с определенными видами работ или разновидностями перевода: сравним аудиовизуальный перевод, юридический, художественный, синхронный, последовательный, локализацию ПО... – перечисление сознательно построено на разных критериях, чтобы нагляднее показать столь важные для практики вариации. И в жизни, замечу, такие частные требования либо самоподразумеваются, либо даже закрепляются документально.

Что же касается преподавания, мало заявить: «Преподавателю перевода необходимо владение переводческими компетенциями». Преподавание той или иной дисциплины, обучение тем или иным видам работ, выдача студентам того или иного задания должны сопрягаться со следующими требованиями: *преподаватель должен владеть данным видом переводческой деятельности, понимать ее специфику, требования к ней и*

уметь на профессиональном уровне выполнять данные виды работ и заданий. Подобное требование можно обнаружить в перечне ЕМТ, ср.: «Ability to perform any task assigned to the students according to the quality standards required in professional practice» [2, с. 2]. Формулировка общая, но она очевидным образом отсылает к частным компетенциям.

Частные компетенции подлежат учету в зависимости от конкретной сферы деятельности, вида работ или учебного курса. И главный вопрос вовсе не в том, чтобы все их непременно зафиксировать в некоем перечне для преподавателя. *Сам этот факт необходимо предельно четко осознавать преподавателям и их руководству, чтобы не плодить недостаточно квалифицированных «многостаночников»:* если N может со знанием дела преподавать ту или иную переводческую дисциплину, это не значит, что он непременно хорош в любой другой. Это недостаточно осознается в вузах. Там может наблюдаться своеобразное двоякое преломление известного мема «ты ж переводчик»: а) «ты ж преподаватель перевода», вот и веди любой перевод, раз это «перевод»; б) создадим единственную дисциплину «перевод всего», в рамках которой и будем обучать всему и всякому переводу, видимо, сразу.

7. Правомерен следующий вопрос. Являются ли специально-дидактические компетенции (их общий компонент) лишь конкретизацией общедидактических – грубо говоря, лишь за счет добавления слова «перевод» – или же они несут в себе и что-то сугубо «свое»? Насколько можно судить, в цитированных выше работах обнаруживается главным образом общедидактическая составляющая. Пример: умение создавать программу дисциплины или понимать существующую и реализовывать ее (ср. [2, с. 3]) – это общедидактическая компетенция. Она конкретизируется спецификой предмета, но в своей основе является общедидактической.

Вопрос этот далеко не праздный: *если возможны специальные требования к преподавателю перевода, не выводимые непосредственно из общедидактических путем простой конкретизации, то выявить их особенно необходимо.*

В качестве примера и рабочей гипотезы можно назвать следующие исключительно специально-дидактические компоненты:

А) Владение релевантным материалом теории перевода и дидактики перевода и умение его использовать (замечу, что этот компонент так или иначе упоминается всеми). Более того, характер владения теорией различен для преподавателей теории и практики перевода. Релевантность материала подчеркнута здесь не зря: важно осознавать, например, что именно из «теории» и для чего нужно преподавателю практики, иначе общая (но строгая: «знать теорию!») формулировка выльется в бюрократически-абсурдное и малоисполнимое требование.

Б) Изучение языка не является целью занятий по переводу, но преподавателю перевода приходится объяснять те или иные лингвистические аспекты (т.е. это вынужденно-сопутствующая задача) – и

он должен уметь это делать в пригодной форме и на необходимом уровне. Как известно, В.Н. Комиссаров относил к компетенциям преподавателя перевода владение ИЯ и ПЯ [1, с. 333–334]. Однако в нашем случае само владение языками следует признать компонентом не дидактической, а переводческой компетенции. А вот умение объяснять – другое дело. При этом такие объяснения все-таки отличаются по своей специфике от деятельности преподавателя языка (за исключением, впрочем, тех случаев, когда преподаватель перевода вынужден восполнять недопустимые пробелы у студентов, выполняя де-факто не свои функции).

В) Не будем забывать: перевод – далеко не только лингвистика. Преподавателю перевода приходится освещать – и он должен уметь это делать – многочисленные вопросы самой разной природы, связанные с данным видом деятельности, данной областью, данным видом перевода. Сказано сейчас об этом коротко, но это чрезвычайно широкое поле.

О продолжении списка стоит, безусловно, задуматься.

В таких специальных/частных аспектах особенно ярко проявляется междисциплинарный характер и перевода как практической деятельности, и теории перевода, и дидактики перевода.

8. В заключение можно заметить следующее. Дидактические компетенции выходят за пределы одной лишь «методики проведения урока»: ср. хотя бы цитированные работы. Кроме того, некоторые требования способны иметь разную градацию, и если это не осознавать, то строго-максималистская формулировка окажется пустой бюрократической.

Хотелось бы также обратить внимание на требование из перечня Д. Келли: «understanding of the educational context in which training takes place (local, national, international)» [3, с. 151; 4, с. 105–106]. Оно приобретает особое звучание, когда практик приходит преподавать в вузе («на четверть ставки», для отдельных дисциплин и т.п.). Мало иметь хорошие идеи и предложения. Необходимо понимание их осуществимости в данном контексте (ситуации, программе), понимание того, чем занимается или вынужден заниматься преподаватель, препятствий и ограничений и т.д. В российской действительности, увы, особенно важно понимать совокупность проблем – и нередко совершенно абсурдного, монструозного свойства, – с которыми сегодня сталкивается высшее образование вообще и переводческое образование в государственных вузах в частности (а оценить эти проблемы извне довольно сложно). Нам всем вместе нужно постараться решить не одну проблему, а целый их комплекс. Постараться изменить ситуацию. Понять, что и в чем менять. Иначе будет наблюдаться вечный «рассинхрон». Кстати, как мне кажется, на уровне вузов сегодня не очень хорошо отрефлексирован вопрос, кого и зачем мы готовим (можно готовить) на любом данном уровне образования – бакалавриате, специалитете, магистратуре...

Список использованных источников

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. 2-е изд., испр. М.: Р.Валент, 2011. 408 с.

2. EMT Expert Group. The EMT Translator Trainer Profile. Competences of the Trainer in Translation [online]. [Electronic resource] // 2013. – Mode of access: URL: <http://docplayer.net/14445272-The-emt-translator-trainer-profile-competences-of-the-trainer-in-translation.html> (дата обращения: 5.01.2020)

3. Kelly D. A Handbook for Translator Trainers: A Guide to Reflective Practice. Manchester: St Jerome, 2005.

4. Kelly D. Training the Trainers: Towards a Description of Translator Trainer Competence and Training Needs Analysis // TTR: Traduction, Terminologie, Rédaction. 2008. № 21 (1). P. 99–125.

5. Massey G., Kiraly D., Ehrensberger-Dow M. Training the translator trainers: an introduction // The Interpreter and Translator Trainer. 2019. № 13:3. P. 211–215.

6. Orlando M. Training and educating interpreter and translator trainers as practitioners-researchers-teachers // The Interpreter and Translator Trainer. 2019. № 13:3. P. 216–232.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00149 «Основные принципы подготовки преподавателей перевода».

УДК 81'25

ОБЩИЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КУРСА «ЮРИДИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД»: КОНТРОЛЬНЫЙ СПИСОК

Д. Н. Шлепнев,

*доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода,
Нижегородский государственный лингвистический университет имени
Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Аннотация. Юридический перевод должен несомненно входить в программу переводческой подготовки. В настоящей статье предпринята попытка предложить набор (контрольный список) основных принципов курса юридического перевода. Попутно автор также обращает внимание на некоторые методические ошибки.

Ключевые слова: юридический перевод, методические рекомендации, методические принципы, общие принципы, контрольный список, чеклист, дидактика перевода, подготовка переводчиков.

Summary. Legal translation should undoubtedly be part of the translator training curriculum. This article aims to suggest a set, or checklist, of basic principles for a course in legal translation. The author also tries to highlight some incongruities or didactic errors that should be avoided.

Key words: legal translation, didactic suggestions, didactic principles, basic principles, checklist, didactics of translation, translator training.

На прошлогодней конференции я предпринял попытку изложить общие принципы и проблемы юридического перевода (далее ЮП) в виде своего рода контрольного списка (чеклиста) [1]. Может быть, имеет смысл

продолжить этот опыт и попытаться в том же сжатом формате представить некоторые общие методические рекомендации по организации курса ЮП (или общие методические принципы такого курса). В подробном виде соответствующие рассуждения и аргументация содержатся, в частности, в обширной главе монографии [2] и некоторых иных публикациях. Однако было бы удобно иметь и компактный справочный инструмент, не претендующий на исчерпывающее описание, но заключающий в себе, как минимум исходные, главные принципы.

Будем исходить из того, что имеется в виду единая дисциплина или даже программа ЮП, а не краткий учебный курс, посвященный отдельной проблеме или жанру (курс перевода договоров и т.п.). Эту дисциплину (или «Основы ЮП») давно пора внедрять в программы университетской подготовки переводчиков. Значимость и польза узкоспециализированных отраслевых курсов при этом не отрицается – положительным опытом нужно пользоваться и интегрировать его. Общие принципы ЮП все равно остаются общими. Но здесь мы будем исходить из необходимости представить курс ЮП во всей, насколько это возможно, своей красе. Кстати, отдельные курсы могут в совокупности формировать и единую программу ЮП, что возвращает нас к общим принципам.

Нижеследующие принципы нередко пересекаются и, конечно, взаимно определяют друг друга.

☑ Цель курса ЮП: **сформировать верное представление о специфике ЮП, структуре и взаимосвязи его проблем и о возможных путях их решения для производства качественного продукта; (помочь) научиться принимать ответственные обоснованные стратегические (глобальные) и тактические (локальные, частные) решения, приемлемые для данных материалов в данных ситуациях.**

Уточнение 1. Естественно, ЮП следует общим дидактическим принципам перевода, на которых останавливаться надолго не будем: необходимо понимание, что главное требование – обеспечить функциональность перевода; что всегда имеется текст + вербальный и невербальный контекст + ситуация; что перевод всегда осуществляется за чем-то, для кого-то, в определенных условиях; что всегда необходима подготовка к работе (поиск информации); что частное решение по тексту должно быть совместимым с контекстом и избранной стратегией и т.д. Как и иной перевод, *ЮП – это работа со смыслами*: юридический переводчик производит *толкование* текста в стремлении установить *смысл* и передать *смысл*, причем в корректном оформлении, с надлежащим соблюдением *жанровых конвенций, юридического стиля и профессионального узуса*.

Уточнение 2. Понимание специфики и проблем ЮП подразумевает также верное представление о специфике права, функционировании юридических текстов и т.д. Общий набор необходимых знаний и представлений был описан в первом контрольном списке.

☑ Автоматически подразумевается, что этот набор знаний и

представлений необходим преподавателю ЮП.

☑ Несколько «не», или *Каких общеметодических ошибок следует избегать*. Они взаимосвязаны.

√ **Не смешивать курс ЮП с курсом языка или права:** это разные предметы, у них разные цели и разные принципы. Соответственно:

√ **Не насыщать курс сплошь общими обзорными, даже, строго говоря, не юридическими текстами** (что такое право, что такое такой-то орган, «правосудие в такой-то стране» и т.д.), да еще с непременными «вопросами по тексту» – точно такими же, как на языковых дисциплинах, и не помогающими именно в переводе. См. ниже о подборе материалов.

√ **Не считать, что цель курса ЮП – «выучить темы».** Цель – не приобретение знаний о системе права, о каких-то избранных (почему тех, а не других?) правовых институтах и т.п.: см. выше цель курса ЮП. Вообще же помнить, что пополнение когнитивного багажа есть задача сопутствующая – да, *неизбежная и необходимая*, но всегда подчиненная цели курса ЮП вообще и данной переводческой задаче в частности.

√ Замечание того же порядка, но под чуть иным ракурсом. **Не строить курс ЮП по тематическому принципу:** на первом уроке изучаем гражданское право, на третьем – уголовное и т.д. Почему преподаватель «ЮП» считает, что можно «изучить» все темы на свете за срок, куда меньший по сравнению со сроком подготовки профессионалов-юристов? И им такое не под силу. Мы снова видим смещение целей. Уточнение: не путать в этом смысле «тему» и жанр: «договор» – жанр; «административный процесс» – тема; о жанровом принципе ниже.

√ **Не практиковать лингвоцентрический (наивный!) подход.** Эта ошибка способна проявляться на нескольких уровнях и в разных комбинациях. Игнорирование собственно правовой специфики. Игнорирование юрислингвистики. Игнорирование специфических собственно переводческих аспектов в ЮП – проблем, принципов, стандартов и требований. Так, ЮП может сводиться к функционально-стилистическим характеристикам текста, к «голому» тексту в отрыве от весьма специфической правовой составляющей, игнорируются вариации в требованиях для разных категорий текстов в различных (причем стандартных для этих текстов) ситуациях... И, наконец, сведение перевода к контрастивной лингвистике, к «правильным трансформациям» и работе над отдельными словами и предложениями, а не над текстом-контекстом-ситуацией... – см. следующий же пункт.

☑ **Работа должна вестись с текстами – не с отдельными высказываниями и словами.**

Уточнение 1. Очевидно, что объемные тексты (ср. учебник, кодекс – да и не только они) не могут быть заданы полностью. Избираются фрагменты достаточной протяженности, обладающие достаточной автономностью, законченностью (реальной практике перевода это не противоречит); при этом студенты должны осознавать, что имеется более

широкий контекст и, когда это возможно (это возможно не всегда) иметь к нему доступ (ср. закон: доступ к полному тексту получить легко).

Уточнение 2. Работа с фразами возможна при соблюдении следующих условий: а) это упражнение по определению не основное, а дополнительное (сопутствующее), занимающее подчиненное положение; б) велика роль узуальных конструкций и клише, владение которыми необходимо; в) подразумеваемая ситуация и имеющийся контекст (переводимый «главный» текст и тот текст, из которого извлечены данные фразы, их тематика) в достаточной степени служат опорой для переводческих решений, а микроконтекст (данное высказывание) обладает относительной полнотой и законченностью; г) имеется возможность или необходимость посмотреть контекст данной фразы, тот текст, откуда она извлечена (пример: закон). В одних случаях такие упражнения осуществимы без чрезмерных натяжек (ср. формулировки / пункты договора, закона и т.д.), в других же – являют собой не переводческие, а чисто языковые упражнения. Необходимо также оговаривать, что, если бы велась работа над *текстом*, то это оказывало бы влияние на перевод.

☑ **Необходимо охватить различные виды юридического дискурса:** не только нормативный, не только доктринальный... Разновидности юридического дискурса обнаруживают богатую палитру жанров, а определенные жанры являются основными, репрезентативными для данного вида дискурса. Соответственно, этот параметр тесно связан со следующим, а их разумная комбинация может при необходимости обеспечить специализацию курса ЮП.

☑ **Подбор и организация материала опирается на дискурсивно-жанровый принцип:**

✓ **На перевод подбираются не «темы» (см. выше), а жанры.**

✓ **Задача – ознакомиться со спецификой данного вида дискурса и данных жанров, спецификой перевода данных жанров, соответствующих ситуаций, требований к переводу, проблем и путей решения.** Ср.: как, для чего и что значит переводить договор, закон, доверенность, учебник; что нужно, можно и нельзя делать – и почему – в этих разных случаях и т.д. Тематика же может служить при необходимости дополнительным корректирующим принципом.

✓ **Необходимо жанровое разнообразие –**

✓ **При этом жанры избираются с учетом их ценности для перевода, репрезентативности с точки зрения перевода.**

✓ Можно назвать следующие жанры, изучение которых необходимо в курсе ЮП: *договор* (абсолютное требование! В первую очередь договор поставки/купли-продажи. На договор требуется достаточно времени, степень сложности может сильно отличаться, и к договорам можно возвращаться на разных уровнях обучения); *закон* и/или *кодекс*; *учебник* и/или *научная статья* (варианты: *монография*; *комментарии* к закону; *обзорная статья*, близкая даже к параюридическому дискурсу);

доверенность; некоторые *трафаретные документы* (от диплома до справки с места работы и т.д.) – разбор таких документов может быть малоинтересен технически в силу зашкаливающей клишированности по принципу «просто знаешь-не знаешь», «есть у тебя шаблон-нет шаблона» (это не значит, что впервые переводить такой документ просто), а потому здесь важно показать сам принцип и проблемы (а они, безусловно, есть); *судебное решение* (не в начале курса, а, в силу сложности, ближе к концу или в конце); *устав организации* (на начальном этапе слишком сложно, т.к. необходимо разобраться с массой вещей – с теми же организационно-правовыми формами). Объем и состав перечня, объем работ диктуются на практике обстоятельствами – от программы до этапа обучения.

☑ Материал должен быть аутентичным.

☑ Материал должен быть актуальным. Погоня за сверхактуальностью не нужна. В праве очень старые тексты могут быть актуальными, а новые – способны утрачивать актуальность в одно мгновение. См. следующий принцип – он и определит актуальность:

☑ Материал должен обладать потенциальной востребованностью: мы моделируем ситуацию, в которой понадобится перевод данного текста: профессиональный перевод делается не ради самого акта перевода, а *зачем-то*.

☑ Материал должен обладать дидактической ценностью – быть дидактически релевантным, т.е. полезным для обучения именно переводу.

☑ Мы учитываем знания преподавателя в предметной области.

☑ Мы учитываем динамику приобретения знаний в предметной области студентами. Здесь нужно выделить два момента, в зависимости от того, идет ли речь о студентах-юристах или о «просто» переводчиках.

Вариант 1: студенты-юристы. Требование в этом случае прозрачно. И замечу по пути, что ни одного камня не брошу в саму идею программ перевода в сфере профессиональной коммуникации. Вопрос в качестве конкретной программы, в сложностях и препятствиях и т.д. Но сама мысль разве плоха? Это и есть обеспечение полезной специализации в переводе.

Вариант 2: «просто» переводчики. В чистом виде этот принцип, видимо, нереализуем, зато здесь особенно остро встает вопрос о приобретении минимально необходимых представлений о правовой материи. В идеале, конечно, хорошо бы иметь курс введения в право и т.п., «заточенного» под наши цели. В любом случае необходимо снабжать студентов информацией непосредственно в рамках курса ЮП.

☑ Мы учитываем уровень обучения: самоочевидно.

☑ Основное направление перевода – на родной язык. Однако известно, что **востребован и перевод на язык иностранный**. Значит им необходимо заниматься и, более того, тоже выносить на контроль.

☑ Основные виды упражнений (в общем виде). Основа: групповое обсуждение выполненного дома перевода – от обсуждения проблем и путей их решения до обсуждения переводов. Также: вербализация анализа и

подготовки (в т.ч. обсуждение проблем); (подготовленный) перевод с листа; реферативный перевод; анализ и критика ранее выполненного стороннего перевода / сравнение переводов. В ЮП вливается «коммерческий перевод» (та часть его, которая связана с заключением и реализацией сделки). А здесь можно также добавить составление текста (запроса, оферты, заказа, претензии) по заданным параметрам и ролевую игру (заключение сделки и обмен корреспонденцией).

☑ Длительность курса ЮП: чем больше, тем лучше. Замечу, что объем в 36 часов, а то и меньше, как у нас теперь любят планировать (т.е. из расчета по 2 часа в неделю в течение семестра) – это *ничто* для ЮП, это *не* ЮП. В этот объем можно уложить лишь фрагменты курса: например, с небольшим запасом, работу с договором («основы перевода договоров» и т.п.) или вводные лекции плюс что-то еще...

☑ В структуре курса **необходима вводная лекция (лекции)** – для **объяснения специфики и проблем ЮП и ориентирования студентов**.

Выше изложены общие принципы (рекомендации). Разумеется, специфика конкретной программы подготовки влияет на их реализацию. Кроме того, *необходима дальнейшая конкретизация практического дидактического свойства по конкретным видам юридического дискурса, жанрам и видам работ*: их специфика, принципы работы и т.п.

Список использованных источников

1. Шлепнев Д. Н. Юридический перевод: контрольный список руководящих принципов // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции, Симферополь, 25–27 апреля 2019 г. / гл. ред. М. В. Норец. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 458–463.

2. Шлепнев Д. Н. Курс юридического перевода // Методические основы подготовки переводчиков: обобщение опыта: Монография / Под общ. ред. В. В. Сдобникова. Н. Новгород: НГЛУ, 2017. С. 59–110.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00149 «Основные принципы подготовки преподавателей перевода».

УДК 82.091

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ «ОРЛАНДО»

Т. В. Языкова,

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается вопрос жанровой принадлежности произведения Вирджинии Вулф «Орландо», который важен для понимания процесса творческого поиска писательницы. Цель

работы: проанализировать характерные признаки романа и биографии в произведении «Орландо» и сделать предположение о его наиболее вероятной жанровой принадлежности. Использованный метод: литературоведческий анализ. В результате проведенного анализа черт романа и биографии, которые можно найти в произведении, автор приходит к выводу, что некорректно относить «Орландо» к жанрам романа или биографии. Учитывая особенности произведения, предлагается причислить его к жанру романизированной биографии-пародии.

Ключевые слова: жанр, биография, роман, рассказчик, биограф, автор, романизированная биография-пародия.

Summary. The article deals with the issue of genre of «Orlando» by Virginia Woolf. It is important for understanding her development as a writer. The aim of the article is to analyse the features of the novel and biography in «Orlando» and to make suggestions about its combined genre. The methodology used is literary analysis. After analysing the features of the novel and biography that can be found in «Orlando» the author of the article arrives to the conclusion that it is incorrect to give «Orlando» the name of a novel or a biography. The attempt is made to give it a combined name of an a novelized biography-parody.

Key words: genre, biography, novel, narrator, biographer, author, novelized biography-parody.

Вопрос жанровой принадлежности произведения Вирджинии Вулф «Орландо» неоднократно поднимался исследователями творчества писательницы [3, 4, 5, 6]. На первый взгляд, тут всё просто: стоит лишь прочесть полное название произведения, которое гласит: «Орландо: биография». Однако, едва приступив к чтению книги, читатель начинает сомневаться в искренности писателя. Возможно ли (для 20х годов прошлого века) написание биографии вымышленного персонажа, который живёт в течение трёх веков, меняя свой пол? Поэтому многие критики стали определять жанр произведения как «роман», основываясь на наличии в нём характерных черт романа: чётко очерченный образ главного героя, одна сюжетная линия, описание эпох, на протяжении которых разворачиваются события и голос рассказчика, повествующий о них. Однако, если пристально рассмотреть все эти черты, то определение жанра произведения как «роман» вызывает сомнение.

Цель данной статьи – проанализировать характерные признаки романа в произведении «Орландо» и сделать вывод о его наиболее вероятной жанровой принадлежности.

Прежде всего стоит обратить внимание на то, как сама Вирджиния Вулф определяла своё творение. Закончив написание «Орландо», писательница оставила такую запись в своём дневнике: «Как бы то ни было, я рада, что на этот раз избежала написания «романа»; и надеюсь никогда больше не приниматься за него снова» [7]. Однако из всех написанных ею произведений «Орландо» как нельзя более подходит под определение романа, поэтому необходимо рассмотреть особенности воплощения

основных признаков романа в тексте «Орландо».

Главный герой присутствует, его образ чётко очерчен, но, как замечает Н. П. Михальская, герой – «существо условное, символизирующее духовные и физиологические начала, свойственные человеку вообще, вне зависимости от среды, эпохи, возраста и пола» [4, с. 99–100]. А. А. Аствацатуров продолжает эту мысль: «Неизменным в романе остается лишь человек. Ни время, ни даже смена пола не делают его иным. Орландо вынужден смотреть на мир сквозь стереотипы каждой эпохи, но внутренне он остается прежним. И блистательная литературная игра, затеянная Вирджинией Вулф в «Орландо», ставит своей целью защитить идею внутренней свободы человека, ибо лишь ему дана возможность создавать и изменять мир» [1].

Что касается одной сюжетной линии, то значительные события из жизни Орландо, на которых бы непременно остановился и биограф, и писатель-романист, упоминаются вскользь, тем самым подрывая основные каноны написания и биографии, и романа: его служба при дворе Елизаветы I, перевод в Стамбул и служба там в качестве английского посла не описываются как основные, а скорее, как некие фоновые события из жизни Орландо. Смена пола вообще рассматривается как нечто обыденное, что может случиться с каждым: «Орландо стал женщиной – это невозможно отрицать. Но во всём остальном никаких решительных перемен в Орландо не произошло. Перемена пола, изменив судьбу, ничуть не изменила личности. <...> Перемена совершилась, кажется, безболезненная, полная, да так, что сама Орландо ничуть не удивилась» [2, с. 432].

Описание же эпох, на протяжении которых разворачивается жизнь главного героя, совсем не соответствует реальности. Как замечает А. А. Аствацатуров, «повествователь предлагает нам не исторический или научный обзор каждой из литературных эпох, а предоставляет возможность ощутить ее дух, взглянуть на нее так, как если бы читатель в ней жил. Нам прежде всего рассказывается о том, как люди воспринимали окружающий их мир. Повседневная реальность пропущена сквозь сознание Орландо, который живет последовательно в различных эпохах» [1]. Искушенный читатель не склонен поверить автору, когда тот утверждает в романе, что климат в XVI веке был совершенно иной в Англии, чем в веке XX, и что на протяжении всего XIX века непрерывно шли дожди.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что Вирджиния Вулф приложила много усилий, чтобы отойти от канонов написания типичного викторианского или эдвардианского романа при создании «Орландо», и называть это произведение романом было бы некорректно.

Для Вирджинии Вулф «Орландо» – это биография, но не биография в традиционном викторианском понимании этого определения. В подзаголовке произведения Вирджинии Вулф автором обозначено, что это биография, хотя фантастический сюжет текста говорит о том, что это

художественное произведение. С самого начала понятно, что «Орландо» никак не может быть биографией, потому что сам персонаж Орландо выдуманный. Орландо не мог существовать в реальности, поэтому он/она является плодом воображения писательницы. Однако хорошо известен тот факт, что прототипом «Орландо» является Вита Сэквилл-Уэст, бисексуальная английская поэтесса и аристократка, чей открытый брак с сэром Гарольдом Николсоном приводил к страстным романам с женщинами, включая Вулф, которая посвятила «Орландо» Вите. В тексте произведения явно слышен голос биографа. Но биограф ли это? Проанализировав различия между биографом, рассказчиком и автором, мы приблизимся к пониманию жанровой принадлежности произведения.

Прежде всего, следует четко разделить понятия «рассказчик», «биограф» и «автор книги», потому что автор Вулф выставляет рассказчика в роли биографа, а он сам не догадывается о том, что его пародируют. Сам себя он воспринимает всерьёз и старается преподнести читателю заведомо ложные факты как существовавшие в действительности. Тем самым подрывается доверие читателя к истинности слова «биография» в названии произведения. Более того, рассказчик придерживается мнения, что рассказ-биография не может существовать без какого-либо действия. Интересно и то, что рассказчик предвзято относится к Орландо-писателю, когда тот становится женщиной: он не считает нужным повествовать о женщине-писателе Орландо. Биограф-рассказчик уводит Орландо от того, что ей действительно нравится делать («это дурацкое писание и думанье» [2, с. 510]), а вместо этого представляет ее в традиционной женской роли. Но Орландо отказывается соответствовать фантазиям биографа. Спародированный Вулф биограф-рассказчик предвзято относится к женщинам, что явно лишает текст истинности биографии.

Жанр биографии традиционно предполагает объективное и непредвзятое повествование. Однако, мужчина биограф-рассказчик определённо приходит в повествование «Орландо» со своей собственной субъективной позицией. Биограф Орландо предпочитает совершенно покинуть предмет своего повествования, как только она начинает себя вести противоположным образом от того, как он себе представлял. Этот конфликт биографа и его субъекта ярко характеризует то, какое влияние на самом деле рассказчик оказывает на «жизнь» Орландо. Рассказчик даёт понять, что читатель знает только то, что ему полагается знать, потому что жизнь Орландо – это всего лишь «незаметная жизнь», подобно тому, как многие женщины были «спрятаны» и невидимы только потому, что биографы-историки не считали их подходящими для жанра жизнеописания. В образе женщины Орландо не только спрятана от истории, но также является мертвой для рассказчика. Отрицание рассказчиком обоснованности роли Орландо как субъекта (из-за её пола) делает невозможным определение текста как биографии. Неоднократно рассказчик возмущается из-за своей позиции биографа Орландо, потому что оказывается, что он функционирует

просто как стенографист, который следует за каждым её движением. Он эффектно отзывается о тексте в третьем лице, как будто ход действия находится вне его контроля. Отсутствие личного местоимения может означать беспомощность рассказчика в разворачивании рассказа. Всё вышеперечисленное приводит нас к выводу, что рассказчик в «Орландо», вопреки своим собственным утверждениям, не является биографом в традиционном понимании этого слова. Вместо этого, он является рассказчиком, который воспринимает себя более серьезно, чем свой субъект повествования, особенно, если его субъект – женщина. Однако, несмотря на то, что рассказчик утверждает, что он всего лишь стенографист, который следует за каждым движением Орландо, читателю становится ясно, что рассказчик является архитектором повествования, который чувствует, что он может манипулировать материалом как ему вздумается, или, по крайней мере, сам рассказчик так думает и обманывает себя и читателя.

В «Орландо» читатель узнаёт о действии через рассказчика, который не хочет признавать или даже не знает, что не только его история является созданием другого, а именно писательницы Вирджинии Вулф, но сам он тоже является вымыслом. Рассказчик в «Орландо» думает, что он создает свой собственный сюжет и свою собственную историю, но у него нет контроля ни над тем, ни над другим, потому что произведение на самом деле написано Вирджинией Вулф. Она создает произведение под названием «Орландо», персонажа Орландо, а также всю последовательность событий в этой истории. Также, она создает и самого рассказчика, которого маскирует под видом биографа-романиста. Но на самом деле под прикрытием действует сама Вулф, и это она контролирует сюжет и рассказывает историю. Таким образом, рассказчик не является биографом, а является частью большой «шутки» Вирджинии Вулф, как сама она отзывалась о своём произведении [7, 185]. Рассказчик, который претендует на роль биографа, является персонажем, которого создала Вулф для того, чтобы высмеять викторианского биографа – человека, который растекается мыслью по древу; которому скучно рассказывать о женщинах; который постоянно жалуется; который отчаянно клянётся спрятать факты, кажущиеся ему неподходящими; и который полон предубеждений по самым проблематичным вопросам.

Претензии биографа-рассказчика на объективность и правдоподобие разоблачаются автором. Рассказчик в произведении на самом деле является романистом, написавшим художественное произведение, несмотря на то, что сам он называет себя биографом. Более того, рассказчик в «Орландо» является персонажем, которого Вулф выставляет биографом, чтобы получить возможность высмеять эту профессию, спародировать типичного викторианского биографа. Это была попытка найти революционный подход к написанию биографии путем высмеивания традиций и условностей, присущих викторианскому жанру биографии.

Таким образом, исходя из того, что романом или биографией

«Орландо» называть некорректно, можно попытаться определить жанр этого произведения как романизированную биографию-пародию. Однако, следует иметь в виду, что сама Вирджиния Вулф вряд ли одобрила бы чёткую классификацию и структурирование в отношении её произведений.

Список использованных источников

1. Аствацатуров А. А. Литературная игра в романе Вирджинии Вулф «Орландо» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.e-reading-lib.org/chapter.php/75964/10/Vulf_-_Orlando.html (дата обращения 13.01.2020).
2. Вулф Вирджиния. «Миссис Дэллоуэй», «На маяк», «Орландо»: романы [пер. с англ. Е. А. Суриц]. Москва: Издательство «Э», 2018. 640 с.
3. Колотов А. А. «По неизгладимым следам истины»: «Орландо» и «Флаш» Вирджинии Вулф [Электронный ресурс] // Филологический сборник: Зарубежные литературы на пороге XXI века. Межвузовский сборник научных трудов. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. С.115–126 .
4. Михальская Н. П. Пути развития английского романа 1920–1930-х годов: Утрата и поиски героя. М., 1966.
5. Beebe J. A Wild-Goose Chase: Humouring the Narrator in Virginia Woolf's *Orlando: a Biography*. [Electronic Resource] // Mode of access: URL: https://www.academia.edu/27052558/A_Wild-Goose_Chase_Humoring_the_Narrator_in_Virginia_Woolfs_Orlando_A_Biography (дата обращения 06.12.2019).
6. Lee H. Virginia Woolf. London, 1996. P. 515.
7. The Diary of Virginia Woolf. Volume III: 1925–1930. L, 1980. P. 185. Запись от 31.05.1928.
8. Woolf V. *Orlando: A Biography*. Wordsworth Classics, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абибуллаева Э. М., студент четвертого курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Артемьева Л. С., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, Нижний Новгород

Асанова Ф. Р., студентка третьего курса кафедры восточной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Ачилова В. П., кандидат філологічних наук, доцент кафедри української філології, факультет слов'янської філології і журналістики, Таврійська академія (сп), Кримський федеральний університет імені В. І. Вернадського, Сімферополь

Ачилова О. Л., кандидат філологічних наук, доцент кафедри міжмовних комунікацій та журналістики, факультет слов'янської філології і журналістики, Таврійська академія (сп), Кримський федеральний університет імені В. І. Вернадського, Сімферополь

Багдасарян Н. В., студент 2 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Базылев В. Н., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой грамматики и истории немецкого языка, Институт иностранных языков им. М. Тореца, Московский государственный лингвистический университет, Москва

Баканова М. В., доцент кафедры перевода и переводоведения, ФГОУ ВО Пензенский государственный университет, Пенза

Бармина Е. А., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Брыгина А. В., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Бубнова А. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород

Винникова Е. И., студент 2 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Воложанина Т. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

Волочкова Д. А., студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Глухенькая Л. Н., аспирант 2 года обучения кафедры русской и зарубежной литературы, Факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

Глухова А. Д., студент четвертого курса Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Горохов А. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры библеистики, Тобольская духовная семинария, Тобольск

Гучмазова Л. В., студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Давыдова Н. А., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Демидова О. Р., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии ЛГУ им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург

Деревянко А. В., студент второго курса магистратуры кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Джапарова Э. К., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, ГБОУ «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», Симферополь

Дрыгина И. В., доцент кафедры лингвистики, теории и практики перевода, кандидат педагогических наук, Институт социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярск

Ермоленко О. В., кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Жданова М. В., кандидат филологических наук, профессор кафедры художественного перевода, Литературный институт им. А.М. Горького, Москва

Жолос Л. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры «Перевод и информационные технологии в лингвистике», Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Зеленцова М. Г., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ибраимова А. Э., магистрант 2 курса обучения кафедры землеведения и геоморфологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ильницкая А. А., студентка первого курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ищенко Д. В., студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Казакова Т. А., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Каримова Л. М., студент четвертого курса факультета славистики, ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», ДНР, Горловка

Карпенко А. В., кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Кириллова О. О., кандидат культурологии, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков, факультет иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва

Коваленко А. Г., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов, Москва

Ковзанович О. В., старший преподаватель кафедры иностранных языков в сфере права, экономики и управления, Институт языка и литературы, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск

Козлова А. Т., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Козлова С. А., студент второго курса кафедры философии, факультета философии, культурологии и искусств, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург

Комарова А. В., студент третьего курса кафедры «Перевод и переводоведение», Пензенский государственный университет, Пенза

Косолапова Т. В., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

Кочурова А. А., студент четвертого курса кафедры перевода и ИТЛ, ИФЖиММК, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Крюкова Е. В., старший преподаватель кафедры европейских языков, Институт лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Кудрина М. Р., студент первого курса кафедры лингвистики, теории и практики перевода, Институт социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярск

Лобанова Н. П., старший преподаватель кафедры иностранных языков в сфере права, экономики и управления, Институт языка и литературы, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск

Лоза А. В., кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры теории языка и немецкого языка, Факультет иностранных языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль

Лукинова М. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Магалайш же Соуза Остапенко С., докторант Университет Порту, кандидат культурологии, Португалия, Порту

Мазина Е. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Макеева Л. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь

Мартынюк Е. Б., старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Мельников М. В., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Ульяновский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина, Ульяновск

Михайлова Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Михайловская М. В., старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Морозова А. В., студент второго курса кафедры философии, факультета философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Морозова М. А., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Ульяновский институт гражданской авиации им. Главного маршала авиации Б. П. Бугаева, Ульяновск

Морус А. С., студент второго курса магистратуры кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Мохи Эдиин Я. Х., студент четвёртого курса филологического факультета направления «Лингвистика», Российский университет дружбы народов, Москва

Мухтарова Э. М., студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Нечипас П. Ю., обучающаяся 4 курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Новикова М. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Норец М. В., заведующий кафедрой теории и практики перевода, доктор филологических наук, Институт иностранной филологии, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Норец Т. М., кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Оберемченко Е. Ю., к. филол. наук, доцент кафедры перевода и ИТЛ, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Осадчая Т. Ю., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания, Гуманитарно-

педагогическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Ялта

Осипова Е. С., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург

Остапенко И. В., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия (СП), Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

Пантыкина Н. И., старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии, филологический факультет, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск

Панычев В. В., студент второго курса кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Пасекова Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Петрова О. В., кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород

Полховская Е. В., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Пороль П. В., аспирант кафедры русской и зарубежной филологии Российского университета дружбы народов, Москва

Радченко Т. А., ассистент кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Резеньков В. Е., студент второго курса кафедры философии, факультета философии, культурологии и искусств, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург

Рябцева В. А., студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Савушкин К. Е., обучающийся 2 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии (сп), ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», Симферополь

Салимова Д. С., студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,

Симферополь

Свербилова А. А., аспирант, Таврическая академия (сп), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь

Сердюк Е. Н., старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь

Сименченко Е. И., студент второго курса кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Скидан О. Г., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Севастополь

Слоистова М. С. (Дроздова), кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Институт иностранных языков, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва

Соина А. С., ассистент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь

Сокол А. А., старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Табакowa У. И., студент второго курса кафедры английской филологии, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

Таирова А. И., студент второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Талашова Н. Г., кандидат филологических наук, ведущий специалист отдела разработки тестовых материалов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Тарнаева Л. П., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Тархова Л. А., кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт социальных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Титова М. Е., педагог иностранных студентов, Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой, Санкт-Петербург; магистрант второго курса, кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский

государственный социально-педагогический университет, Самара

Ускова Б. А., кандидат педагогических наук, доцент кафедры германской филологии, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Екатеринбург

Фомин Э. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары

Фоминых М. В., кандидат педагогических наук, доцент кафедры германской филологии, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Екатеринбург

Харченко М. В., студент третьего курса кафедры теории языка и переводоведения, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

Хитарова Е. Г., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, Краснодар

Хоркина К. Р., студент 2 курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Хрулёва А. А., кандидат педагогических наук, ассистент кафедры иностранной филологии и методики преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Ялта

Чалая Ю. П., кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Чемезова Е. Р., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания Института филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Ялта

Чернышова Т. Г., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 4, Институт иностранной филологии (сп), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Чистова С. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета), Нижний Тагил

Чмыхалова М. А., магистрант второго курса специальности «Перевод в сфере правовой и экономической коммуникации», Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Шабашова В. В., студент магистратуры кафедры технологии и предпринимательства, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет, Краснодар

Шаврова А. В., ассистент кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Шалыга Д. А., старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Шахин А., кандидат филологических наук; доцент кафедры восточной филологии, Таврическая академия (сп), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Шевченко М. С., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону

Шевчук-Черногородова М. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт иностранной филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Шлепнев Д. Н., доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород

Языкова Т. В., аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Яковлева В. В., студент четвёртого курса кафедры теории языка и переводоведения, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

СОДЕРЖАНИЕ

Оглавление

<i>Асанова Ф.Р., Шахин А.</i>	
<i>ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНВЕКТИВ НА ТУРЕЦКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «ВЕДЬМАК»)</i>	3
<i>Ачилова В.П., Ачилова О.Л.</i>	
<i>БЕЗОСОБОВІ РЕЧЕННЯ В ІСТОРИЧНОМУ РОМАНІ ЛІНИ КОСТЕНКО «МАРУСЯ ЧУРАЙ» ТА ЇХНЄ ІНШОМОВНЕ ВІДТВОРЕННЯ</i>	8
<i>Базылев В. Н.</i>	
<i>ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД: ИСКАЖЕНИЕ ЭМОЦИЙ</i>	13
<i>Баканова М. В.</i>	
<i>ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ РУССКИХ ПРОСТОРЕЧИЙ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ</i>	18
<i>Бармина Е. А.</i>	
<i>РЕКЛАМНЫЙ СЛОГАН КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА</i>	22
<i>Брыгина А. В.</i>	
<i>АДАПТАЦИЯ И ПЕРЕВОД: СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ</i>	26
<i>Бубнова А. С.</i>	
<i>ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА: КАК РАСПОЗНАТЬ «ЛОЖНОГО ДРУГА ПЕРЕВОДЧИКА» (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)</i>	30
<i>Винникова Е. И., Пасекова Н.В.</i>	
<i>ФОЛЬКЛОР КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ РОМАНТИЗМА В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ</i>	36
<i>Воложанина Т. С., Харченко М.В.</i>	
<i>ТРУДНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ФИЛЬМА К. ТАРАНТИНО «PULP FICTION»)</i>	41
<i>Воложанина Т. С., Яковлева В.В.</i>	
<i>ОСОБЕННОСТИ И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ УИЛЬЯМА С.БЕРРОУЗА «COLD LOST MARBLES» НА РУССКИЙ ЯЗЫК</i>	46
<i>Воложанина Т. С., Галашова Н.Г.</i>	
<i>ПЕРЕВОД НАУЧНОГО ТЕКСТА ПО ПСИХОЛОГИИ: ЛЕКСИКОГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ</i>	51
<i>Волочкова Д. А.</i>	
<i>О СПЕЦИФИКЕ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ</i>	56
<i>Глухенькая Л. Н.</i>	
<i>ШЕКСПИРОВСКИЙ СОНЕТ В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ («ЭНН ХЭТЭУЭЙ» К.Э. ДАФФИ)</i>	60

Горохов А. А. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БИБЛЕЙСКИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ РЕАЛИЙ С ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.....	65
Давыдова Н. А. ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ КИНОТЕКСТА.....	70
Демидова О. Р. КУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕВОД КАК ПРОСТРАНСТВО ДЕКОНСТРУКЦИИ .	74
Джапарова Э. К. МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПРИРОДЫ В ПОЭЗИИ РОБЕРТА ГРЕЙВСА	80
Дрыгина И. В., Кудрина М. Р. ОШИБКИ В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	85
Ермоленко О. В., Ибраимова А. Э. ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАНАДЫ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГИДРОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ПРОВИНЦИИ АЛЬБЕРТА).....	91
Жданова М. В. СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ ОСНОВАМ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРЕВОДА	97
Жолос Л. М., Чмыхалова М. А. ЮМОР, ИРОНИЯ И САТИРА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	101
Жолос Л. М., Чмыхалова М. А. ON THE PROBLEM OF IRONY. FOREIGN VIEW.....	106
Зеленцова М. Г., Морус А. С. ОСОБЕННОСТИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО И СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА В РАМКАХ КОНФЕРЕНЦ-ПЕРЕВОДА	111
Зеленцова М. Г., Сименченко Е. И. ПЕРЕВОД ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЛЕКСИКИ В МУЗЕЙНОМ ДИСКУРСЕ.....	116
Зеленцова М. Г., Козлова А. Т. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА «НЕПОЛНЫХ» ИЛИ СОКРАЩЕННЫХ ВИДОВ ПЕРЕВОДА	120
Ищенко Д. В. К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ НЕОЛОГИЗМОВ, ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СЛОВ И ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО	125
Казакова Т. А. СКАЗОЧНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА.....	130
Каримова Л. М. К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА КАЛАМБУРОВ В СКАЗКЕ Л. КЭРРОЛЛА «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС»	135

Карпенко А. В. ЛИНГВОДИДАКТИКА И РАСШИРЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА	140
Кириллова О. О. ВАЛЬСИРУЮЩАЯ МАТИЛЬДА ЭТО КТО?.....	145
Коваленко А. Г., Пороль П. В. РЕЦЕПЦИЯ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ К. БАЛЬМОНТА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ИЗ КНИГИ «ШИЦЗИН»)	149
Ковзанович О. В., Лобанова Н. П. УСТНЫЙ ПЕРЕВОД С ЛИСТА КАК ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «ПЕРЕВОДЧИК В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ»	153
Козлова С. А. СПЕЦИФИКА НОВЫХ ФОРМ ПЕРЕВОДА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.	158
Комарова А. В. ПАРЕНТЕЗА В ПУБЛИЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ А. МЕРКЕЛЬ ЗА 2019 ГОД)	163
Косолапова Т. В. АНАЛИЗ ТРУДНОСТЕЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ У СТУДЕНТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.....	168
Оберемченко Е. Ю., Кочурова А. А. АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В НЕМЕЦКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА	172
Крюкова Е. В. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МАКАРОНИЧЕСКОЙ ИГРЫ В ПАЛИМПСЕСТНЫХ ТЕКСТАХ.....	177
Лоза А. В. ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И МЕХАНИЗМ АПРОБАЦИИ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	183
Мазина Е. Н., Абибуллаева Э. М. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИГРОВОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ ПОЛА ОСТЕРА)	188
Макеева Л. Н., Чернышова Т. Г. ОПТИМАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОБУЧЕНИЮ ПЕРЕВОДУ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ С УЧЁТОМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АСПЕКТА	193
Мартынюк Е. Б., Багдасарян Н. В. СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	199
Михайлова Е. В. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОРАНИЧЕСКИХ ПАРЕМИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЙ КОРАНА)...	203

Михайловская М. В.	
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА.....	209
Морозова А. В.	
КУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕВОД КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА.....	214
Морозова М. А., Мельников М. В.	
ОСНОВЫ НАУЧНОГО ПЕРЕВОДА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА.....	218
Мохи Эдин Я. Х.	
ПЕРЕВОДЫ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА АРАБСКИЙ.....	223
Лукинова М. Ю., Мухтарова Э. М.	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ ...	226
Новикова М. А.	
«ДАНТОВСКИЙ» ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ.....	232
Норец М. В., Гучмазова Л. В.	
НАТУРАЛИЗИРУЮЩИЙ И ОТЧУЖДАЮЩИЙ МЕТОДЫ ПЕРЕВОДА НА ПРИМЕРЕ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ КНИГИ АНДРЕАСА ШТАЙНХЁФЕЛЯ «РИКО, ОСКАР И ТЕНИ ТЕМНЕЕ ТЕМНОГО»	238
Норец М. В., Дервянко А. В.	
СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В РОМАНЕ НИЛА СТИВЕНСОНА «АНАФЕМ».....	243
Норец М. В., Салимова Д. С.	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕДИЦИНСКИХ ЭПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ П. УОТТСА «ЭХОПРАКСИЯ» И «ЛОЖНАЯ СЛЕПОТА»)	248
Норец Т. М., Ильницкая А. А.	
СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «КАРЬЕРА» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	252
Норец Т. М., Свербилова А. А.	
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЗВУКОВ-ЭКЗОТИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА ВО ФРАНЦУЗСКОМ.....	258
Оберемченко Е. Ю., Глухова А. Д.	
ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА НА ПРОЦЕСС ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ	263
Осадчая Т. Ю.	
МОДЕЛИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ.....	267
Осипова Е. С.	
BLOG TECHNOLOGY AS A TOOL FOR TEACHING WRITTEN TRANSLATION TO INTERPRETERS IN THE SPHERE OF PROFESSIONAL COMMUNICATION	272

Магалайш же Соуза Остапенко С., Остапенко И. В., Норец М.В. ЖАНРОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ.....	278
Пантыкина Н. И. АУТЕНТИЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	283
Панычев В. В., Пасекова Н. В. СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ХРОНОТОПА В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ XX ВЕКА	287
Пасекова Н. В. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПРИЕМОВ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ЗАПОВЕДНИК»)	292
Петрова О. В. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД ИЛИ ПСЕВДОХУДОЖЕСТВЕННОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ ОРИГИНАЛА?	298
Полховская Е. В., Нечипас П. Ю. ПЕРЕДАЧА ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА ЕЛИЗАВЕТЫ II НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ ПИТЕРА МОРГАНА «АУДИЕНЦИЯ»	303
Резеньков В. Е. ПЕРЕВОД В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	308
Рябцева В. А., Лукинова М. Ю. МЕТАФОРЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. К. РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР»	312
Савушкин К. Е. ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ В РОМАНЕ ТОНИНО БЕНАКВИСТА «MALAVITA» С ФРАНЦУЗСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК	317
Сердюк Е. Н. ХАНТЕР С. ТОМПСОН И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОНЗО-ЖУРНАЛИЗМА	322
Скидан О. Г. РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДАХ СКАЗОК Л. КЭРОЛЛА.....	328
Слоистова (Дроздова) М. С. ENGLISH POSTMODERNIST POETRY TRANSLATION BASED ON BIBLICAL CULTURAL MEMORY.....	333
Соина А. С. ИСТОКИ ЖАНРА ШПИОНСКОГО РОМАНА НА ТЕРРИТОРИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ	338
Сокол А. А. ОБРАЗЫ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» В ПЕРВОМ АМЕРИКАНСКОМ ШПИОНСКОМ РОМАНЕ ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ «АТОМСК» КАРМАЙКЛА СМИТА.....	342

Табакowa У. И., Радченко Т. А. PROBLEMS OF LITERARY TRANSLATION ON THE EXAMPLE OF COLIN BARRETT'S SHORT STORY CLANCY KID	347
Таирова А. И., Лукинова М. Ю. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКИХ ШУТОК)	352
Тарнаева Л. П. ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА ПРИ ПЕРЕВОДЕ	356
Тархова Л. А. ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ НА ОСНОВЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ МАЛОЙ ФОРМЫ.....	361
Титова М. Е. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИИ ГРАНТОВОЙ ПРОГРАММЫ «ЭРАЗМУС+»	366
Фомин Э. В. ПЕРЕВОДЫ В ИХ ОТНОШЕНИИ К НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	371
Фоминых М. В., Ускова Б. А. GAME MODELING IN THE PRACTICE OF TRAINING UNIVERSITY STUDENTS	375
Хитарова Е. Г., Шабашова В. В. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА РОМАНА ДАНИЭЛЯ КЕЛЬМАНА «Ф».....	379
Хоркина К. Р., Зеленцова М. Г. ОСОБЕННОСТИ ОТОБРАЖЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ДЕНЕЖНАЯ ЕДИНИЦА» В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	384
Хрулёва А. А. ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗа	388
Чалая Ю. П. КУЛЬТУРА И ПЕРЕВОД: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ	392
Чемезова Е. Р. ШЕКСПИРОВСКИЙ КОНТЕКСТ РОМАНА М. ЭТВУД «ВЕДЬМИНО ОТРОДЬЕ».....	397
Чистова С. С. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Д. КИЗА «ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК.....	401
Шаврова А. В. ПЕРЕВОД ИДИОМАТИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ ЕДИНИЦ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	406

Шалыга Д. А. К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА КРЫМСКИХ ТОПОНИМОВ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ.....	410
Шевченко М. С. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ МЕТАФОРЫ В ТЕКСТАХ ЖУРНАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ.....	413
Шевчук-Черногородова М. А. О ПЕРЕВОДЕ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ	417
Шлепнев Д. Н. К ВОПРОСУ О КОМПЕТЕНЦИЯХ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПЕРЕВОДА: ПОПЫТКА ОБЩЕЙ МОДЕЛИ (РАМОЧНОЙ КОНСТРУКЦИИ)	422
Шлепнев Д. Н. ОБЩИЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КУРСА «ЮРИДИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД»: КОНТРОЛЬНЫЙ СПИСОК.....	427
Языкова Т. В. К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ «ОРЛАНДО».....	432
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	438

Научное издание

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы IV международной научно-практической конференции

*Симферополь
23 – 25 апреля 2020 года*

Верстка: *М. А. Шевчук-Черногородова*

в авторской редакции

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 26,39. Тираж 100 экз. Заказ № 10А/09.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».

295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».

295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru